М 59/19
кн. 2 1886

ВНУТРЕННІЙ БЫТЪ

РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

съ 17-го октября 1740 г. по 25-е ноября 1741 г.

(1 карт.)

М 59/19

ВНУТРЕННІЙ БЫТЪ
РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

съ 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года,

по

документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЫСШІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

МОСКВА.
Типографія Л. Ѳ Снегирева.
Остоженка, Савел. пер., д. Снегиревой.
1886.

(527)

2007089505

Содержаніе настоящей книги составляетъ систематическое описаніе всего круга высшихъ центральныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ дѣлами имперіи въ 1740 и 1741 годахъ. Описаніе раздѣляется на особыя части, статьи: „Императорскій Кабинетъ“, „Правительствующій Сенатъ“ и „Святѣйшій Синодъ“. Каждая изъ этихъ статей заключаетъ въ себѣ извлеченныя изъ документовъ свѣдѣнія, касающіяся обстановки, устройства, порядка дѣлопроизводства и характера дѣятельности даннаго органа; при этомъ пробѣлы въ оффиціальныхъ записяхъ пополнены, насколько было нужно и возможно, свѣдѣніями, добытыми изъ источниковъ печатныхъ: „Полнаго Собранія Законовъ“, „Исторіи Россіи“ С. Соловьева и др., и каждый болѣе или менѣе серьезный выводъ подкрѣпленъ фактомъ или, для бо́льшей ясности, убѣдительности, цѣлымъ рядомъ фактовъ, относящихся ко времени царствованія Іоанна Антоновича и отчасти къ послѣднимъ годамъ правленія императрицы Анны Іоанновны.

Вошедшія въ эту книгу статьи составлены членами ученой, при Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, коммиссіи, чиновниками этого Архива: *А. С. Пестовымъ* — „Императорскій Кабинетъ“, *В. С. Лазовскимъ* — „Правительствующій Сенатъ“, *А. А. Голубевымъ* — „Историческій очеркъ святѣйшаго Синода“, и *Н. И. Тихомировымъ* — „Святѣйшій Синодъ въ 1740 и 1741 годахъ“.

Въ концѣ книги помѣщены: 1) указатель документам, и другимъ источникамъ, изъ которыхъ извлечены заключающіяся въ означенныхъ статьяхъ свѣдѣнія, 2) алфавитный указатель упоминаемымъ въ этой книгѣ лицамъ, 3) опись сервизамъ, пожалованнымъ кабинетъ-министрамъ при вступленіи принцессы Анны Леопольдовны въ управленіе государствомъ, и 4) снимокъ съ плана Петербурга,—„сочиненаго“ въ 1737 году и отпечатаннаго въ царствованіе Іоанна III-го *).

Редакціей книги завѣдывалъ, подъ наблюденіемъ бывшаго начальника Московскаго Архива Министерства Юстиціи Н. В. Калачова и Директора этого Архива Н. А. Попова, старшій редакторъ настоящаго изданія, членъ-соревнователь Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ — **А. С. Пестовъ**.

---

*) Подлинникъ (печатный экземпляръ, къ сожалѣнію, нѣсколько поврежденный временемъ) хранится въ библіотекѣ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ изданій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. **Императорскій Кабинетъ.** Историческій очеркъ и значеніе. Помѣщеніе и обстановка. Устройство и личный составъ. Кабинетъ-министры.—«Канцелярія Кабинета его императорскаго величества». Канцеляріи-совѣтники. Тайный кабинетъ-секретарь. Кабинетъ-секретари. Камериръ. Переводчики. Подьячіе. Кабинетъ-курьеры и ѣздовые гренадеры. — Придворный рекетмейстеръ. Дѣятельность Кабинета. Участіе Кабинета въ законодательствѣ.—Дѣла о назначеніи на государственныя должности. — Дѣла о наградахъ за службу и о другихъ актахъ высочайшей милости. — Дѣйствія Кабинета въ качествѣ верховнаго контролера и блюстителя закона и государственнаго порядка.—Дѣла чрезвычайныя.—Дѣла церковныя.—Дѣла по вѣдомству Двора.—Дѣла судебныя.—Дѣла военныя.—Дѣла финансовыя.—Дѣйствія Кабинета въ области торгово-промышленной.—Дѣла по народному просвѣщенію.—Дѣла по народному продовольствію и народному здравію.—Дѣла по устройству путей сообщенія и столицъ и мѣры противъ пожаровъ и роскоши.—Дѣйствія Кабинета по дипломатіи. Дѣлопроизводство Кабинета . . . . . 1—136

II. **Правительствующій Сенатъ.** Значеніе Сената. Мѣстонахожденіе и помѣщеніе Сената. Составъ Сената. Сенаторы. — Генералъ-прокуроръ, оберъ-прокуроръ и состоявшіе при нихъ чины. — Составъ канцеляріи Сената. — Составъ Герольдмейстерской конторы. — Составъ Рекетмейстерской конторы. — Составъ Печатной конторы.— Составъ коммиссій при Сенатѣ.—Чины сенатскаго архива.— Низшіе служители при Сенатѣ.—Сенатская типографія.—Школа при Сенатѣ.—Составъ Сенатской конторы. Присутствующіе. Прокуроръ. Экзекуторъ. Канцелярія. Завѣдывающій герольдмейстерскими дѣлами. Завѣдывающій рекетмейстерскими дѣлами. Составъ учрежденій при Сенатской конторѣ: Печатной и Раскольнической конторъ и коммиссіи о подушной и проч. доимкѣ. Чины

архива. Низшіе служители. Типографія при Сенатской конторѣ. Дѣятельность Сената. Участіе въ законодательствѣ.—Сенатъ, какъ судебное учрежденіе.—Участіе Сената въ военныхъ дѣлахъ.—Участіе Сената въ финансовыхъ дѣлахъ.—Дѣйствія Сената въ области торгово-промышленной.—Участіе Сената въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.—Дѣятельность Сената по народному продовольствію, по народному здравію, по устройству путей сообщенія и по возведенію и исправленію казенныхъ и городскихъ зданій.—Дѣйствія Сената по огражденію городовъ отъ пожаровъ, его распоряженія относительно бѣглыхъ и нищихъ и его занятія по выдачѣ паспортовъ.—Участіе Сената въ дѣлахъ церковныхъ.—Участіе Сената въ дѣлахъ по внѣшней политикѣ.—Дѣятельность учрежденій, состоявшихъ при Сенатѣ, въ Петербургѣ. Дѣятельность Герольдмейстерской конторы. Дѣятельность Рекетмейстерской конторы. Дѣятельность Печатной конторы. Предметъ вѣдѣнія «Канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ». Занятія «Коммиссіи о разсмотрѣніи прошлыхъ лѣтъ дѣлъ». Занятія «Коммиссіи сочиненія Уложенія». Занятія «Доимочной коммиссіи». Занятія «Коммиссіи о разсмотрѣніи и учрежденіи объ отдачѣ дворцовыхъ деревень на аренду» и Коммиссіи «сочиненія генеральнаго о числѣ мужеска пола душъ алфабета». Занятія Коммиссіи «сочиненія окладной книги».—Дѣятельность Сенатской конторы и состоявшихъ при ней учрежденій: Герольдмейстерской, Рекетмейстерской, Печатной и Раскольнической конторъ и Коммиссіи о подушной доимкѣ. Дѣлопроизводство въ Сенатѣ . . . . . 137—226

III. **Святѣйшій Синодъ.** Историческій очеркъ. Причины уничтоженія патріаршества и учрежденія соборнаго духовнаго правительства. — Внѣшняя исторія Духовнаго регламента. — Первое засѣданіе Синода. — Мѣсто его между другими органами управленія. — Организація синодскаго управленія: конторы, оберъ-прокуроръ.—Перемѣны въ Синодѣ до 1740 года. Святѣйшій Синодъ 1740—1741 гг. I. Помѣщеніе Синода.—Составъ присутствія.—Оберъ-прокуроръ.—Составъ синодальной канцеляріи.—Синодальные дворяне.—Жалованье.—Форма сношенія Синода съ правительственными органами и дѣлопроизводство.—Синодальныя типографіи. II. Дѣятельность Синода Назначеніе лицъ на мѣста и должности.—Заботы объ устраненіи недостатка священно и церковно-служителей.—Руководство дѣятельностью духовныхъ властей вообще.—Духовное просвѣщеніе.—Расширеніе способовъ для доступа въ монастыри.—Охраненіе правъ духовныхъ властей и лицъ.—Попеченіе о ружникахъ.—Обнародованіе указовъ.—Построеніе церквей.—Благоустроеніе церковныхъ богослуженій.—Церковныя дѣла по Петербургской губерніи.

Стран.

III. Дѣятельность Синода по охраненію догматовъ православной церкви и его попеченіе объ исполненіи православными религіозно-нравственныхъ обязанностей.—Дѣйствія Синода по распространенію православія между иновѣрцами. IV. Управленіе дѣлъ синодальнаго вѣдомства въ Москвѣ. -Московская Синодальная правленія канцелярія: ея помѣщеніе, устройство, дѣлопроизводство и дѣятельность въ царствованіе Іоанна Антоновича . . . . . 227—398

Указатель документамъ и другимъ источникамъ, изъ которыхъ извлечено содержаніе означенныхъ статей . . . . . 399—417

Алфавитный указатель личныхъ именъ . . . . . 418—430

Описи сервизамъ, пожалованнымъ кабинетъ-министрамъ 19-го ноября 1740 года . . . . . 431—432

Планъ Петербурга 1737 года.

ИМПЕРАТОРСКІЙ КАБИНЕТЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ И ЗНАЧЕНІЕ.

Одно изъ важнѣйшихъ установленій перваго императора—Сенатъ едва пережилъ своего творца. Прошелъ лишь годъ со времени смерти Петра, и—происками людей, имѣвшихъ силу въ правленіе императрицы Екатерины I-й—петровскій Сенатъ былъ разрушенъ: все то, что ему придавало значеніе и вѣсъ, что позволяло носить титулъ „правительствующаго", было отнято и передано „вновь изобрѣтенному" *) органу—Верховному Тайному Совѣту. 8-го февраля 1726 года послѣдовалъ именной указъ: „Понеже императоръ Петръ, въ 1711 году, для своихъ частыхъ тогда военныхъ походовъ и отлучекъ, изволилъ опредѣлить правительство Сената въ нѣсколькихъ персонахъ, и было то собраніе сперва, кромѣ тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ и тайныхъ совѣтниковъ, изъ другихъ знатнѣйшихъ и повѣренныхъ персонъ, которые, кромѣ правленія государственныхъ внутреннихъ дѣлъ, никакого другаго дѣла не имѣли и всегда были при своемъ дѣлѣ неотлучны; а тайные дѣйствительные совѣтники бывали тогда въ походахъ за его жъ величествомъ, а въ нынѣшнемъ сенатскомъ собраніи почитай всѣ тайные дѣйствительные совѣтники. И хотя то учинено по его жъ, императора, указу, однакожъ съ ними въ Сенатѣ опредѣлилъ сидѣть изъ другихъ чиновъ, а именно: по двѣ персоны изъ генералъ-маіоровъ, съ перемѣною погодно. А понеже усмотрѣли мы, что тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникамъ и кромѣ сенатскаго правленія есть не малый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ, по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ (двухъ военныхъ и политической), отъ чего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ, въ тайномъ совѣтѣ, не малое имъ чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ остановка и продолженіе, отъ того, что они за многодѣльствомъ не могутъ вскорѣ чинить резолюціи на государственныя внутреннія дѣла. Того для за благо мы разсудили и повелѣли съ

*) См. манифестъ императрицы Елизаветы, 12-го декабря 1741 г. Полн. Собр Зак. № 8480.

нынѣшняго времени, при Дворѣ нашемъ, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, учредить Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ мы будемъ сами присутствовать. Въ томъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ быть при насъ изъ первыхъ сенаторовъ, а вмѣсто ихъ въ Сенатъ выбраны будутъ другіе, которые всегда при одномъ сенатскомъ правленіи будутъ. Быть въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ: генералъ-фельдмаршалу князю Меншикову, генералъ-адмиралу графу Апраксину, государственному канцлеру графу Головкину, графу Толстому, князю Голицыну и вице-канцлеру барону Остерману". Въ тоже время, именнымъ указомъ 14-го марта 1726 г., повелѣно Сенатъ, какъ потерявшій право участія въ управленіи государствомъ, титуловать не „правительствующимъ", а „высокимъ".

„Изобрѣтенный" и дѣйствовавшій при Екатеринѣ I-й Верховный Тайный Совѣтъ продолжалъ дѣйствовать, безъ всякихъ перемѣнъ, и въ царствованіе преемника Екатерины—несовершеннолѣтняго императора Петра Алексѣевича. По кончинѣ Петра II-го, престолъ нѣкоторое время (около мѣсяца) оставался незанятымъ, и управленіе государствомъ всецѣло перешло къ Верховному Тайному Совѣту, что продолжалось до февраля 1730 г., когда верховниками избрана была на царство герцогиня Курляндская Анна Іоанновна.

Избранная императрица, вступивъ на престолъ и уничтоживъ актъ, которымъ верховники ограничили ея самодержавную власть, немедленно упразднила Верховный Тайный Совѣтъ и возстановила Сенатъ „на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ при Петрѣ Великомъ былъ", причемъ возвратила ему и титулъ „правительствующаго". Однако, новый порядокъ не удержался. Въ концѣ слѣдующаго года императрица, по совѣту Остермана, взамѣнъ только-что упраздненнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, заблагоразсудила учредить Императорскій Кабинетъ. Вотъ что разсказываетъ объ учрежденіи этого органа фельдмаршалъ Минихъ въ своихъ запискахъ: „...Остерманъ просилъ меня (Миниха) предложить ея величеству (императрицѣ Аннѣ) образовать Кабинетъ для завѣдыванія важнѣйшими государственными дѣлами, который объявлялъ бы указы или повелѣнія ея величества Сенату и другимъ присутственнымъ мѣстамъ, помѣстивъ въ оный Кабинетъ съ Остерманомъ одного только князя А. М. Черкасскаго, которымъ Остерманъ надѣялся управлять. Я исполнилъ это порученіе; императрица согласилась". Проектъ перешелъ въ дѣло въ ноябрѣ 1731 года. 10-го ноября императрица объявила Сенату: „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, заблагоразсудили (мы) учредить при Дворѣ нашемъ Кабинетъ". Въ составъ новообразованнаго органа назначены были: канцлеръ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, вице-канцлеръ графъ А. И.

Остерманъ и князь А. М. Черкасскій. Съ учрежденіемъ Кабинета Сенатъ былъ опять отодвинутъ на второй планъ, съ сохраненіемъ, впрочемъ, титула „правительствующаго". Такимъ образомъ, Верховный Тайный Совѣтъ явился снова, лишь подъ другимъ названіемъ и съ другимъ персоналомъ; по словамъ манифеста 12-го декабря 1741 г., „Кабинетъ сочиненъ въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ, и только имя перемѣнено".

Переименованный органъ просуществовалъ, безъ коренныхъ измѣненій, въ царствованія императрицы Анны и ея внука Іоанна Антоновича и упраздненъ вскорѣ по воцареніи императрицы Елизаветы. Вотъ слова манифеста 12-го декабря 1741 г. объ упраздненіи Кабинета и установленіи новаго порядка высшаго управленія. „Повелѣваемъ, къ отвращенію бывшихъ до сего времени непорядковъ въ правленіи государства внутреннихъ всякаго званія дѣлъ, слѣдующее: правительствующій нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежде бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ, на основаніи, учиненномъ отъ нашего государя отца, блаженной памяти, Петра Великаго, указами его... Для управленія иностранныхъ государства нашего дѣлъ соизволяемъ быть кн. А. Черкасскому и дѣйств. тайн. совѣтнику А. Бестужеву-Рюмину *), котораго мы всемилостивѣйше жалуемъ вице-канцлеромъ, и тайному совѣтнику фонъ-Бреверну быть въ прежней должности при тѣхъ же иностранныхъ дѣлахъ; а когда случится какое важное дѣло, и въ такомъ случаѣ соизволяемъ по иностраннымъ дѣламъ въ конференціяхъ съ ними присутствовать адмиралу графу Головкину и оберъ-шталмейстеру кн. Куракину, и съ общаго согласія мнѣніе свое имъ доносить намъ на апробацію нашу... Кабинетъ, бывшій до сего времени, отставить, а вмѣсто того соизволяемъ имѣть при Дворѣ нашемъ Кабинетъ въ такой силѣ, какъ былъ при государѣ Петрѣ Великомъ" **).

Обращаясь къ описанію Императорскаго Кабинета въ царствованіе Іоанна III-го, прежде всего считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о фактическомъ значеніи этого органа въ данное время.

Хотя въ царствованіе младенца-императора значеніе Кабинета юридически оставалось такимъ же, какъ и въ предшествовавшее правленіе, но въ дѣйствительности оно было иное. Облеченный обширною властью, какъ непосредственный органъ главы государства, Кабинетъ при императрицѣ Аннѣ въ дѣйствіяхъ своихъ, приводившихъ въ исполненіе волю государыни, подлежалъ ея личному контролю; въ послѣдующее

---

*) Сенаторамъ.

**) Кабинетъ при Петрѣ Великомъ имѣлъ значеніе собственной его величества канцеляріи—учрежденія «для комнатныхъ письменныхъ дѣлъ».

же царствованіе, за исключеніемъ времени регентства Бирона, благодаря личнымъ качествамъ правительницы Анны Леопольдовны, — женщины лишенной знанія и дѣловой опытности, слабой и не энергичной,—Кабинетъ, естественно, долженъ былъ измѣниться, и въ самомъ дѣлѣ измѣнился въ своемъ положеніи—изъ органа служебнаго, подконтрольнаго, обратился въ дѣйствительнаго, безконтрольнаго правителя имперіи, прикрытаго именемъ императора и правительницы. Мало того, Кабинетъ измѣнился и въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Подпавъ подъ исключительное вліяніе одного изъ кабинетъ-министровъ, графа Остермана — даровитаго, образованнаго и опытнаго дѣльца, онъ, оставаясь формально учрежденіемъ коллегіальнымъ, потерялъ значеніе коллегіи и сталъ органомъ единоличнымъ. Такимъ образомъ, въ царствованіе Іоанна Антоновича Кабинетъ,—или, вѣрнѣе, его глава—Остерманъ,—фактически имѣлъ значеніе полновластнаго хозяина, стоявшаго внѣ контроля сверху и сдерживаемаго развѣ только надзоромъ неоффиціальнымъ, негласнымъ, надзоромъ партіи обойденной наслѣдницы престола—цесаревны Елизаветы Петровны [1]).

ПОМѢЩЕНІЕ И ОБСТАНОВКА.

Кабинетъ помѣщался въ петербургскомъ Новомъ Зимнемъ дворцѣ, въ среднемъ „аппартаментѣ“ (этажѣ) той части его, которая обращена была къ Адмиралтейству [2]). Помѣщеніе состояло изъ „министерской“ и „покоевъ“: одного для совѣтниковъ, двухъ для секретарей, камерира и переводчиковъ и нѣсколькихъ, „которые первые отъ крыльца“ (вѣроятно, для низшихъ чиновъ). Въ апрѣлѣ 1741 г. все помѣщеніе было отдѣлано вновь, и при томъ съ подобающею „Кабинету его величества“ роскошью: министерская „убрана“ обоями штофными голубыми, покой для совѣтниковъ—штофными пунцовыми съ бѣлымъ, остальные покои—обоями извѣстной фабрики Затрапезнаго [3]). Безъ сомнѣнія, и прочее убранство комнатъ Кабинета соотвѣтствовало роскошному стѣнному убору; но, къ сожалѣнію, подробныхъ записей объ этомъ убранствѣ не сохранилось, и мы можемъ привести лишь слѣдующія немногія свѣдѣнія. Во время траура по императрицѣ Аннѣ, съ 18-го октября 1740 по 26 іюля 1741 года, столы (четыре) покрыты были чернымъ сукномъ, стулья же обтянуты черною фланелью [4]). На столахъ находились чернильницы съ приборами: „большая гладкая, на ножкахъ, съ поддономъ, на которомъ двѣ чернильницы и двѣ песочницы, да колокольчикъ; гладкая, на ножкахъ, съ поддономъ, на которомъ чернильница и песочница, да колокольчикъ съ поддономъ; рѣзная, на ножкахъ, съ поддономъ, на которомъ чернильница и песочница, да колокольчикъ съ поддономъ“. Въ помѣщеніи Кабинета хранились „принесенные въ 1734 году (по упраздненіи гетманскаго правленія) въ Кабинетъ генераломъ княземъ Шаховскимъ малороссійскіе гетманскіе

клейноды: одна булава серебряная вызолоченная, другая рѣзная серебряная семигранная, на деревцѣ, съ наконечникомъ серебрянымъ же, да бунчукъ серебряный вызолоченный, который сдѣланъ на подобіе булавы, а на верху онаго колечко золоченое жъ, въ томъ бунчукѣ утвержденъ конецъ бѣлый хвостъ, и убраны разными золотыми и серебряными парчами, а на верху оныхъ сѣтка серебряная". По послѣднимъ словамъ описанія клейнодовъ, можно думать, что эти цѣнные и красивые знаки гетманскаго достоинства составляли уборъ помѣщенія Кабинета, можетъ быть, „министерской" [5]).

УСТРОЙСТВО И ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Въ составъ Кабинета, какъ учрежденія, входили кабинетъ-министры и канцелярія. Кромѣ того, нѣкоторое время, при Кабинетѣ состоялъ придворный рекетмейстеръ.

Кабинетъ-министры.

Кабинетъ-министры, или, какъ они преимущественно назывались въ то время, „господа кабинетные министры", составляли собственно Кабинетъ—постоянное совѣщательное собраніе, „его императорскаго величества консиліи".

При воцареніи Іоанна Антоновича, въ составѣ Кабинета находились: дѣйствительные тайные совѣтники и кавалеры: графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, „его свѣтлость" князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и Алексѣй Петровичъ Бестужевъ Рюминъ [6]). Послѣ переворота 8-го ноября 1740 г., когда свергнутъ былъ регентъ Бирона, составъ Кабинета измѣнился. Вмѣстѣ съ временщикомъ арестованъ былъ и его приверженецъ—кабинетъ-министръ Бестужевъ Рюминъ *). Новое

---

*) Какъ государственный преступникъ, Бестужевъ-Рюминъ, вмѣстѣ съ Бирономъ и причастными дѣлу Бирона лицами, былъ судимъ особою «генералитетскою» коммиссіею и присужденъ къ смертной казни; но высочайшею властью приговоръ коммиссіи былъ смягченъ: казнь замѣнена лишеніемъ чиновъ и ссылкою на житье въ деревни. 21-го мая 1741 г. послѣдовалъ именной, за рукою правительницы, указъ Сенату: «Хотя бывшій кабинетный министръ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, какъ изъ слѣдствія учрежденной генералитетской коммиссіи оказалось, приличился противу насъ самихъ и любезнѣйшихъ нашихъ государей родителей, такожъ и государства нашего въ зломъ умышленіи, за которыя преступленія, по суду той коммиссіи, осужденъ казнить смертію—четвертовать, чему онъ, по нашимъ государственнымъ правамъ, весьма достоинъ, однакожъ мы, въ разсужденіи того, что онъ, Бестужевъ, самъ добровольно во всемъ томъ признался и повинился, изъ единаго нашего высочайшаго милосердія, указали его, Бестужева-Рюмина, отъ смертной казни освободить, а вмѣсто того, по отнятіи всѣхъ у него чиновъ, сослать его въ деревни и велѣть ему жить безъ выѣзда. Но понеже онъ, Бестужевъ, имѣетъ жену и дѣтей, до которыхъ по оному слѣдствію ничего не явилось, а до сего времени же-

правительство образовало и новый составъ Кабинета, сообразно съ видами восторжествовавшей партіи. Виновникъ переворота, генералъ-фельдмаршалъ графъ Христоферъ Миних, назначенъ „первымъ министромъ въ его императорскаго величества конселіяхъ“, гр. Остерманъ и кн. Черкасскій остались на своихъ мѣстахъ и прибавленъ еще одинъ кабинетъ-министръ, дѣйств. тайн. совѣтникъ и кавалеръ графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены новообразованнаго Кабинета пожалованы были: кн. Черкасскій „чиномъ великаго канцлера“, гр. Головкинъ—вице-канцлера, гр. Остерманъ—генералъ-

стокій арестъ они претерпѣли, того ради всемилостивѣйше пожаловали мы оными женѣ его и дѣтямъ, собственно на пропитаніе, оставшія за раздачею приписныя, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ Троицкой, въ Вадбальской и въ Вандопольской волостяхъ, по генералитетской переписи мужеска пола 372 души со всѣми принадлежностьми, а сверхъ того и конфискованныя какъ его, Бестужева, собственныя, такъ и оной жены его приданыя движимыя имѣнія возвратить женѣ жъ его и дѣтямъ всѣ безъ остатка, да на проѣздъ и пропитаніе ему, Бестужеву, и женѣ его и дѣтямъ 500 рублевъ, и о тѣхъ ихъ имѣніяхъ, такожъ и о выдачѣ имъ означеннаго числа душъ, куда надлежало, изъ Кабинета нашего указъ посланъ; а объ отдачѣ женѣ его, Бестужева, и дѣтямъ выпребъявленныхъ бѣлозерскихъ деревень въ вѣчное и потомственное владѣніе потребное опредѣленіе учинить нашему Сенату, не имая съ нихъ за то указныхъ пошлинъ; такожъ и къ бѣлозерскому воеводѣ послать изъ Сената указъ, чтобъ когда оный Бестужевъ въ помянутыя деревни привезенъ будетъ, чтобъ какъ оный, такъ и по немъ будущіе воеводы за нимъ, Бестужевымъ, надсматривали, дабы онъ жилъ смирно и былъ въ тѣхъ деревняхъ безотлучно, и ничего бъ не вчинялъ, и дальней корреспонденціи ни съ кѣмъ не имѣлъ, и о томъ рапортовать въ Кабинетъ по полугоду» Повелѣніе это впослѣдствіи было частью измѣнено. 27-го іюля Сенатъ получилъ сообщеніе Кабинета, въ которомъ говорилось, что «....понеже Бестужевъ просилъ, чтобъ ему позволено было жить въ деревняхъ отца его, гдѣ имѣется помѣщичій домъ, которыя разстояніемъ отъ пожалованныхъ женѣ и дѣтямъ его деревень въ 60 верстахъ, ибо въ тѣхъ пожалованныхъ деревняхъ никакого помѣщичья строенія не имѣется и жить негдѣ, по которому его прошенію сего іюля 4-го дня именнымъ его императорскаго величества высочайшимъ указомъ ему, Бестужеву, въ деревняхъ отца своего жить всемилостивѣйше позволено до тѣхъ мѣстъ, пока въ пожалованныхъ женѣ и дѣтямъ его деревняхъ домъ для житья построенъ будетъ, который для того ему велѣть построить безъ дальняго упущенія времени, и отправить его, Бестужева, въ деревни нынѣ безъ замедленія..., и по тому его императорскаго величества указу отъ Кабинета обрѣтающемуся при немъ, Бестужевѣ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану-поручику Чирикову приказано, чтобъ онъ для отвоза его, Бестужева, съ женою и дѣтьми въ помянутыя отцовскія его деревни, о которыхъ онъ, Чириковъ, показалъ, что имѣются въ Пошехонскомъ уѣздѣ, ѣхалъ съ нимъ немедленно; того ради надлежитъ изъ правъ. Сената къ бѣлозерскому и пошехонскому воеводамъ послать указы, чтобъ какъ они, такъ и по нихъ будущіе воеводы за нимъ, Бестужевымъ, надсматривали (по силѣ вышеприведеннаго именнаго указа 21 го мая) и при томъ велѣть имъ ему, Бестужеву, подтвердить, чтобъ онъ въ пожалованныхъ женѣ и дѣтямъ его деревняхъ для житья себѣ домъ построилъ безъ дальняго упущенія времени». До отъѣзда въ ссылку Бестужевъ находился подъ строгимъ надзоромъ и подъ контролемъ самаго Кабинета. Въ концѣ мая данъ былъ упоминаемому выше капитанъ-поручику «приказъ кабинетныхъ министровъ»: «Письма

адмирала [8]) *). Однако, такой составъ Кабинета удержался не долго. Занявъ постъ перваго министра, престарѣлый Минихъ вскорѣ сталъ тяготиться своимъ новымъ положеніемъ, ему было не подъ силу исполнять одновременно свои обязанности по Кабинету и по другимъ возложеннымъ на него должностямъ (президента Военной коллегіи, начальника арміи и корпусовъ: кадетскаго, инженернаго и ландмилицкаго украинскаго и управляющаго работами по устройству Ладожскаго канала). Особенно затрудняло его президентство въ Военной коллегіи. Въ концѣ декабря 1740 г. онъ подалъ на высочайшее имя докладъ: „По высочайшему вашего императорскаго величества соизволенію, нахожусь я нынѣ первымъ министромъ, почему долженъ безпрестанно присутствовать вашего величества въ Кабинетѣ, а жъ имѣю въ вѣдѣніи своемъ и другіе департаменты, и въ Военной коллегіи президентомъ. А понеже по оной

и всякія записки, что до собственныхъ его, Бестужева, нужд принадлежитъ, писать на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ при опредѣленномъ къ нему, Бестужеву, офицерѣ позволить, токмо что писано будетъ, оное бъ тотъ офицеръ видѣлъ, и которое куда надлежитъ отправить, то для отправленія отдавать оному жъ офицеру, которому оныя, прежде отправленія, объявлять въ Кабинетѣ. И понеже тотъ офицеръ нѣмецкому языку недостаточенъ, того ради, пока оный Бестужевъ въ Вологодской Ямской слободѣ (близъ Петербурга) пробудетъ, опредѣлить со онымъ офицеромъ быть при немъ, Бестужевѣ, Академіи Наукъ секретари Волчкова, который можетъ, свидѣтельствуя писанныя имъ, Бестужевымъ, и женою его по нѣмецки письма, что въ нихъ будетъ написано, объявлять тому офицеру; и, сверхъ того, кто къ нимъ, Бестужеву и женѣ его, будутъ приходить и по-нѣмецки съ ними говорить, при томъ оному жъ Волчкову, обще съ тѣмъ офицеромъ, быть и происходящіе между ними разговоры примѣчать, и что важности будетъ касаться, оное имъ говорить воспрещать. Ежели жъ что изъ писемъ его, Бестужева, или жены его усмотрѣно будетъ важности подлежащее, о томъ оному офицеру доносить въ Кабинетѣ. Такимъ же образомъ и бывшаго при немъ, Бестужевѣ, секретаря Бремера къ нимъ допускать и съ ними ему при оныхъ офицерѣ и секретарѣ Волчковѣ говорить позволить» [7]).

*) Лица, принимавшія прямое или косвенное участіе въ переворотѣ 8-го ноября, были щедро награждены. Приводимъ свѣдѣнія о наградахъ, полученныхъ членами Кабинета, сверхъ упомянутыхъ. Минихъ получилъ: въ ноябрѣ 1740 г., «за его оказанныя къ его императорскому величеству и отечеству ревностныя и знатныя службы, а особливо при послѣднемъ нынѣшнемъ случаѣ (8-го ноября), не щадя живота своего», 100.000 руб. и серебряный сервизъ, «изъ имѣющихся при Дворѣ его императорскаго величества, аугсбургской работы», вѣсомъ 21 п. слишкомъ; въ январѣ слѣдующаго года, по именному указу 19-го числа,—«за его императорскому дому и государству службы, въ собственное и вѣчно-потомственное совершенное владѣніе, лежащій въ Шлезіи, у бывшаго здѣшняго регента и герцога курляндскаго въ поссессіи имѣвшійся, вольный standes-герштафтъ Вартенбергъ со всѣми къ оному принадлежностями и онымъ бывшимъ регентомъ прикупленными маетностями». Остерманъ и Черкасскій, въ ноябрѣ 1740 г., «за ихъ оказанныя къ его императорскому величеству и отечеству вѣрныя и ревностныя службы», серебряные сервизы, изъ выписанныхъ ко Двору, первый—чеканной работы, вѣсомъ 15 п., второй—гладкой работы, вѣсомъ 14 п.; цѣнностью оба сервиза въ 25.586 р. [9]). Описи сервизамъ, пожалованнымъ Миниху, Остерману и Черкасскому, помѣщаемъ въ приложеніи.

Военной коллегіи происходитъ теченіе дѣлъ зѣло не мало, мнѣ же, за вышеписанными обстоятельствы, безпрестаннаго присутствія въ оной имѣть время не допустить, и для того необходимо потребно быть въ оной коллегіи вице-президенту". Представленіе было утверждено [10]). Но этимъ облегченіемъ Минихъ не ограничился и, въ январѣ 1741 г., всеподданнѣйше просилъ назначить къ нему для иностранной корреспонденціи переводчиковъ. И эта просьба была удовлетворена. 12-го января послѣдовалъ именной указъ: при первомъ министрѣ Минихѣ для иностранной корреспонденціи быть „искуснымъ французскаго и нѣмецкаго языковъ: для французскаго счисляющемуся при арміи генералъ-квартирмейстеру-лейтенанту Дебодану, для нѣмецкаго—совѣтнику Эмме, которые оба состоятъ нынѣ въ рангѣ полковничьемъ, съ производствомъ, по ихъ достоинству, въ чинъ статскихъ совѣтниковъ, и о полученіи имъ жалованья—Дебодану положенное на генералъ-квартирмейстера-лейтенанта изъ воинской суммы, а Эмме, по прежнему совѣтничью рангу, изъ того мѣста, откуда нынѣ получалъ (Коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ); а сверхъ того, для ихъ излишняго при сей иностранной корреспонденціи труда, о прибавкѣ каждому на годъ по 300 руб., которые имъ давать изъ Иностранной коллегіи" [11]).

Трудно было старому Миниху справляться съ многочисленными его обязанностями, но труднѣе—ладить съ честолюбивымъ членомъ Кабинета Остерманомъ, не думавшемъ уступать свое главенство въ Кабинетѣ оффиціальному премьеру. Борьба двухъ честолюбцевъ кончилась побѣдой болѣе сильнаго,—побѣдой опытнаго дѣльца и тонкаго дипломата Остермана. Искусной интригой, Остерману удалось отстранить перваго министра отъ участія въ дѣлахъ болѣе важныхъ, и, главное—по внѣшней политикѣ. Не желая занимать второстепенное положеніе, оскорбленный Минихъ рѣшился просить объ увольненіи его отъ всѣхъ дѣлъ. Отставка была дана, и 3-го марта 1741 г., на имя генералиссимуса, герцога Антона Ульриха, послѣдовалъ именной указъ: „Всемилостивѣйше указали мы нашего перваго министра и генерала-фельдмаршала графа Миниха, что онъ самъ насъ проситъ, за старостью и что въ болѣзняхъ находится, отъ воинскихъ и статскихъ дѣлъ увольнить. И нашему генералиссимусу учинить о томъ по сему нашему указу". Генералиссимусъ сообщилъ это повелѣніе Сенату съ приказаніемъ публиковать его „во всенародное извѣстіе". Публикаціей поспѣшили. На слѣдующій же день, 4-го марта, указъ, съ апробаціи Кабинета, былъ уже напечатанъ при Сенатѣ и разосланъ во всѣ учрежденія имперіи для свѣдѣнія и распубликованія, а также обнародованъ въ Петербургѣ. Но черезъ день, 6-го марта, это безтактное распоряженіе герцога было Кабинетомъ измѣнено: велѣно указъ оставить въ учрежденіяхъ только „для вѣдома, а въ народъ не публиковать" [12]). Послѣ увольненія Миниха, Остерманъ, Черкасскій и Головкинъ продолжали составлять Кабинетъ до конца царствованія Іоанна Антоновича [13]).

Кабинетъ-министры, какъ высшіе сановники имперіи, „жаловались“ (назначались) и увольнялись именными высочайшими указами за собственноручною подписью императрицы, а затѣмъ—правительницы. По назначеніи на должность, они получали на „чинъ“ кабинетъ-министра „патентъ“. Такъ 12-го января 1741 г. членъ Кабинета графъ Минихъ подалъ на имя императора докладъ, которымъ просилъ „пожаловать“ ему „на чинъ перваго министра патентъ“. Того же числа, вслѣдствіе указа правительницы о выдачѣ просимаго документа, кабинетъ-министры (Минихъ и Головкинъ) приказали: „сочиненіе“ патента поручить Иностранной коллегіи [14]). Жалованья члены Кабинета получали, въ годъ: Минихъ 5000 руб., сверхъ генералъ-фельдмаршальскаго оклада; Остерманъ окладнаго, по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта 15-го мая 1727 г., 6000 руб. и добавочнаго, по именному указу 7-го марта 1740 г., 5000 руб.; Черкасскій и Головкинъ окладнаго, по указамъ: первый именному 11-го марта 1737 г., второй—объявленному Сенатомъ 1-го февраля 1741 г., по 6000 р. Деньги на жалованье отпускались, по третямъ, Петербургскою рентереею, по ассигновкамъ Статсъ-конторы. Добавочное содержаніе Остерману выдавалось Соляною конторою, изъ „соляныхъ доходовъ“ [15]).

„*Канцелярія Кабинета его императорскаго величества*“.

Исполнительная часть дѣлопроизводства Кабинета лежала на обязанности канцеляріи, раздѣлявшейся, по именному указу 21-го сентября 1739 г., на экспедиціи, изъ которыхъ упоминаются внутренняя, иностранная и секретная [16]). Канцелярію составляли: канцеляріи-совѣтники, тайный кабинетъ-секретарь, кабинетъ-секретари, камериръ, переводчики и подьячіе. При канцеляріи находились кабинетъ-курьеры и ѣздовые гренадеры.

Канцеляріи-совѣтники. Въ этой должности состояли тайный совѣтникъ и кавалеръ фонъ-Бревернъ и статскій совѣтникъ Иванъ Юрьевъ. Опредѣлены они въ Кабинетъ еще въ 1735 году, первый изъ оберъ-секретарей, второй изъ секретарей Иностранной коллегіи, прямо въ канцеляріи-совѣтники, къ „отправленію иностранныхъ дѣлъ“. Въ описываемое время оба находились въ иностранной экспедиціи. Бревернъ, кромѣ того, съ 23-го апрѣля 1740 г. по апрѣль 1741 г., занималъ должность президента Академіи Наукъ. Жалованья они получали, въ годъ: Бревернъ до апрѣля 1741 г. „за труды при Кабинетѣ“ (сверхъ президентскаго—3000 руб.) 2000 руб., а затѣмъ, по увольненіи отъ президентства, всего 4000 руб.; Юрьевъ, по именному указу, объявленному Сенатомъ 21-го іюня 1736 г., 1500 р. Въ августѣ 1741 г. Бревернъ „за его оказанныя вѣрныя службы, на оплату долговъ его, въ награжденіе“ получилъ 6000 р. Кромѣ Бреверна и

Юрьева, въ кабинетской канцеляріи были еще совѣтники, состоявшіе въ „секретной экспедиціи“, но имена ихъ неизвѣстны [17]).

Тайный кабинетъ-секретарь. Должность эту въ царствованіе императрицы Анны занимали Иванъ Черкасовъ, а затѣмъ извѣстный Иванъ Эйхлеръ. О Черкасовѣ документы только упоминаютъ. „Господинъ тайный кабинетъ-секретарь“ Эйхлеръ исполнялъ обязанности личнаго секретаря императрицы. Онъ (хотя и не всегда) докладывалъ ей по вступившимъ на высочайшее имя челобитнымъ и доношеніямъ и объявлялъ въ Кабинетѣ словесныя высочайшія резолюціи и приказанія кабинетъ-министрамъ. Какъ извѣстно, Эйхлеръ, по дѣлу кабинетъ-министра Волынскаго, былъ судимъ, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь на каторгу [18]). Съ конца апрѣля 1740 г., когда Эйхлеръ былъ арестованъ, и до упраздненія Кабинета должность тайнаго кабинетъ-секретаря оставалась незанятой *).

Кабинетъ-секретари. Штатомъ 1736 г. въ канцеляріи Кабинета полагался одинъ кабинетъ-секретарь, съ годовымъ жалованьемъ 1200 руб. Въ 1739 г. эту должность занималъ Андрей Яковлевъ; но въ сентябрѣ, за непорядки, онъ былъ уволенъ и „для порядочнаго исправленія въ Кабинетѣ дѣлъ“ опредѣлены два секретаря: ассесоръ Соляной конторы Балбековъ и секретарь сенатской канцеляріи Бахиревъ. Въ началѣ слѣдующаго года къ нимъ присоединенъ прежній секретарь—Яковлевъ. Въ описываемое время кабинетъ-секретарей было также трое: Яковлевъ (до января 1741 г.), Бахиревъ и Пуговишниковъ. Первый состоялъ уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получалъ жалованья 1500 р. въ годъ **) [20]).

Камеиръ, бухгалтеръ-казначей, Пташковъ. Жалованья получалъ 600 руб. въ годъ. При немъ состоялъ подканцелярист [21]).

---

*) Упоминается «тайный секретарь правительницы» — Гешингеръ; но былъ ли онъ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ или только личнымъ принцессы Анны Леопольдовны — неизвѣстно. Въ ноябрѣ 1740 г., именнымъ указомъ, ему назначено было жалованья по 1500 р. въ годъ «да за понесенные имъ убытки съ отрѣшенія его отъ Двора понынѣ, которое время содержалъ онъ себя на своемъ пропитаніи безъ жалованья, отъ чего пришелъ въ несостояніе, въ награжденіе 2000 руб.» [19]).

**) Не безъинтересна біографія кабинетъ-секретаря Яковлева, принадлежавшаго къ партіи противной Бирону и принимавшаго участіе въ заговорѣ 1740 г. противъ временщика. Яковлевъ опредѣленъ былъ въ кабинетъ-секретари изъ секретарей Военной коллегіи. Осенью 1739 г., по именному указу, «за непорядочные въ дѣлахъ поступки» онъ былъ «отъ Кабинета отрѣшенъ» и опредѣленъ, по прежнему въ Военную коллегію секретаремъ. Но въ началѣ слѣдующаго года бывшаго непорядочнаго кабинетъ-секретаря нашли возможнымъ снова опредѣлить въ Кабинетъ наградивъ притомъ рангомъ статскаго совѣтника и увеличеніемъ оклада (1500 р.) Однако, награда не подѣйствовала. Въ октябрѣ 1740 г. составился заговоръ свергнуть Бирона-регента, и Яковлевъ примкнулъ къ этому дѣлу. Заговоръ не удался Заговорщики, въ томъ числѣ и несчастный кабинетъ-секретарь, привлечены были къ жестокому розыску въ Тайной канцеляріи. Переворотъ 8-го ноября спасъ Яковлева съ товарищами. Новою правительницею онъ, какъ «неповинно страдавшій»

Переводчики. Дипломатическія сношенія съ иноземными государствами доставляли кабинетской канцеляріи много работы по переводу съ русскаго языка на французскій, нѣмецкій, польскій и латинскій языки, и обратно. Штатныхъ переводчиковъ при Кабинетѣ не было, брались же они, сколько и когда требовалось, обыкновенно изъ Иностранной коллегіи, иногда же изъ другихъ учрежденій. Въ 1741 году въ „иностранной экспедиціи“ канцеляріи Кабинета „употреблялись“ (для перевода, вѣроятно) Коллегіи иностранныхъ дѣлъ секретари: Семеновъ, Томаповскій, Шевіусъ, Мальцовъ и Поздняковъ и протоколистъ Петровъ. Въ маѣ этого года они, именнымъ указомъ, произведены были, „за долговременныя ихъ службы и ихъ при Кабинетѣ употребленіе“, въ маіорскій рангъ, безъ вычета изъ жалованья за повышеніе. Содержаніе они получали, по ихъ должностямъ, отъ Иностранной коллегіи.

Выборъ переводчиковъ для Кабинета производился съ крайнею осмотрительностью: ставилось непремѣннымъ условіемъ ихъ безупречное поведеніе и „вѣрность“, такъ какъ имъ поручались работы „въ дѣлахъ важныхъ и секретныхъ“. Въ 1741 году Кабинетъ, нуждаясь въ переводчикахъ польскаго и латинскаго языковъ, 27-го марта далъ генералу Кейту, управлявшему въ то время дѣлами Украйны, именной указъ выбрать такихъ переводчиковъ въ Малороссіи, „а особливо въ Глуховѣ“, изъ канцеляристовъ. „А понеже приказывалось—такіе переводчики здѣсь употребляются при нашемъ Кабинетѣ и при Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ дѣлахъ важныхъ и секретныхъ и надобно, чтобъ были люди вѣрные, постоянные и не мало чѣмъ подозрительны, того ради имѣете вы таковыхъ двухъ человѣкъ изобрать и объ нихъ прежде освѣдомиться, что можно-ль имъ здѣсь при такихъ дѣлахъ быть, и отцы ихъ и они сами люди добрые-ль и непремѣнно-ль въ вѣрности

былъ освобожденъ и возвращенъ, по прежнему, въ Кабинетъ. 15-го декабря 1740 г. состоялся именной указъ: «Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Въ нынѣшнемъ 1740 году, не по долгомъ времени вступленія нашего на всероссійскій императорскій престолъ, по нѣкоторымъ слѣдствіямъ дѣйств. статскій совѣтникъ Андрей Яковлевъ, бывшій въ нашемъ Кабинетѣ статскимъ совѣтникомъ во управленіи секретарской должности, полковникъ Любимъ Пустошкинъ, ассесоръ Семеновъ, подполковникъ Граматинъ и лейбъ-гвардіи офицеры Ханыковъ, Аргамаковъ, кн. Путятинъ и Алфимовъ къ розыску были приведены, въ которомъ будучи неповинно страдали и кровь свою проливали, но при томъ, паче простираяся по своей подданнической должности, намъ, яко природному и истинному своему государю, и всей нашей императорской фамиліи вѣрно служили и ревностно поступали, не щадя живота своего, за которыя ихъ претерпѣнія, истязанія и вѣрныя службы нашею императорскою милостью награждены и, по прикрытіи знаменами, паки въ нашу службу употреблены: д. ст. совѣтникъ Яковлевъ, по прежнему, въ нашъ Кабинетъ... (далѣе говорится объ остальныхъ лицахъ), и о непорицаніи ихъ тѣмъ, что были въ катскихъ рукахъ, нашими всемилостивѣйшими указами снабдены». Въ январѣ 1741 г. Яковлевъ, по его прошенію, уволенъ былъ «отъ всѣхъ дѣлъ вовсе», причемъ ему «въ награжденіе» пожалованы въ вѣчное и потомственное владѣніе двѣ деревни изъ приписанныхъ ко дворцу Ладожскихъ рядковъ.

были и нынѣ состоятъ, и тако развѣдавъ и назнача къ тому хотя двухъ человѣкъ, выслать сюда въ нашу Коллегію иностранныхъ дѣлъ, обнадежа ихъ опредѣленіемъ здѣсь нашего жалованья; а на проѣздъ имъ выдать по вашему разсмотрѣнію, и подводы и прогоны дать же, по указу что надлежитъ“ [22]).

Подьячіе. Ихъ было немного и назначались они съ строгимъ выборомъ. Штатомъ 1736 г. положено было состоять въ кабинетской канцеляріи всего двумъ канцеляристамъ, съ годовымъ жалованьемъ по 300 руб., и тремъ копіистамъ,—по 120 руб. Указомъ 21-го сентября 1739 г., имѣвшимъ силу и въ послѣдующіе годы, число подьячихъ увеличено было вдвое, велѣно къ прежнимъ двумъ канцеляристамъ прибавить еще двухъ, „выбравъ достойныхъ, и каждому канцеляристу придать по одному подканцеляристу, копіистамъ же не быть“. Въ случаяхъ экстренныхъ, въ помощь штатнымъ канцелярскимъ служителямъ командировались въ Кабинетъ такіе служители изъ Сената и другихъ учрежденій, по выбору. Въ февралѣ 1741 г. секретарь Иностранной коллегіи Суровцовъ „письмомъ“ сообщилъ оберъ-секретарю Сената Севергину, что вице-канцлеръ, кабинетъ-министръ М. Г. Головкинъ приказалъ объявить ему, Севергину, чтобъ онъ „немедленно изъ канцелярскихъ служителей трехъ человѣкъ выбралъ, которые бы не женаты были, хотя изъ канцеляристовъ, подканцеляристовъ и изъ копіистовъ, только бы самые лучшіе писцы, добраго состоянія и трезвые; а ежели изъ нихъ сыщутся такіе, которые, хотя отчасти, по нѣмецки или какого инаго языка знаютъ, то еще лучше было-бъ; и когда въ Сенатѣ такихъ людей не сыщется, то-бъ оныхъ изъ другихъ коллегій и канцелярій выбравъ, въ Кабинетъ его императорскаго величества, какъ скоро возможно, представить ихъ самихъ“. По этому приказу, Севергинъ выбралъ для Кабинета сенатскаго подканцеляриста Василевскаго. Конторы Коллегіи экономіи канцеляриста Сафьянникова и Статсъ-конторы подканцеляриста Обезьянникова, которые, по опредѣленію Сената, и были представлены въ Кабинетъ 5-го февраля. Лица эти работали въ Кабинетѣ цѣлый мѣсяцъ. Въ мартѣ кабинетъ-министры „разсудили: взятыхъ для нѣкотораго, уже минувшаго, употребленія приказныхъ людей (вышеозначенныхъ) опредѣлить въ секретную экспедицію Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, за недостаткомъ канцелярскихъ служителей“. Перемѣщеніе это имѣло значеніе награды за труды при Кабинетѣ, такъ какъ имъ какъ бы выдавался аттестатъ особенной благонадежности; Василевскій, кромѣ того, награжденъ былъ производствомъ въ канцеляристы [23]).

Кабинетъ-курьеры и ѣздовые гренадеры состояли при кабинетской канцеляріи „для всегдашнихъ посылокъ“. Съ ними посылались всякаго рода исходящія бумаги и приказы въ учрежденія, находившіяся какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ; съ курьерами, сверхъ того,—дипломатическая переписка за границу. Въ данное время, всѣхъ

посыльныхъ было 8 человѣкъ: 6 курьеровъ и 2 ѣздовыхъ. Кабинетскіе посыльные, которымъ ввѣрялись иногда весьма важные документы и отъ которыхъ требовалось быстрое и точное исполненіе порученій, выбирались изъ лучшихъ солдатъ и рейтаръ лейбъ-гвардейскихъ полковъ, подъ личнымъ наблюденіемъ генералъ-фельдмаршала. Въ январѣ 1741 г. Кабинетъ сообщилъ генералъ-фельдмаршалу гр. Миниху: „Понеже бывшіе допынѣ при Кабинетѣ его императорскаго величества курьеры и ѣздовые гренадеры“ отъ этихъ должностей увольняются, „того ради надлежитъ нынѣ на ихъ мѣста выбрать изъ полковъ л.-гвардіи, изъ солдатъ и рейтаръ, въ курьеры шесть и ѣздовые гренадеры два человѣка и прислать ихъ въ Кабинетъ“. Выборъ сдѣланъ былъ немедленно, и спустя два дня Кабинетъ получилъ отъ Миниха увѣдомленіе, что, во исполненіе требованія его, изъ рядовыхъ л.-гв. полковъ Преображенскаго, Измайловскаго, Семеновскаго и Коннаго выбраны въ кабинетъ-курьеры и ѣздовые 8 человѣкъ, которые „при семъ, для опредѣленія въ Кабинетъ, представляются; а о выключеніи ихъ изъ полковъ, куда надлежитъ, писано“. Одинъ изъ выбранныхъ былъ дворянинъ (имѣлъ деревни) и былъ грамотный. Курьеры получали жалованье отъ Кабинета, штатное, по 11 р. 60 коп. въ годъ, ѣздовые—отъ полковъ, изъ которыхъ были взяты; „мундиръ“ и столъ ѣздовымъ отпускались отъ Придворной конторы „противъ того, какъ и другіе при Дворѣ его императорскаго величества ѣздовые гренадеры содержатся“. ѣздовые, находившіеся „въ непрестанной ѣздѣ“, имѣли собственныхъ лошадей, фуражъ на которыхъ отпускался отъ казны. Какъ курьеры, такъ и ѣздовые при увольненіи отъ должности награждались оберъ-офицерскими чинами и опредѣлялись въ полевые полки. Въ ноябрѣ 1740 года бывшіе кабинетъ-курьеры Афросимовъ и Чулковъ челобитною просили Кабинетъ, „дабы повелѣно было за службы ихъ, противъ выпущенныхъ ихъ братьи курьеровъ, наградить и отпустить ихъ въ армейскіе полки капитанами или какъ соизволено будетъ“. Просители пожалованы были капитанами. Въ 1741 году поручикъ Скобельцынъ билъ челомъ въ Кабинетѣ: „служилъ онъ въ Кабинетѣ курьеромъ съ 1737 года и въ 1739 году пожалованъ онъ въ поручики, а прочіе его братья курьеры, которые взяты были въ Кабинетъ съ нимъ вмѣстѣ, при выпускѣ пожалованы въ капитаны“, почему и проситъ наградить его такимъ же чиномъ. Кабинетъ разсудилъ: „оному Скобельцыну за сыскъ писемъ награжденіе учинено деньгами, а что онъ проситъ о награжденіи его рангомъ, въ томъ еще въ 1739 году отказать велѣно, того ради и нынѣ ему въ томъ отказать, съ такимъ объявленіемъ, чтобъ онъ впредь о томъ не просилъ, а ежели будетъ просьбою утруждать, то имѣетъ штрафованъ быть“.

Къ описанію персонала Кабинета добавимъ, что персоналъ этотъ, какъ принадлежавшій установленію, „учрежденному при Дворѣ“, получалъ, независимо отъ жалованья, такъ сказать, угощеніе отъ Двора.

Придворная контора ежедневно посылала въ Кабинетъ: кофе, чай и сахаръ—для министровъ и высшихъ чиновъ, вѣроятно; спеціально же для кабинетъ-секретарей, камерира и подьячихъ: пива полведра, полпива и кислыхъ щей по 4 бутылки, меда 2 бутылки и водки $^1/_4$ кружки [24]).

Придворный рекетмейстеръ.

Органъ этотъ, занимая самостоятельное положеніе, былъ, по роду дѣятельности, тѣсно связанъ съ Кабинетомъ, составлялъ какъ бы его дополненіе.

Должность придворнаго рекетмейстера была установлена 12-го ноября 1740 г. и существовала весьма недолго, всего неполныхъ четыре мѣсяца. Цѣль этого установленія и кругъ его дѣятельности точно выражены въ именномъ указѣ Сенату 12-го ноября 1740 г. и въ инструкціи, данной лицу, назначенному на должность придворнаго рекетмейстера. Въ именномъ повелѣніи, между прочимъ, говорилось: „Хотя многими отъ предковъ нашихъ указами подтверждено, дабы вѣрные наши подданные о всѣхъ случающихся нуждахъ подавали свои прошенія въ тѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, гдѣ кто вѣдомъ судомъ и гдѣ какія дѣла по нашимъ правамъ разсматривать и рѣшить велѣно, а самимъ намъ императорскому величеству о такихъ дѣлахъ, кои въ тѣхъ учрежденныхъ мѣстахъ рѣшить велѣно, челобитенъ подавать, такожъ о деревняхъ просить запрещено, однако, не взирая на то, нѣкоторые нынѣ нашему императорскому величеству подаютъ такія челобитныя, кои до собственной нашей резолюціи не касаются, но моглибъ рѣшены быть въ учрежденныхъ мѣстахъ, такожде подаютъ прошенія и о награжденіи деревнями, чѣмъ намъ не безъ затрудненія дѣлаютъ. Чего ради нашему Сенату повелѣваемъ во всѣ коллегіи и канцеляріи, для публикованія въ народѣ, прежде состоявшіеся о томъ указы еще нынѣ накрѣпко подтвердить, дабы всякъ о семъ вѣдалъ и неотмѣнно по тѣмъ указомъ поступалъ: ....а дабы изъ подаваемыхъ намъ челобитенъ, для миновапія излишняго намъ затрудненія, только тѣ намъ представляемы были, кои до собственной резолюціи нашей касаются, а прочія, по разсмотрѣніи, отсыланы были для рѣшенія въ Сенатъ, всемилостивѣйше пожаловали и указали быть при Дворѣ нашемъ рекетмейстеру изъ подполковниковъ Фенину (Андрею), давъ ему рангъ армейскаго полковника, съ жалованьемъ въ годъ полнаго полковничья“. Въ тотъ же день Фенинъ получилъ инструкцію, за собственноручною подписью правительницы: „Всемилостивѣйше повелѣваемъ тебѣ. Всѣ подаваемыя намъ челобитныя, которыя нарочно для того тебѣ отдаваться будутъ, разсматривая, представлять намъ токмо такія, которыя до собственной нашей резолюціи касаются, а прочія, кои надлежатъ до учрежденныхъ департаментовъ, отсылать для рѣшенія въ Сенатъ. И для того всемилостивѣйше повелѣ-

ваемъ быть тебѣ при Дворѣ нашемъ безотлучно. Помянутыя подаваемыя намъ челобитныя разсматривать по примѣру должности генерала-рекетмейстера, при нашемъ Сенатѣ учрежденнаго, безъ всякаго задержанія, дабы челобитчики долго не волочились; а что по отосланнымъ отъ твоей должности челобитнымъ учинится, о томъ отъ Сената требовать извѣстія понедѣльно". Инструкція заключалась наставленіемъ рекетмейстеру: „Будучи при сей всемилостивѣйше отъ насъ повѣренной должности, поступать такъ, какъ надлежитъ доброму, вѣрному и присяжному человѣку, какъ высочайшіе наши интересы требуютъ, уповая за хорошіе поступки высочайшей нашей милости, а за худые—высокаго нашего гнѣва" [25]).

И такъ, установленіе должности придворнаго рекетмейстера вызвано было необходимостью измѣнить существовавшій неудобный способъ разсмотрѣнія массы челобитенъ на высочайшее имя, нерѣдко пустыхъ и докучливыхъ,—работы, замѣтимъ, лежавшей до этого на обязанности Кабинета и отвлекавшей послѣдній отъ болѣе важныхъ занятій.

Хотя приведенными актами точно означался кругъ дѣятельности рекетмейстера, но на практикѣ кругъ этотъ нѣсколько расширялся: именно: неподлежавшія высочайшему разсмотрѣнію челобитныя Фенинъ отсылалъ на рѣшеніе не только въ Сенатъ, но и въ другія учрежденія, по принадлежности; кромѣ того онъ объявлялъ иногда Сенату высочайшія резолюціи на всеподданнѣйшіе доклады и Синоду именныя повелѣнія по церковнымъ дѣламъ. Вотъ примѣры. Въ январѣ 1741 г. Сенатъ получилъ отъ рекетмейстера „записку": „Каковъ присланъ былъ отъ господина генерала графа Салтыкова къ его императорскому величеству докладъ о награжденіи Тайной конторы секретаря Патокина оберъ-секретарскимъ чиномъ и на оный послѣдовала отъ его императорскаго величества всемилостивѣйшая резолюція—со онаго при семъ въ правит. Сенатъ посылается точная копія". Въ ноябрѣ 1740 г. Фенинъ Синоду „письменно объявилъ, что ея императорское высочество (правительница) соизволила всемилостивѣйше указать св. прав. Синоду объявить, дабы при ектеніяхъ и прочихъ службахъ Божіихъ воспоминаніе о его императорскомъ величествѣ и о ея высочествѣ и о всей его императорскаго величества высочайшей фамиліи произвождаемо было во всѣхъ церквахъ по апробованной ея императорскимъ высочествомъ формѣ". При этомъ объявленіи прилагалась и самая форма [26]) *).

Какъ сказано выше, придворный рекетмейстеръ составлялъ особое учрежденіе, лишь примыкавшее къ Кабинету. Учрежденіе это носило названіе „рекетмейстерскихъ дѣлъ", „Рекетмейстерской конторы" и имѣло небольшой персоналъ, состоявшій, кромѣ самого рекетмейстера, изъ канцеляриста, нѣсколькихъ офицеровъ и деньщиковъ [27]). Деньги на

*) О порядкѣ и формальной сторонѣ порученнаго придв. рекетмейстеру дѣла сказано будетъ ниже, при изложеніи дѣлопроизводства Кабинета.

расходы „по должности“ рекетмейстеру предоставлено было „требовать, сколько на годовое время будетъ потребно, отъ Придворной конторы и держать ихъ съ запискою“. Отъ этой же конторы отпускались въ Рекетмейстерскую: жалованье Фенину (съ раціонами и на деньщиковъ), канцелярскіе матеріалы: бумага „книжная нѣмецкая самая чистая“, бумага писчая, перья и проч. и напитки, ежедневно: рекетмейстеру: вина краснаго хорошаго, секта и рейнвейна по бутылкѣ, пива и полпива по 4 бутылки, меду по 2 бутылки и водка; офицерамъ: бѣлаго вина бутылка, водки полкружки, пива, полпива, меда и кислыхъ щей по 2 бутылки [28]).

Дѣятельность придворнаго рекетмейстера, какъ уже замѣчено, продолжалась не долго. 4-го марта 1741 г. послѣдовалъ именной указъ Кабинету: „Всемилостивѣйше указали мы, опредѣленному предъ симъ при Дворѣ нашемъ рекетмейстеру Фенину съ сего времени въ той должности не быть, и которыя дѣла, по указамъ нашимъ, къ нему приходили, тѣ изъ всѣхъ мѣстъ подавать по прежнему отколь куда надлежитъ; такожъ и челобитчикамъ свои прошенія подавать въ тѣхъ мѣстахъ, кому гдѣ, по прежнимъ указамъ, повелѣно“. Чрезъ нѣсколько дней, 8-го марта, указъ этотъ объявленъ былъ Сенатомъ во всенародное извѣстіе. Въ тоже время кабинетъ-министры получили повелѣніе: „Которыя дѣла и всякія письма нынѣ у Фенина имѣются, тѣ всѣ взять въ Кабинетъ нашъ и, разобравъ ихъ, разослать которыя куда надлежитъ“ [29]).

Что побудило только-что народившійся органъ упразднить, и притомъ такъ круто,—указаній въ оффиціальныхъ документахъ нѣтъ. Указъ 4-го марта (не мотивированный, вопреки обычаю) обходитъ совершенно причину упраздненія должности придворнаго рекетмейстера; точно также не говорятъ о ней акты и производства Кабинета и другихъ учрежденій. Единственное указаніе, скорѣе намекъ, на эту причину находимъ въ неоффиціальныхъ, такъ сказать, домашнихъ кабинетскихъ бумагахъ (письма разныхъ лицъ). Въ числѣ такихъ бумагъ сохранились два письма: на имя императора, правительницы и ея мужа, собственноручное „повинное письмо Фенина о взяткахъ“, отъ 14-го марта 1741 г., и его жены на имя правительницы, отъ „ „ іюня того же года,—изъ которыхъ узнаемъ, что придворный рекетмейстеръ—эта „всемилостивѣйше повѣренная должность“—не оправдалъ возлагавшихся на него упованій правительства,—поддался соблазну и сталъ принимать отъ челобитчиковъ „подарки“, вслѣдствіе чего, въ началѣ марта, и былъ арестованъ *).

---

*) Приводимъ эти характерныя и интересныя въ бытовомъ отношеніи письма. Письмо Фенина, дополнительное (предыдущее не сохранилось): «Его императорскому величеству, моему всемилостивѣйшему государю и земному владыкѣ, и ихъ императорскому высочеству, всемилостивѣйшимъ и высокощедрымъ государямъ, въ дополненіе прежнему повинному моему всенижайшему рабскому доношенію, такъ, какъ

По упраздненіи должности придворнаго рекетмейстера, дѣло разсмотрѣнія челобитенъ на высочайшее имя снова перешло къ Кабинету [30])

предъ Богомъ на второмъ Его пришествіи стать и при концѣ моей жизни исповѣдать, что отъ кого мнѣ подарено, только какъ христіанинъ доношу безъ требованія и просьбы. А именно: гвардіи капитанъ князь Ѳедоръ Мещерскій, по состояніи всемилостивѣйшаго указа о дачѣ ему бывшей въ закладѣ у Жолобова наслѣдственной деревни по той цѣнѣ, какъ отъ конфискаціи оцѣнится, спустя недѣли съ двѣ прислалъ съ женою небольшую чашку серебряную. Бывшаго секретаря Эйхлера жена, когда всемилостивѣйше свободить его велѣно, съ великою просьбою и слезами, принесла кофейникъ и чайникъ серебряные. Капитанъ Ѳедоръ Воейковъ, за всемилостивѣйшее пожалованіе въ совѣтники, спустя дня чрезъ два, — запонку маленькую съ розами. Нѣжинскій войтъ, мнѣ до него никакого дѣла не было, но только по старой дружбѣ и чтобъ я дѣтей его при нуждахъ, здѣсь случающихся, не оставлялъ и снабдевалъ, при своемъ отсюда отъѣздѣ, подарилъ червонныхъ или 200 или 250, подлинно не упомню. Статскій совѣтникъ Мельгуновъ, когда его въ сей чинъ пожаловали, далъ серебряную золоченую табакерку. Переводчикъ Иностранной коллегіи Бакунинъ съ своякомъ своимъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикомъ Алфимовымъ, когда имъ велѣно отдать изъ Тайной канцеляріи пожитки тестя ихъ Дудина, по принятіи оныхъ, принесли, подлинно не упомню, 100 или 150 червонныхъ. Смоленскій полковникъ Потемкинъ, за какую высочайшую милость — не упомню,—100 руб. Статскій совѣтникъ Рагузинскій, за пожалованіе его въ тотъ чинъ, спустя дня два, далъ 50 червонныхъ. Подполковникъ Зиновьевъ, не по какому дѣлу, но токмо по старой еще дружбѣ, привелъ ко мнѣ мальчика и дѣвочку киргизъ-кайсаковъ. Совѣтникъ Степанъ Зиновьевъ, токмо за то, что въ Сенатѣ ему по отосланной отъ меня челобитной отставку сдѣлали, при отъѣздѣ своемъ въ Москву, прислалъ ко мнѣ 100 руб. Отставной подполковникъ Петръ Головинъ, не за какое дѣло, но токмо по старой дружбѣ, когда были мы въ Дацигѣ, по обѣдѣ у меня, подарилъ женѣ моей шесть серебряныхъ маленькихъ ножичковъ съ вилочками и съ ложечками. Ѳедоръ Наумовъ, не упомню при какомъ случаѣ, токмо его дѣла никакого въ рукахъ у меня не было, подарилъ старые золотые часы. Въ бытность мою при генералѣ-фельдмаршалѣ графѣ фонъ-Минихѣ въ 1738 году, въ Полтавѣ, прислано ко мнѣ отъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссара князя Кратоткина, за пожалованіе его въ сей чинъ, по представленію его, генерала-фельдмаршала, 500 руб. Да сверхъ того, въ бытность мою при немъ, генералѣ-фельдмаршалѣ, офицеры и прочіе табакерками и лошадьми и малыми деньгами даривали, когда кому какая ихъ императорскаго величества милость высочайшая сдѣлается, токмо именно кто они и чѣмъ порознь дарили — не упомню. О помянутыхъ подаркахъ какъ въ прежней, такъ и въ сей моей всеподданнѣйшихъ рабскихъ повинныхъ показаніяхъ такъ донесъ, какъ мнѣ стать предъ судомъ Его Божіимъ, по евангельской заповѣди; и ежели сверхъ сего сыщется что за мною и изобличусь, за то бы поступлено было со мною безъ всякаго милосердія. И въ сей моей рабственной винѣ у его императорскаго величества и у ихъ императорскаго высочества такъ, какъ у Бога, высочайшаго помилованія прошу. Грѣшный и послѣдній повинный рабъ Андрей Фенинъ». Къ этой повинной Фенинъ сдѣлалъ слѣдующую умѣстную приписку. «Изъ показанныхъ въ прежнемъ моемъ и въ нынѣшнемъ повиновеніи, по взятіи меня подъ арестъ, заздравіе его императорскаго величества и ихъ императорскаго высочества роздано нищимъ и убогимъ и приходящимъ бѣднымъ людямъ съ просьбами до 1500 руб., о чемъ такъ доношу, какъ христіанину надлежитъ». Послѣдствіемъ писемъ Фенина (вѣроятно, былъ именной указъ генералиссимусу, 22-го апрѣля 1741 г.: «Указали мы бывшаго при Дворѣ нашемъ рекетмейстера Андрея Фенина опредѣлить вамъ въ

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КАБИНЕТА.

Участіе Кабинета въ законодательствѣ.

Всѣ важнѣйшія работы по установленію законовъ сосредоточивались въ Кабинетѣ. Обсужденіе и разрѣшеніе возникавшихъ законодательныхъ вопросовъ, направленіе работъ по составленію законопроектовъ, окончательная редакція законовъ и, наконецъ, распоряженіе обнародованіемъ состоявшихся узаконеній—все это всецѣло было на обязанности Кабинета. Хотя въ дѣлѣ изданія законовъ принимали участіе Сенатъ, Синодъ, коллегіи и другія учрежденія, но участіе это ограничивалось или подготовительной работой,—доставленіемъ матеріала, составленіемъ и предварительнымъ обсужденіемъ законопроектовъ,—или же исполненіемъ приказовъ Кабинета по обнародованію закона.

Возбуждались законодательные вопросы какъ самимъ Кабинетомъ, такъ и Сенатомъ, Синодомъ и центральными органами. По обсужденіи министрами возбужденнаго вопроса, резолюція Кабинета по этому вопросу вносилась на высочайшее утвержденіе, которое и выражалось подписью правителей. Такія резолюціи, въ видѣ именныхъ указовъ, „публичныхъ указовъ“ или просто „высочайше утвержденныхъ резолюцій Кабинета“, „высочайшихъ резолюцій на доклады Кабинета“,—какъ новый законъ, доводились до всеобщаго свѣдѣнія. Таковъ былъ обыкновенный порядокъ установленія закона. Процессъ усложнялся при установленіи законоположеній спеціальныхъ и болѣе серьезныхъ, требовавшихъ особенной разработки, каковы различные уставы, регламенты, уложенія. Дѣло начиналось „сочиненіемъ проекта“ новаго закона. Эта работа поручалась Кабинетомъ или особой коммиссіи или

службу или къ дѣламъ, куда и какимъ чиномъ надлежитъ, по вашему собственному разсужденію». Но было-ли исполнено это повелѣніе и какъ, — неизвѣстно, между тѣмъ слѣдующее письмо жены бывшаго рекетмейстера еще описываетъ его бѣдственное состояніе: «Всепресвѣтлѣйшая и всемилостивѣйшая государыня великая княгиня и правительница всея Россіи. Прославляемыя въ свѣтѣ его императорскаго величества и обоихъ вашихъ императорскихъ высочествъ ко всѣмъ бѣднымъ и впадшимъ въ погрѣшенія неизреченныя щедроты и милости вѣдая, я, бѣдная и немощная, припадая къ стопамъ, слезно рабски прошу какъ у вышняго Бога, такъ и у вашего императорскаго высочества о свободѣ бѣднаго моего мужа, бывшаго рекетмейстера Фенина, который нынѣ подъ крѣпкимъ карауломъ содержится въ Военной коллегіи, и меня, бѣдную, къ нему не допускаютъ, а я, бѣдная, сама больна, отецъ мой умре, люди всѣ ушли и пожитчики едва не всѣ унесли, и оставшіе не слушаютъ, и тако совсѣмъ, бѣдная, пропала. Умилостивись всемилостивѣйшая государыня надъ нами, бѣдными и раззоренными, а мы, бѣдные, пока живы, должны, какъ и нынѣ есть, о его императорскомъ величествѣ и о вашемъ императорскомъ высочествѣ Бога молить. О семъ всенижайше рабски проситъ бѣдная всеподданнѣйшая раба Матрена Фенина».

тому государственному учрежденію, къ спеціальности котораго относился предположенный законъ; такъ, напримѣръ, если онъ касался торговли,—сочиненіе проекта возлагалось на Коммерцъ-коллегію. Къ участію въ проектировкѣ призываемы были и спеціалисты, „люди знающіе“. Выработанный проектъ поступалъ въ Сенатъ на просмотръ, а отсюда—въ Кабинетъ на апробацію. Если внесенный на разсмотрѣніе Кабинета проектъ оказывался неудовлетворительнымъ, то онъ обращался къ новой разработкѣ. Получивъ въ Кабинетѣ окончательную обработку и форму, законопроектъ вносился на высочайшее утвержденіе. Чтобы показать наглядно ходъ изданія такого рода узаконеній и дать понятіе о взглядѣ Кабинета на законодательное дѣло, приводимъ свѣдѣнія о составленіи „Лифляндскаго уложенія“ и „Устава о банкротахъ“.

Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго прошенія лифляндскаго рыцарства и шляхетства, именнымъ указомъ, состоявшимся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 12-го сентября 1728 г., повелѣно было: „за недовольствомъ Лифляндскаго уложенія и неявственныхъ древнихъ рыцарскихъ правъ, для всенародной той земли пользы, уложеніе вновь сочинить, и къ тому выбрать въ тамошнихъ правахъ добрыхъ и искусныхъ людей и представить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, и когда оное сочинено и исправлено будетъ, тогда для апробаціи прислать къ намъ“. Составленіе проекта уложенія продолжалось 12 лѣтъ, до 1741 года. Въ началѣ этого года депутаты лифляндскаго рыцарства и шляхетства внесли въ Кабинетъ на высочайшую апробацію проектъ уложенія, „сочиненный со всякимъ тщательнымъ прилежаніемъ и съ полнымъ изъисканіемъ“, причемъ просили законоположеніе это, по апробаціи, „издать въ печать позволить“. Однако, Кабинетъ, не довѣряя тщательности составленія проекта, резолюціею 28-го марта, положилъ: вновь составленное уложеніе разсмотрѣть въ особой коммиссіи, въ которой быть: Юстицъ-коллегіи президенту князю Трубецкому, статскимъ совѣтникамъ: Эмме, Петру Квашнину-Самарину, Академіи Наукъ юстицъ-рату Гольдбаху, криг съ-рату Центаровію, совѣтникамъ Гагемейстеру и Глику. Коммиссіи этой, „взявъ за основаніе прежнія лифляндскія права и слича съ тѣмъ новоучиненнымъ уложеніемъ, разсматривать,—такъ-ли надлежитъ оному быть или потребно въ чемъ какую перемѣну и дополненіе учинить, наблюдая при томъ высочайшую власть и государственный интересъ, и со мнѣніемъ своимъ отдать въ Коллегію лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, въ которой оное такимъ же образомъ надлежитъ разсмотрѣть и, учиня свое разсужденіе, представить правительствующему Сенату, гдѣ все то подробно и аккуратно потому жъ разсмотрѣть и, подписавъ свое мнѣніе, внесть для апробаціи въ Кабинетъ“ [31]). Не менѣе серьезно отнесся Кабинетъ къ составленію и Устава о банкротахъ,—этого по времени перваго законоположенія о торговой несостоятельности. Изданіе устава вызвано было

настоятельною въ данное время потребностью пополнить такимъ регламентомъ пробѣлъ въ законахъ торговыхъ,—пробѣлъ, такъ вредно отзывавшійся не только на торговомъ людѣ, но и на „общемъ народѣ“. Въ предисловіи къ уставу, о которомъ идетъ рѣчь, сказано, что настоящій уставъ издается съ цѣлью „предупредить вредительное зло“, происходящее отъ банкротства; причемъ весьма ярко характеризуется и самое зло. „Извѣстно есть,—говоритъ предисловіе,—какіе убытки и ущербы отъ банкротовъ общему народу, особливо коммерціи происходятъ, ибо отъ оныхъ кредиту ослабленіе и купечеству остановка чинится, а надежность и имѣніе всякаго торговаго человѣка въ сумнѣніе приводится, и напослѣди множество безвинныхъ людей въ великіе убытки и часто въ крайнее раззореніе и въ самую нищету приходятъ“. Составленіе устава начато было въ 1736 году. 19-го іюня того же года послѣдовала резолюція Кабинета: „какимъ образомъ о банкротахъ поступать,—Коммерцъ-коллегіи сочинить проектъ и оный разсмотрѣть въ Сенатѣ“. На составленіе проекта потребовалось слишкомъ трехлѣтіе, и, наконецъ, 13-го августа 1739 года онъ былъ внесенъ Сенатомъ въ Кабинетъ на апробацію, съ заявленіемъ, что проектированный уставъ Сенатомъ, „обще“ съ президентомъ Коммерцъ-коллегіи, сенаторомъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, „слушанъ и поправленъ“, и съ представленіемъ, что „когда оный проектъ въ Кабинетѣ апробуется, то надлежитъ не съ одними тѣми банкротами, которые впредь могутъ явиться, по тому уставу поступать, но и съ тѣми, кои и до сего времени банкротами себя объявили, и дѣла ихъ не рѣшены,—оныя рѣшить по тому жъ уставу, понеже оныя донынѣ не рѣшены и рѣшить было не можно за неимѣніемъ о таковыхъ банкротахъ правъ“. Внесенный въ Кабинетъ проектъ заключалъ въ себѣ 16 статей, большая часть которыхъ (какъ видно изъ помѣтъ на поляхъ проекта)—заимствованія изъ „правъ и обыкновеній другихъ государствъ, въ которыхъ негоція расцвѣтаетъ“ *), меньшая же—оригинальныя,—„разсужденія“ Коммерцъ-коллегіи и Сената. Разсмотрѣвъ проектированный уставъ, Кабинетъ остался имъ недоволенъ, почему, слѣдуя мнѣнію министра Остермана, и постановилъ: „по проекту о банкротахъ правительствующему Сенату, обще съ Коммерцъ-коллегіею, по новости нѣкоторыхъ сенаторовъ и той коллегіи президента, къ тому жъ призвавъ изъ Академіи Наукъ юстиціи совѣтника Гольдбаха и совѣтника жъ Эмме, имѣть вновь разсужденіе, и такой въ томъ учинить порядочный уставъ, который бы на всѣ времена могъ быть твердъ и безпороченъ какъ на иноземцевъ, такъ и на русскихъ купцовъ, и, постановя на мѣрѣ, для всемилостивѣйшей ея импера-тор-

*) Именно: «цесарскаго учрежденія», «англійскаго учрежденія», «голландскаго новопоправленнаго учрежденія», «указа банкротской коллегіи», «плаката статовъ голландскихъ» и «плаката статовъ зеляндскихъ» (датскихъ).

скаго величества конфирмаціи подать въ Кабинетъ". Черезъ годъ проектъ устава былъ окончательно выработанъ и, 15-го декабря 1740 г., подписанъ правительницею. Затѣмъ новый законъ былъ обнародованъ при слѣдующемъ именномъ указѣ: „Имѣя всегдашнее попеченіе о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, кои отъ банкротовъ въ крайнее раззореніе были привожены, и милосердуя къ нимъ, указали, по всеподданнѣйшему намъ нашего Сената представленію, съ тѣми банкротами, кои до сего явились, и дѣла ихъ не рѣшены, и которые впредь явятся, поступать по учиненному и подъ симъ нашимъ всемилостивѣйшимъ указомъ напечатанному уставу во всемъ непремѣнно" [32]).

Штаты учрежденій также подвергались сложной, двойной и тройной разработкѣ. Составленіе проекта новаго штата возлагалось обыкновенно на заинтересованное учрежденіе, откуда проектъ поступалъ въ Сенатъ или же, если касался учрежденія военнаго вѣдомства, къ генералъ-фельдмаршалу Миниху, а затѣмъ въ Кабинетъ. Описываемое время было богато переустройствомъ государственныхъ органовъ. Реформы коренныя или частныя коснулись едва-ли не всѣхъ высшихъ и среднихъ учрежденій: пересматривались и составлялись вновь штаты: Сената съ состоявшими при немъ конторами, Синода, коллегій: Военной, Камеръ, Коммерцъ, Юстицъ, Ревизіонъ, лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, канцелярій: Дворцовой Конюшенной и Главной Полиціймейстерской, Походнаго комиссаріата; кромѣ того, — штаты придворные и при генералиссимусѣ [33]). Сообщаемъ процессъ „сочиненія вновь генеральнаго штата Синода", — какъ выдающійся по своему интересу. Составленіе началось въ 1722 году и тянулось до 1741 года. Составлялъ штатъ Сенатъ при участіи Синода. Въ августѣ 1722 года первый потребовалъ отъ послѣдняго „къ сочиненію штата (синодскаго), съ показаніемъ учиненнаго обрѣтающимся у его императорскаго величества дѣлъ жалованья, прислать какъ о синодскихъ членахъ, такъ обрѣтающихся при Синодѣ и принадлежащихъ къ оному канцеляріяхъ и конторахъ управителяхъ и всякаго званія служителяхъ и по епархіямъ архіереяхъ и прочихъ духовныхъ особахъ и ружникахъ, которые жалованьемъ содержатся, извѣстіе немедленно". Удовлетворить требованіе Сената немедленно Синодъ могъ только частью, доставивъ свѣдѣнія, имѣвшіяся у него подъ рукою, о персоналѣ Синода и нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій; остальные же, необходимые для составленія штата матеріалы потребовалъ, въ свою очередь, отъ подчиненныхъ органовъ, епархіальныхъ и другихъ. Собираніе матеріала шло крайне медленно и задерживало работы. Въ началѣ 1726 года правительство понудило составителей къ скорѣйшему окончанію начатаго проекта штата. 30-го марта этого года Сенатъ получилъ именной, за подписью императрицы, указъ: „Понеже всѣхъ коллегій и канцелярій штаты сочинены, апробованы и въ дѣйство произведены, а синодальнаго штата и понынѣ еще не учинено, того для по-

велѣли мы оный штатъ Синоду немедленно сдѣлать и сообщить для разсмотрѣнія въ Сенатъ, а чего по оному въ Сенатѣ рѣшить не можете, о томъ, представя свои мнѣнія, доносить намъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; а по то время, пока оный штатъ разсмотрѣнъ и апробованъ будетъ, повелѣли мы синодальнымъ членамъ, кромѣ приказныхъ нижнихъ служителей, жалованье удержать". Несмотря, однако, на это строгое и новое, въ маѣ 1730 года, понужденія, штатъ не былъ составленъ. Дѣло не подвигалось, заглохло. Въ 1738 году вновь былъ поднятъ вопросъ о синодскомъ штатѣ. Именнымъ указомъ 30-го октября повелѣно было: „штатъ св. Синода Сенату, обще съ Синодомъ, разсмотрѣть, какимъ расходамъ и коликому числу необходимо потребно быть, и, постановя на мѣрѣ, въ Коллегію экономіи сообщить, съ такимъ опредѣленіемъ, дабы на такія дачи, по требованіямъ изъ Синода, деньги отпускали изъ собираемыхъ доходовъ съ синодальныхъ вотчинъ; а таковъ же штатъ, для всемилостивѣйшей ея императорскаго величества апробаціи, подать въ Кабинетъ" *). Но работа почему-то тормазилась, и, въ началѣ 1740 года, потребовалось еще „паикрѣпчайшее подтвержденіе, дабы синодскій штатъ окончень былъ конечно въ непродолжительномъ времени". Наконецъ, осенью этого года, многотрудное дѣло доведено было до конца. 1-го октября проектъ штата, „который по сношенію и въ общемъ съ св. Синодомъ въ прав. Сенатѣ собраніи на мѣрѣ постановлень", былъ Сенатомъ слушанъ и апробованъ; затѣмъ апробованный и подписанный Синодомъ онъ, 21-го февраля 1741 года, былъ внесенъ Сенатомъ, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, въ Кабинетъ [34]) **).

Что касается узаконеній, издававшихся подъ именемъ „формъ" и „табелей" (форма императорскаго титула,—помиповенія при церковныхъ службахъ императорской фамиліи,—генеральной присяги,—патентовъ на чины, табель высокоторжественнымъ днямъ), также инструкцій, то они составлялись или самимъ Кабинетомъ или же Сенатомъ и Синодомъ и редижировались Кабинетомъ, а затѣмъ санкціонировались подписью правителей [35]).

Разумѣется само собою, что не только изданіе новыхъ законовъ, но и дополненіе и разъясненіе дѣйствовавшихъ составляло предметъ занятій Кабинета. Вотъ нѣсколько иллюстрацій этой стороны кабинетской дѣятельности. Оцѣнка и продажа конфискованныхъ и отписныхъ имуществъ производилась по особой инструкціи Канцеляріи конфискаціи. Въ 1738 году инструкція эта была дополнена; но вскорѣ явилась потребность въ новомъ дополненіи, которое и послѣдовало въ

*) Приводимое мѣсто указа напечатано въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 7679) съ значительными ошибками.

**) Въ настоящей статьѣ помѣщены свѣдѣнія лишь о процессѣ составленія синодскаго штата, данныя же о самомъ штатѣ приведены въ ст. «Синодъ».

декабрѣ 1740 года. 15-го декабря были изданы дополнительныя правила къ сказанной инструкціи „для наилучшаго порядка въ оцѣнкѣ конфискованныхъ и за иски отписныхъ имѣній, такожъ и ради скорѣйшей и безубыточной оныхъ имѣній продажи“ [36]). — Въ томъ же году Синодъ внесъ въ Кабинетъ докладъ, испрашивая разрѣшеніе постричь священника Казачинскаго въ монашество, по его желанію, ранѣе установленнаго для искуса срока, въ виду примѣрной его жизни. На этотъ докладъ послѣдовала резолюція Кабинета: „О постриженіи священника Казачинскаго, когда онъ добраго состоянія, по 6-ти мѣсячномъ искушеніи, учинить по разсужденію св. прав. Синода. И впредь такимъ ученымъ и благоговѣйнымъ людямъ, которые и въ мірѣ монашески живутъ, по объявленному второ-перваго собора правилу опредѣленное ко искушенію время умепьшить, и быть во искушеніи только одно лѣто и потомъ постригать: а прочихъ безъ трилѣтняго искушенія, какъ по духовному регламенту опредѣлено, монашескаго чина отнюдь не сподоблять“ [37]). — Въ іюнѣ 1741 г. Адмиралтейская коллегія представила Кабинету: мичманъ Апраксинъ, опредѣленный къ содержанію адмиралтейскаго черезъ р. Неву моста и къ сбору съ слѣдующихъ черезъ этотъ мостъ мостовыхъ денегъ, рапортомъ коллегіи объявилъ: „25-го числа сего мая чрезъ оный мостъ проѣхалъ въ каретѣ на Васильевскій островъ генералъ-полиціймейстеръ, денегъ не платилъ и сказалъ, что брать съ него не велѣно, и впредь давать не будетъ; такожъ дворцовые лакеи и пажи конные и пѣшіе, проходя, въ неплатежѣ денегъ чинятъ великіе споры. А понеже съ ѣдущихъ и идущихъ чрезъ показанный мостъ повелѣно (именными указами) деньги брать со всѣхъ, выключая только однихъ солдатъ и драгунъ, того ради коллегія принуждена всеподданнѣйше донесть и просить всемилостивѣйшаго указа съ именнымъ опредѣленіемъ, кромѣ драгунъ и солдатъ, какихъ чиновъ людей безъ платежа пропускать, дабы Адмиралтейская коллегія по тому поступать могла и напраснаго нареканія не понесла“. Вслѣдствіе этого представленія, Кабинетъ постановилъ резолюцію, которою и разъяснилъ, кого именно, кромѣ солдатъ и драгунъ, слѣдуетъ пропускать безденежно черезъ адмиралтейскій мостъ [38]).

Обнародованіе законовъ поручалось Сенату. Текстъ вновь состоявшагося узаконенія Кабинетомъ сообщался Сенату для напечатанія. Сенатъ составлялъ „формуляръ“ (форму, проектъ) изданія и вносилъ его на апробацію въ Кабинетъ. По „совершенной апробаціи“ Кабинетомъ и затѣмъ высочайшемъ утвержденіи, формуляръ, съ приказомъ: „по сему формуляру напечатавъ, публиковать“, отсылался Кабинетомъ обратно въ Сенатъ [39]). Новоустановленныя узаконенія, касавшіяся исключительно духовнаго вѣдомства, напримѣръ, форма поминовенія императорской фамиліи при церковныхъ службахъ, объявлялись духовнымъ учрежденіямъ и епархіальнымъ властямъ Синодомъ, посредствомъ разсылки печатныхъ листовъ. Печатались такіе листы при Синодѣ, въ

типографіяхъ петербургскаго Троицкаго Александро-Невскаго монастыря и московской Синодальной, церковнымъ шрифтомъ [40]).

Дѣла о назначеніи на государственныя должности.

Всѣ государственныя должности, „чины“, съ которыми соединялась извѣстная доля власти и вліянія или которыя имѣли особое значеніе, замѣщались по усмотрѣнію верховнаго правительства, именными высочайшими указами, и дѣла о таковомъ замѣщеніи проходили Кабинетъ. Къ этому разряду чиновъ относились должности: высшія придворныя [41]); дипломатическія [42]); чины прокуратуры; по Сенату и его конторамъ: сенаторы, генералъ-рекетмейстеръ и герольдмейстеръ [43]); члены Синода [44]); президенты, вице-президенты, начальники („директоры“, „главные судьи“) и члены (совѣтники и ассесоры) коллегій, канцелярій, конторъ, приказовъ, рентерей и Петербургской ратуши; высшіе чины Академіи Наукъ [45]); по областному управленію: генералъ-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы и члены центральныхъ губернскихъ установленій [46]), „главный командиръ Малороссіи“ (въ 1740 и 1741 гг. послѣдовательно: генералы Шиповъ, Кейтъ и Леонтьевъ и тайный совѣтникъ Неплюевъ) и чины „генеральной войсковой старшины“ [47]); по епархіальному управленію: правители епархій (въ санѣ митрополита, архіепископа и епископа), настоятели ставропигіальныхъ и первоклассныхъ монастырей и настоятельницы нѣкоторыхъ обителей (напр., московскаго Вознесенскаго монастыря) [48]); по военному вѣдомству: всѣ важнѣйшіе чины арміи и флота, начиная съ полковаго командира, коменданта и контрадмирала *) [49]); штабъ- и оберъ-офицеры лейбъ-гвардіи [50]); наконецъ, должность „обрѣтающагося при боровицкихъ порогахъ у спуска судовъ“, состоявшая „въ прилежномъ смотрѣніи въ пропускѣ чрезъ пороги судовъ и недопущеніи ихъ до поврежденія“ и занимавшаяся въ 1740—1741 гг. послѣдовательно полковникомъ Невельскимъ и подполковникомъ Бачмановымъ [51]) **).

---

*) Впрочемъ, производство въ полковники «къ смоленской шляхтѣ» предоставлено было Сенату. 27-го января 1741 г. въ Кабинетѣ состоялся приказъ: «Поданное изъ Сената сообщеніе о произведеніи смоленской шляхты ротмистра Ѳ. Потемкина въ полковники къ той же смоленской шляхтѣ отдать обратно, чтобъ объ немъ, Потемкинѣ, рѣшеніе учинено было въ Сенатѣ, понеже и прежде сего къ смоленской шляхтѣ въ полковники производились отъ того Сената».

**) До 1734 года въ этотъ разрядъ входили еще должности воеводъ и секретарей; но именнымъ указомъ 22-го января порядокъ назначенія на эти должности былъ измѣненъ. «Хотя, гласилъ указъ, — повелѣно опредѣляемыхъ въ городы воеводъ и къ разнымъ дѣламъ въ секретари представлять въ Кабинетѣ нашемъ, а нынѣ указали мы оныхъ воеводъ и секретарей, не представляя къ намъ, разсматривая, опредѣлять нашему Сенату» [52]).

Замѣщались перечисленныя должности не иначе, какъ по именнымъ высочайшимъ указамъ, за собственноручною регентскою подписью. Самое назначеніе производилось по выбору изъ кандидатовъ. Сенатъ, Синодъ и командиръ Малороссіи избирали, каждый по своему вѣдомству, на вакантныя должности кандидатовъ, обыкновенно по нѣсколько человѣкъ на каждую, и представляли ихъ Кабинету, который изъ нихъ и дѣлалъ уже окончательный выборъ [53]).

Прохожденіе черезъ Кабинетъ дѣлъ о назначеніи на должности и самый выборъ министрами изъ кандидатовъ не составляли одну формальность, но имѣли существенное значеніе. Подтверждаемъ это фактами. Въ іюнѣ 1740 г. Синодъ внесъ въ Кабинетъ доношеніе, которымъ требовалъ замѣщенія вакантной архіерейской каѳедры коломенской епархіи, представляя на каѳедру двухъ кандидатовъ: Варсонофія, архимандрита соловецкаго, и Тимоѳея Максимовича, архимандрита „Успенскаго Елецкаго“ монастыря, черниговской епархіи. При разсмотрѣніи Кабинетомъ этого доношенія, министръ Остерманъ заявилъ, что слѣдуетъ о немъ доложить императрицѣ „и при этомъ представить, что онъ (Остерманъ) новгородскаго епископа Амвросія (первенствующаго члена Синода) по совѣсти спрашивалъ, кого изъ кандидатовъ достойны(ѣ)е другихъ быть разсуждаетъ, на что оный архіерей объявлялъ, дабы произвести синодальнаго члена Варсонофія, архимандрита соловецкаго, въ архангелогородскую епархію, а архангелогородскаго перевесть на Коломну, ибо коломенская епархія архангелогородской степенью выше, къ тому жъ оный архимандритъ Варсонофій человѣкъ умный и о приморскихъ всѣхъ мѣстахъ извѣстный и въ управленіи упомянутой епархіи другихъ надежнѣе“. Докладъ былъ сдѣланъ и Анна Іоанновна мнѣніе Амвросія утвердила [54]).—Нѣсколько позднѣе, въ сентябрѣ, предстояло избрать на должности: сибирскаго губернатора, генералъ-кригсъ-коммиссара адмиралтейства, президентовъ Юстицъ и Вотчинной коллегій и главныхъ судей Канцеляріи конфискацій, Доимочной конторы и Сыскнаго приказа. 4-го сентября императрица приказала Кабинету выбрать на эти должности „людей добрыхъ“ и представить ей о выборѣ на другой же день. Кабинетъ-министры, получивъ такой приказъ, немедленно распорядились „о томъ сообщить генералу-прокурору (Сената) кн. Трубецкому, чтобы онъ, выбравъ на всѣ оныя мѣста кандидатовъ, сего же числа (4-го сентября), пополудни въ 7 часу, былъ къ его сіятельству графу Андрею Ивановичу Остерману“ [55]).—Въ томъ же мѣсяцѣ министры положили: „объ отправляемомъ на Уфу вице-губернаторомъ генералѣ-маіорѣ Воейковѣ доложить ея императорскому величеству, чтобъ жалованья сму давать въ годъ по 1800 рублевъ да для трактованія, по прежнимъ обыкновеніямъ, башкирцевъ и прочихъ тамошнихъ иновѣрцевъ по 600 руб. И понеже оный снабденъ будетъ довольнымъ жалованьемъ, того ради, при отправленіи его, взять у него реверсъ, подъ лишеніемъ живота, чтобъ

онъ не токмо ко взяткамъ съ дѣлъ не касался, но хотя бъ кто, и не имѣя никакого до него дѣла, сталъ его дарить, дабы ни денегъ, товаровъ, и съѣстныхъ никакихъ припасовъ отнюдь не бралъ" [56]). Случалось, что Кабинетъ представленными на извѣстную должность кандидатами не удовлетворялся и требовалъ другихъ. Такъ, въ іюлѣ 1740 г., министры, разсматривая представленіе Сената о кандидатахъ на должность смотрителя надъ спускомъ судовъ на боровицкихъ порогахъ, совѣтникѣ Давыдовѣ и подполковникахъ Бачмановѣ и Красногородцевѣ, положили: представленіе „возвратить въ Сенатъ, съ такимъ приказаніемъ, чтобъ кандидатовъ представили другихъ, изъ тамошнихъ помѣщиковъ" [57]) *).—Вотъ еще одинъ фактъ за время правленія Анны Леопольдовны. Въ августѣ 1741 года лифляндскій генералъ-губернаторъ графъ Лесси получилъ именной указъ, за подписью кабинетъ-министровъ: „Высокорожденный, намъ любезновѣрный. Всеподданнѣйше насъ просилъ лифляндскій шляхтичъ баронъ фонъ-Дельвигъ, чтобъ его при Лифляндскомъ надворномъ судѣ ассессоромъ опредѣлить съ обыкновеннымъ по тому чину жалованьемъ, по 300 ефимковъ на годъ. И мы заблагоразсудили о томъ чрезъ сіе вамъ сообщить, дабы вы объ немъ, обстоятельно увѣдомясь, разсмотрѣли и намъ представленіе учинили, достоинъ-ли онъ, Дельвигъ, въ томъ ассессорскомъ чинѣ быть и знаетъ-ли приличныя къ такому чину науки; а при томъ, ежели его во оный чинъ опредѣлить, не будетъ-ли иногда обиды другимъ, къ тому произведенію достойнымъ, а особливо тѣмъ, которые дѣйствительно въ службѣ нашей были и нынѣ находятся, понеже онъ, Дельвигъ, понынѣ еще ни въ какой службѣ не бывалъ" [58]) **).

Назначенные верховнымъ правительствомъ на должность военной или статской службы получали, въ удостовѣреніе, „патентъ на чинъ" (должность), за регентскою подписью. Патенты составлялись по высочайше утвержденной формѣ и отпечатанные вносились въ Кабинетъ „къ подписанію" [59]).

Увольненіе отъ должностей, замѣщеніе которыхъ зависѣло отъ верховной власти, разрѣшалось, конечно, тою же властью, черезъ Кабинетъ. Дѣла о такомъ увольненіи начинались въ Кабинетѣ или по представленіямъ начальствъ или же по челобитьямъ искавшихъ отставки [60]). Вопросы объ отставкѣ Кабинетъ разрѣшалъ осмотрительно,

---

*) Хотя приведенные факты и относятся ко времени (послѣднимъ днямъ) царствованія императрицы Анны, но тѣмъ не менѣе они могутъ служить матеріаломъ для характеристики дѣйствій министровъ Іоанна Антоновича, ибо, какъ уже замѣчено, функціи Кабинета въ оба царствованія были тождественны.

**) Слѣдуетъ замѣтить, что изложенный общій порядокъ замѣщенія должностей не всегда соблюдался въ точности. Какъ и во всемъ, Кабинетъ отступалъ отъ этого порядка по своему усмотрѣнію: опредѣлялъ на такія должности, которыя обыкновенно замѣщались помимо Кабинета, и опредѣлялъ, не держась выборнаго начала. Впрочемъ, случаи эти составляютъ исключеніе.

взѣшнивая тѣ обстоятельства, которыми мотивировалось представленіе или челобитье объ увольненіи. Напримѣръ, въ іюлѣ 1740 г. Сенатъ внесъ въ Кабинетъ докладъ объ „отставкѣ вовсе отъ службы и о награжденіи рангами: обрѣтающагося у дѣлъ въ С.-Петербургской губернской канцеляріи полковника Сабурова, Камеръ-коллегіи совѣтника Беклемишева и Московской губерніи прокурора Камынина". Въ докладѣ представлялось, что „хотя, по разсужденію Сената, надлежитъ ихъ за долговременную службу и старостью и что у Сабурова и Камынина по два сына въ службѣ уже находятся, отъ всѣхъ дѣлъ отставить; но понеже они, Сабуровъ, Беклемишевъ и Камынинъ, къ дѣламъ опредѣлены по именнымъ указамъ,—и объ отставкѣ ихъ и о награжденіи рангами (Сенатъ) требуетъ указа". По этому докладу, Кабинетъ распорядился потребовать отъ Сената справку, „сколько кому отъ рода лѣтъ, и съ которыхъ лѣтъ служатъ, и гдѣ кто при какихъ потребахъ и дѣлахъ были, и нынѣ какія кто изъ нихъ болѣзни имѣютъ, и у дѣлъ еще быть могутъ-ли" [61]).

Получившимъ отставку выдавался „абшитъ". Въ 1740 г. кабинетъ-министръ Остерманъ въ Кабинетѣ отдалъ приказъ: „по приложенной при семъ (приказѣ) формѣ, абшитъ генералу-лейтенанту фонъ-Сперейтеру напечатать, и для того отослать опую форму въ Военную коллегію и велѣть, напечатавъ, тотъ абшитъ взнесть въ Кабинетъ къ подписанію ея императорскаго величества" [62]).

Въ настоящій отдѣлъ включается еще функція Кабинета, родственная вышеописанной, но имѣющая особый характеръ, —принятіе иноземцевъ въ русскую службу вообще. Вотъ примѣры. Въ мартѣ и іюлѣ 1740 г., прибывшіе въ Россію офицеры и унтеръ-офицеры: нассаускій, капитанъ Малдисъ; саксонскій, поручикъ фонъ-Фейкъ; гессенкассельскій, прапорщикъ Рабенау, и еще четыре офицера и два унтеръ-офицера подали генералъ-фельдмаршалу Миниху прошенія о принятіи ихъ въ русскую военную службу. Минихъ, съ своей стороны, обратился въ Кабинетъ съ требованіемъ на эти прошенія резолюціи [63]).—Въ октябрѣ 1741 г. въ Кабинетъ поступило челобитье „каменосѣчца Лоренца Тисселя, что онъ выѣхалъ въ Россію для опредѣленія въ службу, токмо, по многимъ его прошеніямъ, не опредѣленъ, чего ради принужденъ онъ былъ адресоваться къ турецкому пашѣ (который тогда здѣсь обрѣтался), за что посаженъ подъ карауль, гдѣ и нынѣ содержится, а понеже онъ то учинилъ ища своего пропитанія, а ежели онъ, Тиссель, какой нынѣ чинъ получитъ, то по опому со всякою ревностью исполнять будетъ". Челобитье это Кабинетомъ принято было къ разсмотрѣнію.—Въ томъ же году „шлюзнаго и палатнаго строенія мастеръ" фонъ-Амерсъ подалъ въ Кабинетъ челобитную: „въ 1698 году принятъ онъ былъ въ россійскую службу, а въ 1730 году, по прошенію его, уволенъ; нынѣ проситъ о принятіи

паки въ службу вѣчно и о опредѣленіи при адмиралтействѣ". Челобитная „сообщена" была министру Остерману [64]).

Дѣла о наградахъ за службу и о другихъ актахъ высочайшей милости.

Общее число кабинетскихъ дѣлъ объ актахъ высочайшей милости, выражавшейся въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ,—весьма значительно, и вся масса этихъ производствъ (по инициативѣ верховнаго правительства и по ходатайствамъ разныхъ вѣдомствъ и челобитьямъ) распадается на три группы: 1) дѣла о наградахъ за службу и услуги государству: 2) дѣла о дарованіи привилегій и о пожалованіи недвижимостью и деньгами по другимъ, кромѣ предъидущей, причинамъ, и 3) дѣла о помилованіи преступниковъ.

Награда за службу государственную и общественную выражалась въ пожалованіи титуломъ (дворянскимъ), рангами, должностями, знаками отличія, недвижимостью, арендою, пенсіею, извѣстною частью жалованья не взачетъ, прибавкою жалованья, деньгами и подарками.

Кромѣ дѣлъ о возведеніи, за государственныя заслуги, въ дворянское достоинство Россійской имперіи, черезъ Кабинетъ проходили также дѣла о высочайшемъ разрѣшеніи иноземцамъ русской службы на принятіе пожалованнаго иностраннымъ правительствомъ титула. Такъ генералъ-фельдмаршалъ фонъ-Лесси, 24-го октября 1740 года, поданнымъ въ Кабинетъ доношеніемъ, сообщая, что онъ съ потомствомъ пожалованъ „его римско-цесарскимъ императорскимъ величествомъ въ чинъ рейхсъ-графа", просилъ, „дабы повелѣно было пожалованную ему отъ его цесарскаго величества рейхсъ-графскую честь ему принять". О послѣдовавшемъ на эту просьбу высочайшемъ соизволеніи Кабинетъ, указами, сообщилъ Лесси и, для публикаціи, Сенату [65]). Дипломы и гербы пожалованнымъ титуломъ (дворянскимъ) „сочинялись" въ Герольдмейстерской конторѣ Сената и послѣднимъ вносились въ Кабинетъ „для апробаціи" [66]).

Пожалованіе, за отличіе или „долговременную службу", рангами по инициативѣ верховнаго правительства какихъ либо ограниченій, конечно, не имѣло; ходатайства же и челобитья о такомъ награжденіи направлялись въ Кабинетъ лишь въ случаяхъ производства въ ранги крупные: сверху до полковника и коллежскаго ассесора включительно [67]) *), также въ „рангъ почетнаго члена" Академіи Наукъ. Случай представленія о пожалованіи послѣднимъ рангомъ былъ въ 1740 году. Въ апрѣлѣ этого года, Академія Наукъ внесла въ Кабинетъ доношеніе, испрашивая резолюціи: „не повелѣно-ль будетъ доктора и профессора Академіи Дуверноя" (Дювернуа), по его просьбѣ,

*) Производство въ ранги низшіе предоставлено было Сенату.

по болѣзни, „отъ Академіи уволить и, за его прилежные и долговременные при Академіи труды, наградить рангомъ академическаго почетнаго члена, съ произвожденіемъ жалованья въ годъ по 200 руб.“ [68]). Непосредственно же отъ верховной власти зависѣло возведеніе, по представленію Синода, въ санъ архіепископа и епископа. Напримѣръ, 7-го января 1741 года правительница подписала именной указъ Синоду: „Всемилостивѣйше указали мы опредѣленному къ городу Архангельскому епископу Варсонофію, по прежнимъ примѣрамъ, дать санъ архіепископства, о чемъ ему въ Синодѣ и объявить, по силѣ духовныхъ регламентовъ“ [69]).

При разрѣшеніи дѣлъ о пожалованіи рангами (какъ и вообще вопросовъ о наградахъ за службу), Кабинетъ имѣлъ передъ собою свѣдѣнія, въ представленіяхъ и челобитьяхъ, о службѣ и личныхъ качествахъ искавшихъ награды; въ случаѣ недостатка этихъ данныхъ, онъ требовалъ, въ дополненіе, свѣдѣній отъ Сената. Такъ въ 1741 году, вслѣдствіе сенатскаго представленія о награжденіи подполковника Дурнова рангомъ, министръ Остерманъ „приказалъ: поданный изъ Сената докладъ отдать обратно, чтобъ въ опомъ было дополнено: оный Дурной, въ бытность его въ Юрьевской провинціи воеводою и у прочихъ дѣлъ, порядочно-ль поступалъ и не имѣется-ль на него какого подозрѣнія, и счеты свои, какъ указами повелѣно, окончилъ-ли, и во всемъ-ли исправенъ“.—По челобитью „Новгородской губерніи (губернской канцеляріи) совѣтника“ Кушелева о пожалованіи его за приборъ пошлинъ и долговременную службу, „вмѣсто награжденія“, въ статскіе совѣтники, Кабинетъ распорядился: „о всѣхъ его, Кушелева службахъ и достоинствѣ, справясь, разсмотрѣть въ Сенатѣ, и какимъ его рангомъ надлежитъ-ли наградить—со мнѣніемъ представить въ Кабинетъ“.— Вслѣдствіе прошенія „Коллегіи экономіи статскаго совѣтника Ивана Тимирязева, дабы пожалованъ онъ былъ, за его вѣрныя службы“, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, кабинетъ-министры приказали: изъ Герольдмейстерской конторы Сената *) подать свѣдѣніе: проситель „съ котораго и по которое время въ воинской службѣ былъ и въ статской обрѣтается и гдѣ онъ спачала по полкамъ служилъ, такожъ и у статскихъ дѣлъ у какихъ именно былъ, и какимъ образомъ въ чины даже до нынѣшняго его чина происходилъ“. Порядокъ разрѣшенія подобныхъ дѣлъ характеризуетъ и слѣдующее положеніе министровъ, въ октябрѣ того же года: „по поданному изъ Сената докладу о награжденіи рангомъ коллежскаго совѣтника бывшаго въ Казанской губерніи прокурора Неелова резолюціею обождать по тѣхъ мѣстъ, пока по имѣющемуся объ немъ въ Военной коллегіи дѣлу о произнесенныхъ отъ него, Неелова, въ бытность его въ ка-

*) Въ ней сосредоточивались свѣдѣнія о служиломъ сословіи вообще.

запскомъ гарнизонномъ драгунскомъ полку капитаномъ, непристойныхъ словахъ, касающихся къ знаменамъ, изслѣдовано будетъ“ [70]).

Высочайшіе указы о послѣдовавшихъ наградахъ рангами и патенты на послѣдніе закрѣплялись правительскою подписью [71]).

На производство, въ видѣ награды, въ должности указываютъ факты, въ 1741 году: 1) переводчикъ Сената Иванъ Крокъ всеподданнѣйше просилъ „пожаловать его въ секретари“ сенатской экспедиціи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, и проситель былъ удовлетворенъ, и 2) отставной капитанъ Посниковъ билъ челомъ на высочайшее имя, чтобы его, за долговременную службу, наградить рангомъ и опредѣлить воеводою въ Свіяжскъ, и на челобитной подписана была правительницею резолюція: „Повелѣваемъ (Сенату) рангомъ наградить и воеводою въ Свіяжскъ опредѣлить“ [72]).

Случаевъ награжденія знаками отличія: орденами и шпагою— немного. Орденами, между прочимъ, награждены были, за военныя дѣйствія противъ шведовъ, въ 1741 году, генералы Альбрехтъ, Ливенъ, Ферморъ и Штофель, всѣ—„кавалеріею ордена Александра Невскаго“. Ордена эти, для врученія награжденнымъ, посланы были къ генералъ-фельдмаршалу Лесси изъ Кабинета, при указѣ, за подписью кабинетъ министровъ [73]). Право ношенія шпаги—награду за службу общественную, получили, въ данное время, нѣсколько лицъ торговаго сословія. Награжденія этого искалъ также тобольскій купецъ Масловъ, но безуспѣшно. Въ челобитной онъ писалъ: „былъ онъ въ Тобольскомъ магистратѣ надъ всѣмъ сибирскимъ купечествомъ президентомъ, и тое должность, къ пользѣ государственной и народной, чрезъ семь лѣтъ правилъ со обрѣтавшимися при немъ члены безжалованно, и за тое службу ожидаетъ милостиваго награжденія“—пожалованія шпагою. Кабинетъ разсудилъ: „что онъ (Масловъ) проситъ, чтобъ за прежнюю его службу позволить носить шпагу, по когда онъ въ то время, какъ былъ въ службѣ (до 1738 года), получить не могъ, то нынѣ, упустя столь много лѣтъ и не вѣдая обстоятельно какую онъ тогда прибыль учинилъ и вѣрность показалъ, того учинить не возможно“ [74]).

Актъ пожалованія арендою достаточно обрисовывается именными указами Сенату 18-го января и 24-го апрѣля 1741 года. Первымъ указомъ было „вновь опредѣленіе учинено, чтобъ въ арендахъ публичныхъ коронныхъ мызъ въ Лифляндіи и Эстляндіи тамошнему шляхетству предъ чужими и посторонними неотмѣнное имѣть преимущество, и для того у нѣкоторыхъ, кои противно тому арендами владѣютъ, хотябъ и указы на то имѣли, тѣ аренды отобрать и другимъ изъ шляхетства отдать; а какая по тому въ арендахъ отмѣна учинена, у кого отобраны и кому вновь отданы быть имѣютъ, о томъ подать (на высочайшее имя, въ Кабинетъ) извѣстіе“. Повелѣніе это, вслѣдствіе неправильнаго толкованія его при исполненіи, было разъяснено именнымъ указомъ 24-го апрѣля 1741 года. „При такомъ (18-го января)

отъ насъ опредѣленіи,—говорилось въ этомъ указѣ,—всемилостивѣйшее наше намѣреніе паиглавнѣйше сіе было, чтобъ помянутому шляхетству новыя оказательства нашей императорской милости подать и оное чрезъ то къ продолжаемой ревности и охотѣ къ службѣ нашей толь вящше побуждать, дабы, особливо убогое, шляхетство въ состояніи дѣтей своихъ къ службѣ нашей надлежащимъ образомъ воспитать, толь лучше приведено, а происшедшіе допынѣ противно тому намѣренію во владѣніи арендовъ непорядки пресѣчены быть могли, якоже разными случаями, особливо же происками бывшаго регента и герцога курляндскаго, нѣкоторыя аренды отданы были такимъ людямъ, которые весьма чужіе и никакой къ намъ заслуги не имѣютъ, слѣдовательно же чрезъ то тамошнему шляхетству и тѣмъ, которые намъ и государству нашему вѣрныя службы показываютъ, немалыя обиды чинены. Но понеже намъ извѣстно учинилось, что по оному нашему указу такое исполненіе учинится, которое со всемилостивѣйшимъ нашимъ намѣреніемъ не вовсе сходно есть, яко аренды, дѣйствительно и не ожидая на подаваемое извѣстіе нашей резолюціи, отбираются у всѣхъ генерально, которые не изъ тамошняго шляхетства, а между оными многіе такіе есть, которые отчасти тамошніе урожепцы и хотя не изъ шляхетства, однакожъ дѣйствительно въ нашей службѣ и въ такихъ чинахъ, которые имъ рангъ и достоинство шляхетское придаютъ, находятся или прежде сего находились и такія аренды вмѣсто награжденія за вѣрныя ихъ службы получили, отчасти же такіе, которые хотя и не лифляндцы и эстляндцы, однакоже равномѣрныя къ намъ заслуги имѣютъ и долговременнымъ въ службѣ здѣшней пребываніемъ такихъ, арендными дачами имъ учиненныхъ награжденій себя достойными учинили; сверхъ же того, имѣются послѣ такихъ заслужепныхъ людей оставшіяся вдовы, которыя оставленными имъ отъ мужей ихъ арендами владѣютъ, и, окромѣ оныхъ, съ дѣтьми своими никакого инаго пропитанія и къ пребыванію мѣста не имѣютъ. А ежели-бъ у всѣхъ такихъ людей аренды отобрать, особливо когда они, надѣясь на имѣющіеся о владѣніи арендовъ обыкновенное на урочные годы контракты и на именные въ пользу оныхъ указы, въ тѣ арендныя маетности немалыя иждивенія положили, такожде и въ прочемъ аренды свои порядочно управляли, тобъ оным людямъ не токмо немалая изъ того обида и безвинный убытокъ и раззореніе, о чемъ намъ разныя прошенія и жалобы поданы и отъ Лифляндской губерніи всеподданнѣйшее намъ представленіе учинено, произойти могло, но такое весьма генеральное толкованіе вышеписаннаго указа нашему высочайшему императорскому великодушію и всемилостивѣйшему неотмѣнному намѣренію къ справедливому награжденію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ и вѣрныхъ ихъ службъ весьма противно и предосудительно было. Того ради мы всемилостивѣйше, взирая на такія обстоятельства, заиотребно разсудили вышеписанный нашъ указъ такимъ образомъ

изъяснить, что хотя, по силѣ сего и прежнихъ указовъ, лифляндское и эстляндское шляхетство, особливо тѣ, которые дѣйствительно въ службѣ нашей находятся и собственныя деревни или имѣнія къ довольному своему содержанію и дѣтей своихъ воспитанію не имѣютъ, всегда преимущество имѣть должны, и мы ихъ при томъ неотмѣнно всемилостивѣйше содержать и защищать, такожде и въ прочемъ во всѣхъ случаяхъ онымъ дѣйствительные знаки нашей императорской милости подавать всемилостивѣйше склонны, то однакожъ нашего намѣренія нѣтъ, чтобъ другіе тамошніе, хотя не изъ шляхетства, уроженцы, которые въ дѣйствительной нашей службѣ находятся, отъ того вовсе выключены или же и чужіе, которые вѣрною своею къ намъ и государству нашему службою милости и награжденія себѣ достойными показали и, владѣя арендами, чрезъ то самое въ подданство наше пришли и съ прочими подданными нашими равными себя учинили, оныхъ арендовъ прежде окончанія урочныхъ по данным контрактамъ годовъ безвинно лишены были. Тоже разумѣется и объ убогихъ вдовахъ, которыя послѣ мужей своихъ, въ службѣ нашей бывшихъ, по имѣющимъ контрактамъ аренды и отъ оныхъ пропитаніе свое имѣютъ, такожде и о тѣхъ, которые изъ особливой императорской милости, по именнымъ указамъ и за справедливыми причинами, арендами какими пожалованы. О которыхъ обо всѣхъ надлежитъ справедливое разсмотрѣніе имѣть, и, не отобравъ болѣе ни у кого арендовъ, подать намъ, по силѣ вышеписаннаго нашего отъ 18-го января указа, извѣстіе обо всѣхъ, которые нынѣ арендами и на какомъ основаніи владѣютъ и у кого оныя отняты и кому вновь пожалованы быть имѣли-бъ, и на то ожидать наше всемилостивѣйшее рѣшеніе. И повелѣваемъ нашему Сенату учинить о томъ по сему нашему указу и куда надлежитъ послать немедленно указы“ [75]).

Примѣровъ пожалованія, за службу и вѣрность правительству (т. е. партіи), недвижимостью, пенсіею, жалованьемъ не взачетъ, прибавкою жалованья, деньгами и подарками—масса. Особенно много было такихъ наградъ по случаю побѣды партіи, противной Бирону, въ ноябрѣ 1740 года, и разгрома шведскихъ войскъ, подъ крѣпостью Вильманстранде, въ слѣдующемъ году. О нѣкоторыхъ знакахъ высочайшей милости по первому случаю сказано уже выше (въ описаніи личнаго состава Кабинета), что же касается наградъ по второму, то пожалованы онѣ были всѣмъ безъ исключенія участвовавшимъ въ бою. Кромѣ орденовъ четыремъ генераламъ (о чемъ только-что упомянуто), пожалованы: генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Лесси, „за его многовременныя и особливо при нынѣшнемъ случаѣ оказанныя ревностныя службы“—20,000 руб.; генералу Кейту—пенсіонъ, сверхъ жалованья, по 3,000 руб. въ годъ; генераламъ Штофелю (кромѣ ордена) и Бахметеву—годовое не взачетъ жалованье; прочимъ—трехмѣсячное жалованье не взачетъ и другія награды. Объ этомъ чрезвычайномъ на-

гражденіи узнаемъ, между прочимъ, изъ именнаго указа Военной коллегіи 28-го августа 1741 года: „Для всемилостивѣйшаго награжденія показанныхъ отъ войскъ нашихъ при полученной надъ шведами побѣдѣ храбрыхъ поступковъ, мы заблагоразсудили, по прежнимъ примѣрамъ, всѣмъ при томъ случаѣ дѣйствительно бывшимъ, начавъ отъ капитана, оберъ-офицерамъ и другимъ нижнимъ чинамъ и рядовымъ пожаловать въ чрезвычайную дачу жалованья на три мѣсяца не взачетъ онаго, и о дѣйствительной выдачѣ такого награжденія къ генералу-фельдмаршалу графу фонъ-Лессію указъ нашъ посланъ, а прочимъ штабъ-офицерамъ и генералитету, особливое награжденіе отъ насъ опредѣлено будетъ, какъ скоро о тѣхъ, которые при томъ случаѣ были, вѣдомость отъ помянутаго генерала-фельдмаршала получимъ; также и убитыхъ при томъ офицеровъ и солдатъ оставшіяся жены и дѣти императорскою нашею милостью призрѣны быть имѣютъ. О чемъ Военной коллегіи чрезъ сіе объявляется, со всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ о немедленномъ снабденіи генерала-фельдмаршала графа фонъ-Лессія на такую при войскѣ чрезвычайную дачу потребною денежною суммою попеченіе имѣть“ [76]). Изъ другихъ случаевъ матеріальной награды и пособія за служебные труды и усердіе приводимъ слѣдующіе. Въ 1740 году, по ходатайству Медицинской канцеляріи передъ Кабинетомъ, послѣдовала денежная награда докторамъ и лѣкарямъ, посылавшимся въ 1738 году изъ Петербурга и Москвы въ Бѣлогородскую губернію „для предосторожности отъ опасныхъ болѣзней“. Въ слѣдующемъ году одинъ изъ этихъ медиковъ, докторъ Севастъ, „за бытность его въ Бѣлогородской губерніи у осмотра опасной болѣзни“, высочайше награжденъ былъ еще 200 рублями, о выдачѣ которыхъ и данъ былъ именной указъ Сенату [77]).—Въ этомъ же году Сенатъ представлялъ Кабинету „о выдачѣ архитектору Трезину, за ревностную его службу и добропорядочные поступки, въ награжденіе 1700 руб. да къ получаемому имъ нынѣ жалованью о прибавкѣ по 200 руб. въ годъ“ [78]).—Въ 1740—1741 гг. на разсмотрѣніе Кабинета поступили челобитья: генералъ-маіора и сенатора Философова „о награжденіи его, для скудости, чѣмъ бы онъ могъ по рангу своему безъ нужды себя содержать“, и (16-го іюля 1740 г.) генералъ-прокурора кн. Трубецкаго, „чтобъ, для его недостатковъ и самой крайней нужды, пожаловать ему въ вѣчное и потомственное владѣніе дворъ изъ конфискованныхъ нынѣ Платона Мусина-Пушкина, что на Мойкѣ или который указано будетъ“ [79]).

Производились также дѣла о пособіи находившимся въ отставкѣ и семействамъ умершихъ чиновъ. Вотъ нѣсколько представленій и челобитій о такомъ пособіи. Ходатайствовали: Сенатъ: „о награжденіи отставнаго бригадира Козлова за долговременную службу, для скудости, пропитаніемъ“ и о назначеніи пенсіи отставному поручику Фуксу, присланному Военною коллегіею въ Сенатъ „для опредѣленія къ

пропитанію“ [80]). Коллегія иностранныхъ дѣлъ — что „вдова бывшаго секретаря этой коллегіи Келлермана Ирина Келлерманова бьетъ челомъ, что оный мужъ ея служилъ у отправленія на иностранныхъ языкахъ дѣлъ лѣтъ съ 30 со всякою вѣрностью и прилежаніемъ и, будучи чрезъ два года въ болѣзни, впалъ на излѣченіе въ долги; также и она на погребеніе его, заимвъ, издержала близъ 100 руб., и вдовствуетъ съ сирыми дѣтьми въ самой крайней скудости, и проситъ, дабы, за службы мужа ея, на оплату долговъ что пожаловать и на пропитаніе опредѣлить милостивую погодно дачу. И коллегія представляетъ, по примѣру дачъ въ военныхъ службахъ умершихъ иноземцевъ женамъ и дѣтямъ, оной вдовѣ съ сыномъ въ годъ 101 руб. $16^1/_2$ коп. и на оплату долговъ достойно пожаловать ей 200 руб., и о томъ требуетъ указа“ [81]). Былъ челомъ: въ мартѣ 1710 г., отставной маіоръ „Авраамъ, Петровъ сынъ, Ганнибалъ о прибавкѣ ему къ нынѣшнему сторублевому окладу и о пожалованіи изъ ревельскихъ казенныхъ мызъ крестьянскихъ семей, сколько соизволено будетъ“. Въ іюнѣ 1741 г.,— „бывшій при его императорскомъ величествѣ блаженныя памяти Петрѣ II-мъ учитель“ Соломонъ Земанъ „объ опредѣленіи ему на пропитаніе жалованья“. Челобитчики эти получили отъ Кабинета отказъ [82]).— Вдова полковника Ирина Сафонова, рожденная княжна Долгорукова, о пожалованіи ей, за службы мужа ея и по крайней бѣдности, „пропитанія“. Разсматривая послѣднее челобитье, министры, въ самомъ Кабинетѣ, брали отъ просительницы „сказку во изъясненіе“ ея просьбы. По показанію Сафоновой, мужъ ея служилъ непрерывно съ 1704 по 1739 годъ; сперва въ Преображенскомъ полку, а затѣмъ въ арміи въ чинѣ полковника, и былъ „во многихъ баталіяхъ, приступахъ и акціяхъ“. Происходя изъ небогатаго дворянскаго рода, онъ содержалъ себя съ женою однимъ жалованьемъ. Послѣ его смерти, просительница, не имѣвшая недвижимости, осталась „безъ всякаго пропитанія“ и безъ надежды на помощь со стороны единственнаго (близкаго?) родственника. На просьбу Сафоновой послѣдовала резолюція, за подписью правительницы: „Вдовѣ И. Сафоновой, для ея бѣдности и неимущества, всемилостивѣйше жалуемъ на пропитаніе по смерть ея изъ отписныхъ деревень 50 дворовъ, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ она тѣхъ деревень ни продать, ни заложить и разорить не могла, и то въ смотрѣніе поручить кому отъ Сенатской конторы за потребно разсуждено будетъ“ [83]).

Таковы были дѣла о наградахъ собственно за службу; къ нимъ примыкаютъ производства о награжденіи за разнаго рода услуги государству: за правый доносъ, составленіе проектовъ и т. п. Вслѣдствіе челобитья пастора дворцовой Дудоргофской (Дудоровской) кирки Ягана Ганшіуса о пожалованіи ему, „за правый при переписи въ Ингерманландіи о прописныхъ душахъ доносъ“, деревни, Кабинетъ приказалъ: „сему просителю объявить, что деревня ему дана не будетъ,

а награжденіе учинить ему такое, какъ указы повелѣваютъ“ [84]). — Разсматривались Кабинетомъ также челобитья: купца г. Симбирска Корелинова о пожалованіи ему награды за донось на симбирскихъ купцовъ „въ похищеніи интереса“; — „иркутскаго дворянина Литвинцова о награжденіи его за правый на бывшаго иркутскаго вице-губернатора Жолобова донось, такожъ и за долгое его подъ карауломъ сидѣніе, чѣмъ соизволено будетъ“, и — лифляндскаго шляхтича Блихерта о пожалованіи, „за подачу имъ разныхъ проектовъ“, сверхъ выданныхъ ему 200 руб., награжденія, такъ какъ на свое содержаніе въ Петербургѣ издержалъ онъ до 700 руб. На челобитье Блихерта послѣдовала резолюція министровъ: „челобитную отдать обратно, съ такимъ объявленіемъ, дабы онъ (проситель) тѣмъ, что ему дано, былъ доволенъ“ [85]).

Къ описываемому же времени относится актъ подтвержденія жалованной (за подвигъ Ив. Сусанина) грамоты Сабинину. Въ августѣ 1740 г. кабинетъ-министры „слушали сообщеніе изъ Сената о дачѣ (грамоты) въ подтвержденіе Костромскаго уѣзда, деревни Коробовой, крестьянамъ-бѣломѣстцамъ о небраніи ихъ въ службу и никакихъ съ нихъ податей жалованныхъ грамотъ“, и положили „написать въ докладѣ ея императорскому величеству“. 25-го числа того же мѣсяца императрица указала подтвердительную грамоту выдать. Въ концѣ октября „сочиненный въ Сенатѣ формуляръ этого акта былъ внесенъ въ Кабинетъ на апробацію. По утвержденіи формуляра (подписью регента Бирона и контрасигнированіемъ кабинетъ-министровъ), грамота, по распоряженію Сената, написана была въ Иностранной коллегіи и затѣмъ Сенатомъ же внесена въ Кабинетъ для подписи. Подписанная правительницею, она, въ концѣ сентября 1741 г., отослана была въ Сенатъ для врученія Сабинину [86]).

Переходимъ ко второй группѣ разсматриваемыхъ дѣлъ, именно къ дѣламъ о пожалованіи привилегій, содержанія нѣкоторымъ лицамъ, награжденія за принятіе православія, денегъ на выкупъ должниковъ и, наконецъ, о пожалованіи особаго свойства.

Въ декабрѣ 1740 года магистратъ и мѣщанство г. Выборга въ Кабинетѣ били челомъ: „Прошлаго 1738 года, августа 20-го числа, именнымъ ея императорскаго величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ выборгскій магистратъ и мѣщанство о конфирмованіи городу Выборгу привилегій, сколь скоро разсмотрѣны будутъ, всемилостивѣйше обнадеживаны. А нынѣ уже нѣкоторое время предъ симъ поданное въ прошломъ 1734 году въ правительствующій Сенатъ отъ всего города прошеніе о конфирмованіи прежнихъ и о пожалованіи вновь привилегій, вмѣсто тѣхъ привилегіевъ, которыя послѣ заключеннаго нейштадтскаго мира стали быть неудобны, уже въ правительствующемъ Сенатѣ разсмотрѣно и со мнѣніемъ въ высокій вашего императорскаго

величества Кабинетъ взнесено. И понеже градскіе жители безъ привилегій въ удобное поправленіе и въ состояніи приведены быть никакъ не могутъ да и магистрату, за неимѣніемъ оныхъ привилегій, потребныхъ ко исправленію градскихъ публичныхъ нуждъ и необходимыхъ потребъ доходовъ получать неочему, къ томужъ и купечеству чинится отъ пріѣзжихъ сторонніихъ купцовъ великое утѣсненіе, отчего тутошніе купцы прійти могутъ во всекопечное убожество и раззореніе, и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было онаго въ бѣдномъ состояніи и отъ многихъ безсчастій въ западеніи находящагося города вышеупомянутыми привилегіями обрадовать". Кабинетъ, въ мартѣ слѣдующаго года, положилъ: „Поданныя въ Кабинетъ его императорскаго величества города Выборга магистрата и мѣщанства прошеніе и сенатское допошеніе 1736 г. іюля 18-го дня о конфирмаціи того города прежнихъ и о пожалованіи вновь привилегій возвратить въ Сенатъ, чтобъ, нынѣ разсмотря, вновь представили" [87]). — Въ 1740 году, по всеподданнѣйшему допошенію Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Кабинетъ, именнымъ указомъ повелѣно было: „Кахетскому князю Іосифу Багратіону (или Багратіану) съ фамиліею его жить въ Казани и на пропитаніе давать по 200 рублевъ на годъ" и на расплату долговъ выдать (и выдано) ему изъ казны 500 руб. По смерти князя, въ ноябрѣ того же года, вдова его съ малолѣтнею дочерью обратилась въ Иностранную коллегію съ просьбой: „что она для погребенія и поминовенія и на расплату долговъ мужа ея забрала у разныхъ людей въ долгъ болѣе 150 руб., и чтобъ ей то пожаловать, а впредь, для пропитанія ея съ дочерью и служителя, давать жалованье, опредѣленное мужу ея, такожъ, для житія ей съ домашними, пожаловать ей въ Москвѣ дворъ". Прошеніе это коллегія представила на высочайшее усмотрѣніе, сопровождая своимъ „всенижайшимъ и слабѣйшимъ мнѣніемъ, что опредѣленное мужу ея (просительницы) жалованье, по 200 руб. въ годъ, для ея вдовства и сиротства, давать необходимо надлежитъ, ибо безъ того она жить не имѣетъ чѣмъ; а о выдачѣ заемныхъ на погребеніе мужа ея и на оплату долговъ и о пожалованіи въ Москвѣ ей, княгинѣ, съ дочерью двора состоитъ въ высочайшемъ соизволеніи вашего императорскаго величества". 9-го марта 1741 года на этомъ докладѣ подписана была правительницею резолюція: „По сему докладу умершаго кахетскаго князя Багратіана женѣ его съ дочерью, для ихъ чужестранства и сиротства, всемилостивѣйше жалуемъ изъ опредѣленнаго ему, Багратіону, жалованья давать каждой по 100 рублевъ на годъ, по смерть ихъ и по то время, ежели кто изъ нихъ въ замужество выйдетъ" [88]). Въ то же время производилось и другое, подобное же дѣло,—о пожалованіи содержанія семейству умершаго грузинскаго царя Вахтанга Леоновича [89]). — Въ февралѣ 1741 г. въ Кабинетъ поступила всеподданнѣйшая челобит-

ная Бутырскаго пѣхотнаго полка капитана Ивана Сулимовскаго съ просьбой о пожалованіи его за службу деревнями и заявленіемъ о его желаніи вступить въ русское подданство и принять православіе. Кабинетъ предварительно распорядился обращеніемъ просителя въ православіе, приказавъ Синоду „Сулимовскаго, по освидѣтельствованіи желанія его, утвердя, привесть въ вѣру греческаго исповѣданія, надлежащимъ образомъ, съ совершеннымъ его познаніемъ“. По полученіи Кабинетомъ сообщенія Синода, что Сулимовскій, „по достодолжномъ къ воспріятію православнаго восточнаго исповѣданія вѣры наставленіи и по усмотрѣніи непремѣннаго его оной православныя вѣры желанія, къ св. церкви, по церковному чинопололоженію, въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ, принятъ“, состоялась высочайшая, за подписью правительницы, резолюція: „Онаго капитана Сулимовскаго о бытіи ему въ вѣчномъ намъ подданствѣ утвердить присягою и, за воспріятіе имъ вѣры греческаго исповѣданія, всемилостивѣйше жалуемъ ему въ Казанской губерніи изъ отписныхъ, а буде тамо отписныхъ нѣтъ, то изъ дворцовыхъ нашихъ деревень, 100 душъ съ принадлежащими угодьи“. Резолюція эта, въ формѣ именнаго указа, направлена была въ Сенатъ для исполненія [90]). Замѣтимъ, что приведенный случай награды за принятіе православія — не единственный [91]).—Въ 1741 году въ Кабинетъ вступило нѣсколько челобитныхъ лицъ, содержавшихся въ Петербургской ратушѣ за „партикулярные“ долги. Должники просили, чтобы повелѣно было ихъ „пожаловать—искупить отъ долговъ“ (незначительныхъ, отъ 30 до 170 р.), которыхъ они „за всеконечною скудостью и бѣдностью“, платить не въ состояніи. Кабинетъ разсудилъ: челобитныя отослать въ Сенатъ съ приказаніемъ: „съ тѣми дѣлами, по которымъ они (челобитчики) содержатся, справиться, было-ль объ нихъ свидѣтельство, что имъ подлинно тѣхъ исковъ платить нечѣмъ, и ежели явится, что кто изъ нихъ заплатить можетъ, съ тѣхъ о взысканіи поступать по указамъ; буде же кто вдругъ конечно заплатить не въ состояніи, то у нихъ спросить, въ какіе сроки могутъ они платежемъ исправиться или не сыщутъ-ли такихъ людей, которые бъ могли за нихъ, по силѣ указа, платить на годъ по 24 рубля, и по тому надлежащее опредѣленіе учинить“ [92]). Въ тоже время, Кабинетъ, по челобитью „с.-петербургскаго жителя, купецкаго человѣка Лесникова о искупленіи его отъ имѣющагося на немъ долга“ — 30 руб., постановилъ: челобитную „отдать въ Сенатъ, чтобъ освидѣтельствовали, подлинно-ль ему платить нечѣмъ, и по тому надлежащее рѣшеніе учинить, какъ указы повелѣваютъ“ [93]).—Наконецъ, примѣрами пожалованія особаго характера, такого пожалованія, мотивомъ котораго было желаніе задобрить, прямо или косвенно, извѣстное лицо или лица, служатъ слѣдующіе два факта. 19-го января 1741 года подписанъ былъ именной указъ Сенату: „Всемилостивѣйше пожаловали мы любезнѣйшей госу-

дарынѣ бабкѣ нашей, ея высочеству цесаревнѣ Елисаветъ Петровнѣ, во владѣніе приморскій домъ покойнаго новгородскаго архіерея Ософана, лежащій по берегу моря, ниже Ингергофа къ Оранъенбауму, съ землями и съ строеніемъ и со всѣми къ тому дому принадлежностьми. Того ради нашъ Сенатъ имѣетъ учинить по сему нашему указу“ [94]) *).—Въ началѣ 1740 года, „Верхней Помераніи, города Браммена студентъ“ Бетманъ, племянникъ и наслѣдникъ бывшаго гофъ-интенданта Кармедона, все имущество котораго, за упущеніе по службѣ, было конфисковано, началъ искъ объ отдачѣ ему, Бетману, пожитковъ дяди. Искъ этотъ, не смотря на его неосновательность, поддерживало шведское правительство, ходатайствуя передъ Кабинетомъ чрезъ свое при Русскомъ Дворѣ посольство. Ходатайство, не поддержавъ иска, вызвало, однако, денежное отъ Кабинета пособіе истцу. Въ августѣ 1741 года шведскій королевскій коммиссіонъ-секретарь получилъ отъ Кабинета увѣдомленіе: „На то, что шведскій коммиссіонъ-секретарь Лагерфлихтъ отъ 28-го минувшаго іюля сего 1741 года представляетъ объ отдачѣ положенныхъ отъ здѣшней Канцеляріи отъ строеній въ секвестрацію пожитковъ умершаго гофъ-интенданта Антона Бетмана Кармедона пребывающему здѣсь наслѣднику его, студенту Бетману, чрезъ сіе объявляется: понеже при животѣ онаго Кармедона, въ бытность въ помянутой Канцеляріи отъ строеній командиромъ, непорядочные его поступки произошли, отъ которыхъ послѣдовали не малые казенные убытки, за что онъ отъ той канцеляріи былъ отрѣшенъ, а по смерти его и всѣ его имѣнія конфискованы, которыхъ хотя весьма противъ того, что съ него взыскать надлежитъ, много недостаетъ, а сверхъ того онъ за тѣ свои непорядки не токмо штрафу, но и тѣлесному наказанію подлежалъ, однакожъ вышеобъявленному его, Кармедонову, наслѣднику Бетману, изъ одного милостиваго разсужденія, для долговременнаго его здѣсь за тѣмъ дѣломъ житія, выдано изъ Кабинета его императорскаго величества 500 рублевъ“ [95])**).

Остается сказать объ актахъ послѣдней группы: о помилованіи приговоренныхъ къ смертной казни, освобожденіи находившихся въ ссылкѣ и возвращеніи конфискованныхъ имуществъ. Оставляя свѣдѣнія о помилованіи присужденныхъ къ казни—акта, тѣсно связаннаго съ производствомъ дѣлъ уголовныхъ, до описанія дѣйствій Кабинета по дѣламъ судебнымъ, приводимъ здѣсь данныя о двухъ послѣднихъ актахъ. Въ періодъ борьбы партій и владычества Бирона, ссылка, иногда съ конфискаціею имущества, лицъ, принадлежавшихъ къ противному лагерю или не поладившихъ съ временщикомъ,—была дѣломъ заурядъ-

*) Отношенія цесаревны къ современному правительству—извѣстны.

**) Выдача эта произведена была вскорѣ послѣ объявленія Швеціею войны съ Россіею.

нымъ. Послѣ паденія Бирона, когда осиливная партія достаточно укрѣпилась, началось явленіе обратное: многихъ прежнихъ политическихъ преступниковъ нашли возможнымъ освободить изъ ссылки и заточенія, многимъ — возвратить конфискованное у нихъ имущество. 29-го декабря 1740 года Анна Леопольдовна подписала указъ начальнику Тайной канцеляріи Ушакову: „Но кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, его императорскаго величества Петра Великаго, кто имены и за какія вины по Тайной канцеляріи понынѣ куда посланы въ ссылку съ наказаніемъ или безъ наказанія, вѣчно или временно, учиня обстоятельный экстрактъ, подать намъ для всемилостивѣйшаго разсмотрѣнія немедленно“ [96]). Въ началѣ слѣдующаго года, составленные, вслѣдствіе этого указа, экстракты внесены были на разсмотрѣніе Кабинета и послѣдній доложилъ императору: „Разсматриваны въ Кабинетѣ поданные изъ Тайной канцеляріи экстракты о ссыльныхъ по дѣламъ той канцеляріи людяхъ. И по тому разсмотрѣнію которые изъ тѣхъ ссыльныхъ нынѣ освобождены быть могутъ, ежели на то всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества соизволеніе будетъ, о тѣхъ чрезъ сіе всеподданнѣйше представляется“ [97]). Изъ многихъ случаевъ освобожденія ссыльныхъ и заточенныхъ и возвращенія отписнаго имущества сообщаемъ болѣе выдающіеся. Именнымъ указомъ, въ январѣ 1741 года, повелѣно было находившихся въ дальней ссылкѣ князей Петра Михайловича и Алексѣя Дмитріевича Голицыныхъ освободить и обязать ихъ жить въ деревняхъ своихъ, до указа, безвыѣздно. Этимъ повелѣніемъ одинъ изъ освобожденныхъ, князь Алексѣй Дмитріевичъ, деревни котораго были конфискованы, поставленъ былъ въ понятное затрудненіе, и, въ апрѣлѣ, онъ подалъ всеподданнѣйшую челобитную: „Высочайшимъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшимъ указомъ пожалованъ я, нижайшій, изъ города Кизляра свобожденъ, и повелѣно мнѣ жить въ моихъ деревняхъ и безъ указа вашего императорскаго величества въ Москву не въѣзжать. А въ прошломъ 1737 году блаженной и вѣчнодостойной памяти ея императорскаго величества любезнѣйшей бабки вашего императорскаго величества указомъ недвижимое приданое матери моей, такожде и отца моего недвижимое мнѣ и мое собственное имѣніе, с.-петербургскій и московскіе дворы, отписано на ея императорское величество. И дабы повелѣно было, для многолѣтняго вашего императорскаго величества здравія и благополучнаго государствованія, означеннымъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ меня всеподданнѣйше милостиво пожаловать и свободнымъ выѣздомъ изъ деревень всемилостивѣйше позволить“. Результатомъ этого прошенія былъ именной, 3-го октября 1741 года, указъ Сенату: „Всемилостивѣйше пожаловали мы, указали дѣйствительному статскому совѣтнику князю Алексѣю Голицыну недвижимое имѣніе, которое собственно за нимъ во владѣніи было и въ прошломъ 1737 году отписано, возвра-

тить ему во владѣніе по прежнему“ [98]).—Въ мартѣ того же 1741 года, кабинетъ-министры положили: „имѣть общее разсужденіе“ объ освобожденіи князей Василія и Михаила Долгорукихъ „изъ-подъ караула“ (заточенія) и о возвращеніи обоимъ „особливо князю Михаилу, у котораго дѣтей многое число, на пропитаніе“ и для постояннаго житья, изъ конфискованныхъ у нихъ деревень, „сколько всемилостивѣйше соизволено будетъ“ [99]).—Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, 15-го числа, данъ былъ генералу графу Семену Андреевичу Салтыкову именной указъ: „Сего апрѣля 6-го числа всемилостивѣйше повелѣли мы Александру князь Григорьеву дочь Долгорукова, которая, по лишеніи всѣхъ имѣній, по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни бабки нашей ея императорскаго величества (Анны Іоанновны), сослана въ ссылку, по прошенію матери ея, старицы Маргариты, изъ той ссылки свободить и жить при матери своей въ Москвѣ, въ Страстномъ монастырѣ, о чемъ и указъ нашъ посланъ. А понеже оная Долгорукова отъ мужа своего покойнаго, нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Салтыкова, зловымышленнымъ и вредительнымъ образомъ самовольно отбыла и при животѣ его писалась Долгорукой, а не Салтыковой, того ради, по привозѣ ея въ Москву, взять у ней подписку, подъ крѣпкимъ подтвержденіемъ, дабы и впредь она Салтыковой не токмо не писалась, но и словесно называться не дерзала. И тое подписку прислать въ Кабинетъ нашъ“ [100]).

Дѣйствія Кабинета въ качествѣ верховнаго контролера и блюстителя закона и государственнаго порядка.

Участіе министровъ въ избраніи лицъ на государственныя должности обезпечивало, конечно, правильность и законность дѣйствій учрежденій, но обезпечивало лишь въ извѣстной мѣрѣ: избранники, хотя и были, по выраженію кабинетскихъ актовъ, „люди добрые“, но все же—люди вѣка. Нерадѣніе, взяточничество, казнокрадство и всякое нарушеніе закона и справедливости, вслѣдствіе низкаго уровня нравственнаго и умственнаго развитія большинства современныхъ дѣятелей, были настолько обычны *), что верховный строгій надзоръ за государственными органами и повѣрка ихъ дѣйствій являлись необходимостью, дѣломъ естественнымъ.

Право верховнаго всеобнимающаго надзора и контроля, — прерогатива верховной власти,—предоставлено было, и по закону, кабинетъ-министрамъ, какъ лицамъ, облеченнымъ обширнѣйшимъ полно-

*) Подтверждается это массою фактовъ, частью приведенныхъ уже. Стоитъ припомнить личности: самаго регента Бирона, безнравственнаго человѣка и архиказнокрада, и придворнаго ректмейстера, завѣдомаго взяточника, также безцеремонный ренерсь готовившагося занять пость уфимскаго вице-губернатора.

мочіемъ и пользовавшимся совершеннымъ довѣріемъ царствующаго. Это предоставленіе выражено было оффиціально не разъ, именно: въ высочайшихъ повелѣніяхъ 11-го ноября 1731 г., 2-го и 15-го декабря 1740 г., 30-го мая 1741 г. и др.,—объ отчетности всѣхъ государственныхъ органовъ передъ Кабинетомъ, и въ указѣ кабинетъ-министрамъ 28-го января 1741 г.,—объ установленіи новаго порядка разсмотрѣнія въ Кабинетѣ дѣлъ. Въ послѣднемъ повелѣніи императоръ (предполагалось) обращался къ своимъ кабинетъ-министрамъ съ слѣдующими словами: „Вамъ самимъ довольно извѣстно, какое мы имѣемъ неусыпное стараніе и попеченіе, дабы дѣла наши иностранныя и внутреннія во всѣхъ департаментахъ (учрежденіяхъ) съ желаемымъ нами успѣхомъ и скоростью рѣшились и теченіе свое имѣли, о исполненіи чего въ нашемъ Кабинетѣ, по извѣстной вашей ревности и прилежности, ни малѣйшаго не только сомнѣнія не имѣемъ, но и въ понужденіи нижнихъ департаментовъ крѣпко обнадежены...“ И далѣе: „а о рѣшеніи (дѣлъ) въ другихъ (кромѣ Кабинета) департаментахъ паикрѣпчайше подтвердить, дабы побочнымъ настоящаго не остановлять. Въ вышеписанномъ во всемъ мы на васъ, господъ кабинетныхъ министровъ, якоже и въ прочемъ, имѣемъ крѣпкую и безсомнѣнную надежду“ [101]).

Чтобы вести серьезно дѣло государственнаго надзора и контроля, министрамъ требовались надежныя средства, и такими средствами были: прокуратура, вышеуказанная всеобщая отчетность передъ Кабинетомъ, жалобы на высочайшее имя потерпѣвшихъ и, наконецъ, доносы.

Прокуратура,—самостоятельное, исключительно зависѣвшее отъ Кабинета учрежденіе, состоявшее изъ тѣсно связанныхъ между собою низшихъ и высшихъ наблюдательныхъ агентовъ верховнаго правительства,—въ дѣлѣ государственнаго надзора являлась (или должна была являться) правою рукою Кабинета. Члены прокуратуры, приставленные къ учрежденіямъ — Сенату, Синоду, коллегіямъ, канцеляріямъ, конторамъ, приказамъ и губернскимъ установленіямъ, словомъ, ко всѣмъ органамъ высшимъ и центральнымъ, за исключеніемъ лишь состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Кабинета, — обязаны были наблюдать за дѣйствіями властей и, въ случаѣ нарушенія послѣдними постановленныхъ для нихъ правилъ и закона, направлять дѣло на истинный путь. Въ тоже время, о текущей дѣятельности означенныхъ органовъ они должны были доводить до свѣдѣнія министровъ.

Чины этого учрежденія: глава —генералъ-прокуроръ при Сенатѣ и его „помощники“: оберъ-прокуроръ Сената, оберъ-прокуроръ Синода и прокуроры центральныхъ установленій назначались на должность, какъ уже сказано, верховною властью, причемъ кандидатовъ на чины прокурора и оберъ-прокурора избиралъ и представлялъ Кабинету генералъ-прокуроръ. При вступленіи въ должность, чины про-

куратуры приносили присягу: глава—по распоряженію и, быть можетъ, въ присутствіи Кабинета *), а его помощники — по опредѣленію Сената [102]).

Прокуроры о дѣятельности состоявшихъ подъ ихъ надзоромъ учрежденій доносили генералъ-прокурору, а послѣдній данныя эти, также свѣдѣнія „о присутствіи сенаторовъ въ Сенатѣ при дѣлахъ“ и „о рѣшенныхъ въ Сенатѣ дѣлахъ“, еженедѣльно, въ формѣ „рапортовъ во извѣстіе“, доставлялъ въ Кабинетъ. Эта отчетность генералъ-прокурора шла параллельно съ отчетностью передъ Кабинетомъ учрежденій по текущимъ дѣламъ, что, несомнѣнно, должно было обезпечивать успѣшность верховнаго контроля [103]).

Дѣло прокурорскаго надзора въ 1740—1741 гг. находилось въ значительномъ разстройствѣ **), и, по почину генералъ-прокурора кн. Трубецкаго, была сдѣлана попытка привести въ порядокъ эту часть. 31-го октября 1740 года Трубецкой подалъ въ Кабинетъ на высочайшее имя докладъ: „По именнымъ прадѣда вашего императорскаго величества, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго, подписаннымъ собственною его императорскаго величества рукою въ 1722 году указамъ повелѣно быть при Сенатѣ генералу-прокурору, въ который чинъ опредѣленъ тогда былъ графъ Ягуш(ж)инскій, а въ помощь ему опредѣлены же были въ Сенатѣ и въ Синодѣ оберъ, а въ московской Сенатской конторѣ и въ коллегіяхъ и въ прочихъ мѣстахъ прокуроры, кои были въ тѣ чины выбираны имъ, графомъ Ягушинскимъ, какъ изъ гвардіи, такъ изъ морскихъ, изъ армейскихъ и гарнизонныхъ офицеровъ, не взирая на ранги, но токмо къ званію ихъ должности способные, что такожде и въ 1730 году, именнымъ же бабки вашего императорскаго вели-

*) На что указываютъ распоряженія: министровъ 6-го мая 1740 г.: «присягу дѣйств. тайнаго совѣтника и генерала-прокурора князя Трубецкаго, какова имъ учинена сего мая 5-го дня, отослать (изъ Кабинета) въ пр. Сенатъ» и сенатское, 8-го мая: полученную изъ Кабинета «присягу, по которой присягалъ д. т. сов. и генералъ-прокуроръ и кавалеръ князь П. Ю. Трубецкой, сообщить съ прочими присягами господъ сенаторовъ».

**) Составъ прокуроровъ былъ далеко не полный и во многихъ учрежденіяхъ прокурорскую должность исправляли оберъ-секретари и секретари. 7-го мая 1740 г. Сенатъ, по предложенію генералъ-прокурора, приказалъ: «Какъ въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ, такъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, гдѣ прокуроровъ нынѣ не имѣется, до опредѣленія оныхъ, по силѣ указовъ (1730, 1733 и 1738 гг.), ежели гдѣ противныя правамъ и указамъ ея императорскаго величества резолюціи слѣдовать будутъ, о томъ въ коллегіяхъ — президентамъ и членамъ, а въ губерніяхъ — губернаторамъ, а въ провинціяхъ — воеводамъ съ товарищи, съ явнымъ доказательствомъ, представлять и предостерегать оберъ-секретарямъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то секретарямъ; а ежели отъ нихъ того принято не будетъ, то, для своего оправданія, въ протоколъ записывать, безъ всякаго упущенія; и о всемъ, что до той должности принадлежитъ, — рапортовать имъ въ Сенатъ, къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ неотложно».

чества, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Іоанновны, подписаннымъ собственною ея императорскаго величества рукою указомъ, всемилостивѣйше подтверждено, и при Сенатѣ генералъ-прокурору и ему помощникомъ оберъ-прокурору, такожъ во всѣхъ коллегіяхъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ прокурорамъ неотмѣнно быть и въ прокуроры въ коллегіи и канцеляріи, въ которыя подлежитъ, въ кандидаты выбирать и ея императорскому величеству представлять было повелѣно. А въ нынѣшнемъ 1740 году, апрѣля 28-го дня, высочайшимъ ея ижъ императорскаго величества указомъ опредѣленъ генераломъ-прокуроромъ я, всеподданѣйшій. И понеже нынѣ въ Сенатѣ и Синодѣ оберъ, а въ Сенатской конторѣ и во многихъ коллегіяхъ и прочихъ судебныхъ мѣстахъ и губерніяхъ прокуроровъ не состоитъ, а въ нѣкоторыхъ хотя и есть, токмо люди къ тому неспособные, и для того, дабы я, имѣя себѣ во всѣхъ мѣстахъ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ, по званію моему, подлежащія взыскапія и къ скорѣйшему дѣлъ произвожденію понужденія чинить и во всѣхъ мѣстахъ правосудіе наблюдать могъ, по слабому моему мнѣнію и довольному тѣхъ людей знанію, всеподданѣйше при семъ во всѣ подлежащія мѣста назнача къ тому званію способныхъ подпошу реестръ и всенижайше вашего императорскаго величества прошу на то всемилостивѣйшей апробаціи". Изъ реестра, приложеннаго къ докладу, видно, что Трубецкой задумалъ не только полное обновленіе личнаго состава прокурорскаго надзора, но и расширеніе послѣдняго. Имъ выбраны и представлены были кандидаты на должности оберъ-прокуроровъ въ Сенатъ и Синодъ и прокуроровъ какъ во всѣ учрежденія, подлежавшія прокурорскому надзору, такъ и въ нѣкоторыя установленія, при которыхъ прокуроровъ положено не было. Изъ того же документа узнаемъ, что всѣхъ кандидатовъ (по одному на должность) представлено было 37 и что всѣ они избраны изъ состоявшихъ на службѣ и отставныхъ военныхъ (преимущественно) и гражданскихъ чиновъ, притомъ—поголовно изъ коренныхъ русскихъ. 3-го ноября именнымъ указомъ (подписаннымъ регентомъ Бирономъ и контрасигнированнымъ кабинетъ-министрами) представленіе генералъ-прокурора было утверждено и затѣмъ поступило въ Сенатъ къ исполненію. Но въ то время, когда дѣло было уже значительно подвинуто,—изъ назначенныхъ въ прокуроры иногородные вызваны въ Петербургъ, нѣкоторые отчислены отъ прежнихъ должностей и приведены къ присягѣ, а новый оберъ-прокуроръ Сената. Бахметевъ, даже вступилъ въ должность, о чемъ учрежденія получили отъ Сената формальное увѣдомленіе,—изданъ былъ именной указъ, за рукою правительницы: „о бытіи въ Сенатѣ и Синодѣ оберъ-прокурорамъ и о произведеніи въ коллегіи и канцеляріи и въ губерніи прокуроровъ по прежнему указу (3-го ноября) исполненія не чинить, понеже объ оныхъ разсмотрѣніе имѣетъ быть

вновь". Вслѣдствіе возникшаго въ Сенатѣ недоумѣнія относительно смысла этого указа, 29-го декабря послѣдовало высочайшее повелѣніе Сенату: „Всемилостивѣйше указали мы изъ назначенныхъ въ прокуроры изъ нашей гвардіи и прочихъ мѣстъ тѣхъ, кои въ ономъ чинѣ быть не пожелаютъ, опредѣлить, по ихъ прошеніямъ, въ прежнія мѣста". Вслѣдъ за этимъ указомъ, начали поступать въ Сенатъ одно за другимъ челобитья новыхъ прокуроровъ объ увольненіи ихъ отъ должности. Желавшихъ воспользоваться повелѣніемъ 29-го декабря оказалось не мало, какъ-разъ половина новоназначенныхъ. По этимъ просьбамъ, Сенатъ, въ февралѣ 1741 г., подалъ въ Кабинетъ „сообщеніе съ пріобщеніемъ экстракта, кто (изъ прокуроровъ) въ которыя мѣста были назначены и которые изъ нихъ особливыми (высочайшими) указами куда опредѣлены (съ увольненіемъ отъ прокурорской должности) и прочіе о опредѣленіи и отставкахъ просятъ, и требованіемъ, не повелѣно-ль будетъ оныхъ опредѣленныхъ въ прокуроры годныхъ въ военную, а прочихъ въ статскую службу опредѣлить, другихъ же отставить, по силѣ указовъ, вовсе тѣми рангами, которыми они въ прокуроры были опредѣлены". Кабинетъ-министры, резолюціею 5-го марта, отвѣтили Сенату: „По сему представленію, напередъ правительствующему Сенату имѣть разсужденіе, вмѣсто прокуроровъ, для лучшаго порядка и смотрѣнія во исправленіи дѣлъ, потребно-ль какіе чины опредѣлить, и представить о томъ въ Кабинетъ его императорскаго величества со мнѣніемъ, дабы по тому возможно было и о вышеписанныхъ (въ сообщеніи Сената) оставшихъ прокурорахъ опредѣленіе учинить". Обсудивъ вопросъ, Сенатъ, 11-го апрѣля, представилъ Кабинету: „Ежели его императорское величество прокурорамъ быть не соизволитъ, то какіе бъ чины, вмѣсто ихъ, опредѣлить Сенатъ инаго способа сыскать не можетъ, кромѣ того, что ту прокурорскую должность исправлять и въ лучшемъ порядкѣ за подчиненными и посводами смотрѣніе имѣть и по оной взыскивать и въ надлежащія мѣста рапортовать могутъ: въ коллегіяхъ — президенты, а гдѣ президентовъ нѣтъ — главные члены; а въ губерніяхъ — губернаторы и вице-губернаторы; а въ святѣйшемъ Синодѣ, который болѣе состоитъ до духовныхъ правленій, а не свѣтскихъ (ибо Коллегія экономіи съ прочими мѣстами, гдѣ сборы и свѣтскія дѣла имѣются, отъ него отрѣшены), потому жъ ту должность можетъ исправлять изъ первыхъ духовныхъ персонъ. Что же принадлежитъ до Сената, о томъ, чтобъ кому генералъ- и оберъ-прокурорское правленіе поручить мнѣнія никакого Сенатъ представить не можетъ, ибо въ Сенатѣ въ членахъ главнаго, яко президента, не имѣется, и для того предается оное во всевысочайшее его императорскаго величества соизволеніе". Какъ принятъ былъ Кабинетомъ сенатскій проектъ и было ли дальнѣйшее обсужденіе возбужденнаго вопроса — неизвѣстно. Что же касается вновь назначенныхъ прокуроровъ, то всѣ они, за исклю-

чепіемъ оберъ-прокурора Сената, отъ прокурорской должности были уволены и частью опредѣлены къ прежнимъ и новымъ дѣламъ, частью же отставлены отъ службы вовсе. Увольненіе послѣдовало какъ по челобитьямъ на основаніи именнаго указа 29-го декабря (продолжавшимъ поступать въ Сенатъ и послѣ упомянутой резолюціи Кабинета 5-го марта), такъ и по особому приказу, сообщенному Сенату Военною коллегіею слѣдующимъ, 18-го іюля 1741 г., рапортомъ: „Сего іюля 17-го дня въ предложеніи его императорскаго высочества высокоповелительнаго генералиссимуса Всероссійской имперіи, пресвѣтлѣйшаго государя герцога Антонія Ульриха брауншвейгъ-люнебургскаго, въ Военную коллегію писано: понеже по неоднократно посланнымъ отъ его императорскаго высочества въ Военную коллегію предложеніямъ и къ командующему генералитету ордерамъ велѣно всѣхъ отлучныхъ отъ полковъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и прочихъ чиновъ, для состоящей при нынѣшнихъ обстоятельствахъ (войны съ Швеціею) нужды, собрать изо всѣхъ мѣстъ къ ихъ полкамъ, какъ скоро возможно; (а) нынѣ не безъизвѣстно его императорскому высочеству учинилось, что изъ назначенныхъ въ прокуроры въ разныя коллегіи, конторы и въ губерніи штабъ- и оберъ-офицеровъ нѣкоторые давно прибыли въ Санктъ-Петербургъ и, вѣдая точно о томъ, что они изъ полковъ еще не выключены, живутъ здѣсь праздно, а при полкахъ во исправленіи должностей ихъ обстоитъ не малая нужда и прочая ихъ братья за нихъ несутъ напрасно излишній трудъ. Того ради, по указу его императорскаго величества и по разсмотрѣнію его императорскаго высочества, опредѣлено: всѣмъ назначеннымъ въ прокуроры изъ полковъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, такожъ и изъ коммиссаріатскихъ чиновъ быть въ прежнихъ ихъ полкахъ и мѣстахъ при исправленіи должностей своихъ тѣми жъ чинами. О чемъ Военной коллегіи вѣдать и изъ помянутыхъ назначенныхъ въ прокуроры, кто здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ, по приложенному при томъ регистру, обрѣтается, сыскавъ, выслать къ ихъ полкамъ, какъ скоро можно, и въ скорѣйшемъ ихъ въ пути слѣдованіи и къ полкамъ прибытіи обязать во оной коллегіи крѣпкими реверсами. О чемъ правительствующему Сенату Военная коллегія рапортуетъ симъ во извѣстіе“ [104]).

Такимъ образомъ, попытка Трубецкаго оживить умиравшее созданіе Петра Великаго — институтъ прокуратуры потерпѣла полную неудачу.

Отчетность государственныхъ органовъ передъ министрами установлена была при самомъ учрежденіи Кабинета. Въ именномъ повелѣніи 11-го ноября 1731 г., между прочимъ, было сказано: „Нынѣ мы, ревнуя закону Божію и имѣя о вѣрныхъ нашихъ подданныхъ богоугодное попеченіе, чтобъ всѣмъ судъ *) происходилъ нелицемѣр-

*) Въ современномъ значеніи слова, т.-е. обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ вообще дѣлъ.

ный, по оныхъ (прежеизданныхъ) нашимъ указамъ неотмѣнно и безволокитно, по учрежденіи нашего Кабинета, заблагоразсудили изо всѣхъ обрѣтающихся здѣсь (въ Москвѣ) опредѣленныхъ вышнихъ и нижнихъ судебныхъ правительствъ—какъ изъ Сената и изъ Синода, такъ изъ коллегій и приказовъ и канцелярій, для собственнаго нашего всемилостивѣйшаго въ тѣхъ челобитчиковыхъ дѣлахъ усмотрѣнія, безволокитно-ль оныхъ рѣшенія бываютъ, собирать въ Кабинетъ нашъ краткіе рапорты помѣсячно; ....а ежели гдѣ неправда, въ судѣ происходящая, и волокита, по поданнымъ въ Кабинетъ нашъ рапортамъ, сыщется, то всеконечно какъ нижніе, такъ и вышніе суды за преступленія штрафованы будутъ, по государственнымъ правамъ и указамъ, безъ пощады“ [105]).

Порядокъ этотъ продолжался до конца 1740 года *), когда былъ измѣненъ слѣдующимъ высочайшимъ указомъ Сенату, 15-го декабря: „Подаются намъ отъ опаго Сената о рѣшенныхъ дѣлахъ всеподданнѣйшіе рапорты токмо о тѣхъ, которыя по Сенату теченіе свое имѣютъ, а колико какихъ дѣлъ въ прочихъ подчиненныхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, здѣсь находящихся, ежедни рѣшится, въ тѣхъ рапортахъ не упоминается. А понеже наше высочайшее намѣреніе и попеченіе въ томъ состоитъ,... дабы во всѣхъ учрежденныхъ департаментахъ всѣ дѣла надлежащимъ порядкомъ и въ указные сроки безволокитно были производимы и рѣшены, чего ради повелѣваемъ оному Сенату отнынѣ подавать намъ недѣльные рапорты о рѣшенныхъ дѣлахъ какъ въ томъ Сенатѣ, такъ и въ подчиненныхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, дабы мы могли видѣть съ какою ревностью и попеченіемъ данные наши указы и высочайшая воля исполняются“ [107]). Сенатъ, получивъ это повелѣніе, 30-го числа того же мѣсяца далъ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ указъ: „о рѣшенныхъ дѣлахъ, для подачи его императорскому величеству генеральныхъ рапортовъ, подавать въ Сенатъ рапорты по приложенной формѣ, каждой недѣли въ субботу, конечно въ первомъ часу пополудни, не исходя отъ присутствія, подъ опасеніемъ штрафа“ [108]). Есть нѣкоторое основаніе полагать, что описанная перемѣна вызвана была отчасти неисправною доставкою въ Кабинетъ отчетовъ. Случалось, что отчетностью запаздывали на мѣсяцъ, два и болѣе. Даже самъ Сенатъ рапортовалъ Кабинету не всегда въ установленный срокъ **) [109]).

---

*) По крайней мѣрѣ, по документамъ, такіе рапорты (отъ Сената—еженедѣльные, отъ прочихъ учрежденій—ежемѣсячные) Кабинетъ получалъ во весь 1740 годъ [106]).

**) Такъ, напримѣръ, въ 1740 г. въ Кабинетъ сенатскіе рапорты доставлены были: за недѣли съ 14 – 23-е января и съ 4 9-е февраля — 2-го марта, за промежуточную же — 13-го марта; за время съ 15 — 22-е сентября, съ 22-го сент. по 1-е октября и съ 1 — 15-е октября, т. е. за цѣлый мѣсяцъ,—разомъ 4-го декабря.

Спустя четыре мѣсяца, новое постановленіе объ отчетности нашли необходимымъ дополнить. 30-го мая 1741 г. подписанъ былъ именной указъ Сенату: „Подаются намъ (въ Кабинетъ) отъ Сената семидневные рапорты о рѣшенныхъ дѣлахъ какъ въ Сенатѣ, такъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, въ которыхъ объявляется только то, что въ каждой недѣлѣ интересныхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ рѣшено бываетъ, а мы обстоятельнѣе того желаемъ вѣдать, съ какимъ успѣхомъ оныя дѣла къ рѣшенію приходятъ. Того ради съ сего времени подавать намъ такіе рапорты, по прежнему понедѣльно, прописывая въ нихъ именно, сколько въ которой недѣлѣ дѣлъ рѣшено будетъ, и со вступленія ихъ въ Сенатъ или въ коллегію и канцелярію коликое время оныя перѣшены были“ [110]).

О процессѣ работъ въ Кабинетѣ надъ сенатскими отчетами указаній нѣтъ, кромѣ того, что одно время (въ декабрѣ 1710 г.) рапорты эти самолично просматривалъ министръ Остерманъ [111]).

Независимо отъ отчетовъ по текущимъ дѣламъ, установлена была всеобщая передъ Кабинетомъ отчетность денежная,—о приходѣ, расходѣ и остаткѣ въ учрежденіяхъ денежной казны. Какъ объ этомъ, такъ и о другихъ спеціальныхъ періодическихъ отчетахъ (напр., о ходѣ рекрутскаго набора, о сборѣ недоимокъ и др.), также объ отчетахъ по особымъ на каждый разъ распоряженіямъ министровъ будетъ изложено ниже, при описаніи отдѣловъ дѣятельности Кабинета.

Жалобы на неправильныя и незаконныя дѣянія государственныхъ органовъ и *доносы*, не смотря на ихъ случайность и шаткость, играли, особенно первыя, немаловажную роль, раскрывая, подчасъ, тѣ вопіющія злоупотребленія властей, которыя, вслѣдствіе упущенія органовъ надзора и искусной маскировки, инымъ путемъ раскрыты быть не могли. Основательность жалобъ и доносовъ обезпечивалась (хотя на самомъ дѣлѣ не вполнѣ) строгимъ наказаніемъ за „неправое“ челобитье и ложный доносъ и щедрой наградой за добросовѣстное донесеніе [112]).

Порядокъ обжалованія дѣйствій учрежденій былъ въ царствованіе Іоанна Антоновича существенно измѣненъ, и вотъ вкратцѣ исторія этого измѣненія·

Рядомъ высочайшихъ указовъ (1714 г. декабря 8-го, 1718 г. декабря 22-го, 1719 г. декабря 4-го, 1720 г. мая 13-го, 1722 г. февраля 8-го и апрѣля 6-го, 1725 г. августа 17-го и октября 5-го и 1730 г. апрѣля 23-го) установлено и подтверждено было, чтобы „всякихъ чиновъ люди“ жалобы на дѣйствія государственныхъ органовъ приносили не иначе, какъ по инстанціямъ: „въ городѣхъ—воеводамъ, а буде воеводы учинятъ неправду, то на нихъ бить челомъ губернаторамъ, а буде и губернаторы справедливаго рѣшенія не учинятъ, то—въ Юстицъ-коллегіи, а о прочихъ дѣлахъ въ коллегіяхъ, въ которыхъ о чемъ надлежитъ, а на коллежскія и канцелярскія (ко-

торыя канцеляріи не подчинены коллегіямъ) неправорѣшенія быть челомъ въ Сенатѣ,... а самимъ ихъ императорскому величеству ни о какихъ своихъ дѣлахъ, принадлежащихъ до расправы того учрежденнаго правительства, челобитенъ отнюдь не подавать". Не смотря, однако, на эти указы и положенную за нарушеніе ихъ тяжкую кару (лишеніе чиновъ и имѣнія—для „знатныхъ" и „жестокое наказаніе"—для „нижнихъ и подлыхъ людей"), челобитчики продолжали обращаться съ жалобами прямо къ верховной власти, „мимо учрежденныхъ правительствъ". Такое явное неповиновеніе указамъ вызывалось „многою волокитою" государственныхъ учрежденій, доводившею челобитчиковъ до полнаго разворенія,—волокитою всеобщею (не исключая и Сената) и настолько укоренившеюся, что всѣ правительственныя противъ нея мѣры (строжайшіе указы) оставались безъ всякаго дѣйствія. Въ описываемое царствованіе, правительство, наконецъ, сознало, что при существовавшихъ судебно-административныхъ порядкахъ нарушеніе жалобщиками установленныхъ для нихъ правилъ было естественно-законно и рѣшилось узаконить практически сложившійся порядокъ обжалованія. Вслѣдъ за именнымъ повелѣніемъ 12-го ноября 1740 г., подтверждавшемъ указы о порядкѣ принесенія жалобъ и о безволокитномъ рѣшеніи дѣлъ,—повелѣніемъ, изданнымъ, быть можетъ, лишь по установившемуся обычаю при началѣ царствованія подтверждать нѣкоторые, освященные временемъ уставы,—послѣдовалъ, 27-го ноября, высочайшій указъ, открывавшій разомъ „бѣднымъ челобитчикамъ" свободный путь подъ защиту верховнаго правительства. Хотя,—говорилось въ указѣ,—распубликованнымъ именнымъ повелѣніемъ 12-го ноября и подтверждены были прежніе указы о порядкѣ обжалованія дѣйствій государственныхъ органовъ и о безволокитномъ рѣшеніи дѣлъ, „однако какъ нынѣ намъ извѣстно есть, что во учрежденныхъ правительствахъ не только во опредѣленные сроки, но и чрезъ долгопрошедшія времена и годы рѣшенія не чинится, и бѣдные челобитчики, таскаясь за тѣми своими дѣлами, приходятъ въ крайнее разореніе и нищету и напослѣдокъ, не получа никакого рѣшенія, принуждены нѣкоторые и вовсе отъ дѣлъ своихъ отставать, что намъ слышать неинако, какъ зѣло прискорбно; за что тѣхъ мѣсть члены, а паче секретари и служители тяжко отвѣтствовать должны. А чтобъ впредь таковыя происходящія медлительства отвращены и бѣдные челобитчики волокитъ избѣгнуть могли, того ради мы, милосердуя ко всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ тѣмъ челобитчикамъ, которые по своимъ прошеніямъ во учрежденныхъ мѣстахъ во опредѣленные указами и регламентами сроки справедливаго рѣшенія не получатъ, не по другимъ какимъ законнымъ препятствіямъ, но токмо за единою напрасною волокитою, челобитныя свои, со обстоятельнымъ изъясненіемъ: котораго числа отъ кого челобитная подана и въ которой коллегіи или канцеляріи или и въ самомъ Сена-

тѣ, и о чемъ, и что по ней учинено, и для чего въ указные сроки не рѣшено и по посяжкою-ль чью или нерадѣніемъ присутствующихъ и приказныхъ служителей, и просили-ль о томъ на нижніе департаменты въ вышнихъ судахъ, и для чего жъ и тамъ удовольствія не получили,—подавали прямо намъ и опредѣленному для того нарочно *) при Дворѣ нашемъ рекетмейстеру Фенину, которыя немедленно имѣютъ быть самими нами разсматриваны и рѣшены; а тѣ правительства, которыя таковыхъ челобитчиковъ въ указные сроки не удовольствовали, имѣютъ быть, по разсмотрѣніи, за нерадѣніе и волокиту штрафованы, дабы таковою нашею императорскою высочайшею милостью и желаніемъ скорѣйшаго правосудія всѣ наши вѣрные подданные пользоваться и отъ излишнихъ волокитъ и убытковъ избавлены быть могли. Слѣдовательно жъ какъ Сенату, такъ и всѣмъ прочимъ департаментамъ, взирая на таковой нашъ собственно на себя воспринимаемый трудъ, о всѣхъ челобитчикахъ такое прилежное попеченіе имѣть, дабы дѣла ихъ, какъ уже и прежнимъ нашимъ указомъ паикрѣпчайше подтверждено, неотмѣнно рѣшены были во опредѣленные указами и регламентами сроки, опасаясь неизбѣжнаго тяжкаго предъ нами отвѣта. А, напротивъ того, и челобитчикамъ свои прошенія намъ подавать о настоящемъ и справедливомъ дѣлѣ и со обстоятельнымъ о своемъ въ какомъ правительствѣ неудовольствіи показаніемъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго штрафа по прежнимъ указамъ, ибо, безсумнѣнно, и челобитчики есть такіе суть безсовѣстные, которые насъ безрезонно утруждать могутъ. Къ подачѣ жъ таковыхъ намъ челобитенъ, для безъизлишняго затрудненія, опредѣляемъ въ каждой недѣлѣ день субботній". Этотъ „всемилостивѣйшій" указъ повелѣно было Сенату „публиковать во всемъ государствѣ" **) [113]).

Говоря о жалобахъ Кабинету на дѣйствія учрежденій, слѣдуетъ замѣтить, что жалобщиками являлись не одни только частныя лица, но иногда и самые государственные органы. Резолюціею Кабинета 22-го іюня 1738 г. было подтверждено учрежденіямъ, чтобы они въ томъ случаѣ, „ежели (по ихъ представленіямъ) въ Сенатѣ долговременно рѣшенія учинено не будетъ", доносили о томъ министрамъ. Объ этомъ Кабинетъ еще разъ напомнилъ въ своемъ указѣ Главной Полиціймейстерской канцеляріи 14-го января 1741 г. На практикѣ правило это расширялось: учрежденія приносили Кабинету жалобы и на другія, кромѣ Сената, установленія, также и не на одну лишь медленность производства дѣлъ [114]).

*) Т. е. для принятія всѣхъ вообще прошеній на высочайшее имя.

**) Сохранился печатный (для публикаціи) экземпляръ приведеннаго указа. Онъ имѣетъ общую форму манифестовъ, начинаясь словами: «Божіею милостью мы, Іоаннъ третій», и проч.; внизу—примѣчаніе, что подлинникъ подписанъ правительницею и что указъ печатанъ (гражданскимъ шрифтомъ, на листѣ средняго формата) въ Петербургѣ, при Сенатѣ, декабря 8-го, а въ Москвѣ, въ сенатской типографіи, декабря 30-го 1740 года.

Таковы были средства, которыми располагалъ Кабинетъ въ дѣлѣ государственнаго надзора и контроля. Насколько пользовался онъ этими средствами, былъ-ли на самомъ дѣлѣ верховнымъ блюстителемъ государственнаго порядка, закона и справедливости,—предоставляемъ свидѣтельствовать самимъ фактамъ. Вотъ случай понужденія Кабинетомъ органовъ къ скорѣйшему разрѣшенію дѣлъ. 21-го іюля 1740 г. Кабинетъ, по приказу императрицы, сдѣлалъ распоряженіе: Отъ слѣдственной коммиссіи о тайномъ совѣтникѣ Татищевѣ „взять вѣдомость, для чего та коммиссія до сего времени продолжается, и какъ скоро окончена быть можетъ, и какія вины Татищева и другихъ по тому дѣлу до сего времени по слѣдствію явились и, сверхъ того, о чемъ еще слѣдуется". 14-го сентября императрица вновь изустно указала Кабинету той же коммиссіи „объявить, чтобъ то дѣло всеконечно въ сихъ числахъ разсмотрѣно и рѣшено было". На слѣдующій день „призванъ" былъ въ Кабинетъ совѣтникъ Эмме (членъ коммиссіи) и ему „отъ самихъ господъ кабинетъ-министровъ" повелѣніе императрицы было объявлено, „на что оный совѣтникъ Эмме отвѣтствовалъ, что о рѣшеніи того дѣла коммиссія трудится съ прилежаніемъ и по нѣскольким пунктамъ въ сихъ числахъ имѣетъ быть рѣшено и въ Кабинетъ представлено". Медленность Эмме объяснялъ неполученіемъ необходимыхъ для дѣла справокъ. Въ концѣ того же года коммиссіи сдѣлано было новое подтвержденіе. 15-го декабря канцлеръ кн. Черкасскій въ Кабинетѣ объявилъ, „что ея императорское высочество (правительница) изволила указать въ Сенатѣ подтвердить, чтобъ дѣла о тайн. сов. Татищевѣ въ коммиссіи немедленно изслѣдованы и окончены были". Черезъ семь мѣсяцевъ опять принялись за коммиссію. 26-го іюля 1741 г. кабинетъ-министръ Остерманъ отдалъ въ Кабинетѣ приказъ: „Тотчасъ справиться съ коммиссіею о господинѣ Татищевѣ: слѣдствіе въ чемъ состоитъ и для чего до сего времени не окончено, и, получа извѣстіе, доложить его сіятельство" (Остерману). По этому приказу, въ коммиссію послана была изъ Кабинета „записка", за рукою кабинетъ-секретаря: „Въ Кабинетъ его императорскаго величества изъ учрежденной о т. сов. Татищевѣ коммиссіи подать вѣдомость немедленно: какія до онаго Татищева дѣла имѣются и всѣ-ль изслѣдованы или нѣкоторыя еще не изслѣдованы, и зачѣмъ оная коммиссія понынѣ продолжается" [115]).—29-го сентября 1740 г. „призванъ" былъ въ Кабинетъ членъ Артиллерійской канцеляріи, маіоръ Пестриковъ, и ему объявлено, „чтобъ о поставкѣ Акинѳіемъ Демидовымъ въ артиллерію военныхъ припасовъ, сколько ему за оное денегъ выдать надлежитъ или что съ него доведется взять, счетъ окончанъ былъ отъ сего числа конечно въ мѣсяцъ; а ежели въ такое время окончанъ не будетъ, то имѣютъ (члены Артиллерійской канцеляріи?) задержаны быть подъ карауломъ. Въ слѣдующее засѣданіе Кабинета, 30-го сентября, вызванъ былъ „отъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ" Генингъ

„и отъ господъ кабинетъ-министровъ объявлено ему“ тоже, что и Нестрикову, съ добавленіемъ, чтобы „во первыхъ, начать оный счетъ съ послѣднихъ годовъ, а потомъ и о достальныхъ прежнихъ годахъ такимъ же образомъ счетъ окончить“ [116]).—Понужденія дѣлались и Сенату. 11-го сентября 1740 г. въ Сенатѣ оберъ-секретарь Демидовъ докладывалъ, „что призванъ онъ былъ въ Кабинетъ ея императорскаго величества и чрезъ статскаго совѣтника Яковлева (кабинетъ-секретаря) приказано: 1) чтобъ, по прежнимъ указамъ, о мѣстахъ для конскихъ заводовъ драгунскихъ полковъ въ прав. Сенатѣ непродолжительное разсмотрѣніе учинено было и 2) въ дворцовыя волости управителей потому жъ немедленно выбраны и опредѣлены были“ [117]).—Въ 1741 г. Кабинетъ постановилъ: „Понеже еще въ прошломъ 1740 году, марта 3-го дня, по резолюціи изъ Кабинета данной прав. Сенату, велѣно о всѣхъ Сибирскаго приказа имѣющихся какъ на Коммерцъ-коллегіи, такъ и на прочихъ мѣстахъ долгахъ разсмотрѣть и о платежѣ оныхъ единожды такое опредѣленіе учинить, чтобъ уже о томъ множественныя представленія миноваться могли; но что объ ономъ учинено—неизвѣстно. Того ради чрезъ сіе прав. Сенату вышеупомянутая прежняя резолюція напоминается, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ о имѣющихся того Сибирскаго приказа долгахъ, пріобща къ тому сколько въ прошломъ 1740 году изъ онаго въ посольствѣ къ турецкому двору и на разграниченіе съ турками земель съ коммиссарами отправлено и въ С.-Петербургъ взято мягкой рухляди и другихъ товаровъ, вмѣсто которыхъ такожъ надлежитъ тому Сибирскому приказу замѣнъ учинить, о всемъ конечно разсмотрѣно и надлежащее опредѣленіе учинено было въ непродолжительномъ времени, дабы между тѣмъ въ потребныхъ до онаго приказа расходахъ вящшей остановки учиниться не могло“ [118]).—Въ томъ же году города Симбирска купцы Малинковъ и Глазовъ съ товарищи подали на высочайшее имя челобитную, жалуясь на медленность производства въ Сенатѣ ихъ дѣла (объ откупѣ сборовъ). Вслѣдствіе этой жалобы, данъ былъ Сенату именной (помѣщенный на самой челобитной и подписанный правительницею) указъ: „По сему прошенію, высочайше повелѣваемъ нашему Сенату дѣло (названныхъ купцовъ) разсмотрѣть и рѣшить съ полученія сего въ недѣлю неотмѣнно“ [119]).—Передъ Пасхой 1741 г. Сенатъ получилъ отъ Кабинета сообщеніе: „Понеже наступаетъ праздникъ св. Пасхи, а небезъизвѣстно, что здѣсь (въ Петербургѣ) и въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ колодниковъ содержится множественное число, того ради въ Кабинетѣ его императорскаго величества разсуждено: изъ всѣхъ мѣстъ собрать о тѣхъ колодникахъ вѣдомости, а именно: здѣсь—въ прав. Сенатъ, а въ Москвѣ—въ Сенатскую контору, и, разсмотря оныя, немедленное рѣшеніе учинить, какъ указы повелѣваютъ, и, кого можно, тѣхъ, не державъ ни мало, изъ-подъ караула вовсе или съ поруками свободить. А при томъ прав.

Сенату подтверждаются прежніе указы, чтобъ отнюдь нигдѣ колодники долговременно содержаны не были“ [120]).

Примѣрами, какъ дѣйствовалъ Кабинетъ въ случаяхъ нарушенія государственными органами закона и справедливости могутъ служить слѣдующіе факты. 3-го октября 1740 г. вызванному въ засѣданіе Кабинета члену Провіантской конторы Военной коллегіи Савельеву министры объявили: 1) что „отъ купцовъ, кои провіантъ ставятъ, происходитъ жалоба, что при пріемѣ провіанта чинятъ имъ обиды и берутъ взятки, а которые не дадутъ взятковъ, тѣмъ показываютъ для кладки провіанта дальніе магазейны, отчего противъ другихъ излишніе чинятся убытки; а которые изъ нихъ подарятъ, тѣмъ, перемѣнивъ, показываютъ магазейны въ близости; и ежели такія бездѣлицы прекращены не будутъ, то впредь купцы провіанта продавать не станутъ и принуждено будетъ, по прежнему, подряжать и многую казну ея императорскаго величества подрядчикамъ, какъ и прежде бывало, передавать; и для того, чтобъ онъ, Савельевъ, о томъ освѣдомился секретно и въ Кабинетъ рапортовалъ; и 2) что на Провіантскую контору отъ Адмиралтейской коллегіи нѣкоторыя жалобы происходятъ, того ради, чтобъ о томъ, по сношенію между собою, опое прекращено было“ [121]).—Въ августѣ того же года въ Кабинетъ поступила челобитная „Сибирской губерніи тобольскаго штата дворянина“ Ивана Тарбѣева: „служилъ онъ многіе годы безпорочно и, за старостью и дряхлостью, отставленъ, и въ 1738 году присланъ онъ изъ Тобольска по нѣкоторому дѣлу въ Москву, по которому никакой вины его не явилось, за что тому ложному доносителю и указъ учиненъ, а онъ и по сіе время закованъ въ кандалы и содержится между злодѣями безвинно, умирая гладомъ. А напредь сего въ Кабинетѣ ея императорскаго величества, чрезъ почту, доносилъ опъ и просилъ: 1) о многихъ въ Сибирской губерніи интересныхъ дѣлахъ *), 2) объ отпускѣ его изъ Сибири въ вотчину его и 3) объ отдачѣ ему законопреступныя жены его, о чемъ въ тѣхъ его доношеніяхъ и челобитныхъ объявлено. И нынѣ проситъ о свободѣ изъ-подъ караула и объ отдачѣ отнятой у него жены его и объ отпускѣ его изъ Сибири въ отечество свое“. Въ чемъ заключалась резолюція Кабинета по этому челобитью—неизвѣстно [122]).—Въ 1741 году черносошный крестьянинъ, Тотемскаго уѣзда, Семенъ Пудовъ подалъ въ Кабинетъ всеподданнѣйшее прошеніе „о пожалованіи ему на расплату долговъ и на пропитаніе денегъ, что соизволено будетъ“ **). На прошеніе послѣдовала резолюція министровъ: „Отдать (челобитную) въ Сенатъ и велѣть о немедленной (присылкѣ) въ Юстицъ-коллегію объявленнаго въ про-

*) Т. е. дѣлахъ, соединенныхъ съ интересомъ казны.

**) Прошеніе записано кратко; изъ послѣдующаго видно, что въ немъ челобитчикъ жаловался на проволочку его дѣла.

шепіи дѣла его (челобитчика), за которымъ онъ волочится 15-й годъ, въ Архангелогородскую губернскую канцелярію подтвердить изъ Сената накрѣпчайшимъ указомъ; а надлежащія съ того указа пошлины и за гербовую бумагу деньги взыскать на томъ, кѣмъ то дѣло отсылкою продолжается, и, по присылкѣ, велѣть оное рѣшить въ непродолжительномъ времени, дабы уже болѣе ему волокиты и впредь отъ него прошенія происходить не могло“ [123]).—Въ томъ же году, по челобитью на высочайшее имя казачки, Короченскаго уѣзда, Анны Оедоровой „о разсмотрѣніи о требованіи съ нея, по имѣющемуся у нея въ С.-Петербургскомъ духовномъ правленіи съ протопопомъ Лохвицкимъ дѣлу, съ поручной записи пошлинъ“, Кабинетъ постановилъ резолюцію: „Отдать (челобитную) въ св. Синодъ и велѣть имѣющееся оной челобитчицы съ означеннымъ протопопомъ дѣло разсмотрѣть по сущей справедливости, — какія онъ ей раззоренія чинилъ. А понеже оная челобитчица въ прошеніи своемъ пишетъ, что тотъ протопопъ, отбывая отъ суда, волочитъ ее уже восемь лѣтъ и чрезъ такіе многіе годы только нынѣ у нея требуется поручной записи, что весьма удивительно, для чего такъ оное дѣло продолжается; того ради подтвердить, дабы то дѣло конечно немедленно и безъ малѣйшей отъ сего времени волокиты окончено и рѣшено было, по указомъ, правосудно, и по рѣшеніи онаго, для извѣстія, въ Кабинетъ дать знать письменно“ [124]).—Въ тоже время отставной подполковникъ Шишковъ обратился въ Кабинетъ съ жалобой: Служилъ онъ болѣе 30 лѣтъ и, за болѣзнями, отъ службы отставленъ, „а нынѣ, по указу изъ прав. Сената, велѣно ему ѣхать въ Сибирь на заводы Демидова и въ прочіе для свидѣтельства и переписки раскольниковъ; а, за болѣзнями его и за старостью, въ ту дальнюю посылку ѣхать ему не можно, и проситъ (онъ), чтобъ отъ той посылки его уволить, а послать иного, кто въ таковыхъ трудахъ не былъ“. Кабинетъ, принявъ сторону Шишкова, приказалъ: „Оную челобитную, призвавъ изъ Сената оберъ-секретаря, отдать въ Сенатъ безъ записки, съ такимъ объявленіемъ, чтобъ для переписи раскольниковъ, вмѣсто его, въ Сибирь послать другаго, который службами помоложе его, Шишкова. И хотя онъ, Шишковъ, для той посылки рангомъ подполковничьимъ и награжденъ, но тотъ рангъ данъ ему не по силѣ указовъ, понеже отставныхъ отъ военныхъ службъ, которые назначены будутъ къ дѣламъ, велѣно не воинскими, по статскими чинами повышать“ [125]).

Въ слѣдующихъ случаяхъ (за 1741 годъ) Кабинету приходилось имѣть дѣло съ правонарушеніями, обусловливавшимися поноровкой государственныхъ органовъ. Отставной вахмистръ Фроловъ подалъ всеподданнѣйшую челобитную: Юстицъ-коллегіи регистраторъ Титовъ (который рожденъ отъ ефремовскаго пушкарскаго сына Тита Косеченкова и отъ его крѣпостной дѣвки блудно и къ Титовой фамиліи приписалъ себя собою) великія въ деревняхъ его, Фролова, чинитъ

обиды и раззоренія и земли отнимаетъ; а нынѣ его, самозванца, опредѣляютъ въ Елецкую воеводскую канцелярію секретаремъ. И проситъ, чтобъ его, Фролова, отъ такого раззоренія оборонить и его бъ, самозванца Титова, секретаремъ не производить". Разсмотрѣвъ жалобу Фролова Кабинетъ поручилъ Сенату [126]).—Жена капитана Реткина жаловалась Кабинету, что капитанъ Вологодскаго драгунскаго полка князь Ѳедоръ Никитичъ Гагаринъ „отбываетъ отъ службы и живетъ безъ указа въ вотчинахъ своихъ многіе годы и крестьянамъ ея чинитъ многія обиды и утѣсненія, отъ чего она пришла въ раззореніе; такожъ нѣкоторыми пустошьми завладѣлъ насильно и построилъ близъ ея деревень новыя свои деревни, отъ которыхъ для работъ и сѣнокосовъ и прочаго крестьянъ ея не пущаютъ" *). Кабинетъ приказалъ: Челобитную „отдать въ Сенатъ, чтобъ о нападкахъ помянутаго князя Гагарина и о чинимыхъ отъ него обидахъ въ надлежащемъ мѣстѣ, по сущей справедливости, изслѣдовано и рѣшеніе, по указамъ, учинено (было) безъ всякой поноровки и замедленія, и объ отбываніи имъ (кн. Гагаринымъ) отъ службы изслѣдовать" [127]).—По прошенію на высочайшее имя „казанской суконной фабрики мастеровыхъ людей Иванова съ товарищи о порученіи фабрики въ вѣдомство казанскому купцу Пуговишникову, а прежде бывшаго въ содержателя Дряблова отъ той фабрики отрѣшеніи, и о свободѣ изъ ссылки бывшихъ на той фабрикѣ мастеровыхъ людей", Кабинетъ постановилъ: „Отдать (прошеніе) въ Сенатъ и велѣть, взявъ изъ Коммерцъ-коллегіи имѣющееся о тѣхъ мастеровыхъ людяхъ дѣло и о всемъ противъ онаго прошенія разсмотря, надлежащее рѣшеніе учинить, какъ указы повелѣваютъ, по сущей справедливости, безъ всякой поноровки и послабленія, въ непродолжительномъ времени, дабы оные челобитчики, ежели подлинно такъ съ ними означенный фабрикантъ (sic) Дряблов поступаетъ, какъ они объявляютъ, не токмо отъ того были охранены и защищены и заработныя деньги сполна имъ заплачены, такожъ и сосланные, по нападкамъ его, въ ссылки освобождены, но и оному Дряблову то упущено не осталось; и какое объ ономъ рѣшеніе учинено будетъ—о томъ въ Кабинетъ его императорскаго величества сообщить письменно" [128]).

Приведенный рядъ фактовъ, кажется, удовлетворительно разрѣшаетъ поставленный выше вопросъ **).

---

*) Безъ сомнѣнія, Реткина обратилась въ Кабинетъ, не находя защиты въ мѣстныхъ учрежденіяхъ

**) Къ разрѣшенію его могутъ служить также факты, помѣщенные въ прочихъ отдѣлахъ статьи, въ особенности—подъ рубрикой «Дѣла судебныя».

Дѣла чрезвычайныя.

Императрица Анна, указомъ 6-го октября 1740 года, предоставила Кабинету право участія въ такихъ чрезвычайной важности дѣлахъ, какъ избраніе, въ извѣстныхъ случаяхъ, наслѣдника престола и правителя имперіи. Указомъ этимъ, объ установленіи регентства, императрица, между прочимъ, опредѣляла: „... а въ такомъ случаѣ, ежели бъ, паче чаянія, по волѣ Божеской, случиться могло, что наслѣдники (престола) какъ великій князь Іоаннъ, такъ и братья его преставятся, не оставя послѣ себя законнорожденныхъ наслѣдниковъ или предвидится иногда о ненадежномъ наслѣдствѣ, тогда долженъ онъ, регентъ, для предостереженія постояннаго благополучія Россійской имперіи, заблаговременно съ кабинетъ-министрами и Сенатомъ, и генералами-фельдмаршалами и прочимъ генералитетомъ о установленіи наслѣдства крайнѣйшее попеченіе имѣть, и, по общему съ ними согласію, въ Россійскую имперію сукцессора изобрать и утвердить"; и далѣе: „...ежели бъ такія обстоятельства случились, что онъ (регентъ Бирон) правленіе регентское необходимо снизложить пожелаетъ, то мы на оное снизложеніе ему всемилостивѣйше соизволяемъ, и въ такомъ случаѣ ему, регенту, съ общаго совѣта и согласія Кабинета, Сената, генераловъ-фельдмаршаловъ и прочаго генералитета, учредить такое правленіе, которое бъ въ пользу нашей имперіи и нашихъ вѣрныхъ подданныхъ до вышеписанныхъ наслѣдника нашего уреченныхъ лѣтъ продолжиться могло". Указъ этотъ, —„сочиненный" кабинетъ-министромъ Остерманомъ и подписанный императрицею незадолго до ея кончины, въ состояніи „крайней слабости",—какъ извѣстно, примѣненъ къ дѣлу не былъ: ни наслѣдника престола, ни регента, по силѣ указа, избирать не пришлось [129]).

Послѣ переворота 8-го ноября 1740 года, первымъ дѣломъ кабинетъ-министровъ было изданіе манифеста, за своею, Синода и генералитета подписью, объ отрѣшеніи герцога Бирона, за извѣстныя его вины, отъ регентства и о порученіи правительства матери императора [130]). Въ тоже время Кабинетъ сдѣлалъ распоряженія объ арестованіи (кромѣ братьевъ герцога) „ближнихъ адгерентовъ" бывшаго правителя и о сохраненіи для государства огромнаго хищнически нажитаго богатства Бирона. Одинъ изъ этихъ адгерентовъ—кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ—былъ арестованъ одновременно съ герцогомъ, а объ арестѣ другаго—генерала Бисмарка—данъ былъ указъ, подписанный правительницею 9-го ноября, генералъ-губернатору Лифляндіи, генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Лесси. Вотъ этотъ указъ: „Удостоенный блаженныя и вѣчнодостойныя памяти отъ ея императорскаго величества, нашей любезнѣйшей бабки, россійскій регентъ, не боясь Бога и страшнаго Его суда и не чувствуя всѣхъ показуемыхъ ему понынѣ, хотя не по его заслугамъ, высочайшихъ милостей, явился

противу самихъ насъ въ тяжкихъ и нашему отечеству вредительныхъ преступленіяхъ, за что, по соизволенію нашему, арестованъ и въ ссылку посланъ *), слѣдовательно и ближнимъ его адгерентамъ тожъ учинить надобно, дабы отъ нихъ какихъ вредительныхъ слѣдствъ произойти не могло; и для того имѣете вы, по полученіи сего, генерала фонъ-Бисмарка, яко его ближнюю креатуру, съ его женою тотчасъ арестовать и имѣніе его конфисковать и его, фонъ-Бисмарка, и съ женою отправить подъ крѣпкимъ карауломъ въ Ревель съ надежнымъ офицеромъ, давъ тому офицеру потребную инструкцію, чтобъ онъ его везъ съ прилежнымъ береженіемъ и отнюдь не упустилъ, и ни къ тайной, ни къ явной корреспонденціи не допускалъ, и для того чернилъ и бумаги не давалъ, однако въ прочемъ безъ показанія ему утѣсненія. А ежели жена его ѣхать съ нимъ не пожелаетъ, то оставить ее въ Ригѣ, только никуда изъ дома не выпускать, а пропитаніе давать ей по своему разсмотрѣнію. А по привозѣ въ Ревель, велѣть его, Бисмарка, отдать тамошнему губернатору барону Левендалю, къ которому указъ нашъ о томъ посланъ“ [131]). Вслѣдъ за этимъ повелѣніемъ, Лесси получилъ именной, за подписью кабинетъ-министровъ, указъ, отъ 11-го ноября, объ охраненіи движимаго имущества герцога. „Понеже,—гласилъ указъ, — герцогъ курляндскій, извѣстнымъ образомъ, наивящшую часть своего забраннаго здѣсь богатства какъ серебра, такъ и прочихъ всякихъ вещей и имѣній отсюда въ Ригу, въ Митаву и въ курляндскія свои маетности, въ разныя времена, отправилъ, и мы за потребно разсудили всѣ оныя вещи и движимыя имѣнія, дабы они и особливо тѣ, которыя въ Митавѣ и въ Курляндіи, по приключившемся его, герцога, арестованіи, растащены не были, для сохраненія въ мѣсто собрать, того ради имѣете вы немедленно по полученіи сего тѣ его вещи, которыя въ Ригѣ, чаятельно, у бывшаго генерала Бисмарка или же видѣ гдѣ въ сохраненіи имѣлись, всѣ сыскать и, описавъ и запечатавъ ихъ, въ надежное какое мѣсто подъ надлежащимъ смотрѣніемъ поставить; въ то же время въ Митаву и во всѣ курляндскія его собственныя маетности надлежащихъ офицеровъ съ потребною безъ излишества командою послать, и что во всякомъ мѣстѣ его вещей, денегъ и всякаго движимаго имѣнія сыщется, все то велѣть собрать и въ Ригу привезть и тамо, по вышеписанному жъ, до указа нашего въ сохраненіи держать, кромѣ хлѣба, скота и лошадей и другихъ недорого цѣнныхъ вещей, которые описавъ оставить на руки управителямъ въ тѣхъ мѣстахъ, съ подтвержденіемъ, чтобъ все то въ цѣлости у нихъ сохранено было. О тѣхъ въ Курляндіи и въ Митавѣ имѣющихся вещахъ, чаятельно, камергеръ Бутлеръ наилучшее извѣстіе дать можетъ, и для того оное извѣстіе отъ него требовать можно. Сіе отправленіе надлежитъ вамъ учинить безъ наимнѣй-

*) Т. е. «заточенъ» въ Шлиссельбургскую крѣпость.

шаго замедленія, взявъ при томъ всѣ потребныя, дабы ничего растащено не было, надежныя мѣры, также и о томъ надлежащую предосторожность, дабы отъ поляковъ крика о какомъ будто съ нашей стороны въ Курляндіи насильствѣ не учинилось, яко же и для того при такомъ отправленіи объявлять, что мы одно только для того всѣ тѣ имѣнія въ сохраненіе взять велѣли, дабы они посторонне растащены не были, о чемъ и тѣмъ офицерамъ, которые къ сей коммиссіи отъ васъ опредѣлены будутъ, вездѣ подтверждать надлежитъ. Такое же сысканіе и собраніе вещей потребно учинить въ лифляндскихъ его, герцога, маетностяхъ. И мы, рекомендуя прилежное всего вышеписаннаго исправленіе вашему доброму старанію, пребываемъ вамъ императорскою нашею милостью благосклонны“ [132]). Въ концѣ ноября было сдѣлано распоряженіе и о недвижимомъ имуществѣ Бирона. 25-го числа правительница подписала указъ тому же генералъ-губернатору о секвестрѣ маетностей бывшаго регента. Въ указѣ, между прочимъ, говорилось: „...понеже по всякимъ онаго герцога (Бирона) обстоятельствамъ необходимо потребно есть курляндскія его аллодіальныя и прочія собственныя маетности какъ тѣ, которыми онъ по учиненному ему отъ ея императорскаго величества блаженнѣйшей памяти вселюбезнѣйшей нашей государыни бабки уступленію владѣлъ, такъ и тѣ, которыя онъ тамъ въ разныя времена купилъ, для потребной безопасности не токмо нашихъ на оныя маетности справедливыхъ претензій, но и немалыхъ на него, герцога, нашихъ подданныхъ, также и другихъ, о которыхъ еще неизвѣстно, долговъ порядочнымъ образомъ въ секвестръ взять, и для того особливую коммиссію опредѣлить, которая о тѣхъ маетностяхъ надлежащее разсмотрѣніе и освидѣтельствованіе учинить о помянутомъ секвестрѣ, и что для прилежнаго оныхъ маетностей сохраненія и между временнаго владѣнія и администраціи потребно есть довольное стараніе, также съ курляндскимъ въ Митавѣ княжескимъ правительствомъ, сколько все то до онаго же касается, надлежащее сношеніе имѣть и все то учинить, престерегать и исправлять могла бъ, еже для такого случая надобно и потребно. Того ради мы заблагоразсудили къ такой коммиссіи наиглавнѣйше и яко главнаго оной директора употреблять васъ, придавъ вамъ генералъ-экономіи-директора барона фонъ-Менгдена и регирунгсъ-рата фонъ-Будберга, а отсюда генералъ-прокурора и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника нашего князя Никиту Трубецкаго, которому для того немедленнаго (sic) отсюда къ вамъ въ Ригу ѣхать велѣно. И вы по тому оную коммиссію надлежащимъ образомъ начать и помянутому въ Митавѣ правительству или оберъ-ратамъ пристойнымъ образомъ о томъ знать дать, а потомъ, какъ вышеупомянуто, все то исправлять и престерегать имѣете, что при томъ къ исполненію нашего намѣренія потребно быть можетъ, при томъ же и особливо доходовъ съ тѣхъ маетностей въ секвестръ взять и собравъ ихъ въ Ригу перевезть надле-

жить". Отправивъ этотъ указъ Лесси, Кабинетъ „за благо и потребно разсудилъ, для толь наилучшей предосторожности, о такой опредѣленной секвестраціи собственныхъ герцога (Бирона) имѣній и объ учрежденной для того въ Ригѣ коммиссіи не токмо къ королю и къ республикѣ польской, но и къ оберъ-ратамъ курляндскимъ самимъ грамоты отправить" [133]).

Другое, въ данное время, чрезвычайное дѣло, вызвавшее и чрезвычайную дѣятельность Кабинета, была война, въ 1741 году, Россіи съ Швеціею.

Намѣреніе Швеціи „аттаковать здѣшнюю имперію", конечно, извѣстно было русскому правительству еще задолго до оффиціальнаго, въ іюлѣ 1741 года, разрыва между Россіею и Швеціею, и Кабинетомъ заблаговременно приняты были мѣры на случай войны. 14-го февраля 1741 года кабинетъ-министры подписали секретный именной указъ лифляндскому генералъ-губернатору Лесси: „Хотя уже при прежнихъ нашихъ рескриптахъ о имѣющемся въ Ригѣ казенномъ хлѣбѣ и о предложенной, по причинѣ высокой цѣны, продажѣ излишняго въ магазейнахъ запаса всегда о собственной нуждѣ впредь и чтобъ въ томъ отъ такой продажи недостатокъ воспослѣдовать не могъ, особливое разсужденіе имѣлось, то однакоже нынѣ паипаче о томъ думать надлежитъ, и мы весьма за потребно разсуждаемъ, чтобъ не токмо отъ продажи казеннаго хлѣба удержаться и оный въ добромъ береженіи держать, но и о томъ стараніе имѣть, дабы, сверхъ потребнаго на гарнизонные полки, хлѣба еще довольный запасъ на знатное число войскъ тамо для всякаго случая въ готовности содержанъ быть могъ. Вы о семъ впредь немедленное ближайшее наставленіе получить имѣете, а между тѣмъ сіе вамъ предъидуще къ тому служитъ, чтобъ вы о береженіи казеннаго хлѣба какъ наличнаго въ магазейнахъ, также и привознаго изъ земли стараніе имѣли и намъ точное извѣстіе прислали бъ, сколько именно казеннаго хлѣба тамо на лицо имѣется и еще изъ земли привозимо быть имѣетъ, также и сколько изъ Курляндіи въ Ригу привезено, которое въ потребномъ случаѣ къ тому же употреблено быть имѣетъ, присовокупляя при томъ мнѣніе ваше, на коликое число войскъ тамо запасный магазинъ изготовленъ быть можетъ. А о непривозѣ болѣе хлѣба изъ Курляндіи и изъ бироновыхъ маетностей въ Ригу и о береженіи онаго тамо, въ Курляндіи, въ пристойныхъ мѣстахъ особливый указъ при семъ въ коммиссію отправленъ. Однакоже все то съ вашей стороны учинено быть имѣетъ безъ наималѣйшаго разглашенія, яко же и для того сей нашъ указъ весьма секретно держать не преминете" [134]). Поспѣшили заручиться и союзникомъ. 3-го апрѣля, въ Петербургѣ, заключенъ былъ между Россіею и Англіею „союзный оборонительный трактатъ", „котораго одинъ видъ и намѣреніе есть къ безопасности взаимной обороны и къ соблюденію общаго, а особливо на сѣверѣ, покоя и тишины". Договаривались и

закрѣпляли актъ со стороны Россіи кабинетъ-министры Остерманъ, Черкасскій и Головкинъ, со стороны Великобританіи — полномочный англійскій при русскомъ дворѣ министръ Финчъ [135]). Возможность войны росла, а вмѣстѣ съ нею и подозрительность Кабинета. 7-го апрѣля кабинетъ-министры приказали: „призвать въ Кабинетъ управляющаго Ямскою канцеляріею полковника („судью“ Сухово-Кобылина) и ему объявить, чтобъ онъ всѣмъ ямщикамъ его команды немедленно накрѣпчайше подтвердилъ, дабы никто отнюдь у иностраннаго какого министра не нанимался, не объявляя и не записывая о томъ напередъ въ полиціи съ кѣмъ и куда онъ изъ С.-Петербурга поѣдетъ. И въ томъ взять у того полковника подписку“ [136]). Черезъ нѣсколько дней послѣ того состоялось въ Кабинетѣ чрезвычайное засѣданіе съ участіемъ генералиссимуса, герцога Антона Ульриха, въ которомъ было положено, „при нынѣшнихъ обстоятельствахъ“, принять слѣдующія мѣры: осмотрѣть всѣ русскія крѣпости по берегу Балтійскаго моря и снабдить ихъ достаточнымъ гарнизономъ и всѣмъ необходимымъ; границы „на финляндской сторонѣ“, а также мѣстность отъ Выборга до Петербурга, „чрезъ искусныхъ людей, вновь освидѣтельствовать“ и укрѣпить; по берегамъ какъ отъ Выборга до Петербурга, такъ и отъ послѣдняго до Риги „учредить заставы, которыя безпрестанно патрулировать имѣютъ“, и поставить повсюду „огненные“ маяки; стянуть къ Петербургу войска; главную команду надъ будущею дѣйствующею арміею поручить генералъ-фельдмаршалу графу Лесси, а подъ нимъ—генералу Кейту. Это постановленіе, подписанное Антономъ Ульрихомъ и кабинетъ-министрами, было утверждено правительницею 10-го апрѣля [137]). Затѣмъ послѣдовали распоряженія Кабинета о временномъ запрещеніи „заморскаго“ вывоза хлѣба изъ рижскаго, ревельскаго, нарвскаго и аренсбургскаго портовъ, „чтобъ, для всякихъ случаевъ, довольное число хлѣба въ запасѣ и въ готовности было“, и о пріостановкѣ, „для нынѣшнихъ обстоятельствъ“, отставки старыхъ офицеровъ [138]). Въ маѣ Кабинетъ распорядился и относительно находившихся въ Россіи офицеровъ шведской службы. 26-го числа состоялся указъ кабинетъ-министровъ Лесси: „Въ Лифляндіи и Эстляндіи извѣстнымъ образомъ разные шляхты живутъ, которые тамо хотя мастностями владѣютъ и присягою вѣрности здѣшней имперіи обязаны, однакоже въ шведской службѣ дѣйствительно находятся, по силѣ постановленнаго о томъ въ мирномъ трактатѣ позволенія. Нынѣ мы изъ Эстляндіи увѣдомились, что тамо обрѣтающіеся въ шведской службѣ маіоръ графъ Стейнбокъ да поручикъ Фресенъ требовали отъ тамошней губерніи паспортовъ для отъѣзда на время въ Швецію, и хотя имъ напредъ сего въ такихъ туда проѣздахъ отказано не было, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и будучи во всемъ свѣтѣ извѣстно и разглашено о происходящихъ въ Швеціи военныхъ пріуготовленіяхъ, и что намѣреніе оныхъ едино токмо про-

тивъ насъ клонится, помянутые люди такимъ своимъ въ Швецію и къ полкамъ своимъ отъѣздомъ весьма себя подозрительными учинятъ и отъ того отступаютъ, еже честность и обязательство вѣрнаго поддаинаго отъ нихъ требуетъ; и для того въ Эстляндію писано, чтобъ на поступки такихъ въ шведской службѣ находящихся офицеровъ подъ рукою смотрѣніе имѣть. И понеже то же въ Лифляндіи случиться можетъ, того ради и вы надлежащее опредѣленіе учинить имѣете, дабы на такихъ въ шведской службѣ офицеровъ и на поступки ихъ искуснымъ образомъ смотрѣніе имѣлось, особливо же ежели бъ они ипогда такожде въ Швецію отъѣхать вознамѣрились, въ которомъ случаѣ намъ о томъ немедленно знать дать надлежитъ. А въ прочемъ сей указъ весьма секретно держать потребно“ [139]).

Въ іюлѣ Швеція, наконецъ, объявила Россіи войну. Получивъ объ этомъ „вѣдомость“, Кабинетъ немедленно сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе. 9-го августа онъ далъ Лесси, какъ главнокомандующему дѣйствующею арміею и генералъ-губернатору Лифляндіи, именной указъ: „Понеже получена нынѣ изъ Стокгольма подлинная вѣдомость, что корона шведская, паруша имѣющій съ нами вѣчнаго мира трактатъ, минувшаго іюля 24-го числа противъ нашей Всероссійской имперіи войну дѣйствительно объявила и о томъ въ Стокгольмѣ въ народъ публиковано, и шведскія войска и корабли и другія военныя суда къ дѣйствамъ воинскимъ уже въ готовности находятся, того ради надлежитъ вамъ какъ въ полкахъ команды вашей, такъ въ Ригѣ, въ Перновѣ, на островѣ Эзелѣ и въ прочихъ мѣстахъ Лифляндской губерніи о томъ приказать немедленно объявленіе учинить съ такимъ крѣпчайшимъ подтвержденіемъ, дабы вездѣ какъ отъ всякаго съ шведской стороны непріятельскаго предвоспріятія и наступленія, такъ и отъ всѣхъ прочихъ случаевъ, шпіоновъ и другихъ подобныхъ тому людей всегда во всякой твердой осторожности были и при какомъ незапномъ непріятельскомъ нападеніи не токмо надлежащій отпоръ, но надъ оными, при помощи Божіей, и поиски чинить искали, и никто бъ съ поданными шведскими никакой коммуникаціи, пересылокъ и корреспонденціи не имѣлъ, но поступали бъ съ ними во всемъ, яко съ непріятели. Еже все вашему въ томъ извѣстному искусству и престереженію рекомендуется“. Такого же содержанія указъ посланъ былъ и эстляндскому губернатору графу Левендалю [140]). Вслѣдъ за этимъ, 13-го августа, изданъ былъ манифестъ о войнѣ съ Швеціею и публикованъ указъ о шведскихъ подданныхъ, находившихся въ Россіи. Въ послѣднемъ, между прочимъ, было сказано: „его императорское величество, по великодушію своему, повелѣлъ онымъ шведскимъ подданнымъ, со всѣмъ принадлежащимъ имъ имѣніемъ, пока они отсюда (Петербурга) и изъ другихъ мѣстъ Россійской имперіи въ свое отечество выѣхать не могутъ, его императорскаго величества всемилостивѣйшую протекцію и защищеніе пока-

зать, и тако никому изъ подданныхъ россійскихъ тѣмъ шведской націи людямъ, покамѣстъ они въ имперіи и въ границахъ его императорскаго величества обрѣтаться будутъ, никакихъ обидъ, досадительства и вреда не чинить и имѣній и вещей ихъ отнюдь не касаться и оныхъ не похищать, подъ опасеніемъ жестокаго штрафа“ [141]). Когда выставленныя противъ шведовъ войска находились уже на предназначенныхъ мѣстахъ, начались частыя сношенія между Кабинетомъ и командирами дѣйствовавшихъ корпусовъ. Для болѣе удобнаго сообщенія съ корпусомъ, расположеннымъ у Красной Горки и имѣвшимъ назначеніе защищать Петербургъ, Кабинетъ положилъ установить правильную почту между Петербургомъ и Красною Горкою. 20-го августа кабинетъ-министры дали Ямской канцеляріи приказъ: „Понеже весьма запотребно разсуждается, чтобъ на нынѣшнее время отсюда до Красной Горки, для ходящихъ часто въ ту сторону и оттуда курьеровъ, почту учредить и оную разставить на три станціи, напримѣръ, въ Стрѣльнѣ-мызѣ, Ораніенбаумѣ и въ Красной Горкѣ, на всякой станціи отъ 4 до 5 лошадей, того ради Ямской канцеляріи о томъ немедленное распоряженіе и исполненіе учинить и, по опредѣленіи оной почты, о томъ въ Кабинетъ рапортовать надлежитъ, а на потребное къ тому иждивеніе и на прогоны и заплату ямщиковъ деньги изъ Кабинета его императорскаго величества выданы быть имѣютъ“ [142]).

Военныя дѣйствія противъ шведовъ начались удачно. Первое дѣло—сраженіе, 23-го августа, при пограничной шведской крѣпости Вильманстранде, окончилось полной побѣдой русскихъ: шведы разбиты были на голову и самая крѣпость взята, причемъ досталось побѣдителямъ множество плѣнныхъ, оружія и провіанта. По полученіи „радостной вѣдомости“ объ этомъ дѣлѣ, правительство распорядилось щедро наградить побѣдителей, — генералитетъ, офицеровъ и рядовыхъ. Награды назначены были Кабинетомъ и утверждены правительницею [143]).

„Акціею“ подъ Вильманстранде серьезныя военныя дѣйствія и ограничились: наступила осень—время, неудобное для наступательныхъ дѣйствій. Занялись обсужденіемъ мѣръ оборонительныхъ и доустройства боевыхъ силъ, также проектировкой военныхъ плановъ въ слѣдующемъ году. Въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ Кабинета по этимъ вопросамъ принимали участіе генералиссимусъ Антонъ Ульрихъ, генералъ-фельдмаршалъ Лесси и др. лица. Такъ 10-го сентября „держанъ былъ совѣтъ о дальнѣйшихъ противъ непріятеля принимаемыхъ мѣрахъ“ (оборонительныхъ), въ которомъ участвовали: Антонъ Ульрихъ, Лесси, генералъ-прокуроръ кн. Н. Трубецкой и генералъ Игнатьевъ; въ томъ же мѣсяцѣ состоялось засѣданіе Кабинета для обсужденія „проекта о комплектованіи и о содержаніи, для нынѣшняго военнаго времени, войскъ близъ границъ, такожъ и о пропитаніи ихъ“, и въ этомъ за-

сѣданіи принимали участіе: генералъ-прокуроръ, нѣкоторые сенаторы и генералы Игнатьевъ и Левашовъ [144]). Прежде всего пришлось подумать о развитіи и приведеніи въ лучшее состояніе военныхъ силъ. Какъ оказалось, дѣйствовавшая армія была недостаточно сильна и неудовлетворительно организована. Въ нѣкоторыхъ полкахъ „находились весьма молодые, повидимому, только отъ 12 и 13 лѣтъ люди, которые не только ружьемъ владѣть и лошадей смотрѣть, но и на лошадь садиться не могутъ, отчего и многое число осадненныхъ и въ службу недѣйствительныхъ лошадей имѣется; а такіе молодые робята во время дѣла съ непріятелемъ не токмо какой службы показать, но еще къ конфузіи и къ другимъ несходствамъ поводъ подать могутъ“. Офицеры-командиры также не отличались качествами, необходимыми для военнаго человѣка. По отзыву генералъ-фельдмаршала Лесси, какъ въ драгунскихъ, такъ и пѣхотныхъ полкахъ нѣкоторые штабъ- и оберъ-офицеры—„слабые и больные, изъ которыхъ къ службѣ плода весьма мало; а по нынѣшнему случаю,—добавлялъ Лесси,—надлежитъ, чтобъ въ полкахъ добрые и здоровые офицеры находились“ [145]). Объ усиленіи и содержаніи арміи, какъ сказано выше, составленъ былъ особый проектъ, который въ чрезвычайномъ засѣданіи Кабинета былъ разсмотрѣнъ и исправленъ, а затѣмъ, подписанный правительницею, перешелъ въ дѣло. 18-го сентября послѣдовалъ манифестъ о наборѣ со всего государства рекрутъ, а 21-го октября о сборѣ, также со всей имперіи, драгунскихъ лошадей; изданъ былъ указъ о замѣщеніи неспособныхъ офицеровъ другими,—„годными къ службѣ“, и сдѣлано распоряженіе о заготовленіи для дѣйствующей арміи провіанта и фуража [146]). Въ послѣднемъ, т. е. фуражѣ, особенно нуждались. Еще въ сентябрѣ Кабинетъ получилъ отъ генералъ-фельдмаршала Лесси „всепокорнѣйшее доношеніе“: хотя имъ о заготовленіи фуража для полковъ, находившихся подъ командой генерала Кейта, и сообщено Военной коллегіи, „но чтобъ о томъ самоскорѣйшее исполненіе учинено было“, онъ проситъ „всеподданнѣйше его императорскаго величества Кабинета въ тое коллегію подтвержденіемъ не оставить“ [147]). Обсуждался и вопросъ о размѣщеніи войскъ на зимнія квартиры, „по состоянію нынѣшнихъ конъюнктуръ“. Составленныя Лесси, „по слабѣйшему мнѣнію“ его, „росписаніе, гдѣ кому именно изъ генералитета при полкахъ остзейской экспедиціи на виптеръ-квартирахъ быть“, и „примѣрная репортиція“ о такихъ квартирахъ для полковъ той же экспедиціи „всеподданнѣйше предъявлены“ были имъ Кабинету „для высочайшей его императорскаго величества апробаціи“. Апробованныя Кабинетомъ и оформенныя подписью правительницы росписаніе и репортиція направлены были къ исполненію [148]). Сдѣлано также распоряженіе по флоту. Остерманъ, въ качествѣ генералъ-адмирала, 20-го сентября сообщилъ Кабинету „объ учиненныхъ при флотѣ и морской адмиралтейской командѣ диспозиціяхъ, къ оборонѣ взятыхъ“. Занялись

и Выборгскою крѣпостью, которую еще не успѣли привести „фортификаціонными работами въ безопасную отъ непріятеля оборону“ [149]). Въ тоже время въ Кабинетѣ состоялась резолюція о распредѣленіи плѣнныхъ шведовъ. Резолюціею, между прочимъ, положено: заявившихъ желаніе вступить въ русскую военную службу—опредѣлять въ отдаленные полки, и именную роспись такимъ плѣннымъ, съ указаніемъ кто гдѣ родился и давно-ли въ шведской службѣ, доставить въ Кабинетъ.

Обсуждая мѣры къ оборонѣ отъ опасности явной, Кабинетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, занятъ былъ вопросами и объ обезопасеніи отъ враговъ тайныхъ. Находившіеся въ Россіи шведскіе подданные не давали покоя Кабинету, и 15-го сентября имъ было постановлено: „о живущихъ здѣсь (въ Петербургѣ) шведскихъ подданныхъ всякаго званія людѣхъ запотребно разсуждается такое опредѣленіе учинить, чтобъ тѣ, которые изъ оныхъ людей здѣсь остаться не хотятъ, но во отечество свое возвратиться желаютъ, по такому ихъ желанію, отпущены были, какъ наискорѣе, за границу, чрезъ Ригу, съ надлежащею при томъ предосторожностью и взятіемъ у оныхъ реверсовъ, чтобъ они въ нынѣшнюю войну противъ Россіи, подъ лишеніемъ живота, не служили; а кои здѣсь остаться желаютъ и отпуска въ отечество не требуютъ, тѣхъ присягою вѣрности обязать, и хотя иные изъ оныхъ уже напередъ у присяги и были, однакожъ, для нынѣшняго случая, имъ вновь присягу учинить надлежитъ, а особливо же и тѣмъ, которые дѣйствительно въ службѣ здѣшней находятся, для которыхъ и особливая присяга потребна. Равнымъ же образомъ и съ тѣми поступать, которые изъ такихъ же шведскихъ подданныхъ въ Ревелѣ и въ иныхъ мѣстахъ являются“. Опредѣленіе это сообщено было, для исполненія, Сенату [150]). Въ концѣ сентября правительству секретно дали знать, что Швеція, въ борьбѣ съ Россіею, рѣшилась будто-бы прибѣгнуть къ подпольному средству,—возбудить, путемъ возмутительныхъ манифестовъ, противоправительственное движеніе въ русскомъ народѣ. Не безъ основанія подозрительное правительство поспѣшило принять предупредительныя мѣры, и въ одинъ день, 22-го сентября, даны были генералъ-фельдмаршалу Лесси два секретныхъ именныхъ, за рукою правительницы, указа, изъ которыхъ въ первомъ говорилось: „Понеже мы тайную вѣдомость имѣемъ, что въ Швеціи всякіе богомерзкіе и злостные пашквили и возмутительные манифесты, для разсѣянія оныхъ въ нашей имперіи и между нашими подданными, составлены, и не сумнительно, что такія безчестныя письма какъ иностранными почтами, такъ и инако всякими удобовымышленными способы и пути на границы наши ввозить и въ народъ раздавать всячески съ непріятельской стороны стараться будутъ, того ради запотребно мы изобрѣли, дабы къ препятствованію того и перенятію всѣхъ такихъ богомерзкихъ пасквилей, такожъ немедленному оныхъ уничтоженію, въ Ригѣ

надлежащія мѣры и крайнѣйшія предосторожности подъ рукою тщательнѣйше употреблены были, и для того имѣете вы отъ себя въ Ригѣ опредѣленіе учинить, дабы чрезъ довольно надежную и къ тому удобную и искусную персону по прибытіи почтъ всѣ письма и пакеты всегда прилежно примѣчены и разсматриваны были, не будетъ-ли на оныхъ почтахъ, подъ конвертами купцовъ или иныхъ или же подъ адресомъ Почтовой конторы, какихъ печатныхъ писемъ или подобныхъ тому злостныхъ пашквилей или манифестовъ, которые въ такомъ случаѣ немедленно, до разглашенія оныхъ не допуская и никому читать не давая, сожжены и о томъ сюда къ намъ донесено быть имѣетъ; равномѣрное же смотрѣніе тамо имѣть надлежитъ на приходящія на почтѣ въ Ревель, въ Нернаву, въ Дерптъ, на Эзель и во всѣ прочія мѣста, кромѣ Санктъ-Петербурга, принадлежащія письма. Въ прочемъ, надлежитъ о семъ всевозможныя старательства и предосторожности употреблять, а при томъ распоряженія и мѣры къ тому такимъ образомъ принять, чтобъ все въ крайнемъ секретѣ чинено было и никакимъ образомъ разгласиться не могло. Еже все мы наилучшимъ и прилежнѣйшимъ образомъ рекомендуемъ". Во второмъ повелѣніи сказано: „Понеже секретное извѣстіе имѣется, что въ Швеціи нѣкоторые злодѣйскіе возмутительные пасквили и письма, образомъ манифеста, сочинены для разсѣванія въ государствѣ и въ границахъ нашихъ, а для разсѣванія оныхъ безсовѣстный непріятель нашъ, безъ сумнѣнія, всякіе пути и способы изыскивать будетъ, того ради, для препятствованія сего, надлежитъ вамъ чрезъ секретный ордеръ къ генералу Кейту, такожде при прочихъ на финляндской сторонѣ командахъ генералитету накрѣпко подтвердить, чтобъ наикрѣпчайшее и прилежнѣйшее смотрѣніе и осторожность вездѣ и всякимъ образомъ имѣли, дабы такіе злодѣйскіе съ непріятельской стороны пасквили, манифесты и возмутительныя письма, какого бъ званія ни были, нигдѣ до разсѣванія допущены и приняты не были, и ежели бъ такіе гдѣ иногда какимъ ни есть случаемъ явились, тобъ оные тотчасъ, безъ прочтенія, сожжены были; а ежели бъ кто съ непріятельской стороны съ подобными письмами для разсѣванія пойманъ былъ или бъ кто иной, забывъ Бога, оныя разсѣвать и разглашать дерзнулъ, такого злодѣя, ежели онъ съ непріятельской стороны, по предъидущемъ слѣдствіи, другимъ въ страхъ и для удержанія такого пакостнаго злодѣйства, живаго на колъ посадить надлежитъ; а ежели онъ не съ непріятельской стороны, но кто иной, какого бъ званія ни былъ, то, взявъ онаго, держать подъ крѣпчайшимъ арестомъ и намъ самимъ немедленно со обстоятельствы доносить. И дабы сіе наше всемилостивѣйшее соизволеніе и указъ толь наисправнѣйше въ дѣйство произведенъ былъ, того ради потребно есть, дабы отъ командующаго генералитета на всѣхъ постахъ по границамъ команду имѣющимъ, такожде и тѣмъ, которые въ партію и въ подъѣзды и разъѣзды употребляются, секретно жъ наикрѣпи-

чайше о томъ подтверждено было, дабы каждый въ своемъ мѣстѣ противъ вышеписаннаго къ неотмѣнно поступалъ, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ, ежели о томъ донесено будетъ, яко злодѣй и преступникъ указовъ, наказанъ будетъ. Вы не преминете о семъ по вышеписанному немедленное опредѣленіе учинить и объ употребленіи въ томъ прилежнѣйшаго престереженія генералитету наилучшимъ и крѣпчайшимъ образомъ подтвердить; однакоже при томъ и то особливо рекомендовать, чтобъ въ томъ весьма секретно и безъ лишняго разглашенія поступлено было“ [151]). Такого же характера распоряженіе послѣдовало въ ноябрѣ 1741 года, за нѣсколько дней до воцаренія Елизаветы Петровны. 20-го числа данъ былъ тому же генералъ-фельдмаршалу именной, за подписью кабинетъ-министровъ, указъ: „Предъ нѣкоторымъ временемъ мы изъ Гданска вѣдомость получили, что немалыя денежныя суммы, особливо червонными, тамо у нѣкоторыхъ купцовъ въ готовности имѣются, а куда и къ какому употребленію онѣ назначены—неизвѣстно. И понеже намъ весьма нужно есть о томъ основательное извѣстіе имѣть, и для того запотребно находимъ, чтобъ и въ Ригѣ не будетъ-ли иногда туда изъ такихъ денегъ что прислано подъ рукою прилежное смотрѣніе имѣть. Того ради имѣете вы тамо надежнымъ и тайнымъ образомъ опредѣленіе о томъ учинить, дабы всякое искусное провѣдываніе наиприлежнѣйше употреблено было, ежели такія деньги иногда изъ Гданска въ Ригу, хотя сухимъ путемъ или водою, явнымъ или тайнымъ образомъ, и чрезъ какіе бъ ни было пути и способы, приходятъ, къ кому оныя адресуются и куда далѣе назначены или посланы быть имѣютъ. И понеже иногда случиться можетъ, что такія деньги, будучи къ какому тайному и подозрительному употребленію назначены, внѣ города гдѣ спрятаны и оттуда мимо города далѣе куда посланы будутъ, того ради и на такія тайныя дороги и способы всякимъ же образомъ неотмѣнно смотрѣть надлежитъ. Мы вамъ сіе дѣло къ надлежащему и искусному престереженію наилучшимъ образомъ рекомендуемъ“ [152]).

Дѣла церковныя.

Настоящая отрасль дѣятельности Кабинета,—участіе въ дѣлахъ вѣры,—одна изъ менѣе значительныхъ по объему.

Дѣла церковныя подлежали вѣдѣнію особаго круга органовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Синодъ, прямо подчиненный Кабинету. Дѣятельность этихъ органовъ направлена была именнымъ указомъ, изданнымъ 13-го ноября 1740 года, т. е. вскорѣ по воцареніи Іоанна III-го и вслѣдъ за вступленіемъ его матери въ управленіе государствомъ. Указъ (редактированный въ Кабинетѣ и отсюда препровожденный въ Синодъ для руководства) имѣлъ характеръ инструкціи Синоду съ подчиненными ему учрежденіями въ дѣлѣ „храненія и распро-

страненія“ православія [153]). При наличности такой инструкціи, Синоду рѣдко приходилось обращаться по своимъ дѣламъ къ верховной власти и, наоборотъ, послѣдней касаться программы дѣйствій духовныхъ учрежденій.

Вотъ перечень церковныхъ вопросовъ, бывшихъ на разсмотрѣніи кабинетъ-министровъ въ 1740—1741 гг. О постройкѣ и возобновленіи православныхъ монастырей и церквей, также о снабженіи ихъ утварью и всѣмъ необходимымъ. О регулированіи поступленія въ монашество и, какъ слѣдствіе, о допущеніи, по ходатайству Синода, въ отдѣльныхъ случаяхъ, исключенія изъ общаго для этого поступленія правила [154]). „О понужденіи всѣхъ чиновъ къ посту и молитвѣ и къ исповѣди и сообщенію св. таинъ“ [155]). Объ установленіи для Петербурга способа веденія исповѣдныхъ записей [156]). Объ установленіи порядка отправленія „церковнаго чиноположенія“ въ день тезоименитства принца Іоанна Антоновича и памяти по царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ [157]). Объ изданіи (печатаніи) миней и библіи [158]). О мѣрахъ къ искорененію суевѣрія [159]). О мѣрахъ къ обращенію иновѣрцевъ въ православіе и утвержденію новообращенныхъ въ вѣрѣ [160]). Наконецъ, вопросы о разрѣшеніи постройки вновь иновѣрческихъ церквей: армянской (въ Москвѣ) и лютеранскихъ (по докладу генералъ-фельдмаршала Миниха, одной—на лѣвомъ крылѣ украинской линіи, другой—„въ пожалованныхъ ему деревняхъ“) [161]).

Для уясненія характера дѣйствій Кабинета по дѣламъ церкви и отношенія современнаго верховнаго правительства (нѣмецкой партіи) къ православію, къ этому перечню присоединяемъ нѣсколько фактовъ изъ кабинетской практики по вопросамъ о постройкѣ и обстановкѣ православныхъ церквей и монастырей *). По всеподданнѣйшему челобитью, въ 1741 году, новгородскаго Сыркова монастыря игуменьи съ сестрами о выдачѣ ей, за неимѣніемъ вотчины, на „починки“ въ церквахъ этого монастыря образовъ, утвари и „прочихъ ветхостей“ денегъ изъ казны, Кабинетъ распорядился, „чтобъ о томъ Сенатъ, снесшись съ св. Синодомъ, разсмотрѣніе учинили и представили въ Кабинетъ со мнѣніемъ“ [162]).—Въ томъ же году, 15-го сентября, состоялся именной, за рукою правительницы, указъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручику Николаю Чрикову: „Пожаловали мы въ Александро-Свирскій монастырь на милостыню денегъ 500 рублевъ, которые нынѣ и посылаются туда съ вами. Того ради, принявъ оныя деньги, ѣхать вамъ въ тотъ монастырь и, по прибытіи, отдать ихъ тамошнему настоятелю на раздѣлъ всѣмъ того монастыря монахамъ, священникамъ и прочимъ церковнымъ служителямъ. А при томъ вамъ, будучи въ ономъ монастырѣ, осмотрѣть всѣ церкви, келіи, монастырскую ограду

*) Подробности, касающіяся прочихъ въ перечнѣ вопросовъ, см. въ статьѣ «Синодъ».

и прочее строеніе, въ какомъ состояніи оныя находятся, нѣтъ-ли гдѣ ветхости и ненадобно-ль что починить; а буде какая гдѣ починка потребна, о томъ вамъ, возвратясь сюда, донесть намъ словесно". Указъ этотъ отданъ былъ Чирикову въ Кабинетѣ въ тотъ же день. Подобная же милость была оказана Тихвинскому монастырю, и за эту поддержку обитель благодарила императора слѣдующимъ письмомъ: „Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь императоръ Іоаннъ Антоновичъ, самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій. За милосердое вашего императорскаго величества во святую Тихвинскую обитель (идѣже обрѣтается многочудесный и ангеломъ говѣйный по воздуху принесенный Пречистыя Богоматере пречестный образъ), на покрытіе имѣющихся при соборной церкви каменныхъ папертей досчатымъ желѣзомъ, денежное пятью сотъ рублей награжденіе воздаемъ вашему императорскому величеству мы, недостойніи, достолѣпное наше рабское всенижайшее благодареніе, и якоже нынѣ, тако и присно должни и предолжни о душевнемъ спасеніи и о благополучной державѣ и о многолѣтномъ вашего императорскаго величества и дражайшихъ родителей вашихъ здравіи Господа Бога и Пречистую Его Богоматерь выну молити и присно благодарити. Вашего императорскаго величества нижайшіи богомольцы Тихвина монастыря архимандритъ Осодосій съ братіею" [163]).—Именнымъ указомъ 1732 года, повелѣно было обветшавшую Троицкую, что на Петербургскомъ островѣ, соборную церковь *) „строить каменную, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ деревянная"; но до 1738 года постройка почему-то не начиналась. Въ сентябрѣ этого года, по представленію Синода, послѣдовала резолюція Кабинета: „тое деревянную церковь, разобравъ, вновь построить (Канцеляріи отъ строеній) на томъ же мѣстѣ и такимъ же манеромъ деревянную; а пока оная вновь построена не будетъ, святыя иконы и утварь церковную выбрать, куда св. Синодъ разсудитъ, гдѣ бъ возможно службу Божію отправлять". Приказъ этотъ оставался безъ исполненія два года, и Синодъ, въ виду совершенной ветхости церкви, „сообщилъ" Кабинету: „Понеже никакихъ припасовъ ко оному строенію въ заготовкѣ и понынѣ еще не видно, а помянутая деревянная церковь въ совершенной нынѣ ветхости: стѣны и полы всѣ огнили и обсѣли и алтарь на сторону пошатился, отчего опасно незапнаго опой церкви разрушенія и людямъ поврежденія, а къ выноскѣ изъ той церкви утвари, гдѣ бъ священнослуженіе можно было отправлять, удобнаго мѣста не сыскано", то „не опредѣлено-ль будетъ оную соборную церковь вокругъ старыя или, усмотря близъ опой, гдѣ гостинъ дворъ, удобное и высокое мѣсто, на томъ мѣстѣ построить, по силѣ именнаго указа (1732 года), вмѣсто преждеопредѣленной деревянной, — каменную, а матеріалы на

*) Церковь эта—первый, по времени, храмъ Петербурга [164])

строеніе оной употребить изъ имѣющихся близъ же той соборной церкви изъ разломаннаго гостина двора". Кабинетъ, 31-го октября 1740 года, постановилъ: „По тому сообщенію, для строенія, вмѣсто Троицкой соборной, вновь другой церкви св. Синоду, снесшись съ Коммиссіею о здѣшнихъ строеніяхъ, изобрать другое, способное мѣсто, которое бъ могло быть отъ крѣпости въ дальнемъ разстояніи". По сношенію Синода съ сказанною коммиссіею, мѣсто для церкви было избрано между старою церковью и бывшимъ гостинымъ дворомъ, противъ Большой Дворянской улицы, на разстояніи 150 саж. отъ крѣпости. Составленные затѣмъ планъ и фасадъ новой церкви коммиссія, въ іюнѣ 1741 года, внесла въ Кабинетъ на апробацію, представляя: „1) Понеже, по сочиненнымъ архитекторомъ (Земцовымъ) чертежамъ, у объявленной церкви назначено быть деревяннымъ статуямъ, а, по указамъ, не токмо у такихъ публичныхъ каменныхъ зданіевъ, но и у партикулярныхъ палатъ деревяннымъ никакимъ орнаментамъ быть не велѣно, и прежде сдѣланные у палатъ такіе деревянные орнаменты передѣлать повелѣно, того ради у той построяемой церкви тѣ статуи и другіе орнаменты надлежитъ дѣлать, по силѣ указовъ, изъ камня или кирпича; буде же Кабинетъ его императорскаго величества соизволитъ разсудить, для избѣжанія дальняго коштa, тѣмъ статуямъ не быть, то, вмѣсто оныхъ, можно сдѣлать другое пристойное украшеніе, потому жъ изъ камня или кирпича". 2) Хотя мѣсто для церкви, по разсужденію Синода и мнѣнію коммиссіи, и удобно, но „токмо безъ повелительнаго отъ Кабинета его императорскаго величества указа коммиссія въ строеніи той церкви позволенія собою учинить не можетъ, того ради и требуетъ о томъ отъ Кабинета резолюціи" [165]). Была-ли дальнѣйшая по этому дѣлу переписка—невидно.

Къ занятіямъ Кабинета по дѣламъ церкви, кромѣ разрѣшенія вопросовъ чисто церковныхъ, относился также разборъ жалобъ духовныхъ лицъ на административную расправу съ ними Синода. Такъ, въ 1741 году, дьяконъ суздальскаго Ризположенскаго дѣвичьяго монастыря Иванъ Алексѣевъ подалъ въ Кабинетъ челобитную, въ которой, жалуясь „что онъ, за правый его донось на поповъ Ивана Никитина да Ивана Иванова въ неслуженіи ими въ торжественные и викторіальные дни при божественныхъ литургіяхъ соборныхъ молебновъ и въ небытіи у всенощнаго и у заутреннаго пѣнія и у многихъ напихидъ и о прочемъ, наказанъ въ Синодѣ плетьми безвинно", просилъ, „чтобъ имѣющееся въ Синодѣ его прошеніе и протоколъ, по которому онъ наказанъ, взять (въ Кабинетъ) и освидѣтельствовать и опредѣлить его по прежнему въ монастырь". Кабинетъ постановилъ: „справиться съ Синодомъ о его дѣлѣ и за что онъ наказанъ" [166]).

Дѣла по вѣдомству Двора.

Дѣла, возникавшія по придворному вѣдомству, какъ преимущественно хозяйственныя, домашнія, производились почти исключительно придворными учрежденіями, получавшими приказы, большею частью устные, самой правительницы, и до Кабинета доходили рѣдко. За исключеніемъ ихъ, всенародное объявленіе (манифестами, черезъ Сенатъ) о радостныхъ и печальныхъ событіяхъ въ царской семьѣ, важнѣйшія распоряженія по случаю придворныхъ празднествъ и печальной церемоніи (погребенія императрицы Анны), крупныя дворцовыя постройки, ассигнованіе изъ казны на содержаніе Двора и на придворные расходы денегъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, вся болѣе выдающаяся дѣятельность Кабинета по вѣдомству Двора. Сказанное подтверждается свѣдѣніями, помѣщенными въ 1-й книгѣ настоящаго изданія. Добавимъ, что всѣ придворныя учрежденія находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Кабинета *).

Дѣла судебныя.

Лѣстница судебныхъ инстанцій,—спеціально-судебныхъ и судебно-административныхъ органовъ,—завершалась собственно Сенатомъ [168]); но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изъ Сената дѣла шли далѣе—въ Императорскій Кабинетъ, на высочайшее разрѣшеніе, именно: 1) когда Сенатъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, затруднялся постановить по данному дѣлу окончательное рѣшеніе; 2) когда, по приговору Сената, подсудимые: а) подлежали лишенію рангова и б) заслуживали помилованія отъ смертной казни; и 3) вслѣдствіе всеподданнѣйшихъ жалобъ на рѣшеніе Сената.

Во всѣхъ затруднительныхъ судебныхъ случаяхъ Сенатъ не только имѣлъ право, но и обязанъ былъ обращаться за разрѣшеніемъ въ Кабинетъ. Направляя извѣстное дѣло на рѣшеніе Сената, Кабинетъ нерѣдко такой приказъ заключалъ стереотипной фразой: „а ежели (Сенату) зачѣмъ рѣшить будетъ невозможно, о томъ представить въ Кабинетъ его императорскаго величества со мнѣніемъ“ [169]).

Восхожденіе въ Кабинетъ дѣлъ „объ отнятіи“ за преступленія рангова удостовѣряется слѣдующими фактами. Въ мартѣ 1740 года Сенатъ внесъ въ Кабинетъ „сообщеніе о лишеніи обрѣтающагося въ С.-Петербургѣ, на питейномъ отдаточномъ дворѣ, подпоручика Бал-

*) Учрежденія, состоявшія въ непосредственномъ подчиненіи Кабинету (по современному оффиціальному выраженію, «состоявшія подъ указами Кабинета»)—придворныя и нѣкоторыя другія, которыя будутъ названы ниже, — изъяты были изъ вѣдѣнія Сената и по дѣламъ своимъ прямо относились въ Кабинетъ; кромѣ Кабинета, ни одно изъ высшихъ учрежденій не имѣло права давать имъ «повелительные указы» и требовать отъ нихъ рапорты (отчеты) [167]).

кошина, за спускъ съ того двора, безъ указа, подрядчика Нѣмчинова бочки вина, подпоручицкаго одного ранга и объ отрѣшеніи его отъ того дѣла и впредь о неопредѣленіи ни къ какимъ дѣламъ“ [170]).—Въ 1741 году данъ былъ Сенату именной указъ: „объ отнятіи (за что—не сказано) у Ксенофонта Макова маіорскаго и капитанскаго рангова и опредѣленіи, по прежнему, секретаремъ въ Бѣлогородскую или въ прочія губернскія канцеляріи, по усмотрѣнію Сената“. Указъ этотъ послѣдовалъ, вѣроятно, по сенатскому представленію [171]).

Смертные приговоры Сенатъ вносилъ въ Кабинетъ, ходатайствуя передъ верховнымъ правительствомъ о замѣнѣ, по смягчающимъ вину обстоятельствамъ, „изъ высочайшей милости“, присужденной по закону смертной казни „политическою смертью“ или другимъ, менѣе тяжкимъ наказаніемъ. Вотъ нѣсколько случаевъ такого ходатайства. 10-го мая 1740 года въ Кабинетъ вступило сообщеніе Сената „объ освобожденіи Переяславскаго полка села Лецокъ попа Тимоѳеева и трехъ человѣкъ малороссійскихъ казаковъ, которые тайно, мимо заставъ, въ Москву безъ паспортовъ прошли, отъ смертной казни“. Представленіе разсматривалось въ Кабинетѣ въ тотъ же день и министръ Остерманъ подалъ мнѣніе („разсужденіе“): „онаго попа и казаковъ, для нынѣшнихъ случаевъ, отъ смертной казни свободить можно; а что они такъ дерзостно учинили и тайно мимо заставъ прошли, того безъ наказанія отставить не можно, и для того мнится, чтобъ, учиня имъ кнутомъ или иное какое наказаніе, послать на вѣчное житье въ Сибирь“ [172]).—Въ іюлѣ того же года министры Остерманъ и Черкасскій (составлявшіе въ то время Кабинетъ) обсуждали (по экстракту) дѣло, внесенное Сенатомъ и имъ разсмотрѣнное по представленію слѣдственной коммиссіи о Городовой канцеляріи, „о коммиссарахъ и подьячихъ (этой канцеляріи) и купцахъ, о 44 человѣкахъ, (обвинявшихся) въ воровскихъ припискахъ и подлогахъ и въ похищеніи казны и разныхъ матеріаловъ на многія тысячи“. Остерманъ разсуждалъ: „Хотя изъ опыхъ коммиссаръ Борисовъ и копіисты Осековъ и Бакшеевъ за воровскія приписки, изъ-за взятковъ, о выдачѣ изъ казны денегъ будто за принятые матеріалы, по правамъ и указамъ, къ смертной казни праведно приговорены, однакожъ изъ дѣла видно, что по тѣмъ ихъ воровскимъ припискамъ выдачи изъ казны денегъ не было, того ради, по мнѣнію моему, можно ихъ отъ смертной казни освободить, а, вмѣсто того, слѣдующее учинить: 1) Борисова, вмѣсто кнута, бить на публичномъ мѣстѣ кошками безъ пощады (и) освободить, понеже погрѣшеніе его противъ другихъ весьма меньше, ибо приписалъ воровски на 1933 руб., а взятковъ за то получилъ только на 4 рубля. 2) Осекова и Бакшеева, бивъ кнутомъ, послать въ ссылку въ Оренбургъ, для того, что они воровски приписали и взятковъ за то получили немалое число, хотя денегъ изъ казны и не выдано. Прочимъ же, въ той канцеляріи бывшимъ у дѣлъ, явившимся въ подлогахъ, мнится,

что надлежитъ учинить политическую смерть, понеже они сами признались въ воровскихъ приписках многой суммы и, за то получивъ не малыя взятки, по тѣмъ своимъ воровскимъ вымысламъ не малый ущербъ казнѣ государственной учинили и другихъ чрезъ такое воровство въ истязаніе и раззореніе привели, ибо ежели бъ они такого воровства въ дѣйство производить не стали и другихъ тому воровству не учили, тобъ всѣ тѣ люди, на которыхъ имена такія воровскія приписки о выдачѣ денегъ учинены, въ такое тяжчайшее истязаніе, чему они осуждены, не впали. О купцахъ и прочихъ: о Гаврилѣ Обуховѣ, за такое важное его умышленное воровство, съ разсужденіемъ правительствующаго Сената (чтобы Обухова казнить смертью) согласенъ. Купцу Томилину да обжигальщику Полунину мнится, что можно наказаніе уменьшить, именно высѣчь батогами или кошками и взять съ нихъ штрафа по толикому же числу, посколько они денегъ изъ казны получили, понеже о томъ подлогѣ повинную принесли и деньги въ казну всѣ возвратили. А прочимъ купцамъ, обжигальщикамъ и крестьянамъ, которые въ такихъ подлогахъ явились (и) взятыя ими деньги изъ казны (не возвратили), возвратно (внести въ казну) и, учинивъ наказаніе публично кошками, взять съ нихъ штрафа по толикому же числу, сколько кто изъ нихъ денегъ изъ казны получили и потомъ освободить. А ежели кто изъ нихъ такого штрафа платить не будетъ, тѣхъ послать для заработыванія въ каторжную работу и держать по то время, пока такой положенный на нихъ штрафъ заработаютъ или заплатятъ. А которые хотя въ такихъ воровскихъ приписках и явились, однакожъ денегъ изъ казны не получили, тѣхъ, по учиненіи наказанія кошками жъ, освободить". Министръ Черкасскій, соглашаясь въ главномъ съ Остерманомъ, сдѣлалъ слѣдующія возраженія: обвиняемыхъ, подлежащихъ, по мнѣнію Остермана, политической смерти,— наказать кнутомъ и послать въ ссылку; купца Томилина и обжигальщика Полунина—или наказать батогами или штрафомъ, въ размѣрѣ десятой части взятой изъ казны суммы; штрафъ для обвиняемыхъ слѣдующей (во мнѣніи Остермана) категоріи назначить такой же, какъ и предъидущимъ подсудимымъ. Положеніе Кабинета (мнѣніе Остермана съ поправками Черкасскаго) восходило на усмотрѣніе императрицы и ею было утверждено [173]).—Въ октябрѣ того же года Сенатъ представилъ Кабинету: „не соизволитъ-ли ея императорское величество, для многолѣтняго своего здравія, каторжныхъ невольниковъ" Дубровскаго и Соколова, присужденныхъ Сенатомъ за кражу: первымъ—у каторжника одиннадцати червонныхъ, вторымъ—при шитьѣ въ полиціи мундира, двухъ рукавовъ, трехъ лоскутовъ байки и пятидесяти мѣдныхъ пуговицъ, къ смертной казни, отъ этой казни „всемилостивѣйше пожаловать свободить, а учиня наказаніе кнутомъ, опредѣлить въ работу вѣчно къ Кронштадтскому каналу" [174]). — Въ маѣ слѣдующаго 1741 года въ Кабинетъ поступилъ всеподданнѣйшій докладъ Сената

по дѣламъ: 1) о посадскомъ Морозовѣ, который за „сочиненіе“ двухъ фальшивыхъ паспортовъ наказанъ былъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и, до отправки его, по тому же приговору, въ вѣчную работу въ Оренбургъ, сидя въ острогѣ, написалъ еще два паспорта „изъ-за взятковъ“, и 2) о „бывшемъ гарнизонномъ солдатѣ“ Софроновѣ, уличенномъ въ кражѣ у купца сундука съ „малыми пожитки“ и оказавшемся уже наказаннымъ, за побѣги и „другія многія продерзости“, кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и отдачею въ работу при генеральномъ госпиталѣ. Въ докладѣ Сенатъ представлялъ, что хотя означенные преступники, по закону (указу 12-го ноября 1721 года), какъ уже разъ наказанные съ вырѣзаніемъ ноздрей, и подлежатъ смертной казни, но, „изъ высочайшей его императорскаго величества милости, для многолѣтняго его императорскаго величества здравія и благополучнаго государствованія, не соизволено-ль будетъ объявленныхъ воровъ отъ смертной казни свободить и, учиня имъ еще наказаніе кнутомъ, сослать въ каторжную работу вѣчно“. Докладъ этотъ полученъ былъ Сенатомъ обратно съ резолюціею, за подписью правительницы: „Оныхъ Морозова и Софронова всемилостивѣйше отъ смертной казни свобождаемъ, а, вмѣсто того, по представленію сенатскому учиня имъ наказаніе, послать въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно и велѣть за ними смотрѣть, чтобъ они были тамо въ непрестанной работѣ“ [175]).

Жалобы на рѣшеніе Сената приносились Кабинету (въ формѣ челобитной на высочайшее имя) свободно, безъ всякаго затрудненія; допускались даже челобитья на вторичные, по высочайшимъ указамъ, сенатскіе приговоры. Характеръ и порядокъ дѣйствій Кабинета по такимъ жалобамъ достаточно уясняются фактами за 1741 годъ. По всеподданнѣйшему челобитью бригадира Титова „о разсмотрѣніи имѣющагося у него въ Сенатѣ дѣла вновь о бѣгломъ его человѣкѣ Александровѣ, который назвался ложно Балкомъ, и объ отдачѣ ему онаго человѣка съ женою и дѣтьми“, Кабинетъ постановилъ: „челобитную отдать въ Сенатъ и велѣть имѣющееся о томъ дѣло освидѣтельствовать — правильно-ль оное рѣшено, и буде оное подлинно рѣшено неправильно, то, для показанныхъ отъ него, Титова, резоновъ, разсмотрѣть вновь, по сущей справедливости, и со мнѣніемъ представить въ Кабинетъ“ [176]). — По такому же челобитью серпуховскаго купца Вавилова, „что имѣющееся дѣло его съ иноземцемъ Бевенротомъ въ насильномъ завладѣніи половины фабричнаго двора и капитала, по неправильному Коммерцъ-коллегіи представленію, въ Сенатѣ рѣшено неправо“, министры (въ іюлѣ) приказали: „понеже оное дѣло въ Сенатѣ рѣшено въ небытность генерала-прокурора, того ради то дѣло отдать генералу-прокурору, чтобъ онъ, по своей должности, то дѣло разсмотрѣлъ, по силѣ-ль указовъ оное рѣшено, и буде явится ему сумнительно, объ ономъ, по должности своей, представилъ Сенату письменно со изъясненіемъ“ [177]). — О доступности Кабинета для

жалобщиковъ на Сенатъ свидѣтельствуетъ два раза восходившее на разсмотрѣніе министровъ дѣло помѣщика Левыкина о бѣглыхъ крестьянахъ. Содержаніе и ходъ этого интереснаго въ процессуальномъ отношеніи дѣла таковы: Въ 1679 году, „въ голодъ“, крестьянская семья мценскаго помѣщика Марка Левыкина „сошла“ къ старооскольскому помѣщику Ворыпаеву, гдѣ и осталась, „не похотя быть“ за Левыкиными. Родной внукъ Марка Левыкина, Кириллъ, получивъ по наслѣдству родовое имѣніе, началъ, въ 1714 году, въ Старомъ Осколѣ, дѣло о возвращеніи ему этихъ крестьянъ, доказывая свой искъ крѣпостями. Спустя 8 лѣтъ, Левыкинъ обратился въ Курскіе провинціальный и надворный суды, „объявляя, что старооскольскій судья того его дѣла, за недружбою, долговременно не рѣшилъ“. По этому челобитью, Курскій надворный судъ началъ производство и тянулъ его годы безъ всякаго существеннаго результата. Не дождавшись рѣшенія, истецъ подалъ жалобу Бѣлогородской губернской канцеляріи, что по его дѣлу „въ томъ надворномъ судѣ произведенъ судъ не по формѣ и не на шнуровыхъ тетрадяхъ, и изъ оныхъ (спорныхъ людей) одинъ крестьянинъ въ разныхъ рѣчахъ пытанъ, и рѣшенія по оному дѣлу въ томъ надворномъ судѣ не учинено“. Губернская канцелярія, въ 1732 году, опредѣлила: спорныхъ крестьянъ „отдать“ Левыкину и въ его пользу взыскать съ Ворыпаевыхъ за держаніе бѣглыхъ „зажилыя деньги“ (за 53 года по 60 руб. за каждый годъ). По этому приговору, Левыкину бѣглые его крестьяне были возвращены *), присужденныя же деньги—не уплачены. Вслѣдствіе челобитья Ворыпаевыхъ на рѣшеніе губернской канцеляріи, дѣло поступило въ Юстицъ-контору. Послѣдняя, въ 1736 году, заключила: приговоръ губернской канцеляріи „отставить“ и „вѣдаться Левыкину съ Ворыпаевыми въ тѣхъ спорныхъ крестьянахъ и въ зажилыхъ деньгахъ вновь судомъ“. Недовольный этимъ рѣшеніемъ, Левыкинъ аппелировалъ въ Сенатской конторѣ, „что Юстицъ-контора опредѣлила по тому дѣлу дать вторичный судъ въ противность уложенію и указовъ“. Сенатская контора, „съ присутствующими обрѣтающихся въ Москвѣ коллегій и канцелярій, приказовъ и конторъ президентами и членами (въ 1738 году), слушавъ того дѣла, приговорили: вышепоказаннымъ крестьянамъ, по силѣ уложенія и указовъ и по крѣпостямъ, быть за Ворыпаевыми, а истцу Левыкину отъ тѣхъ крестьянъ отказать и рѣшенія по тому дѣлу бѣлогородскаго губернатора Бибикова и Юстицъ-конторы и спорныя о томъ Левыкина прошенія отставить, и за неправое его, Левыкина, челобитье взять съ него пошлины. А что по тому Курскаго надворнаго суда присутствующіе судъ производили не

*) Крестьяне эти, однако, не долго оставались у Левыкина: по его словамъ, ихъ «отнялъ у него сильно, невѣдомо по какимъ крѣпостямъ», курскій помѣщикъ Чернышевъ и въ его владѣніи они находились во все послѣдующее время процесса Левыкина съ Ворыпаевыми.

по силѣ указовъ и, въ противность уложенія, крестьянномъ розыскивали, а прокуроръ Камынинъ, видя, что то дѣло произвождено непорядочно и, сверхъ того, крестьянина до напрасной пытки допустилъ, а бѣлогородскій губернаторъ то дѣло рѣшилъ безъ крѣпостей неправильно, такожъ и Юстицъ-конторы прокуроръ Сабуровъ послѣ рѣшенія той конторы подалъ предложеніе спустя многое время,—за то всѣхъ ихъ штрафовать". Для уясненія послѣдующаго, необходимо сказать, что на этотъ приговоръ прокуроры Камынинъ и Сабуровъ жаловались Сенату, который и опредѣлилъ: „съ Сабурова штрафа не взыскивать, для того, что по должности его преступленія и оплошки не явилось, а замедленіе въ протестаціи учинилось отъ того, что онъ смотрѣніе имѣлъ не въ одной Юстицъ-конторѣ и за тѣмъ онаго дѣла вскорѣ разсмотрѣть и предложенія подать было ему не возможно, а Камынину штрафъ уменьшить" *). Этими сенатскими приговорами безконечно тянувшееся дѣло и должно было завершиться; но Левыкинъ не уступалъ и повелъ процессъ далѣе. Въ іюлѣ 1740 года, въ Петергофѣ, онъ подалъ императрицѣ Аннѣ челобитную, въ которой жаловался, „что дѣло его съ Ворыпаевыми Юстицъ-контора рѣшила неправильно, а Сенатская контора то рѣшеніе утвердила, да и правительствующій Сенатъ, по присланному изъ той конторы мнѣнію, рѣшилъ неправильно жъ", и просилъ, „чтобъ то дѣло, для правильнаго разсмотрѣнія, взять въ Кабинетъ". Челобитная, черезъ генералъ-адъютанта Салтыкова, направлена была на разсмотрѣніе министровъ, которые, постановивъ по ней резолюцію, дали Сенату слѣдующій указъ: „Понеже Левыкинъ объявляетъ, что дѣло его съ Михаиломъ да Петромъ Ворыпаевыми въ спорныхъ между ими крестьянахъ, по присланному изъ Сенатской конторы мнѣнію, правительствующій Сенатъ рѣшилъ неправильно, а изъ взятаго въ Кабинетъ ея императорскаго величества изъ того правительствующаго Сената дѣла, при которомъ имѣется присланный изъ Сенатской конторы изъ того его, Левыкина, дѣла экстрактъ и со опредѣленія той конторы копія, усмотрѣно, что по оному дѣлу рѣшеніе учинено въ Сенатской конторѣ, а экстрактъ въ правительствующій Сенатъ, по требованію онаго, прислать тожмо для разсмотрѣнія по допошеніямъ прокуроровъ Сабурова да Камынина о положенныхъ на нихъ по тому дѣлу оною Сенатскою конторою штрафахъ, о чемъ въ прав. Сенатѣ и опредѣленіе учинено, а чтобъ о помянутыхъ его, Левыкина, спорныхъ крестьянахъ въ Сенатѣ разсматриваио, того не явствуетъ, да и по подпискамъ сенатской канцеляріи приказныхъ служителей, кромѣ того, объ ономъ другаго отъ Сенатской конторы представленія и мнѣнія не оказалось. Того ради

*) Приведенныя постановленія Сената и его конторы по отношенію къ прокурорамъ Сабурову и Камынину состоялись въ небытность генералъ-прокурора, постъ котораго оставался вакантнымъ съ 1736 по 1740 годъ.

вышеобъявленное дѣло съ помянутымъ экстрактомъ и копіею съ опредѣленія Сенатской конторы и оный Левыкинъ посылаются при семъ. И хотя означенный экстрактъ въ Кабинетѣ ея императорскаго величества оному Левыкину объявленъ, который онъ читавъ, сказкою показалъ, что изъ дѣла его учиненъ исправно и никакого въ томъ экстрактѣ съ его, Левыкина, стороны недостатка не имѣется, однакожъ прав. Сенату, во первыхъ, надлежитъ справиться, подлинно-ль не имѣлось такого отъ Сенатской конторы мнѣнія и по тому сенатскаго рѣшенія, какъ оный Левыкинъ въ челобитьѣ своемъ объявляетъ, а буде конечно не было, то противъ сего его челобитья означенный экстрактъ и Сенатской конторы опредѣленіе разсмотрѣть, правильно-ль то дѣло рѣшено, и, по довольномъ разсмотрѣніи, оное дѣло рѣшить, какъ указы повелѣваютъ, по сущей справедливости, немедленно; а буде, паче чаянія, явится, что Сенатская контора оное дѣло рѣшила правильно, то тому Левыкину не чиня никакого за неправое его челобитье наказанія, представить объ немъ въ Кабинетъ". Постановленное, вслѣдствіе этого указа, рѣшеніе Сената было опять не въ пользу Левыкина, и онъ рѣшился на послѣднее средство—обжаловать вторичный сенатскій приговоръ. Въ челобитной на высочайшее имя, поданной имъ 25-го мая 1741 года, онъ писалъ, что „и вторительно (въ Сенатѣ) рѣшеніе учинено неправильно...; а я, нижайшій, съ подачи челобитной (императрицѣ, въ 1740 году), по приказу господъ сенаторовъ, прошедшаго апрѣля по 7-е число сего года при ономъ Сенатѣ безвинно содержался подъ карауломъ и помиралъ, въ неимѣніи своего питомства, но токмо отъ подаянія мірскаго, и едва отъ недовольнаго пропитанія не умеръ голодною смертью, а потомъ, безъ всякаго резона, изъ подъ караула освобожденъ. И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было мое неправорѣшенное прав. Сенатомъ дѣло, для правильнаго разсмотрѣнія и рѣшенія, взять въ высокоучрежденный Кабинетъ и, по разсмотрѣніи правости моей въ томъ дѣлѣ, тѣхъ старинныхъ моихъ крестьянъ отдать во крестьянство мнѣ и за держаніе тѣхъ крестьянъ за пожилые годы деньги, взыскавъ съ Ворыпаевыхъ, отдать мнѣ, нижайшему, дабы, волочась за тѣмъ дѣломъ, мнѣ, бѣдному, отъ 1714 по сей 1741 годъ, и того чрезъ 27 лѣтъ, отъ такихъ неправорѣшеній и продолжительства, не имѣвъ пропитанія, помираю (не помереть) голодною смертью; и въ неотлученіи до рѣшенія дѣла и о явленіи на всякій день въ Кабинетѣ обязать меня, нижайшаго, подпискою, понеже я, нижайшій, имѣю опаспость немалую отъ прав. Сената". Кабинетъ, разсмотрѣвъ челобитье, сдѣлалъ распоряженіе: „требовать изъ Сената съ рѣшительнаго по тому дѣлу опредѣленія копію". О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла можно судить по слѣдующей сенатской записи: „21-го іюля 1741 года (подано въ Кабинетъ) сообщеніе во извѣстіе о свободѣ мценскаго помѣщика Кирилла Левыкина,

за неправое челобитье Кабинету, по указу (милостивому) октября 23-го 1740 года, безъ всякаго наказанія. Возвращено съ резолюціею сентября 4-го дня“ [178]).

Челобитья на рѣшенія низшихъ и среднихъ судебныхъ органовъ прямо Кабинету, минуя установленныя инстанціи *), закономъ не допускались, за исключеніемъ жалобъ на волокиту — постановленія и дѣйствія учрежденій явно противозаконныя, преступныя. Такого рода прошенія Кабинетомъ (или, въ періодъ времени съ ноября 1740 по мартъ 1741 года, придворнымъ рекетмейстеромъ), по разсмотрѣніи, обыкновенно отсылались въ Сенатъ, съ приказомъ удовлетворить жалобщиковъ. Челобитья на волокиту, какъ уже сообщено выше, узаконены были именнымъ повелѣніемъ 27-го ноября 1740 года; но и до этого указа такія жалобы, не смотря на строгое запрещеніе приносить ихъ, Кабинетомъ (въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ быть) принимаемы были къ своему разсмотрѣнію. Въ поясненіе этого, укажемъ на нѣкоторыя данныя. Въ іюлѣ 1740 года отъ „выборнаго крестьянина съ товарищи“ села Сигори, вотчины Спасо-Ярославскаго монастыря, Переяславль-Залѣсскаго уѣзда, Московской губерніи, поступила въ Кабинетъ челобитная „на бывшаго переяславльскаго воеводу и секретаря о неправомъ рѣшеніи ихъ дѣла вотчины Оедоровскаго дѣвичьяго монастыря съ крестьянами о завладѣніи пашенною землею и сѣннымъ покосомъ и о неправомъ межеваніи между ими тѣхъ земель и о прочемъ“. Кабинетъ приказалъ: прошеніе „отослать, для надлежащаго по оному разсмотрѣнія, въ прав. Сенатъ, къ генералу-прокурору кн. Трубецкому“ [179]). — По жалобѣ, въ 1741 году, отставнаго капитана Реткина на дѣйствія Боровской воеводской канцеляріи по дѣлу объ убійствѣ его сына, л.-гвардіи Преображенскаго полка солдата, земскими писарями и крестьянами дѣвицы Екатерины Парышкиной **), — послѣдовала резолюція Кабинета: челобитную „отдать въ Сенатъ и велѣть изъ онаго подтвердить накрѣпчайшимъ указомъ, чтобъ дѣло немедленно и по сущей справедливости изслѣдовано и окончено было, какъ указы повелѣваютъ, въ немедленномъ времени“ [180]). — Въ январѣ 1741 года купецъ Бѣлой подалъ придворному рекетмейстеру всеподданнѣйшую челобитную ***): „По имѣющемуся въ государственной Военной коллегіи дѣлу, по неправильному протесту оберъ-фискала Анисимова, о поставкѣ мною (въ 1735 году) якобы негодныхъ на астраханскій гарнизонъ мундирныхъ и аммуничныхъ вещей, а именно: башмаковъ за 2,767 паръ (по 25 коп. пара), штановъ козлиныхъ за 6 (по 41 коп.), опредѣлено тою коллегіею на-

*) См. помѣщенный выше (стр. 47 и 48) именной указъ 12-го ноября 1740 г.

**) О чемъ именно билъ челомъ Реткинъ — не видно; впрочемъ, есть основаніе полагать, что онъ жаловался на волокиту воеводской канцеляріи.

***) Челобитье приводимъ съ поясненіями, взятыми изъ производства.

прасно положенный (военнымъ судомъ) на меня, нижайшаго, въ прошломъ 1739 году, по подрядчымъ цѣнамъ (въ силу контракта Бѣлова съ казною, по 10 руб. за каждую негодную вещь) штрафъ 27,730 руб. съ меня, нижайшаго, сложить и, вмѣсто того, въ противность указамъ и регламентамъ, необычно, велѣно учинить мнѣ, нижайшему, наказаніе напрасно плетьми (въ приговорѣ наказаніе мотивировалось такъ: „въ страхъ другимъ подрядчикамъ, чтобъ при подрядахъ въ контрактахъ своихъ такихъ непристойныхъ обязательствъ,—т. е. платить за каждую негодную вещь громадный, непосильный штрафъ, — въ противность указамъ и регламентамъ, не писали и негодныхъ вещей въ отдачу ставить не дерзали“); а вмѣсто жъ якобы негодныхъ поставить вышеписанное жъ число башмаковъ и штановъ годными вновь, а якобъ негодные, которые ставлены мною по образцамъ, мнѣ, нижайшему, изъ казны не отдавать, о чемъ изъ оной коллегіи въ прав. Сенатъ и докладами предложено. А понеже по всему вышеписанному дѣлу въ неправильномъ произвожденіи во время слѣдствія, допросовъ, въ сочиненіи выписокъ и докладовъ виновенъ той коллегіи бывшій подканцеляристъ Елизарьевъ, чрезъ прописки по похлѣбству вышеписаннаго оберъ-фискала Анисимова, которое сочиняемо было оным подканцеляристомъ Елизарьевымъ изъ однѣхъ взятковъ, дружа и норовя оному Анисимову ко избавленію его, Анисимова, отъ вящшаго штрафа, а мнѣ, нижайшему, къ раззоренію; и хотя прав. Сенату объ оном вышеписанномъ было и предложено, по помянутая Военная коллегія предлагала, не вѣдая о тѣхъ онаго подканцеляриста неправильныхъ по дѣлу произвожденіяхъ. И въ прошломъ 1739 году билъ челомъ я, нижайшій, въ прав. Сенатѣ о напрасно положенномъ и необыкновенномъ на меня, нижайшаго, вышеупомянутомъ штрафѣ и о прочемъ, о чемъ упомянуто именно въ томъ моемъ челобитьѣ, понеже изъ тѣхъ поставленныхъ по контрактамъ явилось якобы негодныхъ башмаковъ только 322 пары, а не 2,767 паръ, и чтобъ вышеписаннаго положеннаго мнѣ напрасно необыкновеннаго штрафа и наказанія не чинить, по которому моему челобитью, а по допошенію Военной коллегіи, прав. Сенатъ о сложеніи съ меня, нижайшаго, и съ товарища моего Кириллова за поставленныя отъ насъ въ казну мундирныя и аммуничныя вещи штрафа опредѣлилъ учинить оной коллегіи по силѣ именнаго вашего императорскаго величества (всемилостивѣйшаго) указа, состоявшагося 1740 года октября 23-го дня. И по оному прав. Сената опредѣленію, паки опредѣлила Военная коллегія взыскать натурою съ меня, нижайшаго, башмаковъ же 2,767 паръ, штановъ козлиныхъ 6, да съ товарища моего Кириллова—штановъ 74; а негодныхъ изъ казны мнѣ не отдавать; которыхъ съ меня, нижайшаго, и взыскивать поставкою не подлежитъ, чему я, нижайшій, никакъ не повинень и стражду напрасно, ибо толикаго числа, 2,767 паръ, и въ казнѣ, якобы запечатанныхъ за отправленіемъ на укомплектованіе

на астраханскій гарнизонъ. не имѣется, а имѣется только 322 пары да шестеры штаны, и ежели хотя и взыскивать бы оныхъ негодныхъ 322 пары башмаковъ надлежало, и то не на мнѣ, нижайшемъ, понеже оные негодные не моей поставки; къ тому жъ отъ меня, нижайшаго, въ той коллегіи и сказкою показано, что мнѣ, нижайшему, платить и ставить, за неимѣніемъ двора и пожитковъ, натурою тѣхъ башмаковъ нечѣмъ, о чемъ надлежало бы, по силѣ именныхъ вашего императорскаго величества указовъ, взнесть, для всемилостивѣйшей апробаціи, въ Кабинетъ вашего императорскаго величества съ прочими о доимкахъ вѣдомость, но того обо мнѣ, нижайшемъ, въ тѣхъ вѣдомостяхъ не написано и пропущено. И тако я, нижайшій, чрезъ немалое время, съ 1735 года, чему было время близъ шести лѣтъ, содержась подъ карауломъ, пришелъ въ крайнюю нищету и лишился дневной пищи, а жена моя съ малолѣтними моими дѣтьми скитается межъ дворъ. И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ, для многолѣтняго вашего императорскаго величества и вашего императорскаго величества любезнѣйшихъ родителей и всей вашего величества высокомонаршей фамиліи здравія и для поминовенія любезнѣйшей бабки вашего императорскаго величества, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Іоанновны, всемилостивѣйше, до разсмотрѣнія, выписанныхъ положенныхъ на мнѣ, нижайшемъ, Военною коллегіею напрасно мундирныхъ и аммуничныхъ вещей не повелѣно бъ было взыскивать и не принуждать, и о томъ въ тое коллегію опредѣлить указомъ вашего императорскаго величества; а для подлиннаго разсмотрѣнія, повелѣно бъ было изъ той коллегіи къ разсмотрѣнію и рѣшенію къ придворнымъ вашего императорскаго величества рекетмейстерскимъ дѣламъ взнесть экстрактъ". Челобитную эту (замѣтимъ, подписанную, вмѣсто просителя, его сыномъ) рекетмейстеръ направилъ въ Сенатъ при слѣдующей „запискѣ": „Отъ придворныхъ рекетмейстерскихъ дѣлъ въ прав. Сенатъ при семъ посылается челобитная московскаго купца Алексѣя Бѣлова, по которой прав. Сенатъ благоволитъ разсмотрѣть и учинить немедленное рѣшеніе; а что учинено будетъ, для репортованія ея императорскому высочеству великой государынѣ княгинѣ и правительницѣ всея Россіи, сообщено бъ было къ придворнымъ рекетмейстерскимъ дѣламъ извѣстіе, ибо онъ приноситъ жалобу, что штрафъ отъ Военной коллегіи положенъ на него якобы неправильно, и для того такое рѣшеніе учинить надлежитъ, дабы онъ не имѣлъ причины ея императорское высочество утруждать" [181]).

Сообщивъ данныя о дѣятельности Кабинета по судебнымъ дѣламъ общаго свойства, переходимъ къ описанію дѣйствій министровъ по дѣламъ особаго характера, именно: а) по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ, б)—входившимъ изъ „особливыхъ" слѣдственныхъ коммиссій, в)—военно-суднымъ и г)—о преступникахъ-иновѣрцахъ, принявшихъ православіе.

Дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, какъ „тайныя розыскныя“, изъяты были вовсе изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ органовъ и сосредоточены въ особомъ, замкнутомъ учрежденіи—Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, начальникомъ которой былъ извѣстный по своей тайной розыскной дѣятельности генералъ Ушаковъ. Канцелярія эта (съ ея конторою, въ Москвѣ) находилась (съ 1731 года) въ исключительномъ вѣдѣніи Кабинета и ему одному отдавала отчетъ о своей дѣятельности. Само собою разумѣется, что дѣла о преступленіяхъ, направленныхъ противъ верховной власти и всего народа, были особенно близки верховному органу, даже политическіе доносы („слово и дѣло государево“) иногда прямо направлялись въ Кабинетъ. Такъ 11-го сентября 1740 года, въ 5-мъ часу пополудни, въ Кабинетѣ, министру Бестужеву-Рюмину караульный (при дворцѣ?) офицеръ л.-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Рудаковъ, доложилъ, что писарь Вятскаго пѣхотнаго полка Поповъ ему, Рудакову, на гауптвахтѣ объявилъ, „что есть за нимъ государственный интересъ и дѣло“. Представленъ былъ и самъ доносчикъ. Бестужевъ распорядился: Попова, отобравъ у него „письма“ и запечатавъ ихъ кабинетною печатью, отправить на гауптвахту и держать его подъ карауломъ, никого къ нему не допуская. На слѣдующій день министры отдали приказъ: „Взятыя у онаго писаря (Попова) и запечатанныя письма отослать къ генералу Ушакову и объявить, что оный писарь держится подъ карауломъ на гоуптвахтѣ“. Затѣмъ въ Кабинетъ „призванъ былъ съ гоуптвахты караульный офицеръ, л.-гв. Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Майковъ, и отъ господъ кабинетъ-министровъ объявлено ему, когда онаго писаря генералъ Ушаковъ потребуетъ, то его къ нему отослать“.—Въ сентябрѣ, 10-го числа, 1741 года „господа кабинетъ-министры приказали: присланное сего числа отъ генерала-маіора и московскаго вице-губернатора графа Брюса, съ подпоручикомъ Чейкинымъ, доношеніе и при томъ допросъ Новгородской губерніи подушнаго сбора земскаго писаря Гостева, который, будучи, за излишнее собраніе уѣздныхъ подводъ подъ персидское посольство и за взятки, подъ карауломъ, сказалъ за собою слово и дѣло государево, отослать съ тѣмъ же присланнымъ въ Тайную канцелярію“. По этому приказу, „призыванъ (былъ въ Кабинетъ) изъ той канцеляріи канцелярист Хрущовъ и то доношеніе съ допросомъ Гостева отданы оному Хрущову, и тотъ земскій писарь съ подпоручикомъ Чейкинымъ посланъ въ ту же канцелярію того жъ числа“ [182]).

Верховный надзоръ за важнѣйшими государственными преступниками до и послѣ суда надъ ними и разрѣшеніе вопросовъ о назначеніи и перемѣнѣ для такихъ лицъ мѣста ссылки также принадлежали Кабинету. Въ предъидущихъ отдѣлахъ уже сообщено о дѣйствіяхъ министровъ по отношенію къ свергнутому регенту Бирону и его приверженцамъ; присоединяемъ къ этимъ даннымъ еще слѣдующія. 6-го

іюня 1740 года въ Кабинетъ вступило „доношеніе во извѣстіе отъ выборгскаго оберъ-коменданта Фермора, что имѣющіеся въ Выборгѣ арестанты, два человѣка, содержатся подъ карауломъ въ добромъ состояніи“ [183]).—Въ томъ же году, еженедѣльно, Кабинетъ получалъ отъ л.-гвардіи прапорщика Булгакова, изъ Нарвы, изъ Ивапъ-городской крѣпости, „доношенія во извѣстіе, что содержащійся подъ карауломъ князь Василій Долгоруковъ съ служителями своими, такожъ и его (Булгакова) команда обрѣтаются въ добромъ состояніи“ [184]).—Въ началѣ этого же года Сенатъ внесъ въ Кабинетъ „сообщеніе: Въ доношеніи изъ Сибирскаго приказа написано: въ прошломъ 1727 году, по письму князя Меншикова, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Сантій посланъ въ ссылку въ Сибирь, который нынѣ обрѣтается якутскаго вѣдомства въ усть-вилюнскомъ зимовьѣ, и при немъ на карауліѣ—подпрапорщикъ съ солдаты; а въ томъ зимовьѣ, кромѣ одной юрты, никакого строенія нѣтъ, да и та (юрта) ветхая и безъ печи, и въ зимнее время жить съ великою нуждою, и хлѣбовъ печь негдѣ, отчего оный подпрапорщикъ съ солдаты претерпѣваютъ великій голодъ, а въ близости жилья никакого нѣтъ и на строеніе годнаго лѣса не имѣется, и строить некѣмъ, и провіантъ опымъ солдатамъ отправляется повсягодно казенный изъ Якутска на судахъ съ немалымъ числомъ людей. А подлинно извѣстно отъ караульныхъ солдатъ, что опъ, Сантій, весьма дряхлъ и всегда въ болѣзни находится. И требуетъ Иркутская провинціальная канцелярія, не повелѣно-ль будетъ его, Сантія, перевесть изъ тамошняго мѣста въ Енисейскъ, понеже тамо хлѣбородныя мѣста и караульныхъ провіантомъ довольствовать можно безъ казеннаго убытка. А Сенатъ о томъ рѣшенія учинить не можетъ, ибо за какія вины онъ, Сантій, посланъ—въ Сенатѣ извѣстія нѣтъ, и требуетъ о томъ указа“. Вопросъ „рѣшенъ“ былъ Кабинетомъ 1-го мая [185]).

Производство слѣдствія по особенно важнымъ уголовнымъ дѣламъ поручалось спеціально парижавшимся коммиссіямъ, которыя, по окончаніи слѣдствія, работы свои вносили прямо въ Кабинетъ. Такъ одна изъ этого рода коммиссій,—„особливая“, учрежденная въ 1734 году по дѣлу „объ отдачѣ привознаго къ Москвѣ въ вольную продажу, въ противность указу, ревеня, по которому показаны судьямъ Сибирскаго приказа немалыя дачи, а особливо совѣтнику князь Борятинскому да секретарю Сенатской конторы Володимірову, и о непорядочной продажѣ сибирскихъ товаровъ“,—внесла произведенное ею слѣдствіе, съ своимъ мнѣніемъ, на разсмотрѣніе Кабинета. Дѣло рѣшено было въ 1740 году, именнымъ указомъ 2-го декабря [186]).

Объ участіи министровъ въ производствѣ дѣлъ военно-судныхъ свидѣтельствуютъ факты. Въ 1740 году въ Кабинетъ внесены были: а) Военною коллегіею докладъ, „что, по силѣ указа, надъ бригадиромъ Карауловымъ военный судъ произведенъ и сентенція заключена“,

съ приложеніемъ самаго дѣла, для конфирмаціи, и б) генералъ-прокуроромъ кн. Трубецкимъ „содержащый надъ поручикомъ князь Николаемъ Голицынымъ, за самовольное его отъ полка отлученіе и укрывательство, фергеръ-кригсъ-рехтъ, поданный изъ Военной коллегіи“[187]). — Въ январѣ этого же года Военная коллегія подала Кабинету допошеніе „о происшедшей между генераломъ и ревельскимъ губернаторомъ графомъ Дукласомъ и генераломъ-маіоромъ и ревельскимъ оберъ-комендантомъ фонъ-Манштейномъ ссорахъ и въ держаніи ими въ партикулярныхъ своихъ работахъ солдатъ“. Въ заключеніи коллегія писала, что, по ея мнѣнію, „онъ, фонъ-Манштейнъ, въ томъ не безъ вины находится“. Объ этихъ ссорахъ доложено было императрицѣ, которая и приказала тайному кабинетъ-секретарю Эйхлеру въ Кабинетѣ объявить, „чтобъ о взятіи сюда изъ Ревеля генерала графа Дукласа и генерала-маіора фонъ-Манштейна къ суду резолюцію учинить немедленно“. Вскорѣ затѣмъ министрами получень былъ отъ Военной коллегіи докладъ съ экстрактомъ „о происшедшихъ вновь ссорахъ“ между Дукласомъ и Манштейномъ (послѣ уже отрѣшенія ихъ отъ должностей), съ требованіемъ указа, „не повелѣно-ль будетъ о нынѣшней между ими ссорѣ изслѣдовать генералу и ревельскому губернатору (новому) барону фонъ-Левендалю, и кто изъ нихъ виновенъ явится, то и военнымъ судомъ судить ему жъ, генералу и губернатору, хотя онъ, генералъ фонъ-Левендаль, помянутаго графа Дукласа и младчѣе (младше), однакожъ (они) въ одномъ классѣ состоятъ“. 19-го апрѣля Кабинетъ, по „разсужденію“ министра Остермана, положилъ: „то слѣдствіе отставить, понеже означенные Дукласъ и Манштейнъ уже отъ правленія должностей ихъ отрѣшены и отъ ихъ ссоры никакого интересамъ ея императорскаго величества упущенія не учинено“. Вслѣдствіе этой резолюціи, утвержденной императрицею, докладъ и допошеніе Военной коллегіи по описанному дѣлу были отосланы изъ Кабинета обратно[188]).

Дѣла о преступникахъ-иновѣрцахъ, принявшихъ православіе, вносились въ Кабинетъ въ силу резолюціи министровъ, высочайше утвержденной 11-го марта 1741 года: „Коннаго казацкаго полка калмыкъ за смертное убивство, изъ которыхъ нѣкоторые казнены, а достальные три человѣка, по наказаніи кнутомъ и вырѣзаніи ноздрей, посланы въ Рогервикъ, ежели они живы, а убивство учинили прежде принятія вѣры греческаго исповѣданія, будучи въ магометанскомъ законѣ, то ихъ свободить и опредѣлить къ кому они пожелаютъ во услуженіе; а ежели ихъ во услуженіе никто не пожелаетъ, то опредѣлить въ монастыри и давать пропитаніе такъ, какъ отставнымъ солдатамъ опредѣлено Такожъ и впредь, ежели такіе жъ иновѣрцы въ смертныхъ убивствахъ или въ другихъ тяжкихъ винахъ явятся, а потомъ вѣру греческаго исповѣданія воспріимутъ, то ихъ для того воспріятія вѣры, нигдѣ не описався, смертію не казнить и въ ссылку не

посылать, а требовать о томъ указа отъ Кабинета его императорскаго величества“ [189]).

Вопросы о подсудности, о переносѣ судебныхъ дѣлъ изъ одного учрежденія въ другое и вообще вопросы процессуальные разрѣшались Кабинетомъ. Въ 1741 году „казанскій житель“ Горкуновъ всеподданнѣйше билъ челомъ „о изслѣдованіи о учинившихся ему отъ Казанской губернской и Козмодемьянской воеводской канцелярій обидахъ обрѣтающемуся въ Казани совѣтнику Баранчееву и о невѣдѣніи его до рѣшенія того дѣла въ Казанской губерніи, и о свободѣ жены его изъ подъ караула“. Кабинетъ постановилъ: челобитную „отдать въ Сенатъ и велѣть то дѣло разсмотрѣть и надлежащее по указамъ рѣшеніе учинить въ Казанской губерніи новоопредѣленному въ ту губернію губернатору, генералу-лейтенанту Загряс(ж?)скому, по сущей справедливости, безъ всякаго продолженія и волокиты и не допуская его (просителя) до напрасныхъ обидъ и раззореній, дабы отъ него впредь въ томъ болѣе челобитья происходить не могло“ [190]).—Въ тоже время Кабинетъ, по челобитью на высочайшее имя крестьянъ, приписанныхъ къ соборной церкви г. Мурома, „о изслѣдованіи, кромѣ рязанскаго архіепископа Алексѣя, имѣющагося дѣла ихъ объ обидахъ имъ и раззореніяхъ отъ протопопа (сказанной соборной церкви) съ товарищи“, заключилъ: прошеніе „отдать въ Сенатъ и велѣть, снесшись, съ св. Синодомъ, о показанныхъ въ томъ челобитьѣ онымъ крестьянамъ обидахъ и раззореніяхъ и грабежѣ изслѣдовать по сущей справедливости, безъ всякаго послабленія и поноровки, мимо упоминаемаго Алексѣя, архіепископа рязанскаго и муромскаго, и кто, по слѣдствію, виновенъ явится, съ тѣми поступить по указамъ и обидимое возвратить; а притомъ накрѣпко запретить, чтобъ впредь тѣмъ крестьянамъ никакихъ обидъ и раззоренія отнюдь чинено не было и насильствомъ никто ничего у нихъ не вымогали“ [191]).—Въ февралѣ того же года отставной капитанъ Григорій Репьевъ подалъ на имя императора прошеніе: „Бьетъ челомъ на меня генералъ и кавалеръ (сенаторъ Чернышевъ) въ С.-Петербургской губернской канцеляріи о различныхъ деревенскихъ ссорахъ, якобы въ обидѣхъ отъ меня и отъ крестьянъ моихъ и брата моего Ивана Репьева вотчины его, генерала и кавалера, Симбирскаго уѣзда, села Самакина, крестьянамъ *). Но то его, генерала и кавалера, челобитье ни въ чемъ другомъ состоитъ, какъ къ единому крайнему и безвинному мнѣ раззоренію, котораго (которое) необходимо и слѣдовательно приключиться можетъ: 1) Попеже я, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, человѣкъ бѣдный и средства къ пропитанію, кромѣ моихъ малыхъ и отсюда (Петербурга) отдаленныхъ, паче же отъ людей и крестьянъ его, генерала и кавалера, раззоренныхъ деревнишекъ, не имѣю, отъ которыхъ уже принужденъ буду по

*) «Обиды» заключались «въ боѣ, грабежѣ и свозѣ воровски сѣна».

помянутому челобитью здѣсь быть нѣсколько лѣтъ, не получая никакихъ доходовъ, какъ и желаніе онаго генерала и кавалера въ томъ есть, и при такомъ случаѣ ему, генералу и кавалеру, яко здѣшнему жителю, получая вашего императорскаго величества немалое жалованье съ прочими при томъ здѣшними доходы, тяжбу со мною производить весьма полезно. 2) Статься тому, всемилостивѣйшій государь, невозможно, чтобъ я, такъ бѣдный человѣкъ и бывъ понынѣ въ службѣ вашего императорскаго величества, могъ обидить такъ знатнаго и великаго человѣка, находящагося въ высочайшей милости вашего императорскаго величества, какъ онъ, генералъ и кавалеръ, показываетъ, но паче то учинить со мною ему, генералу и кавалеру, по его такъ сильному состоянію прилично, какъ то уже и чинится, ибо въ совершенномъ и крайнемъ раззореніи отъ его людей и крестьянъ деревнишки мои и понынѣ находятся; защитить же себя, кромѣ всенижайшаго прошенія вашему императорскому величеству, чимъ не имѣю, которыхъ уже отъ меня и отъ людей моихъ въ надлежащихъ мѣстахъ подано и по оныхъ посылокъ по людей и крестьянъ его, генерала и кавалера, чинено весьма много, однакожъ, за отлучкою моею въ службахъ вашему императорскому величеству, то все лежитъ праздно безъ всякія мнѣ пользы; а нынѣ всемилостивѣйшимъ вашего императорскаго величества указомъ я отъ всеподданнической вашего императорскаго величества службы отставленъ, то онъ, генералъ и кавалеръ, вѣдая, что я вашего императорскаго величества въ надлежащихъ мѣстахъ во всѣхъ мнѣ учиненныхъ отъ людей его и крестьянъ обидахъ всенижайше просить уже не премину, то онъ, генералъ и кавалеръ, подавъ на меня означенное прошеніе ни для чего другаго, какъ только онымъ меня до тѣхъ моихъ прошеній и ходатайства не допустить. 3) Можетъ быть, не безъ разсужденія у него, генерала и кавалера, и то, что когда я принужденъ буду обязаться съ нимъ здѣсь судомъ и потомъ за неполученіемъ по оному рѣшенія (чего скоро и учиниться не можетъ, ибо съ дѣлами, имѣющими въ дальнемъ отсюда разстояніи, а именно въ Казани и Симбирскѣ, чинить справки необходимо потребно, такожъ многихъ свидѣтелей, тамо сущихъ, допрашивать, осмотры и слѣдствія нашихъ земель и владѣнія производить), чтобъ я чрезъ тотъ способъ могъ себя въ крайнее раззореніе и нищету привести и потомъ лишиться и деревнишки моей, которая ему, генералу и кавалеру, весьма кстати. А понеже вашего императорскаго величества всѣ указы и правы повелѣваютъ во всѣхъ тяжебныхъ дѣлахъ бить челомъ въ городѣхъ, кто гдѣ испомѣщенъ, какъ и онъ, генералъ и кавалеръ, показываетъ, что онъ то челобитье уже учинилъ въ Симбирскѣ и въ Казани, а нынѣ, оставя тѣ мѣста, въ другомъ уже, для выпепоказанныхъ къ раззоренію моему резоновъ, о томъ же дѣлѣ бить челомъ зачалъ; что же въ томъ своемъ прошеніи показываетъ, яко бы я отсюда укрываюсь, и то, всемилостивѣйшій

государь, не истина, ибо я, будучи въ домѣ, никакихъ изъ городовъ, по его прошеніямъ, посылокъ не видалъ, въ чемъ шлюсь на тѣ судебныя мѣста, гдѣ онъ показываетъ свои прошенія; а когда, по прошенію крестьянина его въ Казани, о перепосѣ дѣлъ невершенныхъ изъ Симбирска и о высылкѣ меня въ Казань указъ въ Симбирскѣ полученъ, то я тамъ и явился, токмо отъ него, генерала и кавалера, по тому дѣлу никакого ходатайства и повѣреннаго тамъ не было, а мнѣ, по данному отъ команды паспорту, срокъ наступилъ явиться въ С.-Петербургѣ, то я, отозвався въ Казанской губернской канцеляріи о томъ доношеніемъ, оттуда поѣхалъ въ С.-Петербургъ, а не отсюда укрывался. И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ, по силѣ правъ вашего императорскаго величества, повелѣно было ему, генералу и кавалеру, по тому его прошенію вѣдаться со мною судомъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ по тѣмъ дѣламъ челобитье его имѣется, въ Симбирскѣ или въ Казани, ибо, всемилостивѣйшій государь, судъ вашего императорскаго величества вездѣ равный, но единое мое спасеніе то только, что я, тамо будучи, могу себя по близости изъ деревишекъ моихъ довольствовать, къ тому жъ тотъ процессъ окончать скорѣе, ибо справки съ дѣлами и свидѣтели обрѣтаются тамо и осмотръ земель и владѣнія близко. Сотвори, всемилостивѣйшій государь, высочайшую къ бѣдному рабу вашего императорскаго величества милость, не отдай немощнаго въ руки сильному. За такую вашего императорскаго величества равнобожескую милость всемогущаго Бога о счастливомъ, долголѣтномъ и благополучномъ государствованіи до окончанія моей жизни молить не престану". На челобитье послѣдовала резолюція, за рукою правительницы и контрасигнированіемъ перваго кабинетъ-министра Миниха: „По сему прошенію произвесть судъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по указамъ нашимъ, надлежитъ вѣдаться". Для исполненія по этому указу, челобитная Репьева съ высочайшею на ней резолюціею отослана была въ Сенатъ. Вслѣдъ за этимъ сюда же поступило прошеніе повѣреннаго служителя сенатора Черышева, чтобы челобитью (приведенному выше) Репьева, „какъ ложному и неправому, не вѣрить", и „отослать его, Репьева, для произведенія суда (по прошенію Черышева) въ С.-Петербургскую губернскую канцелярію". Репьевъ, съ своей стороны, обратился въ Сенатъ съ жалобой: „Петербургская губернская канцелярія, вѣдая на челобитной моей высочайшей резолюціи и что по оной въ прав. Сенатѣ рѣшенія еще не воспослѣдовало, захватя меня къ себѣ въ канцелярію, держитъ подъ карауломъ безвременно, ни для чего другаго, какъ только для угодности господину генералу и кавалеру (Черышеву), не хотя меня допустить, по высочайшей вашего императорскаго величества резолюціи, до означеннаго ходатайства въ прав. Сенатѣ о просьбѣ рѣшенія; такожъ, призвавъ меня въ опую канцелярію присутствующій, статскій совѣтникъ господинъ Мельгуновъ,

и объявилъ мнѣ, нижайшему, чтобъ я шелъ въ судъ, на что я объявилъ ему, господину Мельгунову, что имъ, не дождавъ отъ прав. Сената о той высочайшей его императорскаго величества резолюціи рѣшенія, въ судъ (идти) принуждать не должно: и при томъ допустилъ онъ, господинъ Мельгуновъ, человѣка его, генерала и кавалера, Яковлева на меня необычно кричать, о чемъ я его, г. Мельгунова, просилъ, чтобъ приказалъ унять, ибо ему при такомъ страшномъ и священномъ мѣстѣ кричать неподобно, то на оное онъ, г. Мельгуновъ, реченному холопу ничего не сказалъ, но паки на меня жъ могъ съ гнѣвомъ закричать, въ чемъ явно оной губернской канцеляріи присутствующіе прежде суда показали ко мнѣ нападки свои, отчего принуждень имѣть на оныхъ подозрѣніе. И дабы повелѣно было меня изъ означенной канцеляріи изъ-подъ караула свободить и, за означеннымъ отъ меня на оную губернскую канцелярію подозрѣніемъ, не повелѣно бъ было отъ оной по тому его, генерала и кавалера, челобитью произвожденія никакого чинить, а повелѣно бъ было оный судъ производить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло паче началось". Сенатъ постановилъ: Репьеву отказать и дѣло его съ Чернышевымъ производить въ Петербургской губернской канцеляріи. На это постановленіе Репьевъ, въ маѣ, подалъ жалобу Кабинету, послѣдствіемъ которой, прежде всего, былъ приказъ министровъ: „Въ С.-Петербургскую губернскую канцелярію объявить, чтобъ по челобитью генерала господина Чернышева на отставнаго капитана Репьева въ деревенскихъ между ими ссорахъ, пока, по прошенію онаго капитана, въ Кабинетѣ его императорскаго величества разсмотрѣно будетъ, въ произвожденіи суда обождать и для того никакой ему турбаціи не чинить, и ежели кто изъ людей его, Репьева, за тѣмъ держится подъ карауломъ,—свободить". Приказъ этотъ объявленъ былъ въ Кабинетѣ секретарю названной губернской канцеляріи. Въ іюнѣ послѣдовала, наконецъ, резолюція министровъ, *вслѣдствіе* которой въ Сенатѣ состоялось опредѣленіе: „По прошеніямъ генерала, кавалера и сенатора Г. П. Чернышева и капитана Репьева надлежащій по указу между ими судъ произвесть въ Симбирской провинціальной канцеляріи. А чтобъ впредь отъ нихъ другъ на друга во отбывательствѣ отъ суда челобитья происходить не могло, объявить имъ въ здѣшней губернской канцеляріи съ подпискою, дабы оный Репьевъ и отъ генерала и кавалера Чернышева повѣренный въ той провинціальной канцеляріи къ суду явились отъ сего времени въ три мѣсяца неотложно, съ такимъ напкрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, что ежели кто изъ нихъ на тотъ срокъ не явится, то истецъ своего иска лишенъ, а отвѣтчикъ безъ суда обвиненъ будутъ" [192]).

Изъ вопросовъ, касавшихся порядка производства самаго суда, на разрѣшеніе Кабинета, между прочимъ, внесенъ былъ Сенатомъ, въ 1740 году, вопросъ о мѣрахъ къ удержанію тяжущихся отъ представленія суду нендущихъ къ дѣлу обстоятельствъ. Сенатъ представ-

лялъ, что „о происходящихъ въ Петербургской губернской канцеляріи по судимымъ дѣламъ спорахъ онъ разсуждаетъ: когда истецъ или отвѣтчикъ, въ противность о судѣ формы, излишнее въ судѣ говорить будетъ, того у нихъ не принимая, объявить, что то о формѣ суда указу противно, и для того принято у нихъ не будетъ, а показывали бъ о настоящемъ дѣлѣ, въ чемъ судъ производится и не примѣчивая посторонняго; а ежели они, за тѣмъ объявленіемъ, въ упрямствѣ своемъ останутся, чтобъ имъ вмѣнять посторонее и формѣ противныя дѣла, тогда, записавъ то со обстоятельствомъ въ протоколъ, какихъ ради причинъ то отъ нихъ въ судъ не принято и закрѣпя всѣмъ судящимъ и секретарю, у котораго то дѣло будетъ, велѣть того упрямца отдать подъ караулъ и держать его подъ карауломъ тридцать дней, и ежели онъ въ тѣ числа при томъ же своемъ упрямствѣ пребудетъ, то, по прошествіи того срока, рѣшить дѣла, какъ указы повелѣваютъ. И Сенатъ требуетъ о томъ общаго разсужденія“ [193]).

Кромѣ указанныхъ дѣлъ и вопросовъ, въ кругъ дѣйствій Кабинета по юстиціи входили еще дѣла о выдачѣ осужденнымъ, по впослѣдствіи оправданнымъ лицамъ, также ни въ чемъ неповинным близкимъ родственникамъ преступниковъ „указовъ о непорицаніи“ (ихъ). Дѣла эти начинались по челобитьямъ на высочайшее имя упомянутыхъ лицъ и завершались именными повелѣніями Сенату о выдачѣ просителямъ названныхъ указовъ и объявленіи послѣднихъ во всенародное извѣстіе. Такъ въ 1741 году Сенатъ получилъ именной указъ „о дачѣ камеръ-цалмейстерскому помощнику Бедрину о непорицаніи его тѣмъ, что онъ въ Оренбургъ сосланъ былъ, указа изъ Сената“ [194]). 15-го іюня того же года, по челобитью вдовы Андрея Хрущова (судившагося, въ 1740 году, по дѣлу кабинетъ-министра Волынскаго и казненнаго), „чтобъ о непорицаніи мужа ея учинить публикацію“, данъ былъ Сенату именной, за рукою правительницы, указъ: „Вдову Анну, Александрову дочь, Андреевскую жену Хрущова, съ дѣтьми: сыновьями Николаемъ и Иваномъ, съ дочерьми Дарьею и Елизаветою, тѣмъ, что оный ея, вдовы Анны, мужъ, а дѣтей ея отецъ, Андрей Хрущовъ, за вины его, смертію казненъ, никому не порицать, понеже они винамъ его не причастны; и о томъ всенародно публиковать, а имъ дать указъ“ [195]).

Дѣла военныя.

Свѣдѣнія о дѣятельности Кабинета по военнымъ дѣламъ во время кампаній приведены выше (подъ рубрикою „Дѣла чрезвычайныя“), здѣсь же помѣщаемъ данныя о тѣхъ дѣйствіяхъ кабинетъ-министровъ по дѣламъ этого рода, которыя не вызывались военнымъ временемъ.

Говоря вообще, разсмотрѣнію Кабинета подлежали вопросы, касавшіеся содержанія военныхъ силъ имперіи—гвардіи, арміи (регулярной и иррегулярной) и флота—также крѣпостей, въ томъ размѣрѣ и

въ томъ состояніи, какъ того требовало, въ извѣстное время, положеніе государства. Въ отдѣльности кабинетъ-министры обсуждали слѣдующіе вопросы: а) Объ измѣненіи численности войска и о комплектованіи всѣхъ частей послѣдняго людьми и лошадьми. При обычномъ комплектованіи, посредствомъ набора, Кабинетъ не только установлялъ размѣръ и способъ „рекрутованія“, но и слѣдилъ за самымъ дѣломъ набора, о ходѣ котораго получалъ отчеты какъ отъ Сената — общіе по всѣмъ губерніямъ и провинціямъ, въ формѣ „сообщенія“, такъ и прямо съ мѣста, отъ губернскихъ властей, въ формѣ еженедѣльныхъ „рапортовъ во извѣстіе“. Кабинетомъ же разрѣшались встрѣчавшіяся при исполненіи положенія о наборѣ неудобства и затрудненія. Такъ въ апрѣлѣ 1740 года на разрѣшеніе министровъ внесенъ былъ Сенатомъ вопросъ „о взятіи Смоленской губерніи съ обывателей, для представленныхъ невозможностей, лошадей, вмѣсто драгунскихъ, годныхъ въ подъемныя или деньгами, по положенной въ статѣ цѣнѣ, за драгунскія“. Независимо отъ набора, къ пополненію войска Кабинетомъ принимаемы были и другія мѣры: вызовъ, также принятіе по просьбѣ, военныхъ людей иностранной службы и покупка, въ Россіи и за границей, лошадей [196]). б) О снабженіи войска оружіемъ, снарядами, аммуниціею, одеждою, провіантомъ, фуражемъ, жалованьемъ и помѣщеніемъ. Обсуждая вопросы о вооруженіи войска, о лучшемъ и выгоднѣйшемъ способѣ изготовленія оружія, его исправленіи и храненіи, Кабинетъ вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно наблюдалъ за самымъ оружейнымъ дѣломъ, имѣя подъ своею непосредственною дирекціею Оружейную канцелярію и Оружейную контору [197]). Обмундировка также не мало заботила Кабинетъ. Между прочимъ, въ январѣ 1741 года министры положили: „Въ Кабинетъ его императорскаго величества Коммерцъ-коллегіи подать вѣдомость немедленно: по даннымъ изъ Кабинета его императорскаго величества оной коллегіи резолюціямъ, а именно 1739 года августа 18-го и 1740 года апрѣля 14-го, какое оная коллегія, обще съ Военною коллегіею, за фабриканами (сукопъ) смотрѣніе имѣла, дабы мундирныя сукна дѣланы были лучшею добротою“. Одновременно такой же приказъ данъ былъ и Военной коллегіи, съ добавленіемъ: „и какія о пріемѣ тѣхъ суконъ опредѣленія учинены; а кѣмъ худой доброты сукна съ россійскихъ фабрикъ приниманы были, о которыхъ, по указамъ и резолюціямъ (1739 года марта 14-го и августа 18-го, 1740 года апрѣля 14-го и сентября 1-го), изслѣдовать и штрафовать велѣно,—что учинено“ [198]). По части провіантской Кабинетъ входилъ въ обсужденіе вопросовъ о болѣе удобномъ для казны способѣ заготовленія провіанта и фуража: посредствомъ сбора въ губерніяхъ, поставки подрядомъ, покупки. Въ случаѣ возможнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ, Кабинетъ принималъ мѣры къ заблаговременной закупкѣ продовольствія. Храненіе заготовленныхъ пищевыхъ припасовъ также составляло предметъ

поученій министровъ [199]). Безъ участія Кабинета не обходилось и дѣло размѣщенія войскъ по квартирамъ, лѣтнимъ и зимнимъ. Вопросъ о размѣщеніи полковъ на зиму 1740—1741 гг. министры обсуждали въ началѣ сентября, „будучи въ конференціи обще съ генераломъ-фельдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ", по внесенной Сенатомъ „на апробацію репортиціи о кирасирскихъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ полкахъ, гдѣ которому въ будущую зиму на винтеръ-квартирахъ быть" [200]). в) „О добромъ содержаніи адмиралтейства и флота и снабденіи онаго всѣмъ потребнымъ и имѣніи всегда довольнаго флотскаго магазина, и всѣхъ въ имперіи портовъ, и объ окончаніи строющагося въ Кронштадтѣ канала и доковъ". Программа эта, взятая изъ именнаго указа 28-го января 1741 года о порядкѣ разсмотрѣнія кабинетъ-министрами дѣлъ, достаточно характеризуетъ дѣятельность Кабинета по морскому вѣдомству, и остается только прибавить указаніе, что кабинетъ-министръ Остерманъ во все время правленія Анны Леопольдовны занималъ непрерывно постъ генералъ-адмирала [201]). г) О строеніи, исправленіи и содержаніи крѣпостей. И по отношенію къ этому дѣлу Кабинетъ игралъ роль главнаго распорядителя: обсуждалъ проекты (съ планами и профилями) построекъ и исправленій, верховно наблюдалъ за производившимися фортификаціонными работами, разрѣшалъ вопросы о снаряженіи укрѣпленій, вообще же—заботился „о приведеніи крѣпостей въ совершенное состояніе". Въ періодъ времени съ 8-го ноября 1740 по мартъ 1741 года обсужденіе дѣлъ по фортификаціи облегчалось для министровъ тѣмъ, что въ средѣ ихъ находился искусный и опытный инженеръ-строитель генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ [202]).

Изложенный кругъ дѣйствій Кабинета по военному дѣлу пополняется еще одинъ актомъ утвержденіемъ паролей и лозунговъ. До октября 1740 года они подписывались самою императрицею Анною и за тѣмъ, черезъ Кабинетъ, отдавались по командамъ; въ октябрѣ же, именно 17-го числа (въ день смерти императрицы), актъ утвержденія паролей и лозунговъ взятъ былъ министрами на себя. Объ этомъ говоритъ слѣдующая кабинетская запись: 17-го октября „господа кабинетъ-министры приказали записать въ журналъ, что понеже до сего времени въ каждый мѣсяцъ пароли и лозунги сама ея императорское величество собственною своею высочайшею рукою подписывать изволила и, по запискѣ въ Кабинетѣ, отсланы оные къ командамъ: 1) къ дежурному генералу-адъютанту, 2) къ генералу-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху, 3) въ адмиралтейство; а нынѣ они, господа кабинетъ-министры, разсудили, не утруждая ея императорское величество до того времени, покамѣстъ ея императорское величество отъ болѣзни своей освобожденіе и совершенное здравіе получитъ, оные пароли и лозунги подписывать имъ, господамъ кабинетъ-министрамъ, и потому они, господа кабинетъ-министры, сего числа поданные отъ генерала-

фельдмаршала графа фонъ-Миниха такіе пароли и лозунги на приходящій ноябрь мѣсяцъ подписали и, по запискѣ въ Кабинетъ, отосланы оные къ вышеозначеннымъ командамъ“ [203]).

Закончимъ настоящій отдѣлъ указаніемъ документовъ на заботу Кабинета объ обезпеченіи отставленныхъ отъ военной службы. 29-го января 1741 года Сенатъ представилъ Кабинету „объ отпускѣ къ статскому совѣтнику Оболдуеву на поселеніе отставныхъ отъ службы унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, между Царицына и Астраханью, и на жалованье приказнымъ служителямъ и на канцелярскій расходъ до 10,000 руб., изъ Казанской губерніи, изъ подлежащихъ доходовъ до Статсъ-конторы“. По поводу этого требованія Сената, въ Кабинетѣ возникъ вопросъ объ отмѣнѣ сказаннаго поселенія и о принятіи къ обезпеченію отставныхъ военныхъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ. Вопросъ поднятъ былъ кабинетъ-министромъ Головкинымъ и вотъ его мнѣніе по этому вопросу, предложенное на обсужденіе Кабинета 1-го мая: „Хотя, по именному 1736 года декабря 27-го дня указу *), велѣно по рѣкѣ Волгѣ и по впадающимъ во оную рѣкамъ,—на оставшихъ отъ поселенія волжскихъ казаковъ и въ другихъ между Царицынымъ и Астраханью мѣстахъ, въ Казанской губерніи, при городкахъ Старомъ Шесминскѣ, Новомъ Шесминскѣ, Заинскѣ, Тинскѣ, Ерыклинскѣ, Билярскѣ, изъ которыхъ служилые люди опредѣлены въ ландмилицію и переводятся на закамскую линію, а тѣ всѣ мѣста остаются пусты, въ той же губерніи по рѣкѣ Кондурчѣ, начавъ отъ закамской линіи до городка Краснаго Яра, и въ другихъ тамо около башкирцевъ мѣстахъ,—селить отставныхъ отъ службы, которыхъ уже понынѣ безъ мала 900 человѣкъ на поселеніе туда и прислано; по понеже изъ оныхъ почти всѣ имѣютъ быть изъ крестьянства и изъ дворовыхъ людей, а нѣкоторая часть изъ купечества, кои отдаваны въ рекруты, за которыхъ въ прежнихъ мѣстахъ платятся подушныя деньги съ пуста, отчего не малая и доимка происходитъ, а помѣщики и крестьянство отъ такой въ душахъ убыли отъ взысканія за нихъ податей великое отягощеніе претерпѣваютъ, прочіе жъ хотя и изъ разночинцевъ, яко то опредѣленные въ службу изъ солдатскихъ и другихъ служилаго чина дѣтей, такожъ и изъ иновѣрцевъ, а современемъ отставку получать будутъ, и взятые въ недавнопрошедшихъ годахъ изъ церковниковъ и монастырскихъ слугъ, которые потому жъ, слѣдовательно, опредѣляемы быть имѣютъ туда жъ на поселеніе; но токмо изъ того поселенія весьма мало пользы признается, для нижеслѣдующихъ резоновъ: понеже оное поселеніе въ томъ состоитъ, что надлежитъ тѣмъ отставнымъ самимъ земледѣльство производить и отъ того себѣ пропитаніе и содержаніе имѣть, а какъ извѣстно, что по указамъ отставка чинится такимъ, кои уже за совершенною старостью

*) См. Полн Собр. Зак. № 7136.

и дряхлостью и за неисцѣльными болѣзньми въ службѣ болѣе быть не могутъ, то безсумнѣнно и пашенной работы за тѣмъ исправлять они не въ состояніи, буде же надѣяться, чтобъ имѣли они у себя наемныхъ работниковъ, тому быть не можно, ибо жалованья имъ тамо не опредѣлено, а запаснымъ деньгамъ у нихъ быть не уповаемо, понеже въ бытность свою въ службѣ жалованье получали такое, чѣмъ только себѣ пропитаніе имѣли, и отъ того опасно, дабы для помощи своей не могли пристанища бѣглымъ чинить; къ тому жъ которые не изъ крестьянства, то оные не токмо чтобъ пашенную работу могли исправлять, но они отъ молодыхъ своихъ лѣтъ такой работы не знаютъ, да и знать имъ невозможно, что оная никогда у нихъ въ рукахъ не бывала, а въ престарѣлыхъ лѣтѣхъ и будучи въ болѣзняхъ обучаться тому уже трудно, и тако оные безъ всякаго пропитанія остаться могутъ, хотя жъ у которыхъ имѣются и дѣти, тѣхъ, по указу, велѣно обучать въ школахъ, имъ же для награжденія при поселеніи и на случающіеся тамо расходы отпущено 6,000 руб., но оныхъ не достало, а нынѣ еще Сенатъ представляетъ, чтобъ отпустить до 10,000 руб., да и впредь, когда оныхъ отставныхъ на поселеніе больше прибывать станетъ, потребна будетъ на нихъ не малая сумма. Того ради запотребно разсуждается, впредь отъ сего времени которые будутъ отъ службы вовсе отставляться, то изъ оныхъ, кои изъ крестьянства, изъ дворовыхъ людей и изъ посадскихъ, тѣхъ опредѣлять съ женами и съ дѣтьми жить на старыя ихъ жилища, откуда кто въ рекруты отданъ, а имѣющихся у нихъ дѣтей, кои изъ крестьянства, тѣхъ приверстывать на крестьянскіе участки, а изъ посадскихъ— въ купечество, которыя будутъ и подушныя деньги платить съ прочими на ряду, отчего крестьянству и купечеству въ податяхъ имѣетъ быть не малая помощь и не столько пустоты и доимки будетъ, какъ то нынѣ состоитъ, и тѣ отставные могутъ пропитаніе и содержаніе себѣ имѣть отъ дѣтей, родственниковъ и отъ свойственниковъ своихъ, а у кого дѣтей, такожъ родственниковъ и свойственниковъ никого не имѣется и въ тѣ мѣста, откуда они въ рекруты отданы, принять ихъ не похотятъ, такимъ дать волю съ паспортами идти у кого они жить для пропитанія пожелаютъ или, какъ указами повелѣно, опредѣлять ихъ въ монастыри и въ богадѣльни; которые жъ изъ разночинцевъ и въ подушный окладъ нигдѣ не положены, тѣхъ опредѣлять кто куда пожелаетъ, а дѣтей ихъ писать въ школы, какъ прежними указами повелѣно; а иновѣрцевъ крещеныхъ и некрещеныхъ на старыя ихъ жилища не отпускать, но опредѣлять ихъ такожъ гдѣ они, кромѣ прежнихъ своихъ мѣстъ, жить похотятъ, токмо не въ близости отъ иновѣрческихъ жилищъ, но внутрь государства, или на пропитаніе въ монастыри жъ и въ богадѣльни, дабы крещеные по прежнему обасурманиться не могли, а некрещеные наилучше во крещеніе были приведены; а которые изъ вышеписанныхъ людей дослужились до

штабъ-, оберъ- и унтеръ-офицерскихъ чиновъ, тѣхъ и съ дѣтьми ихъ, кои въ бытность ихъ въ службѣ породились, хотя они изъ крестьянства и изъ купечества, никого поневолѣ на прежнія мѣста отнюдь не опредѣлять, но, яко заслуженныхъ людей, употребить къ дѣламъ, кто къ какимъ будетъ способенъ, а кои ни у какихъ дѣлъ быть не могутъ и пропитанія своего не имѣютъ, такихъ опредѣлять въ монастыри, а дѣтей ихъ, которыя въ бытность ихъ въ службѣ родились, ежели они сами обучить ихъ не въ состояніи, писать въ школы; а которые донынѣ уже на поселеніе прибыли, тѣхъ всѣхъ какъ самихъ, такъ и дѣтей ихъ разобравъ учинить съ ними противъ вышеписаннаго жъ и кого куда надлежитъ съ паспортами разослать, давъ имъ на проѣздъ противъ того, по чему при отправленіи ихъ для того поселенія дано, а именно денежнаго жалованья и провіанта на два мѣсяца. Ежели кто изъ нихъ при томъ поселеніи въ строеніе или въ прочій какой заводъ употребилъ своего коштy, за оное за все, во что имъ стало, по подлинному освидѣтельствованію, заплатить изъ казны деньги по тамошней цѣнѣ, дабы имъ отъ того не было обиды. А чтобъ тѣ мѣста, гдѣ вышеобъявленныхъ отставныхъ велѣно поселить, праздны остаться и впредь бы тамо никакіе бѣглые селиться не могли, того ради разсуждается въ тѣхъ мѣстахъ поселить молдавцевъ и волоховъ, о которыхъ бригадиръ князь Кантемиръ представляетъ, чтобъ имъ на поселеніе отвесть мѣста по ту сторону Днѣпра до рѣки Буга, о чемъ хотя и велѣно разсмотрѣніе учинить Сенату обще съ тайнымъ совѣтникомъ Неплюевымъ, но токмо тѣ мѣста къ поселенію имъ за неудобно признаваются, дабы чрезъ то туркамъ и полякамъ причины не подать къ озлобленію, да и для того, что ежели тѣ молдавцы и волохи отъ границы далѣе поселены быть имѣютъ, то они будутъ жить тверже и къ побѣгу имъ въ Молдавію способъ пресѣченъ быть можетъ". На это мнѣніе Головкина министръ Остерманъ возразилъ, „что для поселенія и на прочіе при томъ расходы, по представленію сенатскому, требуемое число 10,000 руб. отпустить надлежитъ; что жъ его сіятельство графъ Михайло Гавриловичъ (Головкинъ) разсуждаетъ, дабы то поселеніе отмѣнить и которые нынѣ есть, тѣхъ распустить на прежнія жилища, и хотя то мнѣніе не безъ основанія быть признавается, однакожъ въ разсужденіе предлагается: понеже туда на поселеніе охотники идутъ, которые уже на себя надѣются, что сами они работать могутъ и тѣмъ пропитаніе свое имѣть имъ надлежитъ, и когда для того поселенія охотно идутъ, то знатно, что на прежнія жилища возвратиться не хотятъ, а ежели ихъ поневолѣ отдавать по прежнему помѣщикамъ, то они у тѣхъ своихъ помѣщиковъ охотно жить не могутъ, отчего ни самимъ имъ, ни помѣщикамъ ихъ пользы не будетъ, и чрезъ то охота отъ солдатства отпадетъ, ибо они въ такой надеждѣ остаются, что уже освободятся вовсе отъ помѣщиковъ своихъ, а ежели ихъ по прежнему въ холопство отдавать, то не токмо охоты къ сол-

датству не будетъ, но и бѣглыхъ умножится; а понеже извѣстно, что украинскіе однодворцы сначала изъ такихъ же отставныхъ заведены, отъ которыхъ нынѣ не малая государству польза происходитъ, почему уповаемо, что и отъ тѣхъ отставныхъ, когда они совершенно поселятся и жительствомъ своимъ обзаводятся, не безъ пользы быть можетъ, и для того разсуждается, что оное поселеніе надлежитъ продолжать". Разсужденіе Остермана поддержано было третьимъ членомъ Кабинета кн. Черкасскимъ, добавившимъ, „что того поселенія отставливать не надлежитъ, ибо опредѣляются по собственному ихъ желанію, и хотя поселеніе было бъ и отставлено, однакожъ кто не похочетъ возвращаться въ прежнія мѣста, того приневолить невозможно, какъ то и до сего опредѣленія чинено и даваны пасспорты, по ихъ требованіямъ, кто куда похотѣлъ" *). Такимъ образомъ, предложеніе Головкина Кабинетомъ было отклонено и, того же числа, на приведенное выше сообщеніе Сената послѣдовала „высочайшая резолюція" объ отпускѣ требовавшейся на военно-поселенцевъ суммы [204]).

Дѣла финансовыя.

Денежныя средства имперіи, ослабленныя огромными, непосильными расходами въ предшествовавшее правленіе и хищеньемъ Бирона, обратили на себя особенное вниманіе Кабинета Іоанна Антоновича: въ виду неотложныхъ государственныхъ расходовъ, главнымъ образомъ — по приготовленію къ войнѣ съ Швеціею, министрамъ было необходимо сдѣлать немедленно что-либо для пополненія оскудѣвшей государственной казны.

Начали съ подтвержденія именнаго указа 5-го сентября 1732 года о строгой передъ верховнымъ правительствомъ денежной отчетности всѣхъ государственныхъ учрежденій. Указомъ этимъ было повелѣно „о приходахъ и расходахъ и объ остаткахъ всего государства изо всѣхъ мѣстъ табели ежегодно подавать въ Сенатъ, и оныя въ Сенатѣ освидѣтельствовавъ, всѣ-ль надлежащіе по указамъ расходы были и учиня генеральныя табели о всѣхъ приходахъ и расходахъ, ежегодно для собственнаго ея императорскаго величества извѣстія подавать" (въ Кабинетъ). Въ подтвердительномъ указѣ, 5-го января 1741 года, добавлено было, чтобы приходо-расходныя табели Сенатъ подавалъ „въ Кабинетъ, для его императорскаго величества извѣстія, неотложно" [205]). Затѣмъ, 12-го января, послѣдовалъ новый указъ: „нашего Кабинета министрамъ подтверждаемъ о возъимѣніи крайняго старанія и попеченія, дабы наши государственные внутренніе денежные доходы были размножаемы и сбираемы въ опредѣленные сроки, и въ расходъ упо-

*) Эта консилія кабинетъ-министровъ выписана дословно, чтобы дать живой примѣръ процесса обсужденія Кабинетомъ дѣлъ.

требляемы съ такою доброю и смотрительною экономіею, чтобъ не только на содержаніе нашей сухопутной и морской арміи и на прочія надобности, при нынѣшнемъ благополучномъ мирномъ времени, ни малѣйшаго въ оной недостатка не было, но при вящшемъ оныхъ внутреннихъ сборовъ размноженіи, въ каждомъ департаментѣ знатная сумма изъ года въ годъ была въ остаткѣ и на лицо. И для того о приходѣ и расходѣ и объ остаткѣ денегъ велѣть присылать изъ всѣхъ мѣстъ въ нашъ Кабинетъ ежемѣсячно краткіе, а по третямъ года обстоятельные рапорты, а оному Кабинету рапортовать о томъ намъ. И что по сему помянутые наши государственные внутреннѣ доходы не только не умалятся, но отъ времени до времени въ вящшее приращеніе приходить будутъ, въ томъ на присутствующихъ въ ономъ Кабинетѣ министровъ имѣемъ мы крѣпкую надежду". По этому указу, отбирать отъ всѣхъ учрежденій свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ Кабинетъ поручилъ Сенату, причемъ подтвердилъ ему „о возъимѣніи крайняго старанія и попеченія", чтобы государственные сборы доходили въ казну исправно и расходовались экономно. Сенатъ, получивъ такой приказъ, положилъ: собирать изъ всѣхъ „департаментовъ", въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ государственные сборы, въ Сенатъ ежемѣсячные и третные рапорты о приходѣ, расходѣ и остаткѣ государственныхъ сборовъ и, составляя изъ нихъ генеральные, въ тѣ же сроки, вносить ихъ въ Кабинетъ; сказаннымъ учрежденіямъ приказать, чтобы они имѣли „крайнѣйшее стараніе и попеченіе" о сборахъ и расходахъ [206]). Учрежденія, находившіяся подъ непосредственною дирекціею Кабинета, такіе рапорты вносили прямо въ Кабинетъ [207]). Изъ подлинныхъ этого рода отчетовъ видно, что въ нихъ вносились свѣдѣнія о состояніи не только денежной казны, но и цѣнностей; такъ по Канцеляріи монетнаго правленія показывалось, кромѣ монеты, „счетомъ и цѣною", и о количествѣ золота, серебра и мѣди [208]).

Распорядившись, такимъ образомъ, отчетностью, Кабинетъ разсудилъ пересмотрѣть всѣ окладные и неокладные государственные доходы, а также и расходы, „надлежащимъ-ли порядкомъ оные (расходы) происходятъ и не имѣется-ль такихъ, въ которыхъ большой нужды не состоитъ, а напаче излишнихъ, и не можно-ль изъ оныхъ какихъ убавить, дабы напрасно казна употребляема не была". Предстояла задача, требовавшая массы труда: нужно было собрать „всѣ принадлежащіе къ тому (дѣлу) прежніе и новѣйшіе указы и потребныя вѣдомости и что сверхъ того будетъ еще надобно", разобраться въ этомъ матеріалѣ, изучить его. Понятно, что одному Кабинету справиться съ предстоявшей работой не было возможности, и дѣло было раздѣлено. Разсудили, „дабы кабинетъ-министры въ состояніи были сіе нужное и важное государственное дѣло столь лучшимъ посмѣшеніемъ и порядкомъ разсмотрѣть, для учиненія о томъ основательнаго опредѣленія", первоначальную работу и предварительное об-

сужденіе поручить особой, спеціально для этого образованной при Кабинетѣ, коммиссіи и Сенату, первой по вопросу о доходахъ, второму—о расходахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кабинетъ приказалъ Сенату немедленно „учинить генеральную обо всемъ государствѣ вѣдомость, сколько какихъ порозни ежегодно бываетъ по статамъ и чрезвычайныхъ расходовъ и по какимъ указамъ или опредѣленіямъ оные производятся и за тѣмъ сколько отъ года въ другой годъ собираемыхъ доходовъ остается или, паче чаянія, на настоящіе расходы коликаго числа недостаетъ и вмѣсто оныхъ недостатковъ какимъ образомъ такія дачи напоминаются или нѣкоторыя и вовсе остановлены, и какія именно; и учиня такую вѣдомость съ вышеписаннымъ обстоятельнымъ росписаніемъ, для высочайшаго его императорскаго величества разсмотрѣнія, подать въ Кабинетъ“ [209]). Для болѣе успѣшнаго хода начатаго дѣла, „коммиссія о разсмотрѣніи государственныхъ доходовъ“ (учрежденная въ маѣ 1741 года) должна была работать „подъ главною дирекціею и наставленіемъ“ Кабинета, такъ сказать,—на его глазахъ *), и въ случаѣ, „ежели въ чемъ какое сумнительство явится“, обязана была немедленно обращаться къ кабинетъ-министрамъ за разъясненіемъ; всѣ необходимые для нея матеріалы велѣно отдавать ей, „для скорости“, безъ письменнаго спошенія. Сенату же данъ былъ приказъ работать надъ порученіемъ „безъ замедленія“, и этотъ приказъ предположено „наикрѣпчайше почасту“ подтверждать [210]). Оставляя свѣдѣнія, касающіяся хода этихъ работъ и характеристики финансовой коммиссіи 1741 года до послѣдующихъ спеціальныхъ отдѣловъ изданія, обращаемся къ обзору дѣятельности Кабинета по текущимъ финансовымъ дѣламъ, по статьямъ государственнаго дохода и расхода.

По статьямъ государственнаго дохода. Кабинетъ устанавливалъ оклады и размѣръ налоговъ и сборовъ (подушнаго, таможеннаго, питейнаго и проч.), разрѣшая и представленія объ исключеніи („выключкѣ“), по тѣмъ или другимъ причинамъ, извѣстныхъ лицъ изъ оклада; обсуждалъ вопросы объ отдачѣ сборовъ (питейныхъ) на откупъ, „въ компанію“, и ограженіи правильности ихъ поступленія (о пресѣченіи корчемства); изыскивалъ мѣры къ развитію и усиленію прибыльности государственныхъ доходныхъ статей: горнаго, соляного и монетнаго дѣла, торговли „казенными товарами“ (поташомъ, смолой, реве-немъ), казенныхъ земель и угодій и др. [211]). Регаліи горная и соляная, какъ крупныя статьи дохода, находились подъ опекой министровъ, и учрежденія, вѣдавшія эти части—Генералъ-бергъ-директоріумъ и Соляная контора, состояли въ прямомъ подчиненіи Кабинету [212]). Что касается монетнаго дѣла, то и оно, въ данное время, составляло

*) Помѣщеніе для коммиссіи отведено было въ одномъ изъ домовъ придворнаго вѣдомства, находившемся близъ Новаго Зимняго дворца и, слѣдовательно, недалеко отъ Кабинета.

предметъ заботъ министровъ: разрѣшены были вопросы о болѣе прибыльной чеканкѣ, о формѣ, объ обмѣнѣ старой и о покупкѣ иностранной монеты [213]). О послѣдней мѣрѣ, плодѣ разсчетливой финансовой политики министровъ, узнаемъ изъ слѣдующаго указа, даннаго Кабинетомъ Канцеляріи монетнаго правленія 12-го апрѣля 1741 года: „Оная Канцелярія, по сообщенію изъ Кабинета, извѣстна о продажныхъ въ Россіи персидскихъ серебряныхъ монетахъ, до 40 тысячъ, и что просятъ за каждую штуку по полтинѣ, которыя въ Монетной конторѣ свидѣтельствованы и явились оныя двухъ сортовъ, и что отъ тѣхъ монетъ по передѣлу въ россійскія деньги, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, прибыли быть имѣетъ, о томъ въ Кабинетъ изъ оной Канцеляріи сообщена смѣта, въ которой показано, что ежели бъ всѣ тѣ монеты перваго сорта были, тобъ прибыли у 40 тысячъ пришло 970 рублевъ съ небольшимъ, а другаго сорта — только 400 рублевъ. А, по справкѣ съ Коллегіею иностранныхъ дѣлъ, обрѣтающимся въ Персіи резиденту Ивану Калушкину и консулу Семену Аранову съ будучими при нихъ канцелярскими и другими служители на жалованье и на чрезвычайные расходы переводится повсягодно изъ Астрахани, чрезъ торговыхъ армянъ, персидскою монетою знатная сумма денегъ съ немалыми казнѣ его императорскаго величества убытки, а именно съ наддачею за каждое сто рублевъ персидской монеты по 27 и 28 и по 29, а иногда по 29 руб. по 25 коп. И, для упрежденія впредь такихъ напрасныхъ убытковъ, разсуждено въ Кабинетѣ вышеозначенныя персидскія монеты, всѣ 40 тысячъ, которыя нынѣ въ Тамбовѣ при персидскомъ посольствѣ, отправленному отсюда туда генералу-маіору и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка маіору Апраксину купить, каждую штуку, ежели меньше невозможно, по полтинѣ, и послать въ Астрахань къ губернатору для содержанія ихъ тамо ради перевода въ Персію къ резиденту Калушкину и къ консулу Аранову по указамъ изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. А на заплату за помянутыя персидскія монеты, за 40 тысячъ штукъ, 20 тысячъ рублевъ серебряною монетою, для перевода въ Тамбовъ, надлежитъ отпустить въ Москвѣ изъ Монетной конторы въ контору Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, на счетъ той коллегіи чрезвычайныхъ расходовъ, безъ продолженія, дабы инако персіяне вышеозначенныхъ монетъ кому межъ тѣмъ не продали. О чемъ Канцеляріи монетнаго правленія, для надлежащаго исполненія, симъ сообщается“ [214]).

Важнѣйшіе источники государственнаго дохода—налоги и сборы, также казенныя взысканія всякаго рода (долги, начеты, штрафы) поступали въ казну весьма неисправно, и недоимки росли. Цифра недоимокъ была огромна: по одному подушному сбору къ іюлю 1741 года числилось въ недоимкѣ болѣе трехъ милліоновъ рублей, что, по высокой въ то время цѣнѣ денегъ и немногомилліонному государственному бюджету, имѣло серьезное значеніе [215]). Съ этою неизлѣчимою

финансовою болѣзнью правительство боролось сколько могло, но— малоуспѣшно. Еще въ 1738 году, для упорядоченія дѣлъ по взысканію недоимокъ, учреждена была при Сенатѣ особая коммиссія, „Доимочная“, которая продолжала дѣйствовать и въ царствованіе Іоанна Антоновича. Въ томъ же году Кабинетомъ было постановлено: послать указы въ губерніи и провинціи и къ лейбъ-гвардіи офицерамъ, находившимся у сбора рекрутъ и лошадей, также къ офицерамъ у слѣдствія объ адмиралтейской доимкѣ, чтобы „запущенную на прошлые годы доимку какъ подушнаго, такъ и таможеннаго и кабацкаго и прочихъ сборовъ на тѣхъ, кто оныя (недоимки) заплатить должны, взыскивать, и въ томъ крайнее стараніе имѣть и ихъ понуждать: а сколько какихъ по званіямъ доимокъ въ которомъ мѣсяцѣ собрано будетъ, о томъ въ Кабинетъ рапортовать“. Рапорты и вѣдомости о сборѣ недоимокъ поступали прямо въ Кабинетъ, что продолжалось до ноября 1740 года. 31-го октября Кабинетъ сообщилъ Сенату, что такъ какъ вѣдомости и рапорты о взысканіи недоимокъ присылаются въ Кабинетъ и „уповательно“ въ коммиссію о недоимкахъ, то „отъ того напрасный двойной трудъ въ присылкѣ оныхъ (отчетовъ) въ разныя мѣста происходитъ; а весьма надобно, чтобъ оные вѣдомости и рапорты въ одномъ мѣстѣ собираны и разсматриваны и по нихъ надлежащее взысканіе доимокъ чинено было. Того ради въ Кабинетѣ разсуждено: всѣ донынѣ полученные въ Кабинетѣ о доимкахъ вѣдомости и рапорты отдать въ учрежденную при Сенатѣ коммиссію (о недоимкахъ), которые для того при семъ въ прав. Сенатъ и посылаются; а впредь изъ губерній и провинцій велѣть такіе вѣдомости и рапорты о доимкахъ, сколько когда ихъ взыскано будетъ, присылать только въ оную коммиссію, а въ Кабинетъ уже не присылать“ [216]).

Часть недоимокъ, по совершенной невозможности взыскать ихъ и по другимъ причинамъ, приходилось слагать. Сложеніе всѣхъ вообще недоимокъ зависѣло отъ Кабинета. Въ мартѣ 1740 года Сенатъ представилъ ему „о снятіи разныхъ чиновъ съ людей разныхъ доимокъ“ на 38,876 руб., причемъ приложилъ и экстрактъ, „по какимъ резонамъ ко снятію слѣдуетъ“. Экстрактъ этотъ былъ возвращенъ въ Сенатъ съ приказаніемъ внести въ Кабинетъ генеральную вѣдомость. Милостивымъ манифестомъ 23-го октября 1740 года, между прочимъ, было объявлено, что „всякаго званія доимки прежнихъ лѣтъ по прошлый 1719 годъ (повелѣно) сложить и изъ доимки выложить, а о доимкахъ со онаго 1719 года Сенату немедленно разсмотрѣть и, для всемилостивѣйшей нашей апробаціи, въ нашъ Кабинетъ подать (вѣдомости съ мнѣніемъ), по которымъ тогда къ бѣднымъ и неимущимъ людямъ показано будетъ нашего императорскаго величества высочайшее милосердіе“. При новомъ правительствѣ, именнымъ указомъ 11-го ноября того же года, это повелѣніе Сенату было подтверждено [217]). Указъ, впрочемъ, не касался

недоимокъ по соляному сбору, о которыхъ разсмотрѣть предоставлено было, особымъ указомъ Кабинета, Соляной конторѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Сенату [218]). Въ мартѣ 1741 года Кабинетъ, именнымъ, за подписью министровъ, указомъ, разъяснилъ Соляной конторѣ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о недоимкахъ. Вотъ этотъ указъ, поставляющій на видъ какъ процессъ разсмотрѣнія сказанныхъ дѣлъ, такъ отчасти и самое сложеніе недоимокъ: „Получены въ Кабинетѣ нашемъ изъ Соляной конторы два доношенія и при нихъ вѣдомости: 1) о доимкахъ соляной суммы прежнихъ лѣтъ, съ 1719 по 1732 годъ, и 2) о содержащихся въ той конторѣ въ доимкахъ же соляной суммы со учрежденія оной конторы, съ 1731 года; и въ тѣхъ вѣдомостяхъ показано только то, что, по присланнымъ вѣдомостямъ изъ городовъ, должники тѣхъ доимокъ платить не въ состояніи, а разсматривано-ль о тѣхъ доимкахъ отъ самой оной конторы и надлежитъ-ли оныя доимки сложить и не взыскивать, и по какимъ резонамъ, или нѣкоторыя необходимо надлежитъ взыскать, и когда сами должники къ платежу не въ состояніи, то имѣются-ль по нихъ поруки, и на комъ оныя взыскивать — о томъ никакого мнѣнія отъ той конторы не объявлено. А понеже по публикованному 23-го октября (1740 года) указу повелѣно Сенату о доимкахъ разсмотрѣть и со мнѣніемъ, для всемилостивѣйшей нашей апробаціи, въ нашъ Кабинетъ подать, равнымъ образомъ надлежало и Соляной конторѣ поступать и вѣдомости о доимкахъ соляной суммы, разсмотря, со мнѣніемъ своимъ прислать, а безъ того никакой резолюціи по нихъ учинить невозможно: того дира помянутыя доношенія и при нихъ вѣдомости при семъ обратно въ Соляную контору посылаются, которыя безъ замедленія оной конторѣ самой напередъ разсмотрѣть и о каждой доимкѣ свое мнѣніе подписать такимъ образомъ, какъ выше писано, и потомъ, для нашей всемилостивѣйшей апробаціи, въ Кабинетъ нашъ прислать“ [219]).

По статьямъ государственнаго расхода. Отпускъ вновь изъ казны денегъ на ту или другую государственную потребность зависѣлъ формально отъ высочайшей воли, ближе къ дѣйствительности—отъ Кабинета. Зависимость была исключительная и безусловная; на разрѣшеніе Кабинета входили даже такіе вопросы, какъ назначеніе состоящему на государственной службѣ лицу небольшаго жалованья сверхъ штатнаго оклада, „добавочнаго, не въ примѣръ другимъ“ [220]). Въ 1740—1741 гг. дѣйствовалъ именной указъ 20-го іюня 1727 года, чтобы „изъ Сената, изъ Синода и изъ коллегій никакихъ выдачъ изъ казны денегъ на прошлые годы, безъ указа Верховнаго Тайнаго Совѣта (въ данное время—Кабинета) не чинить“ [221]). Въ силу этого указа, кабинетъ-министры разсматривали, между прочимъ, дѣла о выдачѣ чинамъ государственной службы недоданнаго за прошедшіе годы заслуженнаго жалованья *).

*) Впрочемъ, если такая выдача слѣдовала по силѣ «точныхъ указовъ», то она разрѣшалась Сенатомъ.

Этого рода дѣла не были рѣдкостью и начинались они (въ Кабинетѣ) или по представленію начальствъ или же по челобитью заинтересованныхъ лицъ [222]). Благодаря тому же строгому правилу, въ Кабинетъ поступали и такія дѣла, какъ дѣло, внесенное Сенатомъ въ сентябрѣ 1740 года, „о дачѣ обрѣтающимся при кронштадтскомъ каналѣ и докахъ у разрывки каменья и въ кузницѣ каторжнымъ, для показанныхъ тяжкихъ работъ, за прошедшее въ работахъ время и впредь, противъ ревельскихъ (каторжныхъ), кормовыхъ денегъ". Сенатъ, внося этотъ вопросъ, представлялъ Кабинету, что хотя онъ „въ той дачѣ со мнѣніемъ Адмиралтейской коллегіи согласенъ, токмо за именнымъ указомъ (вышепомѣщеннымъ), также безъ сношенія о томъ съ Кабинетомъ собою учинить (рѣшенія) не можетъ и требуетъ о томъ общаго разсужденія" [223]).

При разсмотрѣніи денежныхъ требованій, особенно крупныхъ, министры относились къ дѣлу какъ блюстители казеннаго интереса и не довольствовались поверхностной мотивировкой требованія; такъ въ мартѣ 1740 года, вслѣдствіе представленія Артиллерійской коммиссіи объ отпускѣ „въ артиллерію" 300,000 руб., Кабинетъ приказалъ этой коммиссіи и Артиллерійской канцеляріи „объявить подробно, на какіе именно расходы такъ великая сумма потребна" [224]).

Рѣшеніе вопросовъ, изъ какихъ именно государственныхъ суммъ и какимъ порядкомъ отпускать деньги на разрѣшенные уже расходы,— также было дѣло министровъ. Напримѣръ, въ 1741 году Сенатъ представлялъ Кабинету: въ апрѣлѣ, „о произвожденіи сенаторамъ и коллежскимъ президентамъ и членамъ, въ канцеляріи присутствующимъ и канцелярскимъ служителямъ съ нынѣшняго 1741 года жалованья, по прежнему, изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ"; въ маѣ, „объ ассигнованіи Статсъ-конторѣ въ отпускъ къ архимандриту Сеченову на содержаніе Новокрещенской конторы и на прочіе расходы на нынѣшній 1741 годъ 10,000 руб. изъ тамошнихъ ближнихъ мѣстъ, изъ несокладныхъ доходовъ, на счетъ Коллегіи экономіи, а впредь объ отпускѣ оныхъ денегъ изъ Статсъ-конторы" [225]).

Дѣйствія Кабинета въ области торгово-промышленной.

Заботясь объ улучшеніи финансовъ, Кабинетъ, естественно, не могъ обойдти вниманіемъ торгово-промышленную область, такъ тѣсно связанную съ интересами казны. Дѣйствительно, записи о дѣйствіяхъ министровъ по вопросамъ торговли и промышленности ясно указываютъ на заботы правительства о благоустройствѣ и развитіи торговаго и промышленнаго дѣла. Называемъ особенно занимавшіе Кабинетъ вопросы: а) вопросы торговли: о постройкѣ въ Петербургѣ торговыхъ рядовъ; о мѣрахъ къ охраненію торговцевъ (вообще) „отъ притѣсне-

ній въ провозѣ товаровъ и прогонѣ скота на мостахъ, перевозахъ и при взятіи пошлинъ"; объ изданіи устава о торговой несостоятельности *); объ отпускѣ за границу хлѣба, соли, сахару, табаку, кожъ, селитры; объ установленіи отпускнаго торга черезъ азовскій (новый) портъ; о подтвержденіи торговаго 1734 года договора съ Англіею и о дозволеніи торговой „англійско-россійской компаніи произведенія вновь торга изъ Англіи въ Персію чрезъ Россію для способнаго полученія изъ Персіи шелка и продажи тамо англійскихъ шерстяныхъ товаровъ"; б) вопросы промышленности: о выдачѣ частнымъ лицамъ дозволеній на открытіе новыхъ фабрикъ и заводовъ и привилегій на такія заведенія; объ изданіи регламента и работныхъ регулъ на суконныя и каразейныя фабрики; о вызовѣ изъ-за границы искусныхъ мастеровъ и о поощреніи фабрикантовъ посредствомъ наградъ и другихъ мѣръ [226]). Остановимся на вопросахъ объ отпускномъ торгѣ и о мѣрахъ къ поощренію фабрикантовъ.

Разрѣшеніе, ограниченіе и совершенное запрещеніе отпуска тѣхъ или другихъ товаровъ за границу, также установленіе самого размѣра экспорта зависѣло отъ Кабинета. Разрѣшая эти вопросы, Кабинетъ имѣлъ передъ собой не только интересы торговли и фиска, но и интересы страны, ея политическое и экономическое положеніе. Въ одномъ изъ предъидущихъ отдѣловъ („Дѣла чрезвычайныя") приведено было распоряженіе правительства о запрещеніи отпуска хлѣба по случаю приготовленія къ войнѣ съ Швеціею; нижеслѣдующая резолюція Кабинета, 21-го декабря 1740 года, служитъ другимъ доказательствомъ сказаннаго: „Коммерцъ-коллегіи разсмотрѣть и точно справиться, сколько во всѣхъ россійскихъ портахъ, кромѣ петербургскаго и архангелогородскаго (о которыхъ опредѣленіе уже учинено и въ Коммерцъ-коллегію прислано), по надлежащемъ снабденіи магазейновъ и по удовольствованіи крестьянства и прочихъ партикулярныхъ людей, излишняго хлѣба на лицо окажется; такожъ о томъ съ губернаторами всѣхъ лифляндскихъ, эстляндскихъ и прочихъ мѣстъ и портовъ соглашеніе имѣть, сколько, по ихъ мнѣнію, за такимъ удовольствованіемъ, къ продажѣ удобнаго хлѣба на лицо явится; да и при томъ того накрѣпко смотрѣть, дабы, за вывозомъ того хлѣба, внутри государства не было дороговизны въ цѣнѣ, отчего бъ великое оскудѣніе вездѣ случиться могло. И во оной коллегіи, сочиня обо всемъ точное извѣстіе, взнесть немедленно въ Кабинетъ его императорскаго величества съ обстоятельнымъ мнѣніемъ, дабы по тому основательная въ томъ резолюція взята быть могла" [227]). — Поднятіе прибыльной для казны отпускной торговли, конечно, входило въ разсчеты правительства, и въ началѣ 1741 года Кабинетъ обсуждалъ составленный Коммерцъ-коллегіею „всенижайшій проектъ, коимъ образомъ торгъ

*) Объ этомъ изданіи см. подъ рубрикою: «Участіе Кабинета въ законодательствѣ».

изъ новоучрежденнаго (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ Азовъ или Таганрогъ) порта чрезъ Черное море къ архипелагусу и Средиземному морю, къ великой пользѣ Россійской имперіи, производить и отъ того его императорскаго величества всевысочайшій интересъ умножить и великія суммы чужестранныхъ денегъ въ государство привлекать можно“ [228]).

Что касается поощренія фабрикантовъ къ совершенствованію и развитію ихъ дѣла, то оно выражалось въ довольно крупныхъ льготахъ и наградахъ. Примѣромъ можетъ служить дѣло о награжденіи фабриканта Тамесъ. Въ 1741 году Коммерцъ-коллегія, по прошенію содержателя московской полотняной фабрики Ивана Тамеса, опредѣлила: подать въ Кабинетъ допошеніе, которымъ представить, что „за прилежные его (Тамеса) въ размноженіи оной полотняной фабрики труды всемѣрно надлежитъ его снабдить нижеслѣдующимъ“: 1) подтвердить вновь указомъ о сложеніи, по силѣ именнаго указа 10-го августа 1731 года, съ умершаго отца его „всякаго званія казенной доимки, чтобъ впредь никакихъ ни отъ кого приметокъ и фабрикѣ (вышеозначенной) помѣшательства не было“; 2) разрѣшить ему, Ивану Тамесу, свободный отъѣздъ изъ Россіи „за море“, когда онъ пожелаетъ, съ уплатою въ казну 10-й части со всего его капитала и съ передачею фабрики „такому человѣку, который оную съ такимъ же раченіемъ и размноженіемъ производить будетъ, такъ, какъ онъ, Тамесъ, самъ нынѣ оную производитъ“; 3) пожаловать его, Ивана Тамеса, въ силу инструкціи Мануфактуръ-коллегіи, чиномъ. На это допошеніе 30-го сентября послѣдовалъ именной указъ, за рукою правительницы, которымъ представленіе коллегіи утверждалось во всѣхъ частяхъ и Тамесъ, „за прилежные въ размноженіи фабрики труды и для пріохочиванія впредь какъ его, такъ и другихъ фабрикановъ къ тому размноженію“, пожалованъ „чиномъ директора надъ его фабрикою, въ рангѣ коллежскаго ассессора“ [229]).

Дѣла по народному просвѣщенію.

О дѣятельности Кабинета по части народнаго образованія извѣстно немного: разрѣшены были вопросы: объ основаніи въ Ставропольской крѣпости школъ для обученія калмыцкихъ дѣтей русскому и калмыцкому языкамъ и грамотѣ; о нѣкоторомъ измѣненіи порядка обученія дворянскихъ дѣтей въ школѣ при Сенатѣ; о мѣрахъ къ доставленію духовнымъ школамъ учителей; о поднятіи медицинскаго образованія и нѣкоторые другіе, незначительные [230]).

Послѣдній вопросъ, болѣе серьезный, возникъ вслѣдствіе слабаго развитія медицинскаго образованія и большой потребности въ лѣкаряхъ для войска. Въ 1738 году, вслѣдствіе допошенія Медицинской канцеляріи, Кабинетъ положилъ: отправить отъ этой канцеляріи, на счетъ казны, въ Парижъ нѣсколько искусныхъ молодыхъ лѣкарей, по

выбору самой канцеляріи, „чтобъ тамъ въ хирургіи и анатоміи такъ утвердились, дабы при главныхъ госпиталяхъ въ россійскомъ государствѣ для обученія подлѣкарей и лѣкарскихъ учениковъ могли употреблены быть". При этомъ поставлено условіемъ, чтобы къ посылкѣ избраны были русскіе или хотя иноземцы, но „такіе, которые здѣсь въ Россіи породились и фамиліи имѣютъ" и притомъ могущіе представить отъ родителей или родственниковъ, также и отъ „другихъ надежныхъ людей, надлежащіе съ подписками реверсы, что, по окончаніи наукъ, имѣютъ они (посылаемые) паки въ Россію возвратиться, дабы издержанныхъ на нихъ денегъ напрасно не потерять". Командировка, „за бывшими (въ Россіи) опасными болѣзнями и для ихъ (лѣкарей) при командахъ въ минувшей турецкой войнѣ необходимой потребности", могла состояться не ранѣе лѣта 1741 года. Въ іюлѣ Медицинская канцелярія представила Кабинету, что къ сказанной посылкѣ выбраны ею подлѣкарь и два лѣкарскихъ ученика; но что одинъ изъ нихъ, подлѣкарь Минау, требуемаго реверса „исходатайствовать" не могъ, и что не разрѣшитъ-ли Кабинетъ замѣну для Минау, а также и на будущее время, реверса присягою „о возвратѣ въ Россію". Представленіе это, вмѣстѣ съ составленною Медицинскою канцеляріею инструкціею въ руководство посылаемымъ медикамъ, 30-го іюля Кабинетомъ было утверждено [231]).

Верховно наблюдая за дѣйствіями учебныхъ заведеній: академій и различныхъ училищъ, Кабинетъ исключительное вниманіе обращалъ на дѣятельность одного изъ этихъ заведеній,—Шляхетскаго кадетскаго корпуса, основаннаго императрицею Анною для подготовленія дѣтей дворянъ къ военной службѣ. Главнымъ начальникомъ корпуса былъ кабинетъ-министръ Минихъ и дѣйствія училища, по отчетамъ денежнымъ и другимъ, контролировались прямо Кабинетомъ. Резолюціею министровъ 1737 года велѣно: „о приходѣ и расходѣ при кадетскомъ корпусѣ денежной казны, по окончаніи каждой трети, подавать счеты одинъ въ Кабинетъ, а другой въ Военную коллегію". Такіе счеты корпусъ и подавалъ, при допошеніяхъ, до 1741 года, когда, именнымъ указомъ 12-го января, отчетность была усилена: повелѣно корпусу о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денегъ подавать въ Кабинетъ „помѣсячно краткіе, а по третямъ года обстоятельные репорты". Кромѣ того, корпусъ представлялъ въ Кабинетъ именные списки офицерамъ и кадетамъ. Даже челобитья шляхтичей о принятіи ихъ въ число кадетъ разсматривались самимъ Кабинетомъ, что, впрочемъ, въ 1740 году было отмѣнено резолюціею министровъ 24-го марта: „поданную, при доношеніи кадетскаго корпуса, челобитную недоросля Пальчикова объ опредѣленіи его въ кадеты отдать назадъ, и впредь въ Кабинетъ о кадетахъ не представлять, а представлять генералу-фельдмаршалу графу Миниху, яко главному надъ тѣмъ корпусомъ командиру" [232]).

Въ сферѣ научной, центромъ которой была Академія Наукъ (уч-

рожденіе ученое и вмѣстѣ учебное), Кабинетъ дѣйствовалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наука требовала со стороны государства поддержки и помощи. Въ февралѣ 1740 года Кабинетъ получилъ отъ Академіи Наукъ доношеніе, что этой Академіи профессоръ астрономіи Людвигъ Делиль де-ла-Кроеръ представляетъ, „что сего года планеты Меркурія въ солнцѣ (прохожденіе), которое должно быть въ 21-мъ числѣ мѣсяца апрѣля, а въ Европѣ видимо не будетъ; а, по усмотрѣнію его, для астрономическаго дѣла надлежитъ ему ѣхать и то усмотрѣть въ Обдорскомъ (Обдорскѣ), при устьи Оби рѣки, и требуетъ онъ, профессоръ Делиль, на проѣздъ прогонныхъ денегъ и для охраненія въ пути солдатъ и ѣдущимъ при немъ жалованья". 26-го февраля на это доношеніе послѣдовала резолюція Кабинета, вслѣдствіе которой, того же числа, данъ былъ Адмиралтейской коллегіи именной изъ Кабинета указъ: „По указу нашему, посылается отсюда изъ Десіансъ-Академіи, для нѣкотораго нужнѣйшаго астрономическаго дѣла, въ Обдорскъ, къ Оби рѣкѣ, профессоръ Делиль, съ которымъ указали мы отправить изъ Адмиралтейской коллегіи изъ русскихъ учителя (Адмиралтейской академіи) Салтанова и при немъ изъ учениковъ, которые довольно знаютъ астрономію, человѣка три или четыре; а буде таковыхъ знающихъ учениковъ не имѣется, то дать толикое жъ число изъ мичмановъ или изъ другихъ чиновъ, кого заспособно признаетъ опый Салтановъ и коллегія заблагоразсудитъ";... жалованье Салтанову, „такожъ и кто съ нимъ посланы будутъ, выдать для той ихъ поѣздки на годъ, не въ зачетъ, изъ Адмиралтейской коллегіи, а на прогоны и путевые расходы (Делилю и посылающимся съ нимъ) дать изъ Статъ-конторы 1000 рублей; а чтобъ въ проѣздѣ имъ, Делилю и Салтанову съ обрѣтающимися при нихъ, до вышеозначеннаго мѣста и въ бытность ихъ тамо, такожъ и по возвращеніи до С.-Петербурга чинено было надлежащее вспоможеніе, о томъ имъ отверстый, а о дачѣ на прогоны и на путевые расходы въ Статъ-контору указы наши даны изъ Кабинета нашего". Снаряженная, такимъ образомъ, ученая экспедиція отправилась въ путь, подъ охраненіемъ трехъ солдатъ петербургскаго гарнизона. Черезъ три мѣсяца, 31-го мая, Кабинетъ получилъ изъ Сибирской губернской канцеляріи доношеніе „во извѣстіе, что, по присланному изъ Кабинета указу, отправленнымъ изъ С.-Петербурга къ Оби рѣкѣ, для нѣкотораго нужнѣйшаго дѣла, надлежащаго до обсерваціи математическихъ правилъ, профессору Делилю да учителю Салтанову въ проѣздѣ ихъ, по требованіямъ ихъ, всякое вспоможеніе учинено, а какое,—притомъ приложенъ экстрактъ" [233]).—Въ апрѣлѣ 1741 года тотъ же профессоръ Кабинету, черезъ Академію Наукъ, представлялъ: „чтобъ ему генеральную ландъ-карту Россійской имперіи окончать, и просилъ, дабы къ нему опредѣлить чрезъ нѣсколько лѣтъ находившагося при немъ и бывшаго съ нимъ въ дорогахъ для экзерциціи и наставленія учениковъ въ математикѣ Тобіаса Кенигс-

фельда при отправленіи той же должности адъюнктомъ астрономіи при Академіи Наукъ съ довольнымъ жалованьемъ; при немъ же оставить для географическихъ нуждъ Михаила Гренинга, бывшаго при немъ для переводовъ, съ тѣмъ жалованьемъ, которое онъ отъ Академіи въ дорогахъ получалъ; такожъ, чтобъ ему во описаніяхъ и въ другихъ географическихъ работахъ вспоможеніе чинилъ обрѣтающійся при Академіи профессоръ Винсгеймъ, и о прибавкѣ ему къ нынѣшнему его жалованью по 200 руб. въ годъ". По этому представленію, Кабинетъ сдѣлалъ „запросъ" Академіи Наукъ: „профессоръ Винсгеймъ, Кенигсфельдъ и Гренингъ при какихъ дѣлахъ нынѣ обрѣтаются и можно-ль ихъ, по представленію Делиля, для означеннаго дѣла къ нему опредѣлить, и по наукамъ своимъ какимъ жалованьемъ достойны они награждены быть" [231]).

Академія, стягивая научныя силы, въ то же время служила средоточіемъ и вещественнаго богатства науки: здѣсь были: библіотека, музей („кунсткамера"), мюнцъ-кабинетъ. Богатство это пріращалось, между прочимъ, путемъ поступленія книгъ, монетъ и медалей конфискованныхъ и интересныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ, присылавшихся въ Кабинетъ изъ губерній. Въ январѣ 1740 года министрами сдѣлано было распоряженіе, чтобы Канцелярія конфискаціи находящимся въ этой канцеляріи книгамъ князя Дмитрія Голицына составила реестръ и подала его въ Кабинетъ. Что такой реестръ былъ представленъ и сдѣлана отборка книгъ для Академіи Наукъ, видно изъ доклада послѣдней въ Кабинетъ 28-го мая того же года: „чтобъ повелѣно было оставшія послѣ князь Дмитрія Голицына книги, не токмо тѣ, которыя до россійской гисторіи принадлежащія, но и изъ прочихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ, итальянскихъ, англійскихъ, французскихъ книгъ тѣ, которыя къ исторіи, художествамъ и наукамъ принадлежатъ, отдать въ Академію Наукъ", — и требованія отъ Академіи Кабинетомъ, „въ дополненіе поданнаго доклада, вѣдомости, — какія именно изъ остаточныхъ послѣ кн. Д. Голицына книгъ подлежащія къ исторіи и художествамъ въ ту Академію потребны". — Конфискованныя книги и коллекціи монетъ и медалей Волынскаго, Платона Мусина-Пушкина и Андрея Хрущова, подобнымъ же образомъ, описывались и разбирались для передачи въ Академію. Именнымъ указомъ, объявленнымъ Кабинетомъ Сенату 29-го іюля 1740 года, повелѣно было: „отписныя П. Мусина-Пушкина и А. Хрущова книги иностранныхъ языковъ и россійскія, которыя имѣютъ быть отданы въ Академію Наукъ, какого бъ опыя званія ни были, взять сюда (въ Петербургъ), и учиня тѣмъ книгамъ описи, подать (послѣднія) въ Кабинетъ, а объ отдачѣ въ Академію Наукъ ожидать указа". Эти описи и внесены были въ Кабинетъ въ сентябрѣ того же и январѣ слѣдующаго года. — Въ томъ же 1740 году, 10-го декабря, министры „изволили приказать: взнесенныя (въ Кабинетъ) отъ описи Волынскаго

и П. Мусина-Пушкина пожитковъ золотыя, серебряныя и мѣдныя медали и деньги отдать въ Десіанскъ-Академію, чтобъ оныя тамо профессору обще съ ассессоромъ Тевкельнымъ всѣ, разобравъ, подробно описать, и кои курьезныя признаны будутъ, о тѣхъ особливо назначить, и учиня о томъ вѣдомость подать въ Кабинетъ его императорскаго величества". Приказъ этотъ объявленъ былъ президенту Академіи фонъ-Брeверну министромъ Черкасскимъ, и медали и монеты, въ тотъ же день, отосланы въ Академію съ находившимся у описи упомянутыхъ выше пожитковъ секретаремъ Андреевымъ, въ ящикѣ, за его печатью.—Въ слѣдующемъ году, осенью, въ Кабинетъ прислана была отъ Войска Донскаго „звѣриная челюсть, найденная въ р. Дону, а какого звѣря—неизвѣстно". Объ этой находкѣ доложено было правительницѣ, причемъ „поднесена" ей и самая „кость". Осмотрѣвъ челюсть неизвѣстнаго звѣря, Анна Леопольдовна рѣшила, что слѣдуетъ отдать ее въ кунсткамеру Академіи Наукъ, что и было исполнено 23-го октября [235]).

Дѣла по народному продовольствію и народному здравію.

Одною изъ главныхъ обязанностей Кабинета-хозяина была, несомнѣнно, обязанность заботиться о матеріальномъ довольствѣ народа, о томъ, чтобы населеніе, вообще или по частямъ, по меньшей мѣрѣ, не голодало. Имѣя постоянно свѣжія свѣдѣнія о цѣнѣ на хлѣбъ во всѣхъ городахъ Россіи (періодическія Кабинету „во извѣстіе вѣдомости" Камеръ-коллегіи и рапорты губернскихъ канцелярій), Кабинетъ всегда могъ видѣть какъ мѣстное, такъ и общее состояніе народнаго продовольствія и немедленно, по собственному почину, принять мѣры къ предупрежденію или устраненію уже явившагося бѣдствія [236]). Сверхъ того, о ненормальномъ состояніи въ той или другой мѣстности продовольствія Кабинету сообщалъ его ближайшій помощникъ—Сенатъ, и не только сообщалъ, но и предлагалъ при этомъ необходимыя, по его мнѣнію, мѣры [237]).

Попеченіе кабинетъ-министровъ о народномъ продовольствіи выражалось на дѣлѣ не разъ. Въ августѣ 1741 года Лифляндская губернская канцелярія получила отъ Кабинета именное повелѣніе: „Извѣстно намъ учинилось, что не смотря на учиненное о хлѣбномъ отпускѣ запрещеніе, такожъ и на то, что внутри собственнаго нашего государства нынѣ въ хлѣбѣ недостатокъ есть, и не взирая на худыя апаренціи въ жатвѣ новаго хлѣба, изъ Риги хлѣбный отпускъ за море и по сіе время продолжается, и многія тысячи онаго уже отпущено. Того ради чрезъ сіе именно повелѣваемъ оный хлѣбный отпускъ (изъ Риги) наикрѣпчайше запретить..., чтобъ, для происходящей въ томъ нѣкоторымъ партикулярнымъ людямъ бездѣльно корысти, собственное

наше государство общей въ хлѣбѣ нужды не претерпѣвало. А для чего, за учиненнымъ уже запрещеніемъ, хлѣбъ изъ Риги отпускать, и сколько отъ кого отпущено, о томъ прислать въ Кабинетъ нашъ обстоятельное извѣстіе“ [238]).—Приблизительно въ то же время Кабинетъ занятъ былъ вопросами, возбужденными Сенатомъ: „объ отпущеніи въ Лифляндіи крестьянству, за крайнимъ недостаткомъ въ хлѣбѣ и за скотскимъ падежемъ, съ публичныхъ въ Лифляндіи жъ маетностей на прошлый 1740 годъ четвертой доли крестьянскихъ доходовъ“ и „о привозѣ въ Выборгъ хлѣбныхъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ безъ таможенныхъ выписей и о продажѣ онаго тамо безпошлинно до того времени, пока со шведомъ война минуется“ [239]). — Въ октябрѣ 1740 года министры, когда имъ „извѣстно учинилось, что здѣсь (въ Петербургѣ) начали нѣкоторые скупщики хлѣбъ перекупать“, положили: „чтобъ отъ такихъ скупщиковъ вдругъ цѣны не повысились и обывателямъ отъ того не нанеслось тягости, взять предосторожность“ и вызвать въ Кабинетъ для совѣщанія по этому вопросу компетентнаго человѣка—члена Провіантской конторы Военной коллегіи Савельева. Въ слѣдующемъ засѣданіи они объявили Савельеву возникшій вопросъ и приказали къ рѣшенію его „изыскать удобнѣйшій способъ и представить въ Кабинетъ“ [240]). Кромѣ того, въ іюнѣ 1741 года министры дали Главной Полиціймейстерской канцеляріи (въ Петербургѣ) приказъ: „Понеже здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ разныхъ командахъ и партикулярныхъ домѣхъ людей больныхъ весьма умножается, а особливо неимущихъ, а какъ извѣстно, что оное не отъ инаго чего происходитъ, токмо отъ пребезмѣрной дорогой продажи съѣстныхъ припасовъ, то-есть мясъ и рыбы, ибо подлый народъ за дорогою цѣною добраго качества покупать не въ состояніи и отъ того принуждены для дешевости употреблять залежалое, которое уже ко употребленію весьма непріятно и здоровью человѣческому вредительно, а прочіе отъ недостатковъ своихъ и гладъ претерпѣваютъ, отъ чего и въ болѣзни впадаютъ; а сіе чинится только отъ несмотрѣнія полицейскаго: того ради Полиціймейстерской канцеляріи чрезъ сіе накрѣпчайше подтверждается, по должности своей, немедленно во всѣхъ мѣстахъ продажу такихъ съѣстныхъ припасовъ достовѣрно освидѣтельствовать, для чего такъ дорогую цѣну держатъ и особливо ко употребленію человѣческому негодное продаютъ, и по тому, разсмотря о томъ, какъ наискорѣе предупредить, и кто виновенъ явится, съ тѣми учинить по указамъ безъ всякаго упущенія, дабы отъ того въ народѣ, отъ чего Боже сохрани, болѣзней больше не умножилось, въ чемъ за слабое смотрѣніе можетъ отвѣтъ дать оная канцелярія, и что учинено будетъ, о томъ въ Кабинетъ его императорскаго величества отрепортовать“ [241]). Вскорѣ за тѣмъ состоялась резолюція Кабинета на докладѣ этой же канцеляріи: „для смотрѣнія въ продажѣ (въ Петербургѣ) харчевыхъ припасовъ и установ-

ленія оцымъ цѣнъ, подъ дирекціею генералъ-полиціймейстера, нынѣ до будущаго указа опредѣлить въ должности совѣтничей сенатскаго секретаря Хега, да къ нему другаго ассессора, къ тому дѣлу способнаго, кого прав. Сенатъ запотребно разсудитъ“ [242]).

Къ обязанности правительства ограждать населеніе отъ недостатка въ продовольствіи и самого голода присоединялась другая, не менѣе важная обязанность—заботиться о народномъ здравіи,—объ устройствѣ врачебной помощи и охраненіи народа отъ повальныхъ болѣзней—бича, нерѣдко посѣщавшаго мѣстности Россіи и, случалось, грозившаго изъ-за рубежа.

Важность врачебно-санитарнаго дѣла вполнѣ сознавалась Кабинетомъ, и оно было имъ взято подъ свою опеку почти одновременно съ его учрежденіемъ; именно въ февралѣ 1732 года Медицинская канцелярія, вѣдавшая дѣла по народному здравію, была поставлена въ исключительное подчиненіе Кабинету. Такое положеніе канцелярія неизмѣнно сохраняла и въ 1740—1741 гг., что, само по себѣ, достаточно уясняетъ роль Кабинета въ дѣлѣ врачебно-санитарномъ: всѣ болѣе или менѣе крупные вопросы, а также и отчеты Медицинская канцелярія прямо вносила на разсмотрѣніе и разрѣшеніе министровъ [243]).

Въ случаяхъ исключительныхъ, — во время эпидемій, обычный ходъ дѣлъ нѣсколько измѣнялся. О появленіи въ какой либо мѣстности Россіи или близь границы повальной болѣзни, также о прекращеніи ея, Кабинету давали знать Сенатъ и мѣстныя губернскія власти, непосредственно. Такъ Кабинетъ получилъ сообщенія: въ 1740 году, 19-го августа, отъ Сената, „о раствореніи города Азова, что опасная болѣзнь, милостью Вышняго, утишилась“ [244]); въ октябрѣ, отъ Новгородской губернской канцеляріи, что „въ олонецкомъ вѣдомствѣ кровопроносной болѣзни, какая прежде была, нынѣ, за помощью Божіей, не имѣется, и состоитъ благополучно, и за тѣмъ опредѣленныхъ къ смотрѣнію той болѣзни олонецкихъ посадскихъ людей велѣно въ Олонецъ возвратить по прежнему, а отъ той болѣзни имѣть крѣпкую предосторожность тамошнимъ обывателямъ, по прежнимъ указамъ“ *) [245]); въ 1741 году, въ январѣ, отъ Сената, „что въ Бѣлогородской губерніи и въ малороссійскихъ полкахъ, такожъ и на украинской линіи отъ опасной болѣзни состоитъ благополучно“; въ іюнѣ, отъ Сената же, что, „по освидѣтельствованію обрѣтающихся

*) О томъ же губернская канцелярія донесла и Сенату, сообщивъ ему при этомъ, что о прекращеніи повальной болѣзни «и въ Кабинетъ ея императорскаго величества отъ той губерніи писано». Сенатъ, получивъ это увѣдомленіе, приказалъ: «оное доношеніе отдать по экспедиціи во извѣстіе, а въ Кабинетъ ея императорскаго величества справиться: такое изъ оной губерніи доношеніе въ присылкѣ есть-ли; буде же нѣтъ, то о томъ со онаго присланнаго въ Сенатъ доношенія подать (въ Кабинетъ) во извѣстіе сообщеніе».

въ Персіи резидента Калушкина и консула Аранова, въ Персіи и въ Кабардѣ моровое повѣтріе давно миновалось и во всѣхъ мѣстахъ состоитъ благополучно". причемъ представлялось Кабинету „разсужденіе" Сената, что „карантина болѣе выдерживать не надлежитъ" [246])

Дѣла по устройству путей сообщенія и столицъ и мѣры противъ пожаровъ и роскоши.

Дѣятельность Кабинета по устройству путей сообщенія была довольно значительна. Иначе и быть не могло. Неудовлетворительное состояніе путей неотступно требовало дѣйствій правительства, и дѣйствій немедленныхъ, энергическихъ.

Непрочныя, скороразрушавшіяся сухопутныя сообщенія, по своему неустройству, выступали на первый планъ и вызывали мѣры къ приведенію ихъ изъ невозможнаго, непроѣзднаго состоянія хотя бы въ сносное. Мѣры эти, однако, касались почти исключительно путей, соединявшихъ Петербургъ съ болѣе крупными административными и торговыми центрами государства: Москвою, Ригою и др. Въ 1740 году правительство занято было вопросомъ объ исправленіи нарвской дороги. Въ мартѣ Сенатъ подалъ въ Кабинетъ „сообщеніе о содержаніи нарвскую дорогу починкою, для представленныхъ резоновъ, всѣмъ имѣющимся въ Ингерманландіи обывателямъ, а не однимъ дворцовымъ и помѣщиковымъ крестьянамъ, кои при той дорогѣ живутъ" [247]). Представленіе было утверждено, какъ это видно изъ слѣдующаго приказа министровъ 25-го августа того же года: „о мощеніи нарвской дороги, справясь съ прежними указами, въ Камеръ-контору послать указъ, чтобъ въ нынѣшнюю дѣловую пору къ исправленію той дороги работниковъ изъ Ингерманландіи не высылать, а начать ту дороги починку по уборкѣ съ поль хлѣба и производить со всякимъ поспѣшеніемъ и стараться, чтобъ до наступленія глубокой осени упомянутая дорога совсѣмъ была вычинена и проѣзжимъ тою дорогою людямъ никакой трудности быть не могло" [248]). Въ слѣдующемъ 1741 году на очередь сталъ вопросъ о способѣ исправленія пути, соединявшаго торговый городъ Архангельскъ съ Петербургомъ. Вопросъ возбужденъ былъ Сенатомъ, представившимъ Кабинету „сообщеніе о исправленіи починкою отъ города Архангельскаго къ С.-Петербургу дороги каждой провинціи своего уѣзда, чрезъ которые оная проложена, и о неотягощеніи приписныхъ ко исправленію той дороги жителей противъ тѣхъ, кои будутъ къ починкѣ оной не приписаны, другими принадлежащими до государственныхъ нуждъ исправленіями" [249]). Приняты были также мѣры къ улучшенію почтовой гоньбы по тракту между Петербургомъ и Ригою. Почтовыя лошади этой дороги, въ особенности той ея части, которая принадлежала Лифляндской губерніи, содержались „весьма худыя, отчего по оной, яко по знатной дорогѣ,

всегда проѣзжающія персоны не токмо остановку, но и немалыя затрудненія въ проѣздѣ своемъ получали". Такое состояніе почты петербурго-рижской дороги не было тайной для Кабинета, и въ январѣ 1741 года министры дали лифляндскому генералъ-губернатору именной указъ, чтобы онъ „безъ всякаго замедленія" распорядился улучшеніемъ почты по лифляндскому участку названнаго пути [250]). Но особенно озабоченъ былъ Кабинетъ приведеніемъ въ порядокъ большой „прешпективой" дороги между Петербургомъ и Сосницкою пристанью (по направленію къ Москвѣ). Путь этотъ къ концу тридцатыхъ годовъ пришелъ въ совершенную неисправность, и хотя правительствомъ дѣлаемы были приказы Сенату объ исправленіи его, но приказы оставались неисполненными. Въ январѣ 1741 года послѣдовало вновь именное повелѣніе Сенату: „Неоднократными нашими указами оному Сенату предписано о возъимѣніи прилежнаго старанія въ починкѣ прешпективой дороги отъ Санктъ-Петербурга до Сосницкой пристани, якоже оною проѣздъ, а особливо въ весеннее и осеннее время не только за трудный, но почти и за невозможный почитается, токмо о сей починкѣ по тѣмъ указамъ и понынѣ не исполнено. А нынѣ, какимъ образомъ оную прешпективую дорогу починить подалъ намъ отъ перваго нашего (кабинетъ-)министра, генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, прожектъ, который, всемилостивѣйше мы апробовавъ, для исполненія при семъ прилагаемъ, съ накрѣпчайшимъ оному Сенату подтвержденіемъ о починкѣ той прешпективой дороги, по вышепомянутому прожекту, имѣть прилежное и такое стараніе, дабы не только словами и бумагою, но самымъ дѣйствомъ исполнено было, и для того о нарядѣ къ тому работныхъ людей и объ ассигнаціи денежной казны учинить разсужденіе и опредѣленіе немедленно, подъ опасеніемъ за неприлежное паки о семъ нужномъ дѣлѣ стараніе высокаго нашего гнѣва" [251]). Затѣмъ, въ томъ же мѣсяцѣ, состоялась резолюція Кабинета на докладѣ Сената о способѣ починки этой дороги, а въ ноябрѣ, также по сенатскому представленію, министрами сдѣлано было нѣкоторое измѣненіе въ первоначальномъ планѣ работъ [252]). Въ тоже время (въ октябрѣ) Кабинетъ обсуждалъ вопросъ „объ опредѣленіи на прешпективую дорогу для сыска разныхъ чиновъ отъ людей бѣглыхъ и для разъѣздовъ по той дорогѣ, чтобъ отъ оныхъ бѣглыхъ шалостей не было, изъ стоящихъ близъ Новагорода полковъ драгунъ до 30 человѣкъ" [253]).

Рядомъ съ вопросами о мѣрахъ къ упорядоченію сухопутныхъ сообщеній шли вопросы, касавшіеся путей водяныхъ. Напоминая вышепомѣщенное (подъ рубрикой „Дѣла о назначеніи на государственныя должности") указаніе на мѣру правительства къ устраненію неудобства прохода судовъ черезъ боровицкіе пороги, сообщаемъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Кабинета по устройству и содержанію искуственнаго воднаго пути—Ладожскаго канала. Каналъ этотъ, постройка кото-

раго начата была Петромъ Великимъ, въ описываемое время хотя и былъ уже открытъ для хода судовъ, но требовалъ доустройства, и оно производилось подъ главнымъ наблюденіемъ сперва кабинетъ-министра Миниха, а затѣмъ, по увольненіи (въ мартѣ 1741 года) послѣдняго отъ всѣхъ дѣлъ, — Сената [254]). Всѣ вопросы, касавшіеся условій и способа выполненія работъ по устройству канала, также содержанія этого пути вообще, разрѣшались Кабинетомъ. Независимо отъ этихъ вопросовъ, разсмотрѣнію министровъ подлежали, по именному указу въ февралѣ 1741 года, ежемѣсячные краткіе и третные обстоятельные рапорты „Канцеляріи Ладожскаго большаго канала“ (или „Канальной канцеляріи“) о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денежной казны и, вслѣдствіе положенія кабинетъ-министровъ 1737 года, еженедѣльные „съ начала хода (судовъ) и до замерзанія канала, во все лѣто“; отчеты, „колико какихъ судовъ и съ какимъ именно грузомъ пропущено и что съ нихъ положенныхъ по указамъ пошлинныхъ денегъ въ сборѣ“ (было) [255]). Сверхъ того, Кабинетъ ежегодно получалъ отъ той же канцеляріи донесенія объ открытіи по каналу навигаціи. Въ 1741 году такое донесеніе сдѣлано было 28-го апрѣля и въ слѣдующей формѣ: „Его императорскаго величества Кабинету Канцелярія Ладожскаго канала во извѣстіе симъ всеподданнѣйше представляетъ, объявленный каналъ, Божіею помощью, отъ льда вскрылся и весенняя вода минула благополучно, въ который каналъ съ рѣки Волхова судовой ходъ, по представленію Ладожской сборной конторы, сего апрѣля 26-го дня начался“ [256]).

Распоряженія Кабинета по устройству путей, какъ замѣчено выше, клонились преимущественно къ обезпеченію сообщенія правительственнаго центра—Петербурга съ болѣе значительными городами имперіи; но этими распоряженіями забота Кабинета о благоустройствѣ юной столицы-резиденціи, конечно, не ограничивалась: еще далеко неоконченная обстройка и внутреннее доустройство Петербурга не могли не заботить правительство.

Въ 1740—1741 гг. обстройкою Петербурга, еще мѣстами пустыннаго *), завѣдывали два учрежденія: „Канцелярія отъ строеній“ и „Коммиссія о петербургскомъ строеніи“; первое вѣдало постройки дворцовыя и „публичныя“, второе — постройки частныя. Оба органа стояли близко къ Кабинету: Канцелярія отъ строеній,—какъ учрежденіе придворнаго вѣдомства, коммиссія же—въ силу именнаго 1737 года указа, повелѣвавшаго быть ей „подъ главною дирекціею и надзираніемъ“ Кабинета [257]). Исключительное положеніе названныхъ органовъ, въ особенности коммиссіи, по отношенію къ Кабинету прямо указываетъ на близкое участіе послѣдняго въ дѣлѣ обстройки Петербурга. Дѣйствительно, по свидѣтельству документовъ, вопросы по

*) См. прилагаемый современный планъ Петербурга.

устройству площадей, проведенію улицъ и возведенію зданій разсматривались и окончательно разрѣшались самими кабинетъ-министрами. Въ чемъ именно заключались вопросы, отвѣтятъ слѣдующіе примѣры, взятые изъ кабинетской практики за 1740 годъ. Въ этомъ году Кабинетомъ обсуждались, между прочимъ, внесенные коммиссіею проекты: 1) „Какъ Садовую улицу вести, и сколько ея императорскаго величества купленнаго у графа Апраксина мѣста отхватить и вмѣсто того къ тому мѣсту прибавить“ и 2) „Какъ на набережныхъ по Мойкѣ рѣчкѣ дворѣхъ впредь регулярное каменное и деревянное строеніе построить и улицамъ и площадямъ быть“. При обсужденіи этихъ вопросовъ, министры имѣли передъ собою коммиссіею же доставленные планы съ описаніемъ, „какъ, по коммисскому мнѣнію, пристойно оному строенію быть“ [258]).

Возведеніе новыхъ частныхъ построекъ, не смотря на всѣ усилія Кабинета и строгій контроль надъ дѣятельностью исполнительнаго органа—коммиссіи *), подвигалось довольно медленно. Чтобы ускорить дѣло, 26-го января 1741 года изданъ былъ, во всенародное извѣстіе, именной указъ, которымъ „накрѣпко“ подтверждалось, чтобы „въ вдѣшнемъ резидующемъ мѣстѣ партикулярное строеніе, кому съ числа душъ надлежитъ и кто самъ пожелаетъ, неотмѣнно, съ крайнимъ поспѣшеніемъ, на всѣхъ мѣстахъ, особливо на Адмиралтейскомъ островѣ, гдѣ построенные до сего домы погорѣли, были регулярно построены“. Указъ, признавая, что такое понужденіе вызвано было снизу, ибо, — по его словамъ, — „между недостроенными дворами, а особливо каменными, такіе хозяева есть, кои, по своему имуществу, давно бъ оные достроить могли, но за единымъ своимъ упрямствомъ не исполнили“, предписывалъ имѣть надзоръ за точнымъ исполненіемъ вышеприведеннаго повелѣнія генералъ-полиціймейстеру и „на преслушниковъ въ томъ доносить прямо“ императору и Кабинету [260]).

Направляя дѣло обстройки Петербурга, министры, въ тоже время, были заняты и другими сторонами устройства резиденціи. Скудное освѣщеніе петербургскихъ улицъ, производившееся по указу 1723 года, было улучшено распоряженіемъ Кабинета въ октябрѣ 1740 года. Отмѣнивъ прежнее правило, чтобы „на Адмиралтейской части въ фонаряхъ огонь употреблять токмо въ темные часы“, Кабинетъ далъ указъ „по першпективой Невской и по другимъ улицамъ и мѣстамъ фонари жечь по вся ночи неотмѣнно“. Вслѣдствіе этого повелѣнія, Главная Полиціймейстерская канцелярія, 18-го ноября того же года, внесла въ Кабинетъ докладъ, которымъ требовала указа объ от-

*) Коммиссія обязана была еженедѣльно рапортовать министрамъ, «что въ оной учинено и дѣлъ рѣшено». Съ января 1741 года такіе рапорты Кабинету отсылались коммиссіею въ Сенатъ для включенія ихъ въ «генеральные рапорты» Сената Кабинету о текущей дѣятельности государственныхъ учрежденій [259]).

пускѣ денегъ на заготовленіе масла и фитиля для усиленнаго (уже производившагося), по новому правилу, освѣщенія Петербурга [261]). На пожарную часть также обращено было вниманіе и къ улучшенію ея приняты мѣры. Сверхъ того, именнымъ, за подписью министровъ, указомъ 17-го октября 1740 года, установлены были для Петербурга полицейскія правила (о торговлѣ питьями въ извѣстное только время дня; о разъѣздахъ по городу патрулей; о движеніи по улицамъ въ темные часы съ фонарями), которыми надѣялись прекратить въ городѣ дерзкіе грабежи и кражи,—до того дерзкіе, что, по словамъ указа, „въ самой Санктпетербургской крѣпости воры часоваго убили и нѣсколько соть рублей казны (государственной) покрали“ [262]).

Дѣло благоустройства Петербурга настолько было близко Кабинету, что по этой части министры входили даже въ мелочи. Въ іюнѣ 1740 года Адмиралтейская коллегія подала Кабинету рапортъ, которымъ увѣдомляла, „что сего іюня противъ 2-го числа, въ ночи, принесло къ мосту (черезъ Неву) въ плотахъ дровъ до 100 саженъ и принуждено было четыре флатшхота отъ другихъ отрубить, и тѣ плоты пропущены и нынѣ оный мостъ ставится на прежнія мѣста“ [263]).

И другая столица—Москва,—опустошенная извѣстнымъ „большимъ“ пожаромъ 1737 года,—не была забыта. Въ январѣ 1740 года Кабинетъ, по приказу императрицы, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ Москвѣ „промышленники заводили и размножили нынѣ черепичные заводы, дабы, для лучшей отъ пожаровъ безопасности, какъ дворцы ея императорскаго величества, такъ и всѣ обывательскіе домы черепицею покрыты были“ [264]). Весною слѣдующаго года министры, разсудивъ, что исправленіе московскихъ значительно поврежденныхъ казенныхъ зданій откладывать невозможно, подписали „сообщеніе“ Сенатской (въ Москвѣ) конторѣ: „Не безъизвѣстно есть, что въ Москвѣ каменныя и деревянныя казенныя строенія многія повредились и обветшали, и ежели оныя безъ поправленія долго оставить, то они и въ большую худобу придутъ и впредь оное, со употребленіемъ немалаго кошта, въ скорости исправить будетъ невозможно. Того ради въ Кабинетѣ его императорскаго величества разсуждено объ ономъ сообщить въ Сенатскую контору, отъ которой надлежитъ приказать въ Москвѣ городовыя стѣны и ворота, и всѣ дворцы и въ нихъ церкви, канцеляріи и конторы и прочія казенныя каменныя и деревянныя строенія освидѣтельствовать и описать: что гдѣ повреждено и обветшало и какой починки требуетъ, и во что та починка стать можетъ; а при томъ оной конторѣ и свое мнѣніе объявить, изъ какой суммы которую починку исправлять надлежитъ, и такое извѣстіе прислать въ Кабинетъ его императорскаго величества. А которыя коллегіи и канцеляріи требуютъ какой починки, оныя велѣть отъ сего времени исправить изъ своей суммы и содержать въ добромъ содержаніи“ [265]). Въ томъ же году Кабинетомъ было постановлено: „сочиненный всей

Москвѣ, большимъ и малымъ улицамъ, аккуратный планъ" (внесенный въ Кабинетъ изъ Сената) напечатать при Академіи Наукъ и, по отпечатаніи, обратить въ продажу [266]).

Описаніе ряда дѣйствій Кабинета по доставленію государству благосостоянія и безопасности закончимъ сообщеніемъ свѣдѣній о правительственныхъ мѣрахъ противъ пожаровъ и роскоши. О противопожарныхъ мѣрахъ для Петербурга и Москвы было уже сказано, что же касается этого рода мѣропріятій для остальныхъ городовъ и мѣстностей, то можемъ привести лишь слѣдующія данныя. Въ 1738 году Кабинетомъ изданъ былъ указъ „чтобъ всякаго чина люди куда поѣдутъ или пойдутъ, а особливо пастухи и которые за грибами и ягодами по лѣсамъ ходятъ, отнюдь не дерзали дорогою, а паипаче въ лѣсахъ огня раскладывать". Указъ этотъ полученъ былъ Петербургскою и Новгородскою губернскими канцеляріями и послѣднею (по документамъ) публикованъ по губерніи. Въ іюнѣ 1740 года та же канцелярія донесла Кабинету, что „и нынѣ" публикація приведеннаго кабинетскаго распоряженія по Новгородской губерніи ею сдѣлана [267]).—Опустошительные пожары, въ 1741 году, въ городахъ: Астрахани, Алаторѣ и Черномъ Ярѣ,—„отъ которыхъ (пожаровъ) многое число казеннаго, монастырскаго, церковнаго и партикулярнаго строенія, провіанта и прочаго погорѣло, и отъ того опыхъ городовъ обывателямъ воспослѣдовало не малое разореніе",—вызвали, наконецъ, рѣшительныя мѣры правительства къ огражденію городовъ вообще отъ огня. 7-го октября 1741 года данъ былъ Сенату именной указъ: о строеніи во всѣхъ городахъ домовъ „безъ утѣсненія" и о содержаніи заливныхъ трубъ и другихъ пожарныхъ инструментовъ.—Добавимъ, что о всѣхъ значительныхъ пожарахъ въ губерніяхъ Кабинетъ получалъ увѣдомленія черезъ Сенатъ. Такой порядокъ установленъ былъ приказомъ кабинетъ-министровъ въ 1737 году [268]).

Противъ роскоши, такъ развившейся въ высшемъ классѣ въ царствованіе императрицы Анны, направлены были два постановленія,—именныхъ указа: 17-го декабря 1740 года, „о непошеніи богатыхъ платьевъ", и 16-го сентября слѣдующаго года, о содержаніи въ Петербургѣ должностными и частными лицами упряжныхъ лошадей по классамъ. Не распространяясь о второмъ, не особенно важномъ распоряженіи, дѣлаемъ извлеченіе изъ перваго постановленія, весьма цѣннаго для характеристики внутренней политики правительства Іоанна Антоновича. „Признается намъ,—говорилъ указъ,—что и отъ того не малая бъ поддаппымъ нашимъ всѣмъ общая прибыль и польза происходить могла, ежели пошеніе богатыхъ съ золотомъ и серебромъ платьевъ отставлено будетъ, якоже неумѣренная въ такомъ употребленіи излишность не инако, какъ раззорительна быть можетъ, а особливо чрезъ то не малое число денегъ изъ нашего государства выходитъ, что инымъ способомъ, кромѣ генеральнаго запрещенія прекращено быть не можетъ. Того ради мы всемилостивѣйше заблагоразсудили,

для исполненія такого для всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ полезнаго нашего намѣренія, учинить слѣдующее опредѣленіе, чтобъ отнынѣ вновь богатыхъ съ золотомъ и серебромъ и изъ другихъ шелковыхъ парчей и штофовъ, дороже отъ трехъ до четырехъ рублевъ, платьевъ никто изъ нашихъ подданныхъ (кромѣ нашей императорской фамиліи и трехъ первыхъ классовъ, и кто изъ придворныхъ нашихъ кавалеровъ сами пожелаютъ, также и пріѣзжающихъ сюда въ службѣ нашей не обрѣтающихся чужестранцевъ) дѣлать и носить не дерзалъ“ [269]).

Дѣйствія Кабинета по дипломатіи.

Кабинету, какъ органу, учрежденному, по словамъ именнаго указа 10-го ноября 1731 года, „для отправленія *всѣхъ* государственныхъ дѣлъ, подлежащихъ“ высочайшему „рѣшенію“, принадлежали, въ числѣ другихъ общегосударственныхъ функцій, и всѣ важнѣйшія дѣйствія по внѣшней политикѣ: замѣщеніе должностей дипломатическаго корпуса, дипломатическія, въ той или другой формѣ, сношенія и международные договоры, постоянное, внимательное наблюденіе за политикою иноземныхъ правительствъ и вообще всѣ тѣ дѣйствія, которыя входили въ область дипломатіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Въ январѣ 1741 года, при новомъ, по именному указу, распорядкѣ занятій кабинетъ-министровъ, дѣла иностранныя перешли въ завѣдываніе министра Остермана, — знатока этой части и, по своимъ личнымъ качествамъ, дипломата въ полномъ смыслѣ слова [270]). Завѣдывая иностранными дѣлами, Остерманъ, въ случаяхъ особенной важности, къ обсужденію ихъ приглашалъ и прочихъ кабинетъ-министровъ; исполнительную же часть поручалъ Иностранной коллегіи и Сенату.

Указанія документовъ на внѣшнія сношенія Кабинета и на замѣщеніе дипломатическихъ должностей помѣщены въ предыдущихъ отдѣлахъ; здѣсь же приводимъ свѣдѣнія о наблюдательной политикѣ Кабинета, его дипломатическомъ тактѣ и дѣйствіяхъ по отношенію къ иностраннымъ посольствамъ въ Россіи. 27-го января 1741 года данъ былъ лифляндскому генералъ-губернатору графу Лесси именной, за подписью кабинетъ-министровъ, указъ: „Понеже потребно имѣть намъ въ Крымѣ, для возстановленія и охраненія тамо купечества нашихъ подданныхъ, ѣздящихъ туда съ товарами, консула, который бы, подъ тѣмъ претекстомъ, могъ тамо (сверхъ надзиранія купеческихъ дѣлъ, чтобъ въ томъ нашимъ подданнымъ какихъ обидъ и помѣшательства въ торговлѣ не происходило) въ прочемъ интересы наши искуснымъ образомъ престерегать и особливо на поступки хана крымскаго и прочихъ крымцевъ прилежно смотрѣть и секретно о всемъ тамошнемъ поведеніи развѣдывать и ко Двору нашему о томъ корреспондовать, того ради на Украйну какъ въ Глуховъ, такъ и къ донскому вой-

сковому атаману писано, не сыщется-ли иногда тамо между старшинами какого къ тому способнаго человѣка. И понеже вы тамо при арміи чрезъ немалое время команду имѣли и иногда случиться можетъ, что между бывшими при оной офицерами вы кого помните, который бы къ такому чину потребную способность и искусство имѣлъ, того ради мы запотребно разсудили къ вамъ о томъ писать, и ежели вы такихъ офицеровъ знаете, то имена ихъ, съ присовокупленіемъ вашего о всякомъ мнѣнія, къ намъ прислать имѣете, однакоже не объявляя оными самимъ о томъ ничего“ [271]). — Въ октябрѣ этого же года министры подписали высочайшій указъ вице-губернатору Лифляндіи фонъ-Вильдеману: „Мы изъ Гданска извѣстіе имѣемъ, что нѣкоторый, тамо находящійся, маіоръ, именемъ Дратъ, въ перебѣдахъ оттуда въ Польшу употребляется и въ прочемъ поступками своими ко всякимъ подозрѣніямъ не малый поводъ подастъ; а жена его, Драта, будто въ Лифляндіи гдѣ живетъ. Вамъ для того подъ рукою о такомъ офицерѣ и о состояніи освѣдомиться надлежитъ—лифляндскій-ли онъ урожденецъ и имѣетъ-ли онъ тамо какое имѣніе, также и о женѣ его—гдѣ и у кого она въ Лифляндіи живетъ, и, провѣдавъ, о томъ намъ донести имѣете“ [272]). — Примѣрами дипломатическаго такта Кабинета можно выставить слѣдующіе два случая. Осенью 1710 года, когда между Россіею и Швеціею начались (еще неоффиціально) непріязненныя отношенія и русское правительство, не безъ основанія, ожидало со стороны Швеціи объявленія войны, кабинетъ-министры, въ видахъ миролюбивыхъ, конечно, приказали Синоду: „находящіяся въ службѣ іюня 27-го дня о побѣдѣ подъ Полтавою надъ свейскимъ королемъ, къ сторонѣ свейской укорительныя реченія выключить, а вмѣсто тѣхъ реченій приписать иныя“. На это Синодъ сообщилъ министрамъ, что онъ службу эту „довольно разсматривалъ, и укорительныхъ реченій изъ той службы выключить весьма неудобно, понеже таковыми рѣчьми вся наполнена; и Синодъ представляетъ: не повелѣно-ль будетъ въ московской (Синодальной) типографіи печатаніе книгъ позволить и безъ оной службы, дабы въ печатаніи книгъ остановки и капиталу убытка быть не имѣло: а ежели оной службы впредь быть не опредѣлится, то въ тотъ день отправлять только благодарственный молебенъ“. Кабинетъ постановилъ: „минеи печатать безъ включенія о побѣдѣ подъ Полтавою надъ свейскимъ королемъ службы: а между тѣмъ, св. прав. Синоду, оную службу разсмотря, сочинить вновь другую, не употребляя къ сторонѣ свейской досадительныхъ реченій, и подать въ Кабинетъ ея императорскаго величества, и когда апробована будетъ, тогда оную можно печатать особо“ [273]).—Позднѣе, 17-го декабря, Остерманъ сообщилъ кабинетъ-министрамъ, „что сего числа пріѣзжалъ къ нему французскій посолъ и представлялъ, что вчерашняго числа имѣющійся при немъ пасторъ взятъ унтеръ-офицеромъ и солдатами и приведенъ въ полицію, гдѣ, по приказу бывшаго тогда во оной полиціи

офицера, посаженъ съ непотребными колодниками подъ караулъ и держанъ былъ ночь. А сего числа, поутру, главный полицейскій судья (начальникъ Главной Полиціймейстерской канцеляріи) князь Яковъ Шаховской онаго пастора прислалъ къ нему, послу, съ такимъ объявленіемъ, что объ ономъ пасторѣ, какъ онъ подъ караулъ посаженъ, былъ онъ неизвѣстенъ. И просилъ оный посолъ о томъ сатисфакціи, при томъ же объявилъ, что при взятіи онаго пастора пропала епанча". Вмѣстѣ съ этимъ министръ Остерманъ подалъ свое мнѣніе, „дабы тѣхъ унтеръ-офицера и солдатъ, кѣмъ оный пасторъ взятъ, такожъ и того офицера, который его приказалъ подъ караулъ отдать, всѣхъ тогожъ числа арестовать, а помянутаго главнаго полицейскаго судью, кн. Шаховскаго, призвавъ (въ Кабинетъ) утре, т. е. сего декабря 18-го числа, объявить ему, дабы онъ явился у означеннаго французскаго посла и въ пристойныхъ терминахъ самъ ему о томъ пекузацію учинилъ; а потомъ, чтобъ и упомянемые офицеръ съ унтеръ-офицеромъ и солдатами, будучи подъ арестомъ, пришедъ къ оному послу, просили у него въ томъ прощенія, дабы чрезъ то возможно было все оное успокоить. А оныхъ солдатъ, ежели они виновны, можно и наказать". Съ этимъ мнѣніемъ министры Черкасскій и Головкинъ вполнѣ согласились. Затѣмъ, 28-го декабря, было дано кн. Шаховскому именное, за подписью кабинетъ-министровъ, повелѣніе: „На поданное отъ васъ изъ Полиціймейстерской канцеляріи доношеніемъ (sic) о происшедшемъ съ патеромъ французскаго посла дѣлѣ и о приговоренной тѣмъ людямъ, которые онаго патера на съѣзжую привели и тамо держали, по домогательству помянутаго французскаго посла, сентенціи, по надлежащемъ о томъ съ нимъ, посломъ, имѣвшемъ сношеніи, слѣдующая о произведеніи оной сентенціи резолюція взята, что завтрешняго числа, т. е. 29-го декабря, поутру, велѣно собрать одинъ изъ здѣшнихъ полевыхъ полковъ и оный въ строй поставить съ спицъ-рутами, куда вамъ надлежитъ привести содержащихся въ полиціи по сему дѣлу л.-гвардіи Измайловскаго полка полковаго профоса Овцына да адмиралтейскаго канонира Матчина и объявить имъ тамо публично приговоренную надъ ними и конфирмованную, для сатисфакціи помянутаго французскаго посла, сентенцію, которую для того порядочнымъ образомъ такъ написать надлежитъ, какъ для такого объявленія потребно, а послѣ сего объявленія объявить имъ пардонъ такимъ образомъ, что хотя они такого наказанія достойны, однакожъ, по учиненному отъ его превосходительства господина французскаго посла объ нихъ заступленію, они прощены и отъ всякаго штрафа освобождены, присовокупляя къ тому пристойное увѣщеваніе о удержаніи впредь отъ такихъ противныхъ поступковъ. Равнымъ образомъ полицейскому капитану Каншерову приговоренную надъ оными сентенцію и что онъ, по заступленію французскаго посла, прощенъ объявить надлежитъ, и оное объявленіе ему публично же учинить въ Полиціймейстерской канцеляріи. И понеже о всемъ вышепи-

сапномъ часторечепному французскому послу сообщено, можетъ быть онъ желаетъ, чтобъ при объявленіи оныхъ сентенцій кто изъ его дома присутствовалъ, то въ томъ никакое препятствіе не чинить. А къ такому вышеписанному для экзекуціи собранію полка ордпрованъ Ингермапландскій пѣхотный полкъ, и иное собраніе учинено быть имѣетъ на Васильевскомъ островѣ; и того полка полковнику объявлено, чтобъ, по собраніи полка, (что) до экзекуціи принадлежитъ поступалъ по предложенію вашему. А по окончаніи всего вышеписаннаго, капитанъ Кашперовъ и полковой профосъ и канониръ идти могутъ (къ) французскому послу и за такое ихъ прощеніе и отъ штрафа освобожденіе ему пристойное благодареніе отдать“ По этому указу „надлежащее исполненіе учинено“ было 30-го декабря, о чемъ Главная Полиціймейстерская канцелярія и сообщила министрамъ [274]). Приведенный случай, по всей вѣроятности, вызвалъ именной указъ, объявленный изъ Кабинета Полиціймейстерской канцеляріи 21-го января 1741 года: „Понеже отъ пребывающихъ здѣсь иностранныхъ министровъ въ обидахъ служителямъ ихъ нѣкоторыя жалобы произошли, каковыхъ обидъ, по всепародпымъ правамъ и по нашимъ указамъ, весьма чинить не повелѣно и не надлежитъ, того ради всемилостивѣйше указали мы: накрѣпко подтвердить и всенародно публиковать такимъ образомъ, дабы никто, какого бъ чина и достоинства ни былъ, пребывающимъ здѣсь иностраннымъ министрамъ, не токмо самимъ имъ, но и служителимъ ихъ, никакихъ обидъ и ни малѣйшаго озлобленія, такожъ дракъ и ссоръ съ служительми ихъ отнюдь не чинили, подъ жестокимъ штрафомъ, и поступали бы съ ними, яко съ иностранными людьми, ласково и безъ всякаго досажденія; а напротиву того, ежели кому иногда отъ служителей ихъ какая обида учинена будетъ, то такимъ обидимымъ приходить и жалобу свою на нихъ справедливо приносить и о сатисфакціи просить въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ которой уже о томъ у тѣхъ министровъ надлежащее домогательство учинено быть имѣетъ, а самимъ никакимъ образомъ съ ними не управляться; такожъ буде оные иностранные министерскіе служители въ какомъ непотребствѣ или въ дракахъ явятся и въ такомъ случаѣ полицейскими служительми или другими командами захвачены будутъ, то ихъ, ни малѣйшаго времени не державъ, отводить для достойнаго наказанія къ самимъ иностраннымъ министрамъ въ домы ихъ, не чиня имъ отнюдь никакого озлобленія; а подъ карауломъ отнюдь ихъ не держать“ [275]). — Наконецъ, сообщимъ, что въ 1741 году, по случаю прибытія къ русскому Двору турецкаго и персидскаго чрезвычайныхъ посольствъ, Кабинетъ занятъ былъ вопросами о приготовленіи для этихъ миссій, съ ихъ огромными свитами, помѣщенія въ Петербургѣ, провизіи и фуража, также перевозочныхъ средствъ при слѣдованіи въ границахъ Россіи къ Петербургу и обратно. При этомъ исполнительная часть принадлежала Коллегіи иностранныхъ дѣлъ и Сенату [276]).

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО КАБИНЕТА.

Въ предыдущей главѣ—описаніи дѣятельности Кабинета—уже сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о порядкѣ и пріемахъ производства кабинетскихъ дѣлъ, также о канцелярскихъ формахъ, въ которыя облекались извѣстныя дѣйствія министровъ. Свѣдѣнія эти, разбросанныя по разнымъ отдѣламъ, и однородныя имъ данныя, которыя не могли быть помѣщены въ сказанной части статьи, въ настоящей главѣ сведены въ одно цѣлое, дополненное извлеченіями объ общемъ состояніи дѣлопроизводства Кабинета и о денежныхъ суммахъ послѣдняго.

Приведенный выше подробный обзоръ круга вѣдѣнія министровъ даетъ наглядное понятіе о той массѣ дѣлъ, которая подлежала разрѣшенію Кабинета. Но, независимо отъ этихъ дѣлъ, въ общій итогъ кабинетскихъ занятій входило еще разсмотрѣніе представленій и челобитій, направлявшихся въ Кабинетъ, по отсутствію ясной и точной регламентаціи сферы его дѣятельности, ошибочно, что „утруждало напрасно“ министровъ, и безъ того едва справлявшихся съ своими дѣлами. Явленіе это, какъ особенность дѣлопроизводства Кабинета и вмѣстѣ съ тѣмъ—доказательство неясности границъ круга вѣдѣнія высшаго государственнаго органа, требуетъ освѣщенія примѣрами. Въ сентябрѣ 1739 года Сенатъ внесъ въ Кабинетъ представленіе о назначеніи и выдачѣ поручику Полочанинову, опредѣленному въ 1738 году въ Главную Полиціймейстерскую канцелярію „къ сбору съ вольноотпущенныхъ недоборныхъ денегъ“, жалованья (заслуженнаго и впредь) „противъ прочихъ обрѣтающихся при той (Полиціймейстерской) канцеляріи офицеровъ“. Кабинетъ положилъ: „о дачѣ Полочанинову жалованья учинить по указамъ, а впредь прав. Сенату о такихъ малыхъ и несумнительныхъ дѣлахъ, на что точные указы есть, въ Кабинетъ представлять не надлежитъ“ [277]).—Въ мартѣ слѣдующаго года кабинетъ-министры приказали: „поданное изъ Сената сообщеніе, по челобитью нижегородца посадскаго человѣка А. Мелина жены, вдовы Натальи Петровой дочери, о выдачѣ поамбарныхъ денегъ за поклажу казеннаго овса, что недодано противъ другихъ наймовъ, возвратить въ Сенатъ, съ такимъ объявленіемъ, что то дѣло сенатскому рѣшенію подлежитъ“ [278]).—Въ іюнѣ 1741 года Кабинетъ сообщеніе Сената „о произвожденіи сенатскимъ экзекуторамъ Богданову и Дурнову жалованья противъ армейскихъ подполковниковъ безъ раціоновъ и деньщиковъ“, отослалъ обратно, „съ объявленіемъ, чтобъ о томъ прав. Сенатъ рѣшеніе учинилъ какъ указы повелѣваютъ“ [279]).—Также „не принято (къ разрѣшенію) въ Кабинетъ, а возвращено по прежнему въ Сенатъ“, представленіе послѣдняго, въ томъ же году: „имѣющіеся въ Шлиссельбургской крѣпости покои, гдѣ содержатся арестанты, впредь дровами и починкою изъ какой суммы содержать?“ [280]).—Утруждали Кабинетъ и другія, кромѣ Сената, учрежденія. Въ 1740 году

Кабинетъ положилъ: 1) доношеніе архіатера Фишера (поданное въ іюнѣ 1735 года) „о дачѣ придворнымъ гофъ-медикусамъ квартиръ и стола и, когда на дежурствѣ будутъ, коляски, и о дачѣ доктору Жаклину патента возвратить (въ Медицинскую канцелярію), ибо то дѣло не кабинетное, и ежели изъ того, что нынѣ потребно и что касается до стола и квартиръ,—тобъ требовать надлежитъ отъ Придворной конторы, а коляску—отъ (Придворной) Конюшенной конторы, а патентъ—откуда надлежитъ“ [281]).—Въ январѣ 1741 года, вслѣдствіе представленія Главной Полиціймейстерской канцеляріи по нѣкоторымъ дѣламъ въ Кабинетъ, минуя Сенатъ, министры дали этой канцеляріи именной указъ, которымъ, разъяснивъ неправильность хода представленія и сдѣлавъ замѣчаніе о напрасномъ утрудженіи этимъ докладомъ Кабинетъ, „накрѣпко подтвердили“ ей, „чтобъ впредь, мимо Сената, ни о какихъ дѣлахъ, которыя до Кабинета не принадлежатъ, представленія не чинить; а когда случатся быть и такія дѣла, по которымъ Сенатъ собою рѣшенія учинить не можетъ, то объ оныхъ представлено быть имѣетъ отъ того Сената въ Кабинетъ его императорскаго величества со мнѣніемъ“ [282]).—Въ то же время министры сдѣлали подобное же вынужденное наставленіе Сенатской конторѣ, указавъ Сенату, чтобы онъ подтвердилъ своей конторѣ „о неписаніи оной въ Кабинетъ ни о чемъ мимо Сената, кромѣ того, что развѣ особливое какое дѣло отъ Кабинета той конторѣ вручено и объ оном прямо въ Кабинетъ писать повелѣно будетъ“ [283]). Но особенно докучали Кабинету челобитчики, внося иногда прошенія не только не подлежавшія кабинетскому разсмотрѣнію, но и просто неосновательныя. Въ ноябрѣ (5-го числа) 1740 года Кабинетъ, въ присутствіи регента Бирона, выслушавъ челобитье священника (бывшаго?) церкви села Пудокши, Переяславскаго уѣзда, „о дачѣ ему, за его сущею бѣдностью и нищетствомъ, до опредѣленія его къ церкви милостыни“, приказалъ объявить, „чтобъ о томъ просилъ онъ въ Синодѣ“ [284]). — Въ Синодъ же направлена была Кабинетомъ челобитная вдовы ямщика Кирилловской ямской слободы, Вологодскаго уѣзда, „о постриженіи ее въ московскій Вознесенскій дѣвичь монастырь“ [285]).—По челобитью купца города Архангельска Кувалдина, что „въ 1738 году домъ его совсѣмъ сгорѣлъ и при томъ три лавки съ товарами и пожитки всѣ безъ остатка сгорѣли, отъ чего пришелъ въ нищету и долговъ чѣмъ заплатить не имѣетъ, и чтобъ повелѣно было изъ милости наградить (его) чѣмъ соизволено будетъ“,—министры положили: просителю отказать [286]).—Поступившая въ Кабинетъ челобитная петербургскаго серебрянаго цеха мастера Задубскаго, что „держанъ онъ въ коммиссіи слѣдствія о подлогахъ за взятую въ починку отъ прапорщика Шолкова ветхую шпагу съ серебрянымъ сфесомъ, и взыскиваютъ на немъ цѣны оной напрасно“,—отдана была просителю обратно, съ объявленіемъ, „чтобъ онъ подалъ (ее) въ Сенатѣ“ [287]).—Петербург-

скаго гарнизона, Невскаго полка, солдатъ Андреевъ билъ въ Кабинетѣ челомъ „о выключкѣ его изъ онаго полка изъ солдатъ и опредѣленіи куда указомъ повелѣно будетъ, понеже онъ прежде сего служилъ при Дворѣ и написанъ въ солдаты за шумство". Кабинетъ приказалъ: челобитчику „отказать, съ такимъ объявленіемъ, чтобъ онъ впредь о томъ болѣе не билъ челомъ" [288]).—На прошеніе жены посадскаго г. Смоленска Моряшиной „о свободѣ мужа ея съ каторги, который сосланъ въ иску денегъ іеромонаха Игнатія Пучковскаго", послѣдовалъ отъ Кабинета также отказъ, съ поясненіемъ, что „то дѣло истцево" [289]).—Вдова придворнаго лѣкаря Ревенеля всеподданнѣйше просила „о пожалованіи ей на искупленіе построеннаго ею подлѣ Почтоваго двора (въ Петербургѣ) каменнаго дома денегъ 2,000 руб. безъ процентовъ на 8 лѣтъ, которыя она, по прошествіи тѣхъ лѣтъ возвратитъ въ казну безъ препятствія". На просьбу эту послѣдовала въ Кабинетѣ резолюція: „отказать, понеже она тотъ дворъ построила для своей пользы; а когда она въ несостояніи, тобъ ей такого въ немалую сумму двора и строить не надлежало, но то она учинила изъ своей воли" [290]).—Бывало, что челобитчики и послѣ отказа имъ, снова обращались въ Кабинетъ съ тою же просьбою. Вотъ примѣръ. Въ 1741 году дѣвка дворцоваго погоста Осовицъ, Суздальскаго уѣзда, Ирина Васильева подала всеподданнѣйшее прошеніе „о выключкѣ брата ея, дьячка Петрова, л.-гвардіи Преображенскаго полка изъ солдатъ". Кабинетъ просительницѣ отказалъ. Но Васильева разсудила повторить просьбу, и на этотъ разъ министры постановили: „Понеже оной дѣвкѣ въ томъ (прошеніи) уже было отказано и челобитная ей возвращена, которую она вторично подала, того ради ту челобитную отдать въ Сенатъ и велѣть, объявя ей о томъ, послать изъ С.-Петербурга въ домъ ея, дабы болѣе здѣсь быть и впредь о томъ напрасно прошеніемъ своимъ утруждать не могла, съ такимъ подтвержденіемъ, ежели она паки сюда придетъ и будетъ о томъ же просить, то учинено ей будетъ жестокое наказаніе и пошлется въ работу" [291]).—И такая „докука" была постоянная, не смотря на принимавшіяся противъ нея крутыя мѣры, понятіе о которыхъ даетъ слѣдующій фактъ. Въ 1740 году крестьянинъ Максимовъ подалъ на высочайшее имя челобитную „о свободѣ" его и односельчанъ „изъ завладѣнія отъ маіора Дохтурова и о прочемъ". По разсмотрѣніи просьбы, оказалось, что челобитная подана неправильно, „мимо надлежащихъ мѣстъ", почему и началось въ Сенатѣ дѣло объ этомъ крестьянинѣ, писцѣ означенной челобитной и къ ней рукоприкладчикѣ, въ нарушеніи ими правилъ, установленныхъ для подачи прошеній на высочайшее имя. Сенатъ рѣшилъ: „Максимова, за подачу имъ той челобитной, мимо надлежащихъ мѣстъ, ея императорскому величеству и за утружденіе тѣмъ ея императорскаго величества высочайшую персону, а писцу Лазаревскому, за сказываніе имъ означенному челобит-

чику Максимову о подачѣ оной челобитной въ Кабинетъ ея императорскаго величества, мимо учрежденныхъ на то правительствъ, и за написаніе имъ же въ той челобитной: „къ поданію въ Кабинетъ ея императорскаго величества“, ручнику Фролову, за то, что онъ къ той челобитной, вмѣсто означеннаго Максимова съ товарищи, руку приложилъ, видя, что въ той челобитной къ подачѣ написано въ Кабинетъ ея императорскаго величества, мимо учрежденныхъ на то правительствъ, въ противность указовъ, учинить наказаніе, передъ сенатскою канцеляріею, а именно: Максимову батожьемъ, а Лазаревскому и Фролову—плетьми, дабы впредь они и другіе того чинить отнюдь не дерзали; а по учиненіи того наказанія—свободить; а вышеупоминаемую челобитную отослать въ Сенатскую контору и велѣть по оной разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить какъ ея императорскаго величества указы повелѣваютъ, и что учинено будетъ—въ Сенатъ сообщить“ [292]).

При громадномъ количествѣ дѣлъ и постоянной помѣхѣ, Кабинетъ, естественно, не могъ вести вполнѣ успѣшно свои занятія. Наряду съ быстротою хода нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ вопросовъ являлась значительная медленность движенія другихъ, второстепенныхъ дѣлъ. Послѣднія, заслоненныя крупными и настоятельными вопросами, оставались безъ разрѣшенія, какъ бы забытыми, мѣсяцы и годы. Выводъ этотъ основанъ на цѣломъ рядѣ фактовъ, и вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Въ мартѣ 1740 года Сенатъ внесъ въ Кабинетъ „сообщенія: 1) о произвожденіи на астраханскіе драгунскіе и одинъ пѣхотный полки, сверхъ штата, сѣна и о сборѣ на нихъ съ обывателей соломы“ и 2) съ требованіемъ резолюціи: „имѣющимся при Николаевскомъ греческомъ монастырѣ (въ Москвѣ) тремъ лавкамъ при томъ монастырѣ быть-ли, такожъ и на жалованье того монастыря архимандриту съ братіею и на расходы деньги откуды употреблять?“. Изъ этихъ сообщеній первое возвращено было въ Сенатъ безъ резолюціи, при запискѣ отъ 9-го іюля того же года, которою объявлялось, „что время тому уже минуло“; второе—съ резолюціею, послѣдовавшею 29-го мая 1741 года [293]).—На поданное въ Кабинетъ 20-го іюня 1740 года доношеніе Сената „о принятіи парусной и бумажной фабрикъ у содержателя Гончарова за содержаніе имъ пришлыхъ на фабрики его людей и крестьянъ, вмѣсто денегъ, бумагою“, резолюція постановлена была лишь черезъ годъ и пять мѣсяцевъ [294]).—Въ іюнѣ 1740 года въ Кабинетѣ состоялись приказы: 1) „поданное въ Кабинетѣ въ 1738 году октября 29-го дня изъ Сената сообщеніе о зачетахъ московскимъ питейнымъ компаніщикамъ въ недоплатную отъ нихъ противъ сбора 1723 года сумму денегъ возвратить, съ такимъ объявленіемъ, что понеже оное давно подано, а дѣло не малое и потребно общее разсужденіе, а послѣ того опредѣлены вновь сенаторы, которые о томъ дѣлѣ, можетъ быть, и неизвѣстны, и чтобъ о томъ завтра (13-го іюня)

представлено было всѣмъ господамъ сенаторамъ и потому бъ разсужденіе ихъ къ будущему воскресенью (15-му іюня) окончено и въ Кабинетъ подано было неотмѣнно; а ежели по тому дѣлу о зачетахъ и новоопредѣленные господа сенаторы разсужденіе уже имѣли, тобъ изволили оное сообщеніе подписать"; и 2) „поданное изъ Сената въ Кабинетъ марта 14-го дня 1736 года доношеніе о снятіи доимки, за непоставку къ адмиралтейству лѣсовъ, съ Якова Корсакова 7,074 руб. возвратить, чтобъ имѣли нынѣ о томъ разсужденіе".—Докладъ Сената въ маѣ 1736 года по дѣлу „дерптскаго магистрата (членовъ?) и депутата Нейкера о конфирмаціи на купленную ими у капитана Стерингельма мызицу Ямо" оставался въ Кабинетѣ безъ движенія до апрѣля 1741 года и былъ разсмотрѣнъ лишь вслѣдствіе напоминанія, во всеподданнѣйшемъ прошеніи, со стороны означенныхъ выше лицъ.—На сенатское доношеніе 4-го августа 1733 года „о держаніи въ расходъ изъ отборныхъ оставшихъ отъ прошлыхъ лѣтъ изъ доимки по 1732 годъ подушныхъ денегъ на показанныя отъ коммиссаріата необходимыя дачи" послѣдовала резолюція (отказъ) министровъ 11-го августа 1740 года, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ вступленія вопроса въ Кабинетъ [295]).

Чтобы устранить, по возможности, сказанный недостатокъ дѣлопроизводства Кабинета, правительство обращалось къ разнымъ средствамъ, имѣвшимъ, впрочемъ, мало успѣха. 21-го сентября 1739 года былъ данъ кабинетъ-министрамъ именной указъ, которымъ повелѣвалось „для порядочнаго исправленія въ Кабинетѣ дѣлъ" увеличить составъ кабинетской канцеляріи *) „и принадлежащія Кабинету дѣла росписать по экспедиціямъ, дабы впредь конфузіи происходить не могли, и въ прочемъ о содержаніи кабинетской канцеляріи учинить надлежащій порядокъ". Затѣмъ, черезъ годъ, учреждена должность придворнаго рекетмейстера, а спустя еще два мѣсяца, 28-го января 1741 года, изданъ именной указъ кабинетъ-министрамъ о распредѣленіи между ними кабинетскихъ дѣлъ и о порядкѣ разсмотрѣнія послѣднихъ. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, говорилось: „....понеже нѣкоторые изъ васъ (министровъ), кромѣ присутствія въ Кабинетѣ, цѣлами другихъ департаментовъ обязаны и не столько времени къ безпрестанному въ Кабинетѣ присутствію имѣютъ, чего ради разсудилось намъ, дабы входящія въ нашъ Кабинетъ дѣла вдругъ и безостановочно теченіе свое имѣли, учинить слѣдующее учрежденіе (далѣе излагалось распредѣленіе между министрами и порядокъ разсмотрѣнія цѣлъ, о чемъ будетъ сказано ниже)... Вы, господа министры, уповаемъ, симъ нашимъ полезнымъ намѣреніемъ и учрежденіемъ будете довольны, ибо оное въ томъ едино состоитъ, дабы дѣла скорѣйшее свое теченіе имѣли, и потому и отъ своей стороны каждый и всѣ

*) См. выше, стран. 10 и 12.

обще безсомнѣннаго намъ прилежнаго старанія и ревности употребить въ томъ не оставите... При томъ вамъ, господамъ министрамъ, повелѣваемъ разсмотрѣть, не приходятъ-ли въ нашъ Кабинетъ такія дѣла, кои до рѣшенія по опому не касаются, а подлежатъ до Сената и прочихъ департаментовъ, а въ Кабинетѣ оныя только нужныя дѣла частію останавливаютъ: всѣ таковыя побочныя дѣла надобно, по довольномъ разсмотрѣніи, отъ кабинетскаго вѣдѣнія отрѣшить" [296]).

Таково было, по имѣющимся свѣдѣніямъ, общее состояніе кабинетскаго дѣлопроизводства, самый же ходъ и формальная сторона занятій Кабинета представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Дѣла начинались: по именнымъ повелѣніямъ кабинетъ-министрамъ, по усмотрѣнію послѣднихъ, по представленіямъ учрежденій и должностныхъ лицъ и, наконецъ, по челобитьямъ. Именныя повелѣнія министрамъ выражались посредствомъ высочайшаго указа писаннаго или изустнаго и приказа въ формѣ „письма". Образцы писанныхъ высочайшихъ указовъ Кабинету („указовъ нашему Кабинету") приведены выше, что же касается указовъ изустныхъ и приказовъ въ письмѣ, то первые объявлялись въ Кабинетѣ или однимъ изъ министровъ или же, въ царствованіе императрицы Анны, тайнымъ кабинетъ-секретаремъ [297]), а вторые имѣли форму частной переписки, какъ это видно изъ слѣдующихъ, взятыхъ для образца, писемъ императрицы Анны, изъ Петергофа, отъ 19-го и 25-го іюня 1740 года. а) „Господа кабинетъ-министры. По полученіи сего, велите указомъ нашимъ публиковать, чтобъ во всей Ингерманландіи и въ Финляндіи (Выборгскомъ уѣздѣ) лосей отнюдь никто не ловили и не стрѣляли; такожъ отъ Питергофа и до Санктъ-Питербурга и около Краснаго села и Кипиной мызы никакихъ птицъ потомужъ бы никто ловить или стрѣлять не дерзалъ, подъ жестокимъ наказаніемъ". б) „Господа кабинетъ-министры. Прилагаются при семъ два доношенія, поданныя намъ отъ генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха: 1) въ которомъ онъ представляетъ о разбираніи въ Кронштадтѣ ветхихъ кораблей и о исправленіи тамошнихъ работъ для поспѣшнаго окончанія канала, слюзовъ и доковъ и очищенія гаваней, такожъ о содержаніи впредь наиболѣе среднихъ нежели большихъ кораблей и о прочемъ; 2) о взятіи у него, генерала-фельдмаршала, кронштадтскаго его дома въ вѣдомство адмиралтейское или артиллерійское, а вмѣсто того о пожалованіи ему изъ описныхъ домовъ въ Москвѣ. По которымъ его доношеніямъ надлежитъ вамъ разсмотрѣть и разсужденіе имѣть, и что вы по означенному его представленію о кронштадтскихъ работахъ запотребно разсудите и, особливо, что нынѣ напередъ исправлять надлежитъ, о томъ послать въ надлежащія мѣста указы немедленно, дабы по тому исполненіе чинили". Такія письма императрица подписывала собственноручно. Сохранившееся собраніе дѣловыхъ писемъ по разнымъ адресамъ императрицы Анны Іоанновны и правительницы Анны Лео-

польдовны (откуда извлечены приведенныя письма) даетъ основаніе полагать, что въ правленіе принцессы Анны кабинетъ-министры высочайшихъ повелѣній въ формѣ письма не получали. Высочайшія повелѣнія Кабинету записывались въ книгу, въ которую, въ 1740 году, заносились также приказы кабинетъ-министровъ [298]). — Всеподданнѣйшія представленія учрежденій и должностныхъ лицъ выражались посредствомъ: „всеподданнѣйшаго доклада", „въ Кабинетъ его императорскаго величества всеподданнѣйшаго доклада"; „доношенія его императорскому величеству", „его императорскаго величества въ высокій Кабинетъ всеподданнѣйшаго доношенія", „всенижайшаго (или „покорнѣйшаго") въ Кабинетъ его императорскаго величества доношенія": „его императорскому величеству всеподданнѣйшаго рапорта", „его императорскому величеству въ Кабинетъ всеподданнѣйшаго рапорта", „въ высокоучрежденный его императорскаго величества Кабинетъ всеподданнѣйшаго рапорта"; отъ иностранныхъ посольствъ—„меморіала". „промеморіи"; независимо отъ докладовъ, доношеній и рапортовъ, отъ Сената, Сенатской конторы, Синода и генералиссимуса—„сообщенія" съ требованіемъ резолюціи или указа, отъ оберъ-гофмейстера графа С. А. Салтыкова (занимавшаго постъ какъ-бы намѣстника города Москвы) — „письма къ господамъ кабинетъ-министрамъ" и отъ него же, президента Коллегіи экономіи генерала Волкова и оберъ-штальмейстера князя Куракина—„письма" къ правительницѣ [299]). Всеподданнѣйшіе доклады имѣли слѣдующую постоянную форму: „Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору и самодержцу всероссійскому, отъ (такого-то учрежденія или лица) всеподданнѣйшій докладъ". Затѣмъ — сущность дѣла и въ заключеніи: „Всемилостивѣйшій государь, всеподданнѣйше (учрежденіе, лицо) проситъ (или „прошу") вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго указа" (излагалось самое представленіе) [300]). Доношенія, сообщенія и рапорты въ Кабинетъ писались безъ императорскаго титула и начинались вышеприведенными формулами. Образцы представленій въ формѣ письма помѣщены ниже. При докладахъ и прочихъ направлявшихся въ Кабинетъ оффиціальныхъ на бумагѣ представленіяхъ прилагались, если было нужно, экстракты, вѣдомости и другіе по дѣлу документы [301]). Кромѣ обычныхъ, письменныхъ представленій, Кабинетъ принималъ и словесныя, излагавшіяся лично передъ министрами. Напримѣръ, въ мартѣ 1740 года, Сенату секретарь его Протасовъ „докладывалъ, что, по разсужденію прав. Сената сего марта 4-го дня, велѣно объ отпускѣ въ Москву грузинской царицы Русудапы и о дачѣ ей, по прошенію ея, ямскихъ 60 подводъ и прогонныхъ денегъ справиться въ Кабинетѣ ея императорскаго величества, и, по силѣ онаго прав. Сената разсужденія, въ Кабинетѣ ея императорскаго величества о томъ онъ (Протасовъ) освѣдомлялся, на что ему отъ кабинетнаго секретаря Бахирева объявлено, что объ отпускѣ

ее, грузинской царицы, въ Кабинетѣ письменнаго извѣстія нѣтъ". Выслушавъ докладъ, Сенатъ „приказали: съ поданнымъ отъ оной грузинской царицы предложеніемъ въ Кабинетъ ея императорскаго величества сходить оберъ-секретарю и объ отпускѣ ее и о дачѣ подводъ и прогоновъ доложить господъ кабинетныхъ министровъ". По этому опредѣленію, былъ „посланъ" въ Кабинетъ оберъ-секретарь Севергинъ, „который, возвратясь, объявилъ, что онъ въ Кабинетѣ ея императорскаго величества былъ и о томъ его сіятельству дѣйств. тайному совѣтнику и кавалеру князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому (кабинетъ-министру) докладывалъ, и его сіятельство, выслушавъ, изволилъ приказать правительствующему Сенату объявить, что оная грузинская царица изъ Санктъ-Петербурга отпущена; а о дачѣ подводъ изволилъ разсуждать, что надлежитъ ей, царицѣ, оныхъ дать до 30 подводъ за ея прогоны". Вслѣдствіе этого, Сенатъ опредѣлилъ: „оной грузинской царицѣ, для отъѣзда ея въ Москву, дать ямскихъ 30 подводъ за ея прогоны". Въ августѣ того же года, точно также „въ Кабинетѣ словесно представлялъ" первенствующій членъ Синода Амвросій по вопросу объ отправленіи церковнаго чиноположенія 29-го числа августа—въ день тезоименитства принца Іоанна Антоновича и памяти по царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ [302]). О количествѣ представленій въ Кабинетъ можно приблизительно судить по цифрѣ итога докладовъ, допошеній, сообщеній и рапортовъ Сената въ Кабинетъ за все время царствованія Іоанна Антоновича; цифра эта — 376 номеровъ [30d]). — Челобитныя на высочайшее имя писались по слѣдующей общеобязательной формѣ: „Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь императоръ и самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій. Бьетъ челомъ (такой-то или такой-то на такого-то), а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты". Послѣ изложенія, по пунктамъ, существа дѣла, — самое прошеніе, начинавшееся словами: „И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было" и заключавшееся формулой: „Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ челобитьѣ рѣшеніе учинить". Затѣмъ—годъ и мѣсяцъ поданія и слова: „Къ поданію надлежитъ (адресъ). Сіе прошеніе писалъ" (такой-то). Рукоприкладство челобитчика или его повѣреннаго на подпись проходила по пунктамъ. Текстъ пунктовъ челобитной просители излагали по вкусу, украшая его, иногда черезчуръ, цвѣтами краснорѣчія. Напримѣръ, начальный пунктъ всеподданнѣйшей челобитной „иноземца, ревельскаго жителя" Менде, писанной л.-гвардіи Измайловскаго полка писаремъ и поданной въ маѣ 1741 года, начинается такъ: „Вашего императорскаго величества необъятно простирающая, свѣтознатная, достохвально прославимая всѣмъ бѣдственно страждущимъ воспріятіемъ прибѣжища своего исканіемъ правосудія и всѣмъ людямъ превысочайшая творимая монаршеская милость и милостивѣйшимъ благоутробнымъ воспоможе-

ніемъ помилованіе и меня, нижайшаго, въ нынѣшнемъ приключительномъ случаѣ понуждаетъ, припадая къ высочайшимъ, пресвѣтлѣйшимъ стопамъ престола вашего императорскаго величества, въ глубочайшей, всеучтивѣйшей покорности предлагать...“ Въ большей части челобитныхъ въ просительномъ пунктѣ, передъ словами „повелѣно было“ (иногда и послѣ нихъ), говорилось: „для многолѣтняго вашего императорскаго величества здравія и благополучнаго государствованія и ради здравія высочайшей вашего императорскаго величества фамиліи и для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны и предковъ вашего императорскаго величества“. Иногда (рѣдко впрочемъ) прошенія излагались въ формѣ „допошенія“, и тогда писалось: послѣ императорскаго титула—„доноситъ (такой-то), а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты“; вмѣсто словъ въ челобитной: „и дабы“ и проч.—„того ради, припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, всенижайше прошу вашего императорскаго величества“; вмѣсто: „всемилостивѣйшій государь, прошу“ и проч.—„о вышереченномъ всенижайше прошу вашего императорскаго величества“ [304]). Адресовались всеподданнѣйшія прошенія различно, именно: „къ поданію надлежитъ его императорскому величеству“, „къ поданію надлежитъ въ Кабинетѣ вашего императорскаго величества“, „къ поданію надлежитъ ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ Аннѣ и правительницѣ всея Россіи“. Писались прошенія на гербовой бумагѣ, цѣною въ одну копѣйку; въ исключительныхъ же случаяхъ (по совершенной бѣдности челобитчиковъ, вѣроятно),—и на простой; такъ въ сентябрѣ 1741 года приняты были въ Кабинетъ писанныя на простой бумагѣ двѣ челобитныя „содержащихся въ каторжной работѣ невольниковъ“ объ освобожденіи ихъ, по милостивому манифесту, отъ этой работы [305]). Принимались челобитныя и въ Кабинетѣ, и „наверху“ (въ помѣщеніи правительницы), а въ періодъ времени съ 12-го ноября 1740 года по 4-е марта 1741 года—придворнымъ рекетмейстеромъ. Поступавшія въ Кабинетъ какъ непосредственно, такъ „сверху“ и отъ придворнаго рекетмейстера челобитныя помѣчались (выставлялся номеръ и время поступленія) и записывались въ особый реестръ. Сохранился вполнѣ „реестръ отданнымъ въ Кабинетъ сверху челобитнымъ“, за время съ 6-го марта по 20-е ноября 1741 года. Запись въ немъ идетъ такъ: на лѣвой половинѣ страницы—номера, въ послѣдовательномъ порядкѣ, время поступленія въ Кабинетъ и содержаніе челобитныхъ, на правой—содержаніе резолюцій и приказовъ министровъ по этимъ челобитнымъ: „отказать“; „отдать въ Сенатъ (или другое учрежденіе) для разсмотрѣнія“; „справиться и предложить“; „написать въ докладъ“; „доложить ея императорскому высочеству“ (правительницѣ); также отмѣтки: „справка взята“; „рѣшено“ и проч. Изъ этого реестра видно, что принято

было въ Кабинетъ челобитныхъ: 6-го марта разомъ 217 *), затѣмъ апрѣля 20-го—26, 24-го—8, 25-го—8, 27-го—9, 30-го—3, мая 1-го —4 и т. д., приблизительно черезъ такіе же промежутки времени и въ такомъ же количествѣ. Всего за 8 мѣсяцевъ, съ 6-го марта по 20-е ноября 1741 года, поступило въ Кабинетъ 770 челобитныхъ [306]). — Къ описанію кабинетскихъ входящихъ не лишне прибавить, что въ нихъ Кабинетъ титуловался: „высокимъ", „высочайшимъ", „высокоучрежденнымъ", „высокоповелительнымъ", „высокосіятельнымъ" [307]).

Въ 1740 году всѣ входившія въ Кабинетъ оффиціальныя бумаги записывались въ книгу съ заголовкомъ „Книга записная поданнымъ въ Кабинетъ (ея, его) императорскаго величества докладамъ, доношеніямъ, рапортамъ и челобитнымъ". Запись въ ней велась послѣдовательно съ 1-го января по 31-е декабря включительно и такимъ образомъ: въ 1-й графѣ входящіе номера, начиная съ 1-го; во 2-й—время вступленія бумаги въ Кабинетъ; въ 3-й—содержаніе документа и въ 4-й—отмѣтки, что сдѣлано въ Кабинетѣ по вступившимъ бумагамъ. По этой книгѣ, общее число входящихъ—2,593 [308]).

Послѣ записки, доклады, челобитныя и другія упомянутыя выше бумаги поступали на разсмотрѣніе министровъ. Процессъ „слушанія" и разрѣшенія министрами дѣлъ былъ регламентированъ, и въ первый разъ, вскорѣ по воцареніи Іоанна Антоновича, именнымъ указомъ кабинетъ-министрамъ 28-го января 1741 года. Указомъ этимъ повелѣвалось входящія въ Кабинетъ дѣла, чтобы они „вдругъ и безостановочно теченіе свое имѣли, разсматривать по департаментамъ", именно: первому министру Миниху—дѣла военныя („что касается до" полевой арміи, ландмиліціи, гарнизоновъ, артиллеріи, крѣпостей и войскъ иррегулярныхъ), по Шляхетскому кадетскому корпусу и Ладожскому каналу; министру Остерману—дѣла иностранныя и по адмиралтейству и флоту; министрамъ Черкасскому и Головкину—„все то, что касается до внутреннихъ дѣлъ по Сенату и Синоду, и о государственныхъ по Камеръ-коллегіи сборахъ и другихъ доходахъ, о коммерціи, о юстиціи и о прочемъ, къ тому принадлежащемъ". Далѣе указомъ устанавлялся самый порядокъ разсмотрѣнія и разрѣшенія дѣлъ: „...дабы вы, господа кабинетные министры, каждый случающіяся въ вашихъ департаментахъ дѣла въ началѣ разсматривали и не подлежащія до кабинетскаго и нашего рѣшенія отсылали въ подлежащія мѣста съ запискою, а по надлежащимъ до Кабинета мнѣніе свое подписывали одною своею персоною, и когда кто какое дѣло разсмотритъ и мнѣніе свое подпишетъ, то такъ-ли тому быть, сообщить прочимъ министрамъ для согласованія; буде же по которому департаменту случится такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣннаго об-

*) Вся эта масса поданныхъ въ разное время прошеній взята въ Кабинетъ отъ придворнаго ренетмейстера Фенина, тотчасъ послѣ его ареста (4-го марта).

шаго разсужденія, а одному на мѣрѣ положить не возможно,—о таковомъ тотчасъ учинить общій совѣтъ; и для того ко всему тому назначить извѣстные дни: и когда такимъ образомъ въ каждомъ департаментѣ опредѣленными персонами нѣсколько дѣлъ разсмотрится и всѣми обще согласносъ и на мѣрѣ къ рѣшенію постановлено будетъ, тогда докладывать намъ для высочайшей нашей резолюціи". Повелѣніе это сопровождалось замѣчаніемъ, что сказанный порядокъ установляется единственно для ускоренія хода кабинетскихъ дѣлъ, но не съ цѣлью разъединить дѣйствія министровъ [309]).—О томъ, какъ происходили работы Кабинета въ дѣйствительности—источники говорятъ слѣдующее. Засѣданія были обыкновенныя и чрезвычайныя и собирались министры для занятій какъ въ дни присутственные, такъ иногда и въ праздничные (воскресные), утромъ и, случалось, вечеромъ, въ помѣщеніи Кабинета, а также и въ домѣ кабинетъ-министра Остермана [310]). Въ засѣданія обыкновенныя, когда было нужно, „призывались, для общаго разсужденія", „конференціи" фельдмаршалы Минихъ (до назначенія его членомъ Кабинета) и Лесси, также, для личныхъ объясненій, должностныя лица (начальники вѣдомствъ, члены учрежденій, секретари и др.) и челобитчики [311]). Засѣданія чрезвычайныя назначались для обсужденія дѣлъ особой важности. Въ 1741 году, по случаю шведской войны, такихъ засѣданій было нѣсколько и въ нихъ, кромѣ министровъ, принимали участіе: генералиссимусъ герцогъ Антонъ Ульрихъ, фельдмаршалъ Лесси, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, нѣкоторые сенаторы и члены Военной коллегіи [312]). Въ правленіе Бирона (съ 18-го октября по 9-е ноября 1740 года) нѣкоторыя засѣданія Кабинета происходили въ присутствіи регента, именно: засѣданія октября 25-го и 28-го и ноября 1-го, 3-го и 5-го, причемъ Бирона, въ качествѣ предсѣдателя, „обще съ господами кабинетъ-министры" обсуждалъ и разрѣшалъ дѣла [313]).—Разсмотрѣвъ предварительно вновь вступившія представленія и прошенія, министры прежде всего отдѣляли тѣ изъ нихъ, которыя не подлежали кабинетскому разрѣшенію, и направляли ихъ въ то или другое, по принадлежности, учрежденіе. Такія бумаги или отдавались вызваннымъ въ Кабинетъ секретарямъ и канцеляристамъ учрежденій, подъ ихъ росписку, или же разсылались. Челобитныя неосновательныя возвращались обратно просителямъ или разрывались *) [314]). Затѣмъ изъ остальныхъ, т. е. подлежавшихъ разрѣшенію Кабинета, дѣлъ министры выдѣляли дѣла, которыя требовали предварительнаго заключенія извѣстнаго государственнаго органа, дополненія, справокъ и вообще—подготовленія къ слу-

*) Съ ноября 1740 и по мартъ 1741 года разборка и направленіе всеподданѣйшихъ челобитныхъ, какъ уже не разъ было упомянуто, лежали на обязанности придворнаго рекетмейстера и онъ направлялъ неподлежавшія высочайшему разрѣшенію челобитныя въ учрежденія при «письменномъ сообщеніи или «запискѣ» за своею рукою.

шанію и разрѣшенію по существу. Поручая Сенату или другому учрежденію обсудить предварительно извѣстное дѣло, Кабинетъ всегда заключалъ такіе приказы словами: „разсмотрѣть (дѣло) и со мнѣніемъ представить въ Кабинетъ“ [315]). Обращать къ дополненію входившія въ Кабинетъ дѣла приходилось нерѣдко, такъ какъ многіе вносившіеся на разрѣшеніе министровъ доклады и ходатайства, даже весьма серьезнаго содержанія, страдали неясностью и неполнотою. Напримѣръ, въ 1740 году, на сенатское въ Кабинетъ сообщеніе „объ учиненіи маіору Свитину, за смертное убивство наемной работницы его, публичнаго наказанія и о ссылкѣ его въ Оренбургъ“ послѣдовалъ приказъ министровъ: „возвратить (сообщеніе) въ Сенатъ, для того, что то дѣло не совсѣмъ окончено, ибо оному Свитину съ тѣми, кто ту работницу, по повелѣнію его, билъ, очныхъ ставокъ не дано и о смерти ея, какъ скоро умерла и кто въ землю зарылъ не показано: того ради надлежитъ объ ономъ дослѣдовать“. Въ январѣ слѣдующаго года Кабинетъ положилъ: „поданное изъ Сената сообщеніе, по которому требуется въ Военную коллегію, вмѣсто сбавочныхъ подушныхъ денегъ по 17 коп. съ души, 927,188 руб. 28 коп., возвратить въ Сенатъ, для того, что въ ономъ сообщеніи не показано именно, сколько нынѣ, по послѣднимъ рапортамъ, во всѣхъ департаментахъ здѣсь и въ Москвѣ, въ Ригѣ и Ревелѣ и въ прочихъ городѣхъ государственныхъ доходовъ на лицо есть, кромѣ Соляной конторы и канцеляріи генерала-лейтенанта Волкова, безъ котораго извѣстія о помянутой требуемой суммѣ рѣшенія учинить невозможно. И чтобъ оное сообщеніе, съ приложеніемъ такого о наличныхъ деньгахъ извѣстія, паки въ Кабинетъ подано было немедленно“ [316]). Справки всякаго рода по дѣламъ, вслѣдствіе приказовъ министровъ, наводились или посредствомъ розысканія въ производствахъ Кабинета или же—запроса, требованія „извѣстія“, „вѣдомости“ (свѣдѣнія), отъ учрежденій. Запросы посылались въ формѣ „записокъ“, „запросныхъ писемъ“, за рукою кабинетъ-секретаря, также камерира или канцеляриста [317]). Иногда дополнительныя свѣдѣнія по данному вопросу отбирались министрами отъ должностныхъ лицъ и просителей непосредственно, въ самомъ Кабинетѣ [318]). Для удобства разсмотрѣнія, изъ нѣкоторыхъ, болѣе обширныхъ и сложныхъ дѣлъ, по приказамъ министровъ, составлялись въ канцеляріи Кабинета экстракты. Такъ 9-го сентября 1740 года министры отдали приказъ: „о начетѣ стеклянныхъ заводовъ содержателя Элмзеля, такожъ и о показанныхъ отъ него долгахъ и о взысканіи оныхъ изъ всего дѣла немедленно сдѣлать (въ кабинетской канцеляріи) экстрактъ и (имъ) господамъ министрамъ доложить“. Наконецъ, въ кругъ подготовительныхъ дѣйствій входилъ переводъ дѣловыхъ бумагъ съ иностраннаго языка на русскій [319]).—Готовыя и подготовленныя къ обсужденію по существу дѣла разрѣшались министрами порядкомъ, установленнымъ указомъ 28-го января 1741 года (выше-

приведенныхъ), т. е. въ департаментахъ и -болѣе важныя—въ общемъ собраніи, „совѣтѣ“, Кабинета, причемъ резолюціи, слѣдовавшія въ департаментахъ, „сообщались прочимъ господамъ министрамъ для согласованія“, положенія же общаго собранія вырабатывались путемъ „общаго разсужденія“ участвовавшихъ въ совѣтѣ [130]). Пользуясь ясными указаніями на авторитетъ въ Кабинетѣ Остермана и на практическое правило послѣдняго—въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ онъ (вообще опытный дѣлецъ), по его собственному признанію, былъ „незнакомъ“, „полагаться“ на мнѣніе компетентныхъ членовъ Кабинета, можно смѣло допустить, что при обсужденіи дѣлъ министры всегда приходили такъ или иначе къ „соглашенію“. Указанія, на которыхъ основывается это предположеніе (кромѣ приведенныхъ въ предъидущихъ отдѣлахъ статьи) слѣдующія. Въ 1741 году вице-президентъ Камеръ-коллегіи Кисловскій представилъ Кабинету о необходимости, „для пресѣченія (сильно развившагося въ Петербургѣ) корчемства, около Петербурга, кругомъ всего жила, по въѣзжающимъ зимнимъ и лѣтнимъ дорогамъ подѣлать надолбы или въ столбы утвердить рогатки, а по болотнымъ мѣстамъ окопать въ глубину аршина на полтора канавами, и на тѣхъ дорогахъ для житья караульнымъ сдѣлать покои, и учредить разъѣзды“. Кабинетъ, одобривъ этотъ проектъ, согласно постановилъ: сообщить Сенату, „какъ въ Петербургѣ, такъ и въ ближнихъ мѣстахъ немедленно (отъ Сената) публикацію учинить, чтобъ къ поставкѣ на опое (строеніе и земляныя работы) потребнаго числа лѣсовъ, такожъ и работниковъ, явились охочіе люди, и о томъ велѣть съ ними въ Камеръ-конторѣ имѣть договоръ“. Но когда резолюцію эту, въ формѣ „сообщенія“ въ Сенатъ, за руками всѣхъ министровъ, готовили къ отправкѣ по назначенію, Остерманъ заявилъ въ Кабинетѣ, что „хотя онъ сообщеніе (это) въ Сенатъ и подписалъ, однакожъ разсуждаетъ, что, во первыхъ, надлежитъ объ опомъ (дѣлѣ), такожъ и для чего то по большей причинѣ за надобность признается, имѣть общее разсужденіе, присовокупя другихъ потребныхъ къ тому персонъ, ибо опое дѣло весьма немалое и великаго коштa касаться можетъ, къ тому жъ и множество людей содержать надобно“. Разсужденіе это принято было министрами Черкасскимъ и Головкинымъ безпрекословно и они „изволили разсудить, чтобъ тѣмъ обождать до времени и сообщенія въ Сенатъ не посылать“. Въ этомъ же году, Остерманъ, „смотря учиненнаго отъ Кабинета его императорскому величеству доклада по представленію сенатскому о дѣлѣ московскихъ питейныхъ сборовъ компанейщиковъ“, объявилъ, „что о учиненіи имъ въ имѣющуюся на нихъ доимку зачетовъ и о сложеніи съ нихъ, по силѣ милостивыхъ указовъ, штрафа, такожъ о доносителяхъ Желѣзновѣ съ товарищи, которыхъ за неправильный ихъ допосъ присуждено, свободя отъ политической смерти, послать для житья въ другіе городы и никакимъ ихъ допошеніямъ впредь не вѣрить, съ разсужденіемъ

его свѣтлости князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго и его сіятельства графа Михаила Гавриловича Головкина согласенъ; что же принадлежитъ до отдачи тѣмъ компанейщикамъ оныхъ питейныхъ сборовъ, по учиненнымъ съ ними вновь кондиціямъ, впредь на 6 лѣтъ за извѣстную сумму, по 220,224 руб. 80 коп. на годъ, —объ ономъ разсуждаетъ, что довольно-ль той суммы будетъ, дабы безъ наивящшей пользы казна не осталась, ибо ежели изъ той суммы выключить, по примѣру выдержаннаго ими въ 1739 году вина и водки, гривенныя деньги 28.082 руб., такожъ, напримѣръ, прибѣнныхъ по 10.000 руб., то за оными вычетомъ настоящей прибыли имѣетъ отъ нихъ, компанейщиковъ, въ казну доходить только 182,142 руб. на годъ": но „попеже онъ (Остерманъ) къ такимъ дѣламъ незаобыкновенъ, и для того полагается на разсужденіе ихъ" (министровъ). На это замѣчаніе Черкасскій и Головкинъ объявили, „что въ томъ казнѣ умаленія быть не можетъ, ибо тѣ компанейщики прибыль знатную платить обязуются противъ нѣкоторыхъ прежнихъ годовъ съ немалою прибавкою". и что они, министры, „утверждаются на прежнемъ своемъ разсужденіи". Послѣ такого объясненія, Остерманъ, повторивъ, что онъ полагается на разсужденіе министровъ, подписалъ докладъ [321]). —Постановленія, „резолюціи", Кабинета записывались въ журналъ *) [322]) и затѣмъ, если слѣдовали прямо къ исполненію, получали особую оффиціальную форму (указа, сообщенія), за исключеніемъ резолюцій на представленія и челобитья, которыя (резолюціи) помѣщались, безъ всякой оболочки, на подлинныхъ докладахъ, допошеніяхъ, сообщеніяхъ и челобитныхъ. Окончательныя резолюціи Кабинета, въ какой бы оффиціальной формѣ онѣ ни выражались, подписывались всѣми министрами, въ такомъ нисходящемъ порядкѣ: Остерманъ, Черкасскій, Бестужевъ-Рюминъ; Минихъ, Остерманъ, Черкасскій, Головкинъ; Остерманъ, Черкасскій, Головкинъ. Резолюціи (акты) собраній чрезвычайныхъ закрѣплялись подписями какъ министровъ, такъ и прочихъ участвовавшихъ въ совѣтѣ лицъ, — по старшинству, сверху внизъ, иногда и наоборотъ [323]). Заключенія Кабинета по тѣмъ вопросамъ, которые de jure не подлежали окончательному разрѣшенію министровъ **), восходили на усмотрѣніе, „апробацію", императора, въ формѣ „доклада (или „допошенія") отъ Кабинета". Доклады писались такъ: сущность дѣла и затѣмъ самое представленіе (мнѣніе) министровъ по вопросу, начинавшееся словами: „Того ради не соизволено-ль будетъ"... или: „Того ради Кабинетъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представляетъ, что" (слѣдуетъ представленіе). Резолюціи Ка-

*) Въ кабинетскій журналъ заносились также всѣ министерскіе приказы, въ чемъ бы они ни заключались. Форма записи журнала — неизвѣстна, такъ какъ на лицо только «журналъ черный» — безпорядочныя записки на отдѣльныхъ листахъ, клочкахъ, конвертахъ, съ помарками и, конечно, безъ всякой скрѣпы.

**) Вопросы эти перечислены въ описаніи дѣятельности Кабинета.

бинета на нѣкоторые доклады учрежденій и лицъ и на челобитья, также постановленія чрезвычайныхъ собраній вносились на высочайшую апробацію безъ особаго (вышеописаннаго) доклада [324]). Всѣ представленія свои императору Кабинетъ подносилъ правительницѣ, обыкновенно черезъ государственнаго канцлера, кабинетъ-министра кн. Черкасскаго, и Анна Леопольдовна утверждала ихъ *) словами, на подлинныхъ представленіяхъ: „Быть по сему“, „Учинить по сему представленію. Анна“ (или: „Именемъ его императорскаго величества Анна“) [325]).

Положенія министровъ и высочайше утвержденныя резолюціи Кабинета (или „высочайшія резолюціи“, „резолюціи отъ его императорскаго величества“) [326]) обжалованію, конечно, не подлежали **) и немедленно приводились въ исполненіе. Направлялись высочайшія резолюціи для исполненія (или для свѣдѣнія) въ учрежденія и къ должностнымъ лицамъ въ формѣ „высочайшаго“, „именнаго“, „его императорскаго величества высокоповелительнаго указа“ или же „сообщенія“. Высочайшіе указы писались обыкновенно такъ: „Божіею милостью мы, Іоаннъ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и проч., и проч., и проч. Нашему“, „нашей“ (учрежденію, лицу) или, безъ титула: „Указъ нашему“, „нашей“ (учрежденію, лицу); затѣмъ—содержаніе указа и въ заключеніе: „И повелѣваемъ нашему“, „нашей (учрежденію, лицу) учинить по сему нашему указу“. Высочайшіе указы генералъ-фельдмаршаламъ графамъ Миниху и Лесси иногда редактировались нѣсколько иначе. Послѣ императорскаго титула говорилось: „Высокорожденный, намъ любезнов'Ьрный“ или: „Господинъ генералъ-фельдмаршалъ“, а въ заключеніе: „И мы пребываемъ вамъ въ прочемъ

*) Были-ли случаи неутвержденія правительницею мнѣній Кабинета—не видно.

**) Хотя былъ случай такого обжалованія, но случай этотъ—исключительный. Въ августѣ 1740 года на разсмотрѣніе Кабинета поступило донесеніе Коммиссіи о петербургскомъ строеніи «о придачѣ генералу и генералу-аншефу барону (Густаву) фонъ Бирону (по его просьбѣ) къ пожалованному ему за Фонтанкою кармедоновскому двору, за тѣснотою, порожняго мѣста Троицы-Сергіева монастыря» При обсужденіи этого вопроса въ Кабинетѣ «соглашенось: для апробаціи ея императорскаго величества написать резолюцію, что оное мѣсто ему продать, а ему, генералу барону фонъ-Бирону, за имѣющееся на томъ мѣстѣ монастырское строеніе во оный монастырь, когда требовать будутъ, по разсчету заплатить деньги». На это представленіе, 3-го октября того же года, послѣдовалъ именной указъ объ удовлетвореніи просьбы брата фаворита. Но, послѣ кончины императрицы Анны и паденія регента Бирона, Троицкій монастырь возобновилъ это дѣло. 19-го ноября, черезъ своего стряпчаго, онъ подалъ въ Кабинетъ челобитную, въ которой, отстаивая свое право собственности на мѣсто, отданное, по именному указу 3-го октября, Густаву Бирону, и приводя, что мѣсто это не порожнее, какъ утверждалъ Биронъ, но занято монастырскими строеніями, садомъ и огородомъ и пріобрѣтено монастыремъ покупкою у частнаго лица, просилъ объ отмѣнѣ указаннаго именнаго повелѣнія. Результатомъ челобитья была резолюція, за подписью правительницы: «Оное мѣсто возвратить по прежнему» [327]).

императорскою нашею милостью благосклонны". Редакція именныхъ указовъ (по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ) принадлежала кабинетъ-министрамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся проекты нѣкоторыхъ высочайшихъ указовъ съ собственноручными поправками Остермана и Черкасскаго. Подписывались именные указы, того или другаго типа безразлично, или правителями или же всѣми кабинетъ-министрами, причемъ, неизмѣнно, правительской подписи предшествовала формула: „именемъ его императорскаго величества", министерскимъ же „рукамъ" предшествовали слова: „по указу его императорскаго величества" *) [328]). Эта разница въ подписи не имѣла, и по закону, существеннаго значенія,—указы за руками всѣхъ министровъ обладали той же силой (высочайшаго повелѣнія), какъ и указы за подписью правителя **) [329]). Высочайшіе указы, содержавшіе въ себѣ какую-либо государственную тайну, „указы секретные", по формѣ, ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ, въ нихъ включалась лишь оговорка объ ихъ секретности [330]). — „Сообщеніе" -болѣе простая форма сношенія Кабинета съ учрежденіями и должностными лицами—излагалось такимъ образомъ: „Изъ Кабинета его императорскаго величества" (въ такое-то учрежденіе или такому-то лицу); далѣе—содержаніе резолюціи и въ заключеніе: „о чемъ (учрежденію, лицу) чрезъ сіе для исполненія (или „для извѣстія") сообщается". Сообщенія подписывались всегда одними кабинетъ-министрами [331]). -Окончательныя и высочайше утвержденныя резолюціи Кабинета на представленіяхъ (докладахъ, доношеніяхъ, сообщеніяхъ на высочайшее имя) и челобитныхъ рѣдко получали описанную формальную оболочку; большею частью онѣ направлялись къ исполненію или вручались челобитчикамъ „оригинально" [332]).—Кромѣ того, распоряженія верховнаго правительства иногда поступали къ исполненію въ формѣ „партикулярнаго письма" правительницы (къ графу С. А. Салтыкову, президенту Коллегіи экономіи Волкову, оберъ-шталмейстеру кн. Куракину) и министровъ (къ тому же Салтыкову), „приказа господъ кабинетъ-министровъ" и путемъ словесной передачи О формѣ и содержаніи партикулярныхъ писемъ даетъ достаточное понятіе слѣдующая, въ 1741 году, переписка Анны Леопольдовны съ

*) Въ кратковременное регентство Бирона нѣкоторые высочайшіе указы подписывались правителемъ и, сверхъ того, контрасигнировались кабинетъ-министрами. Въ правленіе Анны Леопольдовны такая система закрѣпы употреблялась весьма рѣдко.

**) Въ именномъ повелѣніи Сенату 9-го іюня 1735 года (дѣйствовавшемъ и въ 1740—1741 гг.) было, между прочимъ, сказано: «Понеже намъ извѣстно учинилось, что во многихъ мѣстахъ объявляются словесные именные наши указы, того ради указали мы въ Сенатѣ и во всѣ коллегіи и канцеляріи подтвердить, чтобъ никакихъ нашихъ словесныхъ именныхъ указовъ кромѣ тѣхъ, которые *за подписаніемъ собственной нашей руки или за руками всѣхъ трехъ нашихъ кабинетъ-министровъ* будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить; а ежели отъ кого какіе словесные указы гдѣ объявлены будутъ, то объ оныхъ рапортовать въ Кабинетъ нашъ немедленно».

кн. А. Б. Куракинымъ и графомъ С. А. Салтыковымъ. Въ февралѣ кн. Куракинъ представлялъ правительницѣ: „Всемилостивѣйшая государыня. Вашему императорскому высочеству сего февраля 19-го я всеподданнѣйше доносилъ, что намѣренъ былъ сего мѣсяца минувшаго 21-го дня отъѣхать въ дальнія отъ Москвы его императорскаго величества конюшенныя волости для осматриванія заводовъ (конскихъ), но токмо одержимъ случившеюся мнѣ незапною болѣзнію, а какъ мало въ состояніе здоровья приду, а между тѣмъ по Конюшенной канцеляріи нѣкоторыя дѣла исправя, отправлюсь въ помянутыя волости немедленно, и что тамъ мною усмотрѣно и учинено будетъ, не премину вашему императорскому высочеству всеподданнѣйше донесть. Вашего императорскаго высочества (подписано собственноручно:) всеподданнѣйшій рабъ князь А. Куракинъ. Москва. 26-го февраля 1741 года". Письмомъ, отъ 6-го марта, Анна Леопольдовна отвѣчала кн. Куракину: „Князь Александръ Борисовичъ. Письмо ваше, изъ Москвы, отъ 26-го минувшаго февраля, мы получили, и что вамъ приключилась болѣзнь, о томъ мы сожалѣемъ, и желаемъ вамъ отъ оной освобожденія. А что вы намѣрены ѣхать въ дальнія волости для осматриванія конюшенныхъ заводовъ—то изрядно; однакожъ неподобно вамъ такимъ отъѣздомъ спѣшить, пока совершенное здоровье получите. И пребываемъ вамъ въ прочемъ нашею высочайшею милостію благосклонны". Подписано собственноручно: „Анна". Въ іюлѣ графъ С. А. Салтыковъ получилъ отъ правительницы письмо, подписанное ею 9-го числа этого мѣсяца: „Семенъ Андреевичъ. Прилагается при семъ записка о колоколѣ, котораго просятъ объ отдачѣ къ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, того ради, освѣдомясь, отпишите къ намъ: казенный-ли тотъ колоколъ и зачѣмъ онъ на пушечномъ дворѣ праздно лежитъ и можно-ль его къ той церкви отдать. Въ прочемъ пребываемъ вамъ нашею милостію благосклонны". Салтыковъ отвѣчалъ: „Всемилостивѣйшая государыня. Ваше императорское высочество всемилостивѣйше соизволили мнѣ повелѣть (повторяется помѣщенный выше приказъ), и по тому вашего императорскаго высочества всемилостивѣйшему повелѣнію объ ономъ колоколѣ изъ Артиллерійской конторы взялъ я вѣдомость, которую при семъ къ вашему императорскому высочеству, всемилостивѣйшей государынѣ, всенижайше прилагаю; при томъ же, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше доношу, что оный колоколъ, ежели ваше императорское высочество всемилостивѣйше соизволите, отдать въ ту церковь можно, ибо оный остался за опредѣленнымъ числомъ ко Исакіевской церкви излишній и вмѣсто его вылитъ другой колоколъ, но и тотъ отданъ въ Донской монастырь, какъ ваше императорское высочество изъ приложенной при семъ вѣдомости всемилостивѣйше усмотрѣть изволите. Вашего императорскаго высочества, всемилостивѣйшей государыни, нижайшій рабъ (подписано собственноручно:) Семенъ Салтыковъ. Іюля 20-го дня 1741

года". Получивъ это увѣдомленіе, Анна Леопольдовна отправила Салтыкову письмо, подписанное ея рукою 29-го іюля: „Семенъ Андреевичъ. Письмо ваше, отъ 20-го сего мѣсяца, мы получили, въ которомъ отвѣтствовали вы къ намъ, что оставшій на пушечномъ дворѣ колоколъ, котораго просятъ къ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, отдать можно, понеже онъ остался излишній, и того ради, по полученіи сего, велите оный колоколъ къ помянутой церкви отдать. Въ прочемъ пребываемъ вамъ нашею милостію благосклонны". Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ графъ Салтыковъ писалъ правительницѣ: „Всемилостивѣйшая государыня. По ордерамъ уволеннаго отъ службы Россійской имперіи перваго министра фонъ-Миниха, арестованнаго бывшаго генерала Карла Бирона все имѣніе велѣно мнѣ описать и для соблюденія приставить караулъ и содержать въ пристойномъ мѣстѣ. И по тѣмъ ордерамъ все его, Бирона, имѣніе описано и запечатано моею печатью и поставлено въ его квартирѣ, въ домѣ купца Акипоія Демидова, гдѣ и понынѣ имѣются. А понеже между оными пожитками находятся портретъ съ алмазами да шпага съ брилліантами, которые были ему, Бирону, пожалованы, и хотя оные пожитки и вещи имѣются и подъ особливымъ храненіемъ и въ нынѣшнее лѣтнее время ихъ и пересушиваютъ, однакожъ безнадежно, чтобъ оные отъ чего-либо попортиться не могли. Того ради вашему императорскому высочеству, всемилостивѣйшей государынѣ, всенижайше рабски доношу: не соизволите-ль оные пожитки повелѣть куда отдать, а особливо портретъ и шпагу не повелите-ли ваше императорское высочество въ С.-Петербургъ отправить. Вашего императорскаго высочества, всемилостивѣйшей государыни, нижайшій рабъ (подписано собственноручно:) Семенъ Салтыковъ. Августа 31-го дня 1741 года, въ Москвѣ". На это представленіе правительница отвѣтила письмомъ, подписаннымъ ею 9-го сентября: „Семенъ Андреевичъ. Писали вы къ намъ отъ 31-го минувшаго августа о пожиткахъ Карла Бирена, которые, по арестованіи его, въ Москвѣ отобраны и запечатаны, куда ихъ отдать. И на оное въ отвѣтъ чрезъ сіе вамъ объявляется: всѣ оные пожитки, сколько ихъ есть, велите отправить къ женѣ его, бирновой, въ Курляндію, и отдать ей; токмо портретъ изъ алмазовъ ежели не вынятъ, то вынять и оставить, а алмазы отъ онаго портрета, такожъ и шпагу алмазную, отнявъ у нея клинокъ, отослать съ тѣми пожитками къ ней же, бирновой женѣ. Въ прочемъ пребываемъ вамъ нашею милостію благосклонны". „Приказы" министровъ имѣли характеръ инструкціи и образцомъ такихъ актовъ можетъ служить помѣщенный въ описаніи личнаго состава Кабинета приказъ капитанъ-поручику Чрикову, состоявшему при арестованномъ кабинетъ-министрѣ Бестужевѣ-Рюминѣ. Словесно распоряженія передавались, кому слѣдовало, въ самомъ Кабинетѣ, обыкновенно самими министрами, и фактъ передачи записывался въ кабинетскій журналъ. Такъ, напримѣръ, 15-го ок-

тября 1741 года вызваннымъ въ Кабинетъ синодальнымъ членамъ Амвросію, архіепископу новгородскому, и Стефану, епископу псковскому, министромъ Черкасскимъ лично было „объявлено, чтобъ они приказали имѣющійся новгородской и псковской епархій въ монастыряхъ и тѣхъ епархій въ архіерейскихъ и монастырскихъ и Троицкаго Сергіева монастыря вотчинахъ, кои имѣются въ Новгородской губерніи, наличный хлѣбъ описать и исчислить, сколько онаго потребно до новаго хлѣба на расходы, такожъ и на сѣмена, а за тѣмъ излишній чтобъ употребить на довольство состоящихъ въ Остзеѣ войскъ, за который имѣютъ плачены быть деньги по настоящимъ цѣнамъ". Выслушавъ этотъ приказъ, „ихъ преосвященство объявили, что они то учинятъ" [333]). Указы, сообщенія и другіе слѣдовавшіе къ исполненію акты пересылались: адресованные въ учрежденія и должностнымъ лицамъ въ Петербургѣ съ кабинетскими курьерами и ѣздовыми *), прочіе — по почтѣ или же съ кабинетъ-курьерами, „чрезъ нарочный штафетъ" [334]). О полученіи этихъ актовъ и объ исполненіи по нимъ учрежденія и должностныя лица увѣдомляли Кабинетъ „всеподданнѣйшими рапортами" или „доношеніями", также сообщеніями „во извѣстіе" [335]).

Въ заключеніе описанія формальной стороны дѣятельности Кабинета, остается привести данныя о денежныхъ суммахъ, которыя верховный органъ имѣлъ всегда подъ рукою на тѣ или другія по своимъ дѣламъ надобности. Опредѣленнаго, штатнаго прихода-расхода въ Кабинетѣ не было. Еще императрицею Анною, въ 1736 году, указано было Статсъ-конторѣ отпускать въ Кабинетъ „на канцелярскіе и на всякіе кабинетные расходы (кромѣ жалованья чинамъ),—сколько когда востребуется" [336]). И въ послѣдующее время въ Кабинетъ на такіе расходы отпускаемы были суммы (иногда крупныя) не только отъ Статсъ-конторы, но и другимъ путемъ. Въ 1736 году, по указу изъ Кабинета 30-го іюля, отпущено было отъ Статсъ-конторы въ Кабинетъ, „на нѣкоторую секретную дачу", 3,000 руб., и съ этого времени такой отпускъ (въ томъ же размѣрѣ) производился ежегодно до 1741 года.—12-го октября 1739 года Монетная канцелярія внесла въ Кабинетъ „сдѣланныхъ россійскихъ золотыхъ, противъ иностранныхъ, 6,000, по 2 руб. по 20 коп. каждый".—Въ мартѣ 1740 года принято было сюда же отъ С.-Петербургской почтовой конторы „остаточныхъ за расходомъ" 8,781 руб. съ коп.—Въ тоже время министры подписали „указъ ея императорскаго величества (Статсъ-конторѣ, вѣроятно) о взносѣ въ Кабинетъ 6,000 рублевъ".—Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Кабинетѣ состоялся приказъ: „взять изъ Статсъ-

*) Для безпрепятственнаго (безденежнаго) пропуска черезъ мость и перевозы на Невѣ, кабинетскіе посыльные снабжались особыми билетами отъ Адмиралтейской коллегіи.

конторы, подъ росписку, на случающіеся въ Кабинетѣ ея императорскаго величества расходы 500 рублевъ, а въ оную контору написать указъ, чтобъ внесли въ Кабинетъ 15,000 руб., и когда оный указъ получатъ, то тѣ взятыя у нихъ деньги, 500 руб., зачесть имъ въ 15,000 руб". Распоряженіе это было исполнено немедленно.—Вскорѣ послѣ кончины императрицы Анны, Кабинету для чего-то потребовалась крупная сумма денегъ, и 30-го октября данъ былъ Монетной канцеляріи именной указъ, подписанный регентомъ и контрасигнированный кабинетъ-министрами: „Изъ имѣющихся здѣсь на монетномъ дворѣ на лицо новосдѣланныхъ россійскихъ червонныхъ надлежитъ отпустить, для нѣкотораго нужнаго употребленія, въ Кабинетъ нашъ 20,000. И повелѣваемъ оной канцеляріи учинить о томъ по сему нашему указу". По этому повелѣнію, требуемая сумма была внесена Монетною канцеляріею въ Кабинетъ на слѣдующій же день.— Въ силу резолюціи министровъ на сообщеніи Сената 15-го іюля 1740 года, въ слѣдующемъ году поступали въ Кабинетъ на расходы изъ Коммерцъ-коллегіи собиравшіяся ею за паспорты купцамъ, отъѣзжавшимъ за границу, „червонныя и россійскія деньги". 16-го января этихъ денегъ внесено было въ Кабинетъ: червонныхъ 19 и россійскихъ 11 руб. 50 коп.—Кромѣ того, въ Кабинетъ поступали въ 1740 году изъ Тайной канцеляріи „штрафныя деньги" и было доставлено серебро —25 пудовъ 9 фунтовъ 79 золотниковъ, добытое въ 1736 году на Медвѣжьемъ островѣ. Вносившіяся въ Кабинетъ суммы записывались здѣсь „въ приходъ"; но велась-ли правильная, обстоятельная и оффиціальная, запись расхода этихъ суммъ—неизвѣстно [337]).

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СЕНАТЪ.

ЗНАЧЕНІЕ СЕНАТА.

Правительствующій Сенатъ съ отдѣленіемъ его—Сенатскою конторою, какъ высшій центральный судебно-административный органъ, въ 1740—1741 гг. въ ряду государственныхъ учрежденій занималъ послѣ Императорскаго Кабинета первое мѣсто. Всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы и другія равныя имъ и низшія правительственныя установленія, не исключая и непосредственно подчиненныхъ Кабинету, сносились съ Сенатомъ допошеніями и рапортами, получая отъ него указы [1]). Одинъ Синодъ сносился съ нимъ „вѣдѣніями", какъ равный по рангу [2]) *). Въ какомъ отношеніи находились коллегіи и слѣдовавшія за ними учрежденія къ Сенату, въ такомъ же находился и самъ онъ къ Кабинету: получалъ отъ него указы и „сообщенія" и посылалъ ему рапорты, допошенія и „сообщенія". Относительно этихъ „сообщеній" слѣдуетъ замѣтить, что они имѣли характеръ: изъ Кабинета въ Сенатъ — указовъ, а изъ Сената въ Кабинетъ — допошеній; разница была только въ названіи. Такимъ образомъ, Сенатъ сносился съ Кабинетомъ въ такой же формѣ, какъ и съ главою государства и съ особами императорскаго Дома **) [4]). — О своихъ дѣйствіяхъ Сенатъ давалъ отчетъ Кабинету, который уже докладывалъ о нихъ императору. Еженедѣльно посылались изъ Сената въ Кабинетъ на высочайшее имя рапорты „съ прописаніемъ въ нихъ именно, сколько въ которой недѣлѣ дѣлъ рѣшено и со вступленія ихъ въ Сенатъ или въ коллегію и канцелярію коликое время оныя не рѣшены были" [5]). Этими рапортами контролировался какъ образъ дѣйствій самого Сената, его усердіе, такъ отчасти и его надзоръ за теченіемъ дѣлъ въ другихъ, ему подвѣдомственныхъ учрежденіяхъ.—Въ случаѣ какой-либо неисправности со стороны Сената, онъ получалъ отъ Кабинета замѣчанія и внушенія.—Свои резолюціи и распоряженія по тому или другому дѣлу кабинетъ-министры во многихъ случаяхъ поручали приводить въ испол-

---

*) Впрочемъ, въ такой же формѣ, т. е. вѣдѣніями, сносилась съ Сенатомъ и его контора, что объясняется ея положеніемъ, какъ части, отдѣленія Сената [3]).

**) Въ данное время, съ отцомъ императора—«его императорскимъ высочествомъ Антоніемъ Ульрихомъ, герцогомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, высокоповелительнымъ генералиссимусомъ Всероссійской имперіи».

ніе Сенату, и эти предписанія Кабинета иногда давали нѣкоторый просторъ самодѣятельности Сената, выражавшейся въ томъ или иномъ порядкѣ самого исполненія указа, въ томъ или иномъ пути, по которому Сенатъ доходилъ до указанной ему Кабинетомъ цѣли,—таковы, напримѣръ, предписанія: о разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣла по челобитной на высочайшее имя, о приведеніи въ исполненіе резолюціи Кабинета на челобитной и т. п. [6]),—иногда же они ставили Сенатъ въ положеніе простаго, механическаго исполнителя кабинетскихъ распоряженій: о разсылкѣ въ учрежденія и къ должностнымъ лицамъ указовъ извѣстнаго содержанія, о выдачѣ какихъ-либо суммъ, объ обнародованіи манифестовъ и проч. [7]). Подобныя же предписанія Сенатъ получалъ и отъ генералиссимуса. Такъ въ мартѣ 1741 года въ Сенатъ поступило „сообщеніе“ герцога Антона Ульриха: „Каковъ и сего марта 3-го дня именной его императорскаго величества, за подписаніемъ ея императорскаго высочества государыни великой княгини и правительницы всея Россіи собственныя руки, получилъ указъ о увольненіи перваго министра и генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, что онъ самъ его императорское величество просилъ, за старостію и за болѣзньми его, отъ воинскихъ и статскихъ дѣлъ,—со онаго при семъ сообщается точная копія, о чемъ прав. Сенатъ да благоволитъ вѣдать и о томъ же, куда надлежитъ, для публикаціи послать его императорскаго величества указы“. По этому сообщенію, Сенатъ распорядился: „Оный его императорскаго величества высочайшій указъ, напечатавъ, публиковать: таковъ въ здѣшнія коллегіи и канцеляріи и въ остзейскія губерніи и провинціи *) разослать, а въ Москву, въ Сенатскую контору, для такого жъ публикованія и разсылки въ прочія губерніи и провинціи и во обрѣтающіяся въ Москвѣ въ (sic) коллегіи и канцеляріи и судебныя мѣста, при вѣдѣніи, таковыхъ же сообщить потребное число“ [8]).—Если Сенатъ при рѣшеніи какого-либо дѣла встрѣчалъ затрудненія, какъ напримѣръ, отсутствіе точныхъ указовъ, то за разъясненіемъ обращался въ Кабинетъ и, по полученіи его резолюціи, дѣйствовалъ уже сообразно съ ней, руководствуясь мнѣніемъ Кабинета, какъ закономъ, снимающимъ всякую отвѣтственность съ Сената за послѣдствія.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно, когда рѣшеніе даннаго дѣла зависѣло отъ высочайшей милости, Сенатъ подавалъ, черезъ Кабинетъ, на имя императора „всеподданнѣйшія доношенія“ (или „доклады“) и просилъ „всемилостивѣйшаго указа“ [9]).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній уже ясно, что положеніе Сената въ описываемое время было вовсе не соотвѣтственно титулу „правительствующій“. Не смотря на возвращеніе Сенату императрицею Анною

*) Ижепно, въ Новгородскую и остзейскія Рижскую и Ревельскую губерніи, въ Выборгскую провинцію и въ Нарву.

этого титула, онъ продолжалъ быть тѣмъ же „высокимъ Сенатомъ", какъ и въ періодъ существованія Верховнаго Тайнаго Совѣта [10]), и стоя высоко въ строю государственныхъ учрежденій, въ тоже время не былъ самостоятельнымъ, но подчиненъ Кабинету, который служилъ посредствующимъ органомъ между нимъ и верховною властью. Эта зависимость высшаго органа имперіи отъ Кабинета еще болѣе выяснится изъ послѣдующаго подробнаго описанія устройства, дѣятельности и дѣлопроизводства Сената.

МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ И ПОМѢЩЕНІЕ СЕНАТА.

„Сенатъ" находился въ Петербургѣ, а „Сенатская контора" — въ Москвѣ. Первый помѣщался на Васильевскомъ островѣ, въ „Коллежской линіи" (близъ истока Малой Невы), въ „коллежскихъ департаментахъ" — большомъ, трехъ-этажномъ зданіи съ каменной двухъ-этажной галлереею, въ которомъ, кромѣ Сената, помѣщались и почти всѣ петербургскія правительственныя учрежденія [11]). Въ 1741 году помѣщеніе Сената было передѣлано и поновлено. 26-го іюня этого года Сенатъ далъ архитектору Трезину указъ: „Имѣющіяся въ верхнемъ и среднемъ сенатскихъ аппартаментахъ (этажахъ) наугольныя палаты перегородить и лѣстницы сдѣлать, и во всемъ оныя исправить по предложенному отъ тебя плану немедленно, и конечно все оное исправить нынѣшнимъ лѣтомъ; а на то исправленіе деньги держать изъ положенной на Канцелярію отъ строеній суммы, и для того, ежели въ той канцеляріи денегъ недостаточно, то требуемое на то исправленіе число денегъ отпустить изъ Статсъ-конторы въ зачетъ опой положенной суммы". Затѣмъ, 26-го іюля, по допошенію того же архитектора, Сенатъ приказалъ: „къ достройкѣ въ верхнемъ и среднемъ сенатскихъ аппартаментахъ палатъ сколько потребно кирпича взять отъ разобраннаго стараго гостиннаго двора, что на Санктъ-Петербургскомъ острову". Въ тоже время Сенатомъ было сдѣлано распоряженіе и относительно отдѣлки галлереи. Отдѣлка отдана была подрядчику, который обязался: „исправить при состоящихъ палатахъ прав. Сената и всѣхъ коллегій и канцелярій позади ихъ построенную галлерею въ два аппаргамента штукатурною работою, а именно: съ лица и изнутри подмазать сѣрою известью подъ терку и въ верхнемъ аппартаментѣ подшить дранью и подметать известью подъ терку жъ съ подстѣннымъ гзымзомъ и потомъ выбѣлить, а буде повелѣно будетъ, — въ потребныхъ мѣстахъ, по показанію, раскрасить; и все оное исправить самымъ добрымъ мастерствомъ нынѣшнимъ лѣтомъ, а чего невозможно, то въ предбудущемъ 1742 году, въ удобное время" [12]).

О расположеніи и обстановкѣ помѣщенія Сената сохранились отрывочныя свѣдѣнія. Изъ сенатскихъ „палатъ", въ которыя вели „крыльца", упоминаются: „прихожія палаты", „палаты канцеляріи

Сената", „камора генералъ-прокурора" и „большой залъ" (или „сенаторская палата"), въ которомъ происходили засѣданія сенаторовъ. Большой залъ былъ выбѣленъ и украшенъ „штукатурными фигурами" и „живописными картинами". Въ немъ стоялъ „большой" сосновый „столъ господъ сенаторовъ", покрывавшійся различными, въ разное время, „покрывалами" съ золотымъ позументомъ кругомъ: малиноваго бархата, алаго бархата и алаго сукна. На этомъ столѣ помѣщались двѣ серебряныя чернильницы и восковыя свѣчи. Въ томъ же залѣ находился „столъ маленькій", за которымъ, вѣроятно, засѣдалъ генералъ-прокуроръ *). Остальную мебель зала составляли „бархатные" стулья и кресла. Во время траура по императрицѣ Аннѣ столы были покрыты чернымъ сукномъ, а стулья и кресла—чернымъ стамедомъ **) [13]). Въ 1740 году въ большомъ залѣ находился портретъ императрицы Анны, въ рѣзной вызолоченной рамѣ ***). Его осѣнялъ „балдахинъ" (сдѣланный въ томъ же году „кроватнымъ мастеромъ" Рошботомъ) изъ малиноваго бархата съ золотою бахромою и такими же по угламъ кистями, съ подзорами изъ золотаго широкаго и узкаго позумента, съ „вырѣзанными" изъ золотой парчи коронами, вензелями и „прочими узорами внутри" и съ „яблочками" изъ зеленаго штофа наверху [14]).—Палаты сенатской канцеляріи раздѣлялись перегородками на отдѣльныя помѣщенія для каждой „секретарской экспедиціи" (для каждаго сенатскаго секретаря съ его подьячими). Обстановка этихъ экспедицій была обычная канцелярская: столы („секретарскіе и повытные"), стулья, шкафы и сундуки для храненія дѣлъ и прочія канцелярскія принадлежности [15]). Въ канцеляріи хранились: геодезическіе инструменты (астролябіи съ принадлежностями, готовальни, цѣпи „мѣрительныя" и проч.), которые выдавались сенатскимъ геодезистамъ, посылавшимся, по указамъ Сената, въ разныя мѣста имперіи для межевыхъ и другихъ геодезическихъ работъ; золотыя печати, посту-

*) Упоминается, что генералъ-прокуроръ имѣлъ особый, «генералъ-прокурорскій столъ», покрытый какъ и сенаторскій, бархатомъ; но гдѣ находился этотъ столъ—прямыхъ указаній нѣтъ.

**) Въ тоже время чернымъ же сукномъ были покрыты и столы канцеляріи и конторъ Сената.

***) Портретъ былъ написанъ въ 1739 году, по опредѣленію Сената, «живописнымъ мастеромъ» Иваномъ Линценомъ, а къ нему рама сдѣлана «рѣзныхъ дѣлъ мастеромъ» Ульяновымъ. За работу выдано, изъ расходной сенатской суммы: Линцену 200 руб., Ульянову 21 руб.; кромѣ того, за позолоту рамы 42 руб. 40 коп. Въ апрѣлѣ 1740 года этотъ портретъ былъ взятъ изъ Сената въ Императорскій Кабинетъ, при чемъ объявлено Сенату, «что оный портретъ и рамы отправлены быть имѣютъ въ Царь-градъ съ назначеннымъ въ посольство генераломъ и кавалеромъ Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ». Вслѣдствіе этого, Сенатъ положилъ: за взятый портретъ требовать отъ Иностранной коллегіи 263 руб. 40 коп., (стоимость портрета) и заказать новый, «такой же» портретъ живописцу Вишнякову, а также и раму къ нему.

нившія сюда въ январѣ 1740 года изъ Печатной конторы: 1) императора Петра Великаго, 1714 года, вѣсомъ 25 золотниковъ, и 2) императрицы Екатерины I-й, 1726 года, вѣсомъ 59 золотниковъ; два протазана, вызолоченные, на черныхъ древкахъ, съ шелковыми съ золотомъ кистями [16]).

Помѣщаясь, какъ сказано выше, на островѣ, близъ стрѣлки, Сенатъ для перевоза своихъ чиновъ черезъ Неву и Малую Неву имѣлъ свою особую, „сенатскую", пристань, „торишкоутъ" (судно), нѣсколько шлюпокъ и верботъ. Число лодокъ (четырехъ, шести и восьмивесельныхъ) доходило до шести и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли спеціальное назначеніе и названіе; такъ упоминаются шлюпки: „генералъ-прокурорская", „герольдмейстерская", „рекетмейстерская" и для перевоза канцелярскихъ чиновъ черезъ Малую Неву. Шлюпки были выкрашены и имѣли „тюфяки", обшитые краснымъ сукномъ, съ желтыми кистями и съ „парусными наметами". При этой флотиліи состояли „квартирмистръ" и 16—34 вольнонаемныхъ гребцовъ. Послѣдніе носили особый „мундиръ", состоявшій изъ суконныхъ, васильковаго цвѣта, кафтановъ, камзоловъ и штановъ, съ желтымъ питянымъ галуномъ и мѣдными пуговицами, кушаковъ желтаго цвѣта и картузовъ [17]). — Для болѣе или менѣе отдаленныхъ поѣздокъ тѣхъ же чиновъ по дѣламъ службы ставлялись, по требованію Сената, ямскія подводы Ямской канцеляріею, и слѣдовавшія за эти подводы деньги уплачивались Сенатомъ изъ своей расходной суммы [18]).

Въ томъ же зданіи, гдѣ помѣщался Сенатъ, находились и состоявшія при Сенатѣ конторы: Герольдмейстерская, Рекетмейстерская и Печатная, различныя коммиссіи и экспедиціи (которыя названы будутъ ниже), архивъ, колодничья и типографія [19]).

Кромѣ описаннаго, постояннаго помѣщенія, Сенатъ одно время, именно съ 28-го октября по 28-е ноября 1740 года, занималъ „квартиру" на Адмиралтейской сторонѣ. Перемѣщеніе послѣдовало по приказу, данному Императорскимъ Кабинетомъ 27-го октября этого года: „Объявить въ прав. Сенатѣ, чтобъ сего жъ дня со всѣмъ Сенатомъ перебрались на сю сторону Невы рѣки". Вслѣдствіе этого приказа, на слѣдующій же день для помѣщенія Сената были наняты на Адмиралтейской сторонѣ, въ домѣ камеръ-юнкера Скворцова, четыре палаты, а 5-го ноября, „для присутствія" регента Бирона, заняты въ томъ же домѣ еще три палаты. За все помѣщеніе Сенатъ заплатилъ Скворцову, по договору съ нимъ, 137 рублей [20]).

Вотъ тѣ свѣдѣнія о помѣщеніи и обстановкѣ Сената, въ Петербургѣ, которыя нашлись въ документахъ. Что же касается до помѣщенія Сенатской конторы, въ Москвѣ, то извѣстно только, что контора помѣщалась въ Кремлевскомъ дворцѣ и что въ ея „секретарской палатѣ" была „казенка для исправленія секретныхъ дѣлъ" [21]).

СОСТАВЪ СЕНАТА.

Въ составъ Сената, въ Петербургѣ, входили: сенаторы, генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ съ ихъ приказными, чины сенатской канцеляріи и состоявшихъ при Сенатѣ конторъ, коммиссій и „Канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ", низшіе служители: курьеры, сторожа, солдаты и друг., служащіе въ сенатской типографіи и, наконецъ, персоналъ школы при Сенатѣ.

Сенаторы. Въ царствованіе Іоанна III-го присутствіе Сената составляли: генералъ-аншефъ и кавалеръ Григорій Петровичъ Чернышевъ, генералъ, гвардіи подполковникъ и кавалеръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ (завѣдывавшій въ тоже время Тайною канцеляріею), дѣйствительные тайные совѣтники и кавалеры: графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ (пожалованный 9-го ноября 1740 г. въ кабинетъ-министры) и Александръ Львовичъ Нарышкинъ, генералъ-лейтенанты: Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ (назначенный въ январѣ 1741 г. генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ), Михаилъ Семеновичъ Хрущовъ и Иванъ Ивановичъ Бахметевъ (присутствовавшій въ Сенатѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1740 года), тайные совѣтники и кавалеры: генералъ-полиціймейстеръ Ѳедоръ Васильевичъ Наумовъ (въ 1741 году переименованный въ генералъ-лейтенанты), Василій Яковлевичъ Новосильцовъ и дѣйствительный камергеръ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ (послѣдній — съ ноября 1740 года), генералъ-маіоры: Михаилъ Ивановичъ Философовъ и Петръ Михайловичъ Шиповъ [22]). Къ концу царствованія, въ сентябрѣ 1741 года, составъ сенаторовъ былъ увеличенъ. 17-го числа этого мѣсяца Сенатъ получилъ именной указъ: „Понеже въ нашемъ Сенатѣ для исправленія врученныхъ оному многихъ государственныхъ дѣлъ сенаторовъ обрѣтается недовольно, а которые и есть, но и тѣ обязаны другими положенными на нихъ коммиссіями и слѣдовательно въ Сенатѣ такъ часто, какъ того нужное исправленіе дѣлъ требуетъ, присутствовать не могутъ, отъ чего въ сенатскихъ дѣлахъ остановка происходитъ, и дабы оныя безъ остановки и съ лучшимъ успѣхомъ исправляемы были, того ради въ прибавленіе ко обрѣтающимся нынѣ сенаторамъ всемилостивѣйше опредѣлили мы присутствовать въ нашемъ Сенатѣ: генералу-кригсъ-коммиссару и астраханскому губернатору князь Михаилу (Михайловичу) Голицыну, генералу-лейтенанту и воронежскому губернатору князь Григорію (Алексѣевичу) Урусову, нашему генералу-адъютанту графу Петру Салтыкову, нашему дѣйствительному камергеру Алексѣю (Михайловичу) Пушкину и дѣйствительному статскому совѣтнику князь Якову (Петровичу) Шаховскому, которому въ Полиціймейстерской канцеляріи уже не присутствовать. При томъ же всемилостивѣйше пожаловали мы князь Алексѣю Дмитріеву сыну Голицыну прежній его чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и указали присутствовать ему въ Сенатѣ, да

генерала-лейтенанта Бахметева, который предъ симъ въ Сенатѣ присутствовалъ и оберъ-прокуроромъ былъ, а потомъ опредѣленъ къ арміи, ежели онъ въ военной службѣ быть не пожелаетъ, то его отъ оной отставить и присутствовать ему въ Сенатѣ жъ“ [23]).

Какъ видно изъ приведеннаго именнаго указа и изъ другихъ документовъ, сенаторы назначались на должность высочайшею властью, при чемъ они приносили присягу „по указу“; о самомъ же „вступленіи ихъ въ присутствіе въ Сенатъ“ доводилось послѣднимъ до свѣдѣнія Императорскаго Кабинета [24]).

Содержаніе (годовое) сенаторы получали по рангу. Такъ Г. П. Чернышевъ, по рангу генерала и въ силу именнаго указа, объявленнаго изъ Сената 16-го іюля 1740 года, получалъ жалованья „денежнаго, кромѣ раціоновъ и деньщичья“, 3,600 руб.; генералъ-лейтенанты П. П. Бахметевъ и М. С. Хрущовъ и генералъ-маіоры М. П. Философовъ и П. М. Шиповъ, по воинскому штату и по именному указу, объявленному изъ Сената 12-го іюня 1740 года, получали, „кромѣ раціоновъ и деньщичья“: первый — 2,800, второй — 2,600, остальные—по 1,800 рублей каждый: дѣйствительный тайный совѣтникъ А. Л. Нарышкинъ, по указу 1724 года,—2,094 руб. 15 коп.; онъ же, состоя въ рангѣ тайнаго совѣтника, до ноября 1740 года, и тайный совѣтникъ В. Н. Новосильцовъ—по 1,277 руб. $62^1/_2$ коп. каждый. — О выдачѣ сенаторамъ заслуженнаго жалованья, также о перемѣнѣ оклада, Сенатъ посылалъ указы въ Статсъ-контору; послѣдняя же объ отпускѣ денегъ по этимъ указамъ предписывала Петербургской рентереѣ и объ исполненіи рапортовала Сенату. Напримѣръ, по награжденіи сенатора Нарышкина рангомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Сенатъ, 29-го іюля 1741 года, далъ Статсъ-конторѣ указъ: „о произвожденіи“ Нарышкину жалованья „по новоположенному его дѣйствительнаго тайнаго совѣтника рангу“ и о выдачѣ недоданнаго ему по этому рангу жалованья съ 1-го ноября 1740 по майскую треть 1741 года. На этотъ указъ Статсъ-контора отвѣчала рапортомъ отъ 5-го августа: „Оному дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру А. Л. Нарышкину по оному его чину жалованье, по указу 1724 года, по рангу генерала полнаго въ годовой окладъ, въ 2094 руб. въ 15 коп., съ пожалованія его въ тотъ чинъ, ноября съ 1-го 1740 года, мая по 1-е число сего 1741 года къ произведенному ему изъ прежняго его тайнаго совѣтника оклада въ додачу, въ 385 рублевъ въ $57^3/_4$ коп., за вычетомъ съ повышенія чина его на лазаретъ за мѣсяцъ 174 руб. $51^1/_4$ коп., достальные 211 руб. $6^2/_4$ коп. изъ Санктъ-Петербургской рентереи сего августа 1-го числа выданы“ [25]). — Сопоставляя приведенное сенаторское жалованье съ содержаніемъ другихъ, въ то время, высшихъ чиновъ государственной службы (кабинетъ-министровъ, придворныхъ чиновъ и др.), нельзя не замѣтить, что оклады большинства присутствовавшихъ въ Сенатѣ, въ

особенности тѣхъ, которые состояли въ рангахъ гражданскихъ, были довольно ограниченные, несоотвѣтственные высокому служебному и общественному положенію сенатора. Это несоотвѣтствіе выразилось и на дѣлѣ, въ обращеніи одного изъ сенаторовъ, Философова, къ императору съ просьбой о пособіи, „о патражденіи его (просителя), для скудости, чѣмъ бы онъ могъ, по рангу своему, безъ нужды себя содержать“ [26]).

Генералъ-прокуроръ, оберъ-прокуроръ и состоявшіе при нихъ чины. Въ данное время постъ генералъ-прокурора занималъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка маіоръ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго князь Никита Юрьевичъ Трубецкой. Содержанія онъ получалъ, „по рангу генеральскому“ и на основаніи имѣннаго указа, объявленнаго изъ Сената 10-го сентября 1740 года, по 3,600 рублей въ годъ. Получалъ-ли онъ и до этого указа какое-либо жалованье *) — невидно; сохранилось однако указаніе на его въ это время „нужду“: въ іюлѣ онъ подалъ императрицѣ Аннѣ челобитную, въ которой просилъ, „для его недостатковъ и самой крайней нужды, пожаловать ему въ вѣчное и потомственное владѣніе“ дворъ изъ числа конфискованныхъ въ Петербургѣ. При генералъ-прокурорѣ, въ качествѣ его помощника, состоялъ оберъ-прокуроръ. Должность эту занималъ сперва генералъ-лейтенантъ П. П. Бахметевъ, назначенный въ 1741 году присутствовать въ Сенатѣ (см. выше), а затѣмъ, съ 18-го сентября этого года, дѣйствительный камергеръ Иванъ Опуфріевичъ Брылкинъ. Генералъ-прокуроръ и его помощникъ, завѣдывая особою частью, носившею названіе: „прокурорскія и экзекуторскія дѣла“, имѣли въ своемъ распоряженіи особый штатъ чиновъ, въ составъ котораго, въ 1740—1741 гг., входили: экзекуторы (Богдановъ и Дурново), секретарь (съ годовымъ жалованьемъ 100 руб.) **), протоколистъ, взятый на время вмѣсто канцеляриста (250 руб.) и три копіиста (50, 55 и 60 руб.) ***). Приговоромъ Сената 8-го января 1740 года, „секретарь у прокурорскихъ и экзекуторскихъ дѣлъ“ былъ сравненъ по рангу съ секретарями канцеляріи Сената. Приговоръ состоялся по словесной просьбѣ „обрѣтающагося при Сенатѣ у прокурорскихъ и экзекуторскихъ дѣлъ секретаря Лукина, чтобъ ему на секретарскій его чинъ противъ сенатскихъ секретарей дать патентъ“. При разсмотрѣніи Сенатомъ этой просьбы, оберъ-секретарь Демидовъ представлялъ, что въ табели о рангахъ 1722 года „при прокурорскихъ и экзеку-

*) Кн. Трубецкой вступилъ въ должность генералъ-прокурора 5-го мая 1740 года.

**) Годовое жалованье чинамъ помѣщается здѣсь и ниже въ скобкахъ.

***) По штату 1724 года, имѣвшему силу и въ данное время, при прокурорскихъ и экзекуторскихъ дѣлахъ полагалось: секретарь (400 руб.), канцелярист (200 руб.) и 5 копіистовъ (по 50 руб.).

торскихъ дѣлахъ, такожъ и въ имѣющихся при Сенатѣ конторахъ секретарямъ въ какихъ рангахъ быть того не написано, а написаны одни сенатскіе секретари въ рангахъ маіорскихъ, которымъ по штату и жалованье дается особые оклады, а именно сенатскимъ шести—по 600 рублевъ, а вышеписаннымъ при прокурорскихъ и экзекуторскихъ дѣлахъ и въ конторахъ секретарямъ — противъ коллежскихъ, по 400 рублевъ въ годъ: а коллежскіе (секретари), по означенной табели, состоятъ въ рангѣ капитана-поручика; того ради онаго Лукина, по вышеозначенному въ штатѣ положенію, противъ сенатскихъ секретарей рангомъ считать сумнительно, къ тому жъ, ежели оному Лукину на чинъ его дать патентъ противъ сенатскихъ секретарей, то и другіе обрѣтающіеся при Сенатѣ въ конторахъ секретари могутъ о дачѣ патентовъ просить противъ того жъ". Не смотря однако на эти доводы оберъ-секретаря, Сенатъ „приказалъ: оному Лукину на чинъ его патентъ дать противъ сенатскихъ секретарей, ибо онъ былъ въ Сенатѣ у прокурорскихъ и экзекуторскихъ дѣлъ, а не въ конторѣ" [27]).

Составъ канцеляріи Сената въ описываемое время былъ слѣдующій: 2 оберъ секретаря (по 1,200 руб.), 6 секретарей (изъ нихъ одинъ получалъ 500, четыре — по 550 и одинъ — 600 руб.), переводчикъ (300 руб.), 2 протоколиста (по 300 руб.), регистраторъ (250 руб.), 12 канцеляристовъ (160—230 руб.), 13 подканцеляристовъ (100—150 руб.), 43 копіиста (12—70 руб.), переплетчикъ (50 руб.) и 3 сторожа (по 24 руб.) *). Кромѣ того, при канцеляріи состояли „дворяне"—молодые шляхтичи, обучавшіеся здѣсь „приказнымъ дѣламъ, такожъ и въ учрежденной при Сенатѣ школѣ—надлежащимъ наукамъ". По штату 1724 года такихъ учениковъ, — называвшихся тогда „коллегіи-юнкерами",—полагалось всего шесть человѣкъ (съ жалованьемъ по 25 руб. каждому); впослѣдствіи же, въ 1737 году, число ихъ было увеличено. 11-го мая этого года Сенатъ, по сообщенію изъ Императорскаго Кабинета, постановилъ: „Для обученія приказныхъ дѣлъ быть въ Сенатѣ изъ недорослей, которые изъ шляхетства явились у герольдмейстера, 12 человѣкъ, и слыть имъ „дворянами сенатской канцеляріи" и отправлять точно копіистскую должность, а жалованье получать по ихъ должности копіистское, по 70 руб. въ годъ" **). Въ связи съ этимъ Сенатъ, приговоромъ 19-го февраля 1739 года, разрѣшилъ и вопросъ о суммѣ на жалованье сенатскимъ „дворянамъ", приказавъ: „на прошлый 1738 годъ на тѣхъ

*) По штату 1724 года: 2 оберъ-секретаря (по 1,200 руб.), 6 секретарей (по 600 руб.), переводчикъ (400 руб.), 2 протоколиста (по 400 руб.), 5 регистраторовъ (по 300 руб.). 13 канцеляристовъ (по 250 руб.), 13 копіистовъ (по 70 руб.), переплетчикъ (50 руб.) и 4 сторожа (по 24 руб.).

**) Въ 1740 году въ канцеляріи Сената обучались приказному дѣлу также «дворяне» нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ учрежденій. Какъ о нихъ, такъ и о «дворянахъ» вообще, будетъ сказано ниже, подъ рубрикой «Школа при Сенатѣ».

дворянъ опредѣленныя сверхъ штата деньги 690 руб. взять въ Сенатъ изъ Статсъ-конторы въ счетъ выданнаго изъ сенатской суммы статскому дѣйствительному совѣтнику Маслову при отправленіи его оберъ-прокурорской должности января съ 1-го числа 1730 года по день смерти его — ноября по 5-е число 1735 года" *) [28]). При этой же части Сената числились: „сенатской канцеляріи прапорщикъ". Сабуровъ, завѣдывавшій низшими служителями, мелочными покупками и наймомъ рабочихъ, и геодезисты,—до 16 человѣкъ. На жалованье послѣднимъ расходовалось около 1,500 руб. въ годъ [29]).

Составъ Герольдмейстерской конторы: герольдмейстеръ — статскій совѣтникъ Петръ Андреевичъ Квашнинъ-Самаринъ, до 6-го ноября 1740 года, а затѣмъ, съ января 1741 года, — бригадиръ Никита Желябужскій (бывшій прокуроръ Адмиралтейской коллегіи); „товарищъ герольдмейстера", или „совѣтникъ", — „иноземецъ" Іоганнъ Геннигеръ, до 19-го ноября 1740 года **); приказные: секретарь (400 руб.), переводчикъ — Карлъ Удомъ, съ іюня 1740 по мартъ 1741 года (250 руб.), 2 канцеляриста (по 190 руб.), 3 подканцеляриста (65—80 руб.) и пять копіистовъ (20—55 руб.); „живописный мастеръ" (150 руб.); сторожъ (24 руб.) ***) [30]).

Составъ Рекетмейстерской конторы: генералъ-рекетмейстеръ — дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Ѳедоръ Андреевичъ Щербатовъ; приказные: секретарь (118 руб. 50 коп.), 2 канцеляриста (125 руб. 40 коп. и 150 руб.), подканцелярист (94 руб.) и 4 копіиста (18—43 руб.);сторожъ (18 руб.) ****) [31]).

Составъ Печатной конторы: секретарь (400 руб.), канцелярист (200 руб.) и 3 копіиста (40—60 руб.) †) [32]).

Составъ коммиссій при Сенатѣ. Въ составъ „Доимочной коммиссіи" входили: члены: Иванъ Нащокинъ и Сергѣй Болтинъ; секретарь (400 руб., „по особливому указу"), канцеляристы, подканцеля-

---

*) Изъ отмѣтки на документѣ видно, что эти деньги изъ указаннаго источника были «взяты» и что на данный расходъ осталось еще въ запасѣ 6,253 руб. 20 коп.

**) Въ 1722 году, по именному указу 12-го апрѣля, къ бывшему въ то время герольдмейстеру Плещееву былъ опредѣленъ «въ товарищи иноземецъ полковникъ графъ Сантій», который въ 1727 году «отъ того дѣла отлученъ» и на его мѣсто «въ совѣтники», въ 1739 году, назначенъ Геннигеръ.

***) По штату 1724 года: приказныхъ: секретарь (400 р.), переводчикъ (250 руб.), 2 канцеляриста (по 200 руб.) и 3 копіиста (по 50 руб.); коллегіи-юнкеръ (25 руб.), живописный мастеръ (150 руб.) и 2 сторожа (по 18 руб.). Всего на жалованье—1,411 руб., на 122 рубля болѣе годоваго расхода на указанныхъ выше наличныхъ чиновъ; изъ этого остатка 180 руб. 4 коп. отпускалось въ московскую Сенатскую контору.

****) По штату 1724 года: приказныхъ: секретарь (400 руб.), 2 канцеляриста (по 200 руб.) и 2 копіиста (по 50 руб.); 2 сторожа (по 18 руб.).

†) По штату 1724 года: секретарь (400 руб.), 2 канцеляриста (по 200 руб.) и 2 копіиста (по 50 руб.).

ристы и копіисты [33]).—Въ „Коммиссіи для разсмотрѣнія нерѣшенныхъ прошлыхъ лѣтъ дѣлъ“, въ качествѣ членовъ, засѣдали сенаторы: Чернышевъ, Леонтьевъ, Новосильцовъ и Шиповъ; дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ одинъ изъ оберъ-секретарей Сената, канцелярская же работа велась въ сенатской канцеляріи, въ тѣхъ отдѣленіяхъ ея, къ которымъ по своему характеру относились нерѣшенныя дѣла [34]).— „Коммиссія объ отдачѣ на аренду дворцовыхъ мызъ“ имѣла въ своемъ составѣ особыхъ канцелярскихъ служителей: двухъ канцеляристовъ и четырехъ копіистовъ. — „У сочиненія генеральнаго о числѣ мужеска пола душъ алфабета“ состоялъ секретарь и при немъ канцелярскіе служители, получавшіе жалованье на основаніи указовъ 27-го ноября 1735 и 2-го апрѣля 1739 года.—„У сочиненія окладной книги“: „двѣ персоны“ и, въ двухъ экспедиціяхъ, приказные: 2 секретаря, регистраторъ, „за камерира“, 3 канцеляриста, 4 подканцеляриста и 7 копіистовъ [35]).

Чины сенатскаго архива: секретарь, которому въ данное время „оклада (жалованья) не учинено“, и командированные изъ сенатской канцеляріи (изъ числа вышеупомянутыхъ) регистраторъ, канцелярисгъ и копіистъ *) [36]).

Низшіе служители при Сенатѣ: вахмистръ, курьеры, —до 6 человѣкъ, капралъ и солдаты, — до 26 человѣкъ. Вся эта команда,— называвшаяся „сенатскою ротою“, — состояла, какъ уже сказано, въ ближайшемъ завѣдываніи сенатской канцеляріи прапорщика и получала жалованье изъ сенатскихъ суммъ, именно: въ треть, вахмистръ—около 12 руб., курьеры – по 6 руб. съ коп., капралъ—около 6 руб., солдаты—около 5 руб. каждый [37]).

Изъ перечисленныхъ чиновъ генералъ-прокуроръ, оберъ-прокуроръ, герольдмейстеръ и его товарищъ, генералъ-рекетмейстеръ и члены коммиссій опредѣлялись и увольнялись высочайшею властью, приказные же, начиная съ оберъ секрстарей,—присутствіемъ Сената, по представленію генералъ-прокурора [38]).—Повышеніе низшихъ приказныхъ и опредѣленіе въ Сенатъ на низшія канцелярскія должности: къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ и въ исключительныхъ случаяхъ въ сенатскую канцелярію зависѣло отъ генералъ-прокурора, который при этомъ руководствовался отзывами сенатскихъ оберъ-секретарей и секретарей и подписывалъ единолично самый актъ назначенія („опредѣленіе“), имѣвшій слѣдующую форму: „По указу его императорскаго величества, генералъ-прокуроръ (слѣдовалъ полный титулъ кн. Трубецкаго) приказалъ: правительствующаго Сената канцелярскихъ служителей, по удостоинству оберъ-секретарей и секретарей, произвесть, а именно“ (слѣдовало назначеніе на должности). — При опредѣленіи

*) По штату (1724 г. ?) при сенатскомъ архивѣ полагались: секретарь (300 руб.), регистраторъ (200 руб.), канцелярисгъ (150 руб.) и 2 копіиста (по 50 руб.).

въ Сенатъ и каждый разъ при повышеніи здѣсь чины приносили присягу и росписывались на присяжномъ листѣ. — Приказные, по ихъ челобитьямъ, увольнялись на извѣстный срокъ отъ запятій: состоявшіе при конторахъ—начальниками послѣднихъ, а входившіе въ составъ сенатской канцеляріи—присутствіемъ Сената или генералъ-прокуроромъ, который въ тоже время дѣлалъ распоряженіе о замѣщеніи должности уволеннаго. По уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, по болѣзни, требовавшей серьезнаго лѣченія, отпускъ разрѣшался на весьма продолжительное время, года на два. Уволенный „обязывался реверсомъ съ подпискою“ по истеченіи срока отпуска явиться въ Сенатъ и, если отъѣзжалъ изъ Петербурга, получалъ „для свободнаго проѣзда паспортъ“ [39]). — Жалованье приказнымъ и служителямъ выдавалось по третямъ, по особымъ для каждой части Сената „росписаніямъ“, которыя предварительно удостовѣрялись подписью: по сенатской канцеляріи—оберъ-секретарей и секретарей, по конторамъ—управлявшихъ ими, по сенатской ротѣ — завѣдывавшаго ею прапорщика, а затѣмъ просматривались генералъ-прокуроромъ и окончательно утверждались его подписью [40]). Назначалось жалованье не всегда по штатному окладу: оно увеличивалось или умепьшалось по заслугамъ. Въ этомъ случаѣ Сенатъ, какъ и всѣ вообще государственныя учрежденія, руководствовался указомъ 2-го марта 1725 года, который гласилъ: „приказнымъ, считая отъ оберъ-секретарей и нижнимъ, хотя въ спеціальныхъ штатахъ каждому чину окладъ и написанъ, но сіе токмо для счисленія суммы, сколько на которую коллегію быть имѣетъ; а понеже приказные люди всѣ равнаго состоянія быть не могутъ, ибо есть такіе, которые въ дѣлахъ передъ другими искусны(ѣ)е и въ трудахъ прилежнѣе, того ради каждой коллегіи и канцеляріи опредѣленную сумму, по числу приказныхъ служителей, раздѣлять всякому по трудамъ и по заслугамъ по своему разсмотрѣнію; токмо того смотрѣть, чтобъ иногда кто по достоинству трудовъ изобиженъ, а не по достоинству излишнимъ награжденъ не былъ. И хотя которая коллегія или канцелярія разсудитъ сверхъ опредѣленнаго числа въ штатъ людей прибавить или убавить, то въ ихъ же волѣ да будетъ, токмо на прибавочныхъ жалованья сверхъ опредѣленной суммы въ штатъ не требовать“ *) [41]). Въ случаѣ смерти должностнаго лица, заслуженное имъ жалованье слѣдовало, на основаніи 44-го артикула Адмиралтейскаго регламента, его родственникамъ. Выдавалось жалованье за вычетомъ: у приказныхъ—на госпиталь **), у чиновъ сенатской роты—„на строеніе мундира“. Выданное содержаніе записывалось „въ расходъ съ росписками“ [42]). Всего на содержаніе приказныхъ, состояв-

*) Послѣднія слова этого указа служатъ объясненіемъ нѣкотораго несходства вышеприведеннаго наличнаго состава приказныхъ Сената съ составомъ по штату.

**) Изъ этихъ вычетовъ за 1732—1739 гг. образовалась сумма—1,118 руб. 17 коп.

шихъ въ сенатской канцеляріи, у прокурорскихъ дѣлъ и въ конторахъ, по штату 1724 года, было положено 15.923 руб. 96 коп.; въ данное время на этотъ предметъ требовалось немногимъ болѣе (приблизительно на 400 рублей), и затрудненіе устранялось посредствомъ вычета изъ жалованья у канцелярскихъ чиновъ (кромѣ переплетчика и сторожей) по 4 коп. съ рубля. Деньги на жалованье частью поступали изъ суммъ сенатской Печатной конторы (изъ сбора печатныхъ пошлинъ), частью отпускались, по ассигновкѣ Статс-конторы, изъ Петербургской рентереи [43]). — Въ заключеніе ряда данныхъ, касающихся чиновъ Сената, остается привести свѣдѣніе о порядкѣ осмотра больныхъ сенатскихъ приказныхъ. Въ октябрѣ 1741 года Сенатъ,—по словесному предложенію генералъ-прокурора, „что въ прошломъ 1740 году для осмотра сенатской канцеляріи больныхъ служителей опредѣленъ былъ лѣкарь Ингерманландскаго пѣхотнаго полка, который нынѣ въ польскомъ походѣ, и чтобъ для того нынѣ опредѣлить лѣкаря изъ гарнизона, — приказалъ: въ С.-Петербургскую гарнизонную канцелярію послать указъ, чтобъ для осмотра сенатской канцеляріи больныхъ, когда потребуетъ экзекуторъ, посланъ бы былъ отъ здѣшняго гарнизона лѣкарь, безъ письменныхъ пересылокъ“ [44]).

Сенатская типографія. Въ 1740—1741 гг. ей поручалось Сенатомъ печатаніе, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, манифестовъ, указовъ (высочайшихъ и сенатскихъ) и формъ, слѣдовавшихъ къ разсылкѣ въ государственныя учрежденія имперіи для „вѣдома и исполненія“ или для объявленія во всенародное извѣстіе, также изготовленіе присяжныхъ листовъ, паспортовъ и „статскимъ чинамъ патентовъ“. Сверхъ того, типографія исполняла заказы государственныхъ установленій по печатанію ихъ указовъ, предназначавшихся къ распубликованію. Послѣдняя работа производилась на основаніи сенатскаго указа 10-го февраля 1738 года: „ежели какіе публичные указы имѣютъ быть отправлены, оные („формуляры“ указовъ) для напечатанія, изъ которыхъ мѣстъ пожелаютъ, присылать, при вѣдѣніяхъ, сколько будетъ надобно, въ Сенатъ (въ сенатскую канцелярію) съ бѣлою бумагою и платить деньги — за каждый цѣлый кругомъ листъ по двѣ копѣйки, а больше или меньше того, то — по разсчету“.

По штату 1725 года, сенатскую типографію было „велѣно содержать отъ продажи книгъ (указныхъ) и указовъ“, и, какъ видно изъ сенатскихъ записей, этотъ источникъ содержанія былъ вполнѣ достаточенъ: напечатанные типографіею „указы, указныя книги, регламенты и уставы и формы производились для продажи въ народную пользу охотно и немалымъ числомъ, такожъ изъ Сената посылались въ разныя мѣста, а изъ тѣхъ мѣстъ присылались въ Сенатъ, по установленной цѣнѣ, деньги; къ тому жъ и съ патентовъ офицерскихъ (за напечатаніе ихъ) собиралась немалая сумма, и оная (сенатская) типографія въ припасѣхъ и въ содержаніи служителей жалованьемъ содержана была безъ

нужды". Впослѣдствіи, когда печатаніе офицерскихъ патентовъ и, по именному указу 6-го февраля 1735 года, „уложенія и указныхъ книгъ" было передано Академіи Наукъ, доходы типографіи значительно уменьшились, что̀ въ связи съ неисправною уплатою учрежденіями за работы, произведенныя для нихъ типографіею, поставило послѣднюю въ затруднительное положеніе, и къ концу 1739 года она оказалась „противъ прежняго въ несостояніи, а служители (ея) пришли отъ долговременнаго неполученія жалованья въ крайнее убожество и нищету". Въ виду этого Сенатъ вынужденъ былъ на содержаніе типографіи брать деньги, „въ счетъ типографскихъ доходовъ", изъ Статсъ-конторы и изъ суммъ сенатской канцеляріи, для пополненія же типографской кассы — принять возможныя мѣры, „накрѣпчайшими указами" подтвердить учрежденіямъ о немедленномъ взносѣ денегъ по счету ихъ съ типографіею.

Размѣръ и рабочія силы сенатской типографіи были не велики: два стапа и при нихъ, въ концѣ 1739 года: два наборщика (съ годовымъ жалованьемъ 60 и 96 руб.) *), три тередорщика (одинъ—40, двое—по 50 руб.) и два батырщика (40 и 50 руб.). Въ слѣдующемъ году составъ этотъ былъ увеличенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обращено вниманіе на устройство и счетоводство типографіи. 2-го декабря Сенатъ приказалъ: „За неимѣніемъ въ той (сенатской) типографіи при другомъ стапѣ служителей: тередорщиковъ — двухъ, батырщиковъ — двухъ, взять для исправленія того дѣла и ко обученію въ наборщики (понеже при той типографіи наборщиковъ только двое и изъ нихъ одинъ старъ и смотритъ въ очкахъ, и за тѣмъ въ наборѣ неуспѣшенъ) изъ здѣшней гарнизонной школы обученныхъ грамотѣ и писать солдатскихъ дѣтей, къ наукамъ понятныхъ, семь человѣкъ, въ томъ числѣ лѣтами срослыхъ, хотя изъ малорослыхъ, въ тередорщики и батырщики — четырехъ, а въ наборщики изъ малолѣтнихъ, однакожъ не ниже 13 лѣтъ,—трехъ. Оную типографію осмотрѣть, во всемъ-ли исправна, и ежели чего во опой недостаетъ, то надлежащимъ образомъ исправить, чтобъ дѣйство свое имѣла безъ всякой остановки. Впредь (деньги), приходящія за напечатаніе указовъ, патентовъ, паспортовъ и прочаго, что печататься будетъ за деньги, записывать и расходъ держать особо, и для того на записку опыхъ денегъ имѣть двѣ книги, одну приходную, другую расходную, и счеты производить повсегодно".

Ближайшее завѣдываніе хозяйствомъ типографіи было поручено наборщикамъ. Они продавали имѣвшіеся въ запасѣ экземпляры „публичныхъ указовъ" разныхъ годовъ, принимали слѣдовавшія въ типографскій доходъ деньги, вносили этотъ сборъ въ канцелярію Сената

*) Съ сентября 1740 года, по приговору Сената, оба наборщика получали жалованья по ровну, по 96 рублей.

и требовали отъ послѣдней все необходимое для производства работъ. Сносились наборщики съ сенатскою канцеляріею письменно, въ формѣ доношенія, съ приложеніемъ, когда было нужно, вѣдомостей и реестровъ.

О размѣрѣ производства и о доходѣ сенатской типографіи можно судить по слѣдующему „реестру“ отпечатанныхъ ею въ октябрѣ и ноябрѣ 1740 года присяжныхъ листовъ, формъ, указовъ и манифестовъ.

отпечатаны:	экземпляровъ:	по цѣнѣ на:
„Первая присяга въ вѣрности“ императрицѣ Аннѣ и ея наслѣднику, принцу Іоанну Антоновичу.	17.543	263 р. 14½ к.
„Вторая присяга въ вѣрности“ императору Іоанну Антоновичу. . . .	10.780	161 „ 70 „
„Форма о титулахъ“ императора Іоанна Антоновича.	3.150	47 „ 25 „
Высочайшій указъ „о титулѣ регента“ Бирона.	3.020	45 „ 30 „
Высочайшій указъ „о прихожденіи народу ко вторымъ присягамъ“. . .	3.300	49 „ 50 „
Манифестъ о титулѣ отца императора, герцога Антона Ульриха . . .	2.400	36 „ — „
„Публичный указъ о неношеніи на платьѣ золота и серебра“	2.400	36 „ — „
„Форма о титулахъ его императорскаго величества, вновь сочиненная“ .	3.300	99 „ — „
„Манифестъ о противныхъ поступкахъ регента (Бирона) и объ отрѣшеніи его и о прочемъ“	1.200	36 „ — „
„Присяга на пожалованные чины“.	3.600	54 „ — „
„Подтвердительный публичный указъ, чтобъ въ доимкахъ и объ отпущеніи винъ, штрафовъ и наказаній впадшихъ въ разныя погрѣшенія и о прочемъ немедленное исполненіе чинить безъ всякихъ отмѣнъ“.	2.400	36 „ — „
„Публичный указъ о свободѣ каторжныхъ, кои съ вырѣзаніемъ ноздрей посланы въ Сибирь на житье“ . . .	1.200	18 „ — „
„Публичный указъ о правосудіи“ .	1.700	25 „ 50 „
	55.993	907 р. 39½ к.[45]).

Школа при Сенатѣ. Еще императоръ Петръ Великій обратилъ вниманіе на весьма низкій уровень просвѣщенія среди современнаго ему дворянства, и рядомъ указовъ установилъ обязательность и нѣкото-

рый порядокъ обученія дворянскаго юношества. По смерти Петра, преемники его продолжали начатое имъ дѣло просвѣщенія высшаго сословія, и забота ихъ по этой части выразилась, между прочимъ, въ именномъ указѣ 9-го февраля 1737 года, которымъ былъ регламентированъ порядокъ правительственнаго контроля надъ обученіемъ недорослей. По этому повелѣнію, всѣ дворянскія дѣти, для записки и для провѣрки хода ихъ обученія, обязаны были являться на періодическіе смотры: въ первый разъ—по достиженіи ими семилѣтняго возраста, въ Петербургѣ - къ герольдмейстеру, а въ Москвѣ и въ губерніяхъ—къ губернаторамъ, для записки ихъ въ особыя книги; во второй разъ—въ 12-тилѣтнемъ возрастѣ, къ тѣмъ же лицамъ, для отчета въ знаніи ими русской грамоты—„читать и чисто писать", и въ третій разъ—по достиженіи 16 лѣтъ, въ Петербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ ихъ „свидѣтельствовали" въ Сенатѣ, испытывая въ знаніи Закона Божія, ариѳметики, геометріи и иностранныхъ языковъ предметовъ, которымъ дѣти обязательно обучались послѣ втораго смотра. Затѣмъ обученіе недорослей наукамъ (географіи, исторіи и фортификаціи) должно было продолжаться „до урочныхъ по указу (31-го декабря 1736 года) 20 лѣтъ", т. е. до вступленія ихъ въ военную службу. Образованіе молодыхъ дворянъ послѣ втораго и третьяго смотровъ или предоставлялось ихъ родителямъ и родственникамъ, если они объ этомъ просили и при томъ къ обученію дѣтей имѣли полную, доказанную возможность, или же поручалось казеннымъ школамъ. Къ числу такихъ учебныхъ заведеній принадлежала и „учрежденная при Сенатѣ школа", для обученія наукамъ „опредѣленныхъ при Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ дворянъ". Объ этихъ „дворянахъ", именно—о сенатскихъ, уже было упомянуто при описаніи состава сенатской канцеляріи; вотъ болѣе подробныя о нихъ свѣдѣнія. Именнымъ, 9-го февраля 1737 года, указомъ (сущность котораго изложена нѣсколькими строками выше) было повелѣно: „которые недоросли при смотрѣ въ 16 лѣтъ явятся болѣе способны къ гражданской, нежели къ военной службѣ, и изъ оныхъ въ гражданскую службу опредѣлять по усмотрѣнію сенатскому, какъ по особливому указу опредѣлено". Вслѣдствіе этого, Сенатъ, 3-го марта того же года, постановилъ: „Имѣющихся въ С.-Петербургѣ изъ шляхетства недорослей отъ 15 до 17 лѣтъ, а грамотѣ россійской читать и писать—обучились, изъ тѣхъ выбравъ изъ средней знатныхъ фамилій въ Сенатъ, за которыми не меньше бъ было 100, а въ коллегіи и канцеляріи—не меньше 25 душъ, и чтобъ они могли не токмо опредѣленнымъ жалованьемъ, но и своимъ собственнымъ иждивеніемъ себя честно, чисто и неубого содержать, къ тому жъ между канцелярскою должностью и другимъ пристойнымъ наукамъ къ шляхетству и къ гражданству обучаться, чѣмъ оные могутъ подать и другимъ впредь свою охоту, на нихъ смотря, въ статскіе чины проситься опредѣленія. Хотя они опредѣлятся точно должностію и жа-

ловапье копіистское получать будутъ, но токмо бъ слыть имъ дворянами, которые будутъ въ Сенатѣ, тѣмъ—сенатской канцеляріи, а въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ — дворянами жъ той коллегіи или канцеляріи, чѣмъ наибольше могутъ другимъ охоты придать и излишнее нареканіе и уничтоженіе (sic) приказныхъ людей отъ себя отвесть. Жалованье получать: годъ — копіистское, два года — подканцелярпстское, два года — канцелярпстское, и, по прошествіи пяти лѣтъ, достойныхъ производить въ секретари. Ежели во оныя лѣта которые изъ нихъ найдутся неспособны къ гражданству, такихъ отсылать въ Военную коллегію для опредѣленія въ военную службу". Приговоръ этотъ былъ разсмотрѣнъ Императорскимъ Кабинетомъ и, 6-го марта, имъ утвержденъ, „токмо съ такимъ изъясненіемъ: чтобъ выбраны были къ тѣмъ дѣламъ люди достойные, грамотѣ довольно знающіе и чисто писать умѣющіе; чтобъ они въ бытность свою при дѣлахъ въ показанные годы въ копіистскихъ, подканцелярпстскихъ и канцелярпстскихъ должностяхъ, хотя тѣми чинами именоваться и не будутъ, токмо бъ должности оныхъ исправляли, какъ и прочіе, и въ томъ за ними смотрѣніе имѣть: и для того со опредѣленія чрезъ первый годъ и по окончаніи того года высматривать, и ежели явится достоинъ, то таковыхъ и далѣе для произвожденія содержать, а буде изъ таковыхъ чрезъ годъ, по усмотрѣнію, кто явится, что къ статскимъ дѣламъ неспособенъ, то такихъ отсылать того-жъ времени, не продолжая далѣе, въ Военную коллегію для опредѣленія въ полевые полки въ солдаты". Вслѣдъ за этимъ Сенатъ приступилъ къ самому дѣлу—назначенію въ „дворяне" и установленію, въ подробностяхъ, правилъ ихъ занятій. 11-го мая онъ распорядился: „Изъ недорослей, которые изъ шляхетства явились у герольдмейстера въ С.-Петербургѣ, а грамотѣ россійской — писать и читать — обучены и съ смотра прав. Сената назначены къ приказнымъ дѣламъ, изъ оныхъ опредѣлить къ дѣламъ по росписанію дѣйствительнаго камергера и сенатора князь Бориса Григорьевича Юсупова, кто куда назначены (именно: въ Сенатъ — 12, въ Синодъ — 6, въ коллегіи: Иностранныхъ дѣлъ — 12, Военную, Юстицъ и Коммерцъ и въ Статсъ-контору — по 6, въ Генералъ-бергъ-директоріумъ и Монетную канцелярію — по 4; кромѣ того, изъ недорослей, явившихся въ Москвѣ, по выбору сенатора графа Семена Андреевича Салтыкова, въ московскія учрежденія: въ Сенатскую контору и въ коллегіи: Вотчинную, Ревизіонъ и Камеръ — по 6, въ Судный приказъ — 4 и въ Канцелярію конфискаціи — 2);... и для лучшаго надъ ними смотрѣнія быть имъ въ главномъ смотрѣніи: въ Сенатѣ — у сенатора князь Бориса Григорьевича (Юсупова), а въ Сенатской конторѣ — у кого генералъ графъ Семенъ Андреевичъ (Салтыковъ) заблагоразсудитъ, а въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ — у президентовъ, а гдѣ президентовъ нѣтъ — у вице-президентовъ, а въ канцеляріяхъ — у главнаго судьи; и поступать со оными нижеслѣдующимъ

образомъ: 1) Вручить оныхъ дворянъ въ Сенатѣ оберъ-секретарю, а ему росписать ихъ по экспедиціямъ секретарскимъ, имѣть надъ ними смотрѣніе и попеченіе къ поспѣшествованію пользѣ государственной нелѣностно, чтобъ секретари тщательно ихъ обучали, что касается до приказнаго порядка и знанія указовъ и правъ государственныхъ, уложенія и прочаго; къ тому жъ, чтобъ чисто и хорошо писать обучены были, и при томъ обученіи вышеозначеннымъ дворянамъ отправлять точно копіистскую должность; а въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ такимъ же образомъ смотрѣніе и попеченіе имѣть президентамъ, вице-президентамъ и главнымъ судьямъ. 2) Онымъ же дворянамъ назначить два дня въ недѣлѣ обучаться ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи и гографіи и грамматикѣ, и обучаться имъ грамматикѣ одинъ день въ недѣлю, а другой день — прочимъ наукамъ, и для того ученія въ означенные два дня сбираться имъ изо всѣхъ мѣстъ въ Сенатъ (въ Петербургѣ— въ сенатскую школу, а въ Москвѣ — въ контору Сената). 3) Секретарямъ въ Сенатѣ ото всякой экспедиціи еженедѣльно рапортовать оберъ-секретаря, а оберъ-секретарю доносить о ихъ прилежности и успѣхахъ въ принадлежащемъ обученіи ему, господину дѣйствительному камергеру (кн. Юсупову), а ему свидѣтельствовать самому всякій мѣсяцъ о ихъ ученіи; а въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ президентамъ, вице-президентамъ и главнымъ судьямъ и секретарямъ во обученіи ихъ по сему жъ поступать и въ Сенатъ о томъ рапортовать помѣсячно. 4) Жалованье имъ опредѣлить по ихъ должности копіистское какъ сенатской канцеляріи, такъ и коллежскимъ и канцелярскимъ дворянамъ по учрежденнымъ въ тѣхъ мѣстахъ окладамъ. И для того оныхъ дворянъ въ назначенныя мѣста по росписанію отослать изъ Герольдмейстерской конторы".—Такимъ образомъ было урегулировано начатое еще Преобразователемъ дѣло подготовленія опытныхъ въ канцелярскомъ производствѣ и научно образованныхъ дѣльцовъ, въ которыхъ такъ нуждались государственныя учрежденія. Но разсчеты правительства не оправдались. Уже въ началѣ 1740 года, — говорятъ документы, — „изъ тѣхъ (состоявшихъ при петербургскихъ учрежденіяхъ) дворянъ, по экзаменамъ и по смотру правительствующаго Сената, явились въ наукахъ и въ приказныхъ дѣлъ непонятныхъ и неприлежныхъ 27 человѣкъ, которые (въ силу вышеизложенной резолюціи Императорскаго Кабинета 6-го марта 1737 года), для опредѣленія въ солдаты, въ Военную коллегію и отосланы; а 28 человѣкъ, по свидѣтельству учителей (сенатской школы), въ наукахъ: ариѳметикѣ, геометріи и географіи прилежность имѣютъ и впредь къ лучшему знанію надежда въ нихъ есть *), а къ приказнымъ дѣламъ прилежности не

*) Отзывъ этотъ можно считать не совсѣмъ точнымъ. Встрѣчается запись, что одинъ изъ числа указанныхъ 28 «*прилежныхъ*» дворянъ получилъ отъ учителей сенатской школы слѣдующую оффиціальную аттестацію: «Оный (дворянинъ такой-то)

имѣютъ и не хотятъ, а все, смотря происхожденіе въ воинской службѣ другихъ ихъ братьи дворянъ, къ тому прилежатъ и тщатся". При такомъ положеніи дѣла, Сенатъ разсудилъ обратиться въ Императорскій Кабинетъ съ представленіемъ: „не повелѣно-ль будетъ" упомянутыхъ выше дворянъ, уклоняющихся отъ занятія приказнымъ дѣломъ, „для окончанія наукъ употребить въ кадетскій корпусъ и нѣсколько въ Морскую академію къ геодезическимъ наукамъ, которыя мѣста нарочно для такихъ наукъ учреждены, понеже къ приказнымъ дѣламъ не по охотѣ обучать ихъ никакъ невозможно и только оные время свое продолжаютъ, а нѣкоторые уже изъ нихъ за 20 лѣтъ возраста своего пришли и пожепились; а впредь, для лучшаго обученія, къ приказнымъ дѣламъ опредѣлять изъ такихъ, кои охотою пожелаютъ, а не въ неволю". Съ этимъ „разсужденіемъ" Кабинетъ вполнѣ согласился, почему Сенатъ, 25-го іюня 1740 года, и постановилъ: 1) „Бывшихъ при Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ дворянъ, которые ко обученію приказныхъ дѣлъ прилежности не имѣютъ и не хотятъ, для окончанія другихъ наукъ опредѣлить въ кадетскій корпусъ, а другихъ, по возрасту лѣтъ ихъ, для опредѣленія въ полевые полки въ солдаты (отослать) въ Военную коллегію; а прочимъ какъ сенатскимъ, такъ и другихъ мѣстъ дворянамъ, по ихъ желанію, быть у приказныхъ дѣлъ до указа въ прежнихъ мѣстахъ. 2) Тѣмъ оставшимъ въ прежнихъ мѣстахъ дворянамъ быть у приказныхъ дѣлъ и отправлять копистскую должность и при томъ прилежно присматривать и обучаться и внимать приказнымъ порядкамъ—не одному письму, но что принадлежитъ и до канцелярской должности, не такъ, какъ до сего времени къ тому не радѣли, и быть имъ въ тѣхъ дѣлахъ у канцеляристовъ въ послушаніи; и объявить имъ, ежели которые изъ нихъ будутъ въ томъ имѣть прилежность и показывать свой трудъ и въ дѣлахъ искусство, тѣ безъ укоспѣнія будутъ и далѣе произведены и жалованьемъ награждены; напротивъ же того, буде кто явится неприлеженъ и нерадивъ и чрезъ годъ искусства своего не покажетъ, тѣ, по прошествіи онаго срока, написаны будутъ вѣчно въ солдаты. 3) Между тѣмъ оными дворянамъ всѣхъ мѣстъ обучаться во учрежденной при Сенатѣ школѣ и другимъ наукамъ, въ недѣлю два дня—въ среду и въ субботу, до обѣда и послѣ обѣда, безъ всякихъ отговорокъ и отбывательства, съ прилежаніемъ. 4) Для лучшаго смотрѣнія въ томъ ихъ обученіи приказнымъ дѣламъ, сверхъ канцеляристовъ, у кого оные въ повытьяхъ будутъ, имѣть частое надзираніе секретарямъ по экспедиціямъ, призывая ихъ къ себѣ, нѣкоторыя дѣла отдавать или о сочиненіи какихъ справокъ и экстрактовъ, напередъ о малыхъ какихъ дѣлахъ, а потомъ

— —

до отпуска своего въ домъ (на время около года) обучалъ геометріи и географіи, а нынѣ (въ 1740 году), явись изъ отпуска, оную науку позабылъ и впредь во оной наукѣ, по возрасту и лѣтамъ его, быть неспособенъ».

которыя и большаго труда требуютъ, отдавать самимъ, и, по сочиненіи, велѣть за ними канцеляристамъ поправлять; при прочихъ же наукахъ смотрѣніе имѣть опредѣленнымъ учителямъ, и какъ оные въ наукахъ и прилежности происходить будутъ, рапортовать: о приказныхъ дѣлахъ канцеляристамъ секретарей, а секретарямъ оберъ-секретарей, а имъ генералу-прокурору; а о другихъ наукахъ учителямъ прямо генерала жъ прокурора по вся дни рапортовать. 5) Прочихъ мѣстъ, а именно: Военной, Коммерцъ, Ревизіонъ и Юстицъ коллегій, тѣмъ оставшимъ дворянамъ быть для обученія дѣлъ при сенатской канцеляріи, понеже при бывшемъ напредъ сего экзаменѣ усмотрѣно, что въ тѣхъ мѣстахъ въ наукахъ смотрѣнія за ними не было; а жалованье получать имъ отъ тѣхъ коллегій по прежнему, а сенатскимъ — отъ сенатской канцеляріи, по трудамъ и наукамъ, какъ приказнымъ служителямъ по указу 1724 года давать опредѣлено; а нынѣ производить имъ въ годъ по 40 руб. человѣку".

Состояніе сенатской школы (въ Петербургѣ) въ царствованіе Іоанна Антоновича было слѣдующее. Всѣхъ учениковъ, по реестру 11-го марта 1741 года, числилось 16, въ томъ числѣ: дворянъ сенатской канцеляріи 2 (до этого было 3, изъ нихъ одинъ „выбылъ въ полки"), — Синода 2, — Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1 (до этого — 2), — Военной коллегіи 3, — Юстицъ-коллегіи 2, — Статсъ-конторы 2, — Коммерцъ-коллегіи 1. — Ревизіонъ-коллегіи 1 (до этого — 2, изъ нихъ одинъ „отосланъ въ Военную коллегію"), — Генералъ-бергъ-директоріума 2. — Учителей было только двое: капитанъ Василій Рудаковъ *) и геодезіи-прапорщикъ Моисей Сметьевъ. Они обучали дворянъ ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и „плоской навигаціи" **). Въ своихъ запятіяхъ ученики отдавали отчетъ на „экзаменѣ", производившемся при участіи постороннихъ свѣдущихъ лицъ, какъ это видно изъ слѣдующей записи: „1740 года, декабря „ " дня, допопеніемъ (въ Сенатъ?) изъ школы при правительствующемъ Сенатѣ о дворянѣхъ сенатскихъ и коллежскихъ и другихъ мѣстъ показано: въ присутствіи де Академіи Наукъ профессоромъ и ректоромъ и прочими геодезіи-оберъ-офицерами оные въ наукахъ экзаменованы, а чему кто обучился и какимъ всякій себя при томъ экзаменѣ показалъ и какое къ наукамъ прилежаніе имѣетъ и впредь ко обученію оныхъ надежны — приложенъ именной реестръ". Назначеніе, а также принятіе по просьбѣ, въ число учениковъ школы (т. е. въ число „дворянъ"), увольненіе ихъ на извѣстный срокъ „въ домъ" и исключеніе зависѣло отъ Сената. Перечисленіе состоявшихъ въ штатѣ какого-либо центральнаго учрежденія

*) Онъ въ то же время завѣдывалъ покупкою, ремонтомъ и храненіемъ геодезическихъ инструментовъ сенатской канцеляріи.

**) Вѣроятно, въ программу обученія входили также предметы, введенные въ курсъ сенатской школы распоряженіемъ Сената 11-го мая 1737 года: грамматика, географія и геодезія.

„дворянъ", по ихъ челобитью, въ штатное число „дворянъ сенатской канцеляріи" — допускалось, по при извѣстномъ условіи — способности и особенномъ прилежаніи. Увольненіе учениковъ на срокъ производилось на тѣхъ же основаніяхъ и съ тѣми же формальностями, какъ и отпускъ канцелярскихъ чиновъ [46]).

Таково было устройство „Правительствующаго Сената", въ Петербургѣ. Почти такое же устройство имѣлъ и Сенатъ, находившійся въ Москвѣ, — „*Правительствующаго Сената контора*", или, какъ она иногда называлась оффиціально, „*Сенатская контора*" [47]). Въ составъ ея входили: присутствующіе, представитель прокуратуры и экзекуторъ, приказные канцеляріи, чины у „герольдмейстерскихъ" и „ректмейстерскихъ дѣлъ", служащіе въ конторахъ: Печатной и Раскольническо́й, въ коммиссіи о доимкахъ и въ архивѣ и низшіе служители. При ней, какъ и при Сенатѣ, состояла особая типографія.

Присутствіе Сенатской конторы, въ данное время, составляли: оберъ-гофмейстеръ, генералъ-адъютантъ, генералъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковникъ и кавалеръ графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, генералъ-лейтенантъ Михаилъ Яковлевичъ Волковъ, московскій губернаторъ тайный совѣтникъ князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, генералъ-маіоръ Никита Ивановичъ Румянцовъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Петровичъ Салтыковъ (назначенный на этотъ постъ именнымъ указомъ 10-го декабря 1740 года) [48]). — Прокурорскій надзоръ по конторѣ лежалъ на обязанности *прокурора*. По всеподданнѣйшему докладу генералъ-прокурора кн. Трубецкаго, именнымъ указомъ 3-го ноября 1740 года, на вакантную должность прокурора Сенатской конторы былъ назначенъ оберъ-кригсъ-коммиссаръ Андрей Щербининъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ утверждено и представленіе кн. Трубецкаго о повышеніи этого прокурора въ рангъ бригадирскій, и вотъ, по словамъ представленія, на какомъ основаніи: „оный (прокуроръ), хотя прежде и не былъ въ такомъ рангѣ опредѣленъ, но нынѣ неотмѣнно и нужно опредѣлить надлежитъ, ибо онъ долженъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи всѣхъ тамошнихъ мѣсть, также и замосковскихъ губерній прокуроровъ, и для того надлежитъ ему быть рангомъ выше коллежскихъ прокуроровъ". По извѣстнымъ причинамъ *), Щербининъ въ прокурорскую должность не вступилъ и во все время царствованія Іоанна III-го кѣмъ-либо замѣненъ не былъ. — „*Экзекуторскую должность*" въ Сенатской конторѣ „управлялъ" маіоръ Толбузинъ. Въ январѣ 1741 года, по опредѣленію этой конторы, „для понужденія коллегій и канцелярій въ сочиненіи, по силѣ именнаго указа, объ окладныхъ и неокладныхъ доходѣхъ вѣдомостей и, пока поданы будутъ, для содержанія приказныхъ служителей", Толбузину были „приданы въ помощь" два гвардейскихъ унтеръ-офицера [49]). — *Канцелярія*

*) См. ст. «Императорскій Кабинетъ», стр. 42—45.

конторы состояла изъ оберъ-секретаря, двухъ секретарей, актуаріуса, протоколиста, регистратора и низшихъ приказныхъ: канцеляристовъ, подканцеляристовъ и копіистовъ *). Въ составъ этой канцеляріи входили также „дворяне", о которыхъ уже сказано въ описаніи устройства Сената въ Петербургѣ [50]). — Кому было поручено завѣдываніе *„герольдмейстерскими дѣлами"* — прямыхъ указаній нѣтъ: по подписи же на исходящихъ (указахъ и вѣдѣніи) Сенатской конторы по дѣламъ герольдіи, можно полагать, что названною частью управлялъ подполковникъ Петръ Чертковъ. При этихъ „дѣлахъ" состояли особые приказные [51]). — *„Рекетмейстерскими дѣлами"* завѣдывалъ „въ должности рекетмейстерской" коллежскій совѣтникъ Семенъ Молчановъ (назначенный на эту должность, „по его способности", именнымъ указомъ 28-го января 1741 года), съ жалованьемъ сенатскаго секретаря **). При немъ состояли: „за секретаря" актуаріусъ Сенатской конторы и низшіе приказные ***) [52]). — Въ составѣ *Печатной конторы* упоминаются секретарь и канцеляристъ [53]). — Въ *Раскольнической конторѣ* засѣдали, въ качествѣ членовъ, генералъ-лейтенантъ Михаилъ Яковлевичъ Волковъ (членъ присутствія Сенатской конторы) и капитанъ князь Иванъ Алексѣевичъ Урусовъ; при нихъ находились: секретарь, канцеляристъ, подканцеляристъ и копіисты. [54]). — *„Учрежденную прав. Сената при конторѣ о подушной, дворцовой и прочей доимкѣ ком-*

---

*) По штату 1724 года, «при членѣ Сената въ Москвѣ» должны были состоять: секретарь (250 руб.), протоколистъ (150 руб.), три канцеляриста (по 100 руб.), три копіиста (по 30 руб.) и два сторожа (по 12 руб.).

**) Молчановъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники изъ сенатскихъ секретарей.

***) Въ началѣ 1741 года Молчановъ подалъ Сенатской конторѣ донесеніе, «что при томъ (рекетмейстерскомъ) правленіи, за множествомъ дѣлъ, весьма потребно быть двумъ секретарямъ, изъ которыхъ имѣютъ чинить одинъ въ произведеніи всѣхъ взятыхъ спорныхъ дѣлъ, а другой по подаваемымъ прошеніямъ исполненіе и взысканіе на присутствующихъ мѣстахъ, дабы безъ того челобитчикамъ долговременной волокиты не причинилось; и чтобъ ко исправленію оныхъ рекетмейстерскихъ дѣлъ опредѣлить къ правленію рекетмейстерской должности прав. Сената (конторы) актуаріуса, который правитъ секретарскую должность, Васкова, да Новой Камеръ-коллегіи за секретаря, который въ той коллегіи правилъ секретарскую должность, Судакова и о бытіи имъ при тѣхъ дѣлахъ дѣйствительно секретарями представить прав. Сенату; а приказнымъ служителямъ на первый случай быть тѣмъ же, которые во оной Сенатской конторѣ при тѣхъ дѣлахъ обрѣтались». Проектъ этотъ конторою былъ одобренъ и внесенъ на разсмотрѣніе Сената. Послѣдній представленіе Молчанова не утвердилъ и, 17-го марта того же года, приказалъ: «у исправленія при Сенатской конторѣ, въ Москвѣ, у рекетмейстерскихъ дѣлъ быть за секретаря той Сенатской конторы актуаріусу Васкову и жалованье получать ему, по московскимъ окладамъ, изъ той суммы, изъ которой прежде получалъ, а правящему въ Камеръ-коллегіи секретарскую должность канцеляристу Судакову быть по прежнему у дѣлъ въ той коллегіи, понеже, по штату, въ Сенатѣ у рекетмейстерскихъ дѣлъ положенъ секретарь одинъ, а чтобъ въ Сенатской конторѣ при тѣхъ дѣлахъ быть секретарю, того, по штату, не положено и суммы на то особливой не опредѣлено».

миссію" составляли: члены: подполковникъ Иванъ Раевскій и маіоръ князь Василій Хилковъ, секретарь и низшіе канцелярскіе чины [55]). — При *архивѣ* Сенатской конторы числились приказные („архивскіе приказные служители") [56]). — При конторѣ состояли *курьеры и сторожа* [57]).

По штату 1724 года, на содержаніе канцеляріи Сенатской конторы (упомянутыхъ выше приказныхъ и служителей при членѣ Сената въ Москвѣ) было положено 814 руб. въ годъ. Впослѣдствіи, въ 1734 году „для излишества въ Сенатской конторѣ дѣлъ и канцелярскихъ служителей", по приговору Сената 8-го февраля, велѣно Статсъ-конторѣ „на дачу оной (Сенатской) конторы служителямъ въ жалованье отпускать въ годъ противъ положенной въ штатѣ на ту контору суммы въ полгреты—2.035 рублей, да на архивъ 750 руб., итого по 2.785 руб. въ годъ". Къ этимъ даннымъ можно добавить, что въ 1740 году изъ общей суммы, положенной, по вышеозначенному штату, на жалованье приказнымъ Сената и его частей—17.253 руб., на жалованье канцелярскимъ чинамъ Сенатской конторы было отпущено 1.329 руб. 4 коп.—Деньги на жалованье приказнымъ конторы выдавались, по ассигновкѣ Статсъ-конторы, изъ Московской рентереи и изъ суммъ монетныхъ дворовъ [58]).

Какъ уже сказано, при Сенатской конторѣ была особая типографія. О состояніи ея въ 1741 году сообщаютъ достаточно обстоятельно „вѣдѣніе" Сенатской конторы въ Сенатъ и приговоръ послѣдняго по этому представленію: „По вѣдѣніямъ изъ Санктъ-Петербурга изъ правительствующаго Сената, — писала контора 6-го февраля 1741 года,—велѣно съ присланныхъ при тѣхъ вѣдѣніяхъ его императорскаго величества указовъ о разныхъ дѣлахъ во обрѣтающіеся въ Москвѣ коллегіи и канцеляріи, конторы и приказы, и въ губерніи и провинціи, что надлежитъ, напечатавъ при Сенатской конторѣ въ типографіи, разсылать, при указѣхъ, немедленно. А понеже при Сенатской конторѣ въ типографіи для печатанія указовъ и прочаго имѣется одинъ станъ, на которомъ и кромѣ того непрестанно печатаются, по требованію изъ разныхъ коллегій и канцелярій и конторъ, о разныхъ отдачахъ въ компаніи и на откупы всякихъ сборовъ и о продажахъ казенныхъ товаровъ и конфискованныхъ пожитковъ публичные указы и реестры, отъ чего для разсылки печатаніемъ тѣхъ указовъ и прочаго исправиться въ скорости никакъ невозможно, къ тому жъ и малоположенная на мелочные расходы сумма того многоприбавочнаго расхода не вынесетъ; того ради, по опредѣленію прав. Сената конторы, велѣно въ Санктъ-Петербургъ въ прав. Сенатъ сообщить вѣдѣніе и требовать, дабы соблаговолено было впредь о случившихся всякихъ дѣлахъ печатныхъ указовъ для разсылки въ губерніи и провинціи, напечатавъ въ санктъ-петербургской типографіи, присылать съ довольствомъ, ибо въ Москвѣ при Сенатской конторѣ, какъ выше показано,

на одномъ стану для разсылки печатаніемъ тѣхъ указовъ и прочаго исправиться въ скорости никакъ невозможно, и ежели отъ того въ разсылкѣ тѣхъ указовъ и прочаго произойдетъ какое замедленіе, того бъ не причтено было къ неисправленію Сенатской конторѣ". Находя это требованіе основательнымъ, Сенатъ „приказалъ: случающіеся для публикованія печатные указы посылать отсюда (изъ Сената въ Сенатскую контору) съ довольствомъ" [59]).

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СЕНАТА.

Участіе въ законодательствѣ.

Сенатъ, будучи высшимъ центральнымъ органомъ имперіи, органомъ, которому изъ своей обширной и разнообразной практики извѣстны были и нужды страны, и недостатки современнаго положительнаго права, необходимо долженъ былъ принимать и дѣйствительно принималъ участіе въ законодательномъ дѣлѣ. Участіе это выражалось въ возбужденіи и предварительномъ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ, разработкѣ законопроектовъ и распубликованіи состоявшихся законоположеній. О дѣйствіяхъ Сената по установленію и обнародованію новыхъ узаконеній уже изложено въ предъидущей статьѣ, при обозрѣніи законодательной дѣятельности Императорскаго Кабинета, и остается сообщить лишь объ участіи его въ дѣлѣ разъясненія и дополненія статей дѣйствовавшаго законодательства.

Въ дѣлѣ этомъ, какъ и вообще въ процессѣ изданія законовъ, Сенатъ игралъ роль второстепенную, подчиняясь въ своихъ сужденіяхъ голосу верховнаго правительственнаго органа—Императорскаго Кабинета. Встрѣчая на практикѣ необходимость разъясненія или дополненія извѣстной статьи закона, Сенатъ обсуждалъ и разрѣшалъ возникшій вопросъ предварительно и затѣмъ вносилъ свое по этому вопросу мнѣніе, „разсужденіе", на апробацію Кабинета, отъ котораго уже зависѣла дальнѣйшая судьба проекта. Вотъ въ существенныхъ чертахъ то дѣло, о которомъ оставалось сказать. Слѣдующій фактъ изъ сенатской практики, подкрѣпляя сказанное выше, можетъ ознакомить съ нѣкоторыми подробностями этого дѣла. Въ 1741 году, вскорѣ послѣ изданія именнаго указа, 16-го сентября, о содержаніи петербургскими жителями лошадей по классамъ, петербургскій 1-й гильдіи купецъ Чиркинъ обратился въ Сенатъ съ просьбою: „Имѣю я домъ свой на Васильевскомъ острову, при которомъ домѣ, по указу изъ прав. Сената, а по отводу изъ коммиссіи о здѣшнихъ строеніяхъ, имѣю построенныя пивныя и медовыя варницы, такожъ кожевенный и солодовый заводы, да, по откупу своему Камеръ-коллегіи изъ конторы, содержу питейную продажу въ 12 домѣхъ, которые состоятъ въ разныхъ по оному острову линіяхъ и подъ Галерною гаванью, такожъ и при

Калинкиной деревнѣ имѣю крухмальные и пудреные заводы. И для такихъ своихъ промысловъ, такожъ для возки во откупные и питейные домы вина, пива и меда, имѣю нынѣ только пять лошадей, которыми съ немалою нуждою исправляюсь, ибо до сего бывало до восьми лошадей, безъ которыхъ при такихъ заводахъ и питейныхъ домахъ и пробыть никакъ невозможно, къ тому жъ, паче чаянія, отъ чего Боже сохрани, когда случается пожарное бѣдство, тогда по близости питейныхъ домовъ бѣгаютъ всѣ лошади для вывозки казны и питей, понеже всегда бываетъ на немалую сумму. А сего сентября отъ 23-го дня вѣдомства Главной Полиціймейстерской канцеляріи Васильевскаго острова отъ съѣзжаго двора чрезъ сотскихъ и десятскихъ объявленъ мнѣ указъ, въ которомъ объявлено, что, по именному его императорскаго величества указу, повелѣно всѣмъ санктпетербургскимъ обывателямъ лошадей содержать по классамъ, между прочимъ купцамъ 1-й гильдіи по двѣ лошади; а понеже опыми не точію двумя, но и нынѣ имѣющимися у меня пятью лошадьми, какъ выше сего показано, исправляюся съ немалою нуждою и не безъ остановки, къ чему и нанимаю не мало, и дабы высочайшимъ его императорскаго величества указомъ и милостивымъ прав. Сената разсмотрѣніемъ повелѣно было, для показанныхъ необходимыхъ при такихъ заводахъ исправленій, позволить мнѣ содержать до восьми лошадей, и о томъ, такожъ въ содержаніи опыхъ до указнаго опредѣленія въ Главную Полиціймейстерскую канцелярію послать указъ". По этой просьбѣ, Сенатъ, сдѣлавъ оффиціальную справку о заведеніяхъ Чиркина и имѣя въ виду 14, 16 и 27 пункты Регламента Мануфактуръ-коллегіи, 12-го октября постановилъ: „....въ Кабинетъ его императорскаго величества подать сообщеніе съ такимъ представленіемъ, что хотя, по именному его императорскаго величества минувшаго сентября 16-го дня сего 1741 года указу, и велѣно какъ вышнимъ, такъ и нижнимъ чинамъ здѣшнимъ жителямъ лошадей содержать по классамъ, въ томъ числѣ купцамъ 1-й гильдіи по двѣ, 2-й и 3-й—по одной лошади, но понеже оный купецъ Чиркинъ, имѣя помянутые заводы и развозъ питей, толикимъ малымъ числомъ лошадей никакъ исправить онаго не можетъ, того ради, по разсужденію Сената, для показанныхъ въ прошеніи его, Чиркина, резоновъ, надлежитъ содержать ему до восьми лошадей, дабы въ содержаніи откупныхъ для питейной продажи домовъ не было ему отъ того помѣшательства и въ казну по откупу его недоплаты, такожъ ежели и другіе подобные ему, Чиркину, имѣющіе у себя разные заводы, будутъ просить въ содержаніи лошадей позволенія, таковымъ въ томъ позволеніе, смотря по ихъ заводамъ, чинить надлежитъ же, и о томъ требовать общаго разсужденія; а до воспослѣдованія резолюціи (Кабинета) и чтобъ онъ, Чиркинъ, въ платежѣ по откупу своему денегъ былъ исправенъ и никакой бы въ платежѣ оной отговорки принесть не могъ, восемь лошадей ему, Чиркину, нынѣ содержать позво-

литъ, и о томъ въ Главную Полиціймейстерскую канцелярію послать указъ". Вопросъ этотъ былъ внесенъ Сенатомъ въ Кабинетъ 28-го числа; но какое получилъ онъ здѣсь разрѣшеніе и получилъ-ли его— изъ документовъ не видно *) [60]).

Сенатъ, какъ судебное учрежденіе.

Въ дѣлѣ отправленія правосудія Сенатъ являлся и какъ низшая, первая инстанція, и преимущественно какъ высшая.

Въ качествѣ первой инстанціи онъ обсуждалъ дѣла: 1) о нѣкоторыхъ преступленіяхъ по службѣ государственной и 2) тѣ или другія судебныя, направлявшіяся на его разсмотрѣніе по приказамъ Императорскаго Кабинета.

Дѣла о преступленіяхъ по должности были подсудны Сенату по самой ихъ важности и разсматривались имъ, какъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, слѣдившимъ за состояніемъ администраціи въ государствѣ и за благонадежностью лицъ, которымъ ввѣрялись какія-либо отрасли управленія или дѣлопроизводства. По наличнымъ источникамъ, въ кругъ такихъ, подсудныхъ Сенату, дѣлъ входили дѣла о преступленіяхъ по службѣ болѣе или менѣе крупныхъ, вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей: губернаторовъ, вице-губернаторовъ, воеводъ и ихъ „товарищей", также чиновъ, имѣвшихъ какія-либо особенно важныя порученія, напримѣръ, карантинныхъ досмотрщиковъ **) [61]).—Дѣла эти начинались: по высочайшему повелѣнію, по доношеніямъ правительственныхъ органовъ и по доносамъ и жалобамъ частныхъ лицъ [62]).—Обремененный массою дѣлъ по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія, Сенатъ иногда не имѣлъ возможности самолично производить слѣдствіе по вышеуказаннымъ преступленіямъ, да и самое производство дознанія нерѣдко было для него затруднительно по отдаленности мѣста совершенія преступленія, по крайней трудности и даже невозможности собрать всѣ данныя и привлечь всѣхъ свидѣтелей. Въ такихъ случаяхъ разслѣдованіе дѣла поручалось или тому государственному учрежденію, которое могло болѣе успѣшно исполнить это (обыкновенно учрежденію мѣстному), или особой коммиссіи (изъ одного или нѣсколькихъ членовъ,—„людей достойныхъ"), при чемъ за правильностью и непродолжительностью веденія слѣдствія имѣлъ надзоръ самъ Сенатъ. Такъ, напримѣръ, въ

*) Весьма вѣроятно, что вопросъ остался неразрѣшеннымъ, такъ какъ вступилъ въ Кабинетъ незадолго до его упраздненія, самый же указъ 16-го сентября былъ отмѣненъ вскорѣ по воцареніи Елизаветы Петровны, именнымъ указомъ 15-го декабря 1741 года.

**) Такъ, въ 1741 году, въ Сенатѣ производилось дѣло о капитанѣ Сидоренковѣ, обвинявшемся «въ пропускѣ чрезъ учрежденную за Калугою заставу (карантинную) безъ осмотра лѣкарскаго разныхъ чиновъ людей изъ-за взятковъ».

январѣ 1740 года, Сенату секретарь его (Навроцкій) докладывалъ: „что, по разсужденію правительствующаго Сената сего января 7-го дня, велѣно имѣющееся въ Архангелородской губерніи слѣдственное дѣло о непорядочныхъ поступкахъ той губерніи губернаторскаго товарища Лермантова слѣдствіемъ окончать бригадиру Лицкину съ офицерами, ежели оные въ той губерніи у сбора подушныхъ денегъ и у слѣдствія о адмиралтейской донмкѣ имѣются; а обрѣтающагося тамо капитана надъ портомъ Мятлева отъ того слѣдствія, за объявленными въ доношеніи Адмиралтейской коллегіи резонами, уволить; а нынѣ отъ того слѣдствія рапортомъ, за руками бригадира Лицкина и капитана Мятлева, объявлено, что о вышеозначенномъ Лермантовѣ слѣдствіе прошедшаго декабря съ 12-го числа уже производится". По этому докладу, Сенатъ „приказалъ: его, капитана Мятлева, отъ объявленнаго слѣдствія не отлучать, понеже онъ уже во оное вступилъ, и для того подтвердить въ тое коммиссію указомъ, чтобъ оное слѣдствіе безъ всякаго отлагательства и продолженія окончали, ибо тому прошло время довольное и помянутый Лермантовъ живетъ тамо праздно". Добытыя этимъ путемъ данныя вносились въ Сенатъ въ формѣ экстракта, съ приложеніемъ мнѣнія слѣдователей [63]).

Поступленіе судебныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе Сената по приказамъ кабинетъ-министровъ имѣло характеръ случайный: оно обусловливалось единственно усмотрѣніемъ Императорскаго Кабинета [64]). Для примѣра, вотъ два факта. Малороссійскаго войска бунчуковый товарищъ Иванъ Пироцкій и казакъ Иванъ Ялоцкій подали на высочайшее имя челобитныя, въ которыхъ просили: первый—„о пожалованіи ему подтвердительной грамоты на непремѣнное вѣчное владѣніе доставшимися ему по приданству за женою отъ тестя его, умершаго войсковаго сотника Ивана Мануиловича, движимыми и недвижимыми угодьями"; второй—„чтобъ то Пироцкаго прошеніе отставить, для того, что Пироцкаго тесть Мануиловичъ тѣми угодьями послѣ его дѣда, бывшаго сотника Василія Ялоцкаго, захватя крѣпости, завладѣлъ и корыстовался напрасно, а онъ, Ялоцкій, ко оному законный наслѣдникъ, о чемъ у него въ Войсковой Генеральной канцеляріи и челобитье имѣется". На эти челобитья, въ мартѣ 1741 года, послѣдовала резолюція Кабинета: „о томъ, кому тѣ маетности и угодья принадлежатъ, разсмотрѣть и рѣшеніе учинить, по указу, правительствующему Сенату". Поступившее вскорѣ затѣмъ въ Кабинетъ доношеніе генерала Кейта (правителя Малороссіи), съ требованіемъ, чтобы „означеннаго Пироцкаго повелѣно было къ отвѣту въ тѣхъ спорныхъ маетностяхъ, грунтахъ и угодьяхъ выслать въ Глуховъ" (т. е. въ Войсковую Генеральную канцелярію), было направлено министрами также въ Сенатъ для присоединенія къ вышеозначенному дѣлу [65]).—Въ томъ же году архимандритъ новгородскаго „Хутыня" монастыря Венедиктъ доношеніемъ въ Кабинетъ просилъ, „дабы повелѣно было" выдать

ему отданныя имъ на сохраненіе секретарю Новгородской губернской канцеляріи Семикову собственныя келейныя деньги, 100 рублей, изъ описаннаго и опечатаннаго („арестованнаго") имущества этого секретаря, при чемъ приводилъ и доказательства принадлежности указанныхъ денегъ ему, просителю. Дополненіе это Кабинетомъ было отдано въ Сенатъ, съ слѣдующею резолюціею: „Ежели подлинно (какъ показывалъ проситель въ дополненіи) въ описи между пожитками означеннаго секретаря Семикова помянутыя онаго архимандрита деньги, 100 рублевъ, написаны и о томъ, что онѣ собственныя его архимандричьи, опый Семиковъ допросомъ показалъ и жена его извѣстна, то ему, архимандриту, тѣ деньги отдать". Начатое такимъ образомъ дѣло было рѣшено въ Сенатѣ въ пользу просителя [66]).

Въ качествѣ высшей судебной инстанціи Сенатъ разрѣшалъ дѣла, во первыхъ, вершеніе которыхъ почему-либо затрудняло низшіе суды, и, во вторыхъ, восходившія къ нему въ порядкѣ апелляціонномъ.

Слѣдя за законнымъ порядкомъ веденія дѣлъ и за точнымъ отправленіемъ правосудія, Сенатъ, указомъ 31-го декабря 1738 года, предписалъ всѣмъ подчиненнымъ ему коллегіямъ и канцеляріямъ: „о дѣлахъ, которыхъ онѣ (почему-либо) рѣшить не могутъ, подавать въ Сенатъ доклады и при нихъ приложить экстракты, съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и указовъ, и подъ тѣмъ экстрактомъ мнѣніе подписать" [67]). Разрѣшая такимъ образомъ всѣ недоумѣнія правительственныхъ учрежденій по различнымъ встрѣчавшимся у нихъ вопросамъ, а также имѣя высшій надзоръ за правильностью и законностью веденія въ нихъ дѣлъ, Сенатъ въ то же время принималъ отъ частныхъ лицъ какъ по дѣламъ судебнымъ, такъ и административнымъ жалобы на коллегіи и канцеляріи, на медленность производства ими дѣлъ и на самые приговоры ихъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, Сенатъ или посылалъ въ учрежденія запросы о причинѣ медленности производства и подтвердительные указы о скорѣйшемъ вершеніи дѣлъ, или, по жалобамъ на приговоры, вытребовалъ къ себѣ самое дѣло (производство) для пересмотра [68]).—Иногда жалобы на дѣйствія и рѣшенія низшихъ судебныхъ инстанцій поступали въ Сенатъ не прямо, а черезъ Императорскій Кабинетъ. Такъ, въ 1741 году, послѣдній положилъ „отдать для разсмотрѣнія въ Сенатъ" всеподданнѣйшія челобитныя: 1) вдовы Толбузиной „о взятіи изъ Вотчинной коллегіи для разсмотрѣнія въ Сенатъ дѣла съ пасынкомъ ея Аоанасіемъ Толбузинымъ о насильномъ его завладѣніи послѣ мужа ея недвижимаго и движимаго имѣнія указной ея части, такожъ и собственнаго ея недвижимаго имѣнія", и 2) „поручика Луки Артамонова сына Чекина жены его Ксеніи Алексѣевой дочери, что онаго мужа ея дядя генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Чекинъ умре бездѣтенъ, а недвижимое свое укрѣпилъ чрезъ закладную пасынку своему, лейбъ-гвардіи Семенов-

скаго полка капитану князь Ивану Путятину, въ 25,000 руб., да московскій дворъ, въ 5,000 руб., всего въ 30,000 руб., о чемъ отъ нихъ поданы и имѣются въ Вотчинной коллегіи спорныя челобитныя, токмо посяжкою о томъ не слѣдовано и дѣло въ противность указамъ рѣшено, и послѣ того отъ него, князя Путятина, принято еще двѣ закладныя ему отъ него жъ, генерала-лейтенанта, данныя на недвижимыя жъ имѣнія, въ 5,000 руб.: и чтобъ повелѣно было то неправо рѣшенное дѣло изъ Вотчинной коллегіи и изъ другихъ мѣстъ для праваго разсмотрѣнія взять, куда надлежитъ, и разсмотрѣть и кто при взятіи такой немалой суммы былъ свидѣтели допросить подъ присягою“ [69]). Всеподданнѣйшія челобитныя съ жалобой на медленность производства дѣлъ въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ Кабинетомъ направляемы были въ Сенатъ обыкновенно съ такимъ приказомъ: „изъ онаго (Сената) подтвердить наикрѣпчайшимъ указомъ, чтобъ то дѣло немедленно по сущей справедливости изслѣдовано и окончено было, какъ указы повелѣваютъ, въ немедленномъ времени“ [70]). При этомъ слѣдуетъ сказать, что вышеуказанныя жалобы принимались Сенатомъ къ своему разсмотрѣнію только въ томъ случаѣ, когда касались приговоровъ и дѣйствій учрежденій, непосредственно ему подчиненныхъ *).—Всѣ затрудненія и недоумѣнія Сената при вершеніи судебныхъ дѣлъ разрѣшались Кабинетомъ. На его же разсмотрѣніе восходили сенатскіе приговоры вслѣдствіе жалобъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, указанныхъ въ предыдущей статьѣ случаяхъ **).

Въ сферу дѣятельности Сената по части судебной, сверхъ изложенныхъ актовъ, входили еще слѣдующія дѣйствія.

Направленіе всеподданнѣйшихъ челобитныхъ и адресованныхъ въ Сенатъ доношеній и челобитныхъ на разсмотрѣніе подлежащихъ учрежденій. Въ 1740 году, 30-го іюня, генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой Сенату „словесно представлялъ, что ея императорское величество изволила ему отдать, для разсмотрѣнія правительствующему Сенату, челобитную Новгородскаго уѣзда, усадища Киницы, дворянина Ивана Базлова жены, вдовы Любавы, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка на капитана-поручика Дмитрія Вындомскаго въ пріѣздѣ къ ней въ домъ и во взятіи ея пожитковъ и въ завладѣніи тѣмъ ея усадищемъ“. Сенатъ приказалъ: „ту челобитную отослать въ С.-Петербургскую губернскую канцелярію, въ которой произвесть судъ по формѣ“.—Въ октябрѣ того же года Сенатъ распорядился: „челобитную генерала-маіора Бенедикта фонъ-Буглера о претензіи его въ имѣющейся въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ уѣздѣ, въ Камбинскомъ погостѣ, мастности Гасселау отослать при указѣ въ Коллегію лиф-

*) О жалобахъ на государственныя учрежденія вообще и о восхожденіи дѣлъ по инстанціямъ см. выше, стр. 47—49.

**) См. выше, стр. 47—49 и 69—76.

ляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, въ которой по оной челобитной, о всемъ разсмотря, по правамъ учинить немедленное рѣшеніе; ежели-жъ той коллегіи зачѣмъ рѣшенія учинить не можно, тогда оную съ подписаніемъ приличныхъ правъ и съ приложеніемъ своего мнѣнія подать въ Сенатъ".—Въ январѣ слѣдующаго 1741 года Сенатъ, слушавъ „всепокорнѣйшее доношеніе Свіяжской провинціальной канцеляріи воеводскаго товарища капитана Кухарскаго" о противозаконныхъ дѣйствіяхъ по службѣ (подлогѣ и неправильномъ производствѣ дѣла) „Свіяжской провинціи секретаря" Панова, приказалъ: доношеніе это „отослать для разсмотрѣнія и рѣшенія въ Казанскую губернію (губернскую канцелярію) при указѣ; а ко оному капитану Кухарскому подтвердить указомъ, чтобъ онъ впредь о такихъ дѣлахъ, кои до Сената не принадлежатъ, отнюдь не писалъ, а ежели впредь станетъ писать, то неотмѣнно будетъ штрафованъ".—Въ томъ же году, въ мартѣ, Сенатъ получилъ изъ Кабинета челобитныя: 1) „Олонецкаго уѣзда, Обжанской волости, дѣвки Елены Юрьевой дочери: послѣ отца ея остался деревенскій участокъ съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, которымъ завладѣлъ государственный крестьянинъ Павелъ Самсоновъ, и чтобъ повелѣно было тотъ участокъ отдать ей во владѣніе";—съ приказомъ Кабинета: „чтобъ о томъ, гдѣ надлежитъ, изслѣдовано и надлежащее рѣшеніе учинено было по указамъ", и 2) „Воронежскаго уѣзда, города Землянска бывшаго коммиссара Александра Турбанова жены его Ѳедосьи Петровой дочери о разсмотрѣніи дѣла якобы о смертномъ убивствѣ онымъ мужемъ ея, такожъ и сыномъ ея, однодворца Котова, гдѣ надлежитъ",—съ приказомъ Кабинета: „о томъ, гдѣ надлежитъ, разсмотрѣть по сущей (справедливости), какъ указы повелѣваютъ, въ непродолжительномъ времени".—Въ ноябрѣ этого же года Сенатъ полученную имъ изъ Кабинета челобитную „города Мурома соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы отъ приписныхъ крестьянъ Козьмы Игнатьева съ товарищи въ учиненныхъ имъ помянутой церкви отъ протопопа съ братіею обидахъ", а также челобитную „отъ оныхъ протопопа съ братіею на помянутыхъ крестьянъ въ отбывательствѣ отъ крестьянства и въ прочихъ ихъ воровскихъ дѣлахъ", направилъ въ Муромскую воеводскую канцелярію при своемъ указѣ „оной канцеляріи о произведеніи (по этимъ челобитьямъ) надлежащаго слѣдствія и о учиненіи рѣшенія по указамъ и о бытіи при томъ слѣдствіи одному изъ духовныхъ персонъ" [71]).

Охраненіе имущества подсудимыхъ. 27-го мая 1740 года, „при слушаніи (Сенатомъ) журнала, по доношенію тайнаго совѣтника и кавалера Наумова (петербургскаго вице-губернатора) и Юстицъ-коллегіи членовъ по касающимся до ассессора и секретарей Шагаровыхъ слѣдственнымъ дѣламъ", генералъ-прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой „словесно предлагалъ, что не соизволитъ-ли правительствующій Се-

нать приказать сверхъ того журнала приполнить, чтобъ до разсмотрѣнія и рѣшенія объ оныхъ Шагаровыхъ дѣлъ въ продажѣ и въ закладѣ недвижимаго ихъ имѣнія учинить запрещеніе, понеже де отъ челобитчиковъ объявлено многіе ими, Шагаровыми, учиненные рыльскимъ и другимъ обывателямъ нападенія, обиды и разоренія и грабежи, и дабы, вѣдая оныя причины за собою, тѣ Шагаровы не могли недвижимаго своего имѣнія подъ какимъ-либо видомъ утратить". По этому предложенію, Сенатъ приказалъ: „для представленныхъ (генералъ-прокуроромъ) резоновъ, оныхъ Шагаровыхъ, о которыхъ слѣдуется и челобитчики имѣются, на недвижимое ихъ имѣніе учинить запрещеніе, и о неписаніи отъ имянъ ихъ никакихъ крѣпостей въ Юстицъ, а о незаписываніи — въ Вотчинную коллегіи послать указы" [72]).

Приведеніе въ исполненіе высочайшихъ резолюцій: о помилованіи осужденныхъ, о возвращеніи конфискованнаго имущества и объ освобожденіи ссыльныхъ,—кромѣ государственныхъ преступниковъ *),—и каторжныхъ. Въ этомъ дѣлѣ участіе Сената ограничивалось простою передачею высочайшаго повелѣнія подлежащему государственному учрежденію. Такъ 19-го февраля 1741 года Сенатъ, „во исполненіе" именнаго указа, „подписаннаго именемъ его императорскаго величества ея императорскаго высочества государыни правительницы великія княгини Анны всея Россіи собственною рукою сего февраля 18-го дня на прошеніи вдовы Анисьи Посниковой о свободѣ сосланнаго изъ (Главной) Полиціймейстерской канцеляріи (въ Петербургѣ) въ каторжную работу сына ея Николая Посникова", приказалъ: „онаго Посникова изъ каторги свободить на волю и о томъ въ Адмиралтейскую коллегію и въ Главную Полиціймейстерскую канцелярію послать указы". Подлинники этихъ указовъ были отданы просительницѣ Посниковой. Въ тотъ же день въ Сенатѣ состоялся и другой, подобный же приговоръ—объ освобожденіи изъ каторги „московской ямской слободы ямщика Нуцкаго брата его Ивана Нуцкаго, сосланнаго за утраченныя имъ голландскаго купца Бутыша деньги". Подлинные объ этомъ указы Сената въ Адмиралтейскую коллегію и Петербургскую губернскую канцелярію были отданы, „для запечатыванія и подачи" въ эти учрежденія, Ивану Нуцкому [74]).

Изданіе „указовъ о непорицаніи" лицъ, бывшихъ подъ судомъ, но оправданныхъ, и ближайшихъ родственниковъ осужденныхъ. Указы эти издавались Сенатомъ по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе всеподданнѣйшихъ челобитій заинтересованныхъ лицъ **), и выдавались на руки послѣднимъ, а также разсылались (въ значительномъ количествѣ печатныхъ экземпляровъ) во всѣ учрежденія имперіи для рас-

*) Высочайшіе указы объ освобожденіи изъ ссылки государственныхъ преступниковъ направлялись прямо къ начальнику Тайной канцеляріи, генералу Ушакову [73]).

**) См. выше, стр. 86.

публикованія. Вотъ, для образца, одинъ изъ такихъ указовъ: „Указъ его величества, императора и самодержца всероссійскаго, изъ правительствующаго Сената. Объявляется всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Понеже, по именному его императорскаго величества указу, подписанному именемъ его императорскаго величества ея императорскаго высочества государыни правительницы великія княгини Анны всея Россіи собственною рукою на прошеніи камеръ-цалмейстерскаго помощника Михаила Бедрина сего апрѣля 8-го дня, всемилостивѣйше опредѣлено о непорицаніи его, Бедрина, тѣмъ, что онъ въ Оренбургъ сосланъ былъ, дать ему указъ изъ Сената, того ради, во исполненіе онаго его императорскаго величества всемилостивѣйшаго указа, сей указъ ему, Бедрину, изъ правительствующаго Сената и данъ, въ С.-Петербургѣ, апрѣля 14-го дня 1741 года". Подлинникъ этого указа, за печатью и за скрѣпою оберъ-секретаря и секретаря, отданъ былъ М. Бедрину [75]).

Разсмотрѣніе вопросовъ о награжденіи за „правый" доносъ. Такъ, въ 1741 году, Кабинетомъ было приказано Сенату „разсмотрѣть и надлежащее по указамъ рѣшеніе учинить" по всеподданнѣйшимъ челобитнымъ: 1) „тамбовскаго канцеляриста Василія Михайлова о награжденіи его, за правый его доносъ на секретаря Перепечина и нотаріуса Струкова въ чинимыхъ ими въ откупахъ и подрядахъ воровствахъ и въ противность указовъ поступкахъ, жалованьемъ, сколько повелѣно будетъ", и 2) „описнаго казака Гордѣя Суховѣя о награжденіи его за правый доносъ на трехъ старостъ и одного управителя въ похищеніи ими казенныхъ денегъ и о прочемъ, изъ описныхъ ихъ пожитковъ" [76]).

Въ этотъ обзоръ можно включить еще слѣдующее дѣйствіе Сената, имѣвшее характеръ *расправы*. 18-го іюля 1740 года генералъ-прокуроръ Сенату „словесно представлялъ о усмотрѣніи имъ, генераломъ-прокуроромъ, въ доношеніи бывшаго у чистки Боровицкихъ пороговъ мастера Сорокина, поданномъ въ Сенатъ въ 1731 году, въ высочайшемъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго имени описке, которое (доношеніе) писано его, Сорокина, рукою". Сенатъ приказалъ: „взявъ его, Сорокина подъ караулъ, о томъ, для чего онъ то учинилъ и не съ умыслу-ль допросить и тотъ допросъ предложить къ слушанію немедленно". Черезъ четыре дня, Сенатъ, по выслушаніи допроса Сорокина, „что оную описку учинилъ онъ простотою своею и недосмотрѣніемъ", положилъ: „учинить ему, Сорокину, за ту его вину, въ страхъ другимъ, наказаніе плетьми" [77]).

Участіе Сената въ военныхъ дѣлахъ.

Завѣдываніе дѣлами по устройству и содержанію военныхъ силъ имперіи принадлежало двумъ центральнымъ учрежденіямъ—коллегіямъ

Военной и Адмиралтейской, при чемъ высшія функціи военнаго управленія находились въ рукахъ Кабинета и отчасти Сената. Въ канцеляріи послѣдняго для веденія переписки по этимъ дѣламъ было особое повытье, носившее названіе „военнаго“ и состоявшее изъ канцеляриста, подканцеляриста, трехъ копіистовъ, „дворянина“ и канцелярскаго служителя изъ солдатскихъ дѣтей [78]).

Участіе Сената въ сферѣ дѣлъ военныхъ сводилось къ дѣйствіямъ, — характеризуемымъ ниже, — по вопросамъ о комплектованіи, размѣщеніи и продовольствіи войска и объ отпускѣ денегъ на нужды военнаго вѣдомства, также къ занятіямъ по приведенію въ исполненіе нѣкоторыхъ именныхъ указовъ и кабинетскихъ распоряженій во время шведской, въ 1741 году, кампаніи.

Въ дѣлѣ комплектованія войска Сенатъ участвовалъ лишь какъ исполнитель состоявшихся въ Кабинетѣ и высочайше утвержденныхъ положеній и какъ высшій контролеръ. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, онъ въ затруднительныхъ случаяхъ, по общему правилу, обращался за разрѣшеніемъ въ Кабинетъ. Напримѣръ, въ наборъ 1740 года Сенатъ внесъ на разрѣшеніе кабинетъ-министровъ вопросы: а) по прошенію петербургскихъ, тосненскихъ и сосненскихъ ямщиковъ „о невзятіи съ нихъ въ нынѣшній наборъ рекрутъ и впредь о увольненіи отъ такихъ поборовъ“ и б) о дозволеніи „обрѣтающемуся въ городѣхъ купечеству (покупки) къ отдачѣ въ рекруты крестьянъ“, и Кабинетомъ эти вопросы были разрѣшены — первый въ отрицательномъ, а второй въ утвердительномъ смыслѣ. Въ то же время Сенатъ, „по рапорту Военной коллегіи и по приложенной при томъ вѣдомости о неплатежѣ въ Смоленской губерніи обывательми драгунскихъ лошадей“, приказалъ: въ Кабинетъ „подать сообщеніе, въ которомъ представить, что не повелѣно-ль будетъ со оныхъ обывателей для объявленныхъ въ томъ рапортѣ резоновъ, къ тому жъ, что оной губерніи отъ обывателей крестьяне за тягостьми бѣгутъ за рубежъ, взять лошадей, годныхъ въ подъемныя, а драгунскихъ, за неимѣніемъ годныхъ, съ нихъ взысканіемъ оставить или взять деньгами, что положено по штату за драгунскихъ лошадей“ [79]).

Разрѣшеніе вопросовъ о размѣщеніи войска, о „расположеніи арміи“ на лѣтнія и зимнія квартиры, зависѣло отъ Кабинета, и проекты объ этомъ размѣщеніи направлялись къ нему иногда черезъ Сенатъ. Такъ въ августѣ 1740 года въ Кабинетъ подано было Сенатомъ „доношеніе и при томъ для апробаціи репортиція (составленная Военною коллегіею) о кирасирскихъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ полкахъ, гдѣ которому въ будущую зиму на винтеръ-квартирахъ быть надлежитъ“. Изъ Кабинета репортиція, съ резолюціею министровъ, поступила для исполненія въ Военную коллегію [80]).

Что касается дѣйствій Сената по продовольствію войска, то они носятъ почти исключительно финансовый, хозяйственный характеръ,

какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго, производившагося въ 1741 году, дѣла о заготовленіи для войска провіанта. Дѣло это началось по доношенію Военной коллегіи въ Сенатъ о мѣрахъ къ заготовкѣ провіанта въ „сухопутные и адмиралтейскіе магазейны". Затруднившись разрѣшить представленные коллегіею вопросы своею властью, Сенатъ въ январѣ и, вторично, 27-го февраля 1741 года обратился въ Кабинетъ съ „сообщеніемъ": „Минувшаго января 18-го дня сего 1741 года въ Кабинетъ его императорскаго величества, по доношенію Военной коллегіи (о заготовленіи провіанта въ петербургскіе, кронштадтскіе, выборгскіе и нарвскіе магазины), поданнымъ отъ Сената сообщеніемъ со мнѣніемъ требовано о описаніи въ С.-Петербургѣ во всѣхъ мѣстахъ и на мытныхъ дворѣхъ у здѣшнихъ купцовъ и недовезеннаго сюда по рѣкамъ и въ каналѣ хлѣба, и о объявленіи купцамъ о привозѣ онаго сюда изъ тѣхъ мѣстъ для продажи и о прочемъ, о чемъ въ томъ сообщеніи пространнѣе изображено, резолюціи, токмо оной еще не получено. А нынѣ въ правительствующій Сенатъ Военная коллегія доношеніемъ представляетъ, требуя на вышепомянутое прежде поданное доношеніе резолюціи, и чтобъ нынѣ въ городѣхъ подряды для заготовленія въ магазейны провіанта чинить и контракты заключать въ губерніяхъ и о прочемъ, съ котораго (доношенія) при семъ сообщается копія. И хотя Сенатъ, для скорѣйшаго въ приготовленіи провіанта, о подрядѣ въ губерніяхъ и о заключеніи контрактовъ подъ смотрѣніемъ Сенатской конторы, и дабы въ перепискахъ время не происходило, со мнѣніемъ той коллегіи согласенъ, токмо собою того (за регламентомъ Камеръ-коллегіи, по которому велѣно: которые подряды отъ 10,000 рублей и выше будутъ—производить со апробаціи Сената) учинить не можетъ и требуетъ какъ на прежде поданное, такъ и на сіе общаго разсужденія". Запросъ Сената былъ разрѣшенъ Кабинетомъ 19-го марта, когда состоялась слѣдующая резолюція кабинетъ-министровъ: „По повышеозначеннымъ сообщеніямъ (Сената) надлежитъ нынѣ немедленно послать отъ правительствующаго Сената нарочныхъ и способныхъ людей съ указами и велѣть имъ купеческій хлѣбъ, отправленный въ прошломъ году изъ внутреннихъ городовъ водою сюда, который на Волховѣ и по другимъ рѣкамъ въ судахъ зазимовалъ, такожъ и на всѣхъ пристаняхъ къ водяному отпуску сюда жъ приготовленный весь осмотрѣть и описать, сколько онаго гдѣ есть, а въ казну нынѣ не брать, но токмо объявить хозяевамъ или прикащикамъ ихъ, чей тотъ хлѣбъ, съ подписками, чтобъ они того хлѣба до указа въ тамошнихъ мѣстахъ и въ пути, кромѣ казенныхъ магазейновъ, отнюдь никому не продавали подъ взятіемъ того у нихъ провіанта безденежно, но по вскрытіи воды приходящею весною везли бы весь прямо въ Санктъ-Петербургъ; а сколько того хлѣба по тѣмъ рѣкамъ и пристанямъ помянутыми посланными описано будетъ, о томъ велѣть имъ немедленно, возвра-

тясь сюда, подать вѣдомости; и по вступленіи отпущенныхъ съ какимъ хлѣбомъ барокъ въ Ладожскій каналъ потому жъ отъ Канальной канцеляріи имѣть вѣрное свидѣтельство, сколько какого хлѣба и чьего именно на каждой баркѣ будетъ, и присылать о томъ въ Провіантскую контору вѣдомости, а при томъ онымъ купцамъ накрѣпко подтверждать, чтобъ они въ пути продажъ и складки не въ указныя мѣста отнюдь не чинили. А къ тому жъ, сколько нынѣ какого хлѣба здѣсь у купцовъ во всѣхъ мѣстахъ и на мытныхъ дворѣхъ имѣется, велѣть описать и по тѣмъ вѣдомостямъ Сенату обще съ Военною коллегіею, исчисля всѣ ихъ купеческіе расходы — почему имъ тотъ хлѣбъ обошелся, имѣть разсужденіе, сколько изъ онаго для наполненія магазейновъ взять и что въ вольную продажу оставить надлежитъ, положа извѣстныя цѣны, съ такимъ предусмотрѣніемъ, дабы чрезъ то излишнихъ изъ казны передачъ и въ вольной продажѣ повышенія, а напротиву того и купцамъ, чей тотъ хлѣбъ, убытковъ причиниться не могло, и представить о томъ въ Кабинетъ его императорскаго величества со мнѣніемъ, по чему тогда надлежащее опредѣленіе учинено будетъ. Сверхъ же того въ Москвѣ и въ другихъ внутреннихъ городѣхъ, изъ которыхъ хлѣбъ сюда въ поставкѣ бываетъ, велѣть публиковать указами, чтобъ будущимъ лѣтомъ довольное число онаго на продажу сюда привозили; а при томъ имѣть старапіе, дабы и подрядомъ, сколько возможно, хлѣба въ здѣшніе магазейны поставлено было, и для того, хотя по камеръ-коллежскому регламенту подряды, кои отъ 10,000 рублевъ и выше, велѣно производить со апробаціи Сената, но чтобъ въ томъ за краткостію времени въ перепискахъ упущенія не учинилось, того ради, по общему правительствующаго Сената съ Военною коллегіею мнѣнію, о подрядѣ онаго провіанта контракты заключать въ губерніяхъ, по близости, со апробаціи Сенатской конторы, усматривая тамошнихъ цѣнъ съ приложеніемъ неминуемыхъ расходовъ и къ тому въ прибавку по десяти процентовъ на рубль, имѣя о томъ вѣрное исчисленіе и предосторожность, дабы излишней передачи произойти не могло". Медленность исполненія по этому приказу вынудила Кабинетъ принять понудительныя мѣры къ скорѣйшему, своевременному заготовленію провіанта и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти измѣнить первоначальный планъ дѣйствій. 12-го іюня онъ адресовалъ въ Сенатъ „сообщеніе", въ которомъ, напоминая свою резолюцію 19-го марта (вышепомѣщенную), ставилъ на видъ: „...но токмо какое по вышеписанной резолюціи исполненіе послѣдовало, о томъ понынѣ въ Кабинетъ никакого представленія не учинено; а понеже какъ извѣстно, что уже донынѣ въ привозѣ сюда купеческаго хлѣба имѣется множественное число, а за неучиненіемъ на оный извѣстной цѣны не токмо тому хлѣбу въ магазейны покупки не происходитъ, но и продажа партикулярнымъ людѣмъ остановлена, отъ чего въ народѣ происходитъ немалая нужда, а купечеству чрезъ

то весьма чувственная обида причинена, и удивительно, что такъ оное толь важное и нужнѣйшее дѣло упущено и забвенію предано, по чему и впредь, чтобъ оное въ скорости учинено быть могло—ненадежно; того ради, предупреждая такія нужды, въ Кабинетѣ его императорскаго величества разсуждено вышеобъявленный привозный сюда купеческій хлѣбъ, кромѣ запроданнаго иностраннымъ купцамъ въ заморскій отпускъ, позволить весь въ вольную продажу, а при томъ Военной коллегіи наикрѣпчайше подтвердить крайнее стараніе имѣть сколько потребно онаго провіанта для удовольствія магазейновъ повольною цѣною покупать и деньги безъ всякаго удержанія и волокиты платить, опредѣля къ тому нарочныхъ и способныхъ людей, какъ то и напредь сего съ немалою казнѣ пользою чинено, и въ томъ прилежное стараніе приложить, дабы при нынѣшнемъ толь удобномъ къ тому времени конечно того провіанта добропорядочною покупкою съ довольствомъ пріуготовлено быть могло, ибо въ случаѣ недостатка должна въ томъ отвѣтствовать Военная коллегія съ немалымъ штрафомъ. И о томъ чрезъ сіе правительствующему Сенату сообщается для скорѣйшаго и непремѣннаго исполненія". Приказъ этотъ Сенатомъ былъ немедленно сообщенъ (указами) коллегіямъ Военной и Коммерцъ — для исполненія и Адмиралтейской — для свѣдѣнія Послѣ переписки съ Военною коллегіею относительно способа исполненія министерскаго распоряженія 12-го іюня, Сенатъ, въ началѣ іюля, далъ этой коллегіи указъ: „. .въ заготовленіи въ здѣшній сухопутный магазейнъ провіанта оной коллегіи имѣть всеприлежное и неусыпное стараніе, покупая повольною цѣною, какъ прежде посланнымъ въ ту коллегію, по силѣ Кабинета его императорскаго величества іюня 12-го дня резолюціи, изъ Сената указомъ повелѣно, не представляя впредь никакихъ невозможностей, но чтобъ оные магазейны въ провіантѣ никакаго недостатка не имѣли: а ежели въ томъ воспослѣдуетъ какой недостатокъ, и оное взыскано будетъ не на Провіантской конторѣ, но на опой коллегіи, ибо та Провіантская контора состоитъ въ полной дирекціи той Военной коллегіи" [81]). Но этимъ занятія Сената по усиленному заготовленію провіанта въ 1741 году не ограничились. 28-го августа онъ „разсудилъ": „для наполненія здѣшнихъ магазейновъ къ предбудущему 1742 году провіантомъ (велѣть) Военной коллегіи отправить нынѣ въ низовые городы надежную персону, придавъ ему потребное число помощниковъ, снабдя полною инструкціею, и велѣть провіанта заготовить покупкою и подрядомъ до 400,000 четвертей и на то число крупъ по препорціи и отправить первымъ водянымъ путемъ безъ потерянія времени; а изъ Сената въ тамошнія мѣста къ губернаторамъ и воеводамъ подтвердить указами, чтобъ тѣмъ посланнымъ въ потребномъ случаѣ чинили всякое вспоможеніе". Исполненіемъ этого приговора Военная коллегія однако не спѣшила, и медлительность ея вызвала вмѣшательство генералъ-прокурора кн. Трубецкаго, который 10-го

сентября „предложилъ“ ей: „Понеже (Военной) коллегіи не безъизвѣстно, какая въ приготовленіи провіанта состоитъ нужда и высочайшій его императорскаго величества интересъ *), того ради Военной коллегіи, ежели, паче чаянія, по вышеозначенному разсужденію (Сената) понынѣ дѣйствительнаго исполненія не учинено, дабы немедленно и не ожидая болѣе подтвержденія, то учинено было, ибо ежели онаго вскорѣ учинено не будетъ, а отъ нескораго приготовленія въ провіантѣ будетъ недостатокъ или за упущеніемъ къ приготовленію того провіанта удобнаго времени учинятся въ цѣнахъ передачи, въ томъ не ино кто, токмо государственная Военная коллегія отвѣтствовать можетъ“. Не смотря на это, коллегія тянула дѣло, и только 13-го октября представила Сенату „кандидатовъ (трехъ) къ заготовленію провіанта“, требуя „указа, кого изъ нихъ къ заготовленію тому опредѣлить повелѣно будетъ“. Сенатъ, того же числа, „приказалъ: для покупки и подряда и отправленія сюда провіанта, въ низовые городы отправить: въ Нижній-Новгородъ—статскаго дѣйствительнаго совѣтника Аѳанасія Нѣмцова (изъ числа представленныхъ кандидатовъ), къ нему въ помощь бригадира Семена Раевскаго и статскаго совѣтника Ѳедота Елагина, въ Орелъ—статскаго совѣтника Прохора Пушкина, къ нему въ помощь совѣтника Андрея Сабурова, которыхъ отъ той Военной коллегіи снабдить полною инструкціею, въ которой написать, чтобъ они ту покупку хлѣба и отправленіе онаго на наемныхъ судахъ чинили такимъ образомъ, какъ въ томъ поступаютъ купецкіе люди, ища въ томъ казенной прибыли и наблюдая крѣпко высочайшій его императорскаго величества интересъ, обпадежа ихъ, что тѣ, кои при томъ своимъ прилежаніемъ хлѣба и овса болѣе и дешевле заготовятъ, награждены будутъ высочайшею его императорскаго величества милостію; и для того въ той коллегіи сочиня имъ инструкціи, для апробаціи подать (ихъ) въ правительствующій Сенатъ“. Составленная Военною коллегіею форма такой инструкціи 22-го октября была внесена въ Сенатъ членомъ этой коллегіи Козловымъ лично и здѣсь „слушана“ и „поправлена“ **). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ положилъ: „ко опредѣленнымъ къ покупкѣ той (т. е. покупкѣ провіанта) персонамъ подтвердить изъ Сената указами, чтобъ они для той покупки ѣхали безъ всякаго замедленія, и, сверхъ того, о скорѣйшемъ ихъ отправленіи понудить Сенатской конторѣ“; для болѣе же успѣшнаго выполненія настоящаго порученія посылаемымъ „персонамъ“ дать „къ губернаторамъ и воеводамъ послушные указы (независимо отъ указовъ „о вспоможеніи“, о которыхъ упомянуто выше), чтобъ они по онымъ въ потребномъ случаѣ и понужденіе учинить могли, въ которыхъ написать,

*) По случаю войны Россіи съ Швеціею

**) Между прочимъ, исключенъ пунктъ о подрядахъ, которыхъ разсуждено не заключать.

дабы въ той покупкѣ тѣмъ опредѣленнымъ персонамъ и посланнымъ отъ нихъ вездѣ, гдѣ та покупка будетъ производиться, и какого къ тому, такожъ ко отправленію покупнаго хлѣба, по инструкціи ихъ и по посланнымъ изъ Военной коллегіи указамъ, они и посланные отъ нихъ требовать будутъ вспоможенія, оное чинили не только безъ всякаго отлагательства, отрицанія и упущенія времени, но при томъ, паче для исполненія того нужнѣйшаго его императорскаго величества интереса и высочайшаго повелѣнія, каждый, до кого то касатися имѣетъ, прилагалъ свое усердное стараніе со всякимъ радѣніемъ и ревностію, какъ вѣрнымъ его императорскаго величества подданнымъ, по присяжной должности, надлежитъ, не описываясь отъ нижнихъ командъ къ вышнимъ, а вышнимъ въ Сенатъ и въ Военную коллегію, но что гдѣ по требованіямъ учинено будетъ, о томъ по исполненіи рапортовать, кому куда по указамъ надлежитъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе и противные по сему поступки тяжкаго его императорскаго величества гнѣва и жестокаго штрафа; чего ради оные указы велѣть прочитая всякому, до кого принадлежать будетъ, и оставляя у себя копію, оригиналъ отдавать имъ по прежнему. И отправить тѣ указы къ нимъ при посылкѣ изъ Военной коллегіи инструкцій“ [82]).

Смѣты суммъ, требовавшихся на расходы по содержанію арміи и вообще по военно-сухопутному вѣдомству, составлялись Военною коллегіею и вносились ею, при доношеніяхъ, на разсмотрѣніе Сената. При этомъ затрудненія, вызывавшіяся недостаткомъ денегъ, ассигнованныхъ на эти расходы верховнымъ правительствомъ, разрѣшались, по представленію Сената, Императорскимъ Кабинетомъ. Такъ въ началѣ 1741 года Сенатъ, разсмотрѣвъ доношеніе Военной коллегіи, что, по случаю значительнаго недобора подушныхъ денегъ *), является недостатокъ средствъ на содержаніе арміи и на „прочія воинскія исправленія“, и, имѣя въ виду, что для пополненія указаннаго недостатка въ Статсъ-конторѣ нѣтъ свободныхъ суммъ, положилъ сообщить о томъ въ Кабинетъ, „съ прописаніемъ“ доношенія Военной коллегіи, и „требовать, откуда повелѣно будетъ оную Военную коллегію (въ пополненіе недостатка) суммою удовольствовать, резолюціи“. Къ этому представленію Сенатъ присоединилъ и свѣдѣніе, „сколько, по послѣднимъ рапортамъ, во всѣхъ департаментахъ (учрежденіяхъ) государственныхъ доходовъ на лицо есть“. По разсмотрѣніи въ Кабинетѣ этого сообщенія, Сенату данъ былъ именной, за рукою правительницы, указъ, разрѣшавшій настоящій вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „накрѣпко“ подтверждавшій Сенату и Военной коллегіи, „по прежнимъ указамъ, подуш-

*) Подушныя деньги были ассигнованы на расходы по военному вѣдомству. Недоборъ этой подати явился вслѣдствіе сбавки, по всемилостивѣйшему указу, на 1740 годъ «со всѣхъ, положенныхъ въ подушный окладъ, кромѣ иновѣрцевъ», семигривенныхъ денегъ по 17 коп. съ души, что въ общей сложности составляло 927,188 руб. 28 коп.

ныя деньги какъ настоящія въ опредѣленные сроки, не запуская въ доимку, собирать, такъ и доимочныя взыскивать съ крайнимъ прилежаніемъ и радѣніемъ, дабы въ содержаніи арміи ни малѣйшаго недостатка приключиться не могло" [83]). -Дѣлая распоряженія объ отпускѣ суммъ военному вѣдомству, Сенатъ въ то же время собиралъ свѣдѣнія, необходимыя для провѣрки доходовъ этого вѣдомства, т. е. сбора подушныхъ денегъ. 13-го сентября 1741 года онъ, между прочимъ, положилъ: изъ Камеръ-коллегіи взять „исправныя и вѣрныя вѣдомости: 1) сколько по генералитетской переписи расположенныхъ на полки и оставшихъ за тѣмъ расположеніемъ душъ въ какой окладъ положено порознь, по званіямъ, а именно: купечества, дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и помѣщиковыхъ, ясачныхъ и черносошныхъ людей и крестьянъ, и иновѣрцевъ, и разночинцевъ, такожъ одноодворцевъ и другихъ служилыхъ людей, и ямщиковъ, каждаго званія порознь суммою по губерніямъ, провинціямъ и городамъ; 2) особливо, сколько сверхъ того попынѣ приписныхъ къ адмиралтейству, къ артиллеріи и къ госпиталю, къ заводамъ казеннымъ и партикулярнымъ, порознь же, по званіямъ и по мѣстамъ; 3) послѣ переписи сколько гдѣ какихъ по званіямъ же душъ прописныхъ и утаенныхъ въ какой окладъ по переписи разночинцевъ, по 1737 годъ, прибыло; 4) такимъ же образомъ особо показать и о прибывшихъ съ 1737 года въ подушный окладъ. И оныя вѣдомости прислать въ Сенатъ, не продолжая отъ полученія указа больше одного мѣсяца, чего ради Сенатской конторѣ къ сочиненію и отправленію оной тое Камеръ-коллегію принудить". Объ этомъ указъ въ Камеръ-коллегію и вѣдѣніе въ Сенатскую контору были отправлены того же числа [84]).—Въ случаѣ неисправнаго поступленія суммъ, назначенныхъ на содержаніе какихъ-либо частей арміи, военное начальство адресовывало свои требованія въ Сенатъ, выражая неудовольствіе и жалуясь на виновныхъ въ подобныхъ упущеніяхъ, и Сенатомъ такія требованія немедленно были удовлетворяемы. Такъ 10-го января 1740 года Сенатъ, слушавъ доношеніе генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха и генералъ-маіора Девица, постановилъ: „На довольство ландмилицкихъ полковъ денежную сумму, что на прошлый и нынѣшній годъ не дослано, отправлять Военной коллегіи, откуда надлежитъ, въ крайней скорости, подъ опасеніемъ ея императорскаго величества тяжкаго гнѣва, дабы оные полки за недачею жалованья нималой нужды не терпѣли; буде же въ высылкѣ на тѣ полки денегъ по ассигнаціямъ губернаторы и воеводы будутъ чинить замедленіе, и опыхъ къ тому черезъ нарочныхъ понуждать и штрафовать, по указамъ, безъ всякаго упущенія; а для чего, по прежнимъ генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха въ тое коллегію доношеніямъ, оные полки денежною казною понынѣ не удовольствованы, о томъ оной коллегіи въ Сенатъ отвѣтствовать" [85]).—По части отпуска денегъ на содержаніе военныхъ силъ Сенатъ иногда, по приказу

кабинетъ-министровъ, принималъ участіе въ обсужденіи и такихъ вопросовъ, которые собственно входили въ область вѣдѣнія Кабинета. Подтвержденіемъ этого служитъ кабинетское распоряженіе 28-го марта 1741 года: „о разсмотрѣніи Сенату обще съ Военною коллегіею: набраннымъ въ построенную съ бухарской стороны на рѣкѣ Илекѣ крѣпость казакамъ надлежитъ ли жалованье опредѣлить и какое, и откуда имъ оное производить, и о представленіи о томъ со мнѣніемъ въ Кабинетъ“ [86]).

Подобнымъ же образомъ Сенатъ относился къ продовольствію и другимъ нуждамъ флота, при чемъ въ болѣе важныхъ случаяхъ обращался съ представленіемъ въ Кабинетъ. Такъ 8-го января 1740 года состоялось опредѣленіе Сената: „по резолюціи Кабинета ея императорскаго величества, подписанной на поданномъ изъ Сената доношеніи, по представленію Адмиралтейской коллегіи, о заготовленіи къ будущей сего 1740 года кампаніи (т. е. плаванію) морскихъ провизій, оныя провизіи заготовлять по приложенной при томъ вѣдомости за подписаніемъ господъ кабинетныхъ министровъ, и для того со оной вѣдомости въ Адмиралтейскую коллегію сообщить при указѣ копію“. О „пріуготовленіи кораблей и на нихъ морскихъ провизій“ въ кампанію 1741 года Сенатъ также входилъ, въ октябрѣ 1740 года, съ докладомъ въ Кабинетъ [87]).

Имѣя попеченіе объ удовлетвореніи нуждъ какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ военныхъ силъ имперіи, Сенатъ въ то же время наблюдалъ за выполненіемъ правилъ и распоряженій по этой части государственнаго хозяйства, принимая тѣ или иныя мѣры въ случаѣ какихъ-либо неисправностей или злоупотребленій. Для примѣра, вотъ два факта. 24-го ноября 1740 года Сенатъ, „по доношенію Военной коллегіи, приказалъ: положенныя на бывшаго въ казанскомъ гарнизонѣ поручика Филимонова за покупныя драгунскія девять да за потерянную въ пути одну, и того за десять лошадей, деньги, коихъ за вычетомъ изъ жалованья на немъ, Филимоновѣ, осталось 63 руб. 1 коп., и за кончиною его, Филимонова, и что двора, деревень и пожитковъ у него не имѣется, оныхъ достальныхъ денегъ взыскать не съ кого, по мнѣнію той коллегіи, яко штрафныя, изъ допмки выключить“. Копія съ этой резолюціи и подлинное доношеніе Военной коллегіи были отосланы въ эту послѣднюю.—Въ томъ же году Сенатомъ было подано въ Кабинетъ сообщеніе, съ приложеніемъ допроса полковника Ямбургскаго драгунскаго полка Феофилатьева „о розни, показанной отъ него отвѣтомъ о упалыхъ отъ безкормицы въ маршѣ до Санктъ-Петербурга того полка лошадяхъ“. О послѣдовавшей по этому сообщенію резолюціи: чтобы означенныхъ выше „упалыхъ лошадей на членахъ Военной коллегіи не взыскивать“, Сенатъ увѣдомилъ эту коллегію указомъ [88]).

Въ военное время, въ шведскую 1741 года кампанію, Сенатъ

также принималъ большое участіе въ дѣлахъ по комплектованію, продовольствію и передвиженію войска. Послѣ первыхъ военныхъ дѣйствій, въ октябрѣ, въ видахъ упорядоченія дѣйствовавшей арміи и вообще боевыхъ силъ, главнокомандующимъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Лесси былъ составленъ и поданъ на имя императора проектъ („всеподданнѣйшее доношеніе его императорскому величеству") „о воинскихъ предпріятіяхъ и пріуготовленіяхъ противъ шведовъ въ будущую кампанію". По обсужденіи Кабинетомъ и апробаціи правительницею, 8-го октября, проектъ этотъ для исполненія былъ направленъ въ Сенатъ. Получивъ его 13-го октября, Сенатъ 15-го числа, „во исполненіе онаго, приказалъ: *) 1) Для будущей операціи противъ непріятеля въ Финляндіи быть корпусу, по представленію его, генерала-фельдмаршала (Лесси) сухопутнымъ до 50,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ и къ тому нерегулярнымъ—донскимъ казакамъ, гусарскому корпусу и чугуевскимъ казакамъ и калмыкамъ; водою на корабляхъ и галерахъ сухопутныхъ же, сверхъ вышеписанныхъ, до 10,000 человѣкъ; и для того Военной коллегіи пѣхотные 27 полковъ, состоящіе въ дѣйшней сторонѣ, потребнымъ числомъ людей укомплектовать, и къ тому, по силѣ состоявшагося въ 1737 году января 25 го числа указа, по 15 человѣкъ въ роту, а въ полкъ по 135, прибавить и въ тѣ полки отдать немедленно; а Адмиралтейской коллегіи къ той кампаніи парусный и гребной флоты вооружать и имѣть во всякой готовности, съ потребнымъ числомъ для перевозки провіанта ластовыхъ судовъ, дабы оныя войска будущею весною елико возможно ранѣе къ дѣйствію вступить могли, пока непріятель какъ флотомъ, такъ и сухимъ путемъ, не могъ быть въ собраніи, чего ради нынѣ, ежели возможно, по отдаленіи непріятельскаго флота, егда не будетъ опасности, отправить въ Выборгъ до 20 галеръ, а на нихъ Военной коллегіи, сколько возможно, отпустить провіанта сухарями, а буде столько не сыщется готовыхъ, то въ добавку и мукою, что положиться можетъ, и зимовать тѣмъ галерамъ при Выборгѣ, а для отвоза оныхъ употребить людей, по разсужденію его, генерала-фельдмаршала, изъ стоящихъ при Красной Горкѣ полковъ; что же на тѣ галеры и въ будущую кампанію офицеровъ морскихъ потребно, оныхъ опредѣлить Адмиралтейской коллегіи заблаговременно, добрыхъ людей; къ препровожденію же флота въ шхерахъ сколько надобно лоцмановъ оныхъ той же коллегіи, сыскавъ изъ мужиковъ знающихъ, въ настоящее время опредѣлить, чтобъ за тѣмъ остановки быть не могло. 2) Вмѣсто употребленныхъ въ будущую кампанію находящихся въ дѣйшней остзейской экспедиціи пѣхотныхъ полковъ, для содержанія

*) Слѣдующее ниже сенатское опредѣленіе, существенныя части котораго—слова высочайше утвержденнаго проекта Лесси, какъ заключающее въ себѣ весьма цѣнныя историческія данныя, приводится дословно.

здѣшнихъ мѣстъ и къ наполненію въ число 50,000 человѣкъ недостатка, такожъ и къ надобному случаю для резерва, взять изъ Украйны до 10,000 человѣкъ, по разсмотрѣнію его, генерала-фельдмаршала, токмо бъ оные не прежде сюда прибыть могли, какъ здѣшнимъ въ кампанію выступить надлежитъ, или хотя и прежде, да незадолгое время, понеже здѣсь провіанта имѣетъ быть заготовлено токмо по его, генерала-фельдмаршала, репортиціи, а больше того прежде іюня мѣсяца поставлено быть не можетъ, и дабы чрезъ скорое сюда прибытіе тѣ прибавляющіеся полки въ провіантѣ нужды не возъимѣли: а къ которому времени онымъ прибавочнымъ къ прибытію сюда срокъ будетъ назначенъ, о томъ ему, генералу-фельдмаршалу, въ Военную коллегію завремя сообщить, чтобъ оная коллегія приготовленіемъ по трактамъ провіанта и фуража исправиться могла. 3) Кирасирскимъ двумъ, драгунскимъ двумъ же, пѣхотнымъ семи полкамъ, кои нынѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи имѣются, въ будущее лѣто, по разсужденію его, генерала-фельдмаршала, быть тамъ же, и изъ оныхъ, по усмотрѣнію надобности, о взятіи изъ нихъ пѣхотныхъ сюда, а на мѣсто ихъ объ отправленіи другихъ отсюда чинить ему по своему жъ разсмотрѣнію; а для облегченія въ разъѣздахъ по морскимъ берегамъ драгунскимъ полкамъ взять изъ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ казаковъ 2,000 человѣкъ, лучшихъ и доброконныхъ, и сколькимъ имъ быть и съ котораго времени имъ туда слѣдовать, о томъ ему, генералу-фельдмаршалу, сообщить въ Военную коллегію, которой объ отправленіи ихъ въ тѣ мѣста опредѣленіе учинить и куда надлежитъ указы отправить немедленно; а чтобъ по тому неотмѣнное исполненіе было учинено, о томъ въ Малороссійскую Генеральную Войсковую канцелярію и въ канцелярію жъ Коммиссіи слободскихъ полковъ изъ Сената подтвердить. 4) А что принадлежитъ до укомплектованія вышепомянутыхъ полковъ ружьемъ, мундиромъ и аммуниціею, о томъ Военной коллегіи имѣть прилежное стараніе и неусыпное попеченіе, и тѣ полки всѣмъ вышеписаннымъ снабдить откуда надлежитъ заблаговременно, чтобъ къ будущей кампаніи никакого нигдѣ въ томъ недостатка не было, что все, ежели въ чемъ возъимѣется нужда и недостатокъ, взыщется на той коллегіи, понеже оное дѣло собственно до той коллегіи принадлежитъ и едино о всемъ томъ она, яко главное правительство, не слагая на подчиненныя мѣста, попеченіе имѣть и во всякомъ неудовольствіи отвѣтъ дать должна; чего ради, ежели нынѣ въ вѣдомствѣ той коллегіи мундира готоваго не имѣется, то сколько онаго надобно немедленно велѣть шить и готовый отпускать, употребя къ тому портныхъ изъ стоящихъ при Санктъ-Петербургѣ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ и цеховыхъ и которые полки въ близости къ Санктъ-Петербургу на винтеръ-квартиры будутъ расположены, такожъ и въ Москвѣ. 5) Для перемѣны престарѣлыхъ и увѣчныхъ солдатъ, кои до будущей кампаніи

отставятся, и на мѣсто чрезъ зиму убылыхъ въ запасъ имѣть Военной коллегіи рекрутъ въ готовности въ Новѣ-городѣ до 2,000 человѣкъ, чтобъ были крѣпкіе, здоровые и немалорослые, и ниже указной по нынѣшнему наряду мѣры отнюдь бы въ нихъ не было, чего ради, опое число росписавъ по полкамъ вышепомянутаго корпуса, въ губерніи и провинціи, гдѣ на тѣ полки рекруты ассигнованы, послать указы, дабы такое число отправленнымъ отъ тѣхъ полковъ офицерамъ отдали, сверхъ того, что̀ въ комплектъ и прибавочныхъ по 135 человѣкъ въ полкъ будетъ опредѣлено. 6) Лошадей въ комплектъ тѣхъ полковъ Военной коллегіи покупать здѣсь и въ ближнихъ городѣхъ, и въ Москвѣ, и гдѣ наиспособнѣе, безъ потерянія времени, употребляя всякіе къ тому удобные способы, не надѣяся на подчиненныя мѣста, и для того къ той покупкѣ опредѣлить нарочныхъ надежныхъ людей; буде же всемѣрно прежде покупными исправиться невозможно, и впредь потребнаго числа покупкою достать ненадежно, и другаго способа къ удовольствію оныхъ полковъ лошадьми не сыщется, о томъ, съ показаніемъ недостаточнаго числа, представлять въ правительствующій Сенатъ заблаговременно. 7) Для наполненія выборгскаго магазейна положеннымъ по репортиціи его, генерала-фельдмаршала, провіантомъ, хотя на галерахъ нѣсколько и можетъ завезено быть, однакожъ, ежели безопасный случай допуститъ, подъ прикрытіемъ тѣхъ галеръ, какъ возможно, Военной коллегіи провіанта отпускать туда съ пріумноженіемъ мукою и сухарями, что̀ оныхъ до отпуска заготовить можно, и ежели привознаго купеческаго столько будетъ, что̀ всего въ Выборгъ надобно, то хотя бъ и все то число сполна нынѣшнею осенью тамо поставлено было, чего ради Адмиралтейской коллегіи къ тому перевозу отпустить ластовыхъ судовъ сколько потребно, а чего недостанетъ, то за надлежащую плату взять Военной коллегіи и изъ купеческихъ ластовыхъ же судовъ, и на оныя тотъ провіантъ грузить со всякимъ поспѣшеніемъ, дабы при Кронштадтѣ, какъ уже и прежде опредѣлено и подтверждено, къ отпуску былъ во всякой готовности; прочіе жъ магазейны, яко кекскольмскій, кронштадтскій, красногорскій, указнымъ числомъ наполнять неотложно. 8) Маркитентеровъ съ съѣстными и питейными припасами къ той арміи высылать, сколько возможно, отсюда со умноженіемъ, а о томъ же въ Московской и Новгородской губерніяхъ публиковать, дабы такіе промышленники ѣхали безъ всякаго опасенія, обнадеживая ихъ, что имъ въ ихъ промыслахъ всякое вспоможеніе показывано и подъ особливымъ охраненіемъ и защищеніемъ содержаны будутъ; чего ради всѣхъ такихъ промышленниковъ отпущать отвсюду съ паспортами безъ всякаго удержанія; а между тѣмъ, ежели нынѣ отсюда кто изъ такихъ промышленниковъ похочетъ съ припасами туда водою ѣхать на своихъ судахъ, оныхъ препроводить съ вышеписаннымъ же казеннымъ провіантомъ. 9) Полевой и осадной артиллеріи быть во вся-

кой готовности, дабы какъ скоро указы получить могла тотчасъ въ походъ выступить со всякою исправностію. 10) Для лѣченія больныхъ къ той арміи докторовъ и лѣкарей съ подлѣкари и медикаменты отпускать Медицинской канцеляріи, сколько онъ, генералъ-фельдмаршалъ, требовать будетъ, безъ всякаго отлагательства, чтобъ ни въ чемъ томъ ни малѣйшаго недостатка не было. И о томъ о всемъ, куда о чемъ надлежитъ, послать указы; что же гдѣ по тому учинено будетъ, велѣть въ Сенатъ отрапортовать, и впредь о дѣйствительномъ исполненіи чрезъ каждые восемь дней рапорты подавать неотложно: а его императорскому величеству для извѣстія взнесть отъ Сената о всемъ томъ всеподданнѣйшее донесеніе". Производство въ Сенатѣ по проекту Лесси хранилось въ глубокой тайнѣ. 16-го октября чинамъ сенатской канцеляріи (секретарямъ, протоколисту, канцеляристамъ, подканцеляристамъ и копіистамъ), имѣвшимъ порученіе вести это дѣло, по приказу генералъ-прокурора, было объявлено съ подпискою, „подъ страхомъ смертной казни, чтобъ (по дѣлу этому) произвожденія содержали секретно и ни съ кѣмъ о томъ ничего не говорили и никому не объявляли, не токмо постороннимъ, но ниже другимъ и сенатской канцеляріи служителямъ" [89]).—Указанными выше дѣйствіями участіе Сената въ мѣропріятіяхъ верховнаго правительства въ военное время, конечно, не исчерпывалось. Слѣдовавшія одни за другими правительственныя распоряженія во время приготовленія къ войнѣ съ Швеціею и въ періодъ самой кампаніи,—распоряженія о наборѣ, о продовольствіи, размѣщеніи и передвиженіи (перевозкѣ) войскъ, объ учрежденіи „доброй почты" изъ обывательскихъ лошадей между Петербургомъ и Выборгомъ для проѣзда курьеровъ и т. п., также высочайшіе приказы о напечатаніи и обнародованіи манифеста о войнѣ и „публичнаго объявленія" о побѣдѣ (подъ Вильманстранде), — направлялись для исполненія въ Сенатъ, какъ высшій административный центръ [90]).

Въ заключеніе обзора дѣятельности Сената по военнымъ дѣламъ не лишне привести слѣдующее свѣдѣніе, освѣщающее отношеніе Сената къ военно-учебному дѣлу. Въ засѣданіи 1-го сентября 1740 года, генералъ-прокуроръ „словесно представлялъ" сенаторамъ, „что, по именному ея императорскаго величества, за подписаніемъ ея императорскаго величества собственныя руки, состоявшемуся прошлаго 1737 года іюля 6-го дня, всемилостивѣйшему указу, повелѣно для содержанія лучшаго порядка и побужденія кадетскаго къ наукамъ быть въ каждомъ году всѣмъ кадетомъ безъ изъятія двумъ публичнымъ смотрамъ и экзаменамъ въ присутствіи одного изъ сенаторовъ и прочихъ, упомянутыхъ въ даномъ въ (Шляхетскій) кадетскій корпусъ того года отъ 30-го марта ея императорскаго величества указъ персонъ, а именно: первому 15-го марта, другому 15-го сентября, и, во исполненіе онаго ея императорскаго величества всемилостивѣйшаго указа, для помянутаго смотра и экзамена (ибо терминъ онаго

наступаетъ) отъ правительствующаго Сената назначено быть изъ членовъ сенатскихъ (яко старшему) генералу-аншефу и кавалеру Чернышеву; но понеже при томъ экзаменѣ надлежитъ быть изъ ученыхъ, знающихъ тѣ науки, чему кадеты обучаются, и для того не изволитъ-ли правительствующій Сенатъ разсудить подать о томъ въ Кабинетъ ея императорскаго величества сообщеніе и требовать по наукамъ способныхъ, хотя отъ Двора ея императорскаго величества". Сенатъ, „по оному предложенію разсуждая, приказали: предписавъ вышеписанный указъ, Кабинету ея императорскаго величества представить, что изъ сенаторовъ, какъ и Кабинету ея императорскаго величества извѣстно есть, за необученіемъ самихъ ихъ надлежащихъ къ тому экзамену, кромѣ военной экзерциціи, наукъ, при томъ безплодны быть могутъ; а тайному совѣтнику и кавалеру Нарышкину (который хотя по ученію его къ тому и способенъ находится) за другими положенными на него дѣлами у того смотра и экзамена быть (дабы и тѣхъ дѣлъ, яко нужнѣйшихъ, не остановить) назначить не можно; и того ради не разсуждено-ль будетъ за благо у того смотра и экзамена быть (какъ то въ прошлыхъ 1738 и 1739 годѣхъ сообщаго съ Кабинетомъ ея императорскаго величества разсужденія опредѣлены были) изъ другихъ къ тому по наукамъ способныхъ, хотя отъ Двора ея императорскаго величества, персонъ, и о томъ требовать общаго и въ непродолжительномъ времени разсужденія, ибо какъ выше помянуто, терминъ оному смотру и экзамену уже приближается". Вопросъ былъ рѣшенъ 24-го сентября согласно разсужденію Сената [91]).

Участіе Сената въ финансовыхъ дѣлахъ.

Говоря вообще, въ области финансовой Сенатъ игралъ роль блюстителя казеннаго интереса, и въ качествѣ этого блюстителя онъ былъ обязанъ не только контролировать приходо-расходъ государственныхъ суммъ, но и заботиться объ увеличеніи доходовъ и о возможномъ сокращеніи расходовъ казны.

Въ силу именнаго, 5-го сентября 1732 года, повелѣнія, подтвержденнаго высочайшимъ указомъ 5-го января 1741 года, „о приходахъ и расходахъ и объ остаткахъ (денегъ) всего государства изо всѣхъ мѣстъ табели" ежегодно должны были представляться въ Сенатъ; послѣдній же былъ обязанъ провѣрять эти отчеты и сводъ ихъ, ежегодныя „генеральныя табели", вносить въ Кабинетъ „для собственнаго (ея, его) императорскаго величества извѣстія". Именнымъ указомъ Кабинету 12-го января 1741 года *) денежная отчетность государственныхъ учрежденій была усилена: установлены отчеты ежемѣсячные и третные. Вслѣдствіе этого указа, Кабинетъ, 14-го января,

*) См. стр. 92.

препроводилъ въ Сенатъ сообщеніе, въ которомъ, увѣдомляя о полученіи кабинетъ-министрами высочайшаго повелѣнія: а) представить императору „обстоятельный рапортъ, сколько въ которомъ департаментѣ (учрежденіи) со вступленія его императорскаго величества на всероссійскій императорскій престолъ было денежной казны на лицо и изъ того что по нынѣшній январь мѣсяцъ въ расходѣ и затѣмъ дѣйствительно въ остаткѣ къ 1-му того января было", и б) „о возъимѣніи крайняго старанія и попеченія" объ увеличеніи, своевременномъ сборѣ и правильномъ, „съ доброю экономіею", расходованіи „государственныхъ внутреннихъ денежныхъ доходовъ" и о представленіи на высочайшее имя ежемѣсячныхъ и третныхъ рапортовъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денегъ въ государственныхъ учрежденіяхъ,—предписывалъ: а) „...понеже всѣ такіе департаменты, гдѣ денежные сборы находятся, подъ дирекціею правительствующаго Сената состоятъ, и оному всегда объ нихъ полное извѣстіе имѣть должно, того ради надлежитъ правительствующему Сенату, собравъ отъ всѣхъ оныхъ департаментовъ вѣдомости, по силѣ вышеобъявленнаго его императорскаго величества указа (12-го января 1741 года), и учиня изъ нихъ обстоятельный рапортъ, для разсмотрѣнія и поданія его императорскому величеству сообщить въ Кабинетъ немедленно; и б)„... понеже всѣ государственные доходы безъ изъятія правительствующему Сенату обстоятельно извѣстны и въ полной дирекціи онаго состоятъ, того ради надлежитъ обще съ Кабинетомъ и правительствующему Сенату о размноженіи и собираніи государственныхъ доходовъ и о употребленіи оныхъ къ расходу съ такою доброю и осмотрительною экономіею, какъ въ вышеозначенномъ его императорскаго величества указѣ изображено, крайнѣйшее стараніе и попеченіе имѣть, и что правительствующій Сенатъ къ размноженію и лучшему собиранію государственныхъ доходовъ и ко уменьшенію ненужныхъ расходовъ, имѣя обо всемъ томъ обстоятельное извѣстіе, за благо и потребно усмотритъ, о томъ благовременно и безъ всякаго упущенія въ Кабинетъ представлять и вышеозначенные о приходѣ и расходѣ и объ остаткѣ денегъ ежемѣсячные краткіе и по третямъ года обстоятельные рапорты изо всѣхъ мѣстъ собирать и, сочиняя изъ нихъ генеральные о всѣхъ мѣстахъ рапорты, росписывая порознь, гдѣ имѣются, капитальные и пятинные (доходы) особо, для поданія его императорскому величеству въ Кабинетъ подавать безъ упущенія времени; а буде о всѣхъ мѣстахъ за дальностію на такой срокъ подачею тѣхъ рапортовъ исправиться будетъ невозможно, то для скорости напередъ подавать о ближнихъ мѣстахъ, а потомъ и о достальныхъ всѣхъ мѣстахъ, сочиня, подавать какъ скоро возможно, якоже въ томъ особливая правительствующаго Сената должность состоитъ. И что помянутые государственные внутренніе доходы не толико не умалятся, но отъ времени до времени въ вящшее приращеніе приходить будутъ, въ

томъ именно на Кабинетъ и на Сенатъ его императорское величество крѣпкую надежду имѣть изволитъ". Исполняя это распоряженіе, Сенатъ „приказалъ: отъ всѣхъ департаментовъ, гдѣ денежные сборы въ вѣдомствѣ (кромѣ Соляной конторы и вѣдѣнія генерала Волкова, кои подъ собственными его императорскаго величества особливыми указами состоятъ) о всѣхъ вѣдомыхъ въ тѣхъ департаментахъ сборѣхъ для подачи его императорскому величеству обстоятельнаго рапорта изъ обрѣтающихся въ Санктъ-Петербургѣ мѣстъ подать, а изъ московскихъ, собравъ Сенатской конторѣ, прислать въ Сенатъ въ самой крайней скорости вѣрныя вѣдомости (о расходахъ и наличности денегъ за время съ 18-го октября 1740 по 1-е января 1741 года); ...о размноженіи и о бездоимочномъ во опредѣленные сроки, по прежнимъ указамъ, собраніи государственныхъ доходовъ и о употребленіи оныхъ въ расходъ съ экономіею (по указу 12-го января 1741 года) крайнѣйшее стараніе и попеченіе имѣть и непрестанными указами о томъ, куда надлежитъ, изъ каждаго департамента, въ которомъ какіе въ вѣдомствѣ государственные доходы состоятъ, паикрѣпчайше подтверждать и къ размноженію и лучшему собиранію тѣхъ государственныхъ доходовъ и уменьшенію ненужнѣйшихъ расходовъ, по силѣ указовъ и по даннымъ тѣмъ департаментамъ инструкціямъ, всемѣрное и неусыпное стараніе безъ всякаго упущенія прилагать и на разсмотрѣніе правительствующему Сенату съ пріобщеніемъ мнѣніевъ представлять; а (означенные выше) о приходѣ и расходѣ и объ остаткѣ денегъ ежемѣсячные краткіе и по третямъ года обстоятельные рапорты, собирая каждому департаменту изо всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ какіе государственные доходы въ вѣдомствѣ состоятъ, росписывая въ нихъ порознь, гдѣ имѣются, капитальные и истинные (доходы) особо и сочиняя въ каждомъ департаментѣ вѣдомства своего о всѣхъ доходѣхъ (по указу 12-го января 1741 года) генеральные для генеральнаго жъ изо всѣхъ сочиненія и подачи въ Кабинетъ къ собственному его императорскаго величества извѣстію, въ Сенатъ ежемѣсячно, а третные обстоятельные по третямъ года подавать, а именно: о подушномъ сборѣ—изъ Военной коллегіи; о таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ и прочихъ доходѣхъ, кои до Статсъ-конторы доходятъ,—той Статсъ-конторѣ, а для упомянутыхъ рапортовъ сочиненія изъ тѣхъ мѣстъ о тѣхъ доходахъ, кои на государственные расходы отсылаются въ Статсъ-контору, о приходѣ оныхъ ежемѣсячные, а потомъ и третные обстоятельные рапорты отсылать во оную Статсъ-контору по прошествіи каждаго мѣсяца и третей года безъ всякаго замедленія; о доходахъ за опредѣленіемъ архіерейскихъ домовъ и монастырей—Коллегіи экономіи: о сборѣ съ раскольниковъ—Раскольнической конторѣ, такожъ и изъ прочихъ достальныхъ департаментовъ, въ которыхъ въ вѣдомствѣ особые государственные доходы состоятъ, по силѣ (приведеннаго выше) указа, во всемъ и въ подачѣ въ Сенатъ упомянутыхъ рапор-

товъ неотмѣнное исполненіе чинить; и получа въ Сенатъ изо всѣхъ мѣстъ такіе рапорты, сочиняя генеральные, для поданія его императорскому величеству, въ Кабинетъ взносить... И о вышеписанномъ во обрѣтающіяся здѣсь въ коллегіи, канцеляріи и конторы послать указы, а въ святѣйшій Синодъ о подачѣ въ Кабинетъ о имѣющихся въ вѣдомствѣ того Синода доходѣхъ о вышеписанномъ вѣдомости и рапортовъ, въ Сенатскую же контору о собраніи оныхъ вѣдомостей и рапортовъ же изъ обрѣтающихся въ Москвѣ департаментовъ и о посылкѣ во оные указовъ — сообщить вѣдѣнія" [92]).—Кромѣ этихъ дѣйствій, въ кругъ занятій Сената по приведенію въ порядокъ доходовъ и расходовъ имперіи входили работы по „сочиненію всѣмъ государственнымъ доходамъ окладной книги". Составленіе этой книги первоначально, въ 1731 году, было поручено Новой Камеръ-коллегіи. 30-го іюня послѣдняя получила высочайшее повелѣніе: „стараться, яко о первомъ и главномъ той (Камеръ-) коллегіи основаніи, учинить всякимъ сборамъ, какого бъ званія ни были, окладную книгу, дабы къ 1732 году оная была въ готовности, и для того изъ губерній и провинцій и изо всѣхъ городовъ требовать о томъ исправныхъ вѣдомостей". Вслѣдствіе нѣкоторыхъ затрудненій Камеръ-коллегіи, въ особенности за неисправною присылкою вѣдомостей, составленіе окладной книги къ назначенному сроку окончено не было, что, въ виду важности работы *), побудило правительство передать это дѣло на особое попеченіе Сената. Не смотря однако на эту мѣру и рядъ понудительныхъ высочайшихъ указовъ, работы по составленію книги подвигались чрезвычайно медленно, какъ это видно, между прочимъ, изъ „резолюціи, данной Сенату 1739 года, марта 14-го, за подписаніемъ его императорскаго величества собственной руки, на доношеніи сенатскомъ". „Хотя, —говорилось въ этой резолюціи,—о сочиненіи государственнымъ доходамъ окладной книги многими указами Сенату подтверждено, однакожъ и до сего времени того не учинено; а понеже Сенату довольно извѣстно, что первое государства основаніе и самое нужнѣйшее дѣло, дабы знать, сколько въ годъ какихъ доходовъ собрано быть можетъ и на какія именно дачи употреблены быть имѣютъ и что за тѣмъ изъ года въ годъ оставаться будетъ, но когда въ томъ прямаго основанія нѣтъ, то въ сборѣ доходовъ, такожъ и въ расходахъ ни малѣйшаго порядка быть не можетъ, да и взыскивать ни на комъ ничего невозможно; и тако сіе важное и нужное дѣло продолжается, повидимому, не отъ затрудненія какого, но отъ нерадѣнія, для того, что чрезъ девять лѣтъ довольно времени минуло, и ежели бъ въ томъ трудъ и радѣніе приложено было, тобъ не токмо

*) По словамъ именнаго указа 27-го ноября 1732 года «оная (окладная) книга толь нужна, что, не имѣя о всѣхъ доходѣхъ подлиннаго извѣстія, государственнаго всего стата къ окончанію привесть не можно».

къ сочиненію тому потребныя вѣдомости собраны, но и окладная книга давно сочинена и апробована была; того ради чрезъ сіе впослѣдніе паикрѣпчайше подтверждено о сочиненіи такой окладной книги Сенату имѣть крайнѣйшее стараніе и радѣніе, а ежели сего къ будущему 1740 году учинено не будетъ, то уже всекопечно ея императорскаго величества гнѣвъ на себя наведутъ". Въ этомъ же году работы по составленію окладной книги были возложены на спеціально для этого образованную при Сенатѣ коммиссію *), занятія которой, по обширности и сложности труда, продолжались какъ во все остальное время правленія Анны Іоанновны, такъ и въ царствованія Іоанна Антоновича и Елизаветы Петровны [93]).

Имѣя подъ своею „дирекціею" государственные доходы, Сенатъ, кромѣ общаго надзора за ихъ поступленіемъ, входилъ въ разсмотрѣніе вопросовъ объ отдачѣ въ содержаніе и на откупъ казенныхъ доходныхъ статей: сборовъ питейнаго и таможеннаго, рыбныхъ промысловъ и др., при чемъ проекты „кондицій" съ откупщиками обсуждались имъ лишь предварительно, а затѣмъ вносились на апробацію въ Кабинетъ [94]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ касался вопросовъ, имѣвшихъ нѣкоторое отношеніе къ монетному дѣлу **). Такъ въ мартѣ 1741 года „Сенатъ (собственно „учрежденная при Сенатѣ о разсмотрѣніи нерѣшенныхъ прошлыхъ лѣтъ дѣлъ коммиссія") слушалъ дѣло, зачавшееся по разсужденію правительствующаго Сената 1731 года, сентября 9-го дня, о серебрѣ иностранномъ, которымъ опредѣлено Монетной коммиссіи подать доношеніе: по 18 коп. золотникъ, сколько въ два или въ три года поставлено, ежели впредь цѣны прибавить, то какая изъ того можетъ государственная польза быть, по которому изъ той коммиссіи доношеніемъ со мнѣніемъ представлено, что для умноженія въ Россіи серебра главная причина, чтобъ всѣ казенные товары: смольчугъ, поташъ, клей, мѣдь, желѣзо и прочее тому подобное продавать, хотя съ уступкою, на ефимки и серебро, и въ томъ надлежитъ коммерціи къ лучшему способы искать, ибо де, хотя у товаровъ учинить уступку, но отъ серебра учинится сугубый прибытокъ; а на серебро иностранное цѣны для пользы монетныхъ дворовъ, кромѣ покупнаго въ Россіи, прибавить надлежитъ по одной копѣйкѣ, а покупать и подряжать чистое по 19 копѣекъ, отъ котораго передѣла въ россійскую монету отъ всякаго чистаго фунта будетъ прибыли слишкомъ по 90 копѣекъ, и ежели повелѣно будетъ оную на серебро прибавку учинить, то въ поставкѣ того серебра дать всѣмъ волю, а не въ одне руки отдавать, и деньги выдавать по поставкѣ серебра, а не напередъ". По выслушаніи этого дѣла, Сенатъ „при-

*) О персоналѣ этой коммиссіи см. выше, стр. 147.

**) Въ данное время монетное дѣло почти исключительно вѣдалось Канцеляріею монетнаго правленія и Императорскимъ Кабинетомъ

казалъ: оное дѣло отослать въ Канцелярію монетнаго правленія, въ которой о томъ разсмотрѣть и ежели что къ пользѣ казенной усмотритъ, о томъ бы представила со мнѣніемъ правительствующему Сенату" [95]).—Возникавшіе при взиманіи государственныхъ доходовъ вопросы также подлежали разсмотрѣнію Сената, который болѣе важные изъ нихъ вносилъ на разрѣшеніе Кабинета. Напримѣръ, 14-го января 1740 года въ Сенатѣ состоялось опредѣленіе: „по резолюціи Кабинета ея императорскаго величества, подписанной на поданномъ изъ Сената сообщеніи, съ оберъ-гофкоммиссара Либмана за привезенное имъ изъ-за границы вино пошлину взять, по обязательству его, противъ того, по чему съ оставшаго за домовыми расходы берется, а прочихъ пошлинъ съ него не требовать, понеже онъ устушки учинилъ на каждое ведро по три копѣйки". Въ слѣдующемъ году, 12-го ноября, по допошенію Коммерцъ-коллегіи, Сенатъ положилъ: „съ привозной изъ-за моря къ портамъ живой рыбы – карповъ пошлинъ какъ нынѣ, такъ и впредь, не брать", и требовать отъ Кабинета по этому вопросу „общаго разсужденія" [96]).

Слѣдя за поступленіемъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, Сенатъ слѣдилъ и за взиманіемъ накоплявшихся въ большомъ количествѣ казенныхъ недоимокъ, за „взысканіемъ запущенныхъ въ доимку доходовъ" *), и при этомъ мнѣнія свои по вопросамъ о сложеніи недоимокъ вносилъ на высочайшую апробацію въ Кабинетъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Іоанна III-го, именнымъ (милостивымъ) указомъ 23-го октября 1740 года, было повелѣно: „всякаго званія доимки прежнихъ лѣтъ по прошлый 1719 годъ сложить, ... а о доимкахъ (т. е. о сложеніи недоимокъ) со онаго 1719 года Сенату немедленно разсмотрѣть и, для всемилостивѣйшей его императорскаго величества апробаціи, въ Кабинетъ (о недоимкахъ вѣдомости съ своимъ мнѣніемъ) подать". Вѣдомости эти составлялись въ Сенатѣ по свѣдѣніямъ, доставлявшимся изъ государственныхъ установленій [97]).

Что касается дѣятельности Сената по части отпуска денегъ на тѣ или другія государственныя надобности, то она была значительно стѣснена главенствомъ Кабинета. Всѣ подлежавшіе разсмотрѣнію Сената вопросы о назначеніи изъ казны суммъ на сверхштатные и на непредусмотрѣнные особыми высочайшими указами расходы восходили отсюда на разрѣшеніе кабинетъ-министровъ, къ которымъ Сенатъ обращался и въ томъ случаѣ, когда встрѣчалъ какія-либо затрудненія по отпуску денегъ на расходы разрѣшенные. Вотъ нѣсколько фактовъ, могущихъ подтвердить сказанное. Въ февралѣ 1740 года Сенатъ подалъ въ Кабинетъ сообщеніе: „что по кабинетной резолюціи велѣно при ревельскихъ крѣпостяхъ и при артиллеріи работы исправ-

*) Ближайшее завѣдываніе дѣломъ взысканія недоимокъ принадлежало состоявшей при Сенатѣ Доимочной коммиссіи, о дѣятельности которой сказано будетъ ниже.

лять каторжными, а кормовыя деньги, пока они при тѣхъ работахъ будутъ, (выдавать) изъ фортификаціонной суммы, противъ того, какъ имъ давано въ Рогервикѣ; а Военная коллегія представляетъ, что въ Рогервикѣ каторжнымъ дача была будучимъ въ работѣ по 2, а больнымъ, кои въ тяжкихъ болѣзняхъ, по 1 копѣйкѣ: а съ 1726 года, по опредѣленію Адмиралтейской коллегіи, не дается, а дается токмо одинъ провіантъ. И Сенатъ разсуждаетъ, надлежитъ давать на харчъ, сверхъ провіанта, работнымъ по 2, а больнымъ по 1 копѣйкѣ человѣку на день, и о томъ Сенатъ требуетъ отъ Кабинета общаго разсужденія". Съ заключеніемъ Сената Кабинетъ согласился. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Сенатомъ было представлено министрамъ: „По именному ея императорскаго величества указу велѣно Николаевскаго греческаго монастыря, что въ Москвѣ, архимандриту съ братіею на пропитаніе и на церковныя потребы, вмѣсто собираемаго въ тотъ монастырь съ земли и палатъ дохода, опредѣлить до 500 руб. въ годъ изъ положенной на экстраординарныя дачи суммы изъ доходовъ Коллегіи экономіи: а оная Коллегія экономіи въ Сенатъ представляетъ, что на экстраординарныя дачи изъ доходовъ той коллегіи суммы не положено; а при томъ монастырѣ имѣются три лавки, а куда оныя отдать или при томъ монастырѣ оставить и оброкъ имъ сбирать, того во оном именномъ ея императорскаго величества указѣ не упомянуто. И Сенатъ представляетъ, чтобъ оныя лавки при томъ монастырѣ оставить и оброкъ сбирать въ тотъ монастырь, и вышепомянутую сумму на жалованье архимандриту съ братіею и на церковныя потребы деньги откуда употреблять повелѣно будетъ". Вопросъ этотъ получилъ разрѣшеніе 29-го мая слѣдующаго года, и Сенату 2-го іюня былъ данъ высочайшій указъ: „о произвожденіи греческому Николаевскому монастырю опредѣленной дачи по 500 руб. на годъ изъ Коллегіи экономіи и о оставленіи имѣющихся вѣ монастыря лавокъ при томъ монастырѣ на прежнемъ основаніи, и о неимѣніи въ томъ монастырѣ, кромѣ монаховъ и церковниковъ, никому изъ бѣльцовъ жительства, и о дачѣ о всемъ томъ тому монастырю грамоты". Въ іюлѣ того же 1740 года Сенатъ, сообщивъ Кабинету, „что Статсъ-контора, за употребленіемъ въ 1740 году на чрезвычайные расходы немалой суммы, на окладныя дачи платежемъ исправиться не можемъ", вслѣдъ затѣмъ подалъ ему допошеніе „о пожалованіи" этой конторѣ „для самонужнѣйшихъ расходовъ заимообразно изъ соляной суммы (суммъ Соляной конторы) или откуда ея императорское величество указать соизволитъ денегъ до 200,000 руб.". Представленіе было разрѣшено „особливымъ" именнымъ указомъ [98]). — Объ отпускѣ денегъ на штатные и на разрѣшенные расходы Сенатъ, по допошеніямъ государственныхъ установленій и должностныхъ лицъ, дѣлалъ распоряженія, какъ уже сказано, своею властью, давая указы

Статсъ-конторѣ объ ассигновкѣ и отпускѣ требуемыхъ суммъ [99]) *). Сенатомъ же разсматривались и жалобы на задержку Статсъ-конторою отпуска, по сенатскимъ указамъ, денегъ. Такъ 14-го января 1740 года Сенатъ, „по словесному предложенію“ сенатора А. Л. Нарышкина,— занимавшагося дѣлами Канцеляріи отъ строеній,— „что въ положенную на Канцелярію отъ строеній сумму отъ Статсъ-конторы многаго числа (денегъ) не дослано, отъ чего въ приключающихся по той канцеляріи расходѣхъ и строеніяхъ чинится не безъ остановки,— приказалъ: изъ той конторы призвавъ секретаря, объявить, чтобъ въ положенную на оную канцелярію сумму денежная казна, по прежде посланнымъ изъ Сената во оную контору указамъ, отсылана была безъ всякаго задержанія, дабы, за неимѣніемъ денегъ, по той канцеляріи въ строеніяхъ и другихъ расходѣхъ не могло послѣдовать какой остановки“ [101]).

Дѣйствія Сената въ области торгово-промышленной.

О характерѣ дѣятельности Сената по вопросамъ торговли внутренней и внѣшней и промышленности даютъ понятіе слѣдующіе за 1740—1741 гг. факты.

Въ январѣ 1740 года Сенатъ, „слушавъ поданнаго отъ Камеръ-конторы доклада о распечатаніи построенныхъ близъ (петербургскаго) гостина двора въ линіи съ товарами здѣшнихъ купцовъ лавокъ, изъ которыхъ, по приговору правительствующаго Сената іюля 18-го дня прошлаго 1739 года и по посланному въ Коммерцъ-коллегію указу, велѣно купцовъ, которые въ тѣхъ лавкахъ торгуютъ такими товары, какими и на гостинѣ дворѣ, ввесть съ тѣми товары въ гостиный дворъ, а староста де и купцы въ здѣшней ратушѣ объявили, что де въ гостиномъ дворѣ лавки построены ординарно и перегорожены надвое, и внутреннія для поклажи товаровъ, а не для торга, и изъ оныхъ де лавокъ съ товарами вмѣстить и въ гостиный дворъ перевесть невозможно, понеже де свободныхъ наличныхъ лавокъ никакихъ не имѣется,— приказалъ: вышеобъявленныя построенныя близъ гостина двора въ линіи лавки съ такими товарами, какими и въ гостинѣ дворѣ торгуютъ, за неимѣніемъ свободныхъ въ томъ гостинѣ дворѣ лавокъ, распечатать, и торговать впредь до указа допустить тѣхъ, кому здѣсь, по указамъ, торговать подлежитъ; а чтобъ въ тѣхъ лавкахъ для утайки

*) Кстати упомянуть, что Статсъ-контора должна была отдавать Сенату строгій отчетъ о движеніи суммъ въ Петербургской рентереѣ (казначействѣ), выдававшей деньги по ассигновкамъ этой конторы Сенатскимъ, вслѣдствіе предложенія генералъ прокурора, приговоромъ 22-го іюля 1740 года Статсъ-конторѣ было поставлено въ обязанность подавать въ Сенатъ «семидневные рапорты о приходѣ въ (Петербургской) рентереѣ и о расходѣ (денегъ) по какимъ указамъ кому будетъ въ выдачѣ» [100]);

пошлинъ неявленныхъ товаровъ отнюдь не было, того, по силѣ пошлиннаго торговаго устава, за купцами накрѣпко смотрѣть онаго гостина двора старостамъ, и у кого такіе неявленные товары явятся, съ таковыми поступать по тому уставу и по указамъ: а которымъ здѣсь, по указамъ, торговать не надлежитъ, у тѣхъ объявленныхъ въ линіи къ гостиному двору лавокъ не распечатывать, а разсмотря объ нихъ, опредѣленіе, по указамъ, учинить той Камеръ-конторѣ, и, кромѣ помянутой линіи, тѣми приличными къ гостиному двору товарами на Морскомъ рынкѣ какъ въ лавкахъ, такъ и на скамьяхъ и рогожкахъ и въ разноску никому отнюдь не торговать, а торговать на томъ рынкѣ въ лавкахъ одними мелочными товарами, которые къ гостину двору не принадлежатъ, и то только тѣмъ, кому здѣсь, по указамъ, торговать надлежитъ. А въ коммиссію о здѣшнемъ строеніи послать указъ, дабы оная имѣла разсужденіе, не возможно-ль показанныя построенныя въ линіи близъ гостина двора лавки пригородить и причислить къ гостиному двору или для въѣзда въ улицу между гостинымъ дворомъ и показанными лавками съ обѣихъ сторонъ сдѣлать ворота и, разсмотря, представить о томъ со мнѣніемъ въ Сенатъ“ [102]). — Въ слѣдующемъ 1741 году, по приказу кабинетъ-министровъ, на разсмотрѣніе Сената поступила поданная на высочайшее имя челобитная „с.-петербургскаго жителя торговаго иноземца Ягана Карла Дестервальда о конфирмаціи вновь привилегіи, данной отцу его, за рукою государя императора Петра Великаго, чтобъ ему быть въ свободномъ и невозбранномъ россійскомъ купечествѣ виноградныхъ и россійскихъ питій“. Что сдѣлалъ Сенатъ по этой челобитной—отмѣтки нѣтъ [103]). — Въ январѣ 1740 года въ Сенатѣ состоялся приговоръ: „поданный отъ статскаго совѣтника и иркутскаго вице-губернатора Ланга о заведеніи съ пограничными около Сибири государствами и народу компанейскаго торга проектъ разсмотрѣть напередъ Коммерцъ-коллегіи обще съ Сибирскимъ приказомъ и, по разсмотрѣніи, съ приложеніемъ мнѣній, подать въ правительствующій Сенатъ, и для того со онаго послать, при указѣхъ, въ Коммерцъ-коллегію и Сибирскій приказъ точныя копіи“ [104]). — Въ 1741 году Сенатомъ разсматривался и другой такого же характера проектъ, именно составленный Коммерцъ-коллегіею проектъ учрежденія торговаго порта „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ Азовъ и Таганрогъ“. По разсмотрѣніи, онъ былъ внесенъ Сенатомъ въ Кабинетъ съ требованіемъ „общаго“ по этому вопросу „разсужденія“ [105]). — Въ мартѣ того же года Кабинетомъ была направлена на разсмотрѣніе Сената челобитная „купецкаго человѣка иноземца Христофора Тесина о дачѣ ему указа о позволеніи ему и наслѣдникамъ его въ рубкѣ про свое иждивеніе, сверхъ позволеннаго нарвскимъ купцамъ, по именному указу 1736 года, въ заморскій отпускъ положенное число 122,000 деревъ, рубить для его пропитанія по 8,000 деревъ“. При этомъ Сенату данъ приказъ: „обще съ Адмиралтейскою

коллегіею разсмотрѣть, возможно-ль ему (просителю), сверхъ опредѣленнаго числа нарвскимъ купцамъ, въ рубкѣ для заморскаго отпуска лѣсовъ, по прошенію его, позволить, и не будетъ-ли отъ того въ лѣсахъ оскудѣнія и тѣмъ нарвскимъ купцамъ обиды“ [106]).—Въ то же время Кабинетъ постановилъ: дѣло по „представленію артиллерійскаго капитана Акеръ Марка о заведеніи табачной фабрики“ отослать въ Коммерцъ-коллегію, съ тѣмъ, чтобы она, „учиня (по этому дѣлу) свое мнѣніе, представила Сенату, который тогда можетъ, оное разсмотря, взнесть въ Кабинетъ съ своимъ мнѣніемъ“ [107]).—Сверхъ того, можно сообщить, что именнымъ указомъ 7-го октября 1741 года Сенату былъ порученъ разборъ жалобъ торговцевъ и промышленниковъ на притѣсненія ихъ при провозѣ ими черезъ города, села и деревни товаровъ и при прогонѣ скота. Указомъ этимъ, между прочимъ, повелѣвалось: „. . . въ разсужденіе тѣхъ принесенныхъ жалобъ (вышеуказанныхъ), къ отвращенію таковыхъ чинимыхъ непорядковъ и дабы обидимые безъ удовольствія не остались и впредь такіе богопротивные поступки весьма искоренены и пресѣчены быть могли, всемилостивѣйше указали о всемъ томъ нашей Сенатской конторѣ изслѣдовать; и ежели въ такихъ противныхъ поступкахъ и взяткахъ явятся городовые воеводы, объ оныхъ писать въ нашъ Сенатъ“ [108]).

Участіе Сената въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Какъ видно изъ наличныхъ источниковъ, дѣятельность Сената по народному просвѣщенію въ 1740—1741 гг. выражалась почти исключительно въ дѣйствіяхъ по осуществленію мѣръ правительства, направленныхъ къ поднятію уровня образованія дворянства, о чемъ уже изложено при описаніи сенатской школы. Прочія по этой части занятія его заключались въ исполненіи именнаго указа 1740 года о собраніи и описаніи конфискованныхъ у П. Мусина-Пушкина и А. Хрущова книгъ, имѣвшихъ поступить въ Академію Наукъ, и въ передачѣ въ эту академію: а) присылавшихся въ Сенатъ отъ ея профессоровъ, командированныхъ правительствомъ съ ученою цѣлью въ Сибирь, собранныхъ ими „патуральныхъ вещей“ (минераловъ, травъ, сѣмянъ, чучелъ птицъ), также „инородческаго платья“, и б) „рапортовъ о метеорологическихъ обсерваціяхъ“, произведенныхъ въ Иркутскѣ, по порученію одного изъ указанныхъ выше ученыхъ (профессора астрономіи Людвига Делиля де-ла-Кроера), и въ Верхиртышской-ямышевской крѣпости [109]).

Дѣятельность Сената по народному продовольствію, по народному здравію, по устройству путей сообщенія и по возведенію и исправленію казенныхъ и городскихъ зданій.

Изъ дѣйствій Сената въ 1741 году по народному продовольствію слѣдуетъ отмѣтить: его въ Кабинетъ „сообщеніе съ требованіемъ общаго разсужденія“ о мѣрахъ по случаю неурожая и падежа въ Лифляндіи и докладъ по вопросу о привозѣ въ г. Выборгъ съѣстныхъ припасовъ безъ таможенныхъ выписей и о продажѣ ихъ здѣсь безпошлинно до окончанія войны съ Швеціею [110]); его распоряженіе, по представленію Главной Полиціймейстерской канцеляріи, о продажѣ въ Петербургѣ мяса и рыбы по умѣреннымъ цѣнамъ [111]) и его предписаніе Сенатской конторѣ, Военной коллегіи и Бѣлогородской губернской и Старооскольской воеводской канцеляріямъ „о удовольствіи города Стараго Оскола жителей, за случившимся хлѣбнымъ недородомъ, казеннымъ хлѣбомъ, по разсмотрѣнію бѣлогородскаго вице-губернатора съ товарищи“, и о рапортованіи мѣстной губернской канцеляріи въ Сенатъ о томъ, „сколько онаго хлѣба въ раздачѣ будетъ и еще въ раздачу потребно“ [112]).

Объ участіи Сената въ дѣлѣ охраненія народа отъ болѣзней указанія весьма скудны. Встрѣчаются лишь записи, что во время эпидемій въ предѣлахъ государства или внѣ его Сенатъ о ходѣ заразной болѣзни получалъ увѣдомленія отъ мѣстныхъ губернскихъ властей или отъ русскихъ за границей дипломатическихъ чиновъ; съ своей же стороны о прекращеніи эпидеміи сообщалъ Кабинету, предлагая при этомъ свое „разсужденіе“ о снятіи карантина [113]).

Дѣятельность Сената по устройству путей сообщенія въ 1740—1741 гг. была довольно значительна. За это время онъ обсуждалъ вопросы по исправленію дорогъ: нарвской, петербурго-архангельской и „прешпективой“, между Петербургомъ и Сосницкою пристанью, также вопросы по устройству Ладожскаго канала и по „чисткѣ“ Волховскихъ и Боровицкихъ пороговъ [114]). Слѣдующія выписки могутъ показать, что̀ именно дѣлалъ Сенатъ по приведенію этихъ путей въ порядокъ. Въ 1740 году, въ апрѣлѣ, Сенатъ, по рапорту Камеръ-конторы о заготовленіи матеріала и о высылкѣ рабочихъ къ „мощенію нарвской новой и старой дорогъ, приказалъ: въ Камеръ-контору подтвердить накрѣпчайшимъ указомъ, чтобъ въ строеніи и починкѣ нарвской дороги та контора имѣла прилежное стараніе и ко обрѣтающимся у строенія оной офицеру и коммиссарамъ подтверждала частыми указами, дабы та дорога, по силѣ ея императорскаго величества именныхъ и прежде посланныхъ изъ Сената указовъ, нынѣшнимъ временемъ намощена и впредь въ добромъ порядкѣ содержана была, не допуская ни до малѣйшей худобы, подъ такими штрафами, какъ въ

прежнихъ указѣхъ изображено“ [115]). Въ слѣдующемъ 1741 году Сенатъ внесъ въ Кабинетъ: „сообщеніе о требованіи резолюціи о дѣланіи по прешпективой дорогѣ на дистанціи отъ деревни Шушаръ и даже до Вологодской ямской (слободы, подъ Петербургомъ), за неимѣніемъ въ близости бревеннаго лѣса, фашинникомъ дороги“; „докладъ о требованіи указа, откуда къ строенію прешпективой дороги работныхъ людей пріумножить“, и „сообщенія во извѣстіе“: а) „о учиненномъ въ Сенатѣ о исправленіи и починкѣ въ Ладожскомъ каналѣ назначенныхъ въ резолюціяхъ генерала-фельдмаршала и кавалера графа фонъ-Миниха (завѣдывавшаго прежде, до марта 1741 года, работами по устройству этого канала) мѣстъ, а о нѣкоторыхъ и свидѣтельствъ, какъ скоро возможно, подъ смотрѣніемъ генерала-лейтенанта Хрущова, и о прочемъ опредѣленіи“ и б) „что о высылкѣ на Ладожскій каналъ ко обереженію того канала отъ разлитія въ нынѣшнее весеннее время воды изъ обрѣтающихся по тому каналу дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщиковыхъ крестьянъ пѣшихъ отъ 300 до 500 человѣкъ работныхъ людей и о дачѣ имъ изъ суммы канальной заработныхъ денегъ по плакату съ нарочно посланнымъ изъ Сената курьеромъ въ Новоладожскую воеводскую канцелярію и ко опредѣленному въ Ингерманландіи коммиссару сего апрѣля 20-го числа указы посланы“ [116]). Въ іюлѣ того же года Сенатъ послалъ указы: а) „обрѣтающемуся при Ладожскомъ каналѣ инженеръ-полковнику Людвиху“ „о употребленіи наряженныхъ и высланныхъ въ Шлиссельбургъ для полоненія во время морозовъ во ономъ каналѣ льду уѣздныхъ работныхъ людей, когда оные за теплою погодою имѣютъ быть праздны, для исправленія фортификаціонныхъ работъ при Шлиссельбургской крѣпости, съ заплатою заработныхъ денегъ по плакату; а когда опый будетъ замерзать, тогда тѣхъ работниковъ кромѣ чистки того канала не употреблять“; б) „обрѣтающемуся при Волховскихъ порогахъ у чистки оныхъ геодезіи-прапорщику Ханыкову да у спуска судовъ дворянину Чертову“ „о присылкѣ въ Сенатъ обстоятельнаго извѣстія: достальное въ тѣхъ порогахъ и у чищенья мелкаго камня окончено-ль, такожъ большаго камня, отъ котораго судамъ чинится поврежденіе, сколько именно и въ какихъ урочищахъ порохомъ разорвало, и оный изъ воды выбранъ-ли“, и в) Новгородской губернской канцеляріи „о нарядѣ для чистки Боровицкихъ пороговъ въ работу ко опредѣленнымъ лоцманамъ 40 человѣкамъ оной канцеляріи изъ ближнихъ къ тѣмъ порогамъ мѣстъ уѣздныхъ работныхъ людей 60 человѣкъ и о дачѣ имъ съ высылки ихъ заработныхъ денегъ по плакату и о употребленіи одного кузнеца съ его инструментами“ [117]).

Рядомъ съ вопросами по исправленію дорогъ Сенатъ обсуждалъ и разрѣшалъ вопросы по устройству почтовой гоньбы. Въ маѣ 1740 года онъ положилъ: „съ чугуевскихъ калмыкъ и казаковъ подводъ ни для чего не имать, а для проѣзжихъ могутъ исправиться подводами и

и кромѣ ихъ, чугуевскихъ калмыкъ". Резолюція эта была постановлена въ дополненіе прежняго по тому же предмету опредѣленія Сената и вызвана слѣдующимъ предложеніемъ генералъ-прокурора: По доношенію генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, „правительствующій Сенатъ подписали приговоръ сего мая 5-го дня о печиненіи чугуевскимъ калмыкамъ и казакамъ проѣзжающимъ никакихъ обидъ и о небраніи подводъ, развѣ когда будутъ маршировать полки и по необходимости брать подводы съ платежемъ прогонныхъ денегъ: а понеже тѣхъ казаковъ и калмыкъ полковникъ Авксентьевъ проситъ, чтобъ подводъ съ нихъ ни для чего никому не брать, къ тому жъ опыхъ казаковъ и калмыкъ малое число и во время нынѣшней войны службы ихъ были знатныя, того ради съ нихъ, хотя бъ и полки маршировали или и для другихъ какихъ дѣлъ потребны будутъ, съ нихъ подводы брать не надлежитъ; а ежели подводы съ нихъ брать позволитъ, то могутъ они быть безлошадны и когда потребны будутъ въ службу, то служить имъ будетъ неначѣмъ" [118]). — Въ 1741 году, въ октябрѣ, Сенатъ подалъ въ Кабинетъ „сообщеніе о требованіи общаго разсужденія о сводѣ Псковскаго, Гдовскаго и Кобыльскаго уѣздовъ уѣздныхъ лошадей съ обрѣтающихся между Нарвою и Псковомъ почтовыхъ становъ" [119]); а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ, „по доношенію Военной коллегіи, по представленію въ ту коллегію отъ генерала-маіора Киндермана, приказалъ: отъ Олонца до С.-Петербурга („для вѣрной и скорой съ рапортами посылки") учредить особливую почту, по примѣру тому, какъ отъ Выборга почта учреждена, и содержать на каждой станціи по 4 лошади, а именно: отъ С.-Петербурга до Шлиссельбурга отъ Ямской канцеляріи - ямскихъ, отъ Шлиссельбурга до Олонца С.-Петербургской губериской и Олонецкой и Ладожской воеводскимъ канцеляріямъ—изъ уѣздныхъ, и о томъ послать указы" [120]).

Въ дѣлѣ строительномъ—возведеніи и исправленіи казенныхъ и городскихъ зданій Сенатъ въ 1740—1741 гг. принималъ большое участіе. Такъ онъ распоряжался устройствомъ петербургскаго гостинаго двора *) и, по резолюціи Кабинета въ 1740 году, имѣлъ „главное надзираніе" за работами по постройкѣ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря, въ Петербургѣ. Къ этому же времени относятся его указы: Канцеляріи отъ строеній — „о сдѣланіи при Петропавловскомъ (петербургскомъ) соборѣ дву палатокъ и шкафовъ и о починкѣ ветхостей, не упуская нынѣшняго (лѣтомъ 1740 года) удобнаго времени", и Коллегіи экономіи — „о исправленіи строеніемъ и починкою въ московскомъ Спасскомъ училищномъ монастырѣ академическаго и монастырскаго зданія нынѣшнимъ (въ 1741 году) удобнымъ временемъ лѣтнимъ". Точно также московская контора Сената, въ 1741 году, дѣлала распоряженія по исправленію поврежденныхъ

*) См. подъ рубрикой «Дѣйствія Сената въ области торгово-промышленной».

и обветшавшихъ построекъ въ Москвѣ: дворцовъ, городовыхъ стѣнъ и воротъ, зданій присутственныхъ мѣстъ и проч. [121]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ разрѣшалъ и представленія государственныхъ учрежденій относительно внутренняго устройства ихъ помѣщеній. Въ іюлѣ 1740 г. онъ, по донесенію Вотчинной конторы, приказалъ: „имѣющія на передней галлереѣ при архивѣ той (Вотчинной) конторы доски и прочее архитектору Трезину убрать въ удобное мѣсто, а живущаго подлѣ той же архивы, въ синодальномъ нижнемъ аппартаментѣ, мастероваго человѣка выслать, и все убрать такъ, какъ прежнимъ правительствующаго Сената разсужденіемъ опредѣлено, въ самой скорости, дабы не токмо подлѣ архивовъ, но нигдѣ въ близости коллегій никакихъ деревянныхъ припасовъ не было: и о томъ въ Вотчинную контору послать указъ, а архитектора Трезина призвавъ въ Сенатъ, приказать съ запискою".—Въ февралѣ 1741 года Военная коллегія обратилась въ Сенатъ съ требованіемъ, „чтобъ для умѣщенія дѣлъ и канцелярскихъ служителей Счетной конторы (этой коллегіи) отвесть по близости той конторы къ судейской палатѣ вѣдомства Коммерцъ-коллегіи порожнюю палату", и Сенатомъ было сдѣлано распоряженіе: „справясь съ Коммерцъ-коллегіею, ежели опая палата имѣется порожняя, то опую къ Счетной конторѣ отдать, и о томъ въ Коммерцъ и Военную коллегіи послать указы" [122]).

Дѣйствія Сената по огражденію городовъ отъ пожаровъ, его распоряженія относительно бѣглыхъ и нищихъ и его занятія по выдачѣ паспортовъ.

Именнымъ указомъ Сенату 7-го октября 1741 года было повелѣно: во всѣхъ городахъ, для предупрежденія большихъ, сплошныхъ пожаровъ, „строиться безъ утѣсненія" и имѣть необходимые пожарные инструменты, о заготовленіи и содержаніи которыхъ „опредѣленіе учинить" Сенату. Въ исполненіе этого повелѣнія, Сенатъ приказалъ: „чинить, какъ оный его императорскаго величества указъ повелѣваетъ во всемъ непремѣнно: а для опасности отъ пожарныхъ случаевъ впредь имѣть во всѣхъ городѣхъ заливныя трубы и прочіе принадлежащіе къ тому инструменты отъ ратушъ, подъ смотрѣніемъ опредѣленныхъ къ полицейской должности надзирателей, понеже оные при такихъ несчастливыхъ случаяхъ до общаго градскихъ обывателей сохраненія принадлежатъ; какимъ же порядкомъ тѣ инструменты содержать и въ потребномъ случаѣ поступать, о томъ опредѣленіе учинить и во всѣ мѣста, къ кому надлежитъ, указы отправить Главной Полиціймейстерской канцеляріи".—О всѣхъ болѣе значительныхъ пожарахъ въ городахъ Сенатъ получалъ отъ мѣстныхъ властей рапорты. Копіи съ этихъ рапортовъ, по приказу кабинетъ-министровъ въ 1737 году, онъ вносилъ въ Кабинетъ [123]).

Частые въ данное время побѣги крестьянъ и солдатъ и нерѣдко обнаруживавшіяся „шалости“ (кражи, грабежи) бѣглыхъ вызывали со стороны Сената нѣкоторыя распоряженія Въ іюнѣ 1741 года, вслѣдствіе донесенія Главной Полиціймейстерской канцеляріи о мѣрахъ, принятыхъ ею къ поимкѣ бѣжавшихъ изъ полковъ солдатъ, „которые въ Выборгскомъ уѣздѣ и около Санктъ-Петербурга, по сторону Невы рѣки, живущимъ тамо обывателямъ чинятъ тайно всякія обиды и разоренія и скотъ ихъ въ поляхъ и по лѣсамъ для ѣжи уводятъ и рѣжутъ“, Сенатъ, съ своей стороны, „приказалъ: о удержаніи бѣглыхъ отъ полковъ и помѣщиковыхъ людей и крестьянъ на учрежденныхъ около Санктъ-Петербурга заставахъ имѣть крѣпкое смотрѣніе, и для того“: заставы и между ними „прохожія мѣста“ вновь осмотрѣть и тропы и малыя „непадлежащими мѣстами“ дороги завалить лѣсомъ; гдѣ надобно, застав ъ прибавить и „отъ одной до другой употреблять“ военные (изъ драгунъ) разъѣзды; во всѣхъ стоящихъ около Петербурга полкахъ „прилежно того смотрѣть“ и бѣглыхъ, ежели явятся, ловить и отсылать: военныхъ чиновъ—въ Военную коллегію, а „людей и крестьянъ и другихъ разночинцевъ“—„въ Главную полицію“; отъ Петербургской губернской канцеляріи во всей Ингермапландіи публиковать, чтобы бѣглыхъ „никто къ себѣ не принималъ и не держалъ, а гдѣ явятся, тѣхъ бы ловили жъ и приводили по близости въ полевые жъ полки“, а изъ полковъ приведенныхъ отсылать въ вышеуказанныя мѣста; „всѣмъ тѣмъ людямъ, кто таковыхъ бѣглыхъ поймаетъ и приведетъ, давать въ награжденіе за каждаго бѣглаго по два рубля за человѣка за вопнскихъ“— „на счетъ собираемой суммы за держаніе бѣглыхъ солдатъ и рекруть, а за помѣщиковыхъ людей и крестьянъ“— „на счетъ помѣщиковъ, не удерживая ни часа, дабы чрезъ то къ поимкѣ лучшую охоту и прилежность имѣли“. Объ этомъ Сенатомъ были посланы указы въ Военную коллегію и въ канцеляріи Петербургскую губернскую и Главную Полиціймейстерскую, а также сообщено „для извѣстія“ генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Лесси [124]). —Въ этомъ же году, осенью, Сенатъ внесъ въ Кабинетъ „сообщенія о требованіи резолюціи“ по вопросамъ: о назначеніи на „перспективую“ (отъ Петербурга къ Москвѣ) дорогу военной команды для поимки бѣглыхъ и для разъѣздовъ, „чтобъ отъ оныхъ бѣглыхъ шалостей не было“, и „о сыску находящихся въ Курляндіи всѣхъ Лифляндскаго герцогства публичныхъ и приватныхъ мызъ бѣглыхъ крестьянъ и, по сыску оныхъ, о возвращеніи на прежнія жилища помѣщикамъ и арендпымъ владѣльцамъ безъ дальней волокиты“ [125]).

Одновременно съ вышеприведеннымъ распоряженіемъ о поимкѣ бѣглыхъ и вслѣдствіе донесенія той же Полиціймейстерской канцеляріи Сенатъ издалъ (на основаніи прежнихъ постановленій) указъ о мѣрахъ къ прекращенію развившагося въ Петербургѣ нищенства. Указомъ этимъ онъ предписалъ: нищихъ въ Петербургъ не пропускать;

пойманныхъ же здѣсь — или высылать „на прежнія ихъ жилища“, или опредѣлять въ богадѣльни, если „помѣщиковъ и прежняго своего жилища показать не имѣютъ и больны“ [126]).

Нѣкоторое время, именно съ 1737 по конецъ 1740 года,—слѣдовательно и въ царствованіе Іоанна III-го,—въ обширный кругъ занятій Сената входила также выдача заграничныхъ паспортовъ. Въ іюнѣ 1737 года, вслѣдствіе именнаго повелѣнія, Сенатомъ былъ разосланъ указъ: „Ея императорское величество указала, чтобъ, для пресѣченія безпорядковъ („что разные люди, набравъ здѣсь долговъ, безъ заплаты оныхъ отсюда подъ чужими паспортами внѣ государства отъѣзжаютъ“), всѣ и каждые отсюда за границу отъѣзжающіе чрезъ Нарву и Ригу сухимъ путемъ, какого бъ званія и чина люди ни были, сверхъ другихъ паспортовъ и подороженъ, которые иногда изъ тѣхъ мѣстъ, откуда они отпускъ получаютъ, имъ даются, всеконечно особливый паспортъ за подписаніемъ всѣхъ сенаторовъ имѣли, а безъ того отнюдь сухимъ путемъ никуда внѣ государства пропущены не были; и во исполненіе того ея императорскаго величества указа, по опредѣленію правительствующаго Сената, велѣно о такихъ отъѣзжающихъ представлять въ правительствующій Сенатъ, объявляя кто куда отпускается, по чему тогда даваны имъ будутъ паспорты за подписаніемъ всего правительствующаго Сената“ [127]). Правило это было отмѣнено высочайшимъ указомъ Сенату 31-го декабря 1740 года. „Понеже,—говорилъ указъ,—въ дачѣ паспортовъ отъѣзжающимъ отсюда людямъ немалая отъ того остановка и замедленіе происходитъ, что оные всегда подписаны быть имѣютъ отъ всего Сената; а прежде сего до такого опредѣленія оные паспорты всегда даваны были изъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и причина, для которой когда (sic) отмѣна (sic) въ томъ учинить запотребно разсуждено, давно миновалась; того ради всемилостивѣйше указали: дачѣ такихъ паспортовъ быть по прежнему изъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ“ [128]). Вотъ нѣкоторыя подробности порядка выдачи Сенатомъ заграничныхъ паспортовъ. Выдавались они всѣмъ отъѣзжавшимъ изъ Россіи лицамъ, въ томъ числѣ и не состоявшимъ въ русскомъ подданствѣ. При выдачѣ паспортовъ Сенатъ требовалъ „надлежащее по указамъ обязательство, не имѣется-ли (на отъѣзжающемъ) какихъ казенныхъ и партикулярныхъ долговъ“. Это обязательство, или „порука“, давалась, письменно, лицами, знакомыми съ дѣлами просившаго паспортъ. Заготовлялись паспорты въ Сенатѣ и подписывались, какъ уже сказано, всѣми сенаторами и утверждались „государственною печатью“. Были случаи, что Кабинетъ ограничивалъ роль Сената въ этомъ дѣлѣ одною закрѣпою. Напримѣръ, въ маѣ 1740 года Кабинетомъ была отправлена въ Сенатъ записка: „Посылается при семъ изъ Кабинета ея императорскаго величества въ правительствующій Сенатъ для подписанія у господъ сенаторовъ паспортъ французскому шляхтичу Дюсопъ Даліону, который, по под-

писаніи, возвратить въ Кабинетъ немедленно". Подобнымъ же образомъ Кабинетъ поступилъ и съ паспортами камергеру герцога курляндскаго фонъ-Родену съ его людьми, „до Курляндіи, и „подкаморію розанскому графу Подоскому и съ имѣющимися при немъ пятью служителями, для проѣзда чрезъ Ригу и Кенигсбергъ въ Польшу" [129]). — Въ извѣстныхъ случаяхъ Сенатомъ выдавались и паспорты внутренніе — для свободнаго проѣзда отъ Петербурга въ губерніи и для безпрепятственнаго жительства въ городахъ Россіи. Такъ въ 1741 году, въ февралѣ и сентябрѣ, отъ Сената были выданы паспорты: а) смоленской шляхты поручику Воплярлярскому для проѣзда отъ Петербурга до Смоленска, — вслѣдствіе его, Воплярлярскаго, доношенія въ Сенатъ: „Въ 1740 году отпущенъ я, нижайшій, изъ Смоленска въ С.-Петербургъ отъ командующаго надъ смоленскою шляхтою господина генерала-лейтенанта Потемкина для прошенія о возвращеніи отцу моему, нижайшаго, генералъ-маіорскаго ранга, по которому прошенію именнымъ его императорскаго величества указомъ (ему) генералъ-маіорскій рангъ и возвращенъ и для вѣдома изъ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ правительствующій Сенатъ доношеніе взнесено, и съ котораго о вышеписанномъ къ означенному генералу-лейтенанту Потемкину указъ посылается со мною, а для проѣзда паспорта мнѣ не дано; того ради правительствующаго Сената покорно прошу для свободнаго въ пути проѣзда дать мнѣ паспортъ"; и б) — вдовѣ служившаго въ сенатской ротѣ солдата „для свободнаго въ С.-Петербургѣ и въ другихъ россійскихъ городѣхъ житья", — вслѣдствіе ея въ Сенатъ челобитья, что, по смерти своего мужа, она „осталась бездѣтна, въ крайнемъ убожествѣ, и пропитанія, кромѣ работы своей, ни откуда не имѣетъ, и нынѣ безъ паспорта въ работу не принимаютъ и на квартиру никто не пущаетъ". Такого рода документы выдавались изъ канцеляріи Сената, за ея печатью и за скрѣпою оберъ-секретаря и секретаря [130]).

Участіе Сената въ дѣлахъ церковныхъ.

Вмѣшательство Сената въ дѣла церковныя — въ область вѣдѣнія Синода, стоявшаго съ нимъ на равной іерархической ступени, являлось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы духовнаго вѣдомства соприкасались съ интересами общегосударственными, въ соблюденіи которыхъ Сенатъ былъ обязанъ содѣйствовать верховному правительству.

Кромѣ вопросовъ законодательныхъ (о синодскомъ штатѣ), сюда относились вопросы: объ отпускѣ денегъ на содержаніе лицъ духовнаго вѣдомства и на церковныя строенія и „потребы"; объ устройствѣ помѣщенія для Синода; объ освобожденіи домовъ священно- и

церковно-служителей отъ военнаго постоя; о назначеніи къ арестантамъ для отправленія духовныхъ требъ священниковъ и т. п. Для ознакомленія съ этою стороною дѣятельности Сената приводимъ нѣкоторыя распоряженія его за 1741 годъ. 30-го іюля Сенатомъ былъ посланъ въ Статсъ-контору указъ: „о произвожденіи московскимъ и городовымъ ружникамъ жалованья и на церковныя потребы въ тѣхъ мѣстахъ, не дожидаясь ассигнацій отъ оной конторы, и о отправленіи о томъ въ тѣ мѣста изъ оной конторы указовъ". На это Статсъ-контора, 24-го октября, „рапортомъ (Сенату) объявила", что, по ея опредѣленію, „велѣно въ губерніи и провинціи о вышеписанномъ послать указы, а въ Сибирскій приказъ—промеморію, и при томъ съ приложенной изъ святѣйшаго Синода вѣдомости о ружникахъ каждой провинціи сообщить точныя копіи; въ которыя губерніи и провинціи указы и въ Сибирскій приказъ промеморія изъ Статсъ-конторы посланы и при нихъ съ сообщенной вѣдомости копіи сообщены".—Въ томъ же мѣсяцѣ Сенатъ отправилъ вѣдѣніе въ Синодъ и указы въ канцеляріи: Коммиссіи учрежденія слободскихъ полковъ, Бѣлогородскую губернскую и Главную Полиціймейстерскую „о неставленіи у обрѣтающихся въ Харьковѣ священно и церковно-служителей въ домѣхъ, въ которыхъ они живутъ, постоя". — Одновременно Сенатомъ былъ данъ Воронежской губернской канцеляріи указъ „въ подтвержденіе о чинсніи новокрещеннымъ иновѣрцамъ въ рекрутскихъ складахъ и въ прочихъ податяхъ льготы и опредѣленнымъ къ тому персонамъ вспоможенія". О томъ же были посланы въ Астраханскую, Казанскую и Нижегородскую губернскія канцеляріи указы для исполненія и въ Синодъ „во извѣстіе вѣдѣніе" [131]).

Вопросы этого рода обсуждались Сенатомъ и Синодомъ совмѣстно, и,—не смотря на оффиціальное равенство положенія этихъ учрежденій, — голосъ перваго имѣлъ рѣшающее значеніе, что̀ ясно видно изъ слѣдующаго, напримѣръ, случая. Въ 1741 году, вслѣдствіе представленія Петербургской губернской канцеляріи о назначеніи къ мѣстному острогу „для исправленія духовныхъ требъ" священниковъ отъ приходскихъ церквей, Сенатъ, 20-го января, положилъ: „въ святѣйшій Синодъ сообщить вѣдѣніе и требовать, чтобъ для исправленія тѣхъ требъ у того острога быть священникамъ отъ церкви Андрея Первозваннаго, что на Васильевскомъ острову". Когда же Синодъ исполнить это требованіе отказался, ссылаясь на нѣкоторыя неудобства, и предложилъ назначить къ острогу священника особаго, съ годовымъ жалованьемъ, — онъ, 18-го марта, приказалъ: сообщить Синоду, „чтобъ для исправленія къ содержащимся по Юстицъ-коллегіи и Санктъ-Петербургской губернской канцеляріи колодникамъ духовныхъ требъ, по прежнему правительствующаго Сената минувшаго января 20-го числа разсужденію, опредѣлены были священники отъ церкви святаго апостола

Андрея Первозваннаго и отъ другихъ церквей по близости съ перемѣною, дабы иногда за небытіемъ оныхъ безъ исповѣди и безъ пріобщенія святыхъ Таинъ колодники помирать не могли. Что же святѣйшій Синодъ (въ вѣдѣніи Сенату) представляетъ, что, хотя де при оной церкви священниковъ и три человѣка имѣются, точію они, по обширности тоя церкви прихода, по должности своей и труды несутъ не малые, а сверхъ положенныхъ на нихъ трудовъ излишнимъ трудомъ отягощать ихъ не долженствуетъ; ежели жъ де священнику годовое жалованье опредѣлится, то оный отъ святѣйшаго Синода немедленно назначенъ будетъ, ибо де, уповательно, и въ Москвѣ при колодникахъ священникъ не безъ жалованья отъ Сыскнаго приказа содержится,— и на оное святѣйшему Синоду объявить, что, хотя бъ и подлинно въ Москвѣ отъ Сыскнаго приказа особливый священникъ содержанъ былъ, однакожъ здѣшнему мѣсту въ примѣръ поставить того не можно, потому что тамо въ содержаніи колодниковъ предъ здѣшнимъ бываетъ многое число, и слѣдовательно, что и потребы случаются весьма частыя, а здѣсь противъ онаго колодниковъ весьма малолюдно, и тако особливому священнику для потребъ быть неучего, и могутъ то исправлять помянутые священники безъ всякаго труда. И о томъ для вѣдома въ Санктъ-Петербургскую губернскую канцелярію послать указъ“ [132]).

Участіе Сената въ дѣлахъ по внѣшней политикѣ.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ, — сосредоточивавшихся въ Императорскомъ Кабинетѣ и въ Иностранной коллегіи, — Сенатъ съ его конторою принималъ участіе лишь при условіи, когда они имѣли прямую связь съ дѣлами внутренними. Такими именно были вопросы по пріему въ 1740—1741 гг. персидскаго и турецкаго „чрезвычайныхъ торжественныхъ“ посольствъ, — вопросы чисто хозяйственнаго свойства: объ отпускѣ денегъ на расходы по этому пріему, объ исправленіи пути, по которому должны были слѣдовать посольства отъ русской границы къ Петербургу и обратно, о заготовленіи для этихъ миссій перевозочныхъ средствъ, провизіи, фуража, о приготовленіи для нихъ квартиръ по тракту и въ Петербургѣ и т. п. [133]). Къ такимъ же дѣламъ относилось и дѣло (1736—1741 гг.), возникшее вслѣдствіе жалобъ многихъ владѣльцевъ имѣній по границѣ съ Польшею и Литвою на сосѣдей — пограничныхъ жителей этихъ земель въ „приключенныхъ обидахъ“: „принимании и удерживании бѣглыхъ съ россійской стороны людей, наѣздахъ и нападеніяхъ и грабежахъ въ россійскихъ границахъ“ и въ другихъ „всякаго званія противныхъ вѣчнаго между обоими государствами (Россіею и Польшею) мира трактатамъ поступкахъ“. Жалобы (челобитныя) на эти „обиды“ были принесены (въ разное

время) Сенату, который и далъ имъ движеніе. Учрежденныя, по именному повелѣнію, для „разобранія (указанныхъ выше) порубежныхъ ссоръ", или „обидныхъ дѣлъ", „порубежныя коммиссіи" были образованы при участіи Сената же. На его апробацію восходила также составленная Иностранною коллегіею инструкція членамъ этихъ коммиссій — „коммиссарамъ", „какимъ образомъ при томъ (дѣлѣ) имъ поступать". О ходѣ своихъ занятій коммиссары были обязаны въ Сенатъ (а также и въ Иностранную коллегію) „со обстоятельствомъ рапортовать почасту". Кромѣ того, Сенатъ, въ 1738 году, по допошеніямъ мѣстныхъ русскихъ властей и по челобитьямъ вышепомянутыхъ владѣльцевъ, „для отвращенія чинимыхъ съ польской стороны наѣздами въ россійскія границы противностей и подданныхъ ея императорскаго величества раззоренія и грабительства и увоза въ Польшу русскихъ крестьянъ, въ защищеніе отъ такихъ воровскихъ нападеній" и для прекращенія побѣга за польскій рубежъ, постановилъ: „въ Смоленской губерніи на границахъ имѣть крѣпкую осторожность и форпосты неоплошно содержать и до обидъ и раззореній не допущать, и хотя собою отнюдь никакія противности польскимъ подданнымъ не начинать и поводъ не подавать, то однакожъ противъ такихъ непріятельскихъ нападеній при границахъ россійскихъ обороняться и съ такими нарушителями сосѣдской дружбы, яко съ ворами и съ непріятельми поступать, и для того въ нужныхъ мѣстахъ, гдѣ больше такія нападенія чинятся, на форпосты людей пріумножить и изъ одного до другаго поста частые имѣть разѣзды, въ чемъ имѣть прилежное смотрѣніе смоленскому коменданту и (смоленской шляхты) генералу-лейтенанту Потемкину, и поступать въ томъ съ общаго между собою согласія, и что впредь будетъ чиниться, о томъ имъ въ Сенатъ безъ упущенія рапортовать". „Смоленской губериской канцеляріи имѣть о томъ крѣпкую предосторожность и до побѣга крестьянства за польскій рубежъ отнюдь не допущать и наѣзды съ польской стороны отвращать, дабы впредь отъ того подданнымъ ея императорскаго величества ни малой обиды и раззоренія учиниться не могло; и о томъ въ Смоленскую губернію послать указъ". Дѣло это велось при участіи, кромѣ Сената, Иностранной коллегіи и восходило въ Кабинетъ [131]).

Дѣятельность учрежденій, состоявшихъ при Сенатѣ, въ Петербургѣ.

Дѣятельность Геральдмейстерской конторы. Инструкціею 5-го февраля 1722 года на „геральдмейстера и при немъ обрѣтающихся" были возложены слѣдующія обязанности: 1) Вести всѣмъ дворянамъ имперіи списки: а) „генеральные" и „по чинамъ", б) „кто изъ нихъ (дворянъ) къ дѣламъ годится, и употреблены будутъ и къ какимъ, порознь, и

за тѣмъ оныхъ останется", и в) „что у кого дѣтей и въ каковы лѣта, и впредь кто родится и умретъ мужеска пола". 2) Вести дѣло обученія дворянъ въ учрежденной для этого школѣ. 3) Наблюдать, чтобы дворяне не укрывались отъ службы и представлять, по требованію, кандидатовъ на государственныя должности. 4) Наблюдать, чтобы должностныя лица, когда они „отъ порученныхъ имъ дѣлъ будутъ свободны", отсылались къ нему, герольдмейстеру. 5) Вносить въ списки дворянскіе лицъ не изъ дворянъ, дослужившихся до оберъ-офицерскаго чина, а также ихъ дѣтей, родившихся „въ оберъ-офицерствѣ". Наконецъ, 6)„... понеже сіе дѣло новаго основанія, того ради надлежитъ ему (герольдмейстеру) ко управленію герольдмейстерской должности искать всякаго способа, а именно: какимъ образомъ или порядкомъ знатныхъ и прочихъ фамилій въ родословныхъ и прежнихъ гербахъ и вновь данныхъ содержаніи быть имѣютъ, и для того къ тому пристойныя книги другихъ государствъ пріискивать и переводить и что по тому изобрѣтено будетъ, о томъ ему, герольдмейстеру, обстоятельно допосить Сенату, а въ Сенатѣ разсмотря, докладывать его императорскому величеству" [135]).

Въ 1740 –1741 гг. кругъ обязанностей Герольдмейстерской конторы, въ существенномъ, не многимъ отличался отъ очерченнаго приведенною инструкціею. Вѣдая, главнымъ образомъ, служилое сословіе— дворянъ, контора была средоточіемъ оффиціальныхъ всесторонніхъ свѣдѣній, касающихся этого сословія. Въ ней имѣлись: „прежнія переписныя книги" *) [136]); „родословная книга 7190 года"; „реестръ родословнымъ росписямъ разныхъ фамилій, которыхъ въ родословной книгѣ не написано"; гербы дворянскихъ родовъ [137]); „списки о генералитетѣ" и подробныя данныя о прохожденіи должностными лицами службы, военной или гражданской [138]).—Въ силу заключительнаго пункта инструкціи герольдмейстеру (см. выше), Сенатъ заботился о доставленіи Герольдмейстерской конторѣ полезныхъ для нея книгъ. 7-го іюля 1741 года онъ послалъ въ Канцелярію конфискаціи указъ: „объ отдачѣ имѣющихся въ той канцеляріи забранныхъ изъ домовъ бывшихъ князь Дмитрія Голицына и Артемія Волынскаго книгъ въ

*) Что эти книги должны были храниться въ Герольдмейстерской конторѣ, указываетъ опредѣленіе Сената, въ октябрѣ 1740 года: «По экстракту, учиненному въ Сенатѣ, по силѣ Кабинета ея императорскаго величества резолюціи, о раненбургскихъ однодворцахъ,—справиться съ Герольдмейстерскою конторою, по прежнимъ переписнымъ книгамъ: городовъ Раненбурга и Козлова въ селѣхъ (такихъ-то) коликое число въ каждомъ селѣ порознь написано прежнихъ службъ служилыхъ людей, кои числятся однодворцами, такожъ и пашенныхъ крестьянъ; при томъ же особливо справиться и съ переписью генерала-маіора Тараканова, гдѣ оная имѣется; ежели жъ такого извѣстія здѣсь въ Герольдмейстерской конторѣ не имѣется, то о взятіи онаго изъ московской Герольдмейстерской конторы и о немедленной въ Сенатъ присылкѣ съ сего журнала въ Сенатскую контору сообщить вѣдѣніе, и, по присылкѣ онаго, сообща съ вышеобъявленнымъ экстрактомъ, предложить къ докладу».

Герольдмейстерскую контору по приложенному при томъ реестру“ [139]), а затѣмъ, 16-го ноября, онъ внесъ въ Кабинетъ „сообщеніе о требованіи резолюціи объ отдачѣ взнесенныхъ изъ Канцеляріи конфискаціи въ Кабинетъ его императорскаго величества послѣ князь Дмитрія Голицына историческихъ родословныхъ книгъ, по приложенному реестру, въ Герольдмейстерскую контору“ [140]). По требованію Кабинета и другихъ государственныхъ учрежденій, герольдія дѣлала справки по указаннымъ выше источникамъ; иногда же посылала туда копіи съ этихъ документовъ и самые подлинники—гербы [141]). Въ конторѣ производилось также „сочиненіе и рисованіе (вновь) разныхъ гербовъ“ и „сочиненіе“ дворянскихъ дипломовъ и гербовъ, которые черезъ Сенатъ вносились на утвержденіе въ Кабинетъ. Такъ въ мартѣ 1741 года Сенатъ подалъ въ Кабинетъ „докладъ и при томъ сочиненные въ Герольдмейстерской конторѣ дипломъ и гербъ комнатному истопнику Алексѣю Милютину на дворянство его, для апробаціи“ [142]).

Согласно своей инструкціи, герольдмейстеръ, по требованію, избиралъ и представлялъ Сенату кандидатовъ на судебныя и административныя должности. Иногда онъ самъ, по своему почину, дѣлалъ представленіе сенаторамъ о назначеніи лица на извѣстный государственный постъ, напримѣръ, — „ко управленію губернскихъ дѣлъ“, до прибытія вновь назначеннаго губернатора. По резолюціямъ кабинетъ-министровъ о замѣщеніи тѣхъ или другихъ должностей, Сенатъ поручалъ избраніе лицъ на эти должности герольдмейстеру. Въ январѣ 1740 года онъ, „по резолюціи Кабинета, подписанной на доношеніи С.-Петербургской дворцовой конторы декабря 31-го дня 1739 года“, приказалъ: „требуемое число людей для опредѣленія въ нынѣшній 1740 годъ на запасные дворцы къ приходамъ и расходамъ, выбравъ герольдмейстеру изъ отставныхъ офицеровъ и дворянъ, людей добрыхъ и пожиточныхъ, отослать во оную дворцовую контору немедленно“.— Лица, назначенныя Сенатомъ на должность, отсылались для опредѣленія къ дѣламъ Герольдмейстерскою конторою [143]).

Черезъ эту же контору проходили дѣла, по челобитьямъ, о назначеніи на должности и о наградѣ рангами [144]).—Сюда же отсылались должностныя лица, неспособныя, вслѣдствіе болѣзни, неграмотности и по другимъ причинамъ, къ отправленію служебныхъ обязанностей, и обращались военные и гражданскіе чины, искавшіе отставки. Всѣхъ этихъ лицъ герольдмейстеръ представлялъ Сенату, который, „въ собраніи (своемъ) смотря ихъ“ (или слушавъ экстракты о нихъ Герольдмейстерской конторы), и постановлялъ опредѣленія: однихъ, за выслугою „указныхъ лѣтъ“, дряхлостью и по другимъ уважительнымъ причинамъ, „отставить отъ дѣлъ вовсе“, съ опредѣленіемъ не имѣвшихъ „пропитанія“ въ монастырь, другихъ — „написавъ къ дѣламъ, отпустить въ домъ“ (на извѣстный срокъ, на годъ, на два) или оставить на службѣ, „быть въ службѣ по прежнему“ [145]). Въ при-

говоры свои объ увольненія служащихъ отъ дѣлъ вовсе Сенатъ иногда включалъ особыя условія. Въ сентябрѣ 1740 года онъ, „смотря представленныхъ отъ Герольдмейстерской конторы офицеровъ", между прочимъ, приказалъ: „отставнаго отъ службы прапорщика (такого-то) за старостью отъ дѣлъ отставить вовсе и ни къ какимъ дѣламъ безъ указа изъ Сената и изъ Герольдмейстерской конторы его не опредѣлять и въ посылки не посылать, а ежели кто будетъ его къ дѣламъ опредѣлять или въ посылки посылать, за то съ тѣхъ взять будетъ штрафъ неотмѣнно" [116]). Опредѣленія Сената по представленіямъ Герольдмейстерской конторы объ отставныхъ подписывались, кромѣ сенаторовъ, герольдмейстеромъ.

Сверхъ этихъ дѣйствій, къ обязанностямъ герольдмейстера относилось опредѣленіе неимущихъ въ петербургскія богодѣльни. Нищіе, взятые въ Петербургѣ за прошеніе милостыни или „собою" явившіеся въ полицію съ просьбою объ опредѣленіи ихъ въ богадѣльни, допрашивались въ Главной Полиціймейстерской канцеляріи и, въ случаѣ дѣйствительной ихъ бѣдности и неимѣнія возможности зарабатывать хлѣбъ, отсылались отсюда въ Герольдмейстерскую контору для опредѣленія „къ пропитанію". По провѣркѣ собранныхъ Полиціймейстерскою канцеляріею объ этихъ лицахъ свѣдѣній, герольдмейстеръ и опредѣлялъ дѣйствительно убогихъ въ богадѣльни своею властью, не представляя въ Сенатъ, на основаніи сенатскаго указа 14-го февраля 1734 года, въ которомъ говорилось: „нищихъ для опредѣленія въ с.-петербургскія богадѣльни разсматривать герольдмейстеру (какъ Сенатомъ 19-го мая 1733 года опредѣлено) и отсылать въ Камеръ-контору, а въ Сенатъ не представлять" [117]).

Дѣятельность Рекетмейстерской конторы. Должность сенатскаго рекетмейстера была учреждена Петромъ I-мъ, въ 1720 году, и болѣе опредѣленно очерчена указомъ Сената 17-го августа 1725 года. Въ этомъ указѣ говорилось: „челобитныя (вносившіяся въ Сенатъ) принимать всѣ рекетмейстеру и, разсмотря, которыя не подлежатъ коллегіямъ, а подлежатъ Сенату, по тѣмъ докладывать въ Сенатѣ, а которыя подлежатъ къ поданію ея императорскому величеству, а не къ Сенату, и тѣ взносить ему въ Кабинетъ" (императорскую канцелярію). Въ 1727 году исправленіе должности рекетмейстера было передано оберъ-прокурору Сената. 7-го марта этого года Верховный Тайный Совѣтъ объявилъ Сенату именной указъ: „... понеже должность генералъ рекетмейстера состоитъ въ томъ, что онъ по имѣющимъ у себѣ дѣламъ докладываетъ Сенату и по резолюціямъ онаго поступаетъ, а Сенату о тѣхъ его дѣлахъ оберъ-прокуроръ представляетъ, и тако въ содержаніи Рекетмейстерской конторы напрасное жалованье происходитъ, того ради повелѣли мы должность генералъ-рекетмейстера исправлять сенатскому оберъ-прокурору, и тѣми жъ приказными людьми, которые при Сенатѣ, а конторѣ Рекет-

мейстерской не быть, чтобъ напраснаго жалованья не происходило". Однако черезъ три года прежній порядокъ былъ возстановленъ. Въ апрѣлѣ 1730 года Сенатъ объявилъ во всенародное извѣстіе: „...понеже, по указу ея императорскаго величества, при Сенатѣ опредѣленъ (вновь) генералъ-рекетмейстеръ, которому повелѣно поступать во всемъ по прежней генералъ-рекетмейстерской должности, какова учинена при" Петрѣ I-мъ, „того ради ежели въ которыхъ коллегіяхъ или канцеляріяхъ, которыя къ коллегіямъ не подчинены, у кого дѣла рѣшены неправдою, въ противность указамъ и Уложенію, или у кого дѣла долговременною волокитою не рѣшены жъ, тѣмъ, по прежнимъ указамъ, о томъ съ явными доказательствы бить челомъ и челобитныя подавать тому генералу-рекетмейстеру" [148]).

Въ описываемую эпоху занятія Рекетмейстерской конторы были почти тѣ же, какъ и въ предъидущее время. Генералъ-рекетмейстеръ принималъ и разсматривалъ подлежавшія до Сената челобитныя по „спорнымъ, тяжбу имѣющимъ дѣламъ" и по дѣламъ уголовнымъ и затѣмъ докладывалъ по нимъ Сенату [149]). Онъ занимался также разборкою челобитныхъ, присылавшихся въ Сенатъ изъ Кабинета съ резолюціями послѣдняго, и разсылкою этихъ прошеній, по принадлежности, къ исполненію. Впрочемъ, такой порядокъ былъ установленъ лишь въ іюнѣ 1741 года. 1-го числа этого мѣсяца Сенатъ, выслушавъ докладъ генералъ-рекетмейстера, „что изъ Кабинета его императорскаго величества отдаются ему челобитныя съ резолюціями, которыя надлежитъ отдавать для исполненія въ Сенатъ по экспедиціямъ, — приказалъ: такія челобитныя ему, генералу-рекетмейстеру, принимая, разсматривать и которыя до Сената не принадлежатъ, а принадлежатъ до прочихъ мѣстъ, тѣ, съ подписаніемъ резолюцій, отсылать отъ себя въ тѣ мѣста, не докладывая правительствующаго Сената, а которыя челобитныя подлежатъ до рѣшенія сенатскаго, на тѣхъ подписывая, что̀ отъ Кабинета его императорскаго величества приказано, за своею рукою, отдавать въ Сенатъ по экспедиціямъ секретарямъ, которымъ, принимая и объявя оберъ-секретарямъ и учиня надлежащія справки, предлагать къ докладу правительствующему Сенату" [150]).

Опредѣленія Сената по докладамъ Рекетмейстерской конторы закрѣплялись сенаторами и генералъ-рекетмейстеромъ.

Дѣятельность Печатной конторы. Учрежденіе это вѣдало сборъ печатныхъ пошлинъ. Посылавшіеся изъ петербургскихъ государственныхъ установленій, „по челобитью всякихъ чиновъ людей, внутрь указы, промеморіи и прочія письма" записывались Печатною конторою, „со взятіемъ указныхъ („печатныхъ") пошлинъ по Уложенію и указамъ, и печатались (здѣсь) его императорскаго величества печатью" *).

*) Печать эта, по опредѣленію Сената въ мартѣ 1732 года, была сдѣлана

Собранныя пошлины ежемѣсячно отдавались въ рентерею. Изъ этого же сбора отпускались деньги на содержаніе сенатской канцеляріи. Приходо-расходныя книги конторы повѣрялись Ревизіонъ-коллегіею и затѣмъ сдавались въ сенатскій архивъ. Изъ одного донесенія Печатной конторы въ Сенатъ въ апрѣлѣ 1741 года видно, что количество „дѣлъ“ ея „повсягодно умножалось“: въ 1739 году было въ запискѣ 5397 документовъ, съ нихъ пошлинъ взято 3247 руб. 57¼ коп., а въ слѣдующемъ 1740 году—6777 документовъ, съ нихъ пошлинъ—3972 руб. 93 коп.

Собиравшіяся въ губерніяхъ печатныя пошлины, вмѣстѣ съ приходными книгами и счетными выписками по этому сбору, доставлялись въ Печатную же контору, петербургскую или московскую (при Сенатской конторѣ), смотря по округу, къ которому принадлежала та или другая губернія. Счеты эти конторою „свидѣтельствовались, а затѣмъ отсылались въ Ревизіонъ-коллегію [132]).

Предметъ вѣдѣнія „Канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ“. Канцелярія эта учреждена, по именному указу 1-го февраля 1734 года, для завѣдыванія сенатскими дѣлами по Малороссійскому краю, и эти дѣла проходили черезъ нее, какъ черезъ „особливую контору Сената“ [133]).

Занятія „Коммиссіи о разсмотрѣніи прошлыхъ лѣтъ дѣлъ“. Коммиссія образована, по именному указу 2-го декабря 1740 года, для разсмотрѣнія и рѣшенія массы старыхъ (по 1734 годъ) сенатскихъ дѣлъ, „дабы отъ оныхъ (дѣлъ) въ исправленіи настоящихъ Сенату помѣшательства и остановки не было“. Состоя изъ четырехъ сенаторовъ *), коммиссія имѣла полномочіе по разсматриваемымъ ею дѣламъ „разсужденіе имѣть и рѣшеніе чинить по указамъ“. При невозможности рѣшить то или другое дѣло въ своей средѣ, она должна была это дѣло, дополнивъ его, если было нужно, справками и вообще подготовивъ такъ, „чтобъ ни въ чемъ ни малѣйшаго при рѣшеніи недостатка быть не имѣло“, вносить на разрѣшеніе въ общее собраніе Сената. Для слушанія такихъ, вносившихся коммиссіею, дѣлъ сенаторы были обязаны „парочно съѣзжаться“ въ извѣстные часы пополудни [134]).

Занятія „Коммиссіи сочиненія Уложенія“ заключались въ составленіи „новаго“ общаго для имперіи Уложенія. Какъ велось это сочиненіе въ 1740—1741 гг., сообщаютъ слѣдующія записи. 2-го сентября 1740 года „въ собраніи правительствующаго Сената тайный совѣтникъ сенаторъ и кавалеръ Василій Яковлевичъ Новосильцовъ правительствующему Сенату словесно предлагалъ, что, по разсужде-

---

изъ золота (до этого употреблялась стальная), вѣсомъ 41¼ золот., цѣною съ работою 132 руб. 78 коп., и имѣла «надписаніе»—императорскій титулъ [131]).

*) См. «Составъ Сената», стр. 147.

нію правительствующаго Сената сего 1740 года іюля 18-го дня, велѣно у сочиненія Уложенія присутствовать Юстицъ-коллегіи вице-президенту кн. Трубецкому (и) вице-губернатору Наумову *), къ которымъ отъ сочиненія онаго Уложенія были неоднократныя повѣстки, токмо оные объявляютъ: вице-президентъ, что ему одному присутствовать нельзя, а вице-губернаторъ, что онъ обязанъ многими дѣлами, и за тѣмъ при ономъ присутствовать время не имѣетъ; за которымъ неприсутствіемъ при сочиненіи Уложенія чинится остановка; и требовалъ (сенаторъ Новосильцовъ), чтобъ о томъ записать въ журналъ, а оными подтвердить отъ Сената". По выслушаніи заявленія Новосильцова, Сенатъ „приказали: оное его, тайнаго совѣтника, предложеніе записать въ журналъ, а оными (кн. Трубецкому и Наумову) отъ Сената повѣстить чрезъ правящаго экзекуторскую должность, дабы они присутствіе при сочиненіи Уложенія имѣли неотмѣнное".—Въ слѣдующемъ 1741 году, 23-го октября, Сенатъ внесъ въ Кабинетъ „сообщеніе о имѣніи съѣзда, по приложенному при томъ реестру, персонамъ, сверхъ сенаторовъ, для слушанія уложенныхъ главъ, въ каждой недѣлѣ въ пятокъ, въ 4 часа пополудни, съ требованіемъ резолюціи, не соизволятъ-ли и господа кабинетъ-министры для того слушанія пріѣздъ свой имѣть въ Сенатъ или куда въ другое мѣсто" [135].

Занятія „Доимочной коммиссіи". Коммиссія учреждена въ октябрѣ 1738 года. 27-го числа этого мѣсяца послѣдовалъ сенатскій указъ: „Правительствующій Сенатъ, по резолюціи господъ кабинетъ-министровъ, подписанной на сообщеніи сенатскомъ сего октября 16-го дня, приказалъ: для скорѣйшаго взысканія запущенныхъ въ доимку положенныхъ на адмиралтейство и подлежащихъ до Статсъ-конторы и Артиллерійской канцеляріи доходовъ, о чемъ въ губерніяхъ и провинціяхъ опредѣленными отъ Сената и отъ Адмиралтейской коллегіи офицерами слѣдствіе производится, учредить подъ дирекціею правительствующаго Сената особливую коммиссію";... имѣющіеся въ Сенатѣ, въ коллегіяхъ: Адмиралтейской, Военной и Камеръ и въ „артиллеріи" о недоимкахъ дѣла, вѣдомости, доношенія и рапорты, „подлежащіе къ разсмотрѣнію и рѣшенію, собравъ, отдать въ ту коммиссію, съ реестромъ, въ крайней скорости, и впредь чего та коммиссія требовать будетъ, отсылать безъ задержанія". Для ускоренія хода дѣла, коммиссіи „разсмотрѣніе и рѣшеніе чинить", не представляя Сенату, „развѣ какія дѣла явятся весьма

*) «Разсужденіе» это въ сенатскомъ журналѣ записано такъ: «при сочиненіи Уложенія судной главы присутствовать Юстицъ-коллегіи и (С.-Петербургской губериской канцеляріи членамъ, а именно: Юстицъ-коллегіи — вице-президенту кн. Трубецкому, губериской (канцеляріи)—вице-губернатору Наумову.

сомнительны, и то—которыя тяжкаго штрафа подлежать будутъ, по тѣмъ докладывать въ Сенатѣ, со объявленіемъ мнѣнія"... Вышеупомянутымъ офицерамъ, а также воеводамъ и губернаторамъ, „что будетъ до тѣхъ доимокъ касаться, мимо оной коммиссіи ни о чемъ не писать, а представлять и о всемъ рѣшенія требовать отъ той коммиссіи"... Свѣдѣнія о взысканіи недоимокъ этимъ офицерамъ отсылать въ коммиссію. Послѣдней о занятіяхъ своихъ, „сколько когда какихъ дѣлъ будетъ рѣшено и доимокъ взыскано", рапортовать въ Сенатъ еженедѣльно [156]).

Учрежденная такимъ образомъ Доимочная коммиссія дѣйствовала и въ 1740—1741 гг., и вотъ что писала она въ доношеніи Сенату, отъ 30-го апрѣля 1741 года, о своихъ работахъ за это время:... „съ начала (съ учрежденія этой коммиссіи) и донынѣ какъ изъ Сената и изъ прочихъ здѣшнихъ и изъ Москвы и изъ разныхъ мѣстъ, такъ и изъ губерній и провинцій отъ канцелярій и отъ офицеровъ (командированныхъ въ губерніи для взысканія недоимокъ) вступило (въ коммиссію) дѣлъ и вѣдомостей и доношеній, по которымъ требуется разныхъ резолюцій, множественное число, противъ бывшихъ Доимочной канцеляріи и Доимочнаго приказа и Канцеляріи конфискаціи *) съ великою прибавкою, между которыми находятся такія дѣла, которыя требуютъ особливаго къ разсмотрѣнію въ сочиненіи экстрактовъ не малаго труда". Представляя далѣе, что, за недостаткомъ приказныхъ, „въ рѣшеніи означенныхъ дѣлъ учинилась остановка", коммиссія продолжала: „а хотя, по резолюціи правительствующаго Сената, а по представленію той коммиссіи, сего апрѣля 7-го дня, и велѣно для скораго сочиненія о имѣющихся въ той коммиссіи дѣлахъ реестровъ канцелярскихъ служителей дать изъ тѣхъ мѣстъ, откуда доимочныя дѣла и вѣдомости къ разсмотрѣнію присланы, по одному канцеляристу (и) по одному копіисту, которыхъ донынѣ еще ни откуда не прислано и въ присылкѣ способныхъ быть, безъ особливаго правительствующаго Сената опредѣленія, неуповаемо, а хотя пришлются и тѣ реестры сочинять и будутъ, но за ними повѣрять однимъ секретаремъ **) и означенныхъ слѣдственныхъ дѣлъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію привесть вскорѣ никакъ не можно, понеже и кромѣ оныхъ повсядневно изъ разныхъ мѣстъ во опую коммиссію дѣлъ и о доимкахъ представленій всегда прибавляется не по малому числу, по которымъ хотя въ рѣшеніи присутствующими всегда бываетъ непрестанное и прилежное стараніе, но за множествомъ оныхъ упомянутый одинъ секретарь" исполнять не успѣваетъ, почему Доимочная коммиссія и просить Сенатъ опредѣлить къ ея дѣламъ другаго секретаря „въ

*) Учрежденія эти вѣдали, послѣдовательно, въ 1727—1738 гг., дѣло взысканія недоимокъ по государственнымъ сборамъ.

**) Въ коммиссіи полагался одинъ секретарь. См. «Составъ Сената» стр. 146.

прибавокъ“ *).—О своихъ дѣйствіяхъ коммиссія отдавала отчетъ Сенату, послѣдній же о недоимкахъ и о самомъ взысканіи ихъ подавалъ вѣдомости въ Кабинетъ на высочайшее разсмотрѣніе. Объ этихъ вѣдомостяхъ встрѣчается слѣдующая запись. 16-го мая 1740 года генералъ-прокуроръ „Сенату словесно предлагалъ, что вчерашняго числа о взнесенныхъ въ Кабинетъ ея императорскаго величества изъ Сената, при сообщеніи, сочиненныхъ по канцеляріи сенатской съ конторами и изъ поданныхъ здѣшнихъ мѣстъ о доимкахъ вѣдомостяхъ и сообщенныхъ чрезъ Сенатскую контору для краткости времени оригинальныхъ доносилъ онъ дѣйствительному тайному совѣтнику, кавалеру и кабинетъ-министру князь Алексѣю Михайловичу Черкасскому, и его де сіятельство изволилъ ему объявить, что присланныхъ изъ Москвы и изъ губерній оригинальныхъ вѣдомостей принять невозможно, для того, что онѣ къ разсмотрѣнію ея императорскому величеству многотрудны, и изволилъ приказать оныя сочинить такимъ порядкомъ: 1) о доимкахъ, которыя дѣйствительно взыскиваются въ С.-Петербургѣ, на коммиенно съ показаніемъ состоянія оныхъ, какъ имеными ея императорскаго величества указами повелѣно, при чемъ и краткую вѣдомость, сколько оной доимки по званіямъ имѣется, приложить, и подать опую въ Кабинетъ какъ скоро возможно; а которой де доимки о взысканіи изъ здѣшнихъ мѣстъ въ другія правительствы указы посланы, такихъ и писать непривличпо, ибо оныя въ тѣхъ мѣстахъ взыскиваются, а иныя, можетъ быть, и взысканы, и надлежитъ опой написанной быть въ тѣхъ присланныхъ вѣдомостяхъ, гдѣ та доимка, по указамъ, взыскивается. 2) Изъ присланныхъ изъ Москвы и изъ губерній о такихъ же доимкахъ вѣдомостей, за множествомъ оныхъ, особыхъ по именамъ не сочинять, а подавать оригинальныя, и при тѣхъ вѣдомостяхъ сочиня краткія, что по званіямъ какихъ доимокъ и на сколькихъ человѣкахъ взыскивается, и для пріиска въ подлинныхъ во оныхъ краткихъ назначить листамъ номера, и какъ скоро которая сочинится, оныя подавать въ Кабинетъ безъ замедленія“. Сенатъ приказалъ: „въ немедленномъ оныхъ вѣдомостей сочиненіи поступать“ по предложенію генералъ-прокурора [137]).

Занятія „Коммиссіи о разсмотрѣніи и учрежденіи объ отдачѣ здѣшнихъ **) *дворцовыхъ деревень на аренду“* ***) и какъ-бы коммиссіи *„сочиненія генеральнаго о числѣ мужеска пола душъ алфабета“* характеризуются самими названіями этихъ учрежденій. Работы первой коммиссіи были настолько важны, что Сенатъ, вслѣдствіе словеснаго

*) По этому представленію, второй секретарь въ коммиссію былъ опредѣленъ, но долго-ли оставался онъ здѣсь—неизвѣстно.

**) Т. е. около Петербурга.

***) Коммиссія эта называлась также «Коммиссіею объ отдачѣ на аренду дворцовыхъ мызъ».

предложенія генералъ-прокурора, 1-го сентября 1740 года, нашелъ необходимымъ приказать: „отъ оной коммиссіи изъ Камеръ-коллегіи, изъ С.-Петербургской губернской канцеляріи и изъ Камеръ-конторы что будетъ требовано, и въ томъ бы исполненіе чинено было безъ продолженія, о чемъ подтвердить изъ Сената въ тѣ мѣста указами“ [158]).

О занятіяхъ коммиссіи „сочиненія окладной книги“ сказано выше, въ отдѣлѣ „Участіе Сената въ финансовыхъ дѣлахъ“.

Программа дѣятельности другой части Сената — „Сенатской (въ Москвѣ) конторы“ *), какъ можно заключить уже изъ самаго устройства послѣдней, была почти тождественна съ программой дѣйствій „Сената“, въ Петербургѣ. За исключеніемъ вопросовъ законодательныхъ и о замѣщеніи должностей воеводъ и секретарей, также дѣлъ, поручавшихся „Сенату“ особыми высочайшими указами (см. выше), къ вѣдѣнію Сенатской конторы относились тѣ же предметы, какъ и къ вѣдѣнію „Сената“. Дѣйствуя рядомъ съ „Сенатомъ“, какъ его отдѣленіе, контора эта въ сношеніи съ верховнымъ правительствомъ — Императорскимъ Кабинетомъ, должна была, однако, держаться особаго порядка. 28-го марта 1741 года Кабинетъ далъ приказъ Сенату: „въ тое (Сенатскую) контору писать, чтобъ впредь изъ оной мимо Сената въ Кабинетъ ни о чемъ не писали, развѣ особливое какое дѣло отъ Кабинета Сенатской конторѣ вручено и объ ономъ прямо въ Кабинетъ писать повелѣно будетъ, а, кромѣ того, о всякихъ дѣлахъ представляли бы и общаго разсужденія и рѣшенія требовали отъ правительствующаго Сената; а чего Сенатъ собою рѣшить не можетъ, о томъ, со мнѣніемъ своимъ, представлять въ Кабинетъ“. На основаніи этого правила,—имѣвшаго, конечно, цѣлью установленіе единства дѣйствій обѣихъ частей Сената, — конторою было передано въ Сенатъ неразрѣшенное ею, „за сумнительствомъ“, дѣло Овиновой съ Погуловымъ „о поступныхъ крестьянѣхъ съ землею“ [159]).

При Сенатской конторѣ, какъ уже сказано въ описаніи ея устройства, состояли конторы: Герольдмейстерская („герольдмейстерскія дѣла“), Рекетмейстерская („рекетмейстерскія дѣла“), Печатная и Раскольническая и Коммиссія о подушной доимкѣ. Дѣятельность первыхъ трехъ учрежденій совпадала съ дѣятельностью сименныхъ имъ конторъ при Сенатѣ, Коммиссія вѣдала дѣла по „взысканію дворцовой и прочей подушной доимки“ [160]), а Раскольническая контора — дѣла по взиманію сбора за расколъ и за ношеніе бородъ. О занятіяхъ этой послѣдней даетъ понятіе допошеніе ея, въ іюлѣ 1741 года, Сенатской конторѣ: „По именнымъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти

*) Сенатская контора дѣйствовала въ округѣ, въ составъ котораго, по словамъ документовъ, входили «принадлежавшія къ Москвѣ губерніи и провинціи».

Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, указамъ, сборъ съ раскольниковъ за расколъ деньгамъ, также и слѣдствіе о тѣхъ раскольникахъ, до 1727 года имѣлось въ вѣдомствѣ святѣйшаго правительствующаго Синода; а ноября 13-го дня 1724 года, по именному его императорскаго величества указу, велѣно оному съ раскольниковъ, также и съ бородачей, сбору быть при Сенатѣ и для того сбора и смотрѣнія учинить столъ или контору, и, по силѣ того его императорскаго величества указа, приговорами правительствующаго Сената марта 11-го да декабря 24-го чиселъ 1726 года, для онаго съ раскольниковъ и бородачей сбору и слѣдствія учинена при томъ Сенатѣ контора Раскольническая; и хотя по той конторѣ о пошеніи раскольникамъ указнаго платья и о бритьѣ разныхъ чиновъ людямъ бородъ и о искорененіи потаенныхъ раскольниковъ и о новорожденныхъ раскольническихъ дѣтяхъ и о брачившихся раскольникахъ прошлыхъ лѣтъ состоявшіеся указы и имѣются, но по тѣмъ указамъ раскольники и бородачи, какъ отъ конторы Раскольнической усмотрѣно, не исполняютъ, а именно: раскольники указнаго платья не носятъ, а разныхъ чиновъ люди бородъ не брѣютъ, къ томужъ, какъ изъ слѣдственныхъ по той же конторѣ дѣлъ явно, что многіе жъ потаенные раскольники въ городѣхъ и слободахъ, а иные и въ лѣсахъ живутъ въ укрывательствѣ, а о искорененіи оныхъ и о прочемъ, о чемъ показано выше сего, вновь его императорскаго величества указами не подтверждено. Того ради правительствующаго Сената конторѣ Раскольническая контора объ оныхъ дѣлахъ покорно доноситъ и требуетъ, дабы повелѣно было по тѣмъ дѣламъ его императорскаго величества указами вновь подтвердить; а въ какой силѣ оныя дѣла состоятъ, о томъ правительствующаго Сената конторѣ прилагается при семъ со мнѣніемъ вѣдѣніе". Вотъ это вѣдѣніе. „1) По именнымъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, апрѣля 6-го 1722, ноября 13-го 1724 указамъ и правительствующаго Сената мая 22-го чиселъ 1722 годовъ приговору, велѣно всякаго чина людямъ, кромѣ пахатныхъ крестьянъ, за небритіе бородъ платить штрафа по 50 рублевъ на годъ, да тѣмъ же бородачамъ и раскольникамъ и женамъ ихъ носить образцовое платье, какое сдѣлано было въ Статсъ-конторѣ и объявлено по градскимъ воротамъ; оныимъ же раскольникамъ и бородачамъ, кромѣ крестьянъ, давать знаки мѣдные, чтобъ пашивали на ономъ указномъ платьѣ, дабы знать было можно, платилъ-ли онъ тотъ годъ съ бороды или нѣтъ, и ежели кто съ бородою или въ неуказномъ платьѣ придетъ о чемъ бить челомъ, то не принимать у нихъ челобитенъ ни о чемъ и сверхъ того доправить вышеписанную дачу, не выпуская изъ приказа; также кто увидитъ кого съ бородою безъ такого платья, чтобъ приводили къ комендантамъ или воеводамъ, и тамъ оный штрафъ на нихъ правили, изъ чего половина въ казну, а другая

приводчику, да сверхъ того—его платье. А нынѣ отъ конторы Раскольнической усмотрѣно, что въ Москвѣ записные изъ купечества и изъ разночинцевъ раскольники ходятъ многіе въ неуказномъ платьѣ, также всякаго чина люди многіе подъ видомъ записныхъ раскольниковъ бородъ не брѣютъ, а за небритіе бородъ, по указамъ, штрафныхъ денегъ не платятъ". Мнѣніе Раскольнической конторы: „О хожденіи записнымъ раскольникамъ и бородачамъ въ указномъ платьѣ, также разныхъ чиновъ людямъ (кромѣ пахатныхъ крестьянъ) о бритьѣ бородъ, а которые брить не пожелаютъ о платежѣ за тѣ бороды штрафныхъ денегъ, надлежитъ въ Московской и въ прочихъ губерніяхъ, провинціяхъ и городѣхъ публиковать его императорскаго величества вновь указами, дабы записные раскольники и бородачи и жены ихъ носили указное платье, которое надлежитъ объявить по градскимъ воротамъ: а разныхъ чиновъ люди (кромѣ пахатныхъ крестьянъ) бороды брили неотмѣнно, и которые брить не похотятъ, тѣ бъ явились для платежа съ бородъ денегъ немедленно, а потаенно не жили: того ради надлежитъ же изъ губернскихъ и провинціальныхъ и городовыхъ канцелярій для взятья и привода въ тѣ мѣста записныхъ раскольниковъ въ неуказномъ платьѣ, также и потаенныхъ бородачей, приставить по градскимъ воротамъ парочныхъ, и кто таковыхъ потаенныхъ бородачей вѣдаетъ, тѣ бъ, по силѣ прежнихъ указовъ, на нихъ доносили и, ловя, приводили: въ Москвѣ—въ контору Раскольническую, а въ губерніяхъ, провинціяхъ и городѣхъ — къ губернаторамъ и воеводамъ, и, по приводѣ, брать съ нихъ за неуказное платье и за небритіе бородъ, по указамъ, деньги; а изъ Московской губернской канцеляріи оныхъ бородачей для взятья съ нихъ, по указамъ, денегъ, а раскольниковъ для обязательства о хожденіи впредь въ указномъ раскольническомъ платьѣ сказками, присылали въ контору жъ Раскольническую жъ, ибо многіе купцы и разночинцы подъ образомъ записныхъ раскольниковъ могутъ сказываться записными раскольниками, а о расколѣ ихъ въ той канцеляріи не извѣстно". „2) По именному жъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императорскаго величества 1718 года, февраля 17-го, указу и правительствующихъ Сената и Синода 1722 года, февраля 28-го да іюля 16-го чиселъ, приговорамъ, велѣно всякаго званія обрѣтающимся въ вѣрѣ греческаго исповѣданія людямъ исповѣдь исполнять и святыхъ Христовымъ Таинъ пріобщаться повсягодно и то все надзирать накрѣпко приходскимъ священникамъ и свѣтскимъ командирамъ, и которые исповѣдаться и святыхъ Таинъ пріобщаться повсягодно не будутъ, о таковыхъ подавать именныя вѣдомости и за неисповѣдь имать шрафы, дабы тѣмъ познать было можно раскольниковъ, живущихъ подъ видомъ правовѣрныхъ; а мая 31-го дня 1737 года въ именномъ же блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества указѣ, въ 7 пунктѣ, меж-

ду прочимъ, написано: ежели кто врядъ чрезъ три года будетъ какіе отъѣзды имѣть, а у приходскаго своего или у другаго близъ того прихода жительствующаго дѣйствительнаго священника ни въ которомъ тѣхъ трехъ лѣтъ годѣ не исповѣдается, таковыхъ писать въ расколѣ неотмѣнно, ибо чрезъ то явно значится о немъ, что онъ конечно потаенный раскольникъ, а не сынъ святыя церкви. А понеже изъ слѣдующихся въ конторѣ Раскольнической дѣлъ усмотрѣно, что многіе раскольники, хотя объ оныхъ состоявшихся указѣхъ и извѣстны однакожъ, не хотя быть въ соединеніи съ правовѣрными, а себя показать явнымъ раскольникомъ, подъ видомъ правовѣрныхъ кроются, переходя по городамъ и селамъ и деревнямъ, а другіе имѣютъ жительство на чужихъ земляхъ разныхъ уѣздовъ въ лѣсахъ, въ построенныхъ ими кельяхъ, и ученіемъ своимъ многихъ простаго народа людей къ подобному себѣ заблужденію приводятъ". Мнѣніе: „По силѣ вышеозначенныхъ прежде состоявшихся указовъ и правительствующихъ Сената и Синода приговоровъ, надлежитъ объ ономъ вновь его императорскаго величества указами во всѣхъ мѣстахъ публиковать, дабъ всякаго чина люди, вѣдавшіе объ оныхъ кроющихся подъ видомъ благочестія въ городѣхъ и слободахъ, селѣхъ и деревняхъ, и живущихъ въ лѣсахъ раскольникахъ и лжеучителяхъ ихъ объявляли безъ всякаго прикрытія въ надлежащихъ мѣстахъ немедленно, гдѣ съ ними поступать по указамъ непремѣнно, дабы оные живущіе подъ видомъ благочестія и крыющіеся въ лѣсахъ раскольники, какъ наивозможно искоренены, а другіе простаго народа люди отъ подобнаго оныхъ раскольникамъ заблужденія были отвращены". „3) По приговору святѣйшаго правительствующаго Синода мая 15-го дня 1722 года, который объявленъ архіереомъ и духовнымъ управителѣмъ печатнымъ листомъ, велѣно, по 1, 5 и 6 пунктамъ, у записныхъ раскольниковъ дѣти крестить въ церкви православно и православными, а раскольникамъ въ воспріемникахъ не быть, а у отца рожденнаго младенца взять сказку за порукою и росписною, что учить раскольническихъ преданій и двоеперстнаго сложенія не будетъ, а когда пройдетъ отроку семь лѣтъ, дабы представилъ его церкви по исповѣданію и святыхъ Таинъ причастію, а буде всего того не исполнитъ, то подпадетъ жестокому наказанію, понеже такой явится явный учитель раскольническій. И по силѣ того святѣйшаго Синода приговора, записные раскольники рождшихся младенцевъ, дѣтей своихъ, въ приходскія церкви ко святому крещенію объявляютъ-ли и у отцовъ тѣхъ младенцевъ о неученіи ихъ раскольническимъ преданіямъ и двоеперстнаго сложенія обязательныя сказки берутся-ли, также и по прошествіи семи лѣтъ опыя рождаемыя отъ раскольниковъ дѣти святѣй церкви ко исповѣди и святыхъ Таинъ причастію отъ отцовъ представляются-ли—о томъ знать должна контора Раскольническая, для того, что сборъ съ раскольниковъ за расколъ, такожде и слѣдствіе о потаенныхъ

раскольникахъ, по силѣ именнаго... 1724 года указа и правительствующаго Сената марта 11-го дня 1726 года приговора, имѣется нынѣ въ вѣдомствѣ правительствующаго Сената, а не святѣйшаго правительствующаго Синода". Мнѣніе: „Надлежитъ у духовныхъ правительствъ объ ономъ о всемъ справиться: записные раскольники новорожденныхъ дѣтей своихъ, по силѣ объявленнаго святѣйшаго правительствующаго Синода опредѣленія, въ приходскія церкви ко святому крещенію объявляютъ-ли и у отцовъ тѣхъ младенцевъ о неученіи ихъ раскольническимъ преданіямъ и двоеперстнаго сложенія обязательныя сказки берутся-ли, также и по протествіи седми лѣтъ оныя раскольническія дѣти святѣй церкви ко исповѣди и святыхъ Таинъ причастію отъ отцовъ ихъ представляются-ли, и сколько тѣхъ отъ раскольниковъ младенцевъ по имянамъ къ крещенію, также и по седми лѣтѣхъ ко исповѣди и къ причастію святыхъ Таинъ и кѣмъ имены, и какихъ чиновъ отцами ихъ объявлено и обязательныхъ у нихъ сказокъ взято, и нынѣ оныя ихъ новорожденныя дѣти всѣ-ли православно-каѳолическую вѣру право и ненарушимо содержатъ или которыми раскольниками, по силѣ объявленнаго святѣйшаго правительствующаго Синода опредѣленія, и понынѣ было не исполняемо — о таковыхъ для учиненія по указамъ прислать обстоятельныя вѣдомости. И о томъ повелѣно бъ было правительствующаго Сената изъ конторы въ московскую Синодальную канцелярію сообщить вѣдѣніе". „4) По именному... марта 24-го дня 1719 года указу, присланному къ нижегородскому вице-губернатору Ржевскому, велѣно на раскольниковъ, которые женятся тайно, не у церквей, безъ вѣнечныхъ памятей, наложить особливый сборъ рубля по три съ человѣка мужеска и женска пола, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше; а по приговору святѣйшаго правительствующаго Синода мая 15-го дня 1722 года велѣно: по 7 пункту: въ брачныхъ раскольниковъ съ православными сочетаніяхъ лицо раскольничье православному сопрягаемое первѣе да пріиметъ церкви святѣй обѣщаніе съ присягою, по 8: обоихъ расколь держащихъ лицъ не вѣнчать, а если и безъ церковнаго вѣнчанія жить собою станутъ—допросить, кто вѣнчалъ или безъ всякаго вѣнчанія живутъ, и того вѣнчавшаго сыскать къ наказанію, да и вѣнчавшіеся, яко своего обѣщанія (которое при записаніи своемъ въ явный расколъ съ росписки учинили) преступники, наказанію подлежатъ: а если сами собою сожитіе свое воспріяли, за то ихъ, яко законопреступниковъ явныхъ, звать на судъ архіерейскій; а если же не похотятъ сказать кто вѣнчалъ ихъ или безъ всякаго вѣнчанія сжились, то взяты будутъ въ розыскъ. А понеже объ оныхъ сочетавшихся бракомъ раскольникахъ приходскіе священники по силѣ объявленнаго святѣйшаго Синода опредѣленія исполняютъ-ли и не имѣется-ли въ приходѣхъ ихъ раскольниковъ, женившихся тайно, не у церквей, также и самихъ собою сожитіе воспріявшихъ, о томъ не-

вѣдомо". Мнѣніе: „О сочетавшихся бракомъ раскольникахъ надлежитъ у приходскихъ священниковъ взять вѣдомости: кто имяны раскольники пожепились и прежде женитьбы оные отъ раскола ко святѣй церкви обратились-ли и у указной присяги и у исповѣди были-ли и святыхъ Таинъ сообщались-ли, также и не имѣется-ли въ приходѣхъ ихъ раскольниковъ, женившихся по вѣнечнымъ памятямъ, подъ видомъ благочестивыхъ, или тайно, не у церквей, безъ вѣнечныхъ памятей; и которые раскольники, по поданнымъ отъ приходскихъ священниковъ вѣдомостямъ, явятся женившіеся по вѣнечнымъ памятямъ, подъ видомъ благочестивыхъ, съ таковыхъ, по учиненіи наказанія, брать въ казну, по силѣ вышеобъявленнаго его императорскаго величества 1719 года, марта 24-го дня, именнаго указа, съ каждой персоны, смотря по богатствамъ, штрафа отъ трехъ до двадцати и тридцати рублевъ; а женившихся тайно, не у церквей и безъ вѣнечныхъ памятей, таковымъ, по предъявленному святѣйшаго правительствующаго Синода опредѣленію (ежели они ко святѣй церкви обратиться не пожелаютъ) чинить гражданское публичное наказаніе; и оныя вѣдомости, для взятья объявленныхъ штрафовъ и учиненія винпымъ наказанія, прислать въ контору жъ Раскольническую, и о томъ въ московскую Синодальную канцелярію правительствующаго Сената изъ конторы повелѣно жъ бы было сообщить вѣдѣніе жъ, ибо контора Раскольническая имѣетъ опасеніе, дабы, по силѣ вышеобъявленныхъ прежде состоявшихся указовъ, объ оныхъ раскольникахъ чего къ неисполненію къ той Раскольническои конторѣ не причлось".—На это допошеніе Сенатская контора отвѣтила Раскольнической указомъ: „...понеже Сенатской конторѣ не безъизвѣстно, что раскольники и бородачи въ Москвѣ ходятъ не въ такомъ платьѣ, какъ указомъ повелѣно, но въ другомъ, и, по указу его императорскаго величества, правительствующаго Сената контора приказали: тѣмъ бородачамъ и раскольникамъ, по силѣ прежнихъ указовъ, носить такое платье, какъ тѣми указами повелѣно, неотмѣнно, о чемъ въ пристойныхъ мѣстахъ выставить листы, и о томъ въ Московскую полиціймейстерскую и губернскую канцеляріи и въ Раскольническую контору послать указы. И Раскольнической конторѣ учинить о томъ по опому его императорскаго величества указу". „Во исполненіе" этого и прежнихъ „о хожденіи раскольникамъ и бородачамъ въ указномъ платьѣ" указовъ и „правительствующаго Сената приговора", Раскольническая контора опредѣлила: „въ губерніи и провинціи и городы послать указы, въ которыхъ объявить, дабы во оныхъ мѣстахъ надъ обрѣтающимися записными раскольниками и бородачами имѣли прилежное смотрѣніе, чтобъ оные раскольники и бородачи (кромѣ подлинныхъ пашенныхъ крестьянъ) ходили въ указномъ платьѣ неотмѣнно, а ежели они того указнаго платья носить не станутъ и впредь въ томъ неуказномъ платьѣ кѣмъ приведены будутъ, то съ таковыми въ губерніяхъ, провинціяхъ и городѣхъ поступать по силѣ (вышеприведенныхъ) указовъ непремѣнно" [161]).

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО ВЪ СЕНАТѢ *)

Засѣданія, „собранія“, Сената происходили ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней [162]). Въ исключительныхъ случаяхъ, для разсмотрѣнія спѣшныхъ дѣлъ, сенаторы собирались и въ дни праздничные, пополудни [163]). Въ собраніе являлись обыкновенно въ 8—9-мъ часу пополуночи, выходили же въ 12-мъ, 1-мъ, а иногда во 2—3-мъ часу. Вечернія (въ праздничные дни) засѣданія начинались въ 4—6-мъ, оканчивались въ 8—9-мъ часу [164]). Въ дни „кратчайшіе“ пріѣздъ сенаторовъ въ обыкновенныя утреннія собранія назначался къ болѣе ранніе часы. Такъ 18-го сентября 1740 года генералъ-прокуроръ „Сенату словесно предлагалъ, что нынѣ наступило время осеннее, и дни кратчайшіе, того въ ради господа сенаторы изволили въ собраніе пріѣзжать пополуночи въ 7-мъ часу и съ начача въ 8-го часа дѣйствительно слушали предложенныя дѣла“. Сенатъ приказалъ: „учинить по оному его, господина генерала-прокурора, предложенію“. О томъ же предложено было генералъ-прокуроромъ еще разъ 13-го октября [165]). — Собирались сенаторы для слушанія дѣлъ далеко не въ полномъ составѣ; бывало даже, что собраніе состояло всего изъ двухъ членовъ [166]). Объясняется это тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ занимали одновременно и другія должности: А. И. Ушаковъ—начальника Тайной канцеляріи, А. Л. Нарышкинъ—завѣдывающаго дѣлами Канцеляріи отъ строеній, О. В. Наумовъ—генералъ-полиціймейстера **). Впрочемъ, для обсужденія дѣлъ болѣе важныхъ сенаторы съѣзжались въ полномъ составѣ. Вопросы, какія именно дѣла подлежали разсмотрѣнію въ „полномъ собраніи“ Сената—разрѣшались присутствіемъ послѣдняго. Напримѣръ, 10-го января 1740 года Сенатъ, „по резолюціи Кабинета ея императорскаго величества, подписанной на доношеніи Канцеляріи монетнаго правленія, и по приложеннымъ при ономъ экстрактамъ, о разсмотрѣніи и рѣшеніи правительствующему Сенату о излишнемъ угарѣ при сплавкахъ серебра и у передѣла монетъ мицъ-мейстеромъ Рыбаковымъ“,—приказалъ: „по оному дѣлу доложить въ полномъ собраніи“ [168]). Созывалось такое собраніе и вслѣдствіе предложенія генералъ-прокурора. 2-го октября 1740 года кн. Трубецкой Сенату „словесно предлагалъ, чтобъ завтрашняго числа, для слушанія и подписанія рѣшительнаго протокола и къ подачѣ ея императорскому величеству допошенія о доносителяхъ Желѣзовѣ съ товарищи, изволили быть въ полномъ

—

*) Такъ какъ порядокъ производства дѣлъ въ «Сенатѣ» и Сенатской конторѣ, въ главномъ, былъ одинъ и тотъ же, то приводимъ свѣдѣнія лишь о дѣлопроизводствѣ въ первомъ учрежденіи.

**) По именному повелѣнію, Наумовъ долженъ былъ присутствовать въ Сенатѣ «особливо въ тѣ дни, въ которые по дѣламъ Главной полиціи слушаніе будетъ» [167]).

собраніи". Сенатъ, согласившись съ предложеніемъ, приказалъ: „повѣстить" объ этомъ отсутствовавшихъ сенаторовъ [169]).

Дѣла въ Сенатѣ начинались: по именнымъ указамъ и по распоряженіямъ Кабинета, по представленіямъ государственныхъ учрежденій *) и должностныхъ лицъ и по челобитьямъ **). Представленія вносились въ Сенатъ съ приложеніемъ мнѣнія по представляемому дѣлу и, когда слѣдовало, — экстрактовъ, вѣдомостей, копій съ документовъ и даже подлинныхъ производствъ [172]).

По всѣмъ вступившимъ въ Сенатъ бумагамъ докладывалось собранію. Выслушавъ докладъ и, если требовалось, допросивъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ, собраніе приступало къ „разсужденію", а затѣмъ по большинству голосовъ постановляло свою резолюцію, „приговоръ" ***) [173]). Приговоры Сената, послѣ записки ихъ въ журналъ (куда заносились и особыя мнѣнія сенаторовъ, а также всѣ распоряженія собранія), получали форму протокола. Какъ журналы, такъ и протоколы закрѣплялись подписью *всѣхъ* сенаторовъ („подписаніемъ" всего „правительствующаго Сената"), оберъ-секретаря и секретаря ****). Передъ подписаніемъ журналы и протоколы читались сенаторамъ, и послѣдніе иногда дѣлали въ нихъ нѣкоторыя измѣненія или добавленія, что̀ записывалось въ журналъ засѣданія. Журналы и протоколы выслушивались и подписывались сенаторами и на дому. Такъ 7-го мая 1740 года Сенату „докладывалъ протоколистъ Д. Львовъ, что вчерашняго числа посыланы были

---

*) На основаніи сенатскаго указа 28-го августа 1740 года, представленія петербургскихъ учрежденій принимались къ Сенатѣ въ опредѣленные дни, именно: въ понедѣльникъ — коллегій, Военной и Адмиралтейской, канцелярій: гвардейскихъ полковъ, кадетскаго корпуса и Оружейной; во вторникъ — Дворцовой конторы, Академіи Наукъ, канцелярій: отъ строеній, Ямской, Полиціймейстерской и конфискаціи; въ среду — домовыхъ и слѣдственныхъ коммиссій; въ четвергъ — Ревизіонъ коллегіи, Камеръ и Статсъ конторъ и счетныхъ коммиссій; въ пятницу — коллегій: Иностранной, Коммерцъ, Юстицъ и лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, канцелярій: Тайной, губернской и Монетной, Генералъ-бергъ директоріума, Вотчинной конторы и ратуши. Нарушеніе этого порядка допускалось лишь для докладовъ по весьма спѣшнымъ дѣламъ [170]).

**) Въ августѣ 1737 года Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе: «...къ подачю (въ Сенатъ) челобитныхъ назначить въ недѣлю два дня, понедѣльникъ и четвертокъ, и по опредѣленія впредь ректмейстера принимать и разсматривать оныя челобитныя въ Сенатѣ оберъ-секретарямъ, и которыя будутъ подлежать къ рѣшенію до Сената, тѣ оставлять, а не подлежащія отдавать челобитчикамъ,... и для того никому изъ челобитчиковъ сенаторамъ челобитенъ на пути и въ Сенатѣ, мимо оныхъ оберъ-секретарей и назначенной для того пріема палаты, не подавать. И о томъ для всенароднаго извѣстія выставить при Сенатѣ, наклея на доску, публичный листъ» [171]).

***) Само собою разумѣется, что собранію приходилось нѣкоторые доклады, прежде обсужденія ихъ, направлять въ канцелярію Сената для выписокъ, справокъ и, вообще подготовленія къ слушанію.

****) О формѣ этихъ актовъ см. ниже.

для подписанія къ тайному совѣтнику и кавалеру графу Платону Ивановичу Мусину-Пушкину протоколы и журналы, которые, выслушавъ, подписать изволилъ, но токмо не подписалъ дву журналовъ по Рекетмейстерской конторѣ по дѣлу (такому-то), для того, что его сіятельство того дѣла еще слушать не изволилъ". Сенатъ приказалъ: „оное дѣло къ нему, тайному совѣтнику, для слушанія послать съ секретаремъ, у котораго оное имѣется". Протоколы по именнымъ указамъ и по сообщеніямъ Кабинета подписывались вслѣдъ за подписью журнала и даже ранѣе. Порядокъ этотъ установленъ былъ въ 1737 году, опредѣленіемъ Сената 1-го іюля: „...когда получены будутъ въ Сенатѣ именные ея императорскаго величества указы и господъ кабинетъ-министровъ сообщенія, то секретарямъ немедленно сочинять протоколы, и когда журналъ подписанъ будетъ, то того жъ часа и протоколы къ подписанію предлагать; а о нужныхъ дѣлахъ — и прежде подписанія журнала" [174]).

Постановленія Сената направлялись въ учрежденія и къ должностнымъ лицамъ для исполненія, также „для вѣдома", въ формѣ указа („указа его величества, императора и самодержца всероссійскаго, изъ правительствующаго Сената") или вѣдѣнія (въ Сенатскую контору и въ Синодъ), за подписью оберъ-секретаря и секретаря [175]). О полученіи сенатскихъ указовъ и „о дѣйствительномъ исполненіи" по нимъ учрежденія и лица увѣдомляли Сенатъ рапортами или допошеніями [176]) *).

Въ засѣданіяхъ Сената, кромѣ сенаторовъ, принимали участіе: генералъ-прокуроръ и его помощникъ - оберъ-прокуроръ, оберъ-секретари и секретари, члены государственныхъ учрежденій и другія должностныя лица.

Генералъ-прокуроръ, - а за его отсутствіемъ - оберъ-прокуроръ [178]),—присутствовалъ въ собраніяхъ въ качествѣ блюстителя закона вообще и правилъ дѣлопроизводства въ частности. Свои по тому или другому дѣлу „предложенія" Сенату онъ излагалъ или словесно (преимущественно), или письменно. Для примѣра, сверхъ помѣщенныхъ выше, приводимъ слѣдующее письменное, отъ 20-го октября 1741 года, „правительствующему Сенату предложеніе" кн. Трубецкаго за его подписью и подписью оберъ-прокурора, Брылкина. „Изъ приложенныхъ при семъ присланныхъ въ правительствующій Сенатъ изъ Орловской провинціальной канцеляріи отъ воеводы князъ-коммиссара Хитрова и товарища его капитана Дурова, такожъ отъ обрѣтающагося въ той провинціи у сбора подушныхъ денегъ маіора Хлопова и отъ сек-

*) Сенатъ, кромѣ собственныхъ указовъ, разсылалъ и публиковалъ указы именные и «указы о непорицаніи» (о чемъ сообщено выше), а также, вслѣдствіе высочайшихъ повелѣній, выдавалъ лицамъ, пожалованнымъ недвижимостью, «указы для владѣнія», «данныя» и «жалованныя грамоты», за подписью всѣхъ сенаторовъ, оберъ-секретаря и секретаря и за «его императорскаго величества печатью» [177]).

ретаря Лунина доношеній и рапорта правительствующій Сенатъ усмотрѣть изволитъ, какіе въ той Орловской провинціи, вмѣсто настоящаго по указамъ его императорскаго величества дѣлъ исправленія, непорядки происходятъ и къ правленію къ той провинціи секретарской должности опредѣленъ, чрезъ проискъ, бывшій въ Генеральномъ военномъ походномъ коммиссаріатѣ канцеляристъ Алексѣй Селеховъ, а опредѣленный въ ту провинцію отъ правительствующаго Сената секретарь Лунинъ, яко бы за неспособностію и прочими невозможностьми отъ дѣлъ отрѣшенъ; а вышепомянутый Селеховъ еще въ бытность генерала-прокурора при арміи генераломъ-кригсъ коммиссаромъ чрезъ многократныя посылки и уже по указу изъ Сенатской конторы присланъ былъ въ походный коммиссаріатъ изъ Москвы подъ карауломъ, а во отсутствіе его, генерала-прокурора, сюда, отбывая отъ коммиссаріата, просилъ, яко бы за старостію и что глазами мало видитъ и писать мало умѣетъ, объ отставкѣ, по которому прошенію въ нынѣшнемъ 1741 году, по опредѣленію генерала-лейтенанта и генерала-кригсъ-коммиссара господина Бутурлина, и отставленъ. И когда оный Селеховъ самъ прошеніемъ объявлялъ, что въ коммиссаріатѣ не токмо дѣлъ исправлять, но и писать мало умѣетъ, то какъ оный можетъ въ провинціи секретарскую должность править; къ тому жъ бытности его у прихода и расхода денежной казны понынѣ не сочтень, да сверхъ того еще и въ продерзостныхъ словахъ явился, за что и арестованъ, о чемъ изъ той провинціи представлено въ Тайную контору, токмо, не обождавъ оттуда резолюціи, воеводою Хитровымъ отъ ареста свобожденъ и къ дѣламъ опредѣленъ, въ противность указамъ, ибо хотя бъ онъ никакого подозрѣнія не имѣлъ и въ приходѣ и въ расходѣ денежной казны сочтенъ бы былъ и въ дѣлахъ бы былъ исправенъ и къ произвожденію достоинъ, но и тогда бъ онаго прежде надлежало прислать въ Сенатъ, ибо по именному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны прошлаго 1737 года октября 24-го дня указу, въ губерніи и провинціи изъ тамошнихъ городовыхъ подьячихъ въ секретари производить накрѣпчайше запрещено, а повелѣно производить изъ сенатскихъ, синодскихъ и коллежскихъ канцелярістовъ, а на ихъ мѣста брать изъ городовъ лучшихъ подьячихъ; а оный Селеховъ, какъ выше объявлено, по прошенію его отъ дѣлъ за неспособностьми уже отставленъ былъ, а нынѣ, проискомъ своимъ, вступилъ въ Орловской провинціальной канцеляріи къ правленію секретарской должности, отъ котораго въ правленіи дѣлъ какіе порядки быть имѣютъ, развѣ что плутни, какъ означеннымъ именнымъ ея императорскаго величества указомъ о такихъ городовыхъ подьячихъ точно изображено; того ради правительствующему Сенату чрезъ сіе предлагается, дабы соблаговолено было означенному воеводѣ Хитрову и подьячему Селехову и прочимъ, кто виновенъ найдется, за такіе непорядки (о коихъ

ясно правительствующій Сенатъ соизволитъ усмотрѣть изъ приложенныхъ при семъ доношеній), по надлежащемъ изслѣдованіи, буде кто изъ нихъ подлинно такъ винны явятся, учинить по его императорскаго величества указамъ, а помянутаго Селехова, яко ко исправленію секретарской должности недостойнаго, для лучшаго свидѣтельства выслать въ Сенатъ за карауломъ". Сенатъ (въ засѣданіи 22-го октября), по этому предложенію и по приложеннымъ къ нему документамъ, усматривая, „что помянутый воевода Хитровъ одинъ безъ товарища представлялъ въ Сенатскую контору, яко бы оный секретарь Лупинъ за старостію и болѣзнію дѣлъ править не можетъ, и чтобъ вмѣсто его къ секретарской должности опредѣлить канцеляриста Алексѣя Селехова, который за подозрительныя слова содержался подъ карауломъ, о чемъ на посланное въ Тайную контору доношеніе указа не получено, такожъ въ приходѣ и въ расходѣ многой денежной суммы не сочтенъ, къ тому жъ онъ, Селеховъ, еще въ бытность у дѣлъ въ Генеральномъ военномъ походномъ коммиссаріатѣ просилъ за старостію и что глазами мало видитъ и писать мало умѣетъ объ отставкѣ, за которыми неспособностьми и отставленъ, и за такимъ подозрѣніемъ къ секретарской должности его, Селехова, допускать не надлежало, какъ и помянутый воеводскій товарищъ Дурновъ (sic) доношеніемъ представляетъ, что онъ за означенными его, Селехова, подозрѣніи въ правленіи дѣлъ имѣетъ опасеніе; а секретарь Лупинъ пишетъ, что онъ старости и болѣзни не имѣетъ и оный воевода писалъ на него по злобѣ напрасно,—приказалъ: помянутаго Селехова, за означенными подозрѣніями, отъ секретарской должности немедленно отрѣшить, а въ произведеніи бытности его у прихода и расхода денежной суммы счетовъ учинить съ нимъ по указамъ безъ упущенія, а о подозрительныхъ его словахъ ожидать указа изъ Тайной конторы и до полученія онаго держать его, Селехова, подъ карауломъ попрежнему; а секретаря Лупина, по посланному изъ Сенатской конторы указу, Бѣлогородской губернской канцеляріи освидѣтельствовать, и ежели секретарскую должность править можетъ, то опредѣлить до указа попрежнему къ дѣламъ въ ту Орловскую провинціальную канцелярію; а для чего помянутый воевода Хитровъ объ отрѣшеніи его, Лупина, и о опредѣленіи вмѣсто его къ секретарской должности помянутаго подозрительнаго Селехова въ Сенатскую контору представлялъ и, вѣдая такія его, Селехова, подозрѣнія, къ секретарской должности допускалъ, о томъ оной же Бѣлогородской губернской канцеляріи изслѣдовать и за то какому штрафу оный воевода принадлежитъ, о томъ представить въ Сенатъ со мнѣніемъ. И о томъ въ Бѣлогородскую губернскую и въ Орловскую провинціальную канцеляріи послать указы, а въ Сенатскую контору сообщить вѣдѣніе" [179]).

При слушаніи журналовъ и протоколовъ генералъ-прокуроръ, находя необходимымъ сдѣлать въ нихъ какія-либо измѣненія или дополненія, предлагалъ о томъ собранію, въ такой формѣ: „не изволитъ-ли

правительствующій Сенатъ приказать сверхъ того журнала приполнить, чтобъ". . или—„не разсуждено-ль будетъ въ тотъ протоколъ приполнить"... Журналы и протоколы, подписанные въ отсутствіе генералъ-прокурора, всетаки имъ просматривались [180]). Если генералъ-прокуроръ находилъ въ рѣшеніи Сената неправильность или неполноту, то предлагалъ ему обсудить дѣло вновь. Въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда возникшій вопросъ требовалъ немедленнаго разрѣшенія, генералъ-прокуроръ, не дожидаясь собранія Сената, постановлялъ по этому вопросу резолюцію и приводилъ ее въ исполненіе, а потомъ уже сообщалъ о своихъ дѣйствіяхъ Сенату. Такъ 6-го іюня 1740 года кн. Трубецкой „словесно представлялъ (сенаторамъ), что получилъ онъ извѣстіе о великомъ наводненіи рѣки Днѣпра, отъ котораго имѣющійся въ кіевскихъ магазейнахъ провіантъ много помочило, и о томъ, чтобъ въ разобраніи онаго и въ высушкѣ помоченаго, такожъ и въ строеніи магазейновъ чинено было генералу-провіантмейстеру Кречетникову всякое вспоможеніе писано, и требовалъ, дабы о томъ же къ нему подтверждено было изъ правительствующаго Сената". Послѣдній приказалъ: „Въ разобраніи и въ сушеніи онаго подмоклаго провіанта и въ строеніи магазейновъ по сообщенію отъ генерала-прокурора чинить имъ, генералу-лейтенанту (Леонтьеву, и. д. кіевскаго губернатора) вышеобъявленному генералу-провіантмейстеру Кречетникову всякое вспоможеніе, имѣя въ томъ, яко о самонужнѣйшемъ ея императорскаго величества интересѣ, прилежное попеченіе, дабы тому подмоклому провіанту большей траты учинить не могло, а паче отъ нескораго разбора весь не погнилъ и отъ того вящшаго казеннаго убытка не послѣдовало". Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Трубецкой, въ царствованіе Анны, передавалъ сенаторамъ для исполненія полученныя имъ лично высочайшія повелѣнія Сенату по различнымъ дѣламъ, а также вносилъ въ Кабинетъ нѣкоторые сенатскіе приговоры [181]).—Всѣ предложенія генералъ-прокурора и словесныя высочайшія повелѣнія, сообщенныя имъ Сенату, записывались въ особую книгу, въ которую вносилось также и то, что „по онымъ (Сенатомъ) учинить опредѣлено". Запись въ этой книгѣ начинается 7-мъ числомъ мая 1740 года (со времени вступленія кн. Трубецкаго въ должность генералъ-прокурора) и непрерывно идетъ по 7-е октября того же года, а затѣмъ снова начинается съ января 1742, т. е. уже въ царствованіе Елизаветы [182]).

Оберъ-секретари и секретари участвовали въ собраніяхъ Сената преимущественно въ качествѣ докладчиковъ. Обыкновенно докладывали собранію секретари, каждый по дѣламъ своей части, экспедиціи; иногда же, по вопросамъ болѣе важнымъ и сложнымъ,—и оберъ-секретари. Сверхъ того, оберъ-секретари и секретари слѣдили за веденіемъ журналовъ и протоколовъ, читали ихъ собранію и подносили къ подписи [183]).

Герольдмейстеръ и генералъ-рекетмейстеръ являлись въ собраніе Сената для доклада по дѣламъ своего вѣдѣнія [184]).

Члены государственныхъ учрежденій (Синода, коллегій, канцелярій) и другія должностныя лица приглашаемы были въ нѣкоторыя собранія Сената или для общаго съ сенаторами обсужденія дѣлъ, или же для личныхъ докладовъ и объясненій *). Вызывались они сюда какъ вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, такъ и по усмотрѣнію Сената. Члены государственныхъ установленій, участвуя (иногда въ полномъ составѣ) въ обсужденіи дѣлъ „обще съ правительствующимъ Сенатомъ", закрѣпляли приговоры по этимъ дѣламъ своею подписью, наряду съ сенаторами [185]).

Подготовительныя работы и вся письменная часть по входившимъ въ Сенатъ дѣламъ сосредоточивались въ сенатской канцеляріи, личный составъ которой описанъ выше.

Канцелярія эта состояла „въ дирекціи" генералъ-прокурора и оберъ-прокурора и подъ ближайшимъ наблюденіемъ оберъ-секретарей. Дѣла въ ней распредѣлялись по „экспедиціямъ", изъ которыхъ каждая находилась въ вѣдѣніи секретаря и раздѣлялась на повытья, состоявшія изъ повытчика (канцеляриста или подканцеляриста) и копіистовъ и имѣвшія на рукахъ извѣстнаго рода дѣла **) [186]).

Роль генералъ-прокурора, какъ начальника сенатской канцеляріи, уже отчасти указана въ описаніи состава Сената. Онъ представлялъ сенаторамъ о замѣщеніи канцелярскихъ должностей, наблюдалъ за выдачею жалованья, слѣдилъ за исполненіемъ приказными своихъ обязанностей, принимая мѣры въ случаѣ неисправности служащихъ, и вообще дѣйствовалъ какъ блюститель порядка въ канцеляріи. Сверхъ того, онъ принималъ отъ лицъ, дѣла которыхъ производились въ Сенатѣ, заявленія о неточности сдѣланныхъ въ сенатской канцеляріи по ихъ дѣламъ выписокъ [187]).

Обязанности оберъ-секретарей заключались въ руководствѣ работами канцеляріи, въ наблюденіи за этими работами и въ провѣркѣ и скрѣпленіи документовъ (журналовъ, протоколовъ, исходящихъ).

---

*) По выраженію сенатскихъ документовъ, лица, являвшіяся въ Сенатъ для доклада и объясненій, «допускались», «впускались» въ собраніе.

**) О распредѣленіи дѣлъ по экспедиціямъ и повытьямъ видно изъ слѣдующей сенатской журнальной записки 5-го февраля 1741 года: «При закрѣпѣ протокола о пожалованіи секретаря (Сената) Красовскаго въ ассесоры, приказали: на мѣсто онаго Красовскаго секретаря, выбравъ оберъ-секретарямъ, представить впредь, а экспедицію его на время правленіемъ поручить повытье канцеляриста Василія Леонтьева и съ секретными дѣлами — секретарю Михаилу Новоторжцову, а повытье жъ по Коммерцъ коллегіи и съ принадлежащими ко оному дѣлами—секретарю Аврааму Навроцкому; и о томъ имъ объявить».

Вотъ факты, уясняющіе характеръ ихъ занятій. Въ январѣ 1740 года собранію Сената „докладывали оберъ-секретари, что они учиненный въ Сенатѣ реестръ именнымъ ея императорскаго величества указамъ и сообщеніямъ съ 1730 по 1739 годъ, по которымъ надлежащимъ дѣйствомъ не исполнено, разсматривали и какія по тѣмъ ея императорскаго величества указамъ надлежитъ откуда собрать справки или учинить выписки и въ подтвержденіе послать указы, о томъ они на оном реестрѣ своими руками размѣтили, и по оным ихъ размѣткамъ повелѣно-ль будетъ чинить исполненіе?“ Сенатъ приказалъ: „по оным ихъ, оберъ-секретарскимъ, размѣткамъ исполненіе чинить немедленно, и о томъ всѣмъ секретарямъ и прочимъ служителямъ, у кого тѣ дѣла во отправленіи имѣются, подтвердить съ запискою“. — Въ томъ же мѣсяцѣ оберъ-секретарь Демидовъ докладывалъ собранію, „что, по приговору правительствующаго Сената, въ Кабинетъ ея императорскаго величества подано было сообщеніе, которымъ представлено, чтобъ обрѣтающемуся въ городѣхъ купечеству къ отдачѣ въ рекруты въ покупкѣ крестьянъ позволить; при томъ же было представлено, чтобъ дворцовыхъ, синодальныхъ, монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ крестьянамъ въ покупкѣ для отдачи въ рекруты позволенія не давать, съ которымъ представленіемъ и Кабинетъ ея императорскаго величества согласился и въ Сенатъ съ резолюціею то сообщеніе возвращено и по оному о позволеніи купечеству и приговоръ подписанъ, точію о непокупкѣ крестьянамъ умолчено“. Сенатъ приказалъ: „о томъ въ посылаемыхъ указѣхъ дополнить“ [188]).

„Должность“ секретарей Сената, какъ и секретарей всѣхъ вообще государственныхъ учрежденій, „требовала: выписку осмотрѣть, порядочно-ль сдѣлана, во всемъ-ли исправна, всѣ-ль приличные указы выписаны, не имѣется-ль какихъ къ рѣшенію недостатковъ, и потомъ, все исправя, докладывать присутствующимъ и, принявъ приказъ, сочинить журналъ (и) протоколъ, и все то дѣло окончаніемъ произвесть, а при случаѣ, по силѣ указовъ, пристойнымъ образомъ, и представленіе чинить“. — Въ случаѣ недостатка въ экспедиціи подьячихъ, а также неспособности кого-либо изъ нихъ, секретари, непосредственно или черезъ оберъ-секретаря, представляли о томъ собранію, прося объ „удовольствіи (ихъ) подьячими“. — Наблюдая за формальною стороною актовъ, они, при невозможности сдѣлать въ нихъ поправку своею властью, могли докладывать и докладывали о такой поправкѣ прямо Сенату. Такъ въ январѣ 1740 года секретарь Дашиловъ докладывалъ собранію, „что по разсужденію правительствующаго Сената, велѣно доношеніе отъ судоваго строенія при Покорѣцкой пристани, которымъ требуютъ указа Воронежскаго гарнизона Елецкаго полка о капитанѣ Зуевѣ да отъ флота лейтенантѣ Кривцовѣ, что между ими отъ Зуева произошли продерзостныя слова, — отослать въ Адмиралтейскую коллегію; а въ журналѣ правительствующаго Сената декабря

19-го дня прошлаго 1739 года названы тѣ слова „непристойными“; того ради не соизволитъ-ли правительствующій Сенатъ приказать, въ посылаемомъ изъ Сената указѣ, вмѣсто той рѣчи, что написано „непристойныя слова“, написать „продерзостныя“. Сенатъ приказалъ: „оныя слова въ посылаемомъ въ Адмиралтейскую коллегію указѣ написать „продерзостными“.

Состоявшіе подъ вѣдѣніемъ секретарей чины занимались: канцеляристы и подканцеляристы—„сочиненіемъ выписокъ и собраніемъ справокъ“, копіисты—перепискою [189]).

Занятія прочихъ чиновъ сенатской канцеляріи: регистратора, протоколистовъ и приходо-расходчика, кромѣ занятій послѣдняго, не требуютъ особаго описанія. Приходо-расходчикъ состоялъ „у прихода и расхода денежной казны и (канцелярскихъ) матеріаловъ“. Назначался онъ оберъ-секретарями „погодно“ изъ числа сенатскихъ канцеляристовъ, „по удостоинству“ секретарей, и находился „подъ смотрѣніемъ“ сенатскаго секретаря, избиравшагося для этого на тотъ же годовой срокъ. Деньги и матеріалы онъ принималъ и выдавалъ по особымъ на каждый разъ формальнымъ приказамъ канцеляріи Сената или генералъ-прокурора, записывая приходъ и расходъ въ особыя книги. По истеченіи года приходо-расходчикъ, представивъ отчетъ о своей дѣятельности, сдавалъ наличную денежную казну и матеріалы своему преемнику *) [190]).

Остается сказать о процессѣ и о формальной сторонѣ занятій сенатской канцеляріи.

---

*) Не излишне привести свѣдѣніе о порядкѣ заготовленія и о расходованіи въ Сенатѣ (въ его канцеляріи и въ состоявшихъ при немъ учрежденіяхъ) канцелярскихъ принадлежностей. Покупка ихъ производилась на весь годъ, при чемъ количество матеріаловъ опредѣлялось «по примѣру» прошедшихъ лѣтъ. На 1739 годъ было куплено: «бумаги книжной россійской, 2-го и 3-го №№, 70 стопъ, расхожей, 4-го №, 509 стопъ, нѣмецкой 72 стопы; сургучу 1 пудъ 35 фунтовъ; свѣчъ маканыхъ 9 пудовъ 30 фунтовъ, литыхъ 110 пудовъ 10 фунтовъ» Сверхъ того, въ этомъ году было поставлено чернилъ 19 ведеръ. Всѣ эти матеріалы, за исключеніемъ 6 стопъ нѣмецкой бумаги, въ теченіи года были израсходованы. Въ началѣ января слѣдующаго года данъ былъ приказъ, за подписью оберъ-секретарей: По экстракту (представленному новоопредѣленными къ приходу и расходу секретаремъ и канцеляристомъ), на 1740 годъ купить: «бумаги нѣмецкой 70, книжной россійской, 2-го и 3-го №№, 70, расхожей, 4-го №, 500, картузной на конверты 3 стопы; сургучу хорошаго $^1/_2$ пуда, расхожаго 1 пудъ; свѣчъ маканыхъ 10, литыхъ 100 пудовъ; нитокъ суровыхъ 2 пуда, иголъ 100, связокъ 1 пудъ, перья тысячу;—все вдругъ; чернилъ подрядить ставить на весь годъ. И которые матеріалы надлежитъ купить, кромѣ тѣхъ, что принимается изъ казенныхъ, оные покупать съ надлежащимъ свидѣтельствомъ при опредѣленномъ къ тому расходу секретарѣ, усматривая цѣною безъ передачи, и купленные записывать въ приходъ именно; и содержать всѣ тѣ матеріалы въ одномъ мѣстѣ, за печатью того секретаря и расходчика; и сколько у кого куплено будетъ для выдачи денегъ предлагать съ купецкими подписками и съ свидѣтельствы указы, по которымъ надлежитъ заплату производить; а въ рас-

Входившія въ Сенатъ дѣловыя бумаги, послѣ отмѣтки на нихъ о времени полученія, записывались во входящую книгу, а затѣмъ поступали къ „слушанію“. Время слушанія также отмѣчалось на самыхъ бумагахъ [191]). Получавшіеся Сенатомъ именные указы собирались въ особую „указную книгу“, „отдѣланную золотомъ“. Указамъ этимъ и сообщеніямъ изъ Кабинета составлялся „реестръ“, въ такой формѣ: въ 1-й графѣ — номера въ послѣдовательномъ порядкѣ, во 2-й — время полученія въ Сенатѣ указа или сообщенія, въ 3-й — содержаніе этихъ документовъ, въ 4-й — „когда (по полученнымъ указамъ и сообщеніямъ) журналъ и приговоръ подписанъ, а указы (Сената) посланы“ и въ 5-й — экспедиціи, въ которыя отданы полученные именные указы и кабинетскія сообщенія [192]).—Если требовалось, поступавшія къ слушанію бумаги обращались собраніемъ Сената въ канцелярію для выписокъ, справокъ и для другихъ подготовительныхъ работъ. Выписки дѣлались изъ Уложенія, указовъ, приговоровъ, производствъ, и, по дѣламъ частнымъ, „высматривались“ и подписывались участвовавшими въ дѣлѣ лицами [193]). Справки (дополнительныя свѣдѣнія наводились какъ въ производствахъ Сената, такъ и въ дѣлахъ центральныхъ и другихъ государственныхъ учрежденій. Въ послѣднемъ случаѣ о доставленіи требовавшагося свѣдѣнія посылались въ присутственныя мѣста: или указъ Сената, или „вѣдѣніе“ отъ лица сенатской канцеляріи, или же, наконецъ, простая, за подписомъ секретаря, записка.

ходъ оные употреблять въ сенатской канцеляріи и по конторамъ, и по прошествіи года въ счетахъ поступать по опредѣленію бывшаго въ правительствующемъ Сенатѣ оберъ-прокурора господина Соймонова прошлаго 1738 года іюня 2-го дня, безъ всякаго упущенія, подъ опасеніемъ взысканія всего того, что упущено или утрачено будетъ на тѣхъ секретаряхъ, кто въ которомъ году смотрѣніе имѣлъ. Что же требуется къ регистратурѣ: ящиковъ трои, ножницъ большихъ двои, холста на обертки 100 аршинъ, къ сочиненію генеральнаго о числѣ мужеска пола душъ алфавита: 2 сундука, шандалъ мѣдный, 2 деревянныхъ, чернильница оловянная, стулъ, обитъ кожею, -и оное, буде наличнаго при сенатской канцеляріи нѣтъ, купить же настоящими цѣнами, безъ передачи, и раздать кому надлежитъ съ росписками, а холстъ содержать съ прочими матеріалами въ сохраненіи и употреблять въ расходъ сколько на что понадобится, съ запискою А сколько какихъ матеріаловъ, а именно: чернильницъ шандаловъ, ящиковъ, колокольчиковъ серебряныхъ и мѣдныхъ, такожъ шандаловъ же желѣзныхъ и деревянныхъ, стулья, столовъ, суконъ и прочихъ сенатскихъ всѣхъ уборовъ по 1737 годъ было на лицо и съ того года сколько чего куплено и кому куда роздано, и все-ль оное нынѣ въ цѣлости и на лицо, о томъ нынѣ опредѣленному къ смотрѣнію прихода и расхода секретарю, забравъ отъ прежнихъ расходчиковъ и надзирающихъ надъ ними секретарей вѣдомости, сочинить обстоятельный реестръ съ подлинными очистками и, по оному наличное пересмотря и подписавъ тотъ реестръ своею рукою, предложить немедленно;... а бывшему въ прошломъ году секретарю особливо подать вѣдомость же: о всѣхъ-ли канцелярскихъ матеріалахъ, что куда роздано, въ расходахъ освидѣтельствовано и нѣтъ-ли какой неисправности или упущенія; а о приходѣ жъ и расходѣ денегъ прошлаго 1739 года ежели счеты понынѣ еще не окончены и въ ревизію не отосланы, оные, окончивъ, отослать немедленно жъ и, по отсылкѣ, отрапортовать».

съ требованіемъ „подписать“ на ней отвѣтъ [194]). По нѣкоторымъ судебнымъ дѣламъ канцелярія Сената, вслѣдствіе распоряженія сенаторовъ, производила прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ допросы, иногда—по „вопроснымъ пунктамъ“, которые предварительно вносились въ собраніе „на апробацію“. Послѣ допроса эти пункты просматривались и подписывались допрошенными [195]) *). По дѣламъ болѣе сложнымъ канцелярія, вслѣдствіе приказа собранія, составляла экстракты [197]). Послѣ доклада, приговоры Сената, какъ сообщено выше, заносились въ журналъ и протоколъ. Журналы велись въ такой формѣ: въ началѣ—годъ, мѣсяцъ и число засѣданія и списокъ засѣдавшихъ (сенаторовъ, генералъ-прокурора, членовъ государственныхъ учрежденій), съ обозначеніемъ времени (часа) прибытія каждаго изъ нихъ; затѣмъ—содержаніе докладовъ и резолюцій по нимъ собранія, съ отмѣткой въ особыхъ графахъ, когда по приговорамъ крѣплены протоколы и посланы указы; въ заключеніи—отмѣтки: а) о числѣ слушанныхъ, апробованныхъ и подписанныхъ въ засѣданіе протоколовъ, журналовъ, всеподданнѣйшихъ докладовъ и другихъ актовъ и б) о времени выхода присутствовавшихъ и списокъ не бывшихъ въ собраніи членовъ. Опредѣленія Сената записывались въ журналъ въ слѣдующей, краткой и простой, формѣ: „По именному его императорскаго величества указу“, или: „по доношенію“, „по челобитью“ (такому-то), (Сенатъ) „приказалъ“ (излагалась резолюція) [198]). Протоколы составлялись такъ: „По именному его императорскаго величества указу“, или: „По резолюціи Кабинета его императорскаго величества“, „правительствующій Сенатъ, во исполненіе онаго, приказалъ“ (слѣдовало опредѣленіе); или: „По указу его императорскаго величества правительствующій Сенатъ по докладу“, „по челобитной“ (такимъ-то) приказалъ...; или: „По указу его императорскаго величества правительствующій Сенатъ имѣли разсужденіе, что... того ради приказали“... Въ окончаніи—число, мѣсяцъ и годъ [199]).

О формѣ исходящихъ: указовъ, вѣдѣній (въ Сенатскую контору и въ Синодъ), рапортовъ, доношеній и докладовъ на высочайшее имя и рапортовъ, доношеній и сообщеній въ Кабинетъ,—уже сказано выше (въ настоящей и въ предъидущей статьяхъ); слѣдуетъ добавить

*) Вотъ кстати свѣдѣнія о положеніи содержавшихся при Сенатѣ подсудимыхъ и вообще «колодниковъ». Находились они подъ надзоромъ сенатскаго прапорщика и солдатъ. Неимѣвшіе «своего пропитанія» получали отъ Сената «кормовыя деньги», по 2 копѣйки въ день каждый. Для выраженія своихъ просьбъ они допускались въ собраніе Сената. Такъ 16-го января 1740 года секретарь Лунинъ докладывалъ собранію, «что содержащіеся при Сенатѣ подъ карауломъ колодники—подьячій Максимъ Стерлеговъ да князя Горчакова человѣкъ Ординовскій просятъ, чтобъ ихъ допустить предъ собраніе, которые были и допущены и спрашиваны, для чего они просили, чтобъ ихъ допустить предъ собраніе, на что они объявили, что просили о томъ для прошенія о рѣшеніи по показаніямъ ихъ дѣлъ, и на оное имъ отъ правительствующаго Сената объявлено, что рѣшеніе по ихъ дѣламъ учинено будетъ» [196]).

только, что сообщенія въ Кабинетъ подписывались всѣми сенаторами, оберъ-секретаремъ и секретаремъ.—Указы и вѣдѣнія Сената записывались въ сенатской канцеляріи въ книгу съ заголовкомъ „Книга записная исходящимъ указамъ, въ которую вносятся исполненія“. Запись въ ней велась такъ: на лѣвой страницѣ: въ 1-й графѣ - отмѣтка „которыхъ чиселъ крѣплены протоколы“, во 2-й—содержаніе указовъ и вѣдѣній, въ 3-й „которыхъ чиселъ крѣплены указы“ (и вѣдѣнія), въ 4-й—№№ исходящихъ, въ 5-й—„званіе мѣстамъ, куда посланы указы“ (и вѣдѣнія), въ 6-й—время отсылки, въ 7-й—„съ кѣмъ указы (и вѣдѣнія) посланы или на почтѣ отправлены“, въ 8-й—„о рапортованіи, поверстный и указный сроки“, въ 9-й—„къ которыхъ числѣхъ о полученіи рапортовано“ и въ 10-й—„какія понужденія о исполненіи были и которыхъ чиселъ“; на правой страницѣ—продолженіе: въ 1-й графѣ - „за чѣмъ не исполнено“ и во 2-й - „исполнено“. Содержаніе рапортовъ, доношеній и сообщеній въ Кабинетъ заносилось также въ особую книгу, съ отмѣтками: „котораго числа и кѣмъ поданы“ и „котораго числа возвращены“ [200]).

Оконченныя производствомъ дѣла сдавались въ сенатскій архивъ, и здѣсь составлялась имъ „генеральная опись“ [201]).

СВЯТѢЙШІЙ СИНОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Причины уничтоженія патріаршества и учрежденія соборнаго духовнаго правительства. — Внѣшняя исторія Духовнаго регламента. —Первое засѣданіе Синода. —Мѣсто его между другими органами управленія. —Организація синодскаго управленія: конторы, оберъ-прокуроръ.—Перемѣны въ Синодѣ до 1740 г.

Царствованіе Петра Великаго было временемъ усиленной и спѣшной преобразовательной работы. Старое зданіе государственнаго управленія подверглось коренному переустройству: прежнія формы управленія уничтожались и замѣнялись новыми, съ иной организаціей. Преобразовательная работа коснулась и духовнаго чина, въ которомъ было „многое нестроеніе и великая въ дѣлахъ скудость", такъ что преобразователь, посмотря на него, „не суетный на совѣсти своей возымѣлъ страхъ". До сихъ поръ высшая власть надъ духовными дѣлами сосредоточивалась въ одномъ лицѣ патріарха, который былъ самостоятельнымъ властелиномъ въ духовной области и „ни отъ кого указовъ не получалъ". Духовная область была какъ бы особымъ государствомъ въ государствѣ, съ монархомъ — патріархомъ во главѣ. Такимъ образомъ, патріархъ, по самой сущности своей власти, былъ уже анахронизмомъ въ новомъ государствѣ Петра I, которое обязывало все живущее въ немъ служить ему и повиноваться одной его верховной власти. Понятно, что патріархъ по этому самому, не могъ быть по мысли преобразователю. Имѣя рядомъ съ собою такого мощнаго сосѣда, „равносильнаго монарху, или больше его", Петръ Великій естественно могъ опасаться за цѣлость и спокойствіе своего молодаго государства, на благоустройство котораго онъ отдалъ всю свою энергію и умъ, и для счастія котораго посвятилъ всего самого себя. „Отъ единаго собственнаго правителя духовнаго можно опасаться отечеству мятежей и смущенія", писалъ Петръ Великій въ Духовномъ регламентѣ: „ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый помышляетъ, что таковый правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что

духовный чинъ есть другое и лучшее государство,—и се самъ собою народъ тако умствовати обыкъ. Что же егда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ? Такъ простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ-либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между ними распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ, и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще убо и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварные человѣцы: тіи бо, на государя своего враждующе, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей и подъ видомъ церковной ревности не сомнятся подносить руки на Христа Господня, и къ тому-жъ беззаконію, яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Что-жъ, когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надмѣнъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ!“ Исчисливъ далѣе нѣсколько примѣровъ мятежей духовной власти противъ свѣтской изъ исторіи греческой и римской, монархъ заключилъ: „да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!“ Въ виду такого опасенія, Петру Великому настояла необходимость отмѣнить изветшавшее патріаршество, покоившееся на основахъ частныхъ привилегій и тѣмъ самымъ не соотвѣтствовавшее государственнымъ идеямъ преобразователя. Съ другой стороны, Петръ Великій не могъ оставить за патріархомъ и управленіе духовными дѣлами, потому что онъ былъ власть единоличная: а „въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, ктому-жъ не наслѣдственная власть, того ради вящше не брегутъ“; вмѣстѣ съ этимъ, „въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію, а когда въ живыхъ не станетъ его, то и паче пресѣцаются дѣла“. Слѣдовательно, чтобы дать духовнымъ дѣламъ правильность и быстроту теченія, преобразователю нужно было устроить управленіе ими на иныхъ основаніяхъ. Принципъ коллегіальности Петръ Великій считалъ „лучшей и совершеннѣйшей“ формой управленія и суда. „Соборнымъ сословіемъ извѣстнѣе взыскуется истина, нежели единымъ лицемъ“, писалъ онъ въ томъ-же Духовномъ регламентѣ: „что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другій, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ,— и тако вещь сумнительная и извѣстнѣе и скорѣе объяснится и какого требуетъ опредѣленія не трудно покажется“. Кромѣ того; и „сила въ опредѣленіи дѣла у соборнаго правительства большая есть, понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ“. Наконецъ: „въ коллегіумѣ не обрѣтается

мѣсто пристрастію, коварству и лихонмному суду. Како бо могутъ сложитися въ заступленіе винной, или во осужденіе невинной стороны, гдѣ аще и будетъ единъ отъ нихъ къ лицу судимому пристрастенъ или яростенъ, обаче другій и третій и прочіе отъ гнѣва и пристрастія того свободны? Како же и мзда одолѣти можетъ, гдѣ не по власти, но по правильнымъ и важнымъ причинамъ дѣло вершится, и единъ другаго, аще благословной мнѣнія своего вины не покажетъ, зазорится, да не познанъ будетъ въ мздопріимствѣ своемъ" [1]).

Такимъ образомъ, неудобство существованія въ государствѣ патріарха, какъ самостоятельнаго и единоличнаго властителя, съ одной стороны, и преимущества коллегіальной власти—съ другой, заставили Петра Великаго установить соборное духовное правительство, или Духовную коллегію. Какъ созданіе монаршей власти, Духовная коллегія стала учрежденіемъ государственнымъ, обязаннымъ признавать надъ собой верховную государственную власть и всецѣло и неукоснительно подчинятся ея волѣ. Вслѣдствіе этого, члены Духовной коллегіи повинны были присягать монарху: „исповѣдую же съ клятвою крайняго судію Духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго". Слѣдовательно, у Духовной коллегіи, какъ было у патріарха, произвольныхъ распоряженій по управленію духовными дѣлами быть не могло. Всѣ ея дѣйствія долженствовали быть только выраженіемъ одной монаршей воли и должны были сообразоваться съ ея указаніями и намѣреніями.

Но прежде, чѣмъ учредить Духовную коллегію, Петръ Великій позаботился сочинить регламентъ, опредѣляющій ея права и обязанности. Кто былъ авторомъ этого акта — съ достовѣрностью сказать трудно Но можно догадываться, что сочинялъ его Ѳеофанъ, епископъ псковскій, потому что онъ, въ соединенномъ засѣданіи Сената и архіереевъ, бывшемъ 24-го февраля 1720 г., представилъ конецъ регламента и оглавленіе къ нему [2]). 1720 г. 23-го февраля, Петръ Великій прислалъ въ Сенатъ уже почти готовый проектъ регламента при слѣдующемъ письмѣ на имя сенатскаго оберъ-секретаря: „по полученіи сего объяви преосвященнымъ архіереомъ и господамъ Сенату, дабы проектъ Духовной коллегіи, при семъ вложенный, завтра выслушали — такъ ли оному быть; а ежели что не такъ покажется, чтобъ ремарки поставили и на каждой ремаркъ экспликацію вины дѣла" [3]). Слѣдуетъ замѣтить, что это письмо указываетъ на характерную черту преобразовательной работы Петра Великаго. Онъ создавалъ Духовную коллегію, руководствуясь неисключительно только своимъ мнѣніемъ и личной волей, но искалъ помощи и совѣта у Сената и преосвященныхъ архіереевъ, повергалъ дѣло своихъ преобразованій на судъ и разсмотрѣніе опытныхъ въ правленіи лицъ. И преосвященные архіереи и господа Сенатъ, 24-го февраля, „присланный проектъ слушали и притомъ, по общему согласію,

въ пунктахъ о мірскихъ особахъ пополнено, а именно — въ пятомъ, шестомъ, седьмомъ и осьмомъ, и о томъ, что приполнено, отмѣчено. А о прочихъ предъявили, что все учинено порядочно; да притомъ же къ оному проекту архіерей псковской предложилъ особое объявленіе, также окончаніе, которое къ тому и выписано“ [1]). Въ тотъ же день объ этомъ доложено было государю, который на другой день писалъ въ Сенатъ: „понеже вчерась отъ насъ же слышалъ, что проектъ о Духовной коллегіи, какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо; того ради надлежитъ архіереомъ и вамъ оной подписать, которой потомъ и я закрѣплю“. Вмѣстѣ съ этимъ, государь указалъ, чрезъ своего кабинетъ-секретаря Макарова, скрѣпить проектъ по листамъ одному сенатору и одному архіерею, а внизу по листамъ подписать оберъ-секретарю. Но этимъ не заканчивалось дѣло регламента. Преобразователь счелъ нужнымъ послать проектъ въ епархіи: „а лучше два (экземпляра) подписать“, писалъ онъ въ концѣ вышеприведеннаго указа,—„и одинъ оставить здѣсь, а другой послать прочимъ архіереомъ“ [3]). Цѣль посылки проекта регламента въ епархіи въ указѣ не объяснена. Быть можетъ, монархъ хотѣлъ, чтобы епархіальныя власти, близко стоящія къ духовной жизни провинціи, сдѣлали свои замѣчанія и пополненія къ проекту, какихъ требовали нужды ея. Другими словами: быть можетъ, государь хотѣлъ привлечь къ участію въ составленіи Духовнаго регламента и провинціальное духовенство. Съ другой стороны, цѣль посылки проекта регламента „для подписи прочимъ архіереомъ“, быть можетъ, ограничивалась только тѣмъ, чтобы добыть однѣ подписи епархіальныхъ властей, имѣя въ виду этимъ способомъ придать регламенту большую силу и значеніе. Та ли, иная ли цѣль была у преобразователя послать въ епархіи проектъ регламента, но только эта посылка состоялась. 9-го марта Сенатъ опредѣлилъ: „съ регламентомъ Духовной коллегіи послать въ Москву подполковника Семена Давыдова нарочно“; а въ епархіи послать указы, чтобы архіереи: ростовскій, суздальскій и коломенскій съ архимандритами и игуменами степенныхъ монастырей ихъ епархій, а также архимандритъ и игуменъ патріаршей рязанской области „были въ Москвѣ мая къ 1-му числу настоящаго года неотложно“. Въ Москву же, для этой же цѣли, велѣно быть кіевскому софійскому намѣстнику съ архимандритами и игуменами; епископамъ астраханскому и вятскому пріѣхать въ Казань... Подполковнику Давыдову предписано было: когда онъ пріѣдетъ въ Москву, то „по отдачѣ посланныхъ съ нимъ изъ Сената златоустовскому архимандриту Антонію и московской губерніи вице-губернатору Воейкову указовъ, обще съ ними, архимандритомъ и вице-губернаторомъ, ему, Давыдову, оной о Духовной коллегіи регламентъ крутицкому и помянутымъ архіереомъ, архимандритомъ и игуменомъ, которые въ Москвѣ случатся, или какъ кто пріѣдетъ, объявя, предложить имъ указомъ царскаго вели-

чества, чтобъ они, выслушавъ оной, подписали руками своими, не ожидая другихъ пріѣзду, дабы въ томъ имъ на Москвѣ замедленія не было... Буде же изъ нихъ которому архіерею за какою болѣзнію быть въ Москвѣ не возможно: то къ нему ради подписанія того регламента златоустовскому архимандриту Антонію и ему, Давыдову, ѣхать самимъ немедленно и велѣть тому подписать по тому жъ, купно съ бывшими тамъ съ нимъ степенныхъ монастырей архимандритами и игуменами. А буде кто подписываться не станетъ, и у того взять на письмѣ за рукою: какой ради причины оной не подписывается, чтобъ о томъ показалъ имянно, и о томъ также, ежели кто и на письмѣ объ томъ ничего не объявитъ, писать ему къ его царскому величеству въ канцелярію Сената чрезъ парочную почту; а не подписавшемуся сказать указомъ его царскаго величества, чтобъ съ Москвы не съѣзжалъ никуда безъ указу“ [6]). Подполковникъ Давыдовъ собралъ на Москвѣ подписи къ регламенту архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ только къ 6-му октября: въ этотъ день послѣдними подписались: „кіевской софійской намѣстникъ съ архимандриты и игумены“ [7]). Изъ Москвы подполковникъ Давыдовъ поѣхалъ въ Казань, гдѣ вмѣстѣ съ архимандритомъ спасскаго, въ Казани, монастыря Іоною Сальникѣевымъ, предлагалъ къ подписанію проектъ регламента епископамъ астраханскому и вятскому съ архимандритами и игуменами степенныхъ ихъ епархій монастырей. Изъ Казани Давыдовъ, съ тѣмъ же архимандритомъ Іоною, поѣхалъ въ Вологду. Въ Петербургъ онъ возвратился въ послѣднихъ числахъ декабря 1720 г. А въ слѣдующемъ году, 3-го января, „царское пресвѣтлое величество указалъ оные проекты переправить противъ прочихъ коллежскихъ какъ пристойно и проектомъ не писать, а писать регламентомъ“. И съ тѣхъ регламентовъ „списавъ копіи и выправя что надлежитъ“, Сенатъ послалъ ихъ къ Ѳеофану, епископу псковскому, „для исправки жъ“ [8]). Этимъ заканчивается дѣло составленія Духовнаго регламента.

Совершивъ главное дѣло по устройству новаго духовнаго правительства, сочинивъ регламентъ, преобразователь тотчасъ приступилъ къ организаціи самаго присутствія. Указомъ отъ 26-го января онъ повелѣлъ быть въ Духовной коллегіи: президентомъ—Стефану митрополиту рязанскому; вице-президентами архіепископамъ Ѳеодосію новгородскому и Ѳеофану псковскому; совѣтниками архимандритамъ—Петру симоновскому, Гавріилу ипацкому, Леониду петровскому, Іерофею донскому, ассессорами: Іоанну протопопу троицкому, Петру іерею петропавловскому, греческому черному священнику Анастасу Кондоиди. Въ послѣдствіи самими членами коллегіи избранъ былъ четвертымъ ассессоромъ и оберъ-секретаремъ іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ [9]). Для помѣщенія Духовной коллегіи отданъ былъ домъ покойнаго генералъ-лейтенанта Романа Вилимовича Брюса. 14-го февраля 1721 г., „по молебномъ пѣніи въ Троицкомъ соборѣ“, состоялось первое за-

сѣданіе „правительствующей Духовной коллегіи, при которомъ изволилъ присутствовать царское пресвѣтлое величество“ [10]). Это былъ день, въ который окончательно пало ветхое и отжившее свой вѣкъ патріаршество и на развалинахъ его возникло соборное духовное правительство, нареченное въ тотъ же день „святѣйшимъ правительствующимъ Синодомъ“.

Какое-же Петръ В. отводилъ Синоду мѣсто въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій? Былъ ли Синодъ органомъ второстепеннымъ, какъ всѣ коллегіи, или по своимъ полномочіямъ былъ равенъ Сенату, разумѣется, въ порученной ему области? Отвѣтить на этотъ вопросъ задача трудная. Одни источники несомнѣнно указываютъ на то, что Синодъ имѣлъ честь и силу въ духовныхъ дѣлахъ такую же, какую Сенатъ имѣлъ въ дѣлахъ гражданскихъ, то-есть въ свѣтскомъ правленіи. Слѣдовательно, Синодъ обладалъ равенствомъ съ Сенатомъ по своимъ полномочіямъ, былъ органомъ, не подчиненнымъ ни кому другому, кромѣ воли одного монарха. Другіе же источники таковы, по которымъ можно заключать, что Синодъ имѣлъ полномочія не бо̀льшія коллежскихъ полномочій, и что онъ если не былъ въ прямомъ, гласномъ подчиненіи Сенату, то находился въ косвенной зависимости отъ него, и что Сенатъ не рѣдко входилъ съ своею властью, какъ органъ главенствующій въ государствѣ, и въ область синодальную. Это разнообразіе и взаимная противоположность источниковъ усложняетъ задачу—опредѣлить мѣсто Синода въ ряду государственныхъ органовъ. Попытаемся, однако, разобраться въ этихъ источникахъ и подвести итоги.

Первоначальной мыслью Петра Великаго было создать для управленія духовными дѣлами Духовную коллегію. „Уставляемъ Духовную коллегію или духовное соборное правительство“, писалъ онъ въ манифестѣ, „которое имѣетъ всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управлять... и у него крайней духовныхъ дѣлъ управы, и вершенія, и рѣшенія просить и судомъ его опредѣленнымъ довольствоватися и указовъ его слушать во всемъ подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ *противъ прочихъ коллегій*“ [11]). И высшія духовныя власти, вошедшія въ послѣдствіи въ составъ членовъ Синода, не иначе смотрѣли на новое духовное правительство, какъ на коллегію. Подавая свое мнѣніе о назначеніи „трактамента коллегіатамъ“ Духовной коллегіи, они писали: „и ежели опредѣленный противъ другихъ коллегій трактаментъ будетъ недоставать духовнымъ коллегіатамъ въ довольство умѣренное противъ лучшихъ епархій и монастырей, а царское величество отмѣнить оныхъ высшимъ противъ другихъ коллегій трактаментомъ не изволитъ, то хотя противъ другихъ былъ бы опредѣленъ“ [12]). Совѣтники и ассессоры соборнаго духовнаго правительства, послѣ уже того какъ оно названо было правительствующимъ Синодомъ, именовали его коллегіею: „по имянному вашего царскаго

величества указу, взяты мы нижеименованніи въ Духовную коллегію, а дворовъ, гдѣ намъ жить, не имѣемъ и купить не на что", писали они въ своемъ прошеніи государю [13]). Такъ же въ первое время именовался Синодъ и Сенатомъ. „Слушавъ сего меморіалу, приказали: по требованію Духовной коллегіи, іеромонаху Варлааму Овсянникову быть въ той коллегіи ассессоромъ и оберъ-секретаремъ и для того привесть его къ присягѣ. И о томъ для вѣдома въ ту коллегію послать указъ", писалъ Сенатъ Синоду отъ 14-го марта 1721 г. [14]). Спустя пять лѣтъ послѣ учрежденія Синода, верховная власть смотрѣла на него тоже какъ на коллегію и отводила ему мѣсто въ ряду прочихъ коллегій. Марта 30-го 1726 г. императрица Екатерина I дала высокому Сенату указъ, въ которомъ писала: „понеже всѣхъ коллегій и канцелярій штаты сочинены, апробованы и въ дѣйство произведены, а синодальнаго штату и понынѣ еще не учинено, того для"... Государыня велѣла Сенату удержать жалованье у синодальныхъ членовъ, кромѣ приказныхъ служителей, „по то время, пока оный штатъ разсмотрѣнъ и апробованъ будетъ" [15]). Наконецъ, по типу своего устройства Синодъ былъ ни что иное, какъ коллегія. Составъ его присутствія былъ такой же, какъ у всѣхъ, въ то время дѣйствовавшихъ, коллегій: президентъ, вице-президенты, совѣтники, и ассессоры. Должности эти дѣлились на степени высшія и низшія и сообразно этимъ степенямъ онѣ замѣщались соотвѣтствующими чинами духовной іерархіи. Должность президента была замѣщена — митрополитомъ, вице-президентовъ — архіепископами, совѣтниковъ — архимандритами, и ассессоровъ — протопопами и попами. Все вышеизложенное указываетъ на то, что Синодъ, по мысли Петра I, долженъ былъ занять мѣсто въ ряду коллегій, второстепенныхъ органовъ государственнаго управленія, которыя всѣ были подъ апелляціей Сената.

Между тѣмъ, въ первое же засѣданіе „духовнаго соборнаго правительства" съ Синодомъ произошло превращеніе, вслѣдствіе котораго онъ сразу выдвинулся изъ ряда коллегій. Въ этомъ засѣданіи духовныя персоны высказали государю мысль, что Синодъ долженъ занять высшее мѣсто въ ряду учрежденій государственнаго управленія, — мѣсто равное Сенату. Въ доказательство такого права Синода они привели слѣдующія основанія: во-первыхъ, они утверждали, что Синодъ есть прямой преемникъ чести, и силы, и власти патріаршей, а такъ какъ на патріаршее имя ни откуда указовъ не получалось, то, въ силу преемства, и Синодъ не долженъ получать указовъ ни откуда, кромѣ одной верховной власти. Во-вторыхъ, духовныя персоны приписывали Синоду даже бо́льшую власть, чѣмъ какая была у патріарха, „понеже соборъ". Выраженіе монарха „соборное правительство" синодальные члены толковали по своему: они признавали Синодъ „соборнымъ" не въ смыслѣ его кол-

легіальности, потому что такими соборами были и всѣ коллегіи; а приписывали ему, безъ сомнѣнія, значеніе и силу тѣхъ соборовъ, которые собирались въ чрезвычайныхъ случаяхъ и составляли высшее безапелляціонное судилище. На основаніи такихъ соображеній синодальные члены въ первомъ же засѣданіи спрашивали государя: „о прилучающихся требованіяхъ отъ правительствующаго духовнаго собранія въ правительствующій Сенатъ, такожде и въ коллегіи и отъ нихъ въ Духовное собраніе, каковымъ образомъ письменное обхожденіе имѣть“? Государь положилъ резолюцію: „въ Сенатъ вѣдѣніемъ и за подписаніемъ всѣхъ, а въ коллегіи такъ, какъ изъ Сенату пишутъ и за подписаніемъ только секретарскимъ“ [16]). Эта резолюція монарха выводила Синодъ изъ ряда коллегій: онъ добился равенства съ Сенатомъ и такимъ образомъ сталъ тоже высшимъ правительственнымъ органомъ. Апрѣля 12-го дня 1722 г. Петръ Великій подтвердилъ это значеніе Синода и выразилъ его еще точнѣе: „понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ Сенатъ въ гражданскомъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать надлежитъ и за преступленіе наказаніе“ [17]). Опираясь на такую волю монарха, Синодъ требовалъ отъ всѣхъ, чтобы признавали его „за важное и сильное правительство“ и исполняли всѣ его требованія и указы, какъ и указы Сената. Вмѣстѣ съ этимъ, увлеченный мечтой равенства съ Сенатомъ, Синодъ стремился стать образомъ и подобіемъ его даже по внѣшнему своему виду, сталъ подражать ему даже въ мелочахъ. Напримѣръ: у оберъ-секретаря Сената было два деньщика, и Синодъ постановилъ дать тоже двухъ деньщиковъ своему оберъ-секретарю Палехину „противъ оберъ-секретаря сенатскаго“ [18]). Октября 30-го 1721 г. въ Синодѣ состоялось такое опредѣленіе: „Святѣйшій правительствующій Синодъ приказали согласно: въ томъ святѣйшемъ Синодѣ на синодской столъ построить три чернильницы судейскихъ серебряныхъ таковымъ манеромъ, каковы имѣются въ Сенатѣ на сенаторскомъ столѣ“ [19]). Всю эту заботу Синода подражать Сенату можно бы было счесть только за невинное славолюбіе членовъ его, еслибы она не имѣла иныхъ основаній, лежащихъ въ глубинѣ протекшихъ вѣковъ, въ старой традиціи патріаршества—занимать высшую роль въ дѣлахъ церкви, иногда и государства. Стремленіе Синода къ высшей чести въ государствѣ доходило до того, что онъ хотѣлъ стать даже выше Сената Это было при воцареніи Екатерины I, когда изъ нѣсколькихъ близкихъ ей лицъ сформировался Верховный Тайный Совѣтъ, въ которомъ сосредоточилась вся высшая правительственная власть — законодательная и судебно-административная. Совѣтъ этотъ сталъ всецѣло и самовластно управлять государствомъ. Въ это время значеніе Сената парализовалось: онъ сталъ органомъ второстепеннымъ, подчиненнымъ Верховному Тайному Совѣту, изъ котораго получалъ указы. Такой же

участи пониженія въ рангѣ, безъ сомнѣнія, подвергался и Синодъ. Но такое пониженіе было ему не по-сердцу и онъ попытался было стать опять на верхнюю ступень государственнаго управленія, рядомъ съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, быть его второй ипостасью. Синодъ подалъ государынѣ докладъ слѣдующаго содержанія: „Святѣйшій правительствующій Синодъ разсуждали о учрежденномъ, по именному ея императорскаго величества, сего февраля 8-го дня состоявшемуся и печатными листами распубликованному, указу, Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, изъ котораго опредѣлено въ Сенатъ и во всѣ коллегіи посылать указы, а во оной Верховной Тайной Совѣтъ изъ Сената и изъ коллегій подавать доношенія; изъ Сената же въ военныя, сухопутную и морскую, и въ Иностранную коллегіи и изъ оныхъ коллегій въ Сенатъ писать промеморіями. А о святѣйшемъ Синодѣ ничего въ томъ указѣ не означено и со оным Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, ежели когда случится, святѣйшему Синоду каковымъ образомъ сношеніе письменное имѣть, того не изображено, отъ чего есть сумнительство, потому что Сенатъ прежде, когда былъ въ собраніи тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ и въ равной силѣ, какъ нынѣ Верховный Тайный Совѣтъ, тогда по именному высокославныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества собственноручному указу, писано изъ Синода въ Сенатъ вѣдѣніемъ, а въ коллегіи во всѣ указами. Нынѣ же Сенатъ, видно, не въ такой уже силѣ, потому что съ тремя коллегіями, гдѣ президуютъ тайные дѣйствительные совѣтники, корреспонденцію содержитъ промеморіями. А въ святѣйшемъ Синодѣ, по Духовному регламенту, крайній судія · всепресвѣтлѣйшее императорское величество; того ради согласно приговорили: доложить о томъ ея императорскому величеству—каковымъ образомъ святѣйшему Синоду съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ письменное сношеніе имѣть, и въ Сенатъ попрежнему-ль вѣдѣніями писать“ [20]). Смыслъ и цѣль этого доклада Синода понятны; но ему не удалось стать рядомъ съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ.

Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія несомнѣнно, однако, указываютъ на внѣшнее, по крайней мѣрѣ, равенство Синода съ Сенатомъ. Но какъ разумѣть это равенство? Было ли это равенство по полномочіямъ, по функціямъ власти, или равенство только въ смыслѣ неподчиненности Синода Сенату и вообще никакому другому органу государственнаго управленія? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надобно разсмотрѣть полномочія святѣйшаго Синода и сравнить ихъ съ сенатскими полномочіями. У Синода, какъ и у Сената, въ царствованіе Петра В., были слѣдующія полномочія: участіе въ законодательствѣ, власть судебная и административная.

Остановимся сначала на законодательной дѣятельности Синода. „Должна же есть сія коллегія и новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ

случаи", писалъ преобразователь въ предисловіи къ Духовному регламенту. Это такъ и должно было быть. Съ одной стороны, Духовный регламентъ не былъ такимъ полнымъ кодексомъ узаконеній, который обнималъ бы всю духовную жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, и давалъ бы точные отвѣты на ея требованія; съ другой же стороны, и самая жизнь, находясь въ постоянномъ движеніи и развитіи, съ каждымъ днемъ выдвигала на сцену новыя явленія и предъявляла правящей власти новые запросы, нуждавшіеся въ особой регламентаціи. Слѣдовательно, сама собой являлась необходимость какъ въ новыхъ дополненіяхъ къ регламенту, такъ и въ изъясненіи уже имѣвшихся узаконеній, но выраженныхъ не ясно или не полно. Самъ же монархъ не могъ слѣдить за нуждами и явленіями духовной жизни: ему, занятому организаціей своего государства и стоявшему въ непрерывной борьбѣ съ врагами внутренними и внѣшними, не было на это времени. Слѣдовательно, государю нуженъ былъ въ этомъ дѣлѣ знающій помощникъ. Лучшимъ помощникомъ ему могъ быть именно Синодъ. Онъ, будучи центромъ управленія духовными дѣлами, могъ ясно видѣть все теченіе духовной жизни и вмѣстѣ съ этимъ усматривать и ненормальности этого теченія, всѣ кривизны и уклоненія его отъ прямого, желаемаго направленія. И такимъ образомъ, Синоду, слѣдовательно, ближе всего и лучше могло быть извѣстно: какія нужны были въ данное время новыя правила и мѣры для того, чтобы вести духовную жизнь по предначертанному пути и къ наилучшей цѣли. Въ виду такихъ основаній преобразователь и поручилъ Синоду сочинять новыя правила, касающіяся духовной жизни. Но будучи инициаторомъ въ указаніи новыхъ мѣръ и въ сочиненіи новыхъ правилъ, Синодъ, однако, не имѣлъ права самостоятельно вводить ихъ въ жизнь, а долженъ былъ предварительно представлять на разсмотрѣніе верховной власти, и только послѣ ея санкціи новыя правила Синода получали всѣ свойства законовъ. „Однако-жъ дѣлать сіе (дополнять регламентъ новыми правилами) должна коллегія Духовная не безъ нашего соизволенія", писалъ Петръ Великій въ предисловіи къ регламенту Духовному. Тоже подтвердилъ онъ и своей резолюціей на докладныхъ синодскихъ пунктахъ: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить". Слѣдовательно, представлять проекты новыхъ законовъ на разсмотрѣніе и утвержденіе верховной власти было общимъ правиломъ для Синода и Сената. Въ этомъ отношеніи оба они были равны. Но была крупная разница между ними въ представленіи своихъ проектовъ верховной власти и въ обсужденіи ихъ. Сенатъ представлялъ новыя правила государю самолично и самъ, вмѣстѣ съ государемъ, участвовалъ въ обсужденіи ихъ. Сенатъ стоялъ къ государю въ ближайшихъ сношеніяхъ: государь весьма часто присутствовалъ въ Сенатѣ. Совсѣмъ иное было положеніе Синода. Всѣ его

„докладные пункты“ не миновали Сената: они подавались государю большею частію чрезъ Сенатъ и обсуждались монархомъ совмѣстно съ Сенатомъ, безъ участія Синода. Такъ ноября 19-го 1821 г. „въ присутствіи его величества въ Сенатѣ поданы изъ святѣйшаго Синода о разныхъ дѣлахъ пункты“: также поданы синодскіе пункты 4-го мая 1722 г. и слушались въ Сенатѣ въ Москвѣ [21]). Въ сенатскихъ дѣлахъ встрѣчается много свѣдѣній, указывающихъ на обсужденіе синодскихъ пунктовъ государемъ въ Сенатѣ. Напримѣръ, въ одномъ своемъ вѣдѣніи въ Синодъ Сенатъ писалъ: „а каковы его императорскаго величества указы напредь сего на предложенные пункты въ Сенатѣ состоялись, съ тѣхъ при вѣдѣніи сообщены копіи“ [22]). Или—Сенатъ сообщалъ Синоду: „по его императорскаго величества указу, правительствующій Сенатъ приговорили: поданные его величеству изъ святѣйшаго Синода пункты, которые изволилъ его величество слушать въ С.-Петербургѣ въ Сенатѣ ноября 19-го прошлаго 1721 г., также и сего 1722 г. мая 4-го дня, будучи въ Москвѣ въ Сенатѣ, что на оные какая подписана резолюція собственной его императорскаго величества рукою, съ которыхъ для дѣйствія и исполненія изъ Сената въ святѣйшій правительствующій Синодъ прилагается при семъ вѣдѣніи копія. А на которые пункты резолюціи не учинено, о томъ выписано въ докладъ его жъ величеству“ [23]). Изъ этого сенатскаго вѣдѣнія ясно видно, что Синодъ совсѣмъ не участвовалъ въ обсужденіи своихъ пунктовъ въ присутствіи съ государемъ. Государь обсуждалъ синодскіе докладные пункты вмѣстѣ съ Синодомъ только въ первое засѣданіе „духовнаго соборнаго правительства“, но нѣкоторыя свои резолюціи, положенныя на докладныхъ пунктахъ, онъ въ послѣдствіи измѣнилъ, по настоянію Сената же, какъ не соотвѣтствующія благу государства; такова, напримѣръ, резолюція о неподсудности крестьянъ и служителей синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ Юстицъ-коллегіи, къ коей тянули судомъ всѣ прочіе крестьяне. Во второй разъ Синодъ представилъ докладные пункты государю, находившемуся въ то время въ Ригѣ, которые обсуждалъ и разсматривалъ государь одинъ, безъ участія Синода и Сената. Но эти докладные пункты были почти тѣ же, которые Синодъ представлялъ государю въ свое первое засѣданіе и въ этотъ разъ онъ представлялъ ихъ при жалобѣ на Сенатъ, что отъ него „чинятся къ сторонѣ Синода противности“. Жалоба эта была на то, что Сенатъ не хотѣлъ исполнить нѣкоторыхъ резолюцій государя, написанныхъ на первыхъ докладныхъ пунктахъ. Синодъ просилъ государя, чтобы эти резолюціи его были неизмѣнны. Однако государь нѣкоторыя изъ нихъ измѣнилъ, какъ указано выше. Наконецъ, Синодъ представилъ свои докладные пункты государю, когда онъ, въ 1722 г., былъ въ Астрахани, въ персидскомъ походѣ, но государь не далъ на нихъ указовъ, а обѣщалъ, по возвращеніи своемъ, разсмотрѣть ихъ—

вмѣстѣ съ Синодомъ и Сенатомъ. Такимъ образомъ, изъ документовъ видно, что государь только одинъ разъ обсуждалъ синодскіе докладные пункты вмѣстѣ съ самимъ Синодомъ; напротивъ, очень много указаній на то, что эти „пункты" государь разсматривалъ и обсуждалъ съ однимъ только Сенатомъ. Сенатъ принималъ самое дѣятельное участіе въ обсужденіи синодскихъ пунктовъ и въ самой редакціи резолюцій государя. Это весьма ясно можно прослѣдить по черновымъ бумагамъ сенатскимъ [24]). Такое предпочтеніе государя Сенату предъ Синодомъ и довѣріе ему указываетъ несомнѣнно на то, что государь считалъ Сенатъ высшимъ органомъ государственнаго управленія и единственнымъ помощникомъ въ законодательныхъ работахъ. Замѣчательно то, что Синодъ не имѣлъ права самолично издавать даже такихъ распоряженій, которыя имѣли спеціально полицейскій характеръ. И такія правила не оставались безъ сенатскаго разсмотрѣнія и передѣлки. Однажды Синодъ сдѣлалъ попытку самолично, безъ участія Сената, ввести въ дѣйствіе такія мѣры, но потерпѣлъ неудачу. Ему, какъ извѣстно, поручено было Петромъ Великимъ дѣло „изысканія, искорененія и исправленія раскольниковъ". По этому дѣлу издано было государемъ много указовъ; пользуясь ими, Синодъ сочинилъ правила, какъ изыскивать и исправлять раскольниковъ, и постановилъ: „къ синодальнымъ членамъ и во всѣ епархіи ко архіереомъ послать указы съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ они по тѣмъ указомъ исполняли со всеприлежно-тщательнымъ радѣніемъ, безъ всякаго упущенія и оплошки. И оные указы во всѣ епархіи разослать въ скорости. А для публикованія въ народъ напечатать указовъ въ типографіи число довольное и для публики разослать въ епархіи при оныхъ указѣхъ немедленно. А въ правительствующій Сенатъ о такомъ согласномъ святѣйшаго правительствующаго Синода опредѣленіи сообщить вѣдѣніемъ и дабы противъ того во всѣ свѣтскія команды, куда надлежитъ, о послушаніи и дѣйствіи посланы-жъ были его императорскаго величества указы съ подтвержденіемъ, чтобъ вышеписанное вездѣ исполняемо было безпрепятственно, а ежели гдѣ духовныя персоны требовать будутъ отъ свѣтскихъ управителей о вспоможеніи во исполненіе вышеписаннаго, и потому требованію чинимо-бъ было вспоможеніе неотложно; понеже по имянному его императорскаго величества указу, писанному собственною рукою нынѣ докладныхъ пунктахъ отъ Синода, 1721 г. ноября 19-го дня, о раскольникахъ опредѣлено изъ Синода опредѣленнымъ къ тому безъ всякаго препятствія свѣтскимъ начальникамъ вспомогать. И правительствующему Сенату учинить о вышеписанномъ по его императорскаго величества указу". Но Сенатъ, получивъ такое вѣдѣніе Синода и самыя правила, опредѣленныя имъ къ печатанію и публикаціи въ народъ, кассировалъ совершенно самое опредѣленіе Синода и подвергъ правила имъ сочиненныя новому разсмотрѣнію. Для этого

онъ призвалъ Синодъ къ себѣ на конференцію, на которой нѣкоторые пункты были совсѣмъ отмѣнены, а другіе потерпѣли значительныя измѣненія. И послѣ конференціи „правительствующій Сенатъ приказали: съ состоявшагося его величества указу, которой правительствующій Сенатъ съ святѣйшимъ правительствующимъ Синодомъ имѣючи въ Сенатѣ о изысканіи и о исправленіи раскольниковъ конференцію и при довольномъ разсужденіи приговорили: въ губерніяхъ и провинціяхъ публиковать и для публики напечатать и прислать въ правительствующій Сенатъ тысячу указовъ“ [25]). Это опять указываетъ на высшее значеніе Сената въ государственномъ управленіи. Въ этомъ случаѣ Сенатъ обнаружилъ свою надзирающую власть надъ синодскими опредѣленіями, чего, конечно, онъ не могъ бы сдѣлать, еслибы Синодъ былъ равенъ ему по полномочіямъ.

Таково было участіе Синода въ законодательствѣ. когда самъ законодатель былъ дома. Между тѣмъ. государь часто и надолго отъѣзжалъ изъ столицы, велъ войны; а текущая духовная жизнь предъявляла правительству новые запросы, для удовлетворенія которымъ требовались неотложныя мѣры и новые законы, — какъ дѣйствовалъ Синодъ въ этихъ случаяхъ? Сенату въ такихъ случаяхъ монархъ предоставлялъ полную свободу дѣйствій, какъ бы передавалъ, на время своего отсутствія, всѣ функціи своей верховной власти. Сенатъ самолично сочинялъ новые законы, принималъ новыя мѣры и вводилъ ихъ въ жизнь, разумѣется, только временно, до возвращенія самаго государя. Какъ же дѣйствовалъ Синодъ въ области своего управленія въ отсутствіе государя? Государь указалъ Синоду о новыхъ своихъ мѣрахъ разсуждать съ Сенатомъ: „а буде въ отлученіи нашемъ такое дѣло случится, а обождать до прибытія нашего будетъ не возможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать, а потомъ публиковать“ [26]), написалъ онъ на докладныхъ синодскихъ пунктахъ. Въ слѣдующемъ 1722 году императоръ повторилъ это правило для Синода. Изъ Астрахани онъ писалъ: „Святѣйшій Синодъ! Письма ваши четыре получилъ, на которыя дѣла нынѣ не отвѣтствую того ради, понеже иныя безъ разсужденія и разсмотрѣнія съ вами и Сенатомъ за очи рѣшить невозможно. другія же не такія, чтобъ времени терпѣть не можно, того ради, Богъ дастъ, при возвращеніи своемъ оныя рѣшимъ.... А ежели впредь будутъ дѣла такія, что времени не терпящія, хотя о оныхъ и писать будете, однако-жъ токмо для вѣдома намъ, а рѣшить можете обще съ Сенатомъ до нашей апробаціи, понеже какъ возможно изъ такой дальности мнѣ указы на дѣла давать“ [27]). Такимъ образомъ, монархъ установилъ для Синода правило: о новыхъ мѣрахъ, не требующихъ отлагательства, разсуждать, въ его отсутствіе, съ Сенатомъ Слѣдовательно, Синодъ одинъ, одной только своей властью, не могъ издавать по своему вѣдомству новыхъ

мѣръ, а только по соглашенію съ Сенатомъ. Этими указами государь создалъ для Синода крайне стѣснительное положеніе, отдалъ его въ совершенную зависимость отъ Сената. Въ силу такого положенія Синодъ принужденъ былъ идти къ Сенату для обсужденія и рѣшенія не только такихъ вопросовъ и мѣръ, которые касались мірскихъ дѣлъ синодскаго вѣдомства, слѣдовательно, такъ или иначе захватывавшихъ гражданскіе интересы; но и вопросовъ чисто духовнаго свойства. Таковъ, напримѣръ, хоть вопросъ объ иконописаніи. Синодскимъ членамъ, какъ персонамъ духовнымъ, безъ сомнѣнія, больше и лучше, чѣмъ сенаторамъ, извѣстны были и стиль и формы иконописанія, принятыя православною церковію; но и объ этомъ Синодъ принужденъ былъ разсуждать обще съ Сенатомъ. Такъ 1722 г. іюня въ 20 день, въ Синодѣ „господа сенаторы, а имянно канцлеръ графъ господинъ Головкинъ, подканцлеръ тайный дѣйствительный совѣтникъ баронъ господинъ Шафировъ, имѣли конференцію о послѣдующемъ, при которой присутствовалъ послѣ ихъ прибытія генералъ-прокуроръ господинъ Ягужинскій, а имянно: канцлеръ графъ господинъ Головкинъ предложилъ сообщенное отъ Синода въ Сенатъ вѣдѣніе о писаніи св. иконъ, при которомъ предложеніи имѣли съ сенатской стороны о оном иконномъ писаніи разсужденіе слѣдующее“... Послѣ этой конференціи, вслѣдствіе предложеннаго сенаторскаго „разсужденія“, Синодъ прежнее свое мнѣніе о писаніи св. иконъ измѣнилъ и сочинилъ новый приговоръ и „ради апробаціи тотъ приговоръ посланъ, безъ синодальнаго подписанія, въ Сенатъ іюля 16-го дня съ секретаремъ Семеновымъ, у котораго тотъ приговоръ тамъ взятъ и оставленъ для разсмотрѣнія въ Сенатѣ“. Но Сенатъ и этотъ новый приговоръ „утвердить и въ дѣйство произвести“ нашелъ неудобнымъ. Іюля 18-го дня „повѣщенъ въ Сенатъ синодальной оберъ-секретарь господинъ Палехинъ, чрезъ котораго оной приговоръ въ Синодъ возвращенъ съ такимъ сенатскаго мнѣнія словеснымъ предложеніемъ, дабы нѣкоторыхъ ради резоновъ онаго приговора, до прибытія изъ нынѣшняго походу его императорскаго величества въ Москву, святѣйшему Синоду не подписывать и въ дѣйство не производить. И по тому сенатскому мнѣнію, оной приговоръ святѣйшимъ Синодомъ подписывать и въ дѣйство производить до его императорскаго величества прибытія и отложенъ“ [28]). Это дѣло объ иконописаніи ярко очерчиваетъ то, какъ иногда велись совмѣстныя разсужденія Синода и Сената по вопросамъ духовнымъ, а равно указываетъ на какую-то пассивность Синода въ проведеніи своихъ приговоровъ. Синодъ написалъ приговоръ, какъ писать св. иконы и представилъ его на обсужденіе Сенату. Черезъ нѣсколько времени прибыли въ Синодъ сенаторы и предложили на синодскій приговоръ свое разсужденіе. Не извѣстно — призналъ ли Синодъ это разсужденіе раціональнымъ и полезнымъ для дѣла, но только онъ перемѣнилъ свой

первый приговоръ на новый и, не подписывая его, представилъ „на аппробацію" Сената, который и на этотъ приговоръ наложилъ свою мощную длань и задержалъ дѣло до прибытія государя. Характеристично въ этомъ дѣлѣ то, что Сенатъ словесно, чрезъ синодскаго оберъ-секретаря, „предложилъ Синоду тотъ приговоръ не подписывать и въ дѣйство не производить", не объяснивъ причинъ своего предложенія, а выразившись неопредѣленно — „ради нѣкоторыхъ резоновъ". И Синодъ принужденъ былъ исполнить предложеніе Сената. Иначе онъ и поступить не могъ: для того, чтобы приговоръ получилъ законную силу и могъ дѣйствовать въ практикѣ, въ жизни, нужно было согласіе на него Сената. У Синода въ этомъ отношеніи были руки связаны и дѣйствія его стѣснены. Пусть проектируемыя Синодомъ мѣры, и по формѣ своей и по способамъ приложенія, были прекрасны и рациональны для блага духовной жизни, но какъ скоро онѣ почему-либо не получали одобренія Сената, то и оставались безъ приложенія. Послѣ всего этого можно-ли утверждать, что у Синода было равенство въ силахъ и полномочіяхъ съ Сенатомъ? Можно было бы счесть ихъ равными по полномочіямъ, еслибы для разсужденія о новыхъ мѣрахъ по синодскому вѣдомству Сенатъ входилъ въ Синодъ въ качествѣ совѣщательнаго элемента, а не такого фактора, за которымъ было могущественное „veto". Совсѣмъ въ другомъ положеніи стоялъ Сенатъ. Въ отсутствіе государя, онъ одинъ и самостоятельно сочинялъ и приводилъ въ дѣйствіе новые законы и всякія мѣры, какихъ требовало благо государства [29]). Въ тѣхъ только случаяхъ, когда „сенатскими приговоры бываютъ какія генерально о всѣхъ опредѣленія, въ чемъ и синодская команда заключается", Сенатъ обязывался призывать для совѣщанія и Синодъ и „съ общаго согласія такія опредѣленія заключать". Это участіе въ такихъ генеральныхъ сенатскихъ опредѣленіяхъ, въ которыхъ и синодская команда заключается, Синодъ выпросилъ 19-го ноября 1721 г. [30]). По всей вѣроятности, Синодъ въ этихъ случаяхъ являлся въ Сенатъ только съ совѣщательнымъ голосомъ и остановить своимъ несогласіемъ сенатскія опредѣленія едва-ли могъ, — по крайней мѣрѣ въ документахъ ничего подобнаго не встрѣчается. Въ особенности безсиленъ былъ Синодъ задержать въ исполненіи сенатское опредѣленіе во время отсутствія государя, когда Сенатъ былъ полновластнымъ правителемъ во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія. Сенатъ, только онъ одинъ, въ отсутствіе государя, заступалъ его мѣсто, со всѣми почти прерогативами верховной власти, и на этомъ основаніи считалъ всѣ правительственныя учрежденія, въ томъ числѣ и Синодъ, себѣ подвластными. Самъ Синодъ указывалъ однажды государю на такое сенатское „посягательство" на его честь и силу. 12-го апрѣля 1722 г. онъ писалъ въ своихъ докладныхъ пунктахъ: „хотя имянными его императорскаго величества указы такъ Синоду въ духовномъ, какъ Сенату въ свѣтскомъ правленіи, дѣйствитель-

ная дана сила и уравненіе учинено; однако-жъ Сенатъ, воспоминая прежній его величества указъ 1711 г., по которому велѣно въ отсутствіе его императорскаго величества, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ повиноваться Сенату какъ самому его величеству, о чемъ нѣкоторой терминъ и въ Синодъ уже письменнымъ, мая 25-го дня 1721 г., вѣдѣніемъ въ отсутствіе его императорскаго величества Сенатъ употребилъ, отчего дается знать, что оную до синодскаго состоянія данную власть признаваетъ имѣть и надъ Синодомъ. А Синодъ присягою своею исповѣдалъ и нынѣ исповѣдуетъ единаго себѣ токмо крайняго судію самого его высокодержавнѣйшаго императора, а Сенату подчиненна себя не признаваетъ, и дабы Сенатъ никакой надъ Синодомъ власти себѣ не причиталъ и синодальное-бъ правительство во званіи своемъ было-бъ дѣйствительно, проситъ Синодъ отъ его величества конфирмаціи“ [31]). Но конфирмаціи о неподчиненности Синода Сенату не послѣдовало и государь, написавъ резолюціи на другихъ пунктахъ, этотъ пунктъ прошелъ молчаніемъ. Монархъ, быть можетъ, сдѣлалъ это умышленно, такъ какъ Синодъ просилъ не возможнаго, что могло бы стѣснить дѣйствія Сената.

Наконецъ, послѣдній актъ участія въ законодательствѣ, именно печатаніе и публикованіе указовъ и постановленій по духовному вѣдомству, не принадлежалъ Синоду. И въ этомъ дѣлѣ главнымъ факторомъ былъ Сенатъ. Въ сенатскихъ дѣлахъ нерѣдко встрѣчаются такія синодскія вѣдѣнія, въ которыхъ Синодъ просилъ о увѣдомленіи про „распубликованіе его императорскаго величества указу о синодальной командѣ“ [32]). Въ отношеніяхъ между Синодомъ и Сенатомъ по опубликованію такихъ указовъ соблюдалась какая-то странная формальность. О публикованіи указовъ писанныхъ государемъ на докладныхъ синодскихъ пунктахъ, въ присутствіи въ Синодѣ, послѣдній долженъ былъ, какъ будто, просить Сенатъ, который, въ противномъ случаѣ, не публиковалъ ихъ. Указы же по синодскому вѣдомству, состоявшіеся въ Сенатѣ, послѣдній публиковалъ самъ, не дожидаясь заявленій объ этомъ со стороны Синода. Напримѣръ: 11-го апрѣля 1722 г., на запросъ Синода о публикаціи указовъ, состоявшихся въ Синодѣ, Сенатъ „приказали послать вѣдѣніе, въ которомъ написать, что состоявшіеся въ духовномъ Синодѣ его императорскаго величества указы о синодальной командѣ, по которымъ повелѣно на духовныхъ челобитчикомъ бить челомъ въ Синодѣ, не публикованы того для, что въ прошломъ 1721 г. мая 12-го дня по присланному въ Сенатъ отъ духовнаго Синода вѣдѣнію на докладные ихъ синодальные пункты его императорскаго величества резолюціи не всѣ сообщены... и по оному изъ духовнаго Синода вѣдѣнію о публикаціи онаго его императорскаго величества указа не требовано и во ономъ его императорскаго величества указѣ о томъ же не написано; да и не на всѣ тѣ докладные пункты его импера-

торскаго величества резолюція учинена и потому оная публикація и оставлена—до генеральнаго опредѣленія... А каковы указы его императорскаго величества напередъ сего на предложенные пункты въ Сенатѣ состоялись, съ тѣхъ при вѣдѣніи сообщить копіи, и которые надлежитъ изъ оныхъ публиковать немедленно“ [33]). Изъ этого сенатскаго вѣдѣнія ясно обнаруживается то, что публикація въ народъ указовъ „по синодской командѣ“ принадлежала исключительно Сенату. Въ Полномъ Собраніи Законовъ, правда, встрѣчаются указы, публикованные самимъ Синодомъ, — это большею частію указы, состоявшіеся на конференціяхъ Синода въ Сенатомъ. Но по одному этому нельзя утверждать, что Синодъ имѣлъ право самъ, по своей власти, печатать и публиковать такіе указы. Подлинныя бумаги конференцій Синода и Сената указываютъ на обратное явленіе: именно, Синодъ публиковалъ отъ своего лица постановленія этихъ конференцій по особому на то опредѣленію Сената, дававшему право на публикацію ихъ. Для примѣра возьмемъ хоть конференцію Синода съ Сенатомъ объ иконописаніи. Въ заключеніи протокола, составленнаго на этой конференціи и подписаннаго синодскими членами и сенаторами, Сенатъ отъ себя одного написалъ: „и о вышеозначенномъ въ синодальной и во всѣхъ свѣтскихъ командахъ распубликовать *по обыкновенію*, и къ таковому публикованію сочинить форму по надлежащему, по которой потребное оныхъ указовъ число напечатать въ московской типографіи неотложно, и по напечатаніи тѣ указы разослать въ синодальную команду изъ Синода, а въ свѣтскія изъ Сената неукоснительно“ [34]). На основаніи этого сенатскаго опредѣленія, святѣйшій Синодъ сочинилъ форму указа „по надлежащему“, напечаталъ и публиковалъ его отъ своего лица, такъ что въ этомъ печатномъ указѣ (помѣщенномъ въ П. С. З.) получились значительныя измѣненія противъ протокола конференціи,— напримѣръ: слова „правительствующій Сенатъ опредѣлилъ“ замѣнены въ указѣ словами „правительствующій Синодъ опредѣлилъ“. Читая печатный синодскій указъ объ иконописаніи, нельзя и предполагать, чтобы по этому вопросу была конференція Синода съ Сенатомъ; напротивъ—какъ будто Синодъ одинъ сочинилъ этотъ указъ и одинъ, самолично, распорядился ввести его въ жизнь, какъ законодательный актъ.

Кромѣ всего этого, Синодъ совершенно связанъ былъ и въ дѣлѣ изъясненія имѣющихся уже законовъ. Регламентъ духовный былъ главнымъ кодексомъ узаконеній для духовныхъ дѣлъ и Синодъ долженъ былъ руководствоваться имъ въ своей дѣятельности. Между тѣмъ, въ практикѣ встрѣчались такія дѣла, на которыя въ регламентѣ яснаго рѣшенія не положено, или сказано темно. Слѣдовало бы ожидать, что въ такихъ затрудненіяхъ Синодъ долженъ былъ разбираться самъ или, въ крайнихъ случаяхъ, искать разъясненія у

самой верховной власти, а не идти за этимъ къ Сенату, какъ органу равному ему. На дѣлѣ же выходило не такъ. Синодъ, какъ и всѣ коллегіи, по всѣмъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ встрѣчало затрудненія въ неясности или неполнотѣ законоположеній, долженъ былъ, не рѣшая дѣлъ, приносить выписки по нимъ въ Сенатъ. А „Сенатъ повинны собрать всѣ коллегіи и о томъ мыслить и толковать подъ присягою, однако-жъ не опредѣлять, но положа напримѣръ свое мнѣніе, объявлять намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ и потомъ въ дѣйство по оному производить. Буде же когда отлучимся вдаль, а дѣло нужное, то учиня какъ выше писано и подписавъ всѣми чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оной апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ“ [35]).

Вотъ краткій очеркъ дѣятельности Синода по участію въ законодательствѣ. Перейдемъ теперь ко второй функціи его власти, именно—къ судебной.

Въ манифестѣ объ учрежденіи Духовной коллегіи монархъ писалъ: „у него (соборнаго духовнаго правительства) крайнія духовныхъ дѣлъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоватися и указовъ его слушать во всемъ“. Это, безъ сомнѣнія, указываетъ на то, что Синоду вручена была высшая судебная власть. Но въ духовномъ регламентѣ не были ясно обозначены какъ область этой власти, такъ и предѣлы ея. Поэтому Синоду съ перваго же дня своего существованія приходилось обращаться къ государю за разъясненіемъ самаго существа своихъ судебныхъ полномочій. Въ первое же свое засѣданіе Синодъ просилъ государя, чтобы патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины были въ правленіи духовномъ судомъ и расправой,—и государь написалъ „быть по сему“. Но всевластный Сенатъ не согласился съ этой резолюціей и сообщилъ Синоду свое опредѣленіе—быть имъ подъ судомъ Юстицъ-коллегіи, по генеральному регламенту. На такое опредѣленіе Синодъ принесъ жалобу государю, въ которой, въ доказательство неправильности сенатскаго опредѣленія, приводилъ слѣдующія соображенія: „а когда генеральный регламентъ былъ сочиняванъ, тогда о духовномъ правительствѣ еще и начинанія не было; а нынѣ, по всемилостивѣйшему опредѣленію вашего величества, духовное правительство отъ прочихъ коллегій отмѣнно, равно какъ Сенатъ, и ежели быть по сенатскому нынѣ опредѣленію, то онымъ вотчинамъ и ихъ служителемъ прежнее отъ мірскихъ властей утѣсненіе будетъ. И дабы прежнее собственною вашего величества рукою всемилостивѣйшее опредѣленіе не премѣнно было“. Но государь прежняго своего опредѣленія не подтвердилъ и склонился на сторону Сената. Противъ этого пункта синодской жалобы онъ написалъ: „опредѣлю по пріѣздѣ, однако-жъ видится, что

инако пельзя, понеже вѣдѣніе вотчинъ у васъ опредѣлено для поборовъ и между ими расправы и тому подобнаго, дабы въ лучшемъ охраненіи были, а чтобъ съ посторонними случающимся дѣламъ всѣмъ быть у васъ, чаю, невозможно, а одному свѣтскому вручить нельзя; другое что столько будетъ хлопотъ, что настоящаго вашей должности дѣла управить будетъ не коли, которое и безъ инихъ дѣлъ великихъ трудовъ и времени требуетъ, къ тому же крестьяне и служители суть равные гдѣ-бъ ни были". Вмѣстѣ съ этимъ Синодъ просилъ у государя указа и относительно духовныхъ персонъ. Въ своемъ докладѣ онъ писалъ: „духовныя персоны, до опредѣленія духовнаго правительства, по разнымъ касающимся до нихъ дѣламъ браны были въ разныя канцеляріи и приказы, а отнынѣ дабы вашего величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно было: что бы до оныхъ духовныхъ персонъ ни касалось по оговорамъ, изслѣдовать о томъ въ духовномъ правительствѣ, доколѣ изъ нихъ до кого не дойдетъ до розыску гражданскаго суда, дабы иногда безвинные не страдали со злодѣями въ темницахъ. А ежели какая духовная персона ята будетъ въ какомъ явномъ злодѣйствѣ, о таковыхъ слѣдовать въ гражданскомъ судѣ, только для снятія чина присылать въ духовное правительство попрежнему". По этому пункту государь указалъ: „на которыхъ оговоръ какой будетъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) въ какомъ партикулярномъ злодѣяніи, такихъ отсылать къ Синоду противъ его пункта силы, пока оные до гражданскаго суда приличны будутъ, а самимъ не брать въ коллегіи, или гдѣ инде, и не держать, и долженъ каждой челобитчикъ въ злодѣяніи на духовныхъ нигдѣ инде бить челомъ токмо въ Синодѣ. Сіе разумѣется о брани, бою, кражѣ и прочихъ тому подобныхъ, а не о тѣхъ, которыя тяжебныя дѣла, къ которымъ сами себя духовные привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и прочее тому подобное, еже гдѣ опредѣлено всѣмъ, тамъ и на духовныхъ бить челомъ: напримѣръ, въ иностранныхъ торгахъ въ Комерцъ-коллегіи, во внутреннихъ торгахъ, промыслахъ, откупахъ въ Камеръ-коллегіи и прочее тому подобное" [36]). Этими указами государя всѣ лица „синодальной команды" по преступленіямъ уголовнымъ и по тяжебнымъ дѣламъ отданы были въ вѣдѣніе свѣтскаго суда. Только по оговорамъ въ уголовныхъ преступленіяхъ свѣтскій судъ не имѣлъ права брать къ себѣ духовныхъ персонъ, а обязанъ былъ представлять ихъ Синоду для изслѣдованія — справедливъ-ли оговоръ. Въ этомъ случаѣ Синоду принадлежала роль только слѣдователя, а не судьи. Суду Синода монархъ опредѣлилъ особую область, лежащую внѣ общественно-государственныхъ интересовъ, именно: онъ поручилъ вѣдѣнію Синода преступленія противъ вѣры и церкви, и вообще противъ христіанской нравственности. 12-го апрѣля 1722 года, государь, по разсужденіи съ Сенатомъ, указалъ Синоду вѣдать дѣла: „богохульныя, еретическія, раскольныя, волшеб-

ныя, недоумѣнные браки и росписаніе совокупляющихся сродства, вины разводовъ брачныхъ, которые бываютъ въ дѣтѣхъ за страхъ родителей, а въ рабѣхъ по принужденію господей ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ, о насильномъ постриженіи, о похищеніи церковнаго имѣнія; и на духовныхъ, то-есть всякаго званія на монаховъ и свѣтскихъ священниковъ, діаконовъ и церковныхъ причетниковъ, въ брани, бою, въ кражѣ и въ другихъ обидахъ и безчестіяхъ и въ прочихъ искахъ“ [37]). Но всѣмъ этимъ преступленіямъ Синодъ былъ высшимъ судьей; только по богохульнымъ дѣламъ допущены были нѣкоторыя исключенія, именно: знатныя особы, „явственно хулящія“ имя Божіе, церковь и пр., изъяты были изъ синодскаго суда, и отсылались къ гражданскому суду [38]). Но и въ сферѣ вышеуказанныхъ дѣлъ Синодъ не былъ полнымъ и единственнымъ судьей: и здѣсь дѣйствовали двѣ судебныя власти — духовная и свѣтская. По всѣмъ этимъ дѣламъ Синодъ постановлялъ окончательныя опредѣленія только въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый признавался въ своей винѣ „самоизвольно“; напротивъ, когда виновность подсудимаго уяснялась посредствомъ пытокъ, окончательные приговоры принадлежали свѣтскому суду. Прямого узаконенія на этотъ предметъ не было; но основанія такому правилу находили въ указѣ государя, чтобы „всѣмъ дѣламъ криминальнымъ, которыя доходятъ до розыску и тѣлеснаго наказанія и казни — быть въ Юстицъ-коллегіи какъ и прочимъ“ [39]). Это правило въ то время утвердилось и дѣйствовало въ судебной практикѣ какъ обязательный законъ. Для примѣра укажемъ на слѣдующее дѣло. Казанскій губернаторъ Салтыковъ донесъ Сенату, что „сентября 7-го дня 1723 г. прислано въ Казанскую губернскую канцелярію изъ архіерейскаго раскольническаго приказа дѣло на симбирскаго посадскаго человѣка Алексѣя Бѣляева въ богохульныхъ словахъ и въ иконоборствѣ. Въ роспросѣ и съ очныхъ ставокъ и съ розыску онъ запирался, а послѣ того въ повинной сказалъ, что все то онъ чинилъ во пьянствѣ... И оной Бѣляевъ ко учиненію, что по правиламъ надлежитъ, отосланъ былъ въ архіерейскій раскольническій приказъ съ промеморіей попрежнему, попеже онъ въ томъ богохульствѣ не состоитъ и принесъ повинную, что и то чинилъ якобы во пьянствѣ. И казанскій митрополитъ промеморію принялъ, а оного Бѣляева не принялъ, а отвѣтствовалъ въ губернскую канцелярію промеморіей же, что-де Бѣляевъ въ показанныхъ важныхъ дѣлахъ хоть и вину свою принесъ, однако-жъ не можетъ приняться за сущее самоизвольное его покаяніе, но признается якобы отбывая жестокихъ себѣ розысковъ и содержится-де оный подъ карауломъ въ губернской канцеляріи. И за такимъ казанскаго митрополита непріемомъ, что съ нимъ чинить — требуетъ указу“. Сенатъ сообщилъ въ Синодъ вѣдѣніе, въ которомъ писалъ: „велѣно присланное изъ казанской губерніи отъ губернатора Салтыкова о симбирскомъ посад-

скомъ человѣкѣ Алексѣѣ Бѣляевѣ въ богохульныхъ словахъ и въ иконоборствѣ, который послѣ розыску въ томъ богохульствѣ и въ иконоборствѣ не винился, доношеніе и все объ немъ подлинное дѣло и его, Бѣляева, изъ Казани для разсмотрѣнія и учиненія указа отослать въ духовный Синодъ. И святѣйшему Синоду велѣть о томъ учинить по его императорскаго величества указу". Синодъ отвѣчалъ Сенату: „по указу его императорскаго величества и по согласному святѣйшаго Синода приговору, велѣно оному Бѣляеву за означенныя отъ него происшедшія богохульныя слова и иконоборство, въ чемъ онъ обличенъ съ розыску, а не духовнымъ покаяніемъ исповѣдался, надлежащее по его императорскаго величества указамъ и по Уложенью рѣшеніе учинить въ губернской канцеляріи, гдѣ онъ нынѣ обрѣтается, и въ С.-Петербургъ не высылать, а въ казанскій архіерейскій домъ не принимать для того, что онъ, Бѣляевъ, *не самоизвольно покаялся, но съ розыску обличенъ, и уже не духовному, но свѣтскому по гражданскимъ правамъ суду подлежитъ*; только ежели онъ, Бѣляевъ, осужденъ будетъ на смерть и предъ учиненіемъ ему достойной казни, познавъ свой грѣхъ съ чистымъ покаяніемъ и сокрушеніемъ сердца и осужденіемъ тѣхъ своихъ грѣховъ, будетъ просить для исповѣди отца духовнаго, то его исповѣдать и св. Таинъ пріобщить по обыкновенію. И правительствующему Сенату о вышеписанномъ во извѣстіе симъ сообщается". Сенатъ постановилъ: указъ Бѣляеву, за его богохульство и иконоборство, учинить Юстицъ-коллегіи [40]). Это дѣло точно опредѣляетъ участіе Синода въ судѣ по духовнымъ преступленіямъ. Обвиняемый въ духовномъ преступленіи оставался во власти духовнаго суда только до тѣхъ поръ, пока была надежда на самоизвольное его покаяніе; а какъ скоро эта надежда исчезала и представлялась надобность подвергнуть подсудимаго допросу съ пыткой, то онъ препровождался въ судъ гражданскій, который уже одинъ постановлялъ о подсудимомъ окончательный приговоръ. Такимъ образомъ, область синодскаго судебнаго вѣдѣнія по свойству слѣдствія, то есть по способамъ изысканія „доподлинной правды", распадалась на двѣ стороны, изъ коихъ одна тянула къ Синоду, а другая принадлежала Сенату. Сфера синодской судебной дѣятельности была съужена, потому что Синоду предоставлено было произносить приговоры только по тѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ подсудимые принесли самоизвольное покаяніе. Напротивъ, Сенатъ по тѣмъ-же преступленіямъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ способы для раскрытія истины, и въ примѣненіи этихъ способовъ дѣйствовалъ самостоятельно и неограниченно. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что по нѣкоторымъ духовнымъ преступленіямъ Синоду поставлены были ограниченія и относительно позыва подсудимыхъ въ судъ. Такъ напримѣръ: „ежели изъ крестьянъ кто явится въ какомъ духовномъ погрѣшеніи, а священникъ объ ономъ доносить будетъ своему архіерею, то тому

архіерею о тѣхъ, на кого будетъ доносъ, прежде свидѣтельства въ себѣ не имать, а велѣть прежде освидѣтельствовать о немъ прочими церковными служителями и прихожанами, и потомъ, ежели по тому свидѣтельству такія отъ кого противности явятся, то въ томъ рѣшеніе чинить архіерею, дабы отъ поповъ крестьяномъ напраснаго посягательства и бѣдъ не было" [41]). Такое же ограниченіе существовало и относительно посыва въ судъ раскольниковъ. Если кто будетъ взятъ духовной властью по обвиненію въ расколѣ, то прежде допроса она должна была отдать его свѣтскому начальнику, который обязанъ былъ разслѣдовать дѣйствительно-ли взятый— раскольникъ. Если взятый оказывался таковымъ, то свѣтскій начальникъ отдавалъ его духовному суду; въ противномъ же случаѣ свѣтскій начальникъ, отдавъ напрасно обвиняемаго въ расколѣ духовной власти, обязанъ былъ донести объ этомъ Синоду и Сенату. Эти правила установила свѣтская власть, конечно, потому, что не особенно довѣряла безстрастности духовной власти.

Что же касается до того, былъ-ли Синодъ такимъ высшимъ судьей, на рѣшенія котораго не было ни апелляціонныхъ, ни кассаціонныхъ жалобъ,—точныхъ и положительныхъ указаній намъ не встрѣтилось. На медленность же и волокиту синодскаго суда жалобы въ Сенатъ встрѣчаются. Такъ, въ 1723 г., вдова поручица Крестина Яковлева обратилась было съ челобитьемъ въ Сенатъ „на ранбовскаго попа на Никона Похомова въ насильномъ взятьѣ у нея малолѣтней дочери и служащей дѣвки Акулины"; но Сенатъ, по неподсудности ему этого дѣла, препроводилъ челобитье въ Синодъ, такъ какъ въ маловажныхъ преступленіяхъ на духовныхъ велѣно бить челомъ въ Синодѣ. Противъ челобитья попъ Никонъ былъ въ Синодъ сыскапъ и показалъ, что дочь челобитчицы умерла. Яковлева подала въ Синодъ другое челобитье, въ которомъ просила о допросѣ попа— какимъ случаемъ дочь ея умерла и объ осмотрѣ тѣла умершей; но повелительнаго указа для осмотра изъ Синода не было послано, а попъ, не дождавшись подлиннаго рѣшенія, изъ Петербурга съѣхалъ. На такія дѣйствія Синода поручица подала жалобу въ Сенатъ (въ это время Синодъ и Сенатъ были въ Москвѣ, а въ Петербургѣ дѣйствовали оставленные члены ихъ). Съ своей стороны Сенатъ сообщилъ въ Синодъ вѣдѣніе, въ которомъ писалъ, чтобы Синодъ рѣшилъ дѣло челобитчицы „какъ повелѣваютъ указы его императорскаго величества немедленно". Синодъ, однако, не припялъ сепатскаго вѣдѣпія; тогда Сенатъ призвалъ къ себѣ синодскаго секретаря Тишина и спрашивалъ его— почему вѣдѣніе припято не было. Секретарь объяспилъ причину: что въ вѣдѣніи было употреблено выраженіе „немедленно", а „понеже Синодъ съ Сенатомъ состоитъ въ равномъ достоинствѣ, Сенату-де такъ писать не слѣдовало"; и что просительница написала въ своей жалобѣ „лишнее" противъ прежняго челобитья, по которому начато было

разслѣдованіе о попѣ Похомовѣ. Вмѣстѣ съ этимъ секретарь заявилъ, что Синодъ предлагаетъ, чтобы челобитчица подала новое челобитье Синоду. Но сенатскій членъ на синодское опредѣленіе не согласился и оставилъ дѣло для предложенія всему присутствію правительствующаго Сената [42]. Конца этого дѣла не сыскано, поэтому не извѣстно мнѣніе „всего присутствія“. Нельзя однако сомнѣваться въ томъ, что Синодъ, не принявъ сенатскаго вѣдѣнія, выступилъ изъ предѣловъ своихъ судебныхъ полномочій. Сенатъ, безъ сомнѣнія, зналъ сферу своего вѣдѣнія и предѣлы его, и если онъ принялъ жалобу на Синодъ и выразилъ ему понужденіе, то, конечно, признавалъ это дѣйствіе присущимъ своей власти, такимъ, которое было въ области его правъ и обязанностей. Не на-обумъ же дѣйствовалъ Сенатъ. И самъ Синодъ, въ своемъ объясненіи не сказалъ того, что Сенатъ не имѣлъ права принимать жалобу поручицы и дѣлать по ней понужденіе Синоду: а объяснилъ, что то вѣдѣніе не принято, главнымъ образомъ, потому, что въ немъ употреблено выраженіе „немедленно“, уязвившее самолюбіе Синода, постоянно мечтавшаго о равенствѣ съ Сенатомъ. Не будь, слѣдовательно, въ сенатскомъ вѣдѣніи слова „немедленно“, Синодъ принялъ бы его и счелъ бы себя обязаннымъ удовлетворить требованіе Сената, который былъ „отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоялъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но управленіе государствомъ“ повѣрено было. Это было бы такъ непремѣнно, потому что при Сенатѣ дѣйствовалъ въ это время во всей силѣ спеціальный органъ — генералъ-рекетмейстеръ, которому должны были, вмѣсто государя, подавать жалобы на неправильный и волокитный судъ въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и пр. Правда, въ указѣ объ учрежденіи генералъ-рекетмейстера и въ данной ему инструкціи не говорится, чтобы ему же подавались жалобы и на Синодъ; но въ то время много было издано указовъ, въ которыхъ предписывались правила для коллегій и канцелярій, отъ коллегій не зависящихъ, и которые были обязательны и для Синода, хотя въ этихъ указахъ нѣтъ и намека на него. Таковы, напримѣръ, указы о храненіи правъ гражданскихъ, „о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ и объ арестантахъ, содержащихся за государственные долги“, „о собраніи свѣдѣній объ арестантахъ съ обозначеніемъ на чей счетъ отпускается имъ пища“ и др. [43]). Въ то время въ отношеніяхъ къ Синоду соблюдалась какая-то политичность. Указы, издаваемые для вѣдома и „дѣйствованія“ коллегіямъ и канцеляріямъ, посылались изъ Сената и въ Синодъ, но только при особомъ вѣдѣніи, въ которомъ писалось, чтобы онъ, Синодъ, чинилъ по этимъ указамъ, и тогда они становились обязательными для него. Такимъ образомъ, много въ то время было указовъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ Полное Собраніе Законовъ, которые, казалось, были обязательны только для однихъ коллегій и канце-

ларій, а на практикѣ они были обязательны и для Синода. На основаніи этого можно заключать, что инструкція, данная генералъ-рекетмейстеру, была обязательна и для Синода. Нигдѣ, ни въ одномъ указѣ о Синодѣ не говорится, чтобы онъ былъ безапелляціоннымъ судебнымъ центромъ. Слѣдовательно, приносить жалобы на его судъ вообще можно было. Но кому жаловаться? Подавать жалобы государю было запрещено. Вмѣсто него для этой цѣли былъ установленъ при Сенатѣ генералъ-рекетмейстеръ, черезъ что Сенатъ сталъ прямою апелляціонной инстанціей на всѣ судебныя учрежденія, вѣроятно, и на Синодъ. Въ дѣлахъ Рекетмейстерской конторы встрѣчаются свѣдѣнія, подтверждающія отчасти это положеніе. Такъ, напримѣръ, въ 1722 г. въ Рекетмейстерскую контору присланы были трое крестьянъ приписнаго къ Троицко-Сергіевой лаврѣ Николаевскаго Песношскаго монастыря, намѣревавшихся подать прошеніе самому государю. Въ челобитьи ихъ было написано, что въ 1721 году они били челомъ въ св. Синодѣ въ обидахъ и излишнихъ денежныхъ и другихъ поборахъ того монастыря на старостъ и на пріемщиковъ, по которому ихъ челобитью изъ правительствующаго Синода для розыску присланъ былъ указъ въ Монастырскій приказъ, и старосты и пріемщики въ тотъ приказъ были сысканы; но безъ розыску были свобожены и пр. Сенатъ постановилъ: крестьянъ, за намѣреніе подать челобитную самому государю, наказать кнутомъ и отослать въ каторжную работу на одинъ годъ, а „о показанныхъ ими излишнихъ съ того села ихъ денежныхъ и другихъ сборахъ того монастыря на старостъ и пріемщиковъ, о которыхъ-де имѣется дѣло въ Монастырскомъ приказѣ, изслѣдовать и указъ учинить въ святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ. И правительствующему Синоду учинить о томъ по его императорскаго величества указу“ [41]). Это постановленіе Сената ясно указываетъ на принадлежащую ему роль—надзирать за судебными процессами по духовному вѣдомству и направлять ихъ на законное теченіе. Еслибы ему не принадлежало такое право, то онъ по дѣлу крестьянъ долженъ былъ бы распорядиться инымъ образомъ,—именно, самихъ жалобщиковъ наказать за поползновеніе подать жалобу самому государю: проступокъ ихъ, а равно и наказаніе за него находились въ сферѣ сенатской должности, а челобитье ихъ, по существу его, или оставить безъ движенія, или препроводить въ Синодъ только къ свѣдѣнію, на волю и усмотрѣніе самого Синода, безъ постановленія—изслѣдовать по этому челобитью. Какъ скоро Сенатъ постановилъ произвести въ Синодѣ изслѣдованіе по челобитью крестьянъ, то этимъ самымъ онъ налагалъ на Синодъ обязанность, отъ которой тотъ уклониться не могъ; а это несомнѣнно указываетъ на то, что Сенатъ признавалъ за собою право къ такому образу дѣйствій по отношенію къ Синоду. Приведемъ другой примѣръ того, что на Синодъ подавались челобитья въ Сенатъ:

„1721 г. генваря 21 дня, въ Сенатѣ лейбъ-гвардіи капитанъ Бибиковъ объявилъ, что его императорское величество поданную въ Сенатъ челобитную Монастырскаго приказа секретаря Макара Бѣляева о подозрѣніи на святѣйшій правительствующій Синодъ и на оберъ-прокурора Болтина изволилъ читать и указалъ —онаго дѣла и его, Бѣляева, по прежнему своему, сего-жъ генваря 18-го дня указу, къ синодальному оберъ-прокурору, за выписаннымъ подозрѣніемъ не отсылать, а прислать въ Преображенское на генеральной дворъ, и о томъ изъ Сената послать Синоду и объявить“ [45]). Слѣдовательно, на Синодъ можно было жаловаться. Онъ былъ высшимъ судебнымъ органомъ по дѣламъ духовнымъ въ смыслѣ высшей судебной инстанціи; но онъ, вмѣстѣ съ этимъ, не могъ составлять, такъ сказать, послѣдней плотины, за которой прекращалось бы окончательно теченіе судебнаго процесса въ тѣхъ случаяхъ, когда правда дѣла была или стѣснена, или совсѣмъ попрана: духовный судъ какъ бы онъ ни былъ чистъ по побужденіямъ, но не могъ быть свободенъ отъ ошибокъ. Поправлять эти ошибки предоставлено было Сенату, какъ высшему органу государственнаго управленія.

Будучи участникомъ въ законодательствѣ и высшимъ судьей, Синодъ былъ и распорядителемъ по дѣламъ духовной жизни. Но вся дѣятельность его въ этой сферѣ была чисто административная. Онъ имѣлъ значеніе высшаго агента—исполнителя. На немъ лежала обязанность направлять теченіе духовной жизни по тѣмъ правиламъ, которыя начертаны были для нея въ духовномъ регламентѣ, въ разныхъ указахъ и распоряженіяхъ верховной государственной власти, и въ тоже время наблюдать, чтобы оно не уклонялось отъ указанныхъ правилъ. Но когда создавалась какая-нибудь новая мѣра для блага духовной жизни, то осуществленіе ея, воплощеніе въ дѣйствующій организмъ часто совершалось опять-таки Сенатомъ. И въ этой сферѣ духовной жизни нерѣдко принадлежала ему первенствующая роль. Такъ, напримѣръ, въ протоколѣ конференціи объ иконописаніи, подъ которымъ подписались и сенаторы и синодальные члены, записано такое распоряженіе Сената: „и хотя такое надъ иконниками надзирательство въ разныя времена и употреблялось, однако-жъ и донынѣ многая въ вышеозначенномъ неисправа явствуетъ. Чего ради правительствующій *Сенатъ судилъ за благо*: оную неисправу коемуждо архіерею въ своей епархіи усмотрительно со временемъ исправлять и впредь неисправно писать отнюдь не допущать. А для лучшаго усмотрѣнія и исправленія надзирать надъ иконописцы и живописцы и свидѣтельствовать ихъ и по свидѣтельству искусныхъ до письма святыхъ иконъ допущать въ Москвѣ опредѣленному къ тому имяннымъ его императорскаго величества указомъ суперъ-интенденту Ивану Зарудневу; а въ городѣхъ у такого надзирательства и исправленія быть подъ вѣ-

дѣніемъ его особливымъ искуснымъ иконописцамъ, которыхъ онъ усмотря къ тому опредѣлитъ,—и о томъ дать ему Зарудневу изъ святѣйшаго Синода инструкцію. И о вышеизложенномъ въ синодальной и во всѣхъ свѣтскихъ командахъ распубликовать по обыкновенію" [46]). Кромѣ этого, синодскія распоряженія и чисто административныя претерпѣвали иногда кассацію со стороны Сената. Для примѣра возьмемъ слѣдующее дѣло: протопопъ Олимпіевъ и попъ Алексѣй Никитинъ за какія-то погрѣшенія сосланы были въ соловецкую тюрьму. Между тѣмъ, по случаю мира съ Швеціей, состоялся милостивѣйшій манифестъ императора о прощеніи колодниковъ и разнаго рода ссыльныхъ и каторжныхъ. Для исполненія этого манифеста Сенатъ постановилъ правила: простить и отпустить въ свои домы тѣхъ, у коихъ „ноздри не выняты или другіе какіе знаки не положены". Въ виду такого милостиваго указа государя, протопопъ Олимпіевъ и попъ Никитинъ подали въ Синодъ просьбы объ ихъ прощеніи, а попъ Никитинъ просилъ, кромѣ того, о постриженіи его въ монашескій чинъ въ Спасскомъ монастырѣ, въ Переяславлѣ-Рязанскомъ. Принимая во вниманіе указъ государя и постановленіе по нему Сената, Синодъ опредѣлилъ: такъ какъ у протопопа Олимпіева и попа Никитина ноздри не выняты и никакихъ знаковъ на нихъ не положено, то вины ихъ простить—протопопа отпустить въ свой домъ, а попа Никитина постричь, согласно его прошенію, въ монашескій чинъ, въ Спасскомъ монастырѣ, куда и отослать его при указѣ; а „въ правительствующій Сенатъ о томъ для вѣдома сообщить вѣдѣніемъ". Получивъ это синодское вѣдѣніе, Сенатъ, октября 5-го дня 1723 года, постановилъ слѣдующее опредѣленіе: „протопопа Олимпіева и попа Никитина послать въ Сибирь, и изъ нихъ попа Никитина, ежели онъ постричься желаетъ, то постричь его въ тамошнихъ сибирскихъ монастыряхъ, въ которыхъ правительствующій Синодъ заблагоразсудитъ; понеже хотя на нихъ знаковъ и не положено, однако, за важныя причины были посланы въ Соловецкій монастырь въ тюрьму, отъ которой освобождены тою въ Сибирь ссылкою" [47]). Сенатъ вмѣшивался даже въ вопросы о содержаніи и построеніи церквей. Такъ однажды онъ писалъ Синоду: „а которыя церкви построены какъ въ городѣхъ, такъ и въ селѣхъ и деревняхъ при малыхъ приходахъ и при вотчинниковыхъ домѣхъ до сего опредѣленія, и тѣмъ до указу быть попрежнему, только обрѣтающихся при тѣхъ церквахъ въ городѣхъ приходскихъ людей, а въ уѣздахъ вотчинниковъ, обязать сказками съ подкрѣпленіемъ, дабы они тѣхъ церквей служителей содержали въ надлежащемъ довольствѣ. А впредь запретить, дабы вновь церквей строить никого архіереи не допускали, и о томъ изъ Синода по епархіямъ послать указы" [48]).

Таковы были полномочія Синода въ петровское время: по сравненію съ полномочіями Сената они едва-ли были больше и шире коллежскихъ. Такъ это и должно было быть. Сенатъ во вре-

мы Петра I былъ высокоповѣреннымъ и полномочнымъ органомъ по управленію дѣлами государства, былъ тѣмъ же, чѣмъ въ послѣдствіи были Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ. Это былъ высшій и главный центръ, гдѣ начиналось дѣло строенія государства и управленія. При существованіи такого органа государственнаго управленія, какимъ былъ Сенатъ, была-ли необходимость монарху создавать рядомъ съ нимъ другой, по сущности полномочій совершенно ему равный, хотя бы только для управленія одними духовными дѣлами? Въ то время духовная область не составляла какого-нибудь особеннаго организма, существующаго отдѣльно отъ государства. Церковь существовала въ государствѣ и служила ему наравнѣ съ другими элементами, входящими въ составъ его; равно и сама пользовалась всѣми тѣми благами, которыя давало ей государство. Духовная область, кромѣ того, не имѣла строго очерченныхъ границъ, въ которыхъ была бы замкнута ея жизнь, какъ въ скорлупѣ, и не выходила бы за эти границы. Церковь, кромѣ духовности вообще, не чужда была и мірскихъ, свѣтскихъ интересовъ, которые были слиты въ ней такъ, что отдѣлить ихъ одинъ отъ другаго было не возможно. Поэтому духовная область всѣми сторонами своего бытія входила въ общій кругъ государственной жизни и подлежала общему ея теченію. И Сенатъ по необходимости долженъ былъ входить съ своей властью въ эту духовную область, потому что въ ней много было дѣлъ и интересовъ чисто государственныхъ. Слѣдовательно, если бы монархъ, создавая для управленія духовными дѣлами новый органъ, надѣлилъ его полномочіями высшаго самовластно и независимо дѣйствующаго органа, какимъ былъ Сенатъ, то онъ допустилъ бы въ одну область двухъ правителей равносильныхъ. Это значило-бы намѣренно допустить путаницу въ управленіи, разнохарактерность въ распоряженіяхъ, борьбу изъ-за власти,—а это погубило бы самое дѣло. Такимъ образомъ, для блага самого государства нельзя было монарху надѣлять Синодъ такою властью, какою онъ надѣлилъ Сенатъ. Великій преобразователь понималъ это очень хорошо и, конечно, умышленно оставилъ безъ резолюціи вышеупомянутый проектъ синодскаго доклада, въ которомъ Синодъ выражалъ свое нежеланіе быть подъ командой Сената и просилъ на это конфирмаціи. Эту же мысль подтверждаетъ и то, что монархъ проектировалъ учредить для управленія духовными дѣлами не святѣйшій правительствующій Синодъ, а просто Духовную коллегію. Въ чемъ же заключалась сущность равенства Синода съ Сенатомъ? Отвѣтъ одинъ: равенство это было только кажущееся; оно было только внѣшнимъ титуломъ, безъ сущности полномочій. Произошло это явленіе отъ того, что Синодъ безпрестанно просилъ государя дать ему положеніе въ государствѣ равное съ Сенатомъ. Члены Синода хорошо еще помнили значеніе въ государствѣ патріаршей власти, которая ни отъ кого указовъ не получала,—поэтому и

въ новомъ государствѣ они стремились сохранить и поддержать старыя традиціи патріаршества, его „честь, и силу, и власть“. Синодъ былъ увѣренъ, что область духовныхъ интересовъ и дѣлъ есть наиважнѣйшая въ государствѣ, что она есть краеугольный камень государственнаго благоденствія, и что всѣ другіе интересы въ государствѣ и мелки и маловажны. „Духовное правительство“, писалъ Синодъ Сенату, „учреждено важности ради нужнѣйшихъ святѣй церкви и всему благочестія нашего состоянію дѣлъ, а другихъ, яко партикулярныхъ, а не такъ нужныхъ дѣлъ, съ толикою духовнаго правительства важностію равнять не надлежало бы“ [49]). Представляя себѣ такую важность духовной области, Синодъ настойчиво домогался у государя высшаго положенія въ ряду органовъ государственнаго управленія—уравненія съ Сенатомъ. И государь, въ силу разныхъ обстоятельствъ, уступилъ докучливымъ просьбамъ Синода—далъ ему равенство съ Сенатомъ и велѣлъ отдавать ему равный „респектъ“. Такимъ образомъ, равенство Синода съ Сенатомъ было выпрошено у государя и, слѣдовательно, было явленіемъ безпринципнымъ, не такимъ, которое требовалось бы самой идеей государственности и необходимостью духовнаго дѣла. Оно явилось послѣдствіемъ простой уступки со стороны государя. Совершенно апалогичное этому произошло явленіе въ царствованіе Екатерины I. Съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, коллегіи Иностранная и Военная стали на равную ногу съ Сенатомъ и сносились съ нимъ промеморіями. Но это не значило, чтобы эти коллегіи были равны съ Сенатомъ по своимъ полномочіямъ,—Сенатъ и тогда остался высшимъ судебно-административнымъ центромъ,—а только потому онѣ стали съ нимъ въ равенство, что въ нихъ президовали дѣйствительные тайные совѣтники. Слѣдовательно, это равенство коллегій съ Сенатомъ было пріурочено только къ лицамъ президующихъ въ нихъ, и поэтому было случайное и временное. Таково же въ петровское время было равенство и Синода съ Сенатомъ. Полнаго равенства съ Сенатомъ, какого такъ страстно домогался Синодъ въ петровское время, онъ не достигъ даже въ послѣдующія царствованія, когда Сенатъ былъ уже не первенствующимъ органомъ государственнаго управленія, а второстепеннымъ, дѣйствующимъ по распоряженіямъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а послѣ Кабинета. Императрица Екатерина I не рѣдко чрезъ Сенатъ приводила въ исполненіе свои распоряженія по синодскому вѣдомству. Таково, напримѣръ, было распоряженіе государыни о сочиненіи синодскаго штата 1726 г. марта 30 дня. Она чрезъ Сенатъ указала Синоду—„штатъ немедленно сдѣлать и сообщить для разсмотрѣнія въ Сенатъ; а чего по оному въ Сенатѣ рѣшить не можете, о томъ представя свои мнѣнія, донесть намъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; а по то время, пока оной

штатъ разсмотрѣнъ и апробованъ будетъ, повелѣли мы синодскимъ членамъ, кромѣ приказныхъ и нижнихъ служителей, жалованье удержать". И высокій Сенатъ по этому указу приказали: „о сочиненіи Синоду штата и о сообщеніи для разсмотрѣнія въ Сенатъ и о удержаніи синодальнымъ членамъ жалованья по то время, пока оной штатъ разсмотрѣнъ и апробованъ будетъ, какъ о томъ въ оном указѣ изображено, сообщить въ святѣйшій Синодъ вѣдѣніе" [50]). Такая форма отношеній государыни къ Синоду была бы по меньшей мѣрѣ обидной для него, еслибы положеніе его было равнымъ Сенату. Признавая равенство Синода съ Сенатомъ, государыня, чтобы не унижать чести его и достоинства и тѣмъ не подрывать его значенія въ народѣ, конечно, направила бы свой указъ о сочиненіи синодскаго штата прямо въ Синодъ и указала бы сочиненный штатъ представить для разсмотрѣнія и апробаціи не въ Сенатъ, а въ Верховный Тайный Совѣтъ, какъ соотвѣтствующую высшую инстанцію государственнаго управленія. Такой формы отношеній необходимо требовалъ самый порядокъ постепенности, какой въ то время строго соблюдался въ сношеніяхъ органовъ управленія. Но употребивъ указанный порядокъ отношеній къ Синоду, государыня, конечно, признавала его „не въ равенствѣ" съ Сенатомъ и по этой же причинѣ, въ началѣ своего указа, поставила его въ ряду коллегій. Кромѣ того, въ иныхъ случаяхъ Сенатъ самъ входилъ съ своей властью въ синодскую область и являлся органомъ надзирающимъ за дѣйствіями Синода. Укажемъ примѣръ. Синодъ самовольно допустилъ излишній, противъ установленнаго указами, сборъ пошлинъ съ вѣнечныхъ памятей. Воспользовавшись этимъ, сборщики этихъ пошлинъ— священники стали брать съ брачущихся сколько хотѣли. Это зло дошло до свѣдѣнія Сената, который въ 1730-мъ году опубликовалъ указъ: „Сенату извѣстно учинилось, что не токмо въ епархіяхъ, но и въ самой Москвѣ съ вѣнечныхъ памятей излишніе деньги берутъ грабительски; того ради, по приговору правительствующаго Сената, велѣно какъ въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ епархіяхъ съ вѣнечныхъ памятей пошлинъ и на лазаретъ брать по прежнимъ указамъ вѣчно достойныя памяти Петра Великаго". Этотъ указъ Сенатъ разослалъ по всѣмъ провинціальнымъ командамъ и нѣсколько экземпляровъ доставилъ въ Синодъ при вѣдѣніи, въ которомъ требовалъ разослать ихъ по епархіямъ. Но Синодъ эти указы „уничтожилъ и въ дѣйство не произвелъ" и, кромѣ того, послалъ въ епархіи свой указъ, чтобы духовныя власти не слушали сенатскаго указа. Тогда Сенатъ уволилъ отъ должности синодскаго оберъ-прокурора Алексѣя Баскакова и привлекъ его къ допросу: почему онъ не настоялъ, чтобы синодскіе члены разослали по епархіямъ сенатскій указъ о вѣнечныхъ пошлинахъ, а отъ Синода потребовалъ объясненія по поводу образа его дѣйствій. Въ 1731-мъ году Синодъ сообщилъ при вѣдѣніи свое, плохо и недоказательно составленное, объясненіе, которое Сенатъ

представилъ государынѣ при особомъ докладѣ, опровергнувъ всѣ пункты синодскаго объясненія. Въ заключеніе своего доклада Сенатъ просилъ государыню: „дабы соизволили въ святѣйшій Синодъ подтвердить собственнымъ указомъ, чтобъ опредѣленныхъ отъ Синода съ вѣнечныхъ памятей излишнихъ денегъ, сверхъ указовъ вашего императорскаго величества, не брали и тѣмъ народъ напрасно тѣ сборщики для своихъ корыстей не отягощали, а поступали-бъ въ томъ во всемъ по вышеозначенному вашего императорскаго величества указу". Государыня указала Синоду съ Сенатомъ имѣть конференцію: „ежели въ синодальномъ Казенномъ приказѣ во опредѣленныхъ расходахъ покажется недостатокъ, тогда по общему правительствующаго Синода и правительствующаго Сената согласію, вмѣсто тѣхъ пошлинъ, опредѣлить сумму изъ другихъ сборовъ, изъ какихъ заблагоразсуждено будетъ" [51]). Государыня, какъ видно изъ дѣла, въ дѣйствіяхъ Сената не признала превышенія имъ своей власти и, хотя молчаливо, подвердила за нимъ право надзирать и за областью синодскаго управленія.

Такимъ образомъ, всѣ вышеприведенныя документальныя свѣдѣнія указываютъ на то, что Синодъ по своимъ полномочіямъ занималъ мѣсто въ ряду органовъ государственнаго управленія едва-ли высшее, чѣмъ коллегіи, и отличался отъ нихъ только внѣшнимъ обликомъ чести и значенія, внѣшнимъ ореоломъ, который, въ петровское время, только временно сіялъ на немъ, съ дозволенія верховной власти.

Теперь возвратимся къ исторіи Синода и укажемъ, какъ онъ постепенно формировался и какія претерпѣвалъ видоизмѣненія и преобразованія.

Въ царствованіе Петра Великаго, въ періодъ созиданія государства, когда шла ломка старыхъ формъ государственнаго управленія, кипѣла спѣшная преобразовательная работа. Въ такое время нельзя было ожидать, чтобы преобразователь сообщалъ своей работѣ точность и полную законченность и выпускалъ въ свѣтъ свои произведенія въ совершеннѣйшей формѣ, со всѣми необходимыми деталями. Въ силу этого новые органы государственнаго управленія выходили изъ рукъ преобразователя большею частію только намѣченными въ общихъ чертахъ, часто безъ точнаго опредѣленія сферы вѣдѣнія и предѣловъ власти, и современемъ подвергались разнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ сообразно нуждамъ того дѣла, для вѣдѣнія котораго они создавались. Такія фазы измѣненій и дополненій проходилъ и Синодъ. Выше было указано, какъ постепенно формировалась дѣятельность Синода по участію въ законодательствѣ, его область судебная и административная. Но вмѣстѣ съ этимъ Синоду, при первомъ его появленіи, не дано было почти никакой даже внѣшней организаціи. Онъ появился на свѣтъ только съ однимъ именемъ, безъ всякихъ средствъ къ отправленію своей дѣятельности.

Такъ, назначены были члены Синода, которые и вступили уже въ отправленіе своихъ обязанностей, но „трактамента и домовъ, гдѣ имъ жить", не назначено было. Стефанъ, митрополитъ рязанскій, Θеофанъ, архіепископъ псковскій и Θеодосій, архимандритъ александроневскій, представили въ Сенатъ свои соображенія относительно размѣра содержанія, въ которыхъ высказывали мнѣніе, чтобъ „архіереевъ, лишнія ради потребныхъ, не прельщала и не манила ни лучшая въ изобиліи епархія, а архимандритовъ ни лучшее сергіевское архимандритство, но опредѣлены-бъ были по чину и важности дѣла ихъ довольствомъ противъ лучшихъ и изобильныхъ епархій, а архимандриты противъ лучшихъ монастырей, дабы простирались въ опредѣленномъ въ коллегіи дѣлѣ не уныло и правдиво". Вмѣстѣ съ этимъ іерархи представили примѣрную смѣту, что нужно на содержаніе архимандрита по крайней въ скудости мѣрѣ, именно: „служителей угодныхъ и лошадей: для служенія праздничнаго и публичныхъ церемоній церковныхъ одинъ діаконъ съ ризницей; для отправленія славословія и съ кѣмъ бы было отъ скуки слово промолвить одинъ іеромонахъ или монахъ честный; одинъ келейникъ, который былъ бы всегда при кельѣ, поваръ, конюхъ, три лошади, одинъ служитель, который бы за нимъ пошелъ или поѣхалъ, одинъ служитель, который бы про него купилъ ѣсть и пить что надобно и записывалъ, чтобъ не самъ архимандритъ ходилъ въ торгъ и за секретаря тоже; въ лѣто держать верейку четырехвесельную, къ ней пять человѣкъ, а ежели и буеръ— къ нему два человѣка; домъ и что до него надлежитъ, понеже въ единомъ дому равночестнымъ персонамъ всегдашнее житіе не безъ трудности великой ради сваровъ и ссоръ хотя не между ими, но между служительми ихъ, которымъ сварамъ и ссорамъ не быть не возможно, того ради коллегіаты отъ такихъ крамолъ были бъ свободны — домъ коемуждо особный былъ бы, по крайней въ скудости мѣрѣ: келья на пріятіе чужого человѣка, келья гдѣ самому жить, келья гдѣ книжицы и другія вещи положить, келья для діакона и монаха, келья для служителей, поварня и что до ней по препорціи людей надлежитъ; конюшня и что до лошадей и къ ѣздѣ надлежитъ; погребокъ на питье и что до него по препорціи людей падлежитъ; сушило, гдѣ припасы по препорціи людей положить; пища и одежда самому, діакону, монаху и служителемъ. А ежели что за симъ будетъ оставаться—для больныхъ случаевъ: на доктора, на медикаменты и на иныя необходимыя случайныя нужды. И по сему примѣру не токмо противъ лучшихъ, но и противъ малыхъ архимандрическихъ монастырей будетъ мизернѣе". Таково, по мнѣнію Синода, требовалось содержаніе для одного архимандрита — синодскаго члена, и это содержаніе было будто-бы самое мизерное противъ содержанія, какое получалъ архимандритъ малыхъ, бѣдныхъ монастырей. Для синодскихъ членовъ изъ бѣлаго духовенства святители полагали опредѣлить мень-

шее содержаніе. Въ томъ же докладѣ они писали: „такожде, хотя *не равною мѣрою*, и о протопопахъ, которымъ отъ коллегіи не будетъ времени волочиться съ кадиломъ по могиламъ и имянинные и водосвятные молебны пѣть, и чужихъ обѣдовъ наблюдать, такожде и маиство, до котораго скудость приводитъ, пресѣчется" [52]). По мнѣнію архипастырей, архимандритъ — синодскій членъ долженъ былъ жить съ большей роскошью и удобствомъ, нежели бѣлый священникъ, тоже членъ Синода, поэтому первому желалось большее содержаніе, чѣмъ второму. Но это мнѣніе архипастырей не имѣло успѣха въ Сенатѣ. 17-го апрѣля 1721 г. уже самъ Синодъ послалъ въ Сенатъ вѣдѣніе, въ которомъ между прочимъ писалъ: „по имянному царскаго величества указу учиненъ правительствующій Синодъ, въ которомъ опредѣлены правители: президентъ, вице-президенты, совѣтники и ассессоры и прочіе служители, а по чему онымъ трактамента въ годъ опредѣлено и откуду оное получать, о томъ въ правительствующій духовный Синодъ изъ правительствующаго Сената извѣстія не прислано". На это вѣдѣніе Сенатъ прислалъ отвѣтъ только черезъ четыре мѣсяца, именно 20-го сентября, въ которомъ извѣщалъ Синодъ, что „жалованья опредѣлено: президенту 3 тысячи, вице-президентамъ по 2 тысячи и по пяти сотъ, совѣтникамъ по одной тысячи и ассессорамъ по 600 р. Сія дача имѣетъ быть съ тѣмъ, что они могутъ получить изъ своихъ мѣстъ, а именно: архіереи изъ епархій, архимандриты изъ монастырей, а протопопомъ съ ихъ жалованьемъ" [53]). Вмѣстѣ съ этимъ, Сенатъ затребовалъ отъ Синода свѣдѣнія, сколько получаютъ доходовъ архіереи отъ епархій, а архимандриты отъ монастырей. Изъ представленной Синодомъ вѣдомости оказалось, что архіереи и архимандриты получали „изъ своихъ мѣстъ" ничтожные доходы.

Такъ, наконецъ, рѣшился вопросъ о трактаментѣ синодальныхъ коллегіатовъ.

Съ перваго же дня учрежденія Синода настояла надобность — организовать канцелярію. 14-го февраля 1721 г. состоялось уже первое присутствіе святѣйшаго Синода, а о канцеляріи въ это время еще и помину не было. Хотя 27-го января того-же года государь указалъ „патріаршихъ Духовнаго и Казеннаго приказовъ всякія указныя книги и дѣла тѣхъ приказовъ, что касается Духовной коллегіи, кромѣ вотчинныхъ и сборныхъ доходовъ, съ дьяками и подьячими и при нихъ служителей выслать въ Петербургъ въ Духовную коллегію безъ мотчанія"; но они были высланы изъ Москвы только 16-го марта, а когда прибыли въ Петербургъ — неизвѣстно [54]). Такимъ образомъ, канцелярскія силы патріаршихъ приказовъ были первыми піонерами синодскаго дѣлопроизводства. Въ этомъ же году Синодъ представилъ государю докладъ, въ которомъ просилъ дать ему „для отправленія нужнѣйшихъ дѣлъ" двухъ секретарей и

тридцать три человѣка подьячихъ старшихъ и младшей статьи, и при этомъ подалъ списокъ подьячихъ. Іюля 21-го дня, государь указалъ отдать поименованныхъ въ спискѣ приказныхъ служителей, если только они не состоятъ ни въ Сенатѣ, ни въ коллегіяхъ. Но эта резолюція государя встрѣтила противодѣйствіе со стороны Сената, который не хотѣлъ отдать Синоду требуемыхъ имъ приказныхъ служителей, ссылаясь на то, что всѣ они находятся у важнѣйшихъ государевыхъ дѣлъ, и что съ ихъ отсылкой нанесенъ будетъ вредъ „государеву интересу“. Синодъ принесъ государю жалобу на такое дѣйствіе Сената. Монархъ сталъ на сторону Синода и велѣлъ Сенату отдать требуемыхъ имъ приказныхъ „безъ спору“. Изъ-за этого возникло жаркое пререканіе у Сената съ Синодомъ, продолжавшееся долго и кончившееся тѣмъ, что Синодъ получилъ не всѣхъ приказныхъ, которыхъ требовалъ [55]). Въ этомъ же году, 1-го сентября, Синодъ сообщилъ вѣдѣніемъ въ Сенатъ, что государь, будучи въ Синодѣ, указалъ быть „въ томъ Синодѣ у дѣлъ оберъ-секретаремъ дьяку Тимофею Палехину, который въ Москвѣ въ Счетной рекрутскихъ дѣлъ канцеляріи“ [56]). Вотъ первоначальныя канцелярскія силы святѣйшаго Синода.

Между тѣмъ, около этого времени началась рѣчь о сочиненіи синодальнаго штата. По требованію Сената, Синодъ представилъ, 20-го ноября 1722 года, проектъ своего штата и нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему духовныхъ учрежденій. Синодскій штатъ отличался своей грандіозностью и по типу своему близко подходилъ къ сенатскому. Въ штатѣ присутствіе Синода осталось, конечно, тоже: президентъ, два вице-президента, четыре совѣтника и столько же ассессоровъ. Президенту и вице-президентамъ Синодъ находилъ возможнымъ довольствоваться прежнимъ окладомъ жалованья, но совѣтникамъ признавалъ необходимымъ увеличить его каждому на пятьсотъ рублей; а ассессорамъ — всѣмъ давать по тысячи рублей. Затѣмъ, въ штатѣ поставленъ былъ оберъ-прокуроръ „противъ сенатскаго оберъ-прокурора“ и окладъ ему „надлежитъ учинить, по синодскому разсужденію, противъ сенатскаго жеоберъ-прокурора“; потомъ идутъ: одинъ оберъ-секретарь, агентъ, четыре секретаря, шесть переводчиковъ, одинъ протоколистъ, архиваріусъ, актуаріусъ, регистраторъ, пятнадцать канцеляристовъ, пятнадцать подканцеляристовъ, сорокъ пять копіистовъ, вахмистръ одинъ и шесть сторожей. Кромѣ того, въ штатъ внесены были слѣдующіе чины: рекетмейстеръ и у него секретарь, три канцеляриста, три подканцеляриста, девять копіистовъ и два сторожа. Въ прокурорской конторѣ: одинъ секретарь или контролеръ, канцелярисгъ, два подканцеляриста и четыре копіиста. При архивѣ: два канцеляриста, два подканцеляриста и четыре копіиста. Затѣмъ слѣдуютъ лейбъ-гвардіи отставные офицеры и солдаты: поручиковъ два и одинъ капралъ, солдатъ сорокъ шесть; да

разныхъ полковъ отставные же солдаты: сержантъ и капралъ, солдатъ пятнадцать, три матроса и четыре курьера. Вотъ штатъ лицъ, необходимыхъ при Синодѣ, по мнѣнію синодальному. На содержаніе всѣхъ этихъ служащихъ и служителей потребна была сумма въ 45,626 р. 12 к., включая сюда и тысячу рублей „на приказные расходы: на бумагу, на чернила, на сургучъ, на дрова, на свѣчи, на прогоны курьерамъ и на прочія нужнѣйшія потребы". Но въ эту сумму не вошли оклады тѣхъ лицъ, которымъ „окладу за неизвѣстіемъ не показано". Этотъ штатъ Синодъ сопровождалъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „къ сему пріобщается такое Святѣйшаго Синода разсужденіе и требованіе, дабы онымъ по вышеписанному табелю синодальнымъ служителемъ дача окладнаго трактамента ни чѣмъ была предъ сенатскими не умалена, какъ имянной его императорскаго величества указъ равенство Синода съ Сенатомъ показующій повелѣваетъ" [57]). Но этотъ штатъ не прошелъ въ Сенатѣ, неизвѣстно, по какой причинѣ. Въ слѣдующемъ, 1723 г., октября 29-го дня, Синодъ, „по особому требованію" Сената, представилъ новый проектъ штата съ значительнымъ сокращеніемъ, противъ прежняго, и лицъ служащихъ и самыхъ окладовъ. Но и тотъ проектъ не былъ одобренъ Сенатомъ. Въ 1726 г. императрица Екатерина I снова повелѣла сочинить синодальной штатъ и, чтобы Синодъ ускорилъ работу, указала удержать у синодскихъ членовъ жалованье по то время, пока штатъ будетъ сочиненъ, разсмотрѣнъ въ Сенатѣ и апробованъ. Очевидно, настояла насущная потребность въ сочиненіи синодскаго штата. Но и эта, строгая и тяжелая для кармана синодскихъ членовъ, мѣра не ускорила дѣла. Постоянная забота верховной власти — сочинить синодской штатъ долгое время оставалась только одной заботой безъ разультата и осуществленія. Только начало царствованія Елизаветы Петровны было болѣе счастливо въ этомъ отношеніи: оно увидѣло, наконецъ, синодскій штатъ, — по крайней мѣрѣ къ этому царствованію онъ былъ разсмотрѣнъ въ Сенатѣ и одобренъ къ дѣйствованію. Но этотъ штатъ былъ слишкомъ бѣденъ, сравнительно съ прежними проектами; въ немъ и самая физіономія синодскаго присутствія совершенно была измѣнена.

Съ перваго года своего существованія Синодъ сталъ дѣятельно развивать свою внутреннюю организацію. Первой заботой святѣйшаго Синода было учредить надзоръ за теченіемъ духовной жизни въ провинціяхъ и вообще за отправленіемъ правосудія и за дѣйствіями духовныхъ властей въ епархіяхъ. Синоду нужны были глаза и уши въ епархіяхъ. Для выполненія этой цѣли Синодъ учредилъ у себя въ Петербургѣ и въ Москвѣ при церковномъ и Духовномъ Правленіи должности протоинквизитора, а въ епархіяхъ инквизиторовъ, которымъ „повелѣли во всѣхъ архіерейскихъ епархіяхъ неправильнаго пребыванія и преступленія указать, и дабы никакихъ лишнихъ сбо-

ровъ въ епархіяхъ архіереи и въ монастыряхъ архимандриты и игумены съ подвластныхъ своихъ не сбирали и всякихъ непотребствъ не чинили, но жили-бъ въ своемъ званіи исправно и правильно смотрѣть съ прилежно-тщательнымъ радѣніемъ“ [58]). Первоначально опредѣленіе Синода объ учрежденіи инквизиторской должности состоялось 1-го марта 1721 года, а 15-го марта это опредѣленіе получило реализацію: протоинквизиторомъ при Синодѣ назначенъ былъ Макарій Хворостинъ, а въ Москвѣ іеродіаконъ Пафнутій; а провинціальныхъ инквизиторовъ еще не было назначено, потому что Синодъ не имѣлъ на примѣтѣ лицъ, способныхъ отправлять эту должность. Того-же года, 24-го декабря, институтъ инквизиторской должности измѣнился въ своемъ существѣ и получилъ новую организацію, нѣсколько отличную отъ прежней - установленъ былъ только одинъ протоинквизиторъ при Синодѣ, а по епархіямъ „у такихъ дѣлъ быть въ каждой по одному человѣку провинціалъ-инквизитору“. Протоинквизиторомъ назначенъ былъ іеродіаконъ Пафнутій, который жилъ въ Москвѣ, и ему предоставлено было право избрать въ провинціалъ-инквизиторы монаховъ „доброжительныхъ и въ такомъ званіи дѣйствительными быть могущихъ, паче же чистосовѣстныхъ и правдивыхъ“. Избранные Пафнутіемъ и утвержденные въ должности Синодомъ провинціалъ-инквизиторы, „по монастырямъ и въ подчиненныхъ имъ городахъ и заказахъ избирая инквизиторовъ, должны были представлять ихъ архіереямъ, и тѣхъ выбранныхъ инквизиторовъ въ епархію посылать отъ себя съ указами и инструкціями, дабы всѣ о нихъ были извѣстны и никто бъ отъ нижайшихъ судей, безъ самого архіерея, тѣхъ инквизиторовъ судить не дерзалъ, но архіерей бы судилъ при провинціалъ-инквизиторѣ, а провинціала-инквизитора и архіерей судить ни въ чемъ не дерзалъ бы, но писалъ-бы на него доношеніе въ Святѣйшій Синодъ по обыкновенію“. Для руководства инквизиторамъ дана была инструкція, въ которой изложены были довольно полно ихъ обязанности и обширныя права. За образецъ этой инструкціи взяты были: указъ Петра Великаго отъ 17-го марта 1714 г., содержащій въ себѣ правила фискаламъ, 45-я глава Генеральнаго Регламента и 42-я глава Воинскаго устава [59]). По инквизиторской инструкціи, протоинквизитору, провинціалъ-инквизитору и инквизитору велѣно было: „1) смотрѣть, что архіереи, по учиненному своему при поставленіи обѣщанію, все-ль тако исправляютъ и нѣтъ ли котораго противъ того въ какомъ подозрѣніи, и ежели подозрѣніе за которыми явится, тѣмъ со учтивостію то для исправленія ихъ представлять; а ежели исправляться не будутъ, о томъ должны инквизиторы доносить провинціалъ-инквизитору, а провинціалъ-инквизиторъ присылать доношенія до протоинквизитора, а протоинквизитору доносить о томъ въ Святѣйшемъ Синодѣ письменно безъ всякаго укрывательства и упущенія времени. 2) Смотрѣть и сего прилежно: во всемъ-ли архіереи

поступаютъ по правиламъ и по Духовному регламенту и по учиненнымъ въ подтвержденіе того и въ приполненіе его императорскаго величества указамъ изъ Святѣйшаго Синода опредѣленіямъ и уставленіямъ, и нѣтъ ли какой чему противности. 3) Наблюдать опасно: отдаютъ-ли архіереи достойную Святѣйшему Правительствующему Синоду честь и всегда-ль по-подобающему именованіе того возносятъ и въ епархіяхъ своихъ возносить приказываютъ ли, и такую-ль Святѣйшему Синоду силу и власть имѣть приказываютъ, какова отъ его императорскаго величества оному дана, и послушными-ль себя синодальному правительству имѣютъ и не показуютъ-ли въ чемъ какого презрѣнія и преслушанія. 4) Смотрѣть и сего: въ священники и діаконы и въ прочіе церковные чины поставляемыхъ не на мздѣ-ль кто рукополагаетъ и выше потребы. 5) Въ архимандриты, и въ игумены и въ прочія достоинства изъ монашескаго и мірскаго чиновъ безпристрасно-ль достойныхъ производятъ, или кто для каковыхъ скверныхъ прибытковъ такое кому чинитъ произведеніе. 6) Хотя кто не ради прибытка производитъ, но достойныхъ-ли въ достойная, или кто какой ради страсти, вмѣсто достойныхъ, удостоиваетъ и не достойныхъ. 7) Съ поставляемыхъ священниковъ и діаконовъ, также и съ подписанія грамоты, и съ вѣнечныхъ памятей и подобнаго тому отъ духовной власти бываемаго отправленія, не емлетъ-ли кто, сверхъ опредѣленнаго числа, излишнихъ пошлинъ и другихъ вымышленныхъ подъ какимъ-либо видомъ взятковъ, но имали-бъ опредѣленное число" и т. д. Вся инструкція инквизиторамъ состояла изъ 16 пунктовъ; но и выписанныхъ достаточно, чтобы понять какой широкій просторъ для дѣятельности давался инквизиторамъ и вмѣстѣ съ этимъ — права почти полной независимости и неприкосновенности. Безъ сомнѣнія, цѣль учрежденія инквизиторовъ сама по себѣ была прекрасна и желательна: нуженъ былъ бдительный надзоръ за порядкомъ и законностью дѣйствій всякихъ епархіальныхъ властей; настояла неотложная необходимость бороться съ застарѣлымъ недугомъ взяточничества, всякаго рода хищеній, насилій, волокитъ и притѣсненій, въ которыхъ и духовныя власти были не безъ грѣха, и отъ которыхъ много страдала тогдашняя общественная жизнь. Но самая организація инквизиторской должности не была въ состояніи удовлетворить поставленной задачѣ. Все такое важное дѣло повѣрено было личнымъ качествамъ избираемыхъ на инквизиторскія должности людей.— Инквизиторы въ епархіяхъ были дѣятелями, не подчиненными никакому контролю, потому что сами они облечены были широкими правами контроля и надзора за всѣмъ. Они должны были быть безъ страха, а сами внушать всѣмъ страхъ. Понятно, что для такихъ должностей нужны были люди „чистосовѣстные" и честно сознававшіе всю важность и высоту поручаемой имъ задачи. Людей съ такими высокими качествами Синодъ надѣялся найти въ монахахъ, какъ людяхъ произнес-

ихъ отреченіе отъ міра и благъ его и, слѣдовательно, безстрастныхъ къ его прелестямъ. Выпустивъ на арену дѣйствія монаховъ сыщиковъ, которые должны были вездѣ обнажать истину и защищать угнетенную правду, Синодъ, конечно, надѣялся, что при участіи такихъ добродѣтельныхъ силъ, тамъ, въ глубинѣ самой жизни, милость и истина встрѣтятся, правда и миръ облобызаются. Но въ то время и монахъ былъ подобострастенъ міряшину, а по этому не оправдалъ надежды Синода: армія инквизиторовъ наносила громадный вредъ обществу, а пользы не приносила никакой. Являлась необходимость какъ нибудь улучшить организацію инквизиторской должности. Въ 1725 г. 16-го апрѣля, въ Синодѣ состоялось опредѣленіе, измѣнившее порядокъ избранія провинціалъ-инквизиторовъ и инквизиторовъ. Постановлено было свидѣтельствовать избираемыхъ тѣми монастырями и мѣстами, гдѣ они жили и постриглися, обстоятельно и „по тому свидѣтельству были бъ опредѣляемы провинціалъ-инквизиторы съ разсужденія синодальнаго, а инквизиторы со усмотрѣніемъ архіереевъ тѣхъ епархій, отъ которыхъ и о провинціалъ-инквизиторахъ свидѣтельства требовать, буде которой въ той епархіи пребываніе имѣлъ“ [54]). Это былъ довольно важный шагъ къ улучшенію сущности инквизиторскаго института. Но эта одна мѣра не могла поставить учрежденіе инквизиторовъ на высоту его задачи. Это учрежденіе нуждалось въ иной организаціи, чтобы инквизиторы не были безнаказанны въ ложныхъ доносахъ и чтобы общество ограждено было отъ ихъ произвольныхъ дѣйствій, отъ застращиванія, вымогательства и всякаго рода лихоимствъ, взятокъ и похлебства. Между тѣмъ, корпорація черныхъ инквизиторовъ, пользуясь своей безнаказанностію и имѣя въ своихъ рукахъ оффиціальную силу доносовъ, проявила „ясно многія указамъ и ихъ такому званію весьма противныя и общему народу гнусныя дѣла“. 15-го марта 1727 г., Синодъ постановилъ совсѣмъ уничтожить инквизиторовъ и приводилъ это свое постановленіе въ исполненіе съ особенною поспѣшностію, потому что не видѣлъ отъ инквизиторовъ „хотя малой святѣй церкви пользы“ и потому что къ этому времени обнаружились гнусныя дѣла о провинціалъ-инквизиторахъ новгородскомъ, сибирскомъ, о бѣлогородскомъ, о великоустюжскомъ и холмогорскомъ. „О прочихъ же по епархіямъ, можетъ быть, что подъ страхомъ ихъ и доносить на нихъ не смѣютъ, потому что суду архіерейскому они были не повинны; того ради, какъ въ Синодальной области, такъ и во всѣхъ епархіяхъ всѣхъ провинціалъ-инквизиторовъ и инквизиторовъ отъ дѣлъ ихъ, до указу, отрѣшить и содержать гдѣ пристойно подъ присмотромъ въ братствѣ; а дѣла ихъ всѣ описавъ, также и по архіерейскимъ домамъ и по монастырямъ, гдѣ оные инквизиторы были, справяся подлинно, вездѣ учинить обстоятельныя и перечневыя выписки съ подлиннымъ изъясненіемъ и съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ; къ тому же и въ городѣхъ и въ

уѣздѣхъ всѣмъ духовнаго чина людемъ объявить указами, что оные инквизиторы отрѣшены, и дабы сжели кто, гдѣ отъ нихъ суть обидимые, доносили о томъ въ епархіяхъ архіереамъ немедленно; а имъ, архіереамъ, изслѣдовавъ, чинить о всемъ выписки-жъ и, съ приложеніемъ на каждое дѣло мнѣній съ резонами, присылать къ рѣшенію въ Святѣйшій Синодъ безъ продолженія". Такимъ образомъ инквизиторы монахи своей алчностью къ наживѣ и нечистосовѣстностью подрыли основы своего учрежденія, которое, при иной организаціи, быть можетъ, принесло бы существенную пользу, потому что въ принципѣ оно имѣло благую цѣль.

Вмѣсто инквизиторовъ, надзираніе за правильнымъ теченіемъ духовныхъ дѣлъ въ епархіяхъ организовано было на другихъ началахъ. Основаніемъ для этой организаціи послужилъ указъ Петра Великаго отъ 5-го февраля 1724 г., которымъ велѣно было „учинить архимандритовъ надъ нѣсколькими монастырями, въ которыхъ бы были игумены (чего для и архимандритовъ числа убавить), также, чтобъ оные имѣли парохіальныхъ священниковъ, раздѣляя дистриктами, чтобъ надсматривали и доносили архіереамъ своимъ". Въ силу такого указа, 15-го марта 1727 г., Синодъ постановилъ: „въ Синодальной области и по епархіямъ, въ городѣхъ и уѣздѣхъ, для надзиранія духовнаго чина, опредѣлить закащиками духовныхъ властей и поповскихъ старостъ, которымъ и смотрѣть по должности всего накрѣпко" [61].

17-го апрѣля 1721 г. при святѣйшемъ Синодѣ учреждено было *Тіунское правленіе* и тіуномъ назначенъ былъ Колязина монастыря архимандритъ Трифилій, при которомъ организована была особая канцелярія. Область вѣдѣнія Тіунскаго правленія ограничивалась Петербургомъ и новозавоеванными городами и уѣздами: Шлюссельбургомъ, Янбургомъ, Выборгомъ, въ Копорьѣ и на Котлинѣ островѣ, а въ 1723 г. въ вѣдѣніе его перечисленъ былъ и Кекгольмъ съ уѣздомъ. Сущность вѣдѣнія тіуна состояла въ „надсмотрѣніи во святыхъ церквахъ всякаго благочинія, и дабы церковные служители житіе свое имѣли исправно и правильно, и никакихъ бы непотребствъ ими не чинилось, и между тѣми церковными и духовными и мірскими персонами въ приключающихся дѣлахъ, также и въ прелюбодѣйномъ грѣхѣ ятыхъ, имѣть справедливое сужденіе по святымъ правиломъ и по указомъ его императорскаго величества, безъ всякаго фальша; также всемѣрно тщаться о сыску раскольниковъ, которые являются церкви святѣй несогласные, паче же и противники, дабы тое ихъ раскольническую прелесть весьма искоренить; и ежели таковые сысканы будутъ, а по допросамъ ихъ и по прилежному къ нимъ увѣщанію которые отъ той раскольнической прелести не обратятся, а пожелаютъ платить окладъ вдвое, таковыхъ записывать въ расколъ и имать съ нихъ штрафы вдвое. Да въ томъ же Правленіи имѣть Санктъ-Петербургу и уѣзду отпускъ вѣнечнымъ памятямъ и сборъ съ нихъ пошлинымъ

деньгамъ, а въ помянутыхъ новозавоеванныхъ городахъ оной сборъ вѣдать опредѣленнымъ тамо управителемъ, токмо подъ его тіунскимъ вѣдомствомъ, и оныя съ раскольниковъ штрафныя и вѣчныя памяти и съ нихъ сборныя и по дѣламъ пошлинныя и штрафныя же деньги записывать въ приходныя книги именно, безъ утайки, и о тѣхъ деньгахъ репортовать ему тіуну повсямѣсячно и съ доношеніями оныя деньги взносить въ Правительствующій Духовный Синодъ по третямъ... Велѣть ему тіуну все то исправлять неусыпно съ бодрымъ тщаніемъ, ища всякой пользы; а ежели ему, тіуну, какого рѣшенія учинить будетъ не возможно, о томъ въ Правительствующемъ Духовномъ Синодѣ предлагать ему заручными доношеніями". Подробнѣе обязанности тіуна изложены въ данной ему инструкціи [62]). Тіуну, въ назначенной ему области, поручена была власть и судебная и административная, отчасти даже и полицейская, такъ какъ на него возложена была обязанность розыскивать въ Петербургѣ безпаспортныхъ лицъ чернаго и бѣлаго духовенства; у него же наказывались плетьми канцеляристы Синода; кромѣ того, въ Тіунскую контору обязывались являться для прописки крестьяне и бобыли синодальнаго вѣдомства, прибывшіе въ Петербургъ и пр.

Кромѣ тіунской конторы, учреждено было много другихъ конторъ, и каждой изъ нихъ поручена была какая-нибудь спеціальная отрасль вѣдѣнія. Такъ учреждены были: контора типографіи и школъ подъ управленіемъ протектора, контора раскольническихъ дѣлъ подъ вѣдѣніемъ совѣтника и ассессора святѣйшаго Синода, ревизіонъ-контора, тоже съ подчиненіемъ совѣтнику и ассессору, и наконецъ контора синодскаго правленія въ Москвѣ. Эта послѣдняя была какъ бы отдѣленіемъ Синода, со всѣми правами и обязанностями его дѣятельности. Ею управлялъ „оставшійся въ Москвѣ синодальный членъ" съ ассессорами.

Съ каждымъ днемъ Синодъ все шире развивалъ свои силы и дѣятельность. Между тѣмъ, онъ болѣе года оставался безъ правительственнаго надзора, предоставленный въ своей дѣятельности только себѣ самому. Было бы ошибкой допустить, что въ Синодѣ, какъ новомъ учрежденіи, былъ въ то время во всемъ точный и желательный порядокъ и безукоризненная законность дѣйствій. Преобразователь видѣлъ это и ясно сознавалъ нужду въ учрежденіи надзора за Синодомъ, чтобы заставить его наилучшимъ образомъ идти къ предначертанной ему цѣли и съ успѣхомъ достигать ее. 16-го мая 1722 г. императоръ издалъ слѣдующій указъ: „въ Синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ *смѣлость* и могъ управленіе синодскаго дѣла знать и быть ему оберъ-прокуроромъ и дать ему инструкцію" [63]). Вмѣстѣ съ этимъ, государь назначилъ синодскимъ оберъ-прокуроромъ полковника Ивана Васильевича Болтина, въ которомъ, должно быть, замѣтилъ и воинскую

доблесть — смѣлость, и способность знать и отправлять синодское дѣло. 4-го іюля полковникъ Болтинъ вступилъ въ должность и ему дана была инструкція — дословная копія съ генералъ-прокурорской инструкціи, только съ незначительными измѣненіями въ словахъ, напримѣръ: въ генералъ-прокурорской инструкціи стояло слово „Сенатъ", въ оберъ-прокурорской синодской замѣнено словомъ „Синодъ" и т. п. Права оберъ-прокурора были обширны. Онъ былъ уполномоченнымъ самого государя, стоялъ внѣ всякой зависимости отъ Синода, и суду ни чьему не подлежалъ, кромѣ государя; только во время его отсутствія, и то если оберъ-прокуроръ являлся въ тяжкой и времени не терпящей винѣ, напримѣръ — измѣнѣ. Синоду предоставлено было право арестовать его и розыскивать, а должность передать другому лицу. Но, при этомъ, подвергать прокурора пыткѣ, или экзекуціи и наказанію, Синодъ не имѣлъ права. Синодская канцелярія была въ совершенномъ подчиненіи оберъ-прокурору, а синодскій экзекуторъ въ полномъ его распоряженіи. Здѣсь, въ этой канцелярской сферѣ, оберъ-прокуроръ былъ начальникъ и полновластный распорядитель.

Обязанностью оберъ-прокурора было: сидѣть въ Синодѣ и смотрѣть накрѣпко, чтобы Синодъ свою должность хранилъ и чтобы всѣ дѣла ввѣренныя ему отправлялъ истинно, ревностно, порядочно и не теряя напрасно времени. Также онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы дѣла въ Синодѣ „не на столѣ только вершились, но самымъ дѣйствомъ по указомъ исполнялись". Такимъ образомъ, оберъ-прокуроръ долженъ былъ наблюдать въ Синодѣ за скорымъ исполненіемъ текущихъ дѣлъ, за разсылкой и исполненіемъ указовъ; въ случаѣ нескораго теченія дѣлъ, или незаконности дѣйствій, онъ обязанъ былъ объ этомъ предлагать Синоду и требовать исполненія. Равнымъ образомъ, оберъ-прокуроръ обязанъ былъ смотрѣть, чтобы „Синодъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ"; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ былъ тотчасъ предлагать Синоду съ объясненіемъ того, что онъ, весь Синодъ, или нѣкоторые изъ его членовъ сдѣлали, или дѣлаютъ не такъ, какъ надлежитъ по указамъ. Если же Синодъ не послушаетъ прокурорскаго предложенія, то оберъ-прокуроръ обязанъ былъ тотчасъ протестовать и останавливать дѣло и, если дѣло спѣшное, немедленно доносить самому государю; если же не особенно спѣшное, то объ немъ оберъ-прокуроръ долженъ былъ докладывать, когда государь бывалъ въ Синодѣ, или доносить иногда понедѣльно, а иногда помѣсячно, смотря по важности и спѣшности дѣла. Въ трудныхъ случаяхъ, когда противозаконность рѣшеній и распоряженій Синода покажется оберъ-прокурору не ясной, сомнительной, то ему предоставлено было право посовѣтоваться объ этомъ съ кѣмъ онъ найдетъ полезнымъ. Кромѣ того, оберъ-прокуроръ долженъ былъ слѣдить за дѣлопроизводствомъ синодской канцеляріи, а равно наблю-

дать за доброкачественностью канцелярскихъ служащихъ и за тѣмъ — достаточно ли ихъ для успѣшнаго теченія дѣлопроизводства. Надзоръ оберъ-прокурора не ограничивался однимъ Синодомъ, но простирался и на епархіи. Для выполненія задачи надзора за теченіемъ дѣлъ въ епархіяхъ, оберъ-прокурору непосредственно были подчинены всѣ прокуроры подвѣдомственныхъ Синоду духовныхъ учрежденій, а равно провинціалъ-инквизиторы и инквизиторы съ своимъ протоинквизиторомъ во главѣ. [61] 1726 г. 8-го августа оберъ-прокуроръ Синода, по высочайшему указу, переименованъ въ прокуроры, какъ они были въ коллегіяхъ. Но сенатское вѣдѣніе, въ которомъ сообщенъ этотъ указъ, Синодъ оставилъ безъ окончательнаго опредѣленія, то-есть, не сдѣлалъ приговора, которымъ бы приведенъ былъ въ исполненіе императорскій указъ. Очевидно, переименованіе синодскаго оберъ-прокурора просто въ прокуроры было крайне непріятно Синоду: этимъ императрица наносила тяжелый ударъ его достоинству и чести.

Но устройство Синода, созданное Петромъ Великимъ, въ особенности область его вѣдѣнія, не удовлетворяли самого творца. Онъ самъ уже помышлялъ произвести въ немъ нѣкоторыя измѣненія, но не успѣлъ осуществить своихъ предначертаній. Эту задачу приняла на себя императрица Екатерина I. 12-го іюля 1726 г. императрица издала указъ, въ которомъ писала: „въ имянномъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества указѣ написано: понеже его императорское величество Петръ I, имѣя попеченіе о исправленіи чина духовнаго, установилъ Духовную коллегію, чтобъ по регламенту всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управляли; но когда въ томъ духовномъ собраніи, по докладнымъ ихъ пунктамъ, послѣдовали другія дѣла, а именно: 1) во управленіи вотчинъ; 2) въ сборахъ съ нихъ доходовъ; 3) всякія по дѣламъ расправы, и 4) что того духовнаго правленія первые члены—новгородской, тверской, псковской и ростовской архіереи имѣютъ правленіе своихъ епархій; то отъ того оное духовное собраніе стало быть отягощено, отчего и въ управленіи духовныхъ дѣлъ учинилось помѣшательство, — что тогда усмотря его величество высокославныя памяти государь императоръ соизволилъ воспріять было намѣреніе, чтобъ то духовное собраніе паки оставить точію при единомъ правленіи въ духовныхъ дѣлахъ, дабы церковное правленіе и ученіе во славу имени Божія въ наилутчае происходило (какой же въ томъ трудъ и попеченіе имѣть изволилъ, о томъ свидѣтельствуютъ многіе его императорскаго величества указы); но то его императорскаго величества изволеніе къ исполненію не достигло причиною его кончины. И для того ея императорское величество, подражая трудамъ его высокославныя памяти государя императора къ исполненію его благого намѣренія, повелѣли нынѣ раздѣлить синодальное правленіе на два апартамента. Первый имѣетъ состоять въ шести персонахъ архіереевъ, а именно: въ томъ апартаментѣ

быть—новгородскому Ѳеофану, ростовскому Георгію, рязанскому Ѳеофилакту, воронежскому Іоасафу, вологодскому Кондондію, Игнатію бывшему суздальскому, которымъ засѣданіе свое имѣть по степенямъ епархій ихъ;—должны оные управлять всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви и содержать въ добромъ порядкѣ и благочиніи духовныхъ, также типографіи, и имѣть тщаніе о печатаніи книгъ, которыя-бъ были согласны съ церковными преданіи; однако-жъ о тѣхъ книгахъ, которыя вновь сочинены и печатаны быть имѣютъ, также ежели когда о чемъ какіе указы выдать надлежитъ, то для апробаціи доносить ея императорскому величеству въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а безъ апробаціи ея величества не печатать. А довольствоваться тѣмъ членомъ опредѣленнымъ жалованьемъ, а до епархій имъ ни чѣмъ не касаться, дабы отъ того въ надлежащемъ ихъ управленіи помѣшательства не было, и для того въ епархіи опредѣлить викаріевъ, которые о всемъ отвѣтъ дать и рапортовать должны, а именно въ духовныхъ дѣлахъ въ 1-мъ, а о земскихъ и экономіи во 2-мъ апартаментѣ. А во второмъ апартаментѣ быть суду и расправѣ, тако-жъ смотрѣнію сборовъ и экономіи и прочее тому подобное, по примѣру прежде бывшаго Патріаршаго Разряду и другихъ тогда бывшихъ въ патріаршемъ вѣдомствѣ приказовъ, и къ тѣмъ расправнымъ дѣламъ опредѣлить повелѣла изъ свѣтскихъ шесть персонъ. А въ тѣхъ обоихъ апартаментахъ членамъ съѣзжаться къ подлежащему своему правленію по примѣру Сената. А о которыхъ духовныхъ дѣлахъ рѣшенія учинить будетъ имъ не можно, о томъ доносить ея величеству въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, представляя свои мнѣнія, а другому апартаменту доносить о тѣхъ дѣлахъ, которыя надлежать къ духовному разсужденію, въ Синодъ, а о свѣтскихъ дѣлахъ высокому Сенату. А протопопамъ, которые въ Синодѣ присутствовали, быть по прежнему у своихъ соборовъ“ [36]). Этимъ указомъ государыня произвела коренное преобразованіе святѣйшаго Синода, какъ въ самомъ составѣ его присутствія, такъ и въ области вѣдѣнія. Вмѣсто прежнихъ одиннадцати членовъ Синода, оставлено только шесть, которые назначены были только изъ архіереевъ: архимандриты и бѣлые священники совсѣмъ устранены были изъ синодскаго присутствія. Кромѣ того, совсѣмъ отмѣнено было дѣленіе присутствующихъ по степенямъ: теперь не было въ Синодѣ ни президента, ни вице-президентовъ, ни ассессоровъ, ни совѣтниковъ; а были просто члены архіереи, которые должны были засѣдать по степенямъ епархій: архіерей старшей епархіи сидѣлъ первымъ, младшей—послѣднимъ. Область же синодскаго вѣдѣнія указомъ Екатерины I была, такъ сказать, расколота на двѣ половинки, которыя стали совершенно отдѣльными и независимыми одна отъ другой. Первому апартаменту Синода, въ которомъ присутствовали духовныя особы—архіереи, поручены были спеціально духовныя дѣла, то-есть дѣла, касающіяся вѣры и церкви, христіанской

нравственности и вообще дѣла, принадлежащія къ благоустройству и благочинію духовнаго чина. Второму апартаменту, присутствіе котораго составляли свѣтскіе чины, указано было вѣдѣніе всякихъ мірскихъ дѣлъ и экономіи, которыя до этого времени, вслѣдствіе просьбъ Синода, входили въ область его вѣдѣнія. Первый апартаментъ по всѣмъ своимъ дѣламъ входилъ съ доношеніями въ Верховный Тайный Совѣтъ, а второй — относился въ высокій Сенатъ, у котораго и состоялъ подъ апелляціей. 26-го сентября 1726 г. второй апартаментъ Синода названъ былъ Коллегіей экономіи синодальнаго правленія, а впослѣдствіи она стала именоваться просто Коллегіей экономіи.

Черезъ четыре года, однако, Синодъ оказался опять не вполнѣ удовлетворяющимъ указанной ему задачѣ. Причину этой неудовлетворительности императрица Анна Іоанновна усматривала въ малочисленности синодскихъ членовъ и вообще въ томъ, что Синодъ утратилъ свой первый образъ, который получилъ отъ Петра Великаго. Въ первый же годъ своего царствованія, именно 20-го мая 1730 г., императрица сообщила въ Синодъ указъ, въ которомъ выразила свою волю сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ состава синодскаго присутствія. „Всѣмъ извѣстно“, писала государыня, „коимъ образомъ блаженныя памяти его императорское величество дядя нашъ Петръ Великій правительствующій духовный Синодъ учредилъ и регламентами принадлежащими удовольствовалъ, который тогда состоялъ въ довольномъ числѣ персонъ, а нынѣ оной Синодъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ прежде былъ. Того ради прилежно о томъ, яко о зѣло благопотребномъ дѣлѣ, разсуждая, благоизволяемъ оной Синодъ въ доброй порядокъ привесть и повелѣваемъ духовному правительствующему Синоду, снесшись съ правительствующимъ Сенатомъ, общимъ совѣтомъ учинить слѣдующее: первое — толикому ли числу персонъ быть въ Синодѣ, колико положено въ Регламентѣ, или еще прибавить, и по скольку изъ какихъ чиновъ быть. Второе: опредѣленнымъ персонамъ въ Синодѣ непремѣннымъ ли быть, или премѣннымъ; и ежели разсуждено будетъ быть премѣннымъ, то во сколько времени перемѣнять. Третіе: выбрать кандидатовъ по именамъ для избранія въ число какое опредѣлено будетъ. Оное все учиня духовному Синоду обще съ Сенатомъ, представить намъ для конфирмаціи. А понеже нынѣ въ Синодѣ число персонъ зѣло малое — только четыре обрѣтается, и какъ малому числу вступить въ совѣтъ съ Сенатомъ не возможно, того ради повелѣваемъ духовному Синоду для совѣту вышеозначенныхъ дѣлъ взять въ прибавокъ изъ духовныхъ персонъ людей къ тому достойныхъ и прилежно стараться немедленно по вышеписанному учинить, дабы въ настоящихъ духовныхъ дѣлахъ остановки и непорядку не было“ [66]). Одновременно съ этимъ указомъ государыня послала указъ такого же содержанія и въ Сенатъ. Въ силу этихъ указовъ, іюля 26-го, состоялась въ монастырской палатѣ конферен-

ція Синода съ Сенатомъ, на которой говорили „о прибавкѣ въ Синодъ членовъ и притомъ чтены предложенные отъ Синода пункты: 1) чего ради въ Синодѣ надлежитъ быть не премѣнимымъ членамъ; 2) о бытіи въ Синодѣ одиннадцати персонамъ или больше, и изъ нихъ большее число изъ архіереевъ, а именно—семь, а не меньше шести человѣкъ, а прочіе изъ архимандритовъ". Но на этой конференціи Синодъ съ Сенатомъ не пришли ни къ какому соглашенію: Сенатъ взялъ синодскіе пункты къ себѣ „для предложенія и разсужденія всего правительствующаго Сената", такъ какъ на этой конференціи было только четверо сенаторовъ. Черезъ нѣсколько дней состоялась вторая конференція, на которой опредѣлено было— быть въ Синодѣ одиннадцати членамъ. Но вопросъ о несмѣняемости синодскихъ членовъ остался безъ разрѣшенія и по этому вопросу начался горячій споръ, уже письменный, между Синодомъ и Сенатомъ. Синодъ настаивалъ на несмѣняемости своихъ членовъ и представилъ Сенату свое мнѣніе, изложенное въ 18-ти пунктахъ. Сенатъ по этому спорному вопросу обратился къ самой государынѣ съ докладомъ, въ которомъ, съ своей стороны, приводилъ доводы въ пользу своего мнѣнія и опровергалъ доводы Синода. „По именному вашего императорскаго величества указу", говорилось въ докладѣ, „Синодъ съ Сенатомъ имѣли конференцію, и хотя отъ Сената для лутчаго вашего императорскаго величества интереса представлено было, чтобъ въ Синодѣ членомъ быть съ перемѣною, но Синодъ усильно тому противится, а требуетъ, чтобъ всѣмъ онымъ членомъ быть безперѣменно; изъ чего видно, что ни для чего иного, только бъ тѣмъ получить большую власть и силу, о чемъ, будучи на другой конференціи, подали свое разсужденіе на письмѣ, состоящее въ 18-ти пунктахъ, которыми пространно и разными образы толкуютъ все въ единой матеріи, приводя то, чтобъ быть членомъ непремѣнимымъ, изъ котораго ихъ разсужденія Сенатъ, усмотря къ большей силѣ и власти ихъ желаніе, принужденъ вашему императорскому величеству, по своей всеподданнической рабской должности, очищая передъ Богомъ и предъ вашимъ величествомъ души своя и совѣсти, донести. При предкахъ вашего императорскаго величества вначалѣ митрополиты всероссійскіе, потомъ святѣйшіе патріархи, которые по тому правленію, тако-жъ и по лицу своему, яко первопрестольные всероссійской церкви, силу и власть имѣли. И понеже отъ единой персоны не безъ страсти и не безъ погрѣшенія происходило и впредь бы происходить могло, о семъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти дядя вашего императорскаго величества государь императоръ Петръ Великій въ указѣ прошлаго 1721 г. написать изволилъ и въ Духовномъ регламентѣ ясно изображено и напечатано; къ тому-жъ нѣкоторые архіереи и архимандриты не по достоинству, но покупною цѣною поставлены были. Того ради его величество, смотря на духовный чинъ и видя

въ немъ многое нестроеніе и великую въ дѣлахъ его скудость, воспріялъ попеченіе о исправленіи онаго; а не видя лутчаго къ тому способа, паче соборнаго правительства, уставилъ Духовную коллегію, то есть духовное соборное правительство, которому по данному регламенту всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управлять, и въ той коллегіи, *по примѣру прочихъ коллегій*, опредѣлить изволилъ одного президента, двухъ вице-президентовъ, совѣтниковъ и ассессоровъ по четыре,—итого одиннадцать особъ. А понеже тогда, по данному регламенту, кромѣ духовныхъ до святѣй церкви принадлежащихъ дѣлъ, вѣдать было тому собранію не опредѣлено; того ради въ прошломъ 1721 г., то духовное собраніе поданными своими его императорскому величеству пунктами испросило, чтобъ ихъ въ церквахъ на эктеніяхъ возносить „Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ“ и имъ же бы вѣдать архіерейскія и монастырскія деревни и всякія съ нихъ сборы и расходы, такожде и крестьяномъ архіерейскимъ и монастырскимъ судомъ между себя и кто на нихъ будетъ бить челомъ, вѣдомымъ бы быть у нихъ же. Но потомъ, какъ его величество изволилъ усмотрѣть чинившіеся въ томъ многіе непорядки и что не о духовныхъ, но паче о другихъ, не принадлежащихъ къ ихъ правленію, попеченіе возъимѣли; тогда его императорское величество правленіе тѣхъ деревень и сборы и судныя дѣла изволилъ отъ нихъ отрѣшить, а поручить оные каморъ-конторѣ, которая была подъ ихъ же синодскимъ вѣдомствомъ и денежный расходъ производила по указамъ ихъ же. Но и потомъ его императорское величество усмотрѣть же изволилъ, что еще въ правленіе къ Синоду не надлежащихъ дѣлъ вступаютъ, оставляя духовныя дѣла; того ради возымѣлъ конечное намѣреніе, чтобъ и ту контору отъ Синода вовсе отрѣшить, а быть бы въ Синодѣ только однимъ дѣламъ духовнымъ, о чемъ собственныя его императорскаго величества руки въ Сенатѣ записки имѣются, но къ исполненію того не допустила его величества кончина; что потомъ, въ 1726 г., тетка вашего величества государыня императрица по тому его императорскаго величества намѣренію указала въ Синодѣ быть однимъ церковнымъ и духовнымъ дѣламъ и вѣдать школы и типографіи, а свѣтскимъ всѣмъ быть въ другомъ апартаментѣ, то-есть, въ Коллегіи экономіи, и о тѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ докладывать въ Сенатѣ... И по такому опредѣленію, въ Синодѣ для одного того духовнаго и церковнаго правленія, разсуждаемъ, что весьма надлежитъ членамъ быть премѣннымъ; а ежели быть не премѣннымъ, то не произошли-бъ таковыя опасности, каковы въ Регламентѣ, на 6-мъ и на 7-мъ листахъ, его императорское величество изобразить и напечатать указалъ. И хотя тѣ опасности къ единой персонѣ употреблены, а не ко всему духовному правительству, однако жъ ясной и у всѣхъ еще въ памяти образъ тому былъ: что Ѳеодосъ, бывшій архіепископъ новгородскій, который хотя не одинъ въ правленіи синодскомъ былъ, но какъ членъ

присутствовалъ вице-президентомъ, усиляся милостію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ихъ величествъ государя императора и государыни императрицы, происходилъ лукавно и вымышленно и ложными клеветами приводилъ многихъ въ немилость его императорскаго величества, о чемъ и письма у него выпуты. Потомъ же чинилъ и самого его государя высокому соизволенію нѣкоторыя дѣла противныя, желая себѣ сильного властолюбія и несытного сребролюбія и лакомства, нося на себѣ милость блаженныя памяти государя императора Петра Великаго и ея величества государыни императрицы, взявъ на себя неумѣренную амбицію, еще при жизни императора Петра Великаго нѣкоторыя противныя волѣ его величества дѣла показывалъ. И хотя онъ въ томъ публичное прощеніе на Москвѣ въ Сенатѣ отъ его императорскаго величества получилъ, при чемъ ему объявлено, дабы впредь такихъ продерзостей не чинилъ; однако-жъ онъ потомъ, по кончинѣ его величества, при правительствѣ блаженныя памяти государыни императрицы, взявъ на себя неумѣренную амбицію, не точію въ прочихъ какихъ дѣлахъ, но и святѣй церкви явныя противности чинилъ и святыхъ божіихъ угодниковъ и иконы святыя не почиталъ, а весь россійскій народъ называлъ идолопоклонниками; оклады и прочія церковныя утвари грабительски бралъ и въ свои непотребные домовные сосуды употреблялъ. Сверхъ того, учинилъ въ своей епархіи особую вымышленную присягу, по которой подчиненные его присягали, какъ къ вѣрной службѣ ея императорскому величеству, такъ и ему Ѳеодосу въ равныхъ терминахъ. Еще же не устрашился, не однократно дерзалъ какъ про самого его императорское величество, такъ и про ея величество государыню императрицу нѣкоторыя вредительныя къ ихъ чести слова произносить, о чемъ всѣмъ самимъ синодскимъ членамъ, которые тогда въ Синодѣ присутствовали, довольно извѣстно. А и при нынѣшнемъ синодскомъ правленіи на нѣкоторыхъ синодскихъ персонъ, которые сами въ Синодѣ присутствуютъ, явились какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ, многіе доносы и челобитья, въ которыхъ объявляютъ нѣкоторыя церковныя противности и грабленіе изъ церковныхъ имѣній, которые доносители по нѣскольку лѣтъ подъ карауломъ держатся. И по тѣмъ ихъ допосамъ еще не изслѣдовано, для того что въ Синодѣ члены еще не премѣнны, и судить и слѣдовать въ церковныхъ противностяхъ не кому, и можетъ быть, чтобъ и еще на кого такіе же доносы были, но для того опасаются и боятся, о чемъ вашему императорскому величеству, ежели соизволите, впредь пространно донесено будетъ. Тако-жъ не точію въ епархіяхъ и монастыряхъ, но и въ самой Москвѣ, гдѣ ваша императорская резиденція, многое церковное неустройство происходитъ и ни какого церковнаго благочинія по уставамъ церковнымъ не имѣется... И ежели впредь синодальные члены будутъ безъ перемѣны, то бъ хотя отъ нихъ кому какія противности и обиды происходили, — бить челомъ и доносить на нихъ не

посмѣютъ. Что-жъ Синодъ въ разсужденіи своемъ, въ 7-мъ пунктѣ, за важный резонъ представляетъ: ежели-де синодальные члены премѣнны будутъ, то во всякой перемѣнѣ нужда будетъ мѣсяцъ, другой и третій дожидаться покамѣстъ новые осмотрятся: но и тогда за-обычайными къ прежнимъ и вновь текущимъ дѣламъ быть вскорѣ не могутъ. И то представленіе за важное почтено быть не можетъ, понеже въ Синодѣ не другое какое свѣтское и разныхъ дѣлъ правленіе, токмо одно духовное и церковное состоитъ. А духовное правленіе не точію архіереомъ приличествуетъ въ своей епархіи знать, но и прочимъ духовнымъ особамъ тогда, какъ они еще по степенямъ своимъ въ начальство происходятъ, каковыхъ по достоинству въ Синодъ членами и опредѣлять должно, и каждой архіерей такія духовныя дѣла въ своихъ епархіяхъ управляетъ, развѣ который какого важнаго дѣла одинъ рѣшить не можетъ, о такихъ Синоду представлять долженъ. И тако каждому вновь приходящему архіерею или архимандриту присматриваться и обучаться церковнымъ дѣламъ нужды быть не можетъ. Къ тому-жъ премѣна быть имѣетъ не всѣмъ вдругъ, но по нѣкоторой части въ годъ и всегда большая часть будетъ старыхъ, нежели новыхъ. Развѣ бы разсуждать такимъ образомъ, что когда духовная особа въ Синодъ членомъ опредѣляется, тогда оной духовному правленію и обучаться должно; то бъ по такому разсужденію членомъ непремѣннымъ быть бы надлежало, для того что прежде того не знали и другими перемѣниться не кѣмъ". Въ этомъ же докладѣ Сенатъ предлагалъ государынѣ: „повелѣть, по примѣру тому, какъ въ Сенатѣ дѣла повелѣно раздѣлить по департаментамъ, такъ и въ Синодѣ смотрѣніе въ Москвѣ за церквами Божіими и за церковными служители раздѣлить по частямъ, дабы всякой членъ свою опредѣленную часть наблюдалъ и непорядки отвращалъ"[67]). При этомъ докладѣ Сенатъ доставилъ въ Императорскій Кабинетъ, на разсмотрѣніе самой государыни, и объясненіе Синода. На этомъ и закончились работы конференціи Синода съ Сенатомъ по устройству синодскаго присутствія. На нихъ рѣшился согласно лишь одинъ вопросъ,—именно, вопросъ о количествѣ постоянныхъ синодскихъ членовъ и о томъ, изъ какихъ степеней священства выбирать въ члены Синода: рѣшено—быть одиннадцати членамъ, изъ архіереевъ не менѣе шести, а остальные должны быть изъ низшихъ степеней духовной іерархіи, непремѣнно изъ архимандритовъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что іерархи, бывшіе на конференціи, не хотѣли допустить въ присутствіе Синода членовъ изъ бѣлаго священства. По этому предмету у нихъ былъ довольно своеобразный взглядъ. Архипастыри, съ одной стороны, весь интересъ духовной жизни сосредоточивали исключительно въ дѣлахъ архіерейскихъ и монастырскихъ, а всѣ нужды и интересы бѣлаго духовенства считали мелкими, такими, которыхъ можно было касаться только мимоходомъ. Они полагали, слѣдовательно, что все вниманіе и всѣ заботы членовъ Си-

нода должны быть направлены, главнѣйшимъ образомъ, на монастырскія и архіерейскія дѣла; что если эти дѣла хорошо будутъ управлены, то и все строеніе духовной жизни пойдетъ наилучшимъ порядкомъ. На этомъ основаніи архипастыри утверждали, что членами правителями Синода могутъ быть только архимандриты, какъ люди знающіе всѣ дѣла монастырской жизни. Съ другой стороны, архипастыри не хотѣли допускать въ члены Синода бѣлое священство потому, что оно „отъ степени архіерейскаго гораздо нижнее". Здѣсь все дѣло сводилось на почву страсти чинолюбія. Архимандритовъ іерархи считали высокочиновными сравнительно съ протопопами и сидѣть въ присутствіи рядомъ съ первыми считали дѣломъ не зазорнымъ, а съ послѣдними—не соотвѣтствующимъ ихъ архіерейскому достоинству. Все это іерархи, бывшіе на конференціи, въ своихъ докладныхъ пунктахъ выразили въ слѣдующей формѣ: „а протопопамъ при такомъ высокомъ правительствѣ быть не надлежитъ того ради, что они отъ степени архіерейскаго гораздо нижніи, и въ дѣлахъ архіерейскихъ и монастырскихъ никакого искусства не имѣютъ"[68]). На такомъ-то основаніи и рѣшено было на конференціи напечатать въ члены Синода только изъ архіереевъ и архимандритовъ.

По другимъ же вопросамъ, намѣченнымъ въ указѣ императрицы, а въ особенности по вопросу о несмѣняемости или смѣняемости синодскихъ членовъ, Синодъ съ Сенатомъ не пришли ни къ какому соглашенію и, какъ указано выше, подали особыя докладныя записки на усмотрѣніе и разсужденіе самой государыни. Судьба этихъ докладовъ не извѣстна, по крайней мѣрѣ свѣдѣній объ этомъ въ документахъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, не встрѣтилось. Но въ концѣ концовъ результатъ всѣхъ работъ въ это царствованіе по устройству Синода выразился только въ слѣдующемъ: государыня указала быть въ Синодѣ, вмѣсто одиннадцати членовъ, какъ положено было на конференціи, только девяти: четыремъ архіереямъ, тремъ архимандритамъ и двумъ протопопамъ.

Такимъ образомъ, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ Синодѣ совершились нѣкоторыя измѣненія только въ одномъ составѣ членовъ, а въ остальномъ устройство его осталось тоже, какимъ оно создано было императрицей Екатериной I. Съ этимъ устройствомъ Синодъ вступилъ и въ періодъ царствованія императора-младенца Іоанна Антоновича.

СВЯТѢЙШІЙ СИНОДЪ

1740—1741 г.

I.

Помѣщеніе Синода.—Составъ присутствія.—Оберъ-прокуроръ.—Составъ синодальной канцеляріи.—Синодальные дворяне.—Жалованье.—Форма сношенія Синода съ правительственными органами и дѣлопроизводство.—Синодальныя типографіи.

Въ описываемое время Синодъ помѣщался на Петербургскомъ островѣ, въ Гагаринскомъ домѣ [69]), и здѣсь, вмѣстѣ съ Петербургскимъ духовнымъ правленіемъ, онъ занималъ только одинъ флигель въ 18 покоевъ. Въ 1741 году встрѣтилась необходимость перевести Синодъ отсюда въ другое мѣсто,—именно на Васильевскій островъ, такъ какъ въ этомъ году ожидалось въ Петербургъ персидское посольство, для помѣщенія котораго назначены были пять дворовъ на Петербургскомъ островѣ, въ томъ числѣ и Гагаринскій домъ. 1-го мая Сенатъ, осмотрѣвъ помѣщенія правительственныхъ учрежденій на Васильевскомъ островѣ, опредѣлилъ перевести Синодъ въ аппартаменты Адмиралтейской коллегіи, назначивъ для его помѣщенія только семь палатъ: одну „порожжую залу“ и шесть палатъ, занятыхъ Коммиссіею о с.-петербургскомъ строеніи, а послѣднюю опредѣлено было перевести въ аппартаменты Юстицъ-коллегіи. Но Синодъ, осмотрѣвъ это помѣщеніе, вѣдѣніемъ 8-го мая 1741 года объявилъ Сенату, что въ тѣхъ шести палатахъ и одномъ залѣ „синодальной канцеляріи и С.-Петербургскому духовному правленію, со всѣми дѣлами и разнаго званія не малымъ числомъ имѣющимися при синодальной канцеляріи книгами и послѣ духовныхъ персонъ оставшими пожитками и ихъ же, духовныхъ персонъ, присланными изъ разныхъ мѣстъ, изъ конфискованныхъ, святыми иконами и принятыми изъ Печальной коммиссіи многими вещами, вмѣститься ни какъ невозможно; а для обрѣтающихся при синодальныхъ судахъ квартирмистра и требцовъ, такожъ для содержанія колодниковъ и при нихъ на карауле обрѣтающихся солдатъ, ни какихъ покоевъ не опредѣлено“. Вмѣстѣ съ этимъ Синодъ поставилъ на видъ Сенату, что крайней нужды къ немедленному перемѣщенію синодальной канцеляріи изъ Гагаринскаго дома не настоитъ, такъ какъ персидское посольство въ то время еще и въ Москву не прибыло, и въ другихъ домахъ, назначенныхъ для того посольства, требовавшихъ не малой починки и поправки, не только не приступлено къ тому, но даже и матеріалы не приготовлены; и даже когда начнутся работы по исправленію того дома, и тогда отъ синодальной канцеляріи мастеровымъ въ ихъ работахъ „никакого препятствія и помѣшательства совершенно быть не можетъ, для того что въ

палаты, въ коихъ синодальная канцелярія, имѣются особливые входы, а починки въ нихъ, кромѣ одной подмазки или обѣленія потолковъ и стѣнъ, никакой не признавается". Въ виду этого Синодъ находилъ возможнымъ остаться пока на прежнемъ мѣстѣ; въ противномъ же случаѣ, „если оной синодальной канцеляріи необходимо нынѣ на Васильевскій островъ перебраться надлежитъ", просилъ, „чтобъ къ вышепоказаннымъ въ аппартаментахъ Адмиралтейской коллегіи, опредѣленнымъ для синодальной канцеляріи, залу и шести палатамъ, въ добавокъ еще тамошній нижній аппартаментъ и вверху палаты, въ коихъ Монетная канцелярія и Коммиссія о вѣсахъ и мѣрахъ, опредѣлены были, безъ которыхъ обойтися никакъ невозможно". Отвѣтъ Сената на это синодское вѣдѣніе неизвѣстенъ; но только Синодъ остался въ прежнемъ помѣщеніи. Между тѣмъ, въ это время на Васильевскомъ островѣ шла достройка помѣщенія, назначеннаго спеціально для Синода. Къ этому времени, именно въ маѣ 1741 года, въ верхнихъ аппартаментахъ синодскаго дома оставалось только оштукатурить стѣны и потолки, а въ нижнемъ этажѣ сдѣлать печи и къ окнамъ затворы [70]). Въ началѣ іюля 1741 года, Сенатъ сдѣлалъ было распоряженіе перевести Синодъ въ эти новые аппартаменты; но такъ какъ въ нижнемъ аппартаментѣ еще не было сдѣлано ни печей, ни къ окнамъ затворовъ и рѣшетокъ, то Синодъ, потребовалъ все это привести въ исправность и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ построить, для поклажи дровъ и поставки гребныхъ судовъ, особые сараи, „позади аппартаментовъ подлѣ кадетскаго сада". Вслѣдствіе этого требованія, Сенатъ, 21-го іюля, предписалъ архитектору Трезину, устроить въ нижнемъ этажѣ синодскихъ аппартаментовъ печи и къ окнамъ рѣшетки и затворы, на постройку же отдѣльныхъ сараевъ для поклажи дровъ и постановки гребныхъ судовъ не изъявилъ согласія. Въ своемъ опредѣленіи отъ 28-го іюля Сенатъ писалъ: „повѣдѣнію святѣйшаго Синода, въ новостроющихся синодальныхъ, на Васильевскомъ острову, аппартаментахъ, въ нижнихъ палатахъ, въ окнахъ рѣшетки и затворы желѣзные для клажи денежной казны и дѣлъ сдѣлать и прочее, что недостроено, исправить немедленно; а что тѣмъ же вѣдѣніемъ требуется о постройкѣ, подлѣ кадетскаго сада, амбара для поклажи дровъ и гребныхъ судовъ, въ томъ отказать, понеже и при Сенатѣ и при коллегіяхъ для такихъ поклажъ амбаровъ не имѣется и нужды нѣтъ, а хотя-бъ и надобны были, и оное надлежитъ прежде разсмотрѣть Коммиссіи о строеніяхъ: можно-ли близъ коллегій такимъ амбарамъ быть" [71]). Въ августѣ того же года архитекторъ Трезинъ донесъ Сенату, что „имѣющіеся на Васильевскомъ островѣ подъ канцелярію Синода аппартаменты, для переводу той канцеляріи, изготовлены, токмо оная канцелярія и донынѣ еще имѣется на С.-Петербургскомъ островѣ, въ Гагаринскомъ домѣ". По поводу этого донесенія, Сенатъ, 20-го числа того же августа, затребовалъ отъ Синода: „когда

будетъ перебираться канцелярія Синода въ помянутыя новопостроенныя на Васильевскомъ острову палаты, и ежели нынѣшнимъ лѣтомъ или осенью и наступающею зимою перебираться не будетъ, о томъ бы письменно сообщено было“ [72]). Какое послѣдовало отъ Синода увѣдомленіе на этотъ запросъ, свѣдѣній въ бумагахъ описываемаго времени не найдено. Изъ документовъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны видно, что синодская канцелярія даже въ 1743 году оставалась на прежнемъ мѣстѣ. Въ записномъ реестрѣ именнымъ высочайшимъ указамъ, полученнымъ въ Синодѣ въ этомъ году, записаны два указа: а) подъ 20 числомъ января: „о бытіи канцеляріи Синода на С.-Петербургскомъ островѣ, въ синодальномъ домѣ, гдѣ напередъ сего имѣлась“, и б) подъ 21 числомъ мая: „о немедленномъ переводѣ правительствующаго Сената и святѣйшаго Синода и Иностранной коллегіи на Васильевскій островъ, въ сдѣланные аппартаменты и о разобраніи въ тѣхъ аппартаментахъ, отъ Сената даже до Синода, проходныхъ дверей, ежели гдѣ закладены“ [73]).

Составъ присутствія Синода, его внѣшній образъ, въ разсматриваемое время, былъ совершенно иной противъ того, какимъ онъ былъ созданъ Петромъ I: коллежскій типъ его утратился и вылился въ другую форму. Теперь присутствующіе въ Синодѣ всѣ именовались просто синодальными членами съ первоприсутствующимъ членомъ во главѣ. Дѣленія на степени, на должности, между ними не было. Въ это время присутствіе Синода составляли: три архіерея Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій и великолуцкій, Стефанъ, епископъ псковскій и архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, и Симонъ, епископъ суздальскій; три архимандрита: Павелъ Рождественскаго монастыря во Владимірѣ, Варлаамъ московскаго Чудова монастыря и Ѳеофилактъ Ипатьевскаго костромскаго монастыря, и одинъ бѣлый священникъ—протоіерей благовѣщенскій Петръ Григорьевъ. Слѣдовательно, присутствовало въ Синодѣ семь членовъ. Архимандриты—Павелъ, Варлаамъ и Ѳеофилактъ вошли въ составъ синодскаго присутствія только въ 1740 году. Въ этомъ году Синодъ представилъ на высочайшее избраніе въ синодскіе члены шестерыхъ кандидатовъ изъ архимандритовъ, и въ числѣ ихъ Павла Рождественскаго во Владимірѣ монастыря, Варлаама московскаго Чудова монастыря и Ѳеофилакта Ипатьевскаго костромскаго монастыря. Въ октябрѣ эти архимандриты уже именуются членами, и въ этомъ званіи имена ихъ встрѣчаются во все продолженіе описываемаго времени [74]).

Кромѣ постоянныхъ „членовъ“, въ Синодѣ засѣдало нѣсколько епископовъ и архимандритовъ, которые назначались въ добавленіе къ наличнымъ членамъ, и въ отличіе отъ послѣднихъ носили званіе „присутствующихъ очередныхъ“. Присутствованіе „очередныхъ“ епископовъ и архимандритовъ въ Синодѣ установлено было еще Петромъ Великимъ, указомъ 1725 года [75]). Устанавливая „чреду“ присутствія въ

Синодѣ и въ Петербургскомъ духовномъ правленіи, монархъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, дать помощь синодальнымъ членамъ, а съ другой—создать школу, въ которой бы очередные члены обучались и „приматривались къ дѣламъ“ духовнаго управленія. Изъ сохранившихся документовъ не видно—съ какими правами очередные были въ присутствіи, но извѣстно, что они всегда заступали мѣсто какого-нибудь изъ отсутствующихъ синодальныхъ членовъ [76]); кромѣ того, въ случаѣ смерти или отставки кого-либо изъ постоянныхъ членовъ, изъ очередныхъ по преимуществу замѣщали открывшіяся вакансіи въ присутствіи Синода Имъ давалось преимущество въ этомъ случаѣ потому, что они признавались опытнѣе другихъ въ дѣлахъ духовнаго управленія. Сколько членовъ было въ описываемое время въ Синодѣ очередныхъ архіереевъ, и архимандритовъ,—указаній въ документахъ нѣтъ. За свои труды они получали жалованье, какъ это видно изъ расходныхъ книгъ Коллегіи экономіи 1740 и 1741 годовъ Размѣръ этого жалованья также неизвѣстенъ, потому что въ этихъ книгахъ записана общая сумма, отпущенная на содержаніе чиновъ Синода въ томъ числѣ и очередныхъ епископовъ и архимандритовъ [77]).

Въ составъ присутствія Синода входилъ и оберъ-прокуроръ, хотя по сущности своей должности онъ не былъ присутствующимъ членомъ, а только органомъ надзирающимъ и контролирующимъ дѣйствія синодальныхъ членовъ. Должность оберъ-прокурора при Синодѣ установлена была еще Петромъ Великимъ, какъ это видно изъ предъидущаго историческаго очерка. Но въ описываемое время она не была замѣщена. Это произошло не отъ того, чтобы не было надобности въ синодскомъ прокурорѣ, или не было лица, способнаго занять эту должность: и надобность была, и лицо было назначено, но въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ *) назначеніе не осуществилось. 1740 года 31-го октября, по докладу генералъ-прокурора Сената, князя Трубецкаго, назначенъ былъ въ Синодъ оберъ-прокуроромъ генералъ-провіантмейстеръ Кречетниковъ. Но, по низверженіи регента Бирона, распоряженіе о назначеніи прокуроровъ правительницею государства Анною Леопольдовною было отмѣнено впредь до особаго распоряженія. Между тѣмъ, Кречетниковъ явился въ Петербургъ, но въ исправленіе оберъ-прокурорской должности при Синодѣ вступить не могъ: онъ остался не у дѣлъ. Кречетниковъ въ февралѣ 1741 года подалъ прошеніе въ Императорскій Кабинетъ объ опредѣленіи его къ другимъ штатскимъ дѣламъ. „Бьетъ челомъ“, писалъ онъ, „пожалованный, изъ генераловъ провіантмейстеровъ, въ святѣйшій прав. Синодъ оберъ-прокуроръ Никита Семеновъ сынъ Кречетниковъ: 1) вашему императорскому величеству служу я, именован-

*) См. выше, стр. 42—45.

ный, съ прошлаго 1713 года и былъ въ службѣ, какъ въ полевыхъ полкахъ, такъ и въ гвардіи, въ случившихся походѣхъ, въ партіяхъ и на приступахъ не отлучно, за что отъ солдатства, чрезъ состоящіе по линіи чины, произшелъ въ рангъ генералъ-провіантмейстера; 2) а минувшаго ноября 3-го дня по всемилостивѣйшему... именному указу пожалованъ я въ святѣйшій Синодъ въ оберъ-прокуроры, въ рангъ генералъ-маіора, по силѣ котораго вашего императорскаго величества указа велѣно отъ меня коммиссію принять и явиться въ С.-Петербургѣ, почему и прибылъ; 3) а нынѣ, по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, во опредѣленное мѣсто и ни куда не опредѣленъ; 4) а въ именномъ вашего императорскаго величества указѣ, состоявшемся 1740 года декабря 29-го дня соизволено: кои въ прокурорахъ быть не пожелаютъ, тѣхъ опредѣлять, по ихъ прошеніямъ, въ прежнія мѣста; а понеже я въ томъ пожалованномъ мнѣ генералъ-маіорскомъ рангѣ состою и подписываюсь тому уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было меня нижайшаго для многолѣтняго вашего императорскаго величества и вселюбезнѣйшихъ вашего величества государей родителей вседражайшаго здравія и благополучнаго государствованія, за вѣрную мою и долговременную службу всемилостивѣйше пожаловать и опредѣлить, тѣмъ пожалованнымъ мнѣ генералъ-маіорскимъ рангомъ, къ статскимъ дѣламъ, или куда повелѣно будетъ“ [78]). Въ іюлѣ того же года, согласно прошенію, Кречетниковъ былъ опредѣленъ въ Ревизіонъ-коллегію президентомъ [79]). Синодъ остался безъ оберъ-прокурора. Между тѣмъ, настояла необходимость какъ-нибудь восполнить этотъ важный недостатокъ. 11-го апрѣля 1741 г. Сенатъ представилъ въ Кабинетъ по этому предмету такое мнѣніе: „ежели его императорское величество прокурорамъ быть не соизволитъ, то какіе-бъ чины, вмѣсто ихъ, опредѣлить, Сенатъ иного способа сыскать не можетъ, кромѣ того, что ту прокурорскую должность исправлять и въ лучшемъ порядкѣ за подчиненными и воеводами смотрѣніе имѣть и по оной взыскивать въ надлежащія мѣста рапортовать могутъ: въ коллегіяхъ - президенты, а гдѣ президентовъ пѣтъ, главные члены, въ губерніяхъ—губернаторы и вице-губернаторы, а въ Синодѣ, который болѣе состоитъ до духовныхъ правленій, а не свѣтскихъ, потому-жъ ту должность можетъ исправлять изъ первыхъ духовныхъ персонъ“ [80]). Такой-то способъ проектировался для восполненія отсутствія въ Синодѣ оберъ-прокурора. Но онъ, безъ сомнѣнія, не могъ принести ни малѣйшей пользы дѣлу, поэтому остался безъ приложенія, и Синодъ оставался безъ прокурорскаго надзора до воцаренія императрицы Елизаветы Петровны, когда оберъ прокуроромъ Синода назначенъ былъ князь Яковъ Шаховской, съ переименованіемъ его въ рангъ генералъ-маіора [81]). Члены Синода были избираемы и утверждаемы высочайшею властію изъ представляемыхъ отъ Синода

кандидатовъ. При составленіи списка такихъ кандидатовъ въ Синодѣ соблюдался слѣдующій порядокъ: на званіе члена-епископа отъ Синода были представляемы трое кандидатовъ изъ епархіальныхъ архіереевъ и первымъ кандидатомъ значился епископъ, который состоялъ уже присутствующимъ въ Синодѣ чередным; въ званіе „присутствующаго", или черезпаго, епископа представляемъ былъ членъ изъ архимандритовъ; въ члены-архимандриты были представляемы по два кандидата изъ настоятелей монастырей, въ число коихъ также включались архимандриты уже засѣдавшіе въ присутствіи Синода. Такимъ образомъ членъ-архимандритъ, современемъ, былъ посвящаемъ во епископа съ назначеніемъ состоять въ Синодѣ „присутствующимъ", а потомъ при открывшейся вакансіи могъ быть избранъ въ дѣйствительные члены. Такъ членъ Синода, архимандритъ соловецкій, Варсонофій, произведенный во епископа архангелогородскаго, оставался „присутствующимъ" въ Синодѣ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени былъ представленъ на высочайшее избраніе первымъ кандидатомъ въ дѣйствительные члены-епископы [82]). Члены-епископы состояли таковыми пожизненно. Они имѣли постоянное пребываніе въ Петербургѣ и только на нѣкоторое время, на извѣстный срокъ, увольняемы были въ ихъ епархіи, для личнаго отправленія епархіальныхъ дѣлъ, при чемъ соблюдалась, въ таковыхъ отпускахъ, очередь. Отпуски синодальнымъ членамъ разрѣшались не иначе, какъ высочайшею властію [83]).

Канцелярію Синода составляли слѣдующія должностныя лица: оберъ-секретарь Яковъ Левашовъ, экзекуторъ Илья Ксиландеръ, который былъ опредѣленъ на эту должность 1738 года 17-го марта, а въ началѣ 1741 года отрѣшенъ изъ службы; на мѣсто его былъ опредѣленъ того же года 23-го февраля синодскій секретарь Василій Тишинъ [84]); три секретаря: Павелъ Протопоповъ, Никифоръ Слонцовъ и Иванъ Муриновъ [85]): регистраторъ Иванъ Шавровъ, а въ 1741 году, въ іюлѣ, встрѣчается уже другой регистраторъ—Иванъ Киселевъ [86]), бывшій нѣсколько ранѣе того, именно въ февралѣ, еще канцеляристомъ [87]). Затѣмъ встрѣчаются имена пяти канцеляристовъ: Алексѣя Головкова, Бориса Нетскаго, Михаила Остолопова, Ивана Матвѣева, Евдокима Череповскаго [88]); трехъ подканцеляристовъ: Алексѣя Ленунова, Искрина, Степана Всеславскаго, изъ коихъ послѣдній подписывалъ исходящія бумаги [89]). На исходящихъ бумагахъ встрѣчается подпись актуаріуса Михаила Бѣляева [90]). При синодской канцеляріи былъ архиваріусъ Михайла Семеновъ, который въ 1740 году взятъ былъ изъ Синода въ секретари ко двору принцессы Анны Леопольдовны. Въ журналѣ Сената 1740 года 27-го марта, въ статьѣ 12, записано, что слушано было доношеніе „ея высочества государыни принцессы отъ гофмаршала князя Черкасскаго, въ которомъ объявляетъ, что ея высочество государыня принцесса, сего марта 17-го дня, соизволила указать, при дворѣ ея высочества у дѣлъ быть секретаремъ сино-

дальному архиваріусу, Михаилу Семенову, о чемъ-де ему и объявлено и къ присягѣ приведенъ (приказали): для извѣстія о томъ сообщить въ Герольдмейстерскую контору“ [91]). Кромѣ того, въ составѣ синодской канцеляріи числилось нѣсколько молодыхъ людей, подъ названіемъ „синодальныхъ дворянъ“. Сколько было ихъ, изъ документовъ съ точностію не видно. Эти „синодальные дворяне“ состояли при синодской канцеляріи, такъ сказать, въ качествѣ учениковъ канцелярскаго дѣла; поэтому они должны были приготовляться здѣсь практически къ высшимъ канцелярскимъ должностямъ подъ руководствомъ канцеляристовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны были обучаться „во учрежденной при Сенатѣ школѣ и другимъ наукамъ“, куда они ходили два раза въ недѣлю, въ среду и субботу. Таковыхъ, обучавшихся въ сенатской школѣ, синодальныхъ дворянъ въ описываемое время упоминается двое: Иванъ Тыртовъ и Осипъ Зеленый [92]).

При синодской канцеляріи состояло значительное число низшихъ служителей. При ней было 12 человѣкъ гребцовъ подъ командой „квартирмистра“; обязанностью ихъ было —служить „на водяныхъ судахъ для выѣзда святѣйшаго Синода членовъ и прочихъ канцелярскихъ нуждъ“. Гребцы имѣли особый присвоенный имъ мундиръ. Водяныхъ судовъ при синодской канцеляріи, въ 1739 году, имѣлось четыре: яхта, шлюпка, верейка и шхерботъ. Въ гребцы Синодъ опредѣлялъ изъ синодскихъ „домовыхъ служебниковъ“—изъ конюховъ и другихъ низшихъ чиновъ. Такъ, въ 1739 г., Синодъ, уволивъ четырехъ гребцовъ въ Москву, затребовалъ отъ Сената: „дабы на мѣста оныхъ служителей опредѣлено было Коллегіей экономіи изъ домовыхъ (синодальныхъ) служебниковъ и изъ дѣтей ихъ въ гребцы четырехъ человѣкъ, выбравъ годныхъ, прислать въ святѣйшій Синодъ немедленно“. Сверхъ того, при колодникахъ для караула, находилась военная команда въ составѣ 96 человѣкъ, подъ начальствомъ одного подпрапорщика [93]).

Чины синодской канцеляріи отъ секретарей до канцелярскихъ служителей опредѣлялись, перемѣщались и увольнялись самимъ Синодомъ. При замѣщеніи должностей экзекутора или секретаря, Синодъ, составивъ опредѣленіе, сообщалъ о своемъ распоряженіи, для свѣдѣнія, Сенату, который съ своей стороны дѣлалъ распоряженіе о выдачѣ тому лицу изъ Герольдмейстерской конторы печатнаго патента на новую должность. Такъ, 1741 года 25-го февраля, Синодъ сообщилъ Сенату вѣдѣніемъ: „по указу его императорскаго величества, святѣйшій Синодъ приказали, на мѣсто бывшаго экзекутора Ильи Кейландера.... быть въ святѣйшемъ Синодѣ экзекуторомъ синодальному-жъ секретарю Василію Тишину, и правительствующій Сенатъ да благоволитъ о томъ вѣдать“. Сенатъ же приказалъ: „оное вѣдѣніе отдать по экспедиціи, изъ которой съ онаго для вѣдома въ Герольдмейстерскую контору сообщить копію“ [94]). Должности синодскихъ секретарей и экзекутора числились въ рангахъ военныхъ: секретари состояли въ рангѣ маіорскомъ, а экзекуторъ

въ рангѣ подполковничьемъ, какъ это видно изъ патентовъ, выдававшихся имъ изъ Герольдмейстерской конторы. Таковы, напримѣръ, были выданы патенты: 1) 1741 года 28-го іюня, на имя секретаря В. Тишина, по случаю перемѣщенія его Синодомъ на экзекуторскую должность: „извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Василія Тишина, который намъ въ нашемъ Синодѣ секретаремъ въ рангѣ маіорскомъ служилъ, для его оказанной къ службѣ нашей ревности и прилежности, во оный нашъ Синодъ экзекуторомъ въ рангъ подполковничій, въ 1741 году февраля 23-го дня, всемилостивѣйше пожаловали и учредили, яко же мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ помянутаго Василія Тишина экзекуторомъ, въ рангѣ подполковничьѣ. надлежащимъ образомъ признавать и почитать. Въ противность чего и мы надѣемся, что онъ въ семъ, ему отъ насъ всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ. такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму рабу надлежитъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, лѣта 1741 іюня 22-го дня“. Подлинный подписанъ: правительницей Анною и генералиссимусомъ Антономъ Ульрихомъ. 2) 1741 года іюня 17-го дня, на имя секретаря П. Протопопова: „извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что блаженныя и вѣчнодостойныя памяти всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, наша вселюбезнѣйшая бабка, Павла Протопопова, который ея величеству секретаремъ служилъ, для его оказанной къ службѣ ревности и прилежности, въ томъ же чинѣ, къ намъ въ Синодъ, въ рангъ маіорской, въ 1731 году ноября 12-го дня, всемилостивѣйше пожаловала, но токмо ему на оный чинъ патента понынѣ было не дано. Того ради мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ помянутаго Павла Протопопова секретаремъ, въ рангѣ маіорскомъ, надлежащимъ образомъ признавать и почитать.... Данъ въ С.-П. 1741 года іюня 17-го дня“. Подпись такая же какъ и на вышеприведенномъ патентѣ. 3) 1741 года 17-го іюня былъ выданъ точно такой же патентъ на имя Никифора Слонцова, который, въ 1733 году 22-го іюня опредѣленъ былъ секретаремъ въ Синодъ въ рангъ маіорскій, изъ „приказныхъ надзирателей тобольскаго архіерейскаго дома“, по которому на тотъ маіорскій рангъ патента еще не было выдано [95]).

Перечисленные выше чины и служители не составляютъ полнаго списка служащихъ въ синодской канцеляріи такъ какъ здѣсь поименованы только тѣ, коихъ есть подпись на канцелярскихъ бумагахъ, или о которыхъ упоминается въ этихъ самыхъ бумагахъ. Канцелярскихъ силъ у Синода было, безъ сомнѣнія, больше, потому что во всякой канцеляріи, слѣдовательно, и синодской, всегда было больше такихъ чиновъ, которые никогда не подписывали своихъ фамилій на бумагахъ,—это мелкіе, не выдающіеся чины. Ниже мы сочли нужнымъ помѣстить вѣдомость за майскую треть 1739 года, въ

которой перечислены какъ всѣ присутствующіе въ Синодѣ, такъ и чины канцеляріи его и низшіе служители. Эта вѣдомость даетъ ясное представленіе о самомъ присутствіи Синода и его канцеляріи. Нельзя утверждать положительно, чтобы въ царствованіе Іоанна Антоновича былъ такой же точно составъ канцелярскихъ чиновъ и служителей Синода, какой существовалъ, по вѣдомости, въ 1739 году, но принимая во вниманіе краткость времени отъ мая 1739 года до описываемой эпохи, едва ли можно сомнѣваться, что персоналъ синодской канцеляріи въ эту эпоху былъ не тотъ же, какой обозначенъ въ указанной вѣдомости. Если онъ и былъ измѣненъ, то, безъ сомнѣнія, въ самыхъ малыхъ чертахъ [96]). Въ 1739 году за майскую треть, ассигновывалось жалованье слѣдующему персоналу Синода и его канцеляріи: членамъ Синода — Амвросію, епископу вологодскому и бѣлозерскому, Стефану, епископу псковскому и нарвскому и архимандриту Александро-Невскаго монастыря, и Кипріану, епископу коломенскому и каширскому, по 500 р., Соловецкаго монастыря архимандриту Варсонофію 333 р. 33¼ к., Благовѣщенскаго собора протопопу Петру Григорьеву 200 р.; канцелярскимъ служителямъ: оберъ-секретарю Левашидову 400 р., экзекутору Ильѣ Ксиландеру 166 р. 66½ к., секретарямъ: Павлу Протопопову, Никифору Слонцову и Ивану Муринову по 200 руб., протоколисту Петру Богомолову 133 р. 33¼ к., переводчику Василію Козловскому, архиваріусу Михаилу Семенову, актуаріусу Михаилу Бѣляеву и регистратору Ивану Шаврову по 100 р., тремъ канцеляристамъ по 83 р. 33⅓ к., четыремъ канцеляристамъ же по 66 р. 66½ к., подканцеляристамъ: четыремъ по 33 р. 33⅓ к., двумъ по 20 р., семерымъ по 16 р. 66¾ к., пицикамъ: одному 8 р., а другому 6 р.; синодальнымъ дворянамъ: Михаилу Морвинову, Сергѣю Рожнову, Осипу Зеленому, князю Павлу Шаховскому, Якову Еремееву и Ивану Тыртову по 23 р. 33⅓ коп.; тремъ сторожамъ по 8 р., подпрапорщику Ивану Пестову 6 р. 44½ к., капралу 5 р. 88½ к., гвардіи солдатамъ: одному перваго оклада (не показано), шестнадцати втораго оклада по 9 р. 99 к., двумъ третьяго оклада по 7 р. 20½ к.; солдатамъ напольныхъ полковъ девяти человѣкамъ по 5 р. 54⅓ коп.; на канцелярскіе расходы на полгода 500 р. [97]).

Къ содержанію Синода относилось какъ денежное жалованье членамъ Синода и чинамъ канцелярскимъ, такъ и жалованье натурой—хлѣбомъ и проч. Вопросъ о „трактаментѣ“ синодальнымъ членамъ поднимался, за несочиненіемъ синодскаго штата, почти каждое царствованіе и почти каждый разъ претерпѣвалъ какія-либо перемѣны. Петръ Великій, учреждая Синодъ, опредѣлилъ жалованья членамъ синодскимъ: президенту три тысячи, вице-президентамъ по 2500, совѣтникамъ по 1000 и ассессорамъ по 600 р. Въ эту дачу включены были и доходы архіереевъ съ своихъ епархій, архимандритовъ отъ монастырей и бѣлыхъ священниковъ—ихъ жалованье. Въ указѣ 1724 года сдѣлано разъ-

ясненіе, какіе доходы включать въ жалованье синодскихъ членовъ: „что получаемые синодальными членами доходы, кромѣ казенныхъ денегъ, напримѣръ, на молебны, на панихиды, на погребеніяхъ и прочихъ тому подобныхъ, въ число трактамента не включаются, и обыкновенные изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей на пропитаніе имъ и обрѣтающимся при нихъ потребному числу служителямъ съѣстные припасы и принадлежащія къ тому потребы, дрова, сѣно и прочее брать не запрещается" [98]). Въ царствованіе Анны Іоанновны денежный окладъ членамъ Синода вновь былъ измѣненъ. Высочайшимъ указомъ 1731 года 26 го ноября повелѣно: „синодальнымъ членамъ за особливый ихъ при дѣлахъ синодскихъ трудъ, годоваго жалованья давать: новгородскому архіепископу прежній его вице-президентскій окладъ 2500 руб., прочимъ же архіереямъ, каждому по 1500 рублей, архимандритамъ по 1000 р., протопопамъ ассессорскаго по 600 рублей [99]). Но въ этомъ указѣ не было сказано—включать ли въ жалованье доходы, получаемые членами Синода изъ ихъ епархій и монастырей; поэтому денежное жалованье синодальнымъ членамъ выдавалось безъ включенія ихъ епархіальныхъ и монастырскихъ доходовъ. Въ 1740 году о синодскомъ трактаментѣ вновь возникъ вопросъ. Императорскій Кабинетъ, усмотрѣвъ изъ доставленной изъ Синода справки, что члены Синода опредѣленное имъ указомъ 1731 года жалованье получали сверхъ денежныхъ доходовъ изъ епархій и монастырей, нашелъ такую выдачу не соотвѣтствовавшею прежнимъ указамъ. По мнѣнію Кабинета, указомъ 1731 года не было отмѣнено повелѣніе Петра Великаго 1721 года, чтобы денежное жалованье членамъ Синода выдавать со включеніемъ ихъ доходовъ; именнымъ же указомъ 1724 года повелѣвалось только, чтобъ съѣстныхъ припасовъ, дровъ, сѣна и прочаго, въ тогдашнее жалованье не включать, а о деньгахъ, которыя они отъ епархій и монастырей получаютъ не упомянуто, и потому Кабинетъ полагалъ, что вышеозначенный указъ Петра Великаго 1721 года о зачетѣ членамъ Синода въ жалованье денежныхъ ихъ доходовъ остался во всей силѣ. На основаніи такихъ соображеній, въ помянутой записѣ, кабинетъ-министры резолюціею заключили: „ того ради надлежитъ означеннымъ синодальнымъ членамъ опредѣленное, по вышеобъявленному именному 1731 года указу, жалованье производить, причитая въ тому, что они могутъ получить -архіереи отъ епархій, архимандриты отъ монастырей, а протопопы съ опредѣленныхъ имъ деревень денежныхъ доходовъ, а канцелярскимъ и нижнимъ служителямъ по прежнимъ окладамъ" [100]). Въ такомъ смыслѣ представленъ былъ отъ Кабинета докладъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, которая однако повелѣла не включать въ жалованье денежныхъ доходовъ. Въ записной книгѣ резолюціямъ Императорскаго Кабинета и именнымъ высочайшимъ указамъ 1740 года, въ статьѣ 3-й, подъ 15 числомъ апрѣля записано: „ея императорское величество указала о жалованьѣ синод-

скимъ членамъ резолюцію написать, чтобъ на нынѣшній 1740 годъ давать по опредѣленнымъ имъ окладамъ, не причитая того, что они получаютъ, архіереи отъ епархій, архимандриты отъ монастырей своихъ“ [101]). Изъ документовъ видно, что на основаніи этого высочайшаго повелѣнія отпускаемо было денежное жалованье членамъ Синода и въ царствованіе Іоанна Антоновича [102]). Что касается жалованья канцелярскимъ чинамъ Синода, то о размѣрѣ его въ описываемое время можно судить по вышеприведенной вѣдомости, такъ какъ содержаніе этимъ чинамъ давалось „по прежнимъ окладамъ“. О жалованьѣ „синодальнымъ дворянамъ“ даетъ указаніе, хотя косвенное, приговоръ Сената 3-го марта 1737 года: дворянамъ, причисленнымъ къ Сенату, Синоду и коллегіямъ получать жалованье — годъ кошінстское, два года подканцеляристское, два года канцеляристское; а по прошествіи пяти лѣтъ службы — жалованье по должности [103]). Денежное жалованье какъ членамъ Синода, такъ и чинамъ канцеляріи и нижнимъ служителямъ отпускаемо было Коллегіей экономіи изъ „опредѣленныхъ доходовъ на содержаніе Синода“ [104]). Подъ этими „опредѣленными доходами“ разумѣлись тѣ сборы, которые въ прежнее время, при патріархахъ, поступали въ патріаршую казну, таковы: 1) сборы съ церквей (дани), священнослужителей, церковныхъ земель, съ браковъ (вѣнечные) и 2) съ патріаршихъ вотчинъ. Тѣ и другіе сборы вѣдомы были въ особыхъ патріаршихъ приказахъ, первые въ „Казенномъ“, вторые въ „Дворцовомъ“ [105]). Со времени учрежденія святѣйшаго Синода означенные приказы поступили въ вѣдомство этого новаго органа и, вмѣсто патріаршихъ, стали называться синодальными, Казеннымъ и Дворцовымъ, приказами и денежные вышепомянутые сборы, которые поступали въ эти приказы, въ 1726 году отданы на содержаніе Синода [106]). Затѣмъ именнымъ указомъ 1738 года 30-го октября приказы эти съ ихъ сборами вслѣдствіе накопившихся недоимокъ изъяты были изъ вѣдомства Синода и переданы въ вѣдѣніе Коллегіи экономіи, съ тѣмъ, чтобы Коллегія экономіи изъ собираемыхъ по тѣмъ приказамъ доходовъ опредѣленное количество денежной суммы отпускала по требованіямъ Синода на его содержаніе [107]). Изъ этихъ-то „опредѣленныхъ доходовъ“ въ 1740 году и велѣно было, „пока штатъ апробованъ будетъ“, на жалованье синодальнымъ членамъ отпускать сумму изъ Коллегіи экономіи по прежнимъ окладамъ [108]). Такимъ образомъ, Синодъ содержался доходами, собираемыми по духовному вѣдомству. Но въ выдачѣ жалованья какъ синодальнымъ членамъ, такъ и канцелярскимъ чинамъ и служителямъ встрѣчались нѣкоторыя затрудненія. Это происходило главнымъ образомъ отъ того, что въ сборѣ „опредѣленныхъ доходовъ“ образовалась большая недоимка, накопившаяся еще отъ того времени, когда синодальные приказы, вѣдавшіе „опредѣленные сборы“, были подъ указами самаго Синода. Съ передачей, въ 1738 г., этихъ приказовъ въ вѣдѣніе Коллегіи экономіи, послѣдней предписано бы-

ло — недоимки, накопившіяся въ бытность тѣхъ приказовъ въ вѣдомствѣ Синода, непремѣнно взыскать къ 1 января 1739 года. Коллегія экономіи, принявъ въ свое вѣдомство помянутые сборы, не улучшила положеніе дѣлъ; накопившіяся недоимки не были ею къ опредѣленному сроку взысканы, прочія же суммы коллегіи пошли на другіе экстренные расходы, а отъ того, за недостаткомъ денегъ въ Коллегіи экономіи, выдача жалованья Синоду замедлилась такъ, что съ 1738 по 1740 годъ не дослано было въ Синодъ того жалованья, всего 15,327 р. 82½ коп. Синодъ былъ вынужденъ въ мартѣ 1740 года обратиться въ Кабинетъ съ донесеніемъ, что Коллегія экономіи съ 1738 года, „не смотря не только на указы Сената, но даже на резолюціи Кабинета, надлежащей суммы на жалованье и на канцелярскіе расходы не присылаетъ, отъ чего канцелярскіе служители претерпѣваютъ нужду“, и потому просилъ отпустить изъ Коллегіи экономіи въ Синодъ денежной суммы на жалованье за прошедшій 1739 и на текущій 1740 годы изъ наличныхъ денегъ, какія въ коллегіи есть, или же доходы Казеннаго и Дворцоваго приказовъ отдать попрежнему въ синодальное вѣдомство [109]). Кабинетъ, по этому донесенію, отнесся въ Коллегію экономіи. Управлявшій ею графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ, что Коллегіи экономіи отпустить денегъ на жалованье Синоду „не изъ чего“, такъ какъ всѣ суммы этой коллегіи „употреблены по указамъ въ расходъ“. Кабинетъ, однако, далъ ему указъ: „чрезъ сіе наикрѣпчайше подтверждается, дабы вся та (о косй выше сказано) недоимка (была) взыскана въ непродолжительномъ времени..., а между тѣмъ жалованье синодальнымъ членамъ и канцелярскимъ служителямъ отпустить изъ вышеобъявленныхъ доходовъ безъ всякаго задержанія“ [110]). Съ того времени Коллегія экономіи своевременно отпускала сумму на содержаніе Синода и если когда на такіе отпуски не доставало сборовъ по приказамъ, тогда, въ дополненіе къ нимъ, недостающая сумма отпускалась изъ другихъ, собственно „коллежскихъ“ доходовъ, которая послѣ, по мѣрѣ накопленія сборныхъ денегъ по тѣмъ приказамъ, перечислялась въ коллежскіе доходы [111]). Денежныя суммы на содержаніе Синода изъ Коллегіи экономіи были отпускаемы по прошествіи каждой трети года. Такъ какъ Коллегія экономіи находилась въ Москвѣ, то суммы пересылались оттуда въ Петербургъ въ Синодъ черезъ Московскую синодальнаго правленія канцелярію. Въ такихъ случаяхъ Коллегія экономіи обыкновенно предписывала указомъ расходчику—слѣдующую за треть сумму на жалованье Синоду представить въ помянутую канцелярію и передать подъ росписку члена. Изъ расходныхъ книгъ Коллегіи экономіи видно, что деньги, пересылавшіяся въ Синодъ на выдачу жалованья служащимъ, не были въ Коллегіи разсчитаны по статьямъ, на каждое отдѣльное лицо, но писались въ общей суммѣ на всѣхъ служащихъ, какъ на

членовъ, такъ и на чиновъ канцеляріи, и низшихъ служителей, и на канцелярскіе расходы, также и на жалованье служащимъ въ Петербургскомъ духовномъ правленіи и „череднымъ архимандритамъ“ *). Такъ въ расходныхъ книгахъ обыкновенно писалось: „выдано на дачу святѣйшаго Синода членамъ и синодальнымъ же и С.-Петербургскаго духовнаго правленія канцелярскимъ и нижнимъ служителямъ и очереднымъ архимандритамъ денежнаго жалованья и на канцелярскіе расходы, а солдатамъ за хлѣбъ деньгами“... Сумма Синоду отпускалась не равномѣрно въ каждую треть: въ одну большая сумма, а къ другую меньшая; такъ напримѣръ: за сентябрскую треть 1740 года—5470 р. 76¼ коп., за январскую треть 1741 года 6656 р. 99¾ коп., за майскую треть того же года 6807 р. 84½ коп. [113]).

Синодъ, какъ высшее учрежденіе по управленію духовными дѣлами, занималъ и высшее мѣсто въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій. По объему своихъ полномочій онъ былъ равенъ Сенату и состоялъ подъ указами одного Императорскаго Кабинета, какъ верховнаго правительственнаго учрежденія, въ которомъ одномъ совмѣщались всѣ функціи власти по управленію государствомъ. Всѣ остальныя учрежденія, какъ духовныя, такъ и гражданскія, стояли ниже Синода въ ихъ іерархической постепенности. Сообразно этому положенію и форма сношенія его съ разными учрежденіями была различна: съ Императорскимъ Кабинетомъ онъ сносился какъ подчиненный съ высшей властью, съ Сенатомъ—какъ равный съ равнымъ, а съ остальными учрежденіями—какъ органъ высшій съ низшими. Непосредственно къ самой верховной власти Синодъ входилъ со „всеподданнѣйшими докладами“, а самъ получалъ отъ нея „именные высочайшіе указы“ [114]). Иногда правительница отдавала указы Синоду лично и словесно, а иногда черезъ придворнаго рекетмейстера [115]). Въ сношеніяхъ съ Императорскимъ Кабинетомъ Синодъ употреблялъ форму „докладовъ, рапортовъ, доношеній и сообщеній“. По имѣющимся матеріаламъ описываемаго времени нельзя опредѣлить точнаго правила—въ какихъ случаяхъ употреблялъ Синодъ ту или другую форму сношенія. Можно полагать однако, что въ томъ случаѣ, когда Синодъ получалъ высочайшій именной указъ и дѣлалъ по нему соотвѣтствующее распоряженіе, то какъ о полученіи самаго указа,

---

*) О жалованьѣ череднымъ архимандритамъ находимъ свѣдѣніе въ Полн. Собр. Зак. Въ 1732 г. было повелѣно «пребывающимъ въ С.-Петербургѣ въ годовой чредѣ священнослуженія и къ дѣламъ опредѣленія двумъ архимандритамъ» выдавать жалованье на ихъ съ служителями содержаніе и на прочіе расходы по 500 р. въ годъ каждому. Въ 1738 г. 25-го апрѣля резолюціею кабинетъ-министровъ, на сообщеніи Синода, за уменьшеніемъ окладныхъ и неокладныхъ синодальныхъ доходовъ, согласно представленію Синода, велѣно давать имъ, вмѣсто 500 р., уже по 300 руб. каждому [112]).

такъ и объ исполненіи по нему представлялъ „докладъ“ Императорскому Кабинету[116]). Съ „доношеніями“ Синодъ входилъ въ Императорскій Кабинетъ, во-первыхъ, когда испрашивалъ отъ него „повелительнаго указа“; во-вторыхъ, когда, получивъ такой указъ, извѣщалъ объ его исполненіи. Такъ Синодъ входилъ въ Императорскій Кабинетъ съ „доношеніями“ о назначеніи имъ кандидатовъ въ члены Синода и въ епархіальные архіереи. Съ „доношеніями“ же Синодъ входилъ въ Кабинетъ, когда ходатайствовалъ о подтвержденіи, напримѣръ, Коллегіи экономіи выдать недосланное жалованье членамъ и канцелярскимъ чинамъ Синода, или — объ освобожденіи священноцерковническихъ дѣтей отъ военной службы за небытіе у присяги 1731 и 1732 годовъ[117]). Когда же Синодъ испрашивалъ у Кабинета только „резолюціи“, или сообщалъ ему во „извѣстіе“ объ исполненіи кабинетскихъ распоряженій, то сносился съ нимъ „сообщеніями“[118]). Такую же форму „сообщенія“ употреблялъ Синодъ при представленіи въ Кабинетъ „рапортовъ“, годовыхъ и ежемѣсячныхъ, о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ[119]). Изъ Кабинета Синодъ почти исключительно получалъ „сообщенія“[120]). Синодъ сносился съ Кабинетомъ не всегда только письменно. Иногда Кабинетъ приглашалъ къ себѣ членовъ Синода, одного или нѣсколькихъ, и объявлялъ имъ „словесное приказаніе“ объ исполненіи какого-либо своего распоряженія по духовному вѣдомству[121]). Иногда кто-нибудь изъ синодскихъ членовъ самъ являлся въ Кабинетъ для личнаго объясненія по какому-либо кабинетскому письменному запросу[122]). Съ Сенатомъ Синодъ, какъ равный съ равнымъ, во всѣхъ случаяхъ сносился „вѣдѣніями“[123]). Съ прочими учрежденіями, коллегіями, конторами и канцеляріями, Синодъ сносился указами, какъ правительственный органъ равный Сенату[124]). Съ Московской синодальнаго правленія канцеляріей Синодъ сносился въ формѣ или вѣдѣній (какъ Сенатъ съ своею конторой въ Москвѣ), или же указовъ. Послѣдняя форма практиковалась преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было объявить объ исполненіи высочайшей воли[125]). Затѣмъ, во всѣ учрежденія духовнаго вѣдомства Синодъ посылалъ указы, а отъ нихъ получалъ „доношенія“ или „рапорты“[126]).

Въ письменной практикѣ Синода, для сношеній съ разными учрежденіями и лицами, выработалось и установилось однообразіе формъ и даже выраженій, по которымъ писались бумаги. Въ своихъ докладахъ на высочайшее имя Синодъ всегда выражалъ всеподданнѣйшія чувства глубокаго смиренія, именовалъ себя просто Синодомъ, не прилагая титула „свягѣйшій“ или „правительствующій“; въ концѣ доклада члены называли себя „всенижайшими рабами и богомольцами“. Такъ, напримѣръ, Синодъ, 1741 г. 14-го марта, просилъ его императорское величество объ освобожденіи архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ новгородской и псковской епархій отъ обязанности высылать косцовъ на казенные новгородскіе луга для сѣнокосовъ и эту свою просьбу представилъ въ слѣдующей формѣ: „Всепресвѣтлѣйшему,

державнѣйшему, великому государю императору и самодержцу всероссійскому отъ Синода всеподданнѣйшій докладъ"; затѣмъ, изложивъ суть доклада, писалъ: „того ради, о вышеписанномъ о всемъ вашему императорскому величеству Синодъ всеподданнѣйше донесше, ожидать будетъ на сіе всемилостивѣйшаго высокоповелительнаго вашего императорскаго величества указа... Вашего императорскаго величества всенижайшіи рабы и богомольцы" [127]). По такой формѣ писались почти всѣ синодскіе доклады или представленія на высочайшее имя. Сообщенія въ Императорскій Кабинетъ Синодъ писалъ съ подобающимъ ему достоинствомъ, но съ соблюденіемъ выраженій подчиненности. Въ заглавіи такихъ бумагъ онъ писалъ кратко: „Въ Императорскій Кабинетъ", или „Въ Кабинетъ его императорскаго величества"; затѣмъ, по изложеніи своего мнѣнія относительно вопроса, послужившаго содержаніемъ сообщенія, „требовалъ резолюціи": „и святѣйшій Синодъ представляетъ свое мнѣніе и о томъ требуетъ отъ Кабинета резолюціи", или „повелительнаго указа", писалъ обыкновенно Синодъ въ своихъ сообщеніяхъ. Бумаги въ Императорскій Кабинетъ подписывались всѣми наличными членами Синода и скрѣплялись оберъ-секретаремъ и секретаремъ [128]). Въ синодскихъ бумагахъ, адресованныхъ въ Сенатъ, уже слышенъ тонъ равенства; въ заключеніи своего „вѣдѣнія" Синодъ обыкновенно писалъ: „и по его императорскаго величества указу правительствующій Сенатъ да благоволитъ учинить" и пр. Вѣдѣнія въ Сенатъ подписывались только оберъ-секретаремъ, секретаремъ и канцеляристомъ [129]). Что касается до указовъ мѣстамъ и лицамъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, то они только по названію и формѣ были указами: въ ихъ тонѣ и выраженіяхъ сквозило нѣкоторое равенство Синода съ этими учрежденіями и лицами [130]). Указы же Синода, разсылавшіеся по духовному вѣдомству, имѣли чисто повелительный тонъ и характеръ; въ нихъ ярко проглядывало, что ихъ писалъ властитель къ подвластному. Въ заключеніи указа Синодъ обыкновенно писалъ: „того ради по указу его императорскаго величества святѣйшій правительствующій Синодъ *приказали*" и пр.

Вся письменная работа по синодскому дѣлопроизводству лежала на синодской канцеляріи. Всякая бумага, откуда бы она ни была направлена въ Синодъ, первоначально поступала въ его канцелярію и проходила стадіи канцеляризма. Возстановить вполнѣ картину устройства синодской канцеляріи, а равно и всѣ формы дѣлопроизводства за описываемое время нельзя, потому что синодскихъ дѣлъ и бумагъ за это время сохранилось не много и свѣдѣнія въ нихъ по этому предмету встрѣчаются отрывочныя и неясныя. Есть указанія, что синодская канцелярія дѣлилась на повытья, изъ коихъ каждое вѣдало дѣлопроизводство по какой-либо спеціальной отрасли синодскаго вѣдомства, — и что былъ въ ней „приказный столъ". Что касается до канцелярскихъ книгъ, то ихъ сохранилось только три:

1) *Входящая* книга, въ которую записывались присылавшіяся изъ Императорскаго Кабинета бумаги. На каждой страницѣ этой книги четыре графы, изъ коихъ въ первой прописывался порядковый нумеръ вступившей бумаги; во второй —время вступленія ея (мѣсяцъ и число); въ третьей – названіе и содержаніе бумаги, а равно и помѣта секретаря — когда вступила бумага и куда направлена; четвертая графа служила для отмѣтокъ—какое было исполненіе по бумагѣ [131]). 2) *Журнальная* книга, которая служила для записи дневныхъ занятій Синода, того, что имъ въ данный день сдѣлано. 3) *Сборникъ подлинныхъ кабинетскихъ сообщеній*. Эта послѣдняя книга принадлежала исключительно дѣлопроизводству синодскаго архива, гдѣ за каждый годъ составлялся сборникъ всѣхъ бумагъ, поступившихъ въ Синодъ изъ Императорскаго Кабинета [132]).

Бумага, вступившая въ Синодъ, принималась тѣмъ или другимъ секретаремъ, смотря по ея содержанію, который, отмѣтивъ на ней время ея поступленія—годъ, мѣсяцъ и число, надписывалъ приказъ: „записавъ въ книгу, подлинное отдать въ архивъ, а копію въ приказный столъ“ или „въ повытье“. Принятая секретаремъ бумага вступала въ регистратуру, гдѣ записывалась во „входящую книгу“ вмѣстѣ съ помѣтой секретаря, и регистраторъ удостовѣрялъ своею подписью, что вписанная во входящую книгу бумага съ подлинной вѣрна. Затѣмъ съ подлинной бумаги списывалась копія, и подлинная сдавалась въ архивъ, подъ росписку архиваріуса, а копія — въ повытье, подъ росписку канцеляриста, или въ приказный столъ. Если бумага была изъ Кабинета, то въ приказномъ столѣ составлялось увѣдомленіе въ Кабинетъ о полученіи ея въ Синодѣ [133]).

Движеніе дѣлъ въ Синодѣ и его канцеляріи было различно какъ по самому порядку дѣлопроизводства, такъ и по времени теченія. Одни дѣла проходили всю канцелярскую процедуру и тянулись долго, а другія миновали канцеляризмъ и текли и заканчивались съ особенной быстротой. Это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ существа самыхъ дѣлъ и отъ того, кѣмъ они вчинались въ Синодѣ. Дѣла начинались въ Синодѣ, во-первыхъ, по именнымъ высочайшимъ указамъ, исходившимъ непосредственно отъ самой верховной власти; во-вторыхъ, по именнымъ высочайшимъ указамъ, сообщеннымъ Императорскимъ Кабинетомъ или придворнымъ ректмейстеромъ; и въ-третьихъ, по бумагамъ, поступившимъ отъ разныхъ учрежденій и лицъ. Сообразно съ этимъ свойствомъ дѣлъ и ихъ, такъ сказать, оффиціальною важностью совершалось и движеніе ихъ въ Синодѣ. По высочайшимъ указамъ, вступавшимъ въ Синодъ непосредственно отъ самой верховной власти, дѣлопроизводство рѣшительно выходило изъ ряда обычнаго канцелярскаго порядка и отличалось возможной быстротой въ исполненіи [134]). Совсѣмъ инымъ порядкомъ шло дѣлопроизводство по высочайшимъ указамъ, дошедшимъ въ Синодъ въ формѣ „сообще-

нія“ изъ Императорскаго Кабинета и отъ придворнаго рекетмейстера. Всѣ сообщенія изъ Кабинета, а равно и письменныя объявленія рекетмейстера принималъ секретарь и направлялъ ихъ въ синодской канцеляріи посредствомъ извѣстной помѣты: „записавъ въ книгу“ и пр. Эти бумаги проходили въ канцеляріи всю письменную процедуру, а затѣмъ докладывались присутствію Синода, которое и постановляло по нимъ свое опредѣленіе. О состоявшемся синодскомъ опредѣленіи тотчасъ составлялось увѣдомленіе Кабинету о „дѣйствительномъ исполненіи“ указа; вмѣстѣ съ этимъ Синодъ немедленно приводилъ въ исполненіе свое опредѣленіе [135]). Прохожденіе кабинетскихъ сообщеній совершалось въ синодской канцеляріи гораздо медленнѣе, чѣмъ указовъ, объявленныхъ Синоду непосредственно самой верховной властью: дѣлопроизводство же по бумагамъ прочихъ государственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ всегда проходило всѣ стадіи канцелярской формальности и, въ большинствѣ случаевъ, продолжалось „многіе годы“.

Сохранившіеся документы Синода, по своей малочисленности, даютъ весьма мало матеріала для очерка порядка дѣлопроизводства въ синодской канцеляріи. Въ нихъ есть свѣдѣнія, болѣе или менѣе полныя, только по слѣдственному дѣлопроизводству, по которымъ можно возпроизвести порядокъ судебнаго процесса. Первымъ актомъ производства въ повытьи былъ вызовъ подсудимаго лица къ допросу. Низшихъ лицъ своего вѣдомства Синодъ вызывалъ къ слѣдствію черезъ ихъ ближайшее начальство [136]); высшихъ же духовныхъ особъ, напримѣръ, епархіальныхъ архіереевъ, онъ вызывалъ посредствомъ указовъ, лично къ нимъ самимъ адресованныхъ. Въ иныхъ случаяхъ епархіальныхъ архіереевъ Синодъ къ слѣдствію не вызывалъ, но требовалъ отъ нихъ письменный отвѣтъ „по архіерейству, по самой истинѣ“. Такъ, по жалобѣ нѣкоторыхъ крестьянъ на рязанскаго епархіальнаго архіерея въ потворствѣ соборному протоіерею, притѣснявшему ихъ, Синодъ послалъ архіерею указъ, „дабы онъ, въ принесенныхъ на него отъ оныхъ челобитчиковъ неудовольствій, въ святѣйшій правительствующій Синодъ отвѣтствовалъ по архіерейству своему, по самой истинѣ, изъ чего можно будетъ видѣть архіерейскій поступокъ недѣльный, или челобитье ложное“ [137]). Если подсудимый былъ гражданскаго вѣдомства, то Синодъ вызывалъ его къ слѣдствію черезъ Сенатъ. Такъ Синодъ вѣдѣніемъ сообщилъ Сенату о немедленной присылкѣ къ суду въ Синодъ отставнаго прапорщика Минина за прелюбодѣяніе и жестокое обращеніе съ своею женою [138]); въ 1740 году Синодъ вызвалъ, черезъ Сенатъ же, тамошняго секретаря Аврама Хетъ „по одному, касающемуся до него духовному дѣлу“ [139]). Явившееся къ слѣдствію лицо подвергалось въ Синодѣ допросу во взводимомъ на него преступленіи, а затѣмъ иногда требовалась справка у ближайшаго начальства подсудимаго—дѣйствительно ли онъ совер-

шилъ преступленіе, въ которой прописывались и свидѣтельскія показанія [140]). По окончаніи допросовъ и по собраніи свидѣтельскихъ показаній, составлялся подѣлу докладъ присутствію. Въ докладѣ, по изложеніи бумаги, послужившей поводомъ къ начатію слѣдственнаго дѣла, излагались отвѣты подсудимаго и обстоятельства, послужившія уликами противъ него, а затѣмъ выписывались тѣ узаконенія, которыя должны были служить присутствію основаніемъ для постановленія рѣшенія. Выписки узаконеній обыкновенно составлялись изъ Кормчей книги, Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Духовнаго регламента и высочайшихъ указовъ [141]). Составленные такимъ образомъ доклады предлагались оберъ-секретаремъ или секретаремъ къ слушанію присутствующимъ, а они постановляли приговоръ по дѣлу, который иногда тутъ же прочитывался подсудимому. Съ момента объявленія приговора Синодъ подвергалъ осужденныхъ и опредѣленному наказанію. Если виновные въ преступленіяхъ противъ вѣры, церкви и вообще христіанской нравственности оказывались еще виновными въ преступленіяхъ государственныхъ и вообще гражданскихъ, то они, послѣ синодскаго приговора, а иногда и по отбытіи наказанія, отсылались въ подлежащіе свѣтскіе суды для изслѣдованія ихъ виновности [142]).

Приговоры Синода по судебнымъ процессамъ не всегда были окончательными. Это подтверждаютъ сохранившіяся производства. На синодскіе приговоры подавались кассаціонныя и апелляціонныя прошенія въ Императорскій Кабинетъ, который, съ своей стороны, или совсѣмъ отмѣнялъ синодскія рѣшенія, или предписывалъ Синоду вновь пересмотрѣть дѣло. Такъ секретарь М. Пархомовъ подалъ въ 1741 году въ Кабинетъ челобитную, въ которой, объяснивъ, что онъ женился отъ живой жены на другой и за то Синодомъ былъ наказанъ: разведенъ съ второю женою и вмѣстѣ съ нею отлученъ былъ отъ церкви, „преданъ проклятію и анаоемѣ", просилъ „отъ наложенной клятвы разрѣшить". На этомъ челобитьѣ Кабинетъ положилъ резолюцію: „отдать на разсмотрѣніе въ св. Синодъ" [143]). Въ томъ же году одинъ священникъ Суздальскаго уѣзда жаловался въ Кабинетъ, что по многимъ его прошеніямъ Синодъ долговременно волочитъ его тяжебное дѣло съ однимъ помѣщикомъ, и въ Кабинетѣ, 20-го апрѣля было опредѣлено: „подлинныя челобитныя того попа отдать въ Синодъ съ такимъ объявленіемъ, чтобы то дѣло немедленно было окончено, а притомъ ему, попу, въ святѣйшемъ Синодѣ объявить, дабы онъ болѣе о томъ челобитенъ не подавалъ, а дожидался бъ по тому своему дѣлу рѣшенія". Въ 1741 году іеродіаконъ Невскаго монастыря Аѳанасій Галецкій съ товарищами подали жалобу въ Кабинетъ, что они незаслуженно наказаны Синодомъ за ихъ поступки. 6-го апрѣля того же года Кабинетъ постановилъ опредѣленіе: „изъ святѣйшаго Синода потребна вѣдомость немедленно: Невскаго монастыря іеродіаконъ Аѳанасій Галецкій съ товарищи,

четыре человѣка, на преосвященнаго епископа и того монастыря архимандрита Стефана въ чемъ были челомъ и по тому ихъ прошенію какое рѣшеніе учинено; такожъ означенный іеродіаконъ Галецкій въ Синодѣ подъ карауломъ за что держанъ и съ какимъ опредѣленіемъ свобожденъ" [141]). Въ томъ же году, 24-го февраля, по челобитью бывшаго торопецкаго попа О. Иванова, Кабинетъ потребовалъ отъ Синода „справку, въ какой силѣ дѣло его съ торопецкимъ протопопомъ рѣшено". По этому требованію первенствующій членъ Синода, Амвросій, архіепископъ новгородскій, лично являлся въ Кабинетъ съ объясненіемъ, что „оное дѣло рѣшено по сущей справедливости" [142]). Вотъ еще одно дѣло, которое характеризуетъ подчиненное положеніе Синода въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ и указываетъ, что Кабинетъ требовалъ отъ Синода объясненія—почему имъ такъ рѣшено дѣло, приказывалъ пересмотрѣть его, постановить новое опредѣленіе и о немъ донести. 24-го іюля 1741 г., Синодъ сообщилъ Императорскому Кабинету: „іюня 30-го дня сего года, въ присланномъ изъ Кабинета его императорскаго величества въ святѣйшій Синодъ съ резолюціею, для разсмотрѣнія и надлежащаго опредѣленія. Троицкаго Александро-Невскаго монастыря монаха Іоасафа Езофовича онаго монастыря на властей прошеніи (коихъ по имянамъ въ томъ прошеніи не объявлено) написано, что они за написанное имъ къ подачѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскому величеству на нихъ прошеніе, на него злобствуютъ и всякими подъисками тщатся истребить жизнь его и, не боясь Бога и страшнаго суда Его, чуть въ гробъ плетьми не убили своимъ мучительствомъ и безчеловѣчествомъ, и былъ во узахъ прошлаго 1740 года ноября съ 10-го декабря по 22 число; къ которому въ пополненіе въ Синодѣ объявилъ, что-де на него злобствуютъ и тщатся истребить жизнь его засѣдающіе въ троицкой александро-невской канцеляріи іеромонахи, экономъ Дорофей, казначей Андроникъ, какъ онъ, Езофовичъ, признаваетъ изъ словъ онаго эконома, сказанныхъ ему, что сдѣлано у нихъ опредѣленіе о бытіи ему, Езофовичу, огороденнымъ, который-де огородъ состоитъ внѣ монастыря и почасту бываютъ во оном для полотья грядъ и прочихъ работъ бабы и дѣвки, а онъ, Езофовичь, еще человѣкъ молодой и потому бъ могли его (хотя онъ, Езофовичъ, къ блудному грѣхопаденію намѣренія и не имѣетъ) ко опому въ подозрѣніе привесть, или вовсе монашества лишить съ жесточайшимъ наказаніемъ, и плетьми его били будто не за прежнюю ссору, а причитая вину, дабы по намѣстничью наговору слѣдовало, который-де намѣстникъ въ хлѣбню приходилъ, послѣ побой на другой день и на третій къ нему, Езофовичу, содержащемуся во узахъ, и говорилъ, чтобъ онъ, Езофовичъ, въ такой силѣ далъ обязательство, будто въ церкви разговариваетъ, сѣмо и овамо осматривается, шалитъ и въ трапезѣ шумитъ, чего ему никогда и во умъ не приходило, которое обязательство со

страхомъ вшпраспѣ убѣжденъ дать въ канцеляріи александро-невской, при казначеѣ Андроникѣ. А справкою изъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря на требованіе святѣйшаго Синода объявлено, что онъ, Езофовичъ, плетьми наказанъ по опредѣленію синодальнаго члена, преосвященнаго Стефана, епископа псковскаго и архимандрита александро-невскаго, и соборной того монастыря братіи, въ трапезѣ, въ присутствіи всѣхъ, за извѣстное всей братіи и по единогласному отъ нихъ засвидѣтельствованію чинимое имъ, Езофовичемъ, безстраніе и въ церкви безобразіе и смятеніе такое, что не тамъ, гдѣ надлежало, съ великимъ соблазномъ стоялъ и шатался и изъ церкви, во время церковнаго пѣнія, когда ни похотѣлъ, съ немалымъ народа соблазномъ, не смотря ни на какія увѣщанія, бѣгалъ, а въ трапезѣ публично на намѣстника кричалъ и прочей братіи несносныя ругательства наносилъ и во всѣхъ своихъ съ братіею обхожденіяхъ безчинно поступалъ, показуя о себѣ, что онъ никого въ монастырѣ не боится, и по наказаніи посаженъ былъ на цѣпь ноября 14-го и держался того жъ ноября по 16 число, то-есть по подписку его подъ учиненнымъ, въ силу онаго опредѣленія, обязательствомъ, а не съ 10-го ноября по 22 число декабря мѣсяца. И изъ того онаго Езофовича пополнительнаго объясненія и учиненной изъ монастыря справки святѣйшій Синодъ на него, Езофовича, особливой злобы и тщанія ко истребленію жизни его ни отъ кого не признаваетъ; вышепоказанное же, по опредѣленію вышеозначенному, съ нимъ чинено къ лучшему его воздержанію и пути спасительнаго наставленію, и на вышепомянутомъ всей братіи свидѣтельствѣ вѣроятнѣе слѣдуетъ утвердиться, нежели повѣрить челобитью одного его, Езофовича, яко подозрительнаго и вѣроятія малодостойнаго человѣка, о которомъ его подозрительствѣ въ прежнемъ о немъ въ синодальной канцеляріи дѣлѣ значитъ и въ Кабинетъ его императорскаго величества сообщено; а ежели бъ за сочиненное имъ, Езофовичемъ, въ прошломъ 1740 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, къ подачѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскому величеству на его преосвященство, якобы во обидахъ, клеветное прошеніе, въ которомъ съ нимъ были сообщники іеромонахи Леонтій Васильевъ, Іаковъ Паскинъ, былъ онъ наказанъ (какъ онъ, Езофовичъ, показуетъ), то-бъ и оные іеромонахи по той, какъ онъ, Езофовичъ, показываетъ, злобѣ наказанія не миновали, къ которымъ и понынѣ не токмо наказанія, но и никакихъ нападковъ ни отъ кого, чтобъ были, не слышно; почему слѣдовательно, что какъ онъ, Езофовичъ, такъ и іеродіаконъ Аоанасій Галецкой, въ вышепомянутомъ прошеніи сообщникъ же (какъ объ немъ, Галецкомъ, въ Кабинетъ его императорскаго величества вѣдомостью объявлено), наказаны не по той, якобы, злобѣ, но за ихъ вышеписанныя продерзости. А въ Кормчей книгѣ, 6-го вселенскаго собора въ 34 правилѣ, напечатано: аще которіи причетници или мниси совѣщеваются, клятвами утверждающеся, или совѣты

творятъ на зло, или совѣщеваютъ на епископа, или на игумена, или на друга своего, причетника, степени своего да отпадутъ; въ Уложеньи, 10 главы въ 14 пунктѣ, напечатано: будетъ который челобитчикъ учнетъ на кого бить челомъ не дѣломъ, и бояре и окольничіе и дьяки и иные судьи ему откажутъ, и онъ о томъ же дѣлѣ учнетъ бить челомъ государю на боярина, или на окольничаго, или на дьяка, или на подьячаго что солжетъ, а сыщется про то допряма, что онъ солгалъ, и того челобитчика, за безчестіе бояръ и окольничихъ и за дьячье и за воеводское и за судейское и за ложное челобитье бить кнутомъ, а за подьячаго безчестіе бить батоги; да въ указѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, прошлаго 1724 года февраля 5-го дня, за подписаніемъ его императорскаго величества собственныя руки, о штрафахъ, между прочимъ, за партикулярныя преступленія, напечатано: кто неправдою станетъ бить челомъ и въ томъ обличенъ предъ судомъ будетъ, того штрафовать взятьемъ изъ его такою жъ долею, о какой билъ челомъ, напримѣръ: буде о деревняхъ, столько деревень, буде о движимомъ какомъ, столько движимаго, изъ чего половину въ гошпиталь, а другую на двое, половину судьямъ, а другая тому, на кого билъ челомъ неправдою. И ежели бъ онъ, Езофовичъ, въ вышепомянутомъ ко истребленію жизни его подъискѣ подлинно на кого доказалъ, то-бъ по изобличенію вины не токмо монашества были лишены, но и въ свѣтскомъ судѣ истязаны быть должны, но того ни чѣмъ онъ, Езофовичъ, не доказалъ и по дѣлу не явилось, а пополнительнымъ своимъ объясненіемъ ко истребленію жизни его подъискъ на властей показалъ причину, о опредѣленіи его огороженнымъ, самую смѣху достойную, паче же открылъ тѣмъ свою худую совѣсть; и изъ всего того видно, что билъ челомъ онъ, причитая вышепомянутое правильное за его вины наказаніе въ нападки токмо изъ одной своей злости и отъ неспокойнаго (какъ значатъ о немъ дѣла, о которыхъ выше упомянуто) житія, и хотя за опыя его продерзости и ложно вымышленныя ябедническія клеветы и изъ монастыря побѣгъ, по опредѣленію святѣйшаго Синода, и велѣно было ему, Езофовичу, въ Троицкомъ Александро-Невскомъ монастырѣ, при собраніи всей того монастыря братіи, учинить плетьми нещадное наказаніе, въ страхъ другимъ, дабы прочіе такъ чинить не дерзали, но понеже, сего іюля 15-го дня, Всевышній Господь Богъ ея императорское высочество, великую государыню княгиню, правительницу всероссійскую, отъ имѣвшагося супружественнаго бремени милостивно освободить и его императорскому величеству любезнѣйшую сестру, а ихъ императорскимъ высочествамъ дщерь, благовѣрную государыню великую княжну Екатерину Антоновну даровать соизволилъ, того ради, по указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: за оную божескую милость и дарованную Россіи общую радость, помянутому монаху Езофовичу объявленныя вины

отпустить и наказанія ему не чинить и опредѣлить его Синодальной области въ Іосифовъ монастырь, что на Волоколамскомъ, въ братство, чего для и отправленъ онъ въ Москву, въ Синодальную канцелярію при вѣдѣніи. О чемъ Кабинету его императорскаго величества святѣйшій Синодъ симъ благопочтенно во извѣстіе сообщаетъ“ [146]).

Синодъ, въ качествѣ органа, подчиненнаго Императорскому Кабинету, обязанъ былъ представлять туда ежемѣсячные отчеты или вѣдомости „о интересныхъ и челобитчиковыхъ рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ дѣлахъ“, производившихся не только въ самомъ Синодѣ, но и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ. Такъ, напримѣръ, Синодъ представилъ въ Кабинетъ, 1740 г. 16-го сентября, рапорты за мѣсяцъ май того года „о рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ дѣлахъ въ Синодѣ и подчиненныхъ къ нему мѣстахъ“ [147]). Равнымъ образомъ, Синодъ подавалъ въ Кабинетъ вѣдомости „о дѣтяхъ мужеска пола и ихъ лѣтахъ“ отставныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и солдатъ, опредѣленныхъ на пропитаніе въ монастыри [148]).

При Синодѣ были двѣ типографіи: одна въ Петербургѣ, другая въ Москвѣ. Петербургская типографія помѣщалась въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Сохранившіеся документы описываемаго царствованія даютъ самыя скудныя свѣдѣнія о синодальныхъ типографіяхъ. Изъ нихъ нельзя составить точнаго представленія ни объ устройствѣ типографій, ни о хозяйствѣ ихъ, ни объ управленіи. Есть свѣдѣнія, что тамъ были справщики, переводчикъ, надсмотрщикъ, главной обязанностью котораго было „быть при продажѣ книгъ“ [149]), и нѣсколько канцелярскихъ служителей для письмоводства. Въ петербургской синодальной типографіи было одно спеціальное отдѣленіе, называвшееся „библейскимъ“. Такое названіе было присвоено ему, вѣроятно, потому, что въ это время производилось тамъ печатаніе исправленной Библіи. Въ этомъ же отдѣленіи печатались высочайшіе указы, манифесты, формы о воспоминаніи на эктеніяхъ именъ императорской фамиліи и прочія высочайшія повелѣнія, назначаемыя для публикаціи по духовному вѣдомству и для церковныхъ каѳедръ. Петербургская типографія удовлетворяла печатаніемъ, главнымъ образомъ, только той области духовнаго вѣдомства, которая тянула управленіемъ къ Петербургу [150]). Въ московской же синодальной типографіи печатались богослужебныя книги, а равно тѣ же высочайшіе указы и формы, назначенныя для разсылки по Синодальной области и по епархіямъ, тянувшимъ управленіемъ къ Москвѣ, къ Канцеляріи синодальнаго правленія. Московская типографія состояла подъ управленіемъ директора, назначавшагося Синодомъ. Ему давалось жалованья по 200 р. въ годъ [151]).

II.

Дѣятельность Синода: назначеніе лицъ на мѣста и должности.—Заботы объ устраненіи недостатка священно и церковно служителей.—Руководство дѣятельностью духовныхъ властей вообще.—Духовное просвѣщеніе.—Расширеніе способовъ для доступа въ монастыри.—Охраненіе правъ духовныхъ властей и лицъ.—Попеченіе о ружникахъ.—Обнародованіе указовъ.—Построеніе церквей.—Благоустроеніе церковныхъ богослуженій.—Церковныя дѣла по Петербургской губерніи.

Верховная власть, поручивъ вѣдѣнію Синода всю религіозно-нравственную жизнь въ государствѣ, всегда предписывала правила и издавала программы для его обязательной дѣятельности и вмѣстѣ съ этимъ требовала отъ него неуклоннаго исполненія возложенныхъ на него порученій. Въ описываемое царствованіе, 13-го ноября 1740 года, Синоду данъ былъ слѣдующій именной, за подписью правительницы, указъ: „По вступленіи нашемъ на престолъ Россійскія имперіи, ревнуя закону Божію, во-первыхъ, прилежное попеченіе имѣемъ о храненіи и распространеніи православнаго закона христіанскаго восточныя церкви и прочихъ преданій, славы ради и хвалы Божія учрежденныхъ. Того ради повелѣваемъ нашему святѣйшему Синоду: 1) По должности званія своего, прилежное попеченіе имѣть, дабы во всемъ нашемъ государствѣ нелицемѣрный страхъ Божій и благочестіе сохраняемо и по уставамъ церковнымъ отправляемо и въ пріобщеніи святыхъ Таинъ и прилежномъ присутствіи и благочинномъ поведеніи при службахъ Божіихъ, по прежденубликованнымъ блаженнѣйшія и вѣчнодостойнѣйшія памяти любезнѣйшей государыни нашей бабки указамъ и регламентамъ не отмѣнно поступлено было. 2) Крайнѣйше смотрѣть и стараться, и о томъ ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ крѣпкими указами подтвердить, чтобъ во всѣхъ мѣстахъ имперіи нашей святыя церкви снабдены были достойными и искусными священники, которые бъ не токмо божественныя заповѣди и преданія апостольскія и соборныя знали и вѣдали, но притомъ бы были люди добрые, учительные и благочестнаго, трезваго и добродѣтельнаго житія, рачительные о спасеніи душъ человѣческихъ. 3) И дабы впредь въ такихъ достойныхъ, законъ Божій знающихъ священникахъ къ ученію и наставленію повѣренныхъ имъ овецъ недостатку быть не могло, того ради должно прилежно наблюдать, дабы, по Духовному регламенту и по особливо выданнымъ отъ предковъ нашихъ указамъ, училища и школы умножены, порядочно содержаны и добрыми и искусными учителями снабдены были, для надежнаго полученія отъ нихъ ожидаемаго богоугоднаго плода. 4) Смотрѣть, дабы въ наставленіи народа въ законѣ Божіемъ, какъ о томъ въ Духовномъ регламентѣ напечатано, не отмѣнно поступано было. 5) Храмы святые и пищепитательные домы чтобъ во всемъ, по учинен-

нымъ опредѣленіямъ, содержаны, и которые иногда отъ скудости или инымъ образомъ опустѣли, возобновлены и всѣми потребностьми удовольствованы были. 6) И яко къ прославленію имени и царствія Божія и къ благополучію и пользѣ государства ничто болѣе служить не можетъ, какъ попеченіе о душахъ, толь многихъ въ государствѣ нашемъ обрѣтающихся, невѣрныхъ народовъ и самыхъ идолопоклонниковъ, дабы они къ стаду Спасителя нашего пріобщены и къ познанію истиннаго Бога въ благочестивѣйшій нашъ христіанскій законъ приведены были, того ради мы о семъ важномъ и богоугоднѣйшемъ дѣлѣ нашему Синоду наикрѣпчайше подтверждаемъ, дабы о томъ неусыпное радѣніе и стараніе имѣли, тоже и о раскольникахъ, невѣжествомъ своимъ церкви святой противляющихся, чтобъ они увѣщаніемъ и наставленіемъ въ благочестіе и соединеніе святой церкви обращены были, какъ о томъ обо всемъ въ прежнихъ указѣхъ, которые чрезъ сіе подтверждаются, пространно изображено, и въ прочемъ Синоду нашему тщатися во всемъ, что принадлежитъ къ вящшему прославленію и хвалѣ всемогущаго Бога, дабы Его, яко царя царствующихъ, милость и благословеніе на насъ и на нашей императорской фамиліи и на всемъ нашемъ государствѣ постоянно пребывали. И сей нашъ указъ для должнаго по оному исполненія, напечатавъ, во всемъ нашемъ государствѣ публиковать повелѣли“ [152]). Этимъ указомъ поручались Синоду всѣ духовные, религіозно-нравственные интересы въ государствѣ: ему указана обязанность, съ одной стороны, имѣть заботы по управленію дѣлами духовной жизни вообще, съ другой—быть руководителемъ въ религіозно-нравственной жизни всего православнаго общества и насадителемъ христіанскаго закона въ средѣ иновѣрцевъ. Сообразно съ этой начертанной въ указѣ программой и мы группируемъ матеріалы, касающіеся синодской дѣятельности, въ два отдѣла: въ первомъ помѣщаемъ матеріалы о дѣятельности Синода, какъ главноначальствующаго надъ духовными учрежденіями и лицами; а во второмъ—тѣ, которые обрисовываютъ дѣятельность Синода, какъ главнаго руководителя религіозно-нравственной жизнью всего православнаго общества и какъ насадителя христіанскаго закона между иновѣрцами.

Въ кругъ вѣдѣнія Синода, какъ главноуправляющаго духовной жизнью, входило прежде всего назначеніе духовныхъ лицъ на мѣста и должности. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи касалась только высшихъ должностей духовнаго правленія и лицъ высшихъ іерархическихъ степеней. Право назначать на низшія священно и церковно-служительскія мѣста и должности предоставлено было епархіальнымъ архіереямъ. Синодъ же назначалъ лицъ въ синодальные члены, посвящалъ архимандритовъ въ епископы и опредѣлялъ ихъ на вакантныя каѳедры, назначалъ и посвящалъ въ архимандриты въ ставропигіальные и первостепенные монастыри, а равно и перемѣщалъ архимандритовъ изъ одного монастыря въ другой. Но право Синода назначать

духовныхъ лицъ на высшія мѣста и должности было ограничено, и ограничено настолько, что почти отходило къ верховной власти. Синоду предоставлено было лишь выбирать кандидатовъ на должности и списокъ этихъ кандидатовъ вносить на разсмотрѣніе верховной власти, которая сама, безъ участія Синода, утверждала того или другаго кандидата. Документы даютъ много свѣдѣній, подтверждающихъ это положеніе. Такъ Синодъ представлялъ на усмотрѣніе и утвержденіе верховной власти кандидатовъ въ синодальные члены; напримѣръ, въ 1740 году Синодъ представилъ въ Императорскій Кабинетъ „къ избранію въ Синодъ въ члены, въ прибавокъ къ наличнымъ, изъ архіереовъ и архимандритовъ кандидатовъ, а именно: епископовъ Варсонофія архангелогородскаго, который нынѣ въ Синодѣ присутствуетъ, Гедеона смоленскаго, Симона суздальскаго, Пимена вологодскаго, Митрофана тверскаго, Савву коломенскаго, а архимандритовъ, за недостаткомъ способныхъ къ отправленію въ Синодѣ дѣлъ, только по два человѣка, монастырей — Рожествена, что въ Володимірѣ, Павла, Чудова Варлаама, Ново-Спасскаго Антонія, Переславля-Залѣскаго Горицкаго Авраамія, вологодской епархіи Корниліева монастыря Ѳеофилакта и Троице-Сергіева монастыря намѣстника Антонія“ [153]).

Такимъ же образомъ Синодъ представлялъ верховной власти архимандритовъ-кандидатовъ въ санъ епископа, а епископовъ въ санъ архіепископа. Изъ многихъ указаній на это выписываемъ только слѣдующія. 1741 года марта 17-го, въ Кабинетъ изъ Синода было сообщено о томъ, что указъ его величества, состоявшійся на поданномъ отъ Синода всеподданнѣйшемъ доношеніи того же марта 10-го, „о произведеніи изъ представленныхъ отъ Синода на праздную тобольскую митрополію кандидатовъ въ митрополиты іеромонаха Арсенія (который въ С.-Петербургѣ имѣлся у ставленниковъ экзаминаторомъ), того-жъ марта 12-го числа, полученъ; и по тому высочайшему указу означенный іеромонахъ Арсеній во оную тобольскую епархію въ митрополита сего-жъ марта 13-го дня произведенъ“ [154]). 1740 года іюля 31-го Синодомъ было сообщено въ Кабинетъ, что „по указу ея величества, въ вологодскую епархію во епископа Ипатскаго монастыря архимандритъ Пименъ, іюня 20 го дня, посвященъ“ [155]). 7 го іюля 1740 года Синодъ послалъ въ Сенатъ вѣдѣніе: „іюля 1-го дня сего года полученнымъ ея императорскаго величества, за подписаніемъ собственныя ея императорскаго величества руки, указомъ святѣйшему Синоду повелѣно соловецкаго архимандрита произвесть въ архангелогородскую, а архангелогородскаго епископа перевесть въ Коломну. И во исполненіе онаго ея императорскаго величества именнаго указа, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: преосвященному Саввѣ, епископу, изъ архангелогородской епархіи ѣхать въ Коломну немедленно, а о дачѣ его преосвященству до Коломны съ служители потребнаго числа ямскихъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, уѣздныхъ под-

водъ, за указные прогоны, а на нихъ подорожной, опредѣлено-бъ было Архангелогородской губерискои канцеляріи отъ правительствующаго Сената ея императорскаго величества указомъ“ [156]). Въ 1741 году, вслѣдствіе высочайшаго указа о возведеніи Варсонофія, епископа архангелогородскаго, въ санъ архіепископа, Синодомъ было сдѣлано распоряженіе, въ которомъ сказано: „помянутому преосвященному Варсонофію, епископу архангелогородскому, отнынѣ именоваться и во всѣхъ случаяхъ подписываться архіепископомъ“ [157]).

Наконецъ, Синодъ представлялъ на усмотрѣніе и утвержденіе верховной власти кандидатовъ въ санъ архимандритовъ ставропигіальныхъ и первостепенныхъ монастырей. Такъ, 1740 года 16-го марта, Синодъ доносилъ въ Императорскій Кабинетъ, что на мѣсто умершаго ставропигіальной Кіевопечерской лавры архимандрита Іларіона кіевскимъ митрополитомъ выбраны въ кандидаты четыре человѣка, при чемъ Синодъ представилъ свое мнѣніе, что „къ опредѣленію въ ту лавру въ настоятели достойнѣйшіе признаваются быть изъ оныхъ кандидатовъ архимандриты: Золото-Верхо-Михайловскаго монастыря Тимоѳей Щербатскій и черниговской епархіи Успенскаго Елецкаго монастыря Тимоѳей-же Максимовичъ“, и требовалъ на то „повелительнаго указа“; и когда послѣдовало высочайшее повелѣніе о бытіи настоятелемъ лавры архимандриту Тимоѳею Щербатскому, то Синодъ распорядился о прибытіи новоизбранному въ Петербургъ для выслушанія высочайшей воли [158]).

Въ томъ же 1740 году, 30-го сентября, Синодъ сообщилъ Императорскому Кабинету, что согласно требованію Кабинета, представляются Синодомъ на утвержденіе признанные имъ достойными въ настоятели: въ нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь іеромонахъ Модестъ архимандритомъ, а въ Домницкій намѣстникъ Ѳеофилъ игуменомъ, и при томъ Синодомъ было пояснено, что „оные монастыри не ставропигіальные и не степенные, а потому прежде сего настоятели въ тѣ монастыри производимы были по усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ и не докладываясь о томъ Синоду“ [159]).

Вмѣстѣ съ этимъ Синодъ заботился объ устраненіи недостатка при православныхъ храмахъ священно и церковно-служителей, чтобы церкви не стояли пусты и православные христіане не оставались безъ назиданія и безъ напутствія святыми таинствами. Въ данное время оказался значительный недостатокъ при церквахъ священно и церковно-служителей. Такое прискорбное явленіе создало само правительство. Въ 1736 году, сентября 28-го, послѣдовалъ именной, „за подписаніемъ кабинетъ-министровъ, Сената и Синода“, указъ: „изъ синодальныхъ, архіерейскихъ дворянъ и монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ и ихъ дѣтей, также протопопскихъ, поповскихъ, діаконскихъ и прочаго церковнаго причта дѣтей и самихъ недѣйствительно служащихъ дьячковъ, не положенныхъ въ подушный окладъ, которыхъ находится число не малое,

для нынѣшней къ укомплектованію арміи и гарнизоновъ нужды, взять въ службу годныхъ 7000 человѣкъ", и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно *взять въ солдаты немедленно* всѣхъ церковно-служителей и ихъ дѣтей, не бывшихъ у присягъ на подданство императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, „дабы (какъ сказано въ именномъ указѣ), видя то, другіе такъ безстрашно чинить не отважились" [160]). Такой разборъ церковникамъ и ихъ дѣтямъ продолжался и въ 1740 году [161]). Іеромонаховъ, монаховъ, священниковъ, дьяконовъ, „кои у присягъ не были", частію подвергали тѣлесному наказанію и штрафу по 50 рублей, но преимущественно отдавали въ военную службу [162]). Вслѣдствіе такого постановленія, при многихъ церквахъ священническія и причетническія мѣста оказались праздными, а при иныхъ не осталось ни одного члена въ причтѣ, такъ что церкви оставались безъ богослуженія, а прихожане безъ удовлетворенія духовныхъ потребностей. Въ 1740 году такихъ праздныхъ, безъ причта, церквей было болѣе 600, какъ заявлялъ Синодъ Императорскому Кабинету [163]). И замѣстить эти вакантныя церковныя должности было рѣшительно не кѣмъ, потому что священническія дѣти, не бывшія у присягъ, свыше 12-ти лѣтняго возраста были также взяты въ военную службу [164]). Изъ всѣхъ епархій поступали въ Синодъ заявленія, что за крайнимъ недостаткомъ священно и церковно-служителей „многія церкви праздны и въ томъ приходскіе люди крайнюю имѣютъ нужду". Въ такихъ обстоятельствахъ Синодъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы, по возможности, устранить это явленіе въ жизни православной церкви. Онъ предпринялъ цѣлый рядъ ходатайствъ въ Императорскій Кабинетъ о возвращеніи къ церквамъ отданныхъ за небытіе у присягъ въ солдаты священно и церковно-служителей, какъ всѣхъ вообще, такъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности. Ходатайства Синода иногда имѣли успѣхъ, а въ большинствѣ оставались безъ желаемыхъ послѣдствій. Вотъ послѣдовательный рядъ подобныхъ ходатайствъ Синода. Еще въ 1738 году московская Синодальнаго правленія канцелярія представляла въ Синодъ, что если по Синодальной области всѣхъ не бывшихъ у присягъ отдать, по силѣ указовъ, въ военную службу, то „при многихъ церквахъ церковниковъ никого не будетъ и отъ того во исправленіи божественной службы могутъ случиться крайнія остановки", и потому просила не бывшихъ у присягъ опредѣлять къ церквамъ „хотя по чиненіи имъ наказанія" и съ приведеніемъ вновь къ присягамъ. Синодъ, не находя съ своей стороны поводовъ отвергнуть требованіе Синодальной канцеляріи, представилъ о томъ въ Императорскій Кабинетъ, съ присоединеніемъ своего мнѣнія, что ежели кто изъ тѣхъ не бывшихъ у присягъ поступилъ такъ безъ „какого противнаго умыслу", то предъ приведеніемъ ихъ къ присягамъ „надлежитъ чинить имъ нещадное плетьми наказаніе, чтобъ имъ впредь такого безстрашія употреблять не отважно было, и потомъ, за вышепоказанную настоящую нужду, опредѣлить ихъ къ церквамъ по-прежнему въ

причетъ"; ежели же кто „за какимъ противнымъ умысломъ" не былъ у присягъ, тѣхъ отсылать для изслѣдованія къ Конторy тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. На представленіе Синода въ Кабинетѣ 1738 года 1-го іюля послѣдовала резолюція: „учинить по мнѣнію святѣйшаго Синода" [165]). Въ 1740 году еще чаще и настоятельнѣе послѣдовали представленія Синода по сказанному предмету. 28 го февраля Синодъ ходатайствовалъ въ Кабинетѣ и о позволеніи возвратить священство тѣмъ лицамъ, кои за небытіе у присягъ „въ Тайной конторѣ написаны были въ солдаты, а потомъ взято съ нихъ штрафу по 50 рублей съ человѣка и отъ той военной службы выключены и отосланы въ Московскую губернскую канцелярію для положенія въ подушный окладъ, но еще не были положены въ окладъ" [166]). Вскорѣ за тѣмъ, 16-го марта того же года, Синодъ просилъ уже о возвращеніи, по-прежнему, къ церковнымъ должностямъ всѣхъ отданныхъ въ солдаты какъ священно и церковно-служителей, такъ и дѣтей ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о прекращеніи разбора духовенства. „Изъ присылаемыхъ въ Синодъ какъ по Синодальной области, такъ и изъ епархій вѣдомостей усмотрѣно", писалъ Синодъ, „что отъ извѣстно бывшаго и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстѣхъ производящагося церковникамъ и ихъ дѣтямъ въ военную службу разбора воспослѣдовалъ въ церковномъ клирѣ крайній недостатокъ, а по приложенной при томъ вѣдомости объявлено въ епархіяхъ и по Синодальной области праздныхъ церквей 611, а изъ прочихъ епархій вѣдомостей еще о томъ не прислано,—и святѣйшій Синодъ проситъ: не соизволитъ ли ея императорское величество всемилостивѣйше указать означенный церковникамъ и ихъ дѣтямъ въ военную службу разборъ, за нынѣ дарованный отъ Бога Россіи благополучный миръ, отставить и кои въ военную службу изъ дѣйствительныхъ священно и церковно-служителей взяты и нынѣ въ полкахъ имѣются, кромѣ не умѣющихъ грамотѣ и двоженцевъ и троженцевъ, изъ военной службы къ церквамъ святымъ уволить, а что они въ настоящее время у присягъ не были, вмѣнить имъ учиненное при отдачѣ въ службу на тѣлѣ наказаніе: а которые вмѣсто себя поставили рекруть или деньги, по указамъ, заплатили и записаны они въ купечество и въ цехи и положены въ подушный окладъ, оныхъ, по желанію ихъ, опредѣлить къ церквамъ, а изъ подушнаго окладу выключить" [167]). 16 го іюня того же года Синодъ представилъ въ Кабинетъ подобнаго же рода доношеніе. „Усмотрѣно изъ приложенныхъ въ опый Синодъ вѣдомостей", писалъ онъ, „что по Синодальной области и въ прочихъ епархіяхъ многія церкви безъ священно и церковно-служителей суть праздны и въ томъ приходскіе люди крайнюю имѣютъ нужду: (и) не соизволено-ль будетъ онымъ всѣмъ церковникамъ и священно и церковнико-служительскимъ дѣтямъ, у присягъ не бывшимъ, которые на то противнаго умысла не имѣли, какъ и прочимъ, вины отпустить и по-прежнему имъ при церквахъ за крайнимъ въ

нихъ, во многихъ мѣстахъ, недостаткомъ быть“ [168]). Того же года августа 1-го снова было представлено въ Кабинетъ доношеніе отъ Синода, въ которомъ онъ, по той же причинѣ „крайняго, во многихъ мѣстахъ, священно и церковно-служителей недостатка“, просилъ дозволенія опредѣлять въ священно-служители и причетники тѣхъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей, которыя, по разбору 1736 года, были отданы въ солдаты, въ послѣдствіи же, поставивъ вмѣсто себя купленныхъ людей, уволены изъ военной службы съ тѣмъ, чтобы продолжать ученіе, и это послѣднее, по причинѣ „превозрастныхъ лѣтъ“ или вступленія въ бракъ, не окончили [169]).

Однако всѣ вышеизложенныя ходатайства Синода не имѣли желаемаго результата. Только въ первыхъ числахъ іюня 1740 года Синодъ получилъ изъ Императорскаго Кабинета указъ „о свободѣ іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ и бѣлыхъ поповъ и дьяконовъ, кои у присягъ не были отъ одной своей простоты, отъ тѣлеснаго наказанія и штрафа, и о приводѣ ихъ къ присягамъ“ [170]). Въ 1741 году Синодъ возобновилъ ходатайства о возвращеніи къ церквамъ священно и церковно-служителей, отданныхъ въ военную службу какъ за небытіе у присягъ, такъ и за другія вины, и на этотъ разъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, какъ это видно 1) изъ затребованнаго 1741 года 4-го февраля Императорскимъ Кабинетомъ отъ Синода свѣдѣнія о томъ: „сколько нынѣ изъ священно-служителей, то-есть изъ поповъ и дьяконовъ, такожъ и изъ монаховъ разстрижено и въ военную службу опредѣлено, и за какую кто вину и когда и, буде есть въ Синодѣ извѣстіе, въ которыхъ полкахъ они опредѣлены“ [171]), и 2) изъ вѣдѣнія Синода, сообщеннаго Сенату 1741 года марта 23-го, слѣдующаго содержанія: „именнымъ его императорскаго величества высочайшимъ указомъ, за подписаніемъ, именемъ его императорскаго величества, ея императорскаго высочества благовѣрныя государыни великой княгини Анны, правительницы всея Россіи, на учиненномъ отъ Кабинета докладѣ, сего марта 12-го дня состоявшимся, всемилостивѣйше повелѣно: показанныхъ въ сообщенномъ при опомъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ именномъ реестрѣ архимандрита, поповъ, іеродіаконовъ, діаконовъ и монаховъ, кои по разстриженіи опредѣлены въ военную службу, изъ полковъ выключить и отослать всѣхъ въ святѣйшій Синодъ, въ которомъ какъ о нихъ, такъ и о тѣхъ, кои нынѣ содержатся за сказываніе ложно слова и дѣла, а чиновъ еще не лишены, разсмотрѣть, какого кто состоянія и достоинства и по тому надлежащее опредѣленіе учинить по своему разсужденію, и для того о присылкѣ оныхъ, куда надлежитъ, сообщить изъ святѣйшаго Синода. И во исполненіе оного его императорскаго величества высочайшаго указа, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: 1) показанныхъ во упомянутомъ реестрѣ находящихся въ военной службѣ священнаго и монашескаго чина людей прислать въ святѣйшій Синодъ немедленно (о чемъ, куда надлежало, изъ святѣйшаго Синода

указы и посланы); 2) кто изъ священнаго жъ и монашескаго чиновъ, ежели гдѣ по Синодальной области и по епархіямъ, въ городѣхъ, у свѣтскихъ командировъ понынѣ содержатся за сказываніе ложно слова и дѣла, а чиновъ еще не лишены, дабы таковые отъ свѣтскихъ командировъ отданы были. до его императорскаго величества указу, въ духовную команду, отколѣ куда надлежитъ въ подначальства, не лишая тѣхъ чиновъ ихъ (понеже о всѣхъ, въ такія вины впадшихъ, поданъ его императорскому величеству отъ святѣйшаго Синода о всемилостивѣйшемъ тѣхъ винъ ихъ отпущеніи докладъ и ожидается его императорскаго величества милосердаго указа), и кто изъ таковыхъ въ духовную команду откуда отосланы будутъ, присланы бъ были изъ тѣхъ мѣстъ въ святѣйшій Синодъ именные реестры, и о томъ бы губернаторы и воеводы опредѣлены были его императорскаго величества указомъ, Сенату, съ прописаніемъ на то въ резонъ вышеобъявленнаго его императорскаго величества милосердаго жъ указа, сообщить вѣдѣніе. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ учинить по его императорскаго величества указу, а о томъ же для вѣдома и въ надлежащемъ исполненія къ синодальнымъ членамъ, въ епархіи къ архіереямъ и въ прочія мѣста, куда надлежало, изъ святѣйшаго правительствующаго Синода указы посланы“ [17]). Съ этимъ милостивымъ указомъ кончились ходатайства и униженныя просьбы Синода предъ Императорскимъ Кабинетомъ о возвращеніи духовныхъ лицъ, отданныхъ въ солдаты за небытіе у присягивъ вѣрности ея императорскому величеству. Теперь установилось, какъ будто, за Синодомъ право—самолично возвращать изъ солдатъ желаемыхъ лицъ изъ бывшихъ духовныхъ, требовать отъ Сената распоряженія о выключеніи изъ солдатъ такихъ лицъ. Документы даютъ слѣдующія свѣдѣнія, подтверждающія это право Синода. Около этого времени въ Синодъ начали поступать отъ разныхъ лицъ прошенія о выключеніи ихъ родственниковъ изъ военной службы; иногда прихожане, выбравъ изъ таковыхъ отданныхъ въ солдаты за небытіе у присягъ къ своимъ церквамъ въ священно-служители, обращались въ Синодъ съ просьбой исходатайствовать избранному увольненіе изъ военной службы. Синодъ, принимая прошенія, относился въ Сенатъ только съ требованіями распоряженія о выключеніи того или другаго лица изъ военной службы. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ: 11 го апрѣля 1741 года, по прошенію священнической жены, Синодъ сообщилъ Сенату о выключеніи сына ея, отданнаго въ солдаты за небытіе у присягъ, изъ военной службы и о присылкѣ въ Синодъ для произведенія во священника на мѣсто больнаго отца его. 30-го апрѣля, по просьбѣ вдовы священника объ увольненіи сына ея, отданнаго въ солдаты также за небытіе у присягъ 1730 и 1731 годовъ, когда ему было менѣе 12 лѣтъ, Синодъ прямо требовалъ отъ Сената, что „такого изъ военной службы выключить надлежитъ“. 4-го мая, по прошенію прихожанъ объ опредѣленіи во священника къ ихъ церкви

дьячкова сына, отданнаго въ солдаты за пебытіе у присяги, Синодъ требовалъ отъ Сената уволить показаннаго дьячкова сына отъ солдатства и прислать въ Синодъ для производства во священника, согласно желанію просителей [173]).

Заботы Синода о замѣщеніи вакантныхъ священно и церковно-служительскихъ должностей простирались и на отдаленную Сибирь, гдѣ въ описываемое время, вслѣдствіе указанныхъ ниже причинъ, оказался крайній недостатокъ въ священно и церковно-служителяхъ, и Синодъ былъ вынужденъ восполнять этотъ недостатокъ лицами не изъ среды духовенства, „людьми свѣтскихъ чиновъ". Такъ въ началѣ 1739 года Иннокентій, епископъ иркутскій, донесъ Синоду „о крайней въ его епархіи скудости и неимуществѣ у многихъ церквей, а наипаче въ камчадальскихъ острогахъ и въ Охотскѣ и въ прочихъ мѣстахъ, какъ въ Иркутскѣ и въ иркутской десятинѣ, такъ и въ илгинскомъ и киренскомъ заказахъ (въ которыхъ священниковъ и причетниковъ не имѣется у 35 церквей), нидѣ самихъ священниковъ, а обрѣтаются только причетники, нидѣ же токмо единъ священникъ, а причетниковъ пѣтъ; а на тѣ праздныя мѣста производить весьма не изъ кого, понеже приплыхъ изъ разныхъ городовъ людей, которые были къ церквамъ опредѣлены, по указамъ отъ свѣтской команды отсылаютъ на прежнія жилища, а изъ иркутскихъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей, за малолѣтствомъ, въ тѣ чины годныхъ не обрѣтается"; производить же къ церквамъ лицъ изъ свѣтскихъ людей, продолжалъ епископъ, — губерпское начальство не позволяетъ; такъ священникъ и прихожане одной изъ церквей Селенгинска избрали къ своей церкви во діакона „бывшаго селенгинскаго служилаго (Ивана Сѣнотрусова), понеже онъ отъ свѣтской команды изъ гражданской службы уволенъ и имѣетъ пашпортъ, а подушныя деньги за него подписались платить прихожане собою повсягодно", но иркутскій вице-губернаторъ его „къ произведенію во діакона не допустилъ, а опредѣлилъ его въ Иркутскую канцелярію къ письменной работѣ". Изложивъ такія обстоятельства, преосвященный Иннокентій ходатайствовалъ предъ Синодомъ помянутаго „служилаго" Сѣпотрусова изъ Иркутской провинціальной канцеляріи „свободить и для произведенія во діакона къ нему прислать.... и впредь ради вышепоказанной, въ епархіи его, во священствѣ и въ прочемъ церковномъ причтѣ обстоящей нужды во священство и въ прочіе церковные чины производить изъ свѣтскихъ чиновъ людей, годныхъ и ученыхъ, отъ свѣтской команды и отъ подушнаго платежа и прочихъ службъ уволенныхъ, за выборами всѣхъ прихожанъ". Синодъ, признавъ вполнѣ справедливымъ требованіе иркутскаго епископа, 23-го февраля того же 1739 года отнесся въ Сенатъ объ увольненіи означеннаго „служилаго" въ вѣдомство епархіальнаго архіерея для произведенія во діакона, при чемъ просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы свѣтскія власти въ подобныхъ случаяхъ епархіальному началь-

ству не дѣлали препятствій. Вотъ что писалъ Синодъ въ своемъ вѣдѣніи Сенату по этому предмету: „для надлежащаго о томъ разсмотрѣнія сообщить правительствующему Сенату, съ таковымъ святѣйшаго Синода разсужденіемъ, что ежели кто изъ свѣтскихъ чиновъ въ священный чинъ вступить пожелаетъ, а онъ отъ гражданскихъ всѣхъ службъ можетъ быть свободнымъ, и о состояніи его добраго житія отъ приходскихъ людей, такожъ и о безподозрительномъ его въ свѣтской командѣ пребываніи засвидѣтельствуется или буде кто хотя и въ подушный окладъ положены, а приходскіе люди въ платежѣ за таковыхъ платежныхъ денегъ и прочихъ податей обяжутся добровольно, тѣмъ, за обстоящую въ оной епархіи въ священствѣ и въ сподобленіи христіанъ церковными требами крайнюю нужду, свободу къ произведенію во священный чинъ давать, понеже оная епархія отъ другихъ епархій имѣется въ немаломъ отдаленіи, а дѣло въ томъ весьма есть нужное". 1739 года іюля 19-го состоялось въ Сенатѣ опредѣленіе: „для вышеписанныхъ, представленныхъ въ вѣдѣніи отъ св. правительствующаго Синода многихъ резоновъ", къ исполненію его требованія послать указы въ Сибирскій приказъ и въ Сибирскую губернскую канцелярію[174]).

Синодъ, какъ высшее духовное правительство, представлявшее собою собраніе мужей совѣта и разума, былъ главнымъ руководителемъ духовныхъ властей въ ихъ дѣятельности по управленію. Текущая духовная жизнь не рѣдко предъявляла къ правящей власти, въ особенности епархіальной, новые вопросы и требованія, и въ случаѣ какихъ-либо затрудненій при ихъ разрѣшеніи, епархіальные архіереи обращались къ Синоду, который или самъ разрѣшалъ встрѣтившіяся затрудненія, или обращался за разрѣшеніемъ ихъ къ верховной власти. Такъ 1740 г. 14-го ноября былъ представленъ Амвросію, архіепископу новгородскому докладъ отъ его архіерейской конторы о разрѣшеніи вопроса: производить ли справки, при опредѣленіи ставленниковъ на священно-церковническія должности, о томъ, были ли они у присягъ: а) 1730 и 1731 годовъ на вѣрность императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (уже умершей) и б) на вѣрность новому императору Іоанну Антоновичу и правительницѣ, его матери, великой княгинѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Архіепископъ Амвросій, хотя самъ былъ членомъ Синода, даже первенствующимъ, тѣмъ не менѣе, эти вопросы „предложилъ въ благоразсмотрительное разсужденіе ихъ святѣйшеству" и требовалъ на то отъ Синода „опредѣлительнаго указа". Въ своемъ представленіи владыка выразилъ только мнѣніе, что отъ производства такихъ справокъ „чинится въ произвожденіи священно-служителей не малое продолженіе и ставленникамъ происходятъ волокита и убытки". Синодъ, оставивъ во всей силѣ правило относительно справокъ о присягѣ царствующему императору и правительницѣ государства, отмѣнилъ допросы ставленникамъ, были ли они у присягъ 1730 и 1731 годовъ, какъ лиш-

нюю формальность, и сдѣлалъ о томъ надлежащее распоряженіе по всему духовному вѣдомству. Въ указѣ Синода на имя синодальнаго члена Амвросія было сказано: „По указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ, имѣя разсужденіе..., приказали: отнынѣ по Синодальной области и по епархіямъ ставленикамъ о бытіи ихъ у присяги 1730 и 1731 годовъ допросовъ не производить и справокъ о томъ не чинить". — Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ другой случай, бывшій въ томъ же 1740 году. Архіепископъ кіевскій Рафаилъ вошелъ въ Синодъ съ представленіемъ, въ которомъ спрашивалъ: дозволится ли приходящихъ изъ Польши и изъ Молдавіи монаховъ и монахинь принимать въ монастыри его епархіи? Вмѣстѣ съ этимъ онъ объявилъ, что нѣкоторые изъ нихъ въ епархію его, въ 1739 году, „хотя уже и приняты, точію по письменнымъ требованіямъ генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, а прочіе присланы при писаніихъ бывшаго въ Кіевѣ генерала и кавалера Леонтьева изъ Кіевской губернской канцеляріи, съ прописаніемъ, что оные пропущены изъ за границы по силѣ указа правительствующаго Сената отъ 16-го августа 1739 года". Синодъ, не имѣя подъ руками такого указа, „по которому означеннымъ выходящимъ изъ польской и молдавской областей монахамъ пропускъ и пріемъ въ Россію чинить опредѣлено", потребовалъ отъ Сената прислать съ помянутаго указа точную копію. Изъ документовъ не видно, была ли доставлена въ Синодъ эта копія и какъ рѣшенъ вопросъ о пріѣзжавшихъ изъ Польши и Молдавіи монахахъ [175]).

Разрѣшая затрудненія по частнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ той или другой епархіи, Синодъ въ тоже время издавалъ руководства, обязательныя или для всего подчиненнаго ему духовенства — и для архіереевъ, и для низшаго священства, или только для отдѣльныхъ лицъ и случаевъ. Къ общимъ, обязательнымъ для всего духовенства руководствамъ, которыя издалъ Синодъ въ описываемое царствованіе, относится, напримѣръ, форма присяги ставленикамъ при посвященіи ихъ въ санъ священника и діакона. Объ установленіи этой формы сохранились слѣдующія данныя. 1741 г. 31-го января Синодъ писалъ въ своемъ указѣ Іоанну, епископу воронежскому и елецкому: „разсуждая, что въ прибавленіи Духовнаго регламента о пресвитерахъ и діаконахъ, подъ числомъ 5, напечатано: предъ поставленіемъ во священство да проклянетъ ставленикъ публично въ церкви вся именно раскольническая согласія съ присягою;... при вышеписанной присягѣ долженъ и въ вѣрности государю своему присягу чинить; и хотя о исполненіи того, по состоявшимся въ прошлыхъ 1722 февраля 23-го и въ 1737 годахъ марта 7-го числъ святѣйшаго Синода опредѣленіямъ, посланными во всѣ епархіи указами и подтверждено, только въ какой силѣ оной присягѣ быть, формы учинено не было, и како гдѣ по тѣмъ указамъ исполняется — неизвѣстно, а оной ставленикамъ

присягѣ во всѣхъ мѣстахъ надлежитъ быть единоформальной. Того ради приказали: въ какой силѣ реченную ставленикамъ присягу исполнять надлежитъ, въ святѣйшемъ Синодѣ сочинивъ форму, которая сочинена и св. Синодомъ апробована, написавъ со оной точныя копіи, для надлежащаго, по силѣ вышеизображеннаго въ прибавленіи Духовнаго регламента, въ 5 пунктѣ, указаннаго исполненія и привожденія новопроизводимыхъ во діаконы и попы ставленниковъ, предъ поставленіемъ въ тѣ священные чины, по той формѣ къ присягамъ, послать къ епископальнымъ членамъ, въ епархіи ко архіереямъ и куда надлежитъ, при указахъ... съ таковымъ повелѣніемъ, дабы... привожденіе къ присягѣ (ставленниковъ)..., съ надлежащею ихъ во исполненіе ими той присяги подпискою чинено было вездѣ безъ всякаго упущенія неотмѣнно“ [176]). Сюда же слѣдуетъ отнести и вновь составленныя и разосланныя по епархіямъ для руководства формы поминовеній членовъ высочайшей фамиліи во время богослуженія и табель высокоторжественнымъ и викторіальнымъ днямъ [177]). Къ руководствамъ, изданнымъ за это время Синодомъ для отдѣльныхъ лицъ и по спеціальнымъ предметамъ, относятся: а) инструкціи, данныя избраннымъ священникамъ, іеромонахамъ и коммиссіямъ, отправленнымъ въ 1740—1741 гг. въ разные раскольничьи пункты—къ раскольникамъ: олонецкимъ, выгорѣцкимъ и жившимъ на сибирскихъ заводахъ, а также къ разнымъ инородцамъ, для обращенія ихъ къ православной церкви [178]), б) инструкціи епископамъ на управленіе епархіями [179]) и в) составленные въ описываемое время штаты (напримѣръ, о ружникахъ), служившіе руководствомъ для Коллегіи экономіи при выдачѣ денежнаго и хлѣбнаго содержанія [180]).

Будучи главнымъ руководителемъ по управленію духовными дѣлами, Синодъ прилагалъ много заботъ о томъ, чтобы духовенство, какъ по образованію, такъ и по нравственнымъ качествамъ, стояло на высотѣ своего призванія и было способно надлежащимъ образомъ вести порученное ему важное дѣло. Отъ епископовъ Синодъ требовалъ соблюденія догматовъ православной вѣры во всей чистотѣ и неизмѣняемости. Строго преслѣдуя эту задачу, онъ требовалъ отъ переходившихъ въ православіе епископовъ другихъ исповѣданій публичнаго отреченія отъ всякихъ ересей и заблужденій. Такъ въ 1740 году, вслѣдствіе желанія проживавшаго въ то время въ Москвѣ армянскаго архіепископа Мины присоединиться къ православной церкви, Синодъ постановилъ, что это присоединеніе можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, когда Мина предварительно и притомъ торжественно, при собраніи, „всѣхъ своихъ армянскихъ заблужденій отречется и проклянетъ“ [181]). Вмѣстѣ съ этимъ Синодъ требовалъ отъ епископовъ, чтобъ они въ своихъ епархіяхъ, при опредѣленіи на церковныя должности, самолично испытывали и свидѣтельствовали опредѣляемыхъ, чтобы при церквахъ священническія, дьяконскія и причетническія мѣста за-

нимаемы были людьми достойными и по ученію, и по поведенію. 1740 года 13-го апрѣля Синодъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ „по усмотрѣнію, самоперсональнымъ архіерейскимъ засвидѣтельствованіемъ, во священные чины чинить произвожденіе“ [182]).

Особенно Синодъ заботился о достоинствѣ столичнаго духовенства, чтобы духовенство это по наукѣ и нравственнымъ качествамъ соотвѣтствовало своему исключительному положенію Такъ, по докладу Синода въ 1737 году, высочайше повелѣно было опредѣлить въ Петропавловскій соборъ, „ради чести таковой знатной въ царствующемъ градѣ соборной церкви“, въ протопопы ученаго человѣка, изъ Москвы, гдѣ духовенство было образованнѣе петербургскаго, такъ какъ большая часть его воспитывалась въ тамошней славяно-греко-латинской академіи. Въ вѣдѣніи Синода, сообщенномъ Сенату 17-го марта 1738 года, объ отпускѣ изъ Статсъ-конторы на счетъ Коллегіи экономіи денежнаго жалованья новоопредѣленному причту Петропавловскаго собора, сказано: „по имянному ея императорскаго величества указу, за подписаніемъ собственныя ея императорскаго величества руки, на поданномъ отъ Синода докладѣ іюля „ “ дня 1737 года состоявшемуся, повелѣно въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ, для отправленія священно-церковно-служенія, ради чести таковой знатной въ царствующемъ градѣ соборной церкви, священно и церковно-служителямъ быть изъ ученыхъ достойнымъ и доброжелательнымъ людямъ...; и по содержанію онаго ея императорскаго величества указа, по опредѣленію святѣйшаго Синода, во оный Петропавловскій соборъ въ протопопа наречень, изъ ученыхъ людей, Благовѣщенскаго собора, что въ Москвѣ, священникъ Михаилъ Слонскій, прошедшій ученіемъ отъ нижнихъ латинскихъ школъ и богословію, который декабря 26-го дня 1737 года ея императорскому величеству въ Зимнемъ Домѣ отъ Синода и былъ представленъ и при томъ ея императорскому величеству въ томъ, что онъ, Слонскій, человѣкъ ученый и по усмотрѣнію святѣйшаго Синода къ произведенію въ оный Петропавловскій соборъ избранъ въ протопопа, докладывано и всеподданнѣйше требовано на то отъ ея императорскаго величества высокоповелительнаго соизволенія; при чемъ ея императорское величество, своимъ изустнымъ высокомонаршимъ указомъ, и изволила повелѣть его, священника Слонскаго, въ протопопа произвесть, который прошлаго 1737 года декабря 31-го дня и произведенъ; да въ тотъ же Петропавловскій соборъ, генваря съ 1-го дня 1738 года, опредѣлены произведенные изъ ученыхъ въ московской славяно-латинской академіи, въ школахъ риторики, философіи и богословіи, священниковъ три, въ протодіакона опредѣленный марта 2-го дня 1738 года одинъ, да онаго генваря съ 1-го числа дьяконъ одинъ, да причетниковъ къ церковнопѣнію и книгочтенію: дьячковъ шесть, пономарей четыре“ [183]).

Что касается до монашествующаго духовенства, то Синодъ заботился „о исправленіи и порядочномъ содержаніи монашескаго чина: чтобъ изъ монастыря въ монастырь не переходили и нигдѣ не бродили и дабы какъ въ томъ, такъ и въ прочемъ благочинномъ поведеніи монаховъ поступано было по Духовному регламенту и по указу 1701 года и по другимъ, въ дополненіе онихъ регламента и указа учиненнымъ опредѣленіямъ“[181]).

Изъ обязанности Синода, какъ высшаго руководителя по управленію духовными дѣлами, само собою вытекало для него и право контроля надъ подчиненнымъ духовенствомъ. Онъ обязалъ епархіальныхъ архіереевъ присылать въ Синодъ ежегодныя вѣдомости по управленію и изъ этихъ отчетовъ усматривалъ — порядочна-ли была дѣятельность архіерея и всего подчиненнаго ему духовенства. Вмѣстѣ съ этимъ Синодъ былъ высшимъ судьей надъ духовными лицами по преступленіямъ ихъ званія и должности, а равно и надъ мірскими людьми по нѣкоторымъ преступленіямъ противъ вѣры, церкви и вообще христіанской нравственности. Синодъ былъ высшимъ апелляціонно-кассаціоннымъ судебнымъ центромъ. Предварительно судебное разбирательство по всѣмъ преступленіямъ производилось въ низшихъ инстанціяхъ духовнаго суда и, въ случаяхъ неправильнаго или пристрастнаго суда въ этихъ инстанціяхъ, дѣла переносились въ Синодъ. Такія дѣла Синодъ или рѣшалъ самъ, или направлялъ въ другое какое-либо судебное учрежденіе, которому указывалъ постановить по дѣлу опредѣленіе и, не приводя его въ исполненіе, прислать въ Синодъ „для конфирмаціи“. Для примѣра, выписываемъ слѣдующія дѣла. 1737 года 10-го декабря явились въ Тайную канцелярію московскаго Донскаго монастыря служители Александръ Вонновъ и Василій Садыковъ съ доносомъ на архимандрита того же монастыря Кирилла, — „о противныхъ поступкахъ и о необыкновенныхъ монастырскихъ расходахъ“. Но Тайная канцелярія, не входя въ разсмотрѣніе доноса, дѣло это, 2-го декабря того же года, передала въ Синодъ „къ надлежащему разсмотрѣнію и, по силѣ ея императорскаго величества указовъ, рѣшенію“. Синодъ, по мѣстопребыванію доносителей и отвѣтчиковъ въ Москвѣ, направилъ дѣло въ тамошнюю Синодальнаго правленія канцелярію, поручивъ ей, по показанію доносителей, архимандрита Кирилла и прочихъ лицъ, кого въ чемъ слѣдуетъ „допросить по формѣ о судѣ, и по допросамъ надлежащее слѣдствопроизвожденіе учинить, какъ ея императорскаго величества указы повелѣваютъ“. Для правильнаго и безпристрастнаго слѣдствія Синодъ назначилъ состоять при томъ слѣдствіи депутатомъ отъ духовенства одного изъ московскихъ архимандритовъ, а отъ Сената требовалъ „о опредѣленіи къ тому слѣдствію свѣтской персоны, понеже при ономъ слѣдствіи въ допросахъ имѣютъ быть не однѣ духовныя персоны, но

и свѣтскіе люди, къ тому жъ и не по духовнымъ дѣламъ“[185]). Во время производства въ московской Синодальнаго правленія канцеляріи слѣдствія, доносители, видя неуспѣшность своего доноса, для проволочки дѣла подали въ Императорскій Кабинетъ доношеніе, что эта канцелярія въ производствѣ слѣдствія дѣлаетъ имъ „посягательство“ и что они ею „не довольны“. Кабинетъ поручилъ Синоду передать это дѣло къ разсмотрѣнію въ Коллегію экономіи. Синодъ, указомъ 1740 года 3-го іюля, предписалъ Коллегіи экономіи дѣло „разсмотрѣть и рѣшить обще съ опредѣленнымъ къ тому архимандритомъ“, и ежели архимандритъ Кириллъ или кто изъ духовныхъ, по слѣдствію, явится виновнымъ, то, постановивъ о ихъ рѣшеніе, „исполненія по тому рѣшенію не чинить, но прислать оное для конфирмаціи въ святѣйшій Синодъ, для того какъ той коллегіи самой о духовныхъ персонахъ, такъ и архимандриту единому по рѣшенію своему исполненія учинить не можно; ежели же доносители явятся виновны, рѣшеніе той коллегіи учинить по указамъ, а святѣйшему Синоду единаго ради извѣстія репортовать“. Послѣ того, въ 1741 году, 18-го сентября, архимандритъ Кириллъ, донося Синоду, что по рѣшенію Коллегіи экономіи доносители Воиновъ и Садыковъ, оказавшіеся по слѣдствію виновными, отданы за неправый донось въ военную службу, просилъ о вытребованіи изъ этой коллегіи вышепомянутаго дѣла или изъ него экстракта и присылкѣ въ Синодъ „для благоразсужденія“. И по этому доношенію Синодъ, того же сентября 29-го числа, предписалъ указомъ Коллегіи экономіи: „учиня изъ того дѣла въ немедленномъ времени вѣрный экстрактъ, съ привнесеніемъ той коллегіи мнѣнія, для надлежащаго объ ономъ архимандритѣ и о прочихъ духовныхъ, ежели до кого по тому дѣлу что касалось, разсужденія, прислать въ святѣйшій Синодъ безъ продолженія“[186]). Въ 1740 году приписные къ соборной церкви города Мурома крестьяне подали въ Синодъ жалобу на соборнаго протопопа съ причтомъ въ обидахъ и налогахъ и въ насильномъ завладѣніи ихъ, крестьянъ, землею, а на епархіальнаго (рязанскаго) архіерея въ потворствѣ обидчикамъ и „послабленіи“. Синодъ въ слѣдующемъ году послалъ тому же епархіальному архіерею указъ, которымъ велѣлъ ему разслѣдовать это дѣло „безъ всякаго пристрастія“ и потребовалъ отъ самого архіерея, чтобы онъ „въ принесенномъ на него отъ оныхъ челобитчиковъ неудовольствіи, по полученіи того указа въ недѣлю, въ святѣйшій Синодъ отвѣтствовалъ по архіерейству своему, по самой истинѣ, изъ чего можно будетъ видѣть архіерейскій поступокъ недѣльный, или челобитье ложное“[187]).

Были случаи, когда Синодъ являлся первой инстанціей суда. Такъ въ 1741 году одинъ священникъ подалъ жалобу прямо въ Синодъ „въ напрасной отдачѣ въ рекруты его дѣтей за крестьянъ

помѣщика и въ раззореніи дома его, попова“ [188]). И Синодъ самъ производилъ слѣдствіе по этому дѣлу. Въ Синодѣ, какъ въ первой же инстанціи, производились нѣкоторыя дѣла по указамъ Императорскаго Кабинета. Напримѣръ, 11-го мая 1740 года Кабинетъ направилъ на разсмотрѣніе и разрѣшеніе Синода доношеніе графа П. Мусина-Пушкина (управлявшаго дѣлами Коллегіи экономіи) о „продерзостяхъ“ архимандрита Воскресенскаго, при рѣкѣ Истрѣ, монастыря Каріона, что послѣдній „по многопосланнымъ изъ Коллегіи экономіи указамъ, подлежащихъ платежемъ съ того монастыря во оную коллегію заопредѣленныхъ на прошлый 1739 годъ доходовъ не токмо не платитъ, но и, пришедъ въ ту коллегію, собранію съ великимъ невѣжествомъ и съ бранью объявилъ, что платить не будетъ, и взысканнаго посланнымъ въ тотъ монастырь капраломъ оброчнаго хлѣба выслать въ Москву (въ Коллегію экономіи) не далъ“ [189]).

Синодъ, по окончаніи слѣдствія надъ подсудимыми, виновныхъ подвѣдомственныхъ ему лицъ подвергалъ разнаго рода наказаніямъ: содержанію подъ арестомъ, ссылкѣ въ монастыри и пустыни на неисходное житье, наказанію плетьми и лишенію духовнаго сана. Такъ Синодъ одного изъ монаховъ Александро-Невскаго монастыря, жаловавшихся ложно на настоятеля, держалъ подъ арестомъ, другаго же опредѣлилъ „наказать плетьми“ на страхъ другимъ, чтобы „другіе такъ чинить не дерзали“ [190]); а одного священника города Торопца, затѣйно приносившаго жалобу на протопопа, лишилъ священства. По жалобѣ на этотъ послѣдній приговоръ Императорскій Кабинетъ требовалъ отъ Синода справку, и первенствующій членъ Синода Амвросій, архіепископъ новгородскій, самолично объявилъ въ Кабинетѣ, что наказаніе присуждено по винѣ, и прислъ виновному „не дать потачки“ [191]).

Въ кругъ обязанностей Синода, какъ замѣчено выше, входило попеченіе о распространеніи просвѣщенія въ средѣ духовенства. Обязанность эта установлена была еще Духовнымъ регламентомъ, слѣдовательно, съ первыхъ дней существованія Синода. Она заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы Синодъ прилагалъ особенное стараніе къ учрежденію наибольшаго числа духовныхъ школъ, изыскивалъ достаточныя средства на ихъ содержаніе, снабжалъ школы хорошими учителями и смотрѣлъ, чтобы науки преподавались въ должной мѣрѣ и поведеніе учащихся было добропорядочно. Указомъ 13-го ноября 1740 года вновь подтверждено было Синоду, чтобы онъ прилагалъ попеченіе о заведеніи духовныхъ школъ и снабжалъ ихъ хорошими учителями, чтобы въ этихъ школахъ подготовлялись лица, могущія быть священниками „учительными и благочестнаго житія и рачительными о спасеніи душъ человѣческихъ... И дабы,—говорилъ указъ,—впредь въ такихъ достойныхъ, законъ Божій знающихъ священникахъ, къ ученію и наставленію по-

вѣрешныхъ имъ овецъ недостатку быть не могло, того ради должно прилежно наблюдать, дабы, по Духовному регламенту и по... указамъ, училища и школы умножены, порядочно содержаны и добрыми и искусными учителями снабдены были для пажежнаго полученія отъ нихъ ожидаемаго богоугоднаго плода“ [192]). И Синодъ, какъ видно изъ документовъ, приложилъ не мало старанія для осуществленія указанной программы.

Къ работамъ Синода въ этомъ направленіи относятся, между прочимъ, занятія по устройству въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ семинаріи. Незадолго до описываемаго времени имъ составлена была для этой семинаріи „инструкція“. 12-го марта 1740 года Синодъ сообщилъ въ Императорскій Кабинетъ, „что, по силѣ указа, Троицкаго Сергіева монастыря архимандритъ въ С.-Петербургъ прибылъ и какъ сочиненное на инструкцію того монастыря изъясненіе, такъ и вѣдомости объявилъ, которыя приложены при томъ сообщеніи; что же поданнаго помянутымъ архимандритомъ на оную инструкцію въ дополненіе представленія, противъ втораго оной инструкціи пункта включено: изъ какихъ-де чиновъ въ семинарію учениковъ набирать, въ той инструкціи не объявлено, —и на оное Синодъ объявляетъ, что о тѣхъ ученикахъ (которыхъ, по силѣ именнаго о сочиненіи той инструкціи указа, велѣно набрать въ семинарію, выбирая изъ священническихъ и прочихъ церковниковыхъ или у тутошнихъ монастырскихъ слугъ дѣтей) въ означенной инструкціи не объявлено для того, что еще семинарія не построена“ [193]).

Кромѣ того, Синодъ настоятельно ходатайствовалъ въ Кабинетѣ и Сенатѣ объ улучшеніи содержанія учителей и школьныхъ помѣщеній при монастыряхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1740 году Синодъ ходатайствовалъ въ Кабинетѣ объ улучшеніи содержанія школъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ. Архіепископъ кіевскій Рафаилъ, 10-го сентября 1740 г., донесъ Синоду, что, за прекращеніемъ въ 1722 году отпуска изъ малороссійскихъ войсковаго скарба доходовъ на содержаніе учителей и школъ въ томъ монастырѣ, „церкви и школы весьма обветшали, а учители возъимѣли великую нужду“. Синодъ съ своей стороны обратился въ Кабинетъ съ ходатайствомъ „учинить милостивую резолюцію“ на прошеніе архіепископа кіевскаго Рафаила, такъ какъ „онымъ учителямъ, яко въ благоугодномъ дѣлѣ, къ лучшей хвалѣ Божіей и къ пользѣ государственной труждающимся, помянутую сумму съ 1722 года выдать и впредь выдавать повсягодно надлежитъ, понеже въ оныхъ школахъ не малая польза какъ церкви россійской, такъ и государственная происходитъ“. На представленіе Синода въ Кабинетѣ того же года 3-го октября послѣдовала резолюція: въ Сенатѣ справиться и, ежели прежде въ этотъ монастырь изъ малороссійскихъ войсковыхъ суммъ по 200 рублей въ годъ отпускалось и послѣ такой отпускъ указами

отмѣненъ не былъ, то разрѣшить выдачу требуемыхъ денегъ. Сенатъ не замедлилъ справиться объ этомъ въ производствахъ Канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ. По справкѣ выяснилось, что деньги, 200 рублей, на поддержаніе школъ назначены изъ войсковаго скарба прежними гетманами, но эта выдача была остановлена въ 1722 году „во время бывшей Малороссійской коллегіи, послѣ смерти гетмана Скоропадскаго", и что потомъ, въ 1732 году, 14-го января гетманъ Апостолъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ ходатайствовалъ объ отпускѣ на школы денегъ по-прежнему, но по этому его требованію въ Иностранной коллегіи рѣшенія не послѣдовало. Въ виду этого Сенатъ рѣшилъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, о чемъ и сообщилъ Синоду слѣдующимъ вѣдѣніемъ отъ 31-го октября 1741 года: „Правительствующій Сенатъ приказалъ: на содержаніе обрѣтающихся въ Кіевѣ въ Братскомъ училищномъ монастырѣ учителей и на починку церкви и школъ, по 200 рублей на годъ, которые прежде отпускались, по силѣ Кабинета его императорскаго величества резолюціи октября 3-го дня 1740 года, съ начала нынѣшняго 1741 года отпускать по-прежнему изъ малороссійскихъ войсковаго скарба сборовъ, о чемъ въ Малую Россію, въ Генеральную Войсковую канцелярію и указъ посланъ. И святѣйшій правительствующій Синодъ да благоволитъ о томъ быть извѣстенъ"[194].

Такую же заботу Синодъ обнаружилъ въ улучшеніи положенія учителей и школъ въ Смоленскѣ. 1741 года 27-го января поступило въ правительствующій Сенатъ вѣдѣніе святѣйшаго Синода: „сего генваря 7-го дня по имянному его императорскаго величества указу, за собственноручнымъ ея императорскаго высочества, благовѣрныя государыни великой княгини Анны, правительницы всея Россіи, на прошеніи преосвященнаго Гедеона, епископа смоленскаго, подписаніемъ, велѣно: объявленные въ опомъ его преосвященства прошеніи заопредѣленные Авраміева монастыря доходы, 133 рубля 13¾ коп., для содержанія заведенныхъ въ томъ монастырѣ школъ и учителей, отдать и, пока о всѣхъ монастыряхъ штаты будутъ учинены, тѣхъ денегъ въ Коллегію экономіи не отсылать. И по тому его императорскаго величества указу, святѣйшій Синодъ приказали: для надлежащаго по содержанію онаго его императорскаго величества именнаго указа исполненія, послать къ его преосвященству (и посланъ) указъ. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ о томъ вѣдать; а съ помянутаго прошенія и полученнаго на немъ его императорскаго величества указа копія сообщается при семъ, какова и въ Коллегію экономіи, при указѣ, изъ святѣйшаго Синода послана"[195].

Въ томъ же 1741 году, 22-го мая, Синодъ отнесся въ Сенатъ съ требованіемъ объ освобожденіи отъ военнаго постоя тѣхъ священно и церковно-служительскихъ домовъ въ Харьковѣ, въ которыхъ помѣщались ученики тамошнихъ славяно-греко-латинскихъ школъ,

какъ о томъ просилъ въ Синодѣ бѣлградскій архіепископъ доношеніемъ отъ 23-го апрѣля этого года. Въ вышепомянутомъ вѣдѣніи Синодъ сообщилъ Сенату, что, по силѣ Духовнаго регламента и по указамъ императора Петра I и императрицы Анны Іоанновны, по епархіямъ и въ томъ числѣ въ бѣлградской епархіи, въ харьковскомъ училищномъ Покровскомъ монастырѣ, школы славяно-греко-латинскаго ученія учреждены, „а особливо въ бѣлградской епархіи, по жалованной въ 1731 году марта 16 го дня ея императорскаго величества грамотѣ, оный харьковскій училищный монастырь и въ немъ школы и въ нихъ свободное ученіе утверждено и при томъ повелѣно какъ военнымъ, такъ штатскимъ и всякаго званія людямъ тому училищному монастырю и въ немъ ректору, учителю и ученикамъ, въ школахъ обрѣтающимся, такъ же внѣ монастыря живущимъ подданнымъ и слугамъ монастырскимъ, отнюдь обидъ и утѣсненія ни какого не чинить, а ежели кто тому монастырю, такъ же ректору, учителямъ школьнымъ и внѣ монастыря и въ школахъ обрѣтающимся, нынѣ и впредь будучимъ, учнетъ чинить какія обиды или утѣсненія, въ томъ защищать и по государственнымъ правамъ и указалъ оборонять. А сего 1741 года апрѣля 23-го дня святѣйшему Синоду преосвященный Петръ, архіепископъ бѣлградскій, доношеніемъ представя, что, по силѣ-де именныхъ ихъ императорскихъ величествъ указовъ и Духовнаго регламента, въ городѣ Харьковѣ учреждены славяно-латинскія школы, гдѣ-де непрестанно имѣютъ квартиры генералитетъ и многіе военные люди и становятся квартирами, ни на что не взирая, въ домахъ священно-церковно-служителей, гдѣ пристанище и квартиры имѣютъ обучающіяся священно-церковно-служительскія дѣти, и хотя-де о не-постоѣ въ домахъ оныхъ священно-церковно-служителей для тѣхъ, паче обучающихся, священно-церковно-служительскихъ дѣтей неоднократно было предлагаемо, точію-де въ томъ ни какой милости не получено: но вмѣсто того, обходя купецкіе и разночинцовы дворы, священно-церковно-служительскіе домы тѣми постоями крайне отягощены; а ежели бы-де такого опымъ священно-церковно-служительскимъ домамъ постоями отягощенія не было, то бы-де надежда состояла большему числу быть въ харьковской академіи учениковъ, да за такимъ-де крайнимъ въ квартирахъ препятствіемъ въ Харьковѣ число учениковъ умаляется,—требовалъ, дабы повелѣно было въ Харьковѣ въ священно-церковно-служительскихъ домахъ постой ставить запретить и о томъ подтвердить въ Бѣлградскую губернскую и Харьковскую полковую канцеляріи и Полицеймейстерскую контору указами. И, по его императорскаго величества указу, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: о увольненіи помянутыхъ обрѣтающихся въ Харьковѣ священно-церковно-служителей отъ постоевъ квартирующихъ военныхъ людей, для объявленныхъ въ вышеупомяненномъ его преосвященства доношеніи резоновъ разсмотрѣнія и рѣшенія, сообщить правительствующему Сенату вѣдѣніе, по которому что учинено

будетъ, о томъ святѣйшій Синодъ увѣдомленъ былъ по обыкновенію". 1741 года іюля 2-го въ Сенатѣ было опредѣлено: „обрѣтающихся въ Харьковѣ священно и церковно-служителей въ домахъ, въ которыхъ они живутъ, постоя для объявленныхъ въ томъ вѣдѣніи Синода резоновъ не ставить"[196]).

Къ тому же времени относится проектъ Синода о перемѣщеніи московской славяно-греко-латинской академіи изъ Заиконоспасскаго монастыря въ Донской. 1741 года іюля 20-го Синодъ представилъ въ Императорскій Кабинетъ слѣдующее сообщеніе: „Духовнаго регламента о домахъ училищныхъ, подъ числомъ 19, напечатано: мѣсто академіи не въ городѣ, но въ сторонѣ, на веселомъ мѣстѣ угодное, гдѣ нѣсть народнаго шума, ниже частыя оказіи, которыя обычно мѣшаютъ ученію, и находитъ на очи, что похищаетъ мысли молодыхъ человѣкъ и прилежать ученіемъ не попускаетъ. А святѣйшему Синоду въ представленіяхъ московской Синодальнаго правленія канцеляріи о переведеніи имѣющейся въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ славяно-греко-латинской академіи, за тѣснотою палатъ, изъ тамошняго мѣста въ другой пристойный монастырь, между прочаго, объявлено: во взятомъ въ ту канцелярію, по силѣ посланнаго во оную изъ святѣйшаго Синода, въ прошломъ 1738 году, въ каковомъ оная академія и учительскія кельи послѣ бывшаго въ Москвѣ 1737 года мая 29 дня пожара состояніи находятся, указа, у бывшаго тогда той академіи ректора и Заиконоспасскаго монастыря архимандрита (что нынѣ синодальный членъ и епископъ тверскій) Митрофана извѣстіи показано: во ономъ-де училищномъ монастырѣ учительскія кельи весьма тѣсны, пристроить же въ добавокъ или вновь что построить негдѣ, понеже-де то академическое мѣсто безприкладно тѣсное и ситуація его въ ямѣ стоитъ, а когда бы-де что и вновь строить, то все старинное надобно перестроивать: во-первыхъ, школьныя палаты, въ которыхъ — въ фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, ученики вмѣститься не могутъ; второе, церковь какъ верхняя, такъ и нижняя весьма тѣсны и въ воскресные дни ради поученія собирающемуся народу вмѣстится не можно-жъ; тоя-жъ-де академія стоитъ близь общей улицы и торговыхъ рядовъ, гдѣ-де всегда бываетъ многонародное собраніе и отъ проѣзжающихъ и торгующихъ шумъ, что какъ во время ученія внутрь академіи, такъ и по домамъ изъ академіи отходящимъ ученикамъ отъ онаго великое дѣлается препятствіе. За коими де резоны оное мѣсто, а именно за крайнею церквей, школьныхъ палатъ и келій учительскихъ тѣснотою, а наипаче за всенароднымъ близъ лежащей улицы всегда бывающимъ шумомъ не угодно. А изъ московскихъ-де монастырей угодиѣйшее мѣсто на академію быти можетъ Донской монастырь, который стоитъ на веселомъ и пространномъ и отъ всенароднаго шума отдаленномъ мѣстѣ, какое-де мѣсто и Духовный регламентъ полезнѣйше къ ученію быти прописуетъ; а, по разсужденію-де оной канцеляріи, той академіи,

за представленными отъ ректора резонами, для наилучшаго и безпрепятственнаго ко обученію способа благопризнавательно быть изъ имѣющихся окрестъ Москвы ближнихъ монастырей: 1) въ Андреевскомъ, что въ Плѣнницахъ, ежели къ нему ради совершеннаго удовольствія присовокуплены будутъ имѣющійся близъ его загородный бывшаго князь Василья Долгорукова дворъ, называемый Васильевскій, со всѣмъ находящимся строеніемъ и близъ лежащая, прежде бывшая изъ древнихъ лѣтъ синодальная вотчина, село Троицкое, Голенищево тожъ, со всѣми принадлежащими къ нему угодьями, которое нынѣ въ дворцовомъ вѣдомствѣ; 2) въ вышеобъявленномъ Донскомъ; 3) для водной, рѣчнымъ теченіемъ, угодности, въ Симоновѣ; 4) за наилучшее-жъ-де и угоднѣйшее мѣсто признается синодальный домовый Новинскій монастырь, который состоитъ на пристойномъ къ тому веселомъ и пространномъ и отъ всенароднаго обыванія и шума отдаленномъ мѣстѣ и подъ строеніе академическое земли имѣющъ съ довольствомъ, ибо отъ бывшаго въ 1736 году около того монастыря пожара жительства въ близости къ нему почти не имѣется, точію-де для академіи надлежитъ во ономъ Новинскомъ монастырѣ церковное и прочее зданіе, котораго имѣется не много, перестроить и къ тому школьныя академическія палаты и ректору и учителямъ съ товарищи къ пребыванію кельи построить вновь, дабы утѣсненія не было. И по оным представленіямъ святѣйшимъ Синодомъ опредѣлено: объявленнымъ Донскому, Симонову и синодальному домовому Новинскому монастырямъ и всякому въ нихъ строенію учиня чрезъ архитектора планы съ масштабомъ и съ таковымъ во оныхъ изъясненіемъ, какіе гдѣ находятся покои, каменные и деревянные, и какой длины и ширины, и изъ тѣхъ покоевъ которые кѣмъ заняты и сколько порожжихъ имѣется и каковая вокругъ тѣхъ монастырей ситуація, прислать въ святѣйшій Синодъ съ надлежащимъ,—который изъ оныхъ монастырь, по разсужденію опой канцеляріи, наипаче удобнѣйшій къ содержанію помянутой академіи и при ней ректора, префекта и учителей быть имѣетъ,—мнѣніемъ и объясненіемъ, что̀ къ наличному строенію покоевъ для академіи, ректора-жъ, префекта и учителей потребно въ добавокъ построить и какіе именно, и сколько на то какихъ матеріаловъ, припасовъ и денежной суммы необходимо надобно; которые планы въ святѣйшій Синодъ и присланы, а мнѣніемъ опой канцеляріи объявлено: ко учрежденію де той академіи по веселости ситуаціи и проспектомъ мѣста является быть весьма удобный Симоновскій монастырь, но отъ жилья-де весьма отдаленъ, и за тѣмъ обучающимся въ квартирахъ великая будетъ нужда, и того-де ради удобное же мѣсто признается гдѣ нынѣ синодальный домовый Новинскій монастырь, который состоитъ на пространномъ, веселомъ и отъ всенароднаго обыванія и шума отдаленномъ и рѣчнымъ устремленіемъ и близъ сущими не малыми прудами увеселительномъ мѣстѣ, ситуаціею-жъ и вкругъ его не малымъ проспектомъ и

подъ строеніе академическое земли имѣющъ съ довольствомъ; но тотъ-де Новинскій монастырь какъ по плану, такъ и по вѣдомости обстоятельно значитъ весь уже ветхъ, и не токмо покоевъ удобныхъ ко академіи, но и церкви и ректорскихъ и учительскихъ келій нѣтъ, и того-де ради надлежитъ на ономъ мѣстѣ, разобравъ старую церковь и прочее строеніе, для собранія учениковъ и народа, а паче во время проповѣди слова Божія, построить вновь пространную, тако-жъ и училищныя палаты и ректорскія и префектовскія и учительскія кельи и прочее ко академіи принадлежащее, дабы утѣсненія не было, но было бъ съ довольнымъ пространствомъ, точію де на зданіе одной академіи со всѣми принадлежностьми надлежитъ не малой денежной суммы; ежели-жъ-де на томъ Новинскаго монастыря мѣстѣ вновь академіи за многимъ денежнымъ коштомъ строить позволено не будетъ, то представляется и Донской монастырь, который хотя мѣста ситуаціею и проспектомъ отъ Новинскаго монастыря и не равенъ, однако-жъ къ содержанію академіи является быть не неудобенъ же, ибо въ томъ монастырѣ предъ Новинскимъ пристройки будетъ весьма менѣе, понеже-де церковь имѣется уже построенная и пространная и для жительства ректора, префекта и учителей покои имѣются, по нуждѣ, къ житію удобные и ученикамъ квартиры имѣть по близости житія свободно, къ сему же-де надлежитъ построить по едину страну святыхъ вратъ, внѣ монастыря, въ два аппартамента, самымъ добрымъ архитектурнымъ мастерствомъ, покои, а именно: шесть пространнѣйшихъ, гдѣ быть ученію, палатъ — школъ риторики, піитики, синтаксимы, грамматики, инфимы и фары, въ верхнемъ аппартаментѣ четыре палаты: для философіи одну, для богословіи вторую, на библіотеку третью, да четвертую залъ большой для философскихъ и богословскихъ диспутовъ и комедій, да въ томъ же верхнемъ аппартаментѣ — церковь конгрегаційскую, которая обычайно бываетъ при тѣхъ же школьныхъ палатахъ; на зданіе-же-де онаго добавочнаго при томъ Донскомъ монастырѣ строенія, сколько какихъ матеріаловъ, припасовъ и на оное денежной суммы потребно, о томъ нынѣ показать не можно, ибо надлежитъ учинить къ постройкѣ покоямъ ст мѣрою и съ прочимъ принадлежащимъ чертежи, по которымъ и смѣту учинить чрезъ архитекторовъ будетъ безпрепятственно; а каковы въ вышеозначенныхъ монастыряхъ всякаго званія покои имѣются, о томъ сообщена при ономъ доношеніи вѣдомость. Что все въ святѣйшемъ Синодѣ разсматривая и довольно разсуждая, опредѣлено: въ Кабинетъ его императорскаго величества сообщить съ таковымъ представленіемъ, что помянутой московской академіи впредь въ Заиконоспасскомъ монастырѣ какъ за обветшаніемъ и тѣснотою палатъ и скудостію мѣста и что оное и ситуаціею въ ямѣ, такъ и завсегда бываемымъ отъ многонароднаго въ торговыхъ близъ того монастыря рядахъ и на площади и отъ проѣзжающихъ великимъ шумомъ, по силѣ означеннаго въ Духовномъ регламентѣ о домахъ

училищныхъ 19 пункта, весьма быть не удобно и не прилично, и для того оную всекончная нужда требуетъ перенесть на другое, по силѣ того 19 пункта, удобное мѣсто, каковое святѣйшій Синодъ признаетъ быть изъ вышепоказанныхъ трехъ, Симонова, Донскаго и Новинскаго монастырей, оный Донской монастырь, для того: ежели бы оную перевесть въ Симоновъ, яко обоихъ другихъ монастырей отъ жительствъ далечайшій и мѣстоположеніемъ изрядный, стоящій на высокомъ мѣстѣ и надъ рѣкою, точію къ нему не достаетъ того, что негдѣ ученикамъ квартиръ имѣть и за харчемъ въ городъ ходить по вся дни, рано и вечеръ, за дальностію имѣетъ быть не безтрудно; а буде оной быть въ Новинскомъ, то на строеніе потребно денежной казны весьма не малое число, ибо какъ церковь и для учителей, а ктому и для церковно-служителей, такъ и школьныя палаты съ конгрегаційскою церковію, съ библіотекою, заломъ для диспутовъ, надлежитъ все строить вновь; а во ономъ Донскомъ монастырѣ церковь имѣется уже готовая и пространная, тако-жъ и для учителей покои готовые-жъ; а если той академіи ректора опредѣлить въ томъ монастырѣ архимандритомъ, что есть и прилично, а того монастыря архимандрита съ братіею, кромѣ церковно-служителей, перевесть въ другой изъ московскихъ же который-либо монастырь, то за прибавкою архимандричьихъ келій учителямъ школьнымъ и кои изъ монашествующихъ въ томъ монастырѣ для церковной службы будутъ оставлены, прочими покои можно будетъ довольствоватися безъ всякой нужды, тако-жъ и ученикамъ квартиры имѣть во обывательскихъ не въ дальности отъ того монастыря сущихъ домѣхъ свободно, а вновь при томъ монастырѣ на вышепоказанномъ по едину святыхъ врагъ страну мѣстѣ пристроить надлежитъ одни точію училища съ конгрегаційскою церковію, библіотекою и заломъ, кои имѣютъ быть, какъ выше показано, о дву апартаментахъ, которые, по мнѣнію святѣйшаго Синода, надлежитъ построить изъ положенной въ Коллегіи экономіи суммы на содержаніе московской гофшпитали, для того, что изъ сборовъ той коллегіи оную гофшпиталь содержать крайней нужды нынѣ не настоитъ, потому что тое гофшпиталь изъ коллежскихъ сборовъ опредѣлено было содержать въ 1706 году, когда на содержаніе гофшпиталей довольныхъ доходовъ положено еще не было, а послѣ того 1706 года на содержаніе гофшпиталей опредѣлены уже особливые и знатные сборы, а именно: 1) съ 1714 года съ бракосочетавающихся во всей Россіи первыми, вторыми и третьими браки всякаго чина людей, съ каждаго брака по толикому-жъ числу, по скольку въ синодальный и во всѣ архіерейскіе домы собирается пошлины, которыхъ доходовъ во всей Россіи, въ каждомъ годѣ, въ сборѣ, уповательно, бываетъ не малая сумма; 2) у повышаемыхъ, генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и прочихъ военныхъ и штатскихъ, состоящихъ въ рангахъ штабъ и оберъ-офицерскихъ изъ опредѣленнаго жалованья вычитается у каждаго за мѣсяцъ; 3) при выдачѣ

у вышнихъ чиновъ до оберъ-офицерскаго-жъ ранга жалованья отъ каждаго рубля по копѣйкѣ; 4) съ не исповѣдающихся положенные штрафы; каковыми доходы тѣ гофшпитали, съ служители и въ медикаментахъ, могутъ довольствоваться, кромѣ помянутыхъ въ Коллегію экономіи сбираемыхъ доходовъ, безъ всякой нужды. Что все представя, въ которомъ изъ оныхъ трехъ монастырей помянутой славяно-греко-латинской академіи, по разсмотрѣнію Кабинета его императорскаго величества, заблагопотребнѣе быть разсудится и на строеніе той академіи положенная въ Коллегіи экономіи на содержаніе московской гофшпитали сумма (которой болѣе пяти тысящъ рублевъ въ годъ положено) опредѣлится-ль, благопочтенно святѣйшій Синодъ требуетъ о томъ резолюціи, чего ради и вышепоказаннымъ монастырямъ планы лучшаго ради усмотрѣнія сообщаются при семъ". На это представленіе послѣдовало изъ Кабинета 22-го сентября того же 1741 года сообщеніе: „прошедшаго іюля отъ 20-го дня подано въ Кабинетъ его императорскаго величества отъ святѣйшаго Синода представленіе, чтобъ московскую славяно-греко-латинскую академію, за тѣснотою и за ветхостію палатъ, изъ Заиконоспасскаго монастыря перевесть въ Донской монастырь и для того при ономъ монастырѣ пристроить вновь училища съ конгрегаційскою церковію, библіотекою и заломъ, изъ положенной въ Коллегіи экономіи суммы на содержаніе московской гофшпитали. А понеже нынѣшнее лѣто проходитъ и такого строенія начинать уже некогда, того ради надлежитъ оное строеніе отставить до предбудущаго лѣта; а между тѣмъ нынѣ святѣйшему Синоду, по сношенію съ московскою Синодальнаго правленія канцеляріею, точно постановить и велѣть планы учинить, какому имянно для той академіи въ помянутомъ Донскомъ монастырѣ вновь строенію быть надлежитъ, и во что какое строеніе порознь стать можетъ, вѣрную смѣту учинить и тогда представить въ Кабинетъ его императорскаго величества. О чемъ святѣйшему правительствующему Синоду чрезъ сіе для исполненія сообщается"[197]).

Въ связи съ предыдущимъ слѣдуетъ отмѣтить также дѣятельность Синода по печатанію исправленной Библіи. Печатаніе ея началось въ 1740 году въ такой формѣ: новоисправленныя мѣста печатались внизу текста, подъ чертою. Такую форму печатанія Синодъ призналъ неудобной и въ томъ же 1740 году, 13 го сентября, представилъ въ Кабинетъ доношеніе: „не соизволитъ ли ея императорское величество повелѣть Библію сначала печатать старославянскій текстъ съ одного боку страницы листа цѣлъ и ни чѣмъ не премѣненъ, а съ другаго боку тояжъ страницы новоисправленный греческаго перевода текстъ библейный такожъ весь напечатанъ былъ, а не такъ, какъ зачали печатать, однѣ только новоисправныя рѣчи вынося внизъ; а каковымъ образомъ нынѣ печатаніе Библіи производится и впредь надлежитъ производить, при томъ приложены два образца". По этому представленію въ Кабинетѣ состоялась резолюція: „печатать на одной сторонѣ старый

славянскій текстъ, а на другой—новоисправленный". При дальнѣйшемъ печатаніи Библіи у Синода явилось какое то недоумѣніе относительно печатанія „Книги Товіи, такожъ и подобныхъ ей". 17-го октября того же года Синодъ, извѣщая Кабинетъ о полученномъ разрѣшеніи печатать Библію указаннымъ образомъ, въ два столбца, вмѣстѣ съ тѣмъ справлялся: „что съ книгою Товіею, такожъ и съ подобными ей дѣлать"? Вопросъ былъ разрѣшенъ 27-го октября, но какъ—неизвѣстно [193].

Не мало заботливости проявилъ Синодъ и относительно монастырей и монашествующихъ. Къ данному времени всѣ вообще обители оказались оскудѣвшими братіей, а нѣкія совсѣмъ опустѣли. Такое явленіе, впрочемъ, произошло не отъ того, чтобы православная Русь оскудѣла вѣрой и не находилось людей, достойныхъ монашескаго чина: оно было прямымъ слѣдствіемъ правительственной мѣры, стѣснявшей доступъ въ монастыри. Установленное еще въ началѣ XVIII-го столѣтія правило, допускать къ постриженію въ монахи только вдовыхъ поповъ и дьяконовъ и отставныхъ солдатъ, дѣйствовало во все послѣдующее время и, какъ указано будетъ ниже, только въ концѣ 1740 года было сдѣлано нѣкоторое исключеніе изъ этого правила. Такая чрезвычайная мѣра по отношенію къ монастырямъ имѣла, безъ сомнѣнія, глубоко раціональныя основанія. Въ то время монастыри, по нравственнымъ качествамъ ихъ насельниковъ, не соотвѣтствовали своему назначенію: „монашескій чинъ во времена сія во многія безчинія развратися", писалъ первый императоръ въ дополненіи къ Духовному регламенту. Монастыри къ XVIII-му столѣтію перестали быть мѣстами строгаго подвижничества и благоговѣйнаго житія: въ своихъ стѣнахъ они вмѣщали не мало людей, у которыхъ не было ни стремленія, ни охоты къ монастырскимъ трудамъ и подвигамъ, - разнаго рода бѣглыхъ, проходимцевъ и тунеядцевъ. Это прискорбное явленіе не ускользнуло отъ глазъ правительства, и оно вынуждено было принять мѣры, преграждавшія путь въ монастыри. Принимая такія мѣры, правительство преслѣдовало двѣ цѣли: съ одной стороны, оно имѣло въ виду очистить монастыри отъ тунеядцевъ и порочныхъ людей и такимъ образомъ возвести ихъ на прежнюю высоту чистоты и подвижничества; а съ другой, оно хотѣло привлечь монастыри на службу государству и обществу, хотѣло, чтобы ихъ богатыя средства употреблялись на дѣла дѣйствительно богоугодныя: чтобы монастыри были, между прочимъ, и благотворительными домами. Съ этою цѣлію оно и указало постригать въ монахи только вдовыхъ поповъ и дьяконовъ и отставныхъ солдатъ. Всѣ эти лица, вслѣдствіе своего исключительнаго положенія, не имѣли возможности добывать себѣ пропитаніе и, слѣдовательно, получали право на призрѣніе со стороны правительства, которое и указало помѣщать ихъ въ монастыри, на готовыя порціи. Преслѣдуя такія благотворительныя цѣли, правительство, быть можетъ не замѣтно для себя, и создало то явленіе, что нѣкоторые монастыри оскудѣли насельниками. Синодъ,

болѣзнуя объ уменьшеніи на Руси православной монашествующей братіи, предпринялъ ходатайство передъ верховной властью о расширеніи способовъ поступленія въ монастыри. Въ докладѣ, поданномъ въ концѣ 1740 года Императорскому Кабинету, онъ писалъ: „по состоявшимся блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ихъ императорскихъ величествъ указамъ, во Всероссійской имперіи въ монастыряхъ, кромѣ вдовыхъ поповъ и діаконовъ и отставныхъ солдатъ, отнюдь никого ни изъ какихъ чиновъ постригать не велѣно. А понеже нынѣ въ монастыряхъ и пустыняхъ Синодальной области и епаршескихъ, какъ изъ присланныхъ въ Синодъ вѣдомостей видно, іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ весьма не достаточно, а въ нѣкоторыхъ и никого нѣтъ, въ числѣ же наличныхъ многіе престарѣлые и увѣчные и ко употребленію въ священнослуженіе и къ прочимъ монастырскимъ послушаніямъ совершенно не способные, и таковое въ ономъ монашескомъ чинѣ нынѣ настоитъ умаленіе, что въ разныхъ монастыряхъ церкви святыя, за неимѣніемъ кого опредѣлить къ служенію, стоятъ безъ божественнаго священнослуженія“, и даже некого опредѣлять въ настоятели, а въ училищахъ въ учители, „въ которыхъ (училищахъ) пристойнѣе и весьма полезнѣе быть учителямъ изъ монашествующихъ“. Далѣе Синодъ просилъ всемилостивѣйшаго указа о дозволеніи постригать въ монахи (кромѣ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ и отставныхъ солдатъ) „изъ разночинцевъ отъ всѣхъ службъ уволенныхъ, а паче учительныхъ людей,... такожъ изъ крестьянъ, которые въ монастыряхъ къ экономическимъ и прочимъ исправленіямъ нужно потребны, отъ помѣщиковъ своихъ уволенныхъ, не обязанныхъ долгами, не бѣгающимъ отсюда за воровства и отъ дѣлъ“. На этотъ докладъ, 22 го декабря 1740 года, послѣдовалъ высочайшій указъ: „Для снабденія монастырей монахами и школъ учителями, постригать въ монашество изъ нижеписанныхъ чиновъ, кои пожелаютъ: 1) изъ священнаго чина; 2) изъ церковниковъ служащихъ; 3) изъ разночинцовъ, которые отъ командъ своихъ вольные паспорты имѣютъ и никакими дѣлами не обязаны; 4) изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ съ свободными отпускными за помѣщичьею рукою, въ которыхъ бы именно написано было, что они отпущены для постриженія; 5) изъ семинаристовъ, окончившихъ свое ученіе, желающихъ и къ тому достойныхъ. И о постриженіи каждаго человѣка требовать позволенія: монастырямъ въ епархіяхъ отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ, а Синодальной области отъ Синода; однакожъ смотрѣть при томъ, чтобъ постригали столько, коликое число потребно, безъ всякаго излишества, и дабы безъ потребы излишнихъ не постригали, для того всѣмъ присылать въ Синодъ ежегодно репорты съ такимъ при томъ именнымъ росписаніемъ, въ томъ году изъ какихъ чиновъ сколько пострижено и сколько жъ въ которомъ монастырѣ церквей, въ которыхъ повсядневная служба бываетъ и въ коихъ не по вся дни, сколько священнослужителей, кры-

лошанъ и въ больницахъ и въ прочихъ званіяхъ монаховъ порознь, дабы по тому возможно было Синоду видѣть, не будетъ ли гдѣ излишнихъ монаховъ, которымъ быть не надлежитъ; а впредь имѣть Синоду прилежное стараніе о всѣхъ монастыряхъ учинить порядочный штатъ, коликому числу монаховъ въ которомъ монастырѣ по званіямъ быть надлежитъ и что имъ изъ доходовъ употреблять, а остальные доходы опредѣлить на госпитали, на школы, на содержаніе сиротъ, показавъ коликому числу гдѣ быть и что на ихъ довольство надлежитъ, росписать порознь и для апробаціи подать въ Кабинетъ". Въ дополненіе къ этому, 2-го января 1741 г., состоялся слѣдующій именной указъ Синоду о постриженіи въ монахини: „По состоявшейся минувшаго декабря 22-го дня на поданномъ намъ отъ онаго Синода всеподданнѣйшемъ докладѣ нашей всемилостивѣйшей резолюціи, велѣно для снабденія монастырей монахами и школъ учительми постригать въ монашество изъ разныхъ чиновъ съ разсмотрѣніемъ, какъ въ оной нашей всемилостивѣйшей резолюціи обстоятельно изображено, а о постриженіи въ монахини при томъ ничего не упомянуто; а понеже нѣкоторыя вдовы и дѣвки просятъ о постриженіи ихъ въ монастыри, того ради нашему Синоду всемилостивѣйше повелѣваемъ и таковыхъ желающихъ вдовъ и дѣвокъ безъ излишества постригать, съ довольнымъ при томъ разсмотрѣніемъ, по силѣ оной состоявшейся о постриженіи въ монахи всемилостивѣйшей нашей резолюціи. И повелѣваемъ нашему Синоду учинить о томъ по сему нашему указу" [199]). На основаніи этихъ указовъ, въ 1741 году опредѣлено было въ монастыри на пропитаніе и пострижено въ монашество много лицъ изъ придворныхъ служителей, при чемъ опредѣленіе слѣдовало по особымъ на каждый разъ высочайшимъ указамъ или кабинетскимъ распоряженіямъ. Такъ 31-го января данъ былъ Синоду именной указъ: „Всемилостивѣйше указали мы, церкви Рождества Пресвятыя Богородицы пѣвчаго, малороссіянина Матвѣя Подольскаго, по его желанію, опредѣлить и постричь въ Кіево-Печерскій монастырь и отвесть ему келью и давать пропитаніе противъ прочихъ монаховъ. И повелѣваемъ нашему Синоду учинить о томъ по сему нашему указу". 3-го февраля Синодомъ было сообщено Кабинету, что указъ этотъ въ Синодѣ полученъ 1-го февраля „и для надлежащаго по оному исполненія Кіево-Печерскія Лавры къ архимандриту Тимоѳею съ братіею изъ св. Синода указъ отправленъ, а во извѣстіе о томъ Кабинету его императорскаго величества симъ сообщается" [200]). 23-го іюня именнымъ указомъ, даннымъ Придворной конторѣ, повелѣно уволенныхъ отъ службы придворныхъ служителей, поименованныхъ въ этомъ указѣ, всего 22 человѣка, отослать въ Синодъ для опредѣленія ихъ въ монастыри на пропитаніе „и, буде пожелаютъ, для постриженія въ монахи" [201]). 2-го октября, по сообщенію изъ Императорскаго Кабинета, Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о постриженіи въ монашество вдовы дворцоваго пѣвчаго, Настасьи Григорьевой

Ростовцевой, по ея желанію, въ московскій Ивановскій дѣвичій монастырь [202]).

По ходатайству же Синода, лицамъ, поступающимъ въ монахи, дана была правительствомъ новая льгота, именно: для нѣкоторыхъ лицъ сокращенъ срокъ монастырскаго искуса. Въ дополнительныхъ пунктахъ къ Духовному регламенту было указано: въ 11 пунктѣ: желающаго постричься въ монахи, принявъ въ монастырь, „не скоро постригати, но дати его честному и трезвому старцу въ сожитіе и наблюденіе, проходити же ему и общая монастырская послушанія, каковая укажетъ настоятель, и тако пребыти въ монастырѣ три лѣта неисходно, въ кротости и трезвости и на всякъ годъ исповѣдатися и пріобщатися, поне четырежды въ четыре поста"; въ 14 пунктѣ: кто по прошествіи трехъ лѣтъ испытанія оставитъ намѣреніе постричься, того „отпустить безъ всякаго удержанія и укоризны", ежели же опять пожелаетъ монашества, то не иначе принимать его, какъ по новомъ трехъ-лѣтнемъ испытаніи. Въ описываемое царствованіе Синодъ нашелъ возможнымъ ходатайствовать передъ правительствомъ о сокращеніи для нѣкоторыхъ лицъ срока монастырскаго искуса до одного года, а въ иныхъ случаяхъ даже до половины года. Основаніемъ для ходатайствъ служили прежняя благоговѣйная жизнь и засвидѣтельствованная ученость испытуемаго. Такъ въ 1740 году Синодъ ходатайствовалъ о постриженіи священника Мануила Казачинскаго ранѣе установленнаго для искуса срока во уваженіе именно вышеуказанныхъ причинъ. На это представленіе послѣдовала резолюція Кабинета: „По сему сообщенію Синода о постриженіи онаго священника, когда онъ добраго состоянія, по шестимѣсячномъ искушеніи, учинить по разсужденію св. правительствующаго Синода, и впредь такимъ ученымъ и благоговѣйнымъ людямъ, которые и въ мірѣ монашески живутъ, по объявленному второперваго собора правилу, опредѣленное ко искушенію время уменьшить и быть во искушеніи только одно лѣто и потомъ постригать; а прочихъ безъ трилѣтняго искушенія, какъ по Духовному регламенту опредѣлено, монашескаго чина отнюдь не сподоблять" [203]). Впослѣдствіи Синодъ, на основаніи соборнаго правила, что для постриженія благоговѣйныхъ мужей „довлѣетъ шесть мѣсяцевъ на искушеніе", сдѣлалъ распоряженіе по духовному вѣдомству о постриженіи достойныхъ людей и по шестимѣсячномъ испытаніи. 26-го мая 1741 года онъ издалъ указъ: „Святѣйшій правительствующій Синодъ, разсуждая... приказали: Синодальной области и въ епархіяхъ монастыряхъ изъ желающихъ принять монашество, яко священно и церковнослужителей, такожъ изъ отставныхъ отъ службы разныхъ чиновъ и изъ семинаристовъ, окончившихъ ученіе, и изъ разночинцевъ, о которыхъ, при поданіи отъ нихъ о постриженіи ихъ прошеній, представлены будутъ о благословенномъ и добропорядочномъ ихъ въ мірѣ житіи, отъ честныхъ и безсомнительнаго вѣроятія достойныхъ людей, о каждомъ не отъ одной, но отъ трехъ или четы-

рехъ человѣкъ, надлежащія за руками тѣхъ людей свидѣтельства, таковыхъ справедливымъ о прочемъ къ вышеписанному, по силѣ прежнихъ указовъ и Духовнаго регламента, разсмотрѣніемъ и крайнею въ томъ осторожностію монашества въ Синодальной области и въ ставропигіальныхъ монастыряхъ, съ позволенія святѣйшаго Синода, а въ епархіяхъ—тѣхъ епархій архіереевъ, сподоблять, по силѣ вышеписаннаго правила, и по шестимѣсячномъ искушеніи“ [204]).

Заботясь объ устроеніи духовнаго чина вообще, Синодъ, вмѣстѣ съ этимъ, много трудился по охраненію правъ духовныхъ властей и лицъ отъ нарушенія ихъ гражданскими властями и лицами. Въ то время, при отсутствіи точныхъ границъ области вѣдѣнія государственныхъ органовъ, правящія лица не имѣли и не могли имѣть яснаго представленія о пространствѣ своихъ правъ, поэтому свѣтскіе правители нерѣдко входили съ своими распоряженіями въ духовную область и нарушали, а иногда и совсѣмъ презирали, права духовныхъ властей. Кромѣ того, между духовными и свѣтскими правителями существовала какая-то непріязнь. Самому Синоду, съ первыхъ же дней его существованія, пришлось вести борьбу съ Сенатомъ изъ-за равенства власти. Это равенство установлено было самимъ монархомъ, и Сенатъ на бумагѣ признавалъ его, но на дѣлѣ всегда дѣйствовалъ въ ущербъ ему и при всякомъ удобномъ случаѣ „чинилъ противность“ Синоду. Борьба эта отразилась и на областныхъ учрежденіяхъ, и здѣсь она велась съ большимъ ожесточеніемъ и въ болѣе грубой формѣ. Свѣтскіе правители въ большинствѣ случаевъ или не исполняли законныхъ требованій духовныхъ властей, или медлили ихъ исполненіемъ, и часто своими дѣйствіями и распоряженіями нарушали права, присвоенныя лишь духовнымъ правителямъ. Духовныя власти и лица, разумѣется, старались защититься отъ нападеній и стремились, путемъ суда и закона, возстановить свои нарушенныя права. Жалобы на обидчиковъ свѣтскихъ духовныя лица должны были подавать въ свѣтскіе суды. Въ то время дѣйствовало во всей силѣ такое, установленное еще Петромъ Великимъ, правило суда между свѣтскими и духовными лицами: „кто будетъ противенъ власти духовной, принадлежащей духовному суду, о тѣхъ изъ Синода писать въ Сенатъ, а архіереямъ ко управителямъ свѣтскимъ, чьего они суда; а буде сами управители то учинятъ, то архіерею въ Синодъ, а Синоду въ Сенатъ, которые (какъ Сенатъ, такъ и управители по городамъ) должны ихъ наказать по силѣ вины, равно какъ бы свѣтскимъ началомъ, по правамъ“. Вслѣдствіе такого порядка вещей, духовнымъ епархіальнымъ властямъ и лицамъ трудно было преслѣдовать обидчиковъ и добиваться возстановленія нарушенныхъ правъ. Свѣтскіе провинціальные правители, въ силу вышеуказанной непріязни, кривили вѣсами правосудія: иногда, не смотря на правоту жалобъ, рѣшали дѣло не въ пользу духовныхъ лицъ, иногда же обвиняли самихъ жалобщиковъ или воло-

чили дѣло „множественное число лѣтъ“. Не находя удовлетворенія у свѣтскихъ правителей, епархіальныя власти и частныя духовныя лица обращались въ Синодъ, какъ высшій органъ духовнаго управленія, и тамъ ходатайствовали о возстановленіи нарушенныхъ правъ и возмездіи за обиды и оскорбленія. Поэтому въ Синодѣ было много дѣлъ по жалобамъ духовныхъ на свѣтскихъ правителей и лицъ. Приводимъ изъ этихъ дѣлъ только нѣкоторыя: и ихъ достаточно будетъ для того, чтобы очертить отношеніе свѣтскихъ правителей къ духовнымъ, а равно охарактеризовать дѣйствія Синода въ этой области его вѣдѣнія.

1731 года 8-го марта, смоленскій епископъ Гедеонъ донесъ Синоду, что указомъ, состоявшимся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 1728 года 15-го августа, повелѣно „въ надлежащіе посты смоленской шляхтѣ и женамъ ихъ и дѣтямъ исповѣдываться и причащаться божественныхъ Таинъ, въ церквахъ, и свидѣтельство о томъ, такожъ и о крещеніи дѣтей своихъ, брать отъ священниковъ;... смоленской шляхтѣ въ бракъ вступать по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ“: и что на него, смоленскаго архіерея, возложена была обязанность наблюдать за исполненіемъ этихъ правилъ и вообще заботиться объ „искорененіи римскаго заблужденія“, на смоленскаго же губернатора—давать вспоможеніе ему, епископу. Но, — писалъ далѣе преосвященный Гедеонъ, —правила эти шляхетствомъ не исполняются: „нѣкоторые изъ шляхетства, безъ вѣнечныхъ памятей, въ близкомъ возбраненномъ родствѣ женились безстрашно“, — и по его, епископа, распоряженію, о содѣйствіи ему въ пресѣченіи такихъ поступковъ изъ его архіерейскаго духовнаго приказа неоднократно было писано въ Смоленскую губернскую канцелярію; но отъ нея „не дается вспоможеніе и требуемыя къ слѣдствію персоны не присылаются, и за тѣмъ чинится знатная остановка“. Приведя затѣмъ нѣсколько случаевъ неправильныхъ браковъ, „крещенія рождающихся дѣтей въ люторскую вѣру“, беззаконнаго сожитія внѣ брака, епископъ жаловался опять, что по его требованію отъ мѣстной губернской канцеляріи не было оказано ему никакого содѣйствія для изслѣдованія тѣхъ поступковъ по правиламъ церковнымъ. Синодъ 7-го апрѣля того же года обратился въ Сенатъ съ требованіемъ, „дабы повелѣно было въ Смоленскую губернскую канцелярію, по силѣ указовъ, о дѣйствительномъ, безъ всякаго отрицанія и медленія, исполненіи, по требованіямъ онаго преосвященнаго епископа смоленскаго, о духовныхъ дѣлахъ всякаго чина людей, изъ правительствующаго Сената послать подтвердительный указъ, и что въ правительствующемъ Сенатѣ учинено будетъ, о томъ бы въ святѣйшій Синодъ сообщено было письменно“. Въ подкрѣпленіе своего требованія Синодъ привелъ нѣсколько указовъ и, между прочимъ, указъ, отъ 12-го апрѣля 1722 г., „о презирающихъ духовную власть“, въ которомъ сказано: „кто будетъ противенъ власти духовной, принадлежащей духовному суду, о тѣхъ изъ Синода писать въ Сенатъ.

а архіереямъ ко управителямъ свѣтскимъ, чьего они суда", и проч. (см. выше). [205]).

Въ 1733 году изъ московской Духовной дикастеріи поступило въ Синодъ доношеніе, что изъ города Борисоглѣбска отъ духовныхъ дѣлъ управителя, соборнаго священника Ивана Ксенофонтова, сообщено слѣдующее: Борисоглѣбскій воевода, подполковникъ Иванъ Брюховъ, „въ производствѣ духовныхъ дѣлъ" тому священнику дѣлаетъ многія препятствія: разводитъ состоящихъ въ бракѣ, „а именно: подьячаго Ивана Жильцова развелъ съ женою Ѳедосьею Павловою дочерью, а попа, который вѣнчалъ онаго подьячаго, подъ карауломъ державъ, никакого рѣшенія не учинилъ; такожъ и въ духовныхъ дѣлахъ не велитъ ни за кѣмъ посылать и приказываетъ посланныхъ отъ него бить"... городскихъ и уѣздныхъ священниковъ „въ гражданское судилище по церковнымъ дѣламъ беретъ къ себѣ силою и подъ карауломъ держитъ и тѣснитъ ихъ многое время и убытки имъ чинитъ, и въ церковномъ служеніи бываетъ не малая остановка, отъ чего они пришли во всеконечную скудость и раззореніе": а о Синодѣ отзывался: „не слушаю я вашего Синода, вашъ Синодъ у нашего Сената подъ ногами". По этому доношенію, Синодъ послалъ въ Сенатъ вѣдѣніе, въ которомъ, сообщивъ вышесказанное, писалъ, что Синодомъ положено „о означенныхъ происшедшихъ города Борисоглѣбска отъ воеводы подполковника Ивана Брюхова поносительныхъ словахъ и чего ради тотъ воевода въ непринадлежащія до его званія дѣла, каково надлежитъ токмо до духовнаго правительства, вступалъ, требовать отъ прав. Сената, дабы о томъ соблаговолено было воронежскому губернатору правдиво и безпристрастно изслѣдовать и, ежели означенный воевода въ вышепоказанномъ явится виновенъ, за то бъ тому воеводѣ учиненъ былъ по государственнымъ правамъ указъ, а вышереченный подьячій, Иванъ Жильцовъ, которому оный воевода Брюховъ учинилъ съ женою его, мимо суда духовнаго, разводъ, для надлежащаго о томъ изслѣдованія, присланъ былъ въ св. прав. Синодъ неукоснительно, и что по сему въ прав. Сенатѣ нынѣ, также и впредь, по изслѣдованіи о вышепоказанномъ, учинено будетъ, о томъ св. Синодъ увѣдомленъ былъ, по обыкновенію, письменно" [206]).

1736 года 22-го ноября смоленскій епископъ Гедеонъ снова представилъ въ Синодъ доношеніе съ жалобой, что мѣстная губернская канцелярія по прежнему не оказываетъ ему содѣйствія въ отправленіи его обязанностей. Епископъ писалъ, что именнымъ указомъ 1728 года 19-го августа повелѣно: „смоленской шляхтѣ дѣтей своихъ за рубежъ, въ Литву и въ иныя страны, ради ученія отнюдь не отдавать, а отдавать въ смоленскія или въ московскія и кіевскія школы, а въ домахъ своихъ, для обученія дѣтей и сродниковъ, римскихъ учителей и инспекторовъ не держать, а имѣть инспекторовъ изъ россійскихъ и вѣры греческаго исповѣданія"; изъ донесенія же вице-ректора смо-

ленскихъ школъ имъ, епископомъ, усмотрѣно, что въ тѣхъ школахъ, со времени учрежденія ихъ, въ 1728 году, обучалось изъ шляхетства только 13 человѣкъ, да и тѣ не всѣ классы прошли и вскорѣ выбыли; „а нынѣ шляхетства въ тѣхъ школахъ ни единаго не обрѣтается и вновь для обученія не отдаютъ, а содержатъ въ домахъ инспекторовъ римской вѣры“.... и „въ томъ есть не безъ сумнѣнія, чтобъ оные инспекторы, пребывая у нихъ и уча дѣтей, не научали ихъ, самихъ шляхетства и дѣтей ихъ, римской противной прелести; а паче, подъ видомъ православныхъ, не пребывало бъ у нихъ въ домахъ римскихъ ксензовъ“. Поэтому епископъ требовалъ такихъ, живущихъ въ домахъ шляхетства, „инспекторовъ римской вѣры“ къ освидѣтельствованію въ свой архіерейскій приказъ, чрезъ Смоленскую губернскую канцелярію: но, не смотря на неоднократныя требованія, отъ канцеляріи никакого распоряженія сдѣлано не было. Вслѣдствіе этого донесенія Синодъ снова послалъ Сенату вѣдѣніе о предписаніи и подтвержденіи Смоленской губернской канцеляріи „всякое вспоможеніе чинить пристойнымъ образомъ по надлежащему и впредь таковые, въ противность указамъ, поступки чинить воспрещать“; а что канцелярією не-были исполнены прежнія требованія архіерейскаго духовнаго приказа. — Синодъ просилъ, „дабы о томъ соблаговолено было отъ прав. Сената той губернской канцеляріи прислать правдивое отвѣтствіе, со всякою яспостію, на указный по Генеральному регламенту срокъ, не отложно, и по тому отвѣтствію разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить въ прав. Сенатѣ, а что учинено будетъ, о томъ св. прав. Синодъ увѣдомить по обыкновенію“. Сенатъ, 1740 года апрѣля 15-го, опредѣлилъ: „По требованіямъ смоленскаго епископа и по посылаемымъ отъ него въ Смоленскую губернскую канцелярію промеморіямъ, въ сыску означенныхъ римской вѣры инспекторовъ, которыхъ смоленское шляхетство держитъ въ домахъ своихъ въ противность указа, Смоленской губернской канцеляріи чинить надлежащее исполненіе и вспоможеніе, безъ отрицанія; а для чего по тѣмъ промеморіямъ, по силѣ вышеобъявленнаго указа, вспоможенія не чинено, объ ономъ той канцеляріи въ Сенатъ отвѣтствовать; и о томъ въ опую канцелярію послать указъ, а въ св. Синодъ для вѣдома сообщить вѣдѣніе“ [207]).

Въ 1739 году преосвященный Антоній, митрополитъ тобольскій и сибирскій, прислалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ сообщалъ: „екатеринбургскаго всего вѣдомства священно и церковно-служителямъ отъ тамошней команды запрещено, чтобъ они дѣтей своихъ“ къ нему, преосвященному, „въ училище не отвозили, а забирая ихъ, тамо употреблять въ разныя училища и работы по своимъ опредѣленіямъ“. Синодъ и въ этомъ случаѣ обратился къ Сенату. Въ своемъ вѣдѣніи онъ писалъ ему: „понеже священно и церковно-служительскихъ дѣтей, какъ по силѣ Духовнаго регламента, такъ и по имѣющимъ ея императорскаго величества, уже неоднократно повторенным св. Синоду

указамъ, повелѣно обучать славяно-греко-латинскимъ наукамъ, въ надежду священства, въ духовной командѣ, а не къ свѣтскимъ обученіямъ и что до работъ и художествъ слѣдуетъ, такъ же и по канцеляріямъ опредѣлять, того ради, по ея императорскаго величества указу, св. прав. Синодъ приказали: о вышеписанномъ сообщить прав. Сенату и требовать, чтобъ соблаговолено было ея императорскаго величества указомъ отъ прав. Сената екатеринбургскому вѣдомству вышепоказанныя препятствія пресѣчь и впредь таковыхъ непорядковъ чинить запретить, а колико изъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей въ екатеринбургскихъ училищахъ и канцеляріяхъ и при работахъ и мастерствахъ и въ каковыхъ порознь наукахъ съ коего кто года обрѣтался и нынѣ обрѣтается, о томъ въ св. Синодъ изъ Екатеринбурга прислать обстоятельную вѣдомость. И прав. Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по указу ея императорскаго величества". Но Сенатъ не нашелъ возможнымъ исполнить это требованіе Синода, и, 26-го іюня 1739 года, опредѣлилъ: „По вѣдѣнію св. прав. Синода о запрещеніи екатеринбургскому вѣдомству о не употребленіи тамошнихъ церковнослужительскихъ дѣтей въ тамошнія разныя училища и работы, въ св. прав. Синодъ сообщить вѣдѣніе, въ которомъ объявить, что екатеринбургскіе заводы въ вѣдомствѣ нынѣ состоятъ Генералъ-бергъ-директоріума, который и Сенату не подчиненъ, а состоитъ подъ указами ея императорскаго величества Кабинета, того ради св. прав. Синоду надлежитъ о томъ резолюціи требовать отъ Кабинета или сношеніе имѣть со онымъ Генералъ-бергъ-директоріумомъ" [208]).

1740 года 17-го января Синодъ, по допошенію епископа астраханскаго Иларіона, сообщилъ Сенату: „Октября 6-го дня прошлаго 1738 года, по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію св. прав. Синода, велѣно Войска Волгскаго станицамъ Дубовской, Балыклеевской, Коровинской (и) Антиповской духовными дѣлами быть въ вѣдомствѣ астраханской епархіи, а каковые по тому правленію имѣютъ быть съ церквей данные, съ вѣнечныхъ памятей пошлинные и прочіе доходы, тѣ всѣ собирая, записывать въ особо учиненныя, шнуро-запечатанныя и крѣпленныя книги и ни въ какіе расходы (кромѣ лазаретныхъ, подлежащихъ въ надлежащія мѣста въ отсылку), безъ указа изъ св. Синода, отнюдь не держать, а присылать тому всему въ Синодъ повсягодно правдивыя, съ достодолжнымъ объясненіемъ, вѣдомости". Но войсковое начальство, вопреки указу, помянутые сборы производитъ въ войсковую сумму и употребляетъ на войсковые расходы, какъ войсковой и прочіе атаманы объявили духовному закащику въ Дубовской станицѣ, попу Михаилу Моисееву; по ихъ словамъ, „опыя вѣнечныя и лазаретныя деньги собираютъ они (атаманы) сами собою, и со всѣхъ городковъ совокупляютъ въ одну сумму, въ Войсковую ихъ канцелярію и употребляютъ на ихъ войсковые расходы". Сообщая о такихъ непорядкахъ, Синодъ требовалъ „надлежащаго (по этому

дѣлу) разсмотрѣнія и рѣшенія по ея императорскаго величества указамъ“ [209]).

Въ томъ же январѣ мѣсяцѣ Синодъ получилъ донощеніе, что геодезіи-поручикъ Акимъ Клешнинъ, прибывъ для геодезическихъ работъ въ село Верхосунское (Вятской провинціи), „въ домъ попа Іоанна Степанова, и предъ церковію на площади, не вѣдомо за что, билъ его, попа, плетьми, обнаженнаго, смертно, при свидѣтеляхъ, и послѣ того жилъ въ домѣ его нагло съ недѣлю и больше и бралъ отъ него въ неволю какъ себѣ, такъ и про имѣющихся при немъ служителей съѣстные и хлѣбные припасы и лошадямъ всякій кормъ изъ-за принужденія, безденежно, и тѣмъ онъ, поручикъ, его изувѣчилъ и раззорилъ напрасно“; и что въ виду этого мѣстный архіерейскій приказъ просилъ провинціальную канцелярію, „чтобъ оному Клешнину за наглое безчестіе священника учинить оборону“. Давая ходъ этому донощенію, Синодъ, вѣдѣніемъ въ Сенатъ, потребовалъ отъ послѣдняго разслѣдованія дѣла и строгаго, по гражданскимъ и церковнымъ законамъ, взысканія за обиду. „А въ Кормчей книгѣ,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ вѣдѣніи, — напечатано, въ правилахъ св. апостолъ, правило 55: аще который причетникъ досадитъ епископу, да извержется, писано бо есть: князю людей своихъ да не речеши зла: толкованіе: епископы убо по образу суще Господа нашего Іисуса Христа и глава церковнаго тѣлеси именуеми и бо́льшія чести достойни суть, тѣмъ аще кто досадитъ имъ, да измещется; пресвитери же и діаконы, по образу суще рукъ, яко тѣми церковное правленіе содѣваетъ епископъ, чести убо и тіи достойни суть, но не тако, якоже епископи, глава бо рукъ честнѣйшій есть, тѣмъ же аще кто сихъ досадитъ, меньше мучится, токмо бо отлучится. Четвертаго собора: не достоитъ просту укорити священника, или бити, или поносити, или клеветати, или обличати въ лице, аще убо и истинно суть, аще же постигнетъ сіе сотворити, да проклянется мірскій, да отмещется отъ церкви, разлученъ бо есть отъ св. Троицы, и посланъ будетъ въ Іудино мѣсто, писано бо есть: князю людей твоихъ не речеши зла, такожде и настоятеля безчествуяй. Седьмаго собора въ правилѣ 3-мъ: аще который мірскій человѣкъ епископа въ темницу вверженъ или бьетъ безъ вины или сплетъ нѣкую вину, да будетъ проклятъ. И по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію св. прав. Синода велѣно (о вышеизложенномъ), для надлежащаго разсмотрѣнія и учиненія достойной, по святымъ правиламъ и регламентамъ и ея императорскаго величества указамъ и по военному артикулу, сатисфакціи, сообщить въ прав. Сенатъ. И прав. Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по ея императорскаго величества указу, а что учинено будетъ, о томъ св Синодъ увѣдомить письменно“. Вслѣдствіе этого вѣдѣнія, Сенатомъ, 19 го мая 1740 года, было постановлено слѣдующее опредѣленіе: „По указу ея императорскаго величества, прав. Сенатъ, по

вѣдѣнію св. прав. Синода февраля 15-го дня сего 1740 года о обрѣтающемся въ Вятской провинціи геодезіи-поручикѣ Акимѣ Клешнинѣ, который тамо села Верхосунскаго попа билъ плетьми, приказалъ: о томъ и о прочихъ, показанныхъ въ томъ вѣдѣніи, его, Клешнина, продерзостяхъ, Казанской губернской канцеляріи изслѣдовать, и ежели онъ подлинно въ такихъ продерзостяхъ явится, то его съ тѣмъ слѣдствіемъ отдать на военный судъ и учинить по указамъ, а что учинено будетъ, въ Сенатъ и въ св. Синодъ репортовать. И о томъ въ тое губернскую канцелярію и къ генералъ-лейтенанту князю Урусову послать указы, а въ св. Синодъ вѣдѣніе" [210]).

Въ декабрѣ того же 1740 года Іоакимъ, епископъ воронежскій и елецкій, донесъ Синоду: „По именному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго и самодержца всероссійскаго указу, данному брату моему, покойному преосвященному Пахомію, митрополиту воронежскому и елецкому, велѣно городъ Черкасскій, стоящій надъ рѣкою Дономъ, и присутствія Войска Донскаго по рѣкамъ Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ населенные казачьи городки вѣдать въ воронежской епархіи всякимъ духовнымъ правленіемъ и производствомъ во священно и церковно-служители, по которому его императорскаго величества именному указу оный городъ Черкасскій и всѣ Донскаго присутствія городки подъ вѣдѣніемъ воронежской епархіи и состоятъ въ неотрѣшеніи. А нынѣ извѣстно мнѣ, что Войска Донскаго грамотами оная города Черкасскаго и по объявленнымъ рѣкамъ казачьихъ городковъ многимъ священно-служителямъ въ случающихся дѣлахъ, по посылаемымъ указамъ изъ духовнаго моего приказа и отъ опредѣленныхъ по близости къ реченному городу Черкасскому и вѣдѣнія ихъ отъ духовныхъ управителей, слушать запрещается и впадшихъ въ вины священно-служителей, для исправленія ихъ по указамъ его императорскаго величества и по правиламъ св. отецъ и по Духовному регламенту, ради взятья парочно посланнымъ на Воронежъ не отдаютъ, но въ Войско забираютъ, подъ карауломъ содержатъ и тамо дѣла разсматриваютъ и рѣшатъ, а инымъ священнослужителямъ, по своему разсужденію, и священнодѣйствовать запрещаютъ, да и самихъ по близости къ Черкасскому и городкамъ опредѣленныхъ управителей отъ управительства духовнаго отрѣшаютъ и какъ на управительскія, такъ и на отрѣшенныхъ священно-служительскія мѣста опредѣляютъ иныхъ, по своей волѣ, отъ Войска Донскаго грамотами, не описываясь ко мнѣ и на Воронежъ къ моимъ управителямъ, чего имъ чинить и въ дѣла духовныя вступать и до чина духовнаго касаться весьма не надлежитъ. Того ради понужденъ я, о томъ симъ представя вашему святѣйшеству, просить, дабы соблаговолено было о надлежащемъ имъ въ томъ воспрещеніи Военной коллегіи, гдѣ оные состоятъ въ вѣдомствѣ, опредѣлить его императорскаго величества указомъ". Синодъ, для пресѣченія такого вмѣшательства на-

чальства Войска въ епархіальныя дѣла, 22-го числа того же декабря послалъ въ Военную коллегію указъ: „Святѣйшій правительствующій Синодъ, по доношенію преосвященнаго Іоакима, епископа воронежскаго, о вступаніи Войска Донскаго казаками епархіи его преосвященства въ духовныя дѣла, приказали: со онаго доношенія списавъ точную копію, для надлежащаго разсмотрѣнія и учиненія отъ оной Военной коллегіи, кому слѣдовательно, о не вступаніи Войскомъ Донскимъ въ духовныя дѣла и чтобъ до чина духовнаго отнюдь не касались подтвержденія, отослать въ Военную коллегію при указѣ, которая при семъ и посылается. И Военной коллегіи учинить о томъ по его императорскаго величества указу". Военная коллегія, исполняя требованіе Синода, 31-го декабря постановила такое опредѣленіе: „Войску Донскому, вѣдомства своего въ казачьихъ городкахъ, въ духовныя ни въ какія дѣла отнюдь не вступать и до чина духовнаго ни чѣмъ не касаться, а по присылаемымъ отъ его преосвященства, такожъ и изъ духовнаго его приказа, ко оному Войску о случающихся духовныхъ дѣлахъ указомъ надлежащее исполненіе чинить безъ всякаго отрицанія, дабы чрезъ то непорядковъ происходить не могло, и о томъ ко оному Войску послать грамоту, а для извѣстія св. Синоду отрепортовать". Грамота, посланная по этому дѣлу Военною коллегіею Войску Донскому, слѣдующаго содержанія: „Божіею милостію мы, Іоаннъ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая. На Донъ, въ нижнія и верхнія юрты, нашимъ атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману Даніилу Ефремову и всему нашему Войску Донскому. Понеже изъ св. прав. Синода въ нашу Военную коллегію сообщено, для разсмотрѣнія, преосвященнаго Іоакима, епископа воронежскаго и елецкаго, доношеніе, въ которомъ написано, что по имянному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти прадѣда нашего, государя императора Петра Великаго, указу, данному брату его, покойному преосвященному Пахомію, митрополиту воронежскому и елецкому, велѣно городъ Черкасскій, стоящій надъ рѣкою Дономъ, и присутствія Войска Донскаго по рѣкамъ Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ населенные казачьи городки вѣдать въ воронежской епархіи всякимъ духовнымъ правленіемъ и производствомъ во священно и церковно-служители, и по силѣ онаго указа городокъ Черкасскій и всѣ Донскаго присутствія городки подъ вѣдѣніемъ воронежской епархіи и состоятъ въ неотрѣшеніи; а нынѣ де извѣстно ему, что Войска Донскаго грамотами города Черкасскаго и по объявленнымъ рѣкамъ казачьихъ городковъ многимъ священно-служителямъ въ случающихся дѣлахъ, по посылаемымъ указомъ изъ духовнаго его приказа и отъ опредѣленныхъ по близости къ реченному городу Черкасскому и вѣдѣнія вашего отъ духовныхъ управителей, слушать запрещается и впадшихъ въ вины священно-служителей, для исправленія ихъ по указамъ нашего императорскаго величества и по правиламъ св. отецъ и по Духовному регламенту, ради взятья

парочно посланнымъ на Воронежъ не отдаете, но въ Войско забираете и подъ карауломъ содержите и тамо дѣла разсматриваете и рѣшите, а инымъ священно-служителямъ, по своему разсужденію, и священнодѣйствовать запрещаете, да и самихъ по близости къ Черкасскому и къ городкамъ опредѣленныхъ управителей отъ управительства духовнаго отрѣшаете и какъ на управительскія, такъ и на отрѣшенныхъ священно-служительскія мѣста опредѣляете инихъ, по своей волѣ, отъ Войска вашего грамотами, не описываясь къ нему и на Воронежъ къ его управителямъ, чего-де вамъ чинить и въ дѣла духовныя вступать и до чина духовнаго касаться весьма не надлежало. Того ради указали мы, императорское величество, вамъ, Войску Донскому, вѣдомства своего въ казачьихъ городкахъ, ни въ какія духовныя дѣла не вступать и до чина духовнаго ни чѣмъ не касаться, а по присылаемымъ отъ помянутаго епископа, такожъ и изъ духовнаго его приказа о случающихся духовнымъ дѣлахъ къ вамъ указамъ надлежащее исполненіе чинить безъ всякаго отрицанія, дабы чрезъ то непорядковъ происходить не могло. И какъ вы сію нашего императорскаго величества грамоту получите, и вамъ чинить о томъ по сему нашего императорскаго величества указу. Писанъ въ С.-Петербургѣ, въ нашей государственной Военной коллегіи, лѣта 1741 генваря 5-го дня" [211]).

Въ заключеніе укажемъ на грубыя отношенія къ правамъ духовныхъ властей со стороны Коллегіи экономіи, которая сама еще недавно состояла подъ командой Синода. Въ 1738 году, именнымъ указомъ 30-го октября, велѣно было всѣ синодальныя вотчины взять изъ синодскаго управленія и поручить Коллегіи экономіи; вмѣстѣ съ этимъ предписано послѣдней взыскать съ синодальныхъ вотчинъ всѣ накопившіяся на нихъ недоимки. При взысканіи недоимокъ Коллегія экономіи нашла возможнымъ принять за руководство именной указъ 1732 года 23-го октября, которымъ допущено было, за слабое взысканіе недоимокъ (только за 1728—1732 гг.), подвергать аресту самихъ сборщиковъ, то-есть управителей монастырскихъ вотчинъ, и примѣняя на практикѣ этотъ указъ, выступила далеко за предѣлы его полномочій: она начала подвергать аресту монастырскую братію и даже самихъ настоятелей монастырей—архимандритовъ и игуменовъ. Само собою разумѣется, въ Синодъ стали поступать жалобы на Коллегію экономіи, на незаконныя ея дѣйствія, грубо нарушавшія права духовныхъ властей и оскорблявшія ихъ достоинство. Синодъ, съ своей стороны, требовалъ удовлетворенія по этимъ жалобамъ отъ Сената. Такъ, напримѣръ, въ 1739 году Синодъ писалъ Сенату, что въ Коллегіи экономіи на московскомъ Высоко-Петровскомъ монастырѣ числилось недоимки 940 рублей 5 копѣекъ, изъ коихъ 515 рублей $48^1/_2$ к. исключены были коллегіею изъ недоимки, какъ употребленные на исправленіе ветхостей въ этомъ монастырѣ, остальные же числились въ доимкѣ на заопредѣленныхъ вотчинахъ того монастыря, и за

не пополненіе этихъ-то недоплаченныхъ недоимокъ, въ 1739 году, арестованы были „того монастыря архимандритъ съ братіею, въ томъ монастырѣ, чрезъ присланнаго изъ оной коллегіи поручика съ солдатами, марта съ 30-го по 11-е число апрѣля, безъ выпуску, а монастырскій ихъ подьячій въ большой цѣпи, и при томъ чинены, въ томъ монастырѣ, ему, архимандриту, поносительныя слова и озлобленія"; при этомъ, кстати, Синодъ заявлялъ: „а Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Дмитровѣ, архимандритъ въ содержаніи за такую-же доимку, іюня съ 30-го 1738 года по 16-е января 1739 года, подъ арестомъ и умре; а и прочихъ монастырей архимандритовъ и другихъ настоятелей оная коллегія съ не малымъ озлобленіемъ заарестовала"... и что Коллегія экономіи постоянно грозила, будто „для взысканія заопредѣленныхъ доходовъ доимки духовныя власти—архимандриты и игумены въ губерніи взяты будутъ сами, а кои въ городахъ, тѣ и съ приказными и стряпчими и слугами—въ воеводскія канцеляріи, и буде вскорѣ платить не будутъ, то имѣнія ихъ конфисковать и для продажи отсылать въ конфискацію". Поэтому Синодъ требовалъ отъ Сената, „дабы опредѣлено было Коллегіи экономіи и, по указамъ оной коллегіи, отъ губерній и провинцій духовнымъ властямъ вышеписанныхъ и тому подобныхъ обидъ и озлобленій чинить и арестовать и подъ арестомъ морить запретить, а доимку, какая гдѣ на вотчинахъ монастырскихъ находится, взыскивать чрезъ экономовъ, келарей и казначеевъ и приказныхъ служителей", такъ какъ они въ монастыряхъ поставлены „для вотчиннаго правленія и сбору вотчинныхъ денегъ". И по требованію Синода въ Сенатѣ опредѣлено: „Вышеозначенное святѣйшаго Синода вѣдѣніе сообщить въ Сенатскую контору, въ которой велѣть въ показанныхъ въ томъ вѣдѣніи на Коллегію экономіи и на губерніи и провинціи чинимыхъ духовнымъ властямъ обидахъ и въ содержаніи ихъ подъ арестомъ, какъ въ томъ вѣдѣніи объявлено, разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить той конторѣ; что-же касается до взысканія доимокъ, въ томъ оной конторѣ поступать по указамъ". Но и послѣ этого коллегія не измѣнила свой образъ дѣйствій относительно монастырскихъ властей. Въ августѣ 1740 года Сенатъ получилъ отъ Синода вѣдѣніе, въ которомъ сообщалась жалоба того-же архимандрита съ братіею, что изъ Коллегіи экономіи, для взысканія тѣхъ-же (вышеупомянутыхъ) недоимокъ, „присланъ былъ въ тотъ монастырь нарочный по инструкціи офицеръ, для правежа показанной доимки, который не токмо стряпчаго ихъ въ тѣхъ деньгахъ держалъ въ цѣпи, но и ихъ самихъ, яко арестантовъ какихъ, не выпуская, держалъ же не малое время" [212]). — Мало того, Коллегія экономіи безъ всякаго законнаго основанія вмѣшивалась и въ самое хозяйство монастырей. Она, напримѣръ, самовольно, безъ вѣдома монастырскихъ властей, перемѣщала вотчинныхъ монастырскихъ управителей и стряпчихъ отъ однихъ дѣлъ къ другимъ. Такъ 9-го января 1741 года Синодъ сообщилъ въ Сенатъ

донесеніе Ѳеофилакта, архимандрита Ипатьевскаго монастыря и члена Синода, о томъ, что управлявшій въ Москвѣ дѣлами этого монастыря подьячій Кузьминъ отправленъ былъ Коллегіею экономіи, безъ вѣдома его, архимандрита, къ другимъ дѣламъ.—и требовалъ отъ Сената, „дабы помянутый монастырскій стряпчій отъ Коллегіи экономіи для отчетовъ и отповѣди отосланъ былъ въ оный Ипатскій монастырь не продолжительно и впредь той коллегіи изъ монастырскихъ служителей для опредѣленія къ дѣламъ (безъ сношенія и справокъ о свободности ихъ и о подозрѣніяхъ со властьми) взятье воспретить, а кто будетъ потребенъ, тѣхъ велѣть требовать изъ монастыря отъ начальствующихъ властей чрезъ письменныя сношенія, а собою не опредѣлять“ [213]).

Къ числу обязанностей Синода принадлежало и попеченіе о ружникахъ. Издавна многія лица православнаго духовенства пользовались ругой, то-есть казеннымъ денежнымъ и хлѣбнымъ довольствомъ. Ружниками были: архіереи, лица, состоявшія при архіерейскихъ домахъ, настоятели и настоятельницы монастырей съ братіей и священно и церковно-служители соборовъ и нѣкоторыхъ, „ружныхъ“, церквей. Выдавалось имъ содержаніе частью изъ казенныхъ доходовъ, собиравшихся съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ Коллегіей экономіи, частью (духовенству дворцовыхъ соборовъ и церквей, а также церквей дворцовыхъ селъ) изъ суммъ Главной Дворцовой канцеляріи. Размѣръ ружнаго содержанія духовнымъ лицамъ былъ установленъ „Ружною книгою“ 7207 года и именнымъ указомъ 1705 года. Въ царствованіи Анны Іоанновны, въ 1736 году, послѣдовалъ именной указъ „сочинить о ружникахъ генеральный штатъ“. Дѣло это, тѣмъ же указомъ, поручено было Коллегіи экономіи. Въ слѣдующемъ году эта коллегія сочиненный ею штатъ ружникамъ доставила въ Синодъ, но послѣдній возвратилъ его обратно „для должнаго исправленія“. Въ 1741 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, Коллегія экономіи внесла въ Синодъ вновь сочиненный ею штатъ о ружникахъ и вмѣстѣ съ этимъ и матеріалы для него—вѣдомости ружникамъ изъ епархій и монастырей. Этотъ штатъ, такъ же какъ и первый, Синодъ нашелъ не удовлетворительнымъ и самъ принялся за сочиненіе его. Однако составленіе штата замедлилось и въ Синодѣ, потому, съ одной стороны, что разработка массы доставленнаго Коллегіей экономіи матеріала требовала много времени, а съ другой, что изъ нѣкоторыхъ епархій еще не были присланы свѣдѣнія о ружникахъ. Между тѣмъ ружники нуждались въ жалованьѣ и въ своевременномъ его полученіи, и Синодъ рѣшилъ временно эту задачу такимъ образомъ: Московскимъ и городовымъ ружникамъ, получавшимъ, по силѣ указа Петра Великаго 1705 г., денежное жалованье половинное противъ прежняго, какое было назначено по Ружной книгѣ 7207 г., денежное жалованье съ 1741 г. производить по Ружной книгѣ на наличное число людей полное. При этомъ Синодъ замѣтилъ, что указъ Петра Великаго 1705 года, на который Коллегія экономіи ука-

зала въ составленномъ ею штатѣ, какъ на основаніе для назначенія помянутымъ лицамъ жалованья половиннаго, къ настоящему дѣлу не можетъ относиться, такъ какъ онъ имѣлъ временное значеніе, именно: „для тогда бывшей свейской войны". Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено городовымъ ружникамъ давать и хлѣбное жалованье полное, наравнѣ съ московскими ружниками, вмѣсто прежняго половиннаго, „ибо обрѣтающіеся въ Москвѣ ружники, яко весьма во многонародномъ градѣ, сверхъ ружнаго жалованья, могутъ получать отъ христолюбцевъ доброхотное подаяніе, а градскимъ и уѣзднымъ получить того весьма рѣдко возможно". Что же касается до ружниковъ, у которыхъ были „прибылые доходы": пахатная земля, сѣнные покосы, приходскіе дворы и проч. и которые, по указу 7205 года, должны были довольствоваться только этими доходами, — Синодъ положилъ: требовать отъ Коллегіи экономіи доставленія обстоятельной вѣдомости о размѣрѣ помянутыхъ доходовъ, чтобы видѣть, могутъ-ли ружники довольствоваться тѣми прибылыми доходами безъ ружнаго жалованья. А до полученія въ Синодѣ этихъ свѣдѣній, такимъ ружникамъ, „дабы они отъ не полученія жалованья не претерпѣвали нужды", положенное по Ружной 7207 года книгѣ содержаніе производить съ 1741 года: денежное—половинное, а хлѣбное—полное. Затѣмъ Синодъ опредѣлилъ: находящихся въ городахъ „богадѣленныхъ нищихъ" разобрать и оставить въ богадѣльняхъ только отставныхъ солдатъ и ихъ женъ и дѣтей, которые трудиться не могутъ, и жалованье имъ, до разсмотрѣнія и утвержденія о ружникахъ штата, производить попрежнему; а помѣщичьихъ отдать помѣщикамъ, посадскихъ—въ посадъ. Наконецъ, относительно ружниковъ, „кои жительство имѣютъ въ разныхъ отдаленныхъ отъ Москвы городахъ и уѣздахъ", Синодъ заключилъ требовать отъ Сената, чтобы съ его стороны сдѣлано было распоряженіе: жалованье ружникамъ производить, на наличное ихъ число, „въ тѣхъ городахъ, кто гдѣ жительство имѣетъ, изъ собираемыхъ въ губернскія и провинціальныя канцеляріи, на счетъ Коллегіи экономіи доходовъ, а въ Москвѣ изъ Московской провинціи городовъ — изъ Коллегіи экономіи, безволокитно; а ружникамъ же, коимъ руга и на церковныя потребы произвожено изъ Приказа Большаго Дворца, въ тѣ мѣста оное производить и нынѣ изъ Главной Дворцовой канцеляріи, понеже оныя ружныя дачи производятся оной канцеляріи изъ доходовъ издавна". Это требованіе Синодъ основывалъ на такомъ соображеніи: „ежели имъ (ружникамъ) для полученія ружнаго жалованья повсягодно ѣздить въ Москву, то могутъ понести немалые убытки и отягощеніе: а многіе не только ружнаго жалованья получать, сколько въ проѣздахъ издержать и въ Москвѣ прожить имѣютъ" [214]).

Оформивъ такимъ образомъ размѣръ жалованья ружникамъ, Синодъ позаботился и о своевременной выдачѣ его. 1741 года 6-го ію-

ля въ Синодѣ получено было отъ Статсъ-конторы доношеніе, что она отказывается отпускать ружникамъ жалованье за 1739 и 1740 годы на счетъ Коллегіи экономіи, потому что эта коллегія „и прежде выданное ружникамъ денежное жалованье въ Статсъ-контору не платитъ; а какъ-де оная Коллегія экономіи прежнія долговыя деньги заплатитъ, и на 1739 и 1740 годы отъ Статсъ-конторы ассигновано будетъ". Вслѣдствіе такого отказа Статсъ-конторы положеніе городскихъ ружниковъ становилось тяжелымъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще неудобство для ружниковъ въ самомъ способѣ выдачи, въ то время жалованья имъ — по личнымъ ассигновкамъ на каждаго ружника. Синодъ писалъ въ Сенатъ, что отъ этого „бѣднымъ ружникамъ не безъ волокиты и убытковъ произойдетъ", особенно когда высылка такихъ ассигновокъ отъ Статсъ-конторы замедлится, „тѣ ружники принуждены будутъ отъ своихъ мѣстъ для ходатайства брести въ С.-Петербургъ, на своемъ коштѣ, и сколько бы надлежало опредѣленнаго имъ ружнаго жалованья получить, то могутъ все какъ въ пути, такъ живучи здѣсь въ Петербургѣ въ пропитаніе издержать и гуще къ своему мѣсту возвратиться". Въ виду такихъ тяжелыхъ для ружниковъ обстоятельствъ Синодъ сообщилъ Сенату, что „тѣмъ ружникамъ имянѣ чинится обида, а паче они въ пропитаніи, отъ не полученія руги, претерпѣваютъ крайнюю нужду, и требовалъ, „дабы прав. Сенатъ опредѣлилъ Статсъ-конторѣ на всѣ опредѣленныя въ городахъ ружныя дачи генеральныя ассигнаціи въ губерніи и провинціи и въ города разослать, по которымъ бы тѣмъ ружникамъ опредѣленныя дачи безъ всякаго продолженія и напрасныхъ волокитъ производить на наличное число ружниковъ". При этомъ Синодъ пояснилъ, что подъ наличнымъ числомъ онъ разумѣетъ не то, сколько ружниковъ состоитъ въ данное время на лицо, но то число, сколько по положенію назначено быть, напримѣръ, въ монастыряхъ монаховъ и монахинь, а при церквахъ священно и церковно-служителей, хотя бы и оставались вакансіи. „А удержанное и не ассигнованное на 1739 и 1740 годы отъ Статсъ-конторы ружникамъ жалованье,—писалъ далѣе Синодъ,—повелѣно бъ было безпрепятственно, откуда возможно, произвесть въ непродолжительномъ времени, ибо бѣдные ружники въ томъ виною не состоятъ; а Статсъ-конторѣ долговыхъ денегъ, вмѣсто произведенныхъ въ дачу ружникамъ, требовать отъ Коллегіи экономіи". Такое ходатайство Синода было уважено, и Сенатомъ, 1741 года іюля 30-го, даянъ былъ Статсъ-конторѣ указъ: „Правительствующій Сенатъ приказалъ: о дачѣ городовымъ ружникамъ жалованья и на церковныя потребы (которымъ, по вышеписанному, посланному въ опую Статсъ-контору мая 31-го числа сего 1741 года, указу, велѣно производить до сочиненія и апробаціи новаго штата по ассигнаціямъ той конторы) учинить оной конторѣ генеральное опредѣленіе и указы отправить въ тѣ мѣста, гдѣ кому дачѣ быть надлежитъ, единожды, чтобы по прошествіи сроковъ дачу про-

изводили на наличное число, не дожидая ассигнаціи той конторы, токмо смотрѣть по репортамъ, чтобъ тѣ дачи производимы были и не прежде указнаго времени, дабы, за отдаленіемъ ихъ и за продолженіемъ ассигнацій на каждую дачу, для прошенія сюда волокиты не имѣли". Исполнивъ требованіе Синода относительно генеральныхъ ассигновокъ, Сенатъ отклонилъ другое его ходатайство—объ ассигновкахъ ружнаго жалованья на все положенное по комплекту число ружниковъ. Въ этомъ же указѣ онъ писалъ: „что же отъ онаго св. Синода въ томъ вѣдѣніи представлено, дабы жалованье производимо было и на тѣхъ, которые отнынѣ въ указное по ругѣ число—къ церквамъ священно-церковно-служители, а въ монастыри монахи и монахини вновь постриженіемъ укомплектуются, онаго нынѣ Сенату, до сочиненія о всѣхъ монастыряхъ штата, коликому числу въ оныхъ монахамъ и монахинямъ быть положено будетъ, опредѣленія учинить не можно, ибо именнымъ его императорскаго величества указомъ велѣно отставныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и солдатъ, которые пропитанія не имѣютъ, для пропитанія отсылать въ монастыри, и для того въ монастыряхъ содержать по нѣскольку монашескихъ вакансій; того ради въ святѣйшемъ Синодѣ, при сочиненіи вышеобъявленнаго штата, надлежитъ въ каждомъ монастырѣ для таковыхъ отставныхъ оставлять по нѣскольку вакансій, дабы оныхъ на тѣ вакансіи вмѣщать было можно" [215])

Въ кругъ обязанностей Синода входило, между прочимъ, объявленіе „всему россійскаго государства священному чину" и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, всему народу высочайшихъ повелѣній. Церковный амвонъ всегда былъ мѣстомъ, съ котораго государи возвѣщали всѣмъ своимъ подданнымъ о своей радости или скорби, или о какомъ-либо важномъ государственномъ событіи. Въ этихъ случаяхъ верховная власть повелѣвала прочитывать свои манифесты и указы въ церквахъ. И Синодъ, какъ глава управленія духовными дѣлами, былъ органомъ, чрезъ который верховная власть какъ приводила въ исполненіе свои распоряженія по духовному вѣдомству, такъ и объявляла народу свою волю. Такимъ порядкомъ были объявлены: манифестъ о рожденіи принца Іоанна Антоновича, „формы" поминовеній членовъ царствующей фамиліи во время богослуженія, высочайшія повелѣнія о совершеніи молебствій за дарованныя отъ Бога побѣды надъ врагами, именной указъ 13-го ноября 1740 года „о храненіи и распространеніи православнаго закона христіанскаго восточныя церкви" и т. п. Вотъ указанія, какъ дѣйствовалъ Синодъ въ этомъ направленіи. По полученіи имъ упомянутаго выше повелѣнія 13-го ноября 1740 года, онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „таковыхъ его императорскаго величества указовъ напечатавъ въ С.-Петербургѣ, при Троицкомъ Александро-Невскомъ монастырѣ, два завода, изъ оныхъ къ синодальнымъ членамъ, въ епархіи къ архіереямъ, въ духовныя—дикастерію и С.-Петербург-

ское правленіе и въ ставропигіальные монастыри ко властямъ разослать, сколько куда надлежитъ, немедленно, съ крѣпчайшимъ подтвержденіемъ, дабы какъ въ епархіяхъ сами архіереи и ихъ духовные управители, такъ и по Синодальной области Духовная дикастерія и С.-Петербургское духовное правленіе и ставропигіальныхъ монастырей настоятели, въ вѣдомствахъ своихъ, поступали и смотрѣніе надъ подчиненными имъ духовными лицы имѣли, какъ онымъ его императорскаго величества высочайшимъ указомъ повелѣно, во всемъ непремѣнно, подъ опасеніемъ, за слабость и нерачіе свое, въ томъ суда и штрафа по указамъ".—Вслѣдствіе именнаго указа 5-го ноября 1740 года о повсемѣстномъ въ имперіи поминовеніи усопшей императрицы Анны Іоанновны, Синодъ того же 5-го ноября распорядился: хотя Синодомъ объ этомъ поминовеніи уже сдѣлано было, по собственному почину, распоряженіе, „однако, во исполненіе вышепомянутаго его императорскаго величества именнаго указа, паки въ Синодѣ опредѣлено о непремѣнномъ въ отправленіи повсюду того поминовенія исполненіи къ синодальнымъ членамъ, въ епархіи къ архіереямъ и въ прочія подчиненныя святѣйшему Синоду мѣста послать указы" [216]).

Къ предметамъ вѣдѣнія Синода относились и дѣла о построеніи новыхъ и о возобновленіи старыхъ храмовъ, также вопросы о поддержаніи пищепитательныхъ домовъ. Участіе Синода въ дѣлахъ о постройкѣ новыхъ церквей ограничивалось лишь приведеніемъ въ исполненіе высочайшихъ резолюцій по этимъ вопросамъ, и это подтверждаютъ слѣдующіе факты. Въ 1740 году, по заявленію новокрещенаго мордвина, Арзамасскаго уѣзда, Ѳедора Васильева Догады, что его соплеменники изъявили желаніе принять христіанство, высочайшимъ указомъ повелѣно было Синоду изъявившихъ желаніе мордвинов просвѣтить св. крещеніемъ и построить для нихъ церковь. Синодъ, въ маѣ того же года, сдѣлавъ распоряженіе объ отсылкѣ туда священника, о построеніи церкви постановилъ: „а въ помянутой дворцовой волости (въ Арзамасскомъ уѣздѣ) церковь деревянную построить, гдѣ, по общему арзамасскаго архимандрита и Арзамасской провинціальной канцеляріи усмотрѣнію, за пристойно разсудится, и въ томъ оной церкви устроеніи и удовольствіи книгами и прочею утварью и сосудами церковными имѣть прилежное наблюдательство помянутому архимандриту, и когда построена и надлежащимъ благолѣпіемъ украшена и утварью и сосудами удовольствована будетъ, тогда преосвященному Іоанну, епископу нижегородскому, велѣть оную церковь освятить по церковному чинноположенію" [217]). Въ томъ же 1740 году, 13-го февраля, въ Кабинетъ поступило донесеніе „полотняной и другихъ манифактуръ директора Ивана Затрапезнаго", что „въ прошломъ 1738 году, по ея императорскаго величества указу, велѣно ему въ Ярославлѣ при манифактурахъ построить каменную церковь, во имя святыхъ праведныхъ Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы,—ко-

торая и построена, теплая; а нынѣ (онъ) проситъ, дабы повелѣно было сдѣлать другой, верхній аппартаментъ, для лѣтней церкви, и о томъ, куда надлежитъ, послать указъ". При этомъ Затрапезный „объявилъ" и „рисунокъ" предполагаемаго зданія. Вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ же февралѣ, въ утвердительномъ смыслѣ, и о послѣдовавшемъ соизволеніи на постройку храма посланъ изъ Кабинета указъ Синоду [218]).—Что касается дѣятельности Синода по возобновленію церквей и пищепитательныхъ домовъ, то еще императрица Анна Іоанновна, указомъ 17-го марта 1730 года, повелѣла „правительствующему духовному Синоду, по должности званія своего, прилежное попеченіе имѣть, дабы храмы святые и пищепитальные домы, которые отъ скудости или инымъ какимъ образомъ опустѣли, возобновить и всѣми потребностьми удовольствовать; и сія вся правительствующій духовный Синодъ долженъ ревностно исполнять, а въ чемъ какое исправленіе надлежитъ учинить, о томъ представлять и требовать на то ея императорскаго величества указа" [219]). Такая же воля верховной власти выражена была Синоду и въ описываемое царствованіе, въ указѣ 13-го ноября 1740 года: „храмы святые и пищепитальные домы чтобъ во всемъ, по учиненнымъ опредѣленіямъ, содержаны, и которые ипогда отъ скудости или инымъ образомъ опустѣли, возобновлены и всѣми потребностьми удовольствованы были". Исполняя эту волю верховной власти, Синодъ, въ описываемое время, направлялъ свою дѣятельность по преимуществу на исправленіе архіерейскихъ домовъ, монастырей и въ нихъ церквей; такъ онъ заботился о „починкѣ Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Ростовѣ, церкви стѣннаго писанія и во иконостасахъ святыхъ образовъ и прочей монастырской ветхости", объ исправленіи коломенскаго архіерейскаго дома и о возобновленіи зданій московскаго Даниилова монастыря. На расходы по всѣмъ этимъ работамъ Синодъ требовалъ отъ Сената отпуска денегъ изъ Коллегіи экономіи [220]). Къ этому же времени относятся дѣйствія Синода по перестройкѣ петербургской Троицкой соборной церкви (см. выше, стран. 67—68) и обширная переписка его съ Сенатомъ и другими учрежденіями объ исправленіи петербургскаго же Петропавловскаго собора. Переписка о возобновленіи этого собора началась еще въ 1737 году, по внесенному въ Сенатъ заявленію соборнаго протопопа съ братіею *), что „въ той Петропавловской церкви великія имѣются неисправности и во многихъ мѣстахъ требуетъ починки, ибо во время дождей бываетъ сквозь своды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теча, да явилась въ четвертомъ аппартаментѣ, сверхъ часовъ въ куполѣ, по столбамъ дубовымъ великая течь, такожъ балясы и полы всѣ погнили и отъ большой погоды шпицъ шатается, да крышку холстинную отъ вѣтра всю

*) Заявленіе «соборянъ» было передано въ Сенатъ петербургскимъ оберъ-комендантомъ, черезъ генералъ-адъютанта А. И. Ушакова.

разбило". По осмотру собора оказалось: „1) у царскихъ дверей петли подгерлись и отъ того стали быть низки: 2) въ церкви и въ куполѣ окончины (слѣдуетъ) перечинить; 3) сквозь кровлю многая является теча и зимнею порою въ куполахъ дождь и снѣгъ идетъ въ разныхъ мѣстахъ; 4) большое костяное паникадило, строенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра I, также висящія по церкви хрустальныя—всѣ на веревкахъ, отъ которыхъ имѣется не малая опасность, чтобъ не порвались, того бъ ради сдѣлать ко всѣмъ паникадиламъ цѣпи желѣзныя и вызолотить по примѣру, что въ алтарѣ при паникадильцѣ костяномъ маломъ: 5) для поклажи старыхъ книгъ сдѣлать шкафъ съ полками; 6) въ церкви и въ алтарѣ полы переправить; 7) у стѣнъ и у сводовъ подмазка осыпалась и нѣкоторое на сводахъ и стѣнное письмо повредилось: 8) церковныя большія двери отъ жару разодрало, а у нѣкоторыхъ замки починить". Сенатъ, указами въ 1737 и 1738 годахъ, велѣлъ Канцеляріи отъ строеній цѣпи къ паникадиламъ сдѣлать желѣзныя и „неисправности починить и исправить безъ всякаго замедленія". Но канцелярія не торопилась исполнить этотъ приказъ, и соборный протопопъ Слонскій съ братіею, 14-го мая 1739 года, обратился въ Синодъ съ такимъ доношеніемъ: „о починкѣ, по прежде поданному ихъ въ святѣйшемъ Синодѣ доношенію, находящихся въ Петропавловскомъ соборѣ ветхостей, по посланнымъ изъ святѣйшаго Синода указамъ, велѣно учинить Канцеляріи отъ строеній, но токмо во опой, по многимъ ихъ, стараніямъ и докладамъ, единая цѣпь желѣзная сдѣлана къ большому паникадилу и вызолочена, а прочаго ничего не учинено; а въ той церкви имѣется капель превеликая, отъ чего не токмо стѣнное письмо, но и золото валится, и врата царскія весьма опустились, и дабы о строеніи онаго заблаговременно, не откладывая отъ времени до времени, въ ту канцелярію въ подтвержденіе послать указъ". Вслѣдствіе этого Синодъ, 8-го іюня того-же года, послалъ въ Канцелярію отъ строеній просимый указъ, а въ Сенатъ—вѣдѣніе о подтвержденіи имъ, Сенатомъ, этой канцеляріи неукоснительно исполнить требованіе Синода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ же вѣдѣніи, онъ заявилъ, что „сверхъ вышеписаннаго исправленія, требуется, чтобъ при томъ соборѣ сдѣлать каменную палатку, для всякаго священно и церковно-служителямъ пріюту и нужды, какъ въ Москвѣ при соборахъ". Въ 1740 году къ участію въ „разсмотрѣніи и рѣшеніи" вопросовъ по этимъ работамъ была привлечена и Коммиссія о с.-петербургскомъ строеніи. 28-го іюня 1740 года Синодъ далъ знать этой коммиссіи, что „въ томъ соборѣ имѣется библіотека и состоитъ въ книгахъ знатныхъ и не малоцѣнныхъ, и иностранныя персоны, по случаямъ, допускаемы бываютъ въ тотъ соборъ для смотрѣнія церковнаго благолѣпія, которыя при томъ и оную библіотеку видятъ, но безъ убранія въ таковой библіотекѣ достойный шкафъ не безъ зазрѣнія, чего для такому шкафу устроену быть весьма нужно". Въ слѣдующемъ 1741

году тоже самое подтверждено было этой коммиссіи и отъ Сената. Вслѣдствіе этого коммиссія, 1741 года мая 11-го, представила Синоду, что, по доношенію архитекторовъ Земцова и Шумахера и столярнаго мастера фонъ-Болеса, которымъ коммиссіею было поручено осмотрѣть соборъ, „для пріѣзду и нуждъ въ зимнее время архіереямъ и прочимъ священно-служителямъ возможно быть палаткѣ, въ близости къ алтарю, на сѣверной сторонѣ, на каналѣ, чрезъ который можно сдѣлать сводъ, или на западной сторонѣ, отступя отъ церкви сажень шесть или восемь: а понеже присмотрѣно ими, что на хорахъ, въ церкви, книги отъ сырости плѣсневѣютъ и вредятся, того ради при оной палаткѣ для библіотеки сдѣлать другую, въ которой умѣстить всѣ книги въ особливыхъ просто сдѣланныхъ шкафахъ, по стѣнамъ, чего ради тотъ шкафъ со многими орнаментами *) отставить. А тѣ двѣ палатки съ сѣнцами, ежели опредѣлено будетъ сдѣлать, напримѣръ, могутъ стать около 1000 рублевъ". При этомъ коммиссія заявила, что и по ея „разсужденію, при ономъ соборѣ, сверхъ требуемой о постройкѣ для пріѣзду и нуждъ, въ зимнее время, архіереямъ и священно-служителямъ палатки, должно для лучшаго охраненія библіотеки, по представленію оныхъ архитекторовъ, сдѣлать еще другую, малую палатку, которую по тому жъ построить по показанію и подъ присмотромъ архитектора Земцова, и ежели святѣйшій правительствующій Синодъ о постройкѣ той для библіотеки палатки оное коммисское разсужденіе апробуетъ, то бъ вышереченный со многими орнаментами шкафъ отставить, а умѣстить всѣ книги въ той палаткѣ, въ особливыхъ по стѣнамъ шкафахъ, которые однакожъ сдѣлать хорошимъ украшеніемъ и дверьми со стеклами, чтобъ оныя книги содержались въ добромъ храненіи". По этому представленію Синодъ постановилъ резолюцію, которую и сообщилъ Сенату въ слѣдующемъ, отъ 30-го мая того же года, вѣдѣніи: „1) въ оную коммиссію объявить (и объявлено указомъ), что святѣйшій Синодъ съ разсужденіемъ той коммиссіи о строеніи двухъ при показанномъ Петропавловскомъ соборѣ палатокъ и изъ нихъ въ одной для библіотеки шкафовъ и во исправленіи прочихъ нужнопотребныхъ починокъ, согласенъ, точію бъ оные шкафы, для наилучшаго библіотеки учрежденія, сдѣланы были добрымъ мастерствомъ и хорошимъ украшеніемъ и дверьми со стеклами, какъ въ представленіи оной коммиссіи показано; 2) въ правительствующій Сенатъ сообщить (и сообщается) вѣдѣніе съ требованіемъ, чтобъ подтверждено было его императорскаго величества въ Канцелярію отъ строеній указомъ, дабы не упуская нынѣшняго удобнаго къ строенію времени, по представленію означенной коммиссіи, въ реченномъ соборѣ какъ починка,

*) Столярной и рѣзной работы, со стеклами и украшеніями — «лакъ золотомъ и живописью», какъ было предположено Синодомъ въ приведенномъ его указѣ Коммиссіи о петербургскомъ строеніи

такъ и строеніе помянутыхъ палатокъ и шкафовъ исправлено было неотложно". Согласно требованію Синода, отъ Сената посланъ былъ 3-го іюля 1741 года въ Канцелярію отъ строеній указъ о немедленномъ произведеніи помянутыхъ работъ. Но что было сдѣлано по этому указу—свѣдѣній въ документахъ не найдено [221]).

Заботясь о построеніи новыхъ храмовъ и возобновленіи старыхъ, Синодъ постоянно имѣлъ попеченіе о благоустройствѣ ихъ, то-есть, чтобы храмы снабжены были богослужебными книгами, священными сосудами и прочею церковною утварью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда требовалъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, чтобы храмы по возможности были украшены благолѣпіемъ, чтобы они были достойными домами Божіими [222]).

Рядомъ съ указанными дѣйствіями Синода шли его занятія по установленію порядка церковной службы въ высокоторжественные дни, по составленію „формъ" поминовеній членовъ императорской фамиліи во время богослуженія и по сочиненію нѣкоторыхъ молитвословій, а также слѣдовали его распоряженія о поминовеніи усопшихъ государей. Вотъ свѣдѣнія объ этихъ занятіяхъ Синода. Такъ какъ тезоименитство принца Іоанна Антоновича приходилось 29-го августа, а въ этотъ день совершалось поминовеніе по царяхъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Іоаннѣ IV Васильевичѣ, то Синодъ, вслѣдствіе указа Императорскаго Кабинета, въ сентябрѣ 1740 года, постановилъ: „съ будущаго 1741 года отправленіе чинить, а именно: августа 12-го дня, въ день рожденія внука ея императорскаго величества, благовѣрнаго государя принца Іоанна, по литургіи благодарственный молебенъ, а 29-го, въ тезоименитство его высочества,— всенощное бдѣніе и по литургіи молебенъ со звономъ, а 28-го числъ, по благочестивѣйшемъ великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, купно въ тотъ же день и по великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ поминовеніе отправлять неотмѣнно". И объ исполненіи по этому опредѣленію Синодъ разослалъ, „куда надлежало", указы [223]). По случаю рожденія 15-го іюля 1741 года сестры императора, принцессы Екатерины Антоновны, Синодомъ опредѣлено было отправлять церковное торжество рожденія ея 15-го іюля, а тезоименитства 24-го ноября; совершавшееся же въ этотъ день поминовеніе по императрицѣ Екатеринѣ I и по царевнахъ Екатеринѣ Іоанновнѣ и Екатеринѣ Алексѣевнѣ — отправлять 25-го ноября [224]). Кромѣ того, въ 1740 году Синодъ подтвердилъ епархіальнымъ архіереямъ — въ отправленіи церковной службы въ высокоторжественные дни поступать по составленному Синодомъ въ 1734 году росписанію таковымъ днямъ, и это росписаніе держать въ церквахъ „на видныхъ мѣстахъ", чтобы всѣмъ было извѣстно [225]). „Формы" поминовеній членовъ высочайшей фамиліи во время богослуженія, въ видѣ проекта, вносились Синодомъ на высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе въ Императорскій Кабинетъ. Въ

окончательномъ обсужденіи ихъ принимали участіе и члены Синода, что видно изъ слѣдующей помѣты на одной изъ такихъ формъ: „сія записка отдана (въ типографію) отъ оберъ-секретаря (Синода) господина Леванидова съ такимъ объявленіемъ, что оная пробована кабинетъ-министрами и синодальными членами и, по апробаціи, утверждена". По напечатаніи, формы разсылались Синодомъ въ епархіи для употребленія во всѣхъ церквахъ [226]). Что касается составленія Синодомъ молитвословій, то извѣстно только, что въ 1740 году Императорскимъ Кабинетомъ поручено было Синоду „сочинить" вновь „службу іюня 27-го дня о побѣдѣ подъ Полтавою надъ свейскимъ королемъ". „не употребляя къ сторонѣ свейской досадительныхъ реченій", и подать въ Кабинетъ на апробацію *) и что въ слѣдующемъ 1741 году была составлена Синодомъ книжка подъ названіемъ: „формуляръ о побѣдѣ на супостаты христіанскому воинству". [227]). О распоряженіяхъ Синода относительно поминовенія усопшихъ государей уже было упомянуто выше, и къ этому можно добавить, что въ 1740 году, 29-го ноября Синодъ сообщилъ во извѣстіе Императорскому Кабинету, „что, по опредѣленію святѣйшаго правительствующаго Синода, по примѣру какъ въ 1725 году опредѣлено было о поминовеніи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, велѣно ея величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти благочестивѣйшую государыню императрицу Анну всея Россіи поминать въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и во всѣхъ Россійской имперіи какъ въ градскихъ и уѣздныхъ церквахъ, такъ и въ монастыряхъ и пустыняхъ, при повсядневныхъ церковныхъ службахъ, отъ полученія указовъ, цѣлый годъ и впредь поминовеніе съ прочими преставльшимися россійскими государи творить по церковному чиноположенію. О чемъ и указы изъ св. Синода во всѣ епархіи и въ прочія подчиненныя св. Синоду мѣста октября 20-го сего года посланы". Кромѣ того, въ 1741 году былъ разосланъ Синодомъ во всѣ епархіи печатный „реестръ" о поминовеніи „преставльшихся великихъ государей царей и великихъ князей, императоровъ россійскихъ и государынь царицъ и государынь императрицъ и ихъ высокой фамиліи" [228]).

До сихъ поръ мы касались области вѣдѣнія Синода, какъ главноуправляющаго дѣлами россійской церкви вообще, теперь скажемъ о дѣятельности его по отношенію къ духовенству петербургскаго округа и къ духовнымъ лицамъ, находившимся въ особомъ, исключительномъ положеніи.

Въ описываемое время петербургской епархіи еще не было,— она учреждена была въ 1742 году [229]),— поэтому, за небытіемъ мѣстнаго архіерея, духовенство петербургскаго округа опредѣлялось къ должностямъ и смѣщалось непосредственно самимъ Синодомъ. Такъ,

*) О составленіи этой службы см. выше, стран. 114.

напримѣръ, въ 1741 году поступило въ Синодъ прошеніе священника и прихожанъ Троицкой церкви, что на Охтѣ, объ опредѣленіи къ этой церкви третьяго священника [230]); а въ январѣ того же года Синодомъ было сообщено Кабинету, что именной указъ отъ 22-го того же января „о посвященіи бывшаго при придворной музыкѣ пѣвчимъ Игната Павлова, по его желанію, въ діаконы и о опредѣленіи къ церкви св. Николая, что называется Морская Полковая, въ св. Синодѣ, сего января 23-го дня, полученъ, и по тому его императорскаго величества высочайшему указу повелѣнное св. Синодомъ исполнено будетъ" [231]). Вмѣстѣ съ этимъ непосредственно отъ Синода зависѣло опредѣленіе въ число пѣвчихъ соборной Петропавловской церкви. Это дѣло возложено было на Синодъ еще Петромъ Великимъ. Въ вѣдомости полученнымъ въ Синодѣ именнымъ указамъ записанъ, между прочимъ, указъ 1722 года 2-го мая: „Въ пѣвчіе соборной церкви, которые называются синодальными, никого отнынѣ безъ полученія отъ Синода указа и безъ апробаціи не принимать, но, по учиненной въ Синодѣ апробаціи, требующихъ въ оный пѣвческій чинъ опредѣленія отсылать для надлежащаго въ дѣйствительномъ пѣнія знаніи свидѣтельства къ уставщику его императорскаго величества пѣвчихъ Василію Евдокимову, и опредѣлять оныхъ, которые тѣмъ уставщикомъ апробованы и письменно засвидѣтельствованы будутъ" [232]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряженія Синода касались и духовенства придворнаго. Такъ 1741 года мая 11-го Синодъ писалъ Сенату: „По именному его императорскаго величества, сего мая 4-го дня, указу велѣно для опредѣленія ко Двору его императорскаго величества въ уставщика, въ кіевской епархіи или въ Кіево-Печерской лаврѣ изъ монашествующихъ персонъ, или же изъ свѣтскихъ церковно служителей выбравъ, выслать въ С.-Петербургъ, на мѣсто уволеннаго къ постриженію уставщика Ѳедора Журавскаго. И во исполненіе онаго его императорскаго величества высочайшаго указа, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: о вышеписанномъ къ преосвященному Рафаилу, архіепископу кіевскому, послать его императорскаго величества указъ (и посланъ): оному же, кто въ уставщика выбранъ будетъ, до С.-Петербурга дать надлежащее число ямскихъ подводъ и на нихъ, по указамъ, прогонныя деньги и на подъемъ до С.-Петербурга отъ Кіево-губернской канцеляріи (о чемъ въ тое Кіево-губернскую канцелярію его императорскаго величества указъ изъ св. Синода посланъ же), а правительствующему Сенату, дабы о томъ оной губернской канцеляріи подтверждено было его императорскаго величества указомъ, сообщить вѣдѣніе. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по его императорскаго величества указу" [233]). Въ томъ же году, 8-го января, послѣдовалъ именной указъ Синоду: „Всемилостивѣйше указали мы бывшаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти прелюбезнѣйшей нашей бабки, ея императорскаго величества, духовника Василія Ива-

нова опредѣлить въ московскій Архангельскій соборъ въ протопопы, а обрѣтающемуся въ томъ соборѣ протопопу Ивану Семенову быть, по прежнему, въ Рождественскомъ соборѣ. И повелѣваемъ оному Синоду учинить о томъ по сему нашему указу". Того же января 29-го Императорскій Кабинетъ получилъ отъ Синода увѣдомленіе, что, „во исполненіе онаго его императорскаго величества именнаго указа, св. Синодомъ опредѣлено: означеннаго священника Василія Иванова въ помянутый соборъ въ протопопа произвесть по церковному чиноположенію, который сего генваря 14-го дня и произведенъ и, по приводѣ къ присягѣ, въ Москву съ паспортомъ отпущенъ, и для надлежащаго вѣдома и немедленнаго обрѣтающагося нынѣ въ Архангельскомъ соборѣ протопопа Іоанна Семенова, по прежнему, въ Рождественскій соборъ переведенія въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію вѣдѣніе сообщено, а Кабинету его императорскаго величества во извѣстіе отъ св. Синода симъ сообщается" [211]).

Назначеніе духовныхъ лицъ для священнослуженія при частяхъ арміи и флота также зависѣло прямо отъ Синода. При этомъ Синодъ „на подъемъ и на подводы" отправлявшимся по назначенію священнослужителямъ всегда требовалъ отъ Сената отпуска денегъ изъ спеціально на этотъ предметъ опредѣленной суммы. Такъ 5-го марта 1741 года Синодъ писалъ Сенату: „По указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ, по допошенію отъ Кіевскаго драгунскаго полка, приказали: въ оный полкъ, который нынѣ обрѣтается въ Вышнемъ Волочкѣ, отправить изъ С.-Петербурга бывшаго при церкви Вознесенія Господня священника Льва Васильева и о выдачѣ ему для подъему изъ С.-Петербурга до онаго полка и на подводы, противъ прочихъ таковыхъ же отправляемыхъ въ полки священниковъ, которымъ давано было изъ подможныхъ денегъ, собираемыхъ съ церквей полковымъ попамъ въ бывшій Синодальный Казенный приказъ, нынѣ въ вѣдомствѣ Коллегіи экономіи имѣющійся, 30 рублей, на счетъ той коллегіи доходовъ, изъ Штатсъ-конторы требовать отъ правительствующаго Сената. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по его императорскаго величества указу" [235]). Почти одновременно, въ концѣ декабря 1740 года, Синодъ получилъ отъ епископа воронежскаго Іоакима донесеніе: „извѣстно есть вашему святѣйшеству, что изъ епархіи моей въ полки для священнослуженія отправленіе священникамъ бываетъ, а на подъемъ имъ до дѣйствительнаго ихъ къ полкамъ прибытія и опредѣленія, на подводы и довольствіе ихъ потребнаго числа денегъ не дается и на таковые расходы въ домѣ моемъ суммы не имѣется. А изъ отправленныхъ въ прошлыхъ годахъ въ полки священниковъ, за не выдачею имъ подъемныхъ денегъ, понуждены въ содержаніи своемъ, до прибытія къ полкамъ, претерпѣвать крайнюю нужду: трое, въ зимнее время, отъ мраза и зимняго неспокойствія померли въ дорогѣ; соби-

раемыхъ же въ епархіи моей полковымъ попамъ на подъемъ гривенныхъ денегъ на таковые расходы держать собою не смѣю, ибо оныя ежегодно отсылались въ Синодальный Казенный приказъ, нынѣ же въ Коллегію экономіи. А по таковой крайней нуждѣ, отправляемымъ въ полки священникамъ подъемныя деньги давать необходимо потребно, ибо имъ безъ того обойтися весьма не возможно. Того ради, по благоразсмотрѣнію вашего святѣйшества, не соизволено-ль будетъ изъ собираемыхъ въ епархіи моей полковымъ попамъ гривенныхъ денегъ въ Коллегію экономіи изъ дома моего отсылку чинить точію то число, что за употребленіемъ въ дачу священникамъ, отъ епархіи моей въ полки отправляемымъ, оставаться будетъ, а всю сумму отсылать тогда, ежели когда такого отправленія не случится". Синодъ, получивъ такое донесеніе, поспѣшилъ сообщить его Сенату, „съ таковымъ своимъ разсужденіемъ: что о требуемыхъ его преосвященствомъ деньгахъ необходимо надлежитъ учинить по представленію его преосвященства, ибо безъ того отправляемымъ въ полки священникамъ пробыть всекопечно не возможно, къ тому же и деньги оныя подлежатъ на таковые расходы, а не другихъ каковыхъ суммъ, и требовать, дабы отъ правительствующаго Сената соблаговолено было Коллегіи экономіи опредѣлить о томъ указомъ и святѣйшій правительствующій Синодъ увѣдомить. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по его императорскаго величества указу". Вслѣдствіе этого, въ Сенатѣ, 16-го іюля 1741 года, состоялось опредѣленіе, что Сенатъ согласенъ съ разсужденіемъ Синода, и въ этомъ смыслѣ отъ Сената послано было предписаніе Коллегіи экономіи [235]). Во флотѣ Синодъ опредѣлялъ священниковъ по преимуществу изъ монашествующаго духовенства. Въ маѣ 1741 года Главная кронштадтская контора надъ портомъ представила въ Адмиралтейскую коллегію донопеніе, что „сего 1741 года въ кампанію на корабли и фрегаты и прочія военныя суда, по штату, надлежитъ быть іеромонаховъ 25, а нынѣ при Кронштадтѣ имѣется на лицо два, надобно въ добавку 23 человѣка, да въ галерную эскадру, по комплекту, надлежитъ поповъ три, и того потребно 26". Вслѣдствіе чего Адмиралтейская коллегія опредѣлила: „въ святѣйшій правительствующій Синодъ взнесть донопеніе и требовать, дабы оные іеромонахи и бѣлые священники, для опредѣленія въ кампанію, когда потребны будутъ, присланы были въ Адмиралтейскую коллегію въ непродолжительномъ времени, которые жалованьемъ и въ прочемъ удовольствованы быть имѣютъ по указамъ". Подтвержденіемъ сказаннаго служитъ и слѣдующая промеморія домовой архіерейской канцеляріи архіепископа архангелогородскаго въ архангелогородскую контору надъ портомъ, отъ 5-го іюня 1741 года: „Сего іюня 5-го дня, въ присланной въ домовую канцелярію изъ оной конторы промеморіи объявлено: въ прошедшихъ-де апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ сего года, по посланнымъ изъ той конторы въ оную

канцелярію промеморіямъ требовано, чтобъ для кампаніи сего 1741 года на отправляющіеся отъ здѣшняго къ Кронштадтскому порту три корабля и два фрегата присланы были іеромонахи съ надлежащею къ служенію потребою, сего іюня къ 1-му, да на два жъ 66-ти пушечные корабля іюля къ 1-му числамъ, которыхъ-де и понынѣ не прислано, и дабы оные присланы были въ самой скорости. А по справкѣ въ реченной домовой преосвященнаго архіепископа канцеляріи, вышеобъявленныхъ, посланныхъ изъ опой конторы надъ портомъ двухъ промеморій въ полученіи не имѣется, точію прошедшаго мая 7-го числа нынѣшняго года присланъ изъ св. правительствующаго Синода къ преосвященному архіепископу указъ, по которому велѣно на означенные корабли, къ наличному одному, изъ епархіи преосвященнаго архіепископа отправить трехъ, а изъ устюжской трехъ же іеромонаховъ, и по тому его императорскаго величества указу, по опредѣленіямъ преосвященнаго архіепископа, изъ домовой канцеляріи къ прежде опредѣленному прошлаго 1739 года іеромонаху Сераніону на показанные корабли и фрегаты опредѣлены въ іеромонахи Сильвестръ Барутовичъ, Паисій Веркольскій, Рафаилъ Краспогорскій, которые при сей промеморіи въ ту контору надъ портомъ съ надлежащею къ служенію потребою и посылаются". Архангелогородская контора надъ портомъ съ своей стороны сдѣлала такое распоряженіе: „означенныхъ присланныхъ іеромонаховъ расиредѣлить по кораблямъ, а именно: Сераніона на *Лаферлъ*, Сильвестра Барутовича — на *св. Пантелеймонъ*, Паисія Веркольскаго — на *св. Иракій*, Рафаила Краспогорскаго —на фрегатъ *Меркуріусъ*, и о пріемѣ ихъ на тѣ корабли къ командующимъ отъ флота капитанамъ послать указы" [237]).

Непосредственно же Синодомъ вѣдалось православное духовенство въ Шведской Корелии и въ Бѣлоруссіи, какъ это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. 24-го іюня 1741 года Императорскій Кабинетъ положилъ: „Поданное изъ святѣйшаго Синода сообщеніе о жалованьѣ обрѣтающимся въ Шведской Корелии Либецкаго и Ломанскаго погоста священнику Осдору Софронову съ причетники отдать обратно въ св. Синодъ, чтобъ представили со мнѣніемъ: какое онымъ священнику и причетникамъ жалованье опредѣлить и въ коликомъ числѣ церковному причту быть надлежитъ" [238]). — Въ 1739 году Синодъ, вслѣдствіе прошенія епископа „бѣлорусской епархіи" Іосифа, ходатайствовалъ въ Сенатѣ о скорѣйшей высылкѣ ему въ Вильну опредѣленнаго жалованья, „чтобы онъ, преосвященный, яко въ чужомъ государствѣ иностранный, не претерпѣвалъ съ домовными своими въ содержаніи крайняго оскудѣнія" [239]). — 9-го іюля 1740 года Синодъ послалъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ указъ: „Въ нынѣшнемъ 1740 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, пріѣзжалъ сюда Великаго княжества Литовскаго, города Вильны, православнаго монастыря Сошествія св. Духа старшій іеромонахъ Іеронимъ Волчанскій, для прошенія по жалованнымъ гра-

мотамъ милостынной на тотъ монастырь дачи, которую и получилъ, и нынѣ желаетъ возвратиться въ Вильну, во оный монастырь, по прежнему. Того ради, по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію св. правительствующаго Синода, велѣно о дачѣ оному старшему іеромонаху Іерониму Волчанскому, при немъ іеромонаху Гедеону, іеродіакону Исакію, служителю Ивану Яблонскому, для свободнаго изъ Россіи до онаго города Вильны проѣзда, паспорта во оную коллегію послать указъ. И Коллегіи иностранныхъ дѣлъ учинить о томъ по ея императорскаго величества указу“ [240]).

Остается привести свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Синода по отношенію къ духовнымъ лицамъ, выѣхавшимъ въ Россію изъ Палестины, Молдавіи и Грузіи.

Въ сентябрѣ 1740 года Императорскимъ Кабинетомъ сдѣланъ былъ Синоду запросъ о размѣрѣ жалованья, выдававшагося палестинскому митрополиту Арсенію, и Синодъ, по справкѣ, сообщилъ кабинетъ-министрамъ: „Въ 1718 году къ его императорскому величеству пріѣхалъ въ Москву изъ Голландіи палестинскій Оливандскій митрополитъ Арсеній съ служители. Его императорскаго величества жалованья опредѣлено ему съ служители давать, для бытія ихъ въ Москвѣ, кормовыхъ по рублю на день, и то жалованье ему выдано на 1721 годъ. А въ 1721 году его императорское величество пожаловалъ его, Арсенія, митрополита Оливандскаго, по челобитью его, велѣлъ ему давать своего императорскаго величества жалованья, кормовыхъ, передъ прежнимъ съ прибавкою, когда будетъ въ С.-Петербургѣ—по 2 рубля, а въ Москвѣ—по рублю по 50 коп. на день. И по тому его императорскаго величества указу, опое жалованье ему, митрополиту, выдавано по 1726 годъ изъ положенныхъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ денегъ на дачу пріѣзжимъ изъ Палестины духовнымъ особамъ, а на 1726 годъ изъ Каморъ-конторы синодальнаго правленія А съ 1727 года, по опредѣленію святѣйшаго Синода, велѣно ему, митрополиту, помянутое жалованье давать изъ положенной на дачу пріѣзжимъ изъ Палестины духовнымъ особамъ пятитысячно-рублевой суммы изъ Коллегіи экономіи или изъ Каморъ-конторы синодальнаго правленія, по ассигнаціямъ каморъ-коллежскимъ. А съѣстныхъ и прочихъ припасовъ въ дачѣ ему не было. А въ прошломъ 1735 году оная пятитысячно-рублевая сумма, по именному ея императорскаго величества, за подписаніемъ ея императорскаго величества собственныя руки, указу, опредѣлена на дачу, по учиненному штату, духовнымъ палестинскимъ персонамъ вся безъ остатка“ [241]). — Въ томъ-же году, по указу императрицы Анны Іоанновны, управленіе черниговскою епархіею было поручено Синодомъ молдавскому митрополиту Антонію [242]). — Въ январѣ 1738 года грузинскому архимандриту Николаю „по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію святѣйшаго правительствующаго Синода, велѣно быть въ Москвѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ въ архимандр-

ритіи“ [243]).—Въ то же время архіепископу самобѣльскому и цыркальскому (грузинскому) Іосифу, какъ „новгородской епархіи адъютору и Юрьева монастыря архимандриту“, по представленію Синода, высочайше повелѣно „до подлиннаго опредѣленія“ жалованья (ему и на его служителей) давать изъ Новгородскаго архіерейскаго дома по 400 р. и хлѣба—муки ржаной по 100 четвертей въ годъ, а прочихъ припасовъ „по росписанію и опредѣленію“ тогдашняго новгородскаго архіепископа Ѳеофана: муки пшеничной 10 четвертей, крупчатой 6 пудовъ, ячной 6 четвертей, овсяной 3 четверти въ годъ—изъ доходовъ архіерейскихъ вотчинъ, а рыбу, масло, кислыя щи и огородные овощи, также коровъ и лошадей и на нихъ фуражъ—изъ Юрьева монастыря, гдѣ и жить ему по прежнему. Въ 1740 году архіепископъ Іосифъ, по представленію Синода, былъ переведенъ для служенія въ Москву. 3-го октября этого года состоялась въ Императорскомъ Кабинетѣ резолюція: „о бытіи оному архіепископу Іосифу для служенія въ Москвѣ Кабинетъ ея императорскаго величества съ разсужденіемъ св. Синода согласны, и опредѣлить его тамо въ монастырѣ архимандритомъ, въ который св. Синодъ за потребно разсудитъ; жалованье ему и на обрѣтающихся при немъ служителей давать изъ Коллегіи экономіи, по 500 рублей въ годъ, а прочіе припасы получать ему изъ монастыря, въ который онъ будетъ опредѣленъ, какъ настоящему архимандриту надлежитъ“. По этой резолюціи преосвященный Іосифъ былъ опредѣленъ архимандритомъ въ московскій Знаменскій монастырь [244]).

III.

Дѣятельность Синода по охраненію догматовъ православной церкви и его попеченіе объ исполненіи православными религіозно-нравственныхъ обязанностей.—Дѣйствія Синода по распространенію православія между иновѣрцами.

Заботясь о сохраненіи въ чистотѣ догматовъ православія, верховная власть, указомъ 13-го ноября 1740 года, поручила Синоду „смотрѣть, дабы въ наставленіи народа въ законѣ Божіемъ, какъ о томъ въ Духовномъ регламентѣ напечатано, не отмѣнно поступано было“, и „крайнѣйше смотрѣть и стараться..., чтобъ во всѣхъ мѣстахъ имперіи нашей святыя церкви снабдены были достойными и искусными священники, которые бъ не токмо божественныя заповѣди и преданія апостольскія и соборныя знали и вѣдали, но при томъ бы были люди добрые, учительные и благочестнаго, трезваго и добродѣтельнаго житія, рачительные о спасеніи душъ человѣческихъ; и дабы впредь въ такихъ достойныхъ, законъ Божій знающихъ священникахъ къ ученію и наставленію повѣренныхъ имъ овецъ недостатку быть не могло, того ради“ и проч. Такое распоряженіе верховной власти, въ описываемое

время, было необходимостью: невѣжество народной массы, съ одной стороны, и недостатокъ въ „учительныхъ“ пастыряхъ, съ другой, поддерживали въ народѣ расколъ, суевѣріе и языческіе обычаи и порождали ереси.

Къ царствованію Іоанна Антоновича расколъ широко распространился по Руси и уже почти не крылся отъ взоровъ верховной власти, платя ей за себя деньги. Онъ угнѣздился въ разныхъ пунктахъ, гдѣ образовались безопасные центры раскольничьей жизни, откуда, какъ изъ разсадниковъ, разносились по русской землѣ раскольничьи заблужденія. Въ этихъ центрахъ прививали и воспитывались расколоучители, которые, наэлектризованные религіознымъ фанатизмомъ или тщеславіемъ и жаждой корысти, или въ темный, алчущій духовнаго просвѣщенія народъ, или скрытыми путями и настойчиво предлагали ему свои вѣроизмѣненія, обѣщая выгоды временныя и вѣчныя. И эта пропаганда дѣлала свое дѣло весьма успѣшно.—Для искорененія раскола верховная власть всегда принимала энергическія и нерѣдко весьма крутыя мѣры. И въ описываемое время, указомъ 13-го ноября 1740 г., Синоду повелѣно было „неусыпное радѣніе и стараніе“ имѣть и „о раскольникахъ, невѣжествомъ своимъ церкви святой противляющихся, чтобъ они увѣщаніемъ и наставленіемъ въ благочестіе и соединеніе святой церкви обращены были, какъ о томъ ... въ прежнихъ указѣхъ, которые чрезъ сіе подтверждаются, пространно изображено“. Въ силу такой инструкціи, Синодъ продолжалъ вести борьбу съ расколомъ, и вотъ въ чемъ выразилась эта сторона его дѣятельности. Издавая форму единообразной присяги для священно-служителей, Синодъ счелъ нужнымъ помѣстить въ ней слѣдующую клятву: „къ тому же кляпуся, что должность и по должности хощу и всячески тщатися буду, по хиротоніи во священство (или будучи во діаконствѣ) въ приходѣ моемъ тайныхъ раскольниковъ, чрезъ удаленіе ихъ отъ святыя евхаристіи или чрезъ иныя которыя примѣты, накрѣпко смотрѣть, и аще бы таковые явиться могли, ни за каковые отъ нихъ дары или посулы укрывать и таить не буду; но какъ оныхъ раскольниковъ со всякимъ обстоятельствомъ письменно представлять, гдѣ надлежитъ, всемѣрно потщуся, также въ книгахъ исповѣдающихся и св. Таинъ причащающихся, закрывая ихъ злов҃ріе, съ правов҃рными христіанами писать не стану. Къ сему же всѣ раскольническіе разные толки съ лжестарцами, называющимися учителми и лживыми попами и діаконами, и мірскими, аще въ покаяніе не пріидутъ и ко святѣй православной каоолической церкви обратиться не восхотятъ, вся ихъ согласія суемудренная проклинаю и анаѳемѣ предаю“ [245]). Это мѣропріятіе Синода направлено было къ открытію раскольниковъ повсемѣстно, среди прихожанъ. Но, какъ сказано выше, раскольники сгруппировались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи,— сюда направлялъ Синодъ, для изслѣдованія раскола и для обращенія раскольниковъ, или отдѣльныхъ лицъ, или цѣлыя коммиссіи. Такъ въ

раскольничьи центры—Ворлоозерскій погостъ и Выгорѣцкую пустынь, Олонецкаго уѣзда. Синодомъ была послана для слѣдствія особая коммиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Снаряженіе этой коммиссіи началось еще въ 1738 году. 9-го октября Синодъ сообщилъ Сенату, что „о всѣхъ Ворлоозерскаго погоста и о выгорѣцкихъ пустынникахъ и окрестъ ихъ жителей обоего какъ мужеска, такъ и женска пола людяхъ, не минуя малолѣтнихъ до семилѣтняго возраста (Синодомъ опредѣлено) изслѣдовать въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, а по раскольническому названію скитахъ, мужескихъ и женскихъ, и окрестъ того обрѣтающихся жителей, первѣе освидѣтельствовать: кто, почему, когда и откуда и въ которые скиты пришелъ и кѣмъ принятъ и почему въ скитахъ пустыножителями себя нарицаютъ, и всѣ-ль они записные раскольники и раскольницы и въ окладъ положенные“ Съ этимъ вмѣстѣ Синодъ требовалъ, чтобы къ этому слѣдствію, кромѣ назначенныхъ имъ лицъ, и отъ Сената „опредѣлена была особливая свѣтская персона“. Въ январѣ слѣдующаго 1739 года, по опредѣленію Сената и Синода, слѣдственная коммиссія „объ олонецкихъ и выгорѣцкихъ и прочихъ тамошнихъ мѣстъ раскольникахъ“ была образована и въ составъ ея назначены: отъ Сената — ассессоръ О. Т. Квашнинъ-Самаринъ, а отъ Синода -Кириллова монастыря архимандритъ Вавила и нѣсколько духовныхъ лицъ. Для конвоя, караула и посылокъ придано Квашнину Самарину, по распоряженію Сената, петербургскаго гарнизона унтеръ-офицеръ, капралъ и 12 рядовыхъ. Для руководства Синодъ далъ этой коммиссіи инструкцію. Въ мартѣ 1740 года коммиссія возвратилась въ Петербургъ, и ассессоръ Квашнинъ-Самаринъ представилъ Синоду экстрактъ изъ произведеннаго слѣдствія. Но Синодъ, усмотрѣвъ изъ отчетовъ коммиссіи, что она „по данной отъ Синода инструкціи и по указамъ надлежащаго произведенія еще не окончила“, того же марта 10-го опредѣлилъ: архимандрита Вавилу послать обратно въ Олонецъ для передачи слѣдственнаго дѣла назначенному на его мѣсто архимандриту Иверскаго монастыря Аврамію; отъ Сената же требовать, чтобы для окончанія слѣдствія отправленъ былъ или прежній членъ, Квашнинъ-Самаринъ, или „кто другой изъ свѣтскихъ персонъ“, также надлежащій конвой, и чтобы были выданы деньги на коммиссіонные расходы. Однако Сенатъ медлилъ исполненіемъ этого требованія Синода, не смотря на неоднократныя (въ мартѣ, маѣ и октябрѣ 1740 и въ январѣ 1741 года) напоминанія. Не получая отвѣта, Синодъ 18-го марта 1741 года снова обратился съ требованіемъ въ Сенатъ; причемъ заявилъ, что на мѣсто архимандрита Аврамія въ коммиссію назначенъ архимандритъ Хутыня монастыря Венедиктъ, которому на содержаніе опредѣлено кормовыхъ денегъ по 50 копѣекъ въ день, и просилъ о выдачѣ этихъ денегъ архимандриту. Сенатъ опять не далъ отвѣта. 4-го мая Синодъ повторилъ требованіе, и на этотъ разъ Сенатъ только поручилъ герольдмейстеру представить „для той посылки

изъ отставныхъ человѣка достойнаго, изъ маіоровъ или капитановъ" *). Наконецъ, Синодъ 18-го іюля 1741 года отнесся въ Сенатъ вѣдѣніемъ, въ которомъ, повторивъ всѣ прежнія по этому дѣлу требованія, настоятельно просилъ „о не продолжительномъ разсмотрѣніи о опредѣленіи въ оную коммиссію свѣтской персоны, канцелярскихъ служителей и солдатъ и на расходы денежной суммы", и вмѣстѣ съ этимъ ставилъ на видъ Сенату, что архимандритъ Венедиктъ опредѣленныхъ ему кормовыхъ денегъ не получаетъ, а изъ монастыря (Александро-Свирскаго, въ который былъ переведенъ Венедиктъ), за его скудостію, „на пропитаніе взять нечего: тамошніе обыватели ѣдятъ хлѣбъ овсяный, а гдѣ содержится коммиссія, тамъ съ коров сосновою и вахтою (травою), а купить отъ монастыря, за неимѣніемъ денегъ, не на что". И только по этому настоянію Сенатъ, почти черезъ четыре мѣсяца, именно 10-го ноября, постановилъ опредѣленіе объ исполненіи требованія Синода. Но не тотчасъ послѣдовало исполненіе сенатскаго приговора: Синодъ получилъ увѣдомленіе о немъ черезъ два мѣсяца, уже при новомъ правительствѣ. Вотъ что Сенатъ сообщилъ Синоду вѣдѣніемъ отъ 22-го декабря 1741 года: „Сенатъ, по вѣдѣнію онаго святѣйшаго правительствующаго Синода, приказалъ: 1) Для окончанія слѣдствія о олонецкихъ и выгорѣцкихъ и прочихъ тамошнихъ мѣстъ раскольникахъ быть нынѣ у того слѣдствія отставному капитану Евдокиму Языкову, котораго Новгородской губернской канцеляріи выслать въ С.-Петербургъ, во оный святѣйшій правительствующій Синодъ, на срокъ по регламенту, неотложно. 2) Для конвоя, карауловъ и посылокъ, въ команду его унтеръ-офицера, капрала и солдатъ 12 человѣкъ дать Военной коллегіи изъ здѣшняго гарнизона. 3) Для проѣзду ихъ до Олонца и до другихъ мѣстъ, гдѣ то слѣдствіе производить будутъ, давать ямскія и уѣздныя подводы съ платежемъ прогонныхъ денегъ, за ямскія — по указу, а за уѣздныя — по плакату. 4) Пока онъ, Языковъ, при томъ слѣдствіи обрѣтаться будетъ, жалованье по рангу его получать ему противъ здѣшняго гарнизона, по разсчету, помѣсячно, и на дачу ему, того жалованья и на заплату прогоновъ и на прочіе приключающіеся по той коммиссіи расходы, выдать ему, Языкову, изъ Штатсъ-конторы на счетъ Раскольнической конторы, 300 рублей, изъ которыхъ ему, Языкову, прогоны платить и жалованье получать и въ прочій расходъ употреблять, записывая въ расходъ съ росписками, на которую записку дать ему, Языкову, книгу за шнуромъ и за печатью изъ Штатсъ-конторы; а для записки тѣхъ денегъ въ расходъ—подьячаго одного изъ Герольдмейстерской конторы,

*) Къ этому же времени относится обращеніе Синода къ Сенату съ требованіемъ распоряженія о содѣйствіи коммиссіи со стороны мѣстныхъ властей — Новгородской губернской и Олонецкой воеводской канцеляріи. Это требованіе было такъ же безуспѣшно.

и тому подьячему жалованье производить по тому-жъ окладу, по чему онъ прежде, будучи у дѣлъ, получалъ, изъ вышеписанныхъ же, данныхъ ему, Языкову, на расходъ денегъ. 5) Какимъ образомъ ему, Языкову, во окончаніи того слѣдствія поступать, о томъ требовать ему инструкціи отъ святѣйшаго правительствующаго Синода, понеже и прежде бывшему при томъ слѣдствіи асессору Квашнину-Самарину инструкція дана была отъ онаго-жъ святѣйшаго правительствующаго Синода. 6) Когда онъ, Языковъ, то слѣдствіе окончаетъ и возвратится въ С.-Петербургъ, тогда данную ему команду отдать по прежнему въ Военную коллегію, а записную расходную книгу и остаточныя деньги—въ Штатсъ-контору, гдѣ его, Языкова, въ тѣхъ деньгахъ счесть по указу и съ того счета для вѣдома и возврата денегъ сообщить въ Раскольническую контору вѣрную копію: а что онъ, будучи при томъ слѣдствіи, учинитъ, о томъ ему подать въ Сенатъ рапортъ. И святѣйшій правительствующій Синодъ о вышеписанномъ да благоволитъ быть извѣстенъ и учинить по ея императорскаго величества указу; а въ Военную коллегію, въ Новгородскую губернскую и Ямскую канцеляріи, въ Штатсъ и въ Раскольническую конторы указы изъ Сената посланы“ [2]) —Въ то же время Синодъ принималъ мѣры къ подавленію раскола, развившагося въ Сибири, на тамошнихъ заводахъ, въ особенности на заводахъ Демидова. Въ 1738 году, по резолюціи Кабинета, отправлены были Генералъ-бергъ-директоріумомъ въ Сибирь, на заводы Демидова, Осокина и другихъ, офицеры для переписи бывшихъ тамъ раскольниковъ и обложенія ихъ двойнымъ окладомъ. Затѣмъ, въ августѣ 1740 года, Сенатъ опредѣлилъ: послать на эти заводы особаго штабъ-офицера для повѣрки, всѣ-ли раскольники были включены въ эту перепись и обложены двойнымъ окладомъ; а отъ Синода требовать, „чтобъ о увѣщаніи тѣхъ раскольниковъ ко обращенію ко святой церкви въ сибирской епархіи опредѣленныя къ тому духовныя персоны имѣли прилежное стараніе—въ тое епархію подтверждено было наикрѣпчайшими указами. Когда-же оныя духовныя персоны будутъ, для проѣзду отъ мѣста до мѣста, требовать подводъ, оным сибирскому губернатору давать по разсмотрѣнію безъ излишества, а прогонныя деньги по указу выдавать на тѣ подводы изъ наличныхъ на счетъ Раскольнической конторы“. Въ томъ же мѣсяцѣ Сенатъ получилъ отъ Синода увѣдомленіе, что имъ положено: „для увѣщанія обрѣтающихся въ Сибири, на Невьянскихъ и прочихъ дворянина Демидова, такожъ и Осокина заводахъ и другихъ тамошней епархіи мѣстахъ, раскольниковъ ко обращенію ихъ къ церкви святѣй, искусныхъ къ тому духовныхъ персонъ отправить преосвященному Никодиму, митрополиту тобольскому и сибирскому, съ надлежащими,—дабы они въ томъ поступали съ достодолжнымъ тщаніемъ и вѣрностію, какъ о томъ Духовнымъ регламентомъ и ея императорскаго величества указами повелѣно,—инструкціями, и сколько ихъ попыпѣ къ церкви обратились, именную вѣдомость

прислать въ Синодъ и впредь о увѣщаніи ихъ его преосвященству поступать, какъ о томъ прежде посланнымъ изъ святѣйшаго Синода къ бывшему Антонію, митрополиту тобольскому, мая отъ 20-го дня сего года повелѣно". Распоряженія эти, однако, не достигли цѣли. Въ 1741 году (въ августѣ — сентябрѣ) митрополитъ сибирскій Никодимъ сообщилъ Синоду, что имъ посланы были для увѣщанія раскольниковъ —въ ближніе къ Тобольску заводы (Невьянскій, Бынюговскій, Тагильскій, Вымскій, Черноисточинскій, Шайтанскій и Уткинскій) тобольскаго Троицкаго собора протопопъ Иванъ Соболевъ, а въ дальніе заводы (Колывано-Воскресенскіе) тамошній священникъ Борисъ Даниловъ; и протопопъ Соболевъ донесъ ему, митрополиту, что онъ, протопопъ, прибывъ на демидовскіе заводы, назначеннаго отъ Сената штабъ-офицера тамъ не нашелъ и принужденъ былъ безъ него „во увѣщаніе означенныхъ раскольниковъ вступить и, елико могъ, къ обращенію ихъ къ святѣй церкви трудился, но увѣщевать-де никого не могъ, и обращеніе ихъ, аще рукою высокою и страхомъ принуждены къ тому не будутъ, по ихъ упрямству, не чаятельно": на увѣщанія его, протопопа, раскольники отвѣчали одно: учителей мы у себя никакихъ не имѣемъ, а въ великороссійскую церковь не идемъ за сумнѣніемъ, что внесены въ нее новоизданныя книги"; а между тѣмъ,— продолжалъ протопопъ,— „всякія у нихъ духовныя требы исполняютъ по старопечатнымъ книгамъ скитающіеся у нихъ священники, а именъ тѣмъ священникамъ и откуда они и гдѣ именно скитаются и старопечатныя книги у нихъ-ли, раскольниковъ, имѣются или у оныхъ скитцевъ, и колико, и какія — того ничего не показано"; и такимъ увѣреніямъ раскольниковъ „вѣрить не можно, понеже-де въ ихъ отвѣтственныхъ сказкахъ, во первыхъ, показуется не правда, что якобы они учителей никакихъ у себя не имѣютъ, а всякія у нихъ духовныя требы исполняютъ по старопечатнымъ книгамъ скитающіеся у нихъ священники, которыхъ они не показывая именъ и прочаго объ нихъ требуемаго къ ясному изъявленію увѣдомленія, только единымъ безъимяннымъ назначеніемъ заключая рѣчь свою, показываютъ хитростію лукавою прикровенно, знатно, что тѣ скитники у нихъ пребываютъ во укрывательствѣ не отлучно и сущіе ихъ раскольническіе учители съ имѣющимися при нихъ раскольническаго суемудрія книгами, и аще оное ихъ суевѣріе благоразсмотрительнымъ опредѣленіемъ пресѣчено не будетъ, то могутъ впредь употреблятися у нихъ оныя суевѣрствія и къ большему размноженію, отъ чего есть не безопасность, дабы кто изъ сущихъ отъ простаго народа христіанъ, по близости къ нимъ живущихъ, привлечены въ ихъ суевѣріе по хитростноплетеннымъ ихъ наговоркамъ не были". Получивъ такое доношеніе сибирскаго митрополита, Синодъ, въ сентябрѣ 1741 г., послалъ Сенату вѣдѣніе: такъ какъ „нарочно опредѣленный (Сенатомъ) для переписи раскольниковъ штабъ-офицеръ не точію и понынѣ въ тѣ заводы не бывалъ, но и слуху

тамо о прибытіи его нѣтъ извѣстія, то о тѣхъ въ вѣдомствѣ Демидова на всѣхъ его заводахъ обрѣтающихся раскольникахъ противъ того-жъ соблаговолено было учинить, какъ и о присланныхъ въ Сибирь для разсылки въ монастыри изъ Екатеринбурга отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Татищева раскольникахъ-же высочайшимъ 1737 года на поданномъ отъ Синода докладѣ указомъ учинить повелѣно, то-есть, чтобъ ихъ на заводахъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, сдѣлавъ для того ихъ содержанія особливые дворы съ высокимъ тыномъ, и о томъ, къ кому надлежитъ, посланы были крѣпкіе указы, ибо ежели они, раскольники, не будутъ въ такомъ крѣпкомъ содержаніи, то отъ нихъ крайняя и не минуемая будетъ опасность, что многіе изъ правовѣрныхъ простыхъ людей раскольнической ихъ прелести отъ ихъ злаго ученія будутъ послѣдователи, и такъ не малая въ душахъ христіанскихъ тщета въ церкви святой можетъ статися; а о показанныхъ раскольническихъ попахъ Никитѣ и Иванѣ, подлинно-ль, и когда, и гдѣ они померли и погребены, и оставшіеся отъ нихъ старопечатныя и прочія раскольническаго ихъ лжеученія книги и рукописные тетради и свитки, по ихъ раскольническому суемудрію на утвержденіе прелести ихъ обыкновенно у нихъ бываемые, да попы-жъ Аврамій, Максимъ, монахи Илья, Іона гдѣ нынѣ подлинно имѣются, и кто же у нихъ, раскольниковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ поповъ и монаховъ, другіе прелести ихъ учители литургисуютъ, младенцевъ крестятъ, брачущихся вѣнчаютъ, исповѣдываютъ, причащаютъ, мертвыхъ погребаютъ, опредѣливъ отъ духовной команды духовную, отъ свѣтской же свѣтскую, надежныхъ и къ тому дѣлу достойныхъ двухъ персонъ, изслѣдовать помянутыми раскольники, и тѣхъ и другихъ раскольническихъ учителей и скитающихся поповъ, которыхъ имянъ не показываютъ, на нихъ взыскивать накрѣпко, разспрашивая всякаго порознь, со всякимъ испытаніемъ, не льстясь ни на какіе ихъ дары и посулы, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго за то осужденія; и вышеречепныхъ скитниевъ, лжеучителей ихъ, а особливо вышепоказанныхъ поповъ и монаховъ, сыскавъ, накрѣпко спрашивать: а) гдѣ кто изъ нихъ и отъ какихъ родителей родился, б) какого прежде вступленія въ расколъ былъ чина, и ежели онъ попъ кѣмъ, и гдѣ, и когда посвященъ, и како, и для чего, и давно ль отъ церкви своея отбылъ, а буде не посвященный, для чего священная дѣйствовать дерзаетъ, в) давно-ль онъ въ расколѣ и кѣмъ къ тому приведенъ и наученъ, г) у кого сколько обоего пола младенцевъ окрестилъ и кого гдѣ перекрещивалъ, исповѣдывалъ, причащалъ и чѣмъ, и гдѣ то получалъ, и кого жъ брачившихся вѣнчалъ и гдѣ кого погребалъ, и совершенно о томъ изслѣдовавъ, всѣхъ таковыхъ учителей, которые таковое чинили святотатство, дѣйствуя то, что единымъ отъ православныхъ архіереевъ хиротонисаннымъ священникамъ надлежало, отдать подъ накрѣпчайшій арестъ, заклепавъ въ ручныя и ножныя

желѣза, и содержать подъ тѣмъ арестомъ до указу въ самыхъ крѣпкихъ мѣстахъ, никого и ни для чего къ нимъ ни съ чѣмъ отнюдь не допуская: а которые учители ихъ никакого священнодѣйствія чинить не дерзали, и кто изъ нихъ явятся попы, архіереями посвященные, тѣхъ, лишивъ священства ихъ, для учиненія имъ указа, по содержанію прежде состоявшихся томъ указовъ, и ссылки на галеры отослать, на собственномъ ихъ и учениковъ ихъ коштѣ, куда надлежитъ, къ свѣтскимъ командирамъ, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе описать и отдать опое въ Тобольскую губернскую канцелярію съ надлежащими квитанціями: а имѣющіеся при нихъ, такъ же и у другихъ вышепоказанныхъ Невьянскихъ заводовъ жителей и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ у обывателей у кого сыскаться могутъ, всякіе старопечатныя раскольническаго ученія книги и рукописныя тетради и письма и свитки, отобравъ и осмотрѣвъ и описавъ, прислать съ своею описью въ святѣйшій Синодъ на ихъ раскольническомъ коштѣ; а ежели у кого изъ тѣхъ тетрадѣхъ или свиткахъ, какъ и въ недавно присланномъ въ святѣйшій Синодъ, при означенномъ Тобольскаго архіерейскаго дома дошношіи, раскольническомъ свиткѣ явилось (который изъ святѣйшаго Синода въ Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ сообщенъ), обрящется какая важность и безъизъятная на все россійское благочестіе хула и ругательство то таковыя злодѣйственныя письмишки и тѣхъ людей, у кого найдены будутъ, подъ самымъ же наикрѣпчайшимъ арестомъ прислать въ святѣйшій Синодъ въ самой скорости: а кто изъ вышепомянутыхъ раскольническихъ учителей куда въ свѣтскія правительства для учиненія имъ указа и ссылки на галеры, когда отосланы и которые изъ непосвященныхъ, а священнодѣйствовавшихъ, подъ крѣпкій арестъ въ содержаніе до указу отданы будутъ, о томъ въ святѣйшій Синодъ писать именно. Вышепоказанныхъ-же персонъ ко означенному слѣдованію опредѣлить въ крайней скорости, секретно, отнюдь о томъ не разглашая. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по указу; а отъ духовныхъ персонъ, чтобъ кто изъ искуснѣйшихъ и къ тому достойныхъ опредѣленъ и съ надлежащимъ изъ Тобольскаго архіерейскаго дома напутствованіемъ отправленъ былъ, къ преосвященному Арсенію, митрополиту тобольскому и сибирскому, изъ святѣйшаго Синода указъ имѣетъ быть посланъ немедленно". Вслѣдствіе такого требованія Синода, Сенатъ 10-го ноября того-же года опредѣлилъ: „По вѣдѣнію святѣйшаго правительствующаго Синода, къ слѣдствію о имѣющихся въ Сибири, на разныхъ статскаго совѣтника Демидова заводахъ, раскольникахъ сибирскому губернатору опредѣлить изъ свѣтскихъ персонъ человѣка достойнаго и потребное число приказныхъ служителей и служилыхъ людей немедленно, и въ прочемъ, что до того слѣдствія касаться будетъ, по указамъ святѣйшаго Синода и по требованію опредѣленныхъ къ тому духовныхъ персонъ, оному сибирскому губерна-

тору чинить вспоможеніе, и въ томъ послать указъ, который за отверстою печатью отослать, для отправленія туда, въ святѣйшій Синодъ: а какимъ образомъ имѣющихся въ Сибири раскольниковъ переписать и содержать, о томъ, выписавъ изъ указовъ, доложить" [247]).

—Укажемъ еще на нѣкоторыя дѣйствія Синода относительно раскольниковъ—„вѣтковцевъ". Въ 1736 году, по высочайше утвержденному „общему Сената съ святѣйшимъ Синодомъ разсужденію", раскольники села Вѣтки, Стародубскаго уѣзда, въ числѣ свыше 1000 человѣкъ, для увѣщанія ихъ къ соединенію съ православною церковью, были разосланы по монастырямъ, и Синодъ далъ епархіальнымъ архіереямъ указъ, чтобы прилагали особенное стараніе къ увѣщанію вѣтковцевъ. Но большинство раскольниковъ, въ особенности раскольницъ, были глухи къ увѣщаніямъ и оставались непреклонными въ своемъ заблужденіи: при томъ нѣкоторые изъ нихъ „чинили побѣги". Все это заставило Синодъ передавать раскольниковъ болѣе непреклонныхъ въ распоряженіе свѣтской власти, которая владѣла большими средствами для воздѣйствія на нихъ. Такъ 27-го октября 1711 года Синодъ далъ синодальному члену Амвросію, архіепископу новгородскому, указъ: „По опредѣленію святѣйшаго правительствующаго Синода, а по допошенію вашего преосвященства, велѣно обрѣтающихся въ монастыряхъ епархіи вашего преосвященства 15 раскольницъ, по довольномъ увѣщаніи къ святѣй церкви отъ своего прелестнаго и суевѣрнаго раскола не обратившихся и въ прежней замерзѣлости оставшихся и впредь ко обращенію безнадежныхъ, дабы отъ чинимыхъ ими побѣговъ неповинные не страдали, а они безъ достойнаго за упрямство свое наказанія не остались, для достодолжнаго, за ихъ святѣй церкви противности, по указамъ разсмотрѣнія и рѣшенія отослать въ Новгородскую губернскую канцелярію немедленно, съ такимъ той канцеляріи объявленіемъ, что оныхъ до кончины живота ихъ свобождать отнюдь не надлежитъ, и что тамо учинено имъ будетъ, о томъ требовать увѣдомленія. И синодальному члену преосвященному Амвросію, архіепископу великоновгородскому и великолуцкому, учинить о томъ по сему его императорскаго величества указу" [248]).

Принимая мѣры противъ раскола, Синодъ вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялъ усилія къ искорененію ересей. Въ вѣдѣніи отъ 9-го іюля 1736 г. онъ писалъ Сенату: Синодъ... „слушавъ словеснаго св. Синода первенствующаго члена преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа великоновгородскаго и великолуцкаго, предложенія, которымъ его преосвященство объявилъ: извѣстенъ-де его преосвященство учинился, что въ Москвѣ, въ Ивановскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, надъ трупомъ богомерзкаго ересеучителя Прокопья Лупкина устроено, или еще строится, гробовое зданіе, и о томъ-де его преосвященство для подлиннаго увѣдомленія и о осмотрѣ того гробоваго зданія писалъ въ Москву къ совѣтнику (московской Духовной дикастеріи) Ивану Топильскому (ко-

торый напредъ сего бывалъ при слѣствіи розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ судьею), на которое-де къ его преосвященству онъ, Топильскій, письменно-жъ отвѣтствовалъ и опись имѣющемуся надъ могилою камню прислалъ: въ томъ-же де письмѣ онъ, Топильскій, объявляетъ, что-де близъ той Лупкина могилы усмотрилъ онъ могилу жъ Ивана Суслова, о которомъ-де изъ слѣдственныхъ дѣлъ о еретикахъ извѣстно, что и онъ особливымъ ересепачальникомъ-же былъ, и надъ трупомъ-де того Суслова камень сравненъ съ землею и около его посажены яблонныя и прочія древа и огорожено рѣшеткою съ дверцами для входа въ надмогильный садецъ, и сказуютъ, что-де надъ нимъ гробница съ немалымъ украшеніемъ была, но какъ въ прошлыхъ годахъ, по указу, съ могилъ въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ гробницы и камни повелѣно сносить, тогда-де и съ того трупа зданіе снесено и камень съ землею сравненъ и надпись съ него отесана и, неподалеку отъ могилы, на стѣнѣ трапезы церковной вдѣлана, съ которой пріобщена копія-жъ: а по указамъ-де таковые трупы повелѣно за городомъ, въ поляхъ, сжечь: опый же совѣтникъ Топильскій въ сообщеномъ святѣйшаго правительствующаго Синода оберъ-секретарю Михайлу Дудину письмѣ своемъ (которое святѣйшему Синоду имъ, оберъ секретаремъ, и объявлено) объ ономъ-же Сусловѣ объявилъ: увѣдомился-де онъ Раскольнической конторы отъ секретаря Степана Алексѣева, что-де во время слѣдствія о квакерской ереси объ ономъ Сусловѣ отъ нѣкоторыхъ раскольщиковъ показано, что онъ былъ тѣхъ богопротивныхъ ересей лжеучитель и назывался богомъ; и при томъ разсуждая, что таковые ересепачальники при святыхъ церквахъ трупы свои погребать домогаются не для чего иного, точію въ показаніе таковое, яко-бы они не только не суевѣрцы, но и святости нѣкоей (какъ надгробная объ нихъ надпись лжетъ) общницы были, и во утвержденіе богопротивнаго суевѣрія своего и послѣдующихъ имъ еретиковъ и раскольщиковъ, которые тотъ церквамъ труповъ ихъ пріемъ и вмѣняютъ, якобы онъ чинится по нѣкоторому признанію, что суевѣрство ихъ не есть суевѣрство, но истинная и древняя, а не новая (какова подлинно есть) раскольническая вѣра, отъ какого ихъ плеворазсѣянія и православныхъ церкви святыя чадъ нѣкіихъ совѣстіи могутъ поколебатись; а, по справкѣ, въ Соборномъ Уложеніи, 1 главы въ 1 пунктѣ, напечатано: будетъ кто иновѣрцы какія нибудь вѣры или русскій человѣкъ возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа или на рождшую его Пресвятую Владычицу нашу Богородицу и Присподѣву Марію, или на честный крестъ, или на святыхъ Его угодниковъ, и про то сыскивати всякими сыски накрѣпко, и будетъ сыщется про то допряма, и того богохульника, обличивъ, казнить — сжечь; а оные Лупкинъ и Сусловъ не токмо были раскольники и ересеучители, но и антихристы, ибо не ужаснулись, окаяннія, а именно: Лупкинъ (какъ имѣющееся въ святѣйшемъ Сино-

дѣ изъ Углицкой провинціальной канцеляріи присланное слѣдственное дѣло являетъ) себя Христомъ, послѣдовавшихъ-же себѣ учениковъ апостолами, а вышереченный Суловъ и богомъ себя паригать, — приказали: по вышереченному святѣйшаго правительствующаго Синода первенствующаго члена преосвященнаго Феофана, архіепископа великоновоградскаго и великолуцкаго, предложенію и объявленному въ немъ совѣтника Топильскаго письменному освидѣтельствованію, учинить слѣдующее: 1) о учиненіи о трупахъ вышереченныхъ богомерзкихъ противниковъ и еретиковъ, въ Москвѣ, въ Ивановскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, въ землю закопанныхъ, надлежащаго по указамъ рѣшенія святѣйшаго правительствующаго Синода правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніе, которымъ какое объ оныхъ еретическихъ трупахъ въ правительствующемъ Сенатѣ рѣшеніе будетъ учинено, требовать, дабы о томъ святѣйшему Синоду для надлежащаго-жъ извѣстія сообщено было письменно, по обыкновенію; 2) егда объ ономъ рѣшеніи святѣйшему правительствующему Синоду изъ правительствующаго Сената письменно сообщится, тогда имѣющіяся во оном Ивановскомъ монастырѣ надъ упомянутыми оныхъ ересеначальниковъ Лупкина и Суслова трупами гробныя зданія имѣютъ быть разобраны и на каменьяхъ и церковной стѣнѣ надписи о имянахъ ихъ заглажены въ самой скорости, дабы впредь такіе богохульники и преялѣйшіи креста Христова враги, такъ же и послѣдующіе имъ раскольники къ домогательству о погребеніи при святыхъ церквахъ труповъ своихъ и чрезъ то ко утвержденію своей ереси никакой надежды имѣть не могли и не имѣли. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по ея императорскаго величества указу". Переписка по этому дѣлу тянулась слишкомъ три года и только 1-го сентября 1739 года Сенатъ опредѣлилъ: „въ Сенатскую контору послать вѣдѣніе, велѣть объявленные (въ вѣдѣніи Синода) трупы ересеучителей и еретиковъ, Прокофья Лупкина и Ивана Суслова, которые закопаны въ московскомъ дѣвичьемъ Ивановскомъ монастырѣ, по показанію обрѣтающагося въ Москвѣ, въ Духовной дикастеріи, совѣтника Ивана Топильскаго, выкопавъ чрезъ палачей и вывезши въ поле, учинить съ ними по указамъ, о чемъ и въ святѣйшій Синодъ для вѣдома сообщить" [249]).

Мѣрами къ подавленію раскола и ересей дѣятельность Синода по охраненію ученія православной церкви не ограничивалась. „По должности званія своего", онъ ратовалъ также противъ суевѣрія и нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ. 14-го мая 1741 года имъ было сообщено Сенату: „святѣйшій правительствующій Синодъ, имѣя разсужденіе, что, по именному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества, за подписаніемъ собственныя ея императорскаго величества руки, ноября 14-го дня прошлаго 1737 года указу, наикрѣпчайше святѣйшему Синоду подтверждено, чтобъ ежели гдѣ

явятся какія суевѣрія, яко въ соблазнъ многимъ происходящія, какъ паискорѣе пресѣчены и искоренены были и о недопущеніи впредь таковыхъ чинить безобразій повелѣно имѣть крѣпкое смотрѣніе, о чемъ отъ Синода во всѣ епархіи и въ прочія, куда подлѣ ло, мѣста и указы посланы. А понеже, какъ святѣйшему Синоду не б зъизвѣстно, что во многихъ благочестія россійскаго мѣстахъ, вмѣсто подобающаго христіанамъ благоговѣйнства, различная нѣкая безобразія, безчинія и суевѣрія чинятся, именно же оныя суть слѣдующія. Отъ всемірно-торжественнаго живоноснаго Христова Воскресенія дня, седмыя седмицы въ четвертокъ, иже предъ недѣлею Сошествія св. Духа, завиваютъ березки вѣнками и обвязываютъ оныя, какъ чаятельно, съ нѣкіимъ суевѣрнымъ упованіемъ, и между тѣмъ чинятъ пиршествы, скачки и пляски мужіе же и жены, а особливо въ великоторжественный Сошествія св. Духа день, который надлежитъ христіанамъ, въ воспоминаніе преславныхъ и неизглаголанныхъ чудесъ Божіихъ и великихъ Его изліянныхъ на насъ благодѣяній, препровождать со всякимъ благоговѣніемъ и веселіемъ духовнымъ, а оные безчинники, въ толь великій и святый день, вмѣсто подобающаго благоговѣнія, вышепомянутыя же березки, износя изъ домовъ своихъ, аки бы нѣкую вещь честную, съ немалымъ людства собраніемъ, провождаютъ, по подобію еллинскихъ пиршествъ, овіи въ лѣса, овіи же къ водамъ по тому жъ съ великою скачкою и пляскою (между чѣмъ можетъ быть и не безъ сквернодѣйствія) и съ нелѣпымъ крикомъ, и кои къ водамъ ходятъ, оные вѣники съ нѣкіимъ суевѣрнымъ же упованіемъ пущаютъ въ рѣки: а къ тому жъ и то еще дѣлается, что въ Москвѣ и въ нѣкіихъ знатныхъ городѣхъ и мѣстѣхъ, во время крестныхъ въ монастыри и къ знатнымъ приходскимъ церквамъ въ храмовые праздники хожденій, поставляются, въ развращеніе священному благочинію, при тѣхъ монастыряхъ и церквахъ кабаки и при томъ употребляются кулачные бои, скачки жъ и пляски, по инымъ же мѣстамъ и конское ристаніе совершается: а понеже крестохожденія бываютъ иногда случающихся ради о нужнѣйшихъ потребахъ прошеній, иногда же въ воспоминаніе бывшихъ чудесъ Божіихъ и показанныхъ къ намъ великихъ Его благодѣяній и дѣйствуется оное въ прославленіе Его божественнаго имени, а кабаки тамо поставляемые не малою суть невоздержнымъ ко всему оному причиною, и такое невоздержаніе и подозрительное кулачныхъ боевъ употребленіе въ такіе праздничные дни дѣйствуются подъ именемъ тѣхъ числъ праздниковъ, изъ чего, вмѣсто прославленія Божія, бываетъ хула и грѣхъ тяжкій, ибо и заповѣди Божіи противенъ есть сей злой обычай такъ праздничные и святые дни пьянствомъ, боемъ кулачнымъ и инымъ безчиніи и соблазньми препровождать, отъ чего явно есть, что изъ таковаго безчинія многія безвременныя къ самоубивству и чрезъ то крайне душепагубному вреду подлежащія и смерти приключаются, чему быть отнюдь не подлежитъ, ибо оная весьма еллинскихъ суть обычаевъ,

какъ то правилы помѣстнаго, иже въ Карѳагенѣ, собора показуется, а именно, въ правилѣ 60 глаголеть сице: еллинская пированія да престанутъ, своего ради безобразія, и еже многи привлачати христіаны, и во дни памяти мученикъ тому бывати. Толкованіе: отъ древнихъ обычаевъ пріемше человѣцы, еже собратися на нарочитыхъ мѣстѣхъ или при церквахъ, въ памяти святыхъ, мужи и жены сходящеся пированія творятъ и, упившеся, плящуть срамно и иная нѣкая безобразія творятъ, иже суть обычай еллинскія прелести, отселѣ ни въ священныхъ мѣстѣхъ, идѣже бываютъ памяти мучениковъ, ни на иныхъ мѣстѣхъ таковому быти правило не прощаетъ, но до конца таковое пированіе отѣкаетъ, яко многи христіаны привлачающе и ведуще въ погибель. 61-е: позорища во вся недѣли и во вся праздники не собираются. Толкованіе: всяка убо недѣля воскресеніемъ Христовымъ почтена есть и въ сіи дни Господскихъ праздниковъ свобода всѣмъ христіаномъ есть, да въ тѣ убо свѣтлые и святые дни лѣпо есть въ церковь собратися христіаномъ и въ таковыхъ честныхъ днѣхъ не подобаетъ творити позорищъ, ни конскаго ристанія, ни иного, ни коего же игралища. А при тѣхъ правилахъ въ книгѣ Кормчей такое положено изъясненіе: при 60-мъ: въ памяти святыхъ при церквахъ сходящіеся людіе на молитву пированія да не творятъ, ни игралищъ, ни боевъ, сія бо еллинска суть, а не христіанска: при 61-мъ: въ недѣльные дни и праздники Господскіе позорищъ и конскаго ристанія не творити, но токмо молитися во святыхъ церквахъ. И вышеобъявленныхъ ради важностей, вышепоказанныхъ непотребныхъ дѣйствамъ, не токмо для совѣсти, но что и иноплеменнымъ къ нареканію на россійское благочестіе подаютъ оныя, яко законнаго ко извиненію вина словія отнюдь не имѣющія, весьма крайнюю причину, конечно надлежитъ быть пресѣченнымъ, дабы такое безобразіе, подъ именемъ церковныхъ церемоній содержащееся, и такое прославленіе Божія имени, яко въ хулу превращаемое, престало. Того ради, къ пресѣченію вышеозначенныхъ закону Божію и святыхъ отецъ правиломъ и его императорскаго величества указомъ противныхъ и непотребныхъ дѣлъ и происходящихъ изъ того суевѣрій и прочихъ нелѣпыхъ употребленій, приказали: правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніе, что, по разсужденію святѣйшаго Синода, надлежитъ вышепоказанное, чрезъ полиціймейстерскія канцеляріи и отъ нихъ учрежденныя полиціи, въ Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ отнынѣ чинить накрѣпко воспретить, понеже, сихъ ради богопротивныхъ дѣлъ (якоже въ посланіи св. апостола Павла къ Ефесеомъ, въ главѣ 5 й, изображено), грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокорливые; а ежели, за таковымъ воспрещеніемъ, впредь гдѣ кто въ вышепоказанныхъ душепагубныхъ по улицамъ и въ другихъ мѣстѣхъ дѣйствіяхъ явятся, таковыхъ суевѣрцовъ и безчинниковъ ловить и, по допросамъ, о достойномъ за таковое закону Божію, св. отецъ правиламъ и его императорскаго

величества указомъ противное и душевредное дѣйство употребленіе наказаній поступать отъ тѣхъ полицій, какъ указы повелѣваютъ, безъ всякаго упущенія, и оные злообразные поступки, какъ возможно, съ крайнимъ смотрѣніемъ, повсюду искоренять и до того, по крайней возможности и по должности полиціи, не допущать: а св. правительствующему Синоду, что гдѣ кому за таковые изъ оныхъ противныхъ закону Божію и указомъ поступки учинено будетъ, присылать помѣсячно надлежащіе репорты, и дабы о томъ и чтобъ въ помянутые крестохожденія дни при монастырях и церквахъ кабаковъ, доколѣ со кресты отъ тѣхъ монастырей и церквей къ своему мѣсту не возвратятся, поставляемо не было, отъ драг. Сената Главной Полиціймейстерской канцеляріи и во всѣ губерніи и провинціи подтверждено было его императорскаго величества наикрѣпчайшими указы. И прав. Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по его императорскаго величества указу". -Къ мѣрамъ того же характера относится распоряженіе, чтобы епархіальные архіереи, —на которыхъ возлагалась ближайшая обязанность искоренять суевѣріе, — предетавляли въ Синодъ, чрезъ каждые 6 мѣсяцевъ, вѣдомости „о суевѣріи и кликушахъ" [250]).

Синоду, какъ высшему блюстителю православія, именнымъ указомъ 13-го ноября 1740 года было подтверждено, между прочимъ, „прилежное попеченіе имѣть, дабы во всемъ нашемъ государствѣ нелицемѣрный страхъ Божій и благочестіе сохраняемо и по уставамъ церковнымъ отправляемо и въ пріобщеніи святыхъ Таинъ и прилежномъ присутствіи и благочинномъ поведеніи при службахъ Божіихъ, по прежде публикованнымъ блаженнѣйшія и вѣчнодостойнѣйшія памяти любезнѣйшей государыни нашей бабки указомъ и регламентамъ, неотмѣнно поступлено было". Въ силу этого указа, Синодъ имѣлъ особенное попеченіе о неуклонномъ исполненіи православными важнѣйшаго христіанскаго долга—исповѣди и причащенія св. Таинъ. Въ описываемую эпоху дѣятельность Синода по этому предмету составляла только продолженіе его дѣятельности за предыдущее время, и вотъ по какому поводу и какъ получила она начало. 4-го февраля 1737 года Синоду данъ былъ именной указъ: „Понеже свягѣйшему Синоду извѣстно есть, колико многими указами въ народѣ публиковано и подтверждено, чтобъ всѣ ея императорскаго величества вѣрные подданные, святыя восточныя каѳолическія церкви по должности христіанскаго закона, по вся годы исповѣдывали грѣхи свои и пріобщались, а кто за какою либо грубостію или лѣностію того исполнять не будетъ, съ такихъ брать штрафы. Но по тѣмъ всѣмъ прежнимъ указамъ весьма слабо поступано и не токмо Синодъ о исповѣдывавшихся, такъ же и о взятіи штрафовъ съ неисповѣдывавшихся былъ извѣстенъ, но и въ епархіяхъ архіереи ни о единомъ годѣ чистой отповѣди не дали и впредь дать не могутъ, для того что за подчиненными своими, какъ по ихъ обѣщанію не токмо въ томъ, но и въ

прочихъ всѣхъ духовныхъ обрядахъ, быть бы надлежало, не смотрятъ и своихъ подчиненныхъ за лѣность и пренебреженіе званія своего не наказываютъ и, какъ имъ наилучше поступать надлежитъ, не наставляютъ; и отъ такого ихъ, самихъ начальниковъ, закона христіанскаго и правилъ святыхъ отецъ нехраненія, многіе ея императорскаго величества подданные, противо закона Божія, въ различные грѣхи впадаютъ. Того ради паикрѣпчайше повелѣваемъ, чтобъ всѣ нашего императорскаго величества вѣрные подданные, исповѣданія святыя восточныя каѳолическія вѣры, во время наступающей святой Четыредесятницы, исповѣдывались и причащались святыхъ Таинъ: а ежели кто, по какой либо страсти или лѣности сіе пренебрегать будутъ, о таковыхъ какъ отцамъ ихъ духовнымъ, такъ и тѣхъ приходовъ священникамъ наблюдать и между собою сношеніе имѣть, чтобъ о всѣхъ бывшихъ въ ихъ приходахъ обывателяхъ, кто изъ нихъ исповѣдывались или нѣтъ, были извѣстны, и для того велѣть имъ о мужескомъ и женскомъ полѣ, какъ о престарѣлыхъ, такъ и средновѣчныхъ, даже до сущаго младенца, по чинамъ у себя имянныя росписи съ лѣтами, въ которыхъ, по прошествіи той святой Четыредесятницы, противъ всякаго имени отмѣтить, кто исповѣдывался и пріобщался святыхъ Таинъ и кто того не сподобился, по совѣту-ли отцовъ своихъ духовныхъ или за какою своею тѣлесною немощіею: и, сочинивъ такія росписи, подать своихъ епархій архіереямъ, изъ которыхъ въ епархіяхъ сдѣлать подлинныя и перечневыя вѣдомости какъ о мужескомъ, такъ и о женскомъ полѣ, по званіямъ и по чинамъ, съ ихъ лѣтами, и подлинныя и перечневыя вѣдомости прислать въ Синодъ, а въ Синодѣ, собравъ такія вѣдомости со всего государства, разобрать по губерніямъ и городамъ и, сдѣлавъ изъ нихъ генеральный экстрактъ, подать ея императорскому величеству въ нынѣшнемъ 1737 году, сентября 1-го числа, не отложно: а между тѣмъ со всѣхъ тѣхъ, кто во время той св. Четыредесятницы или слѣдующихъ потомъ двухъ постовъ исповѣдываться и пріобщаться св. Таинъ не будетъ, взыскивать штрафы по прежнимъ ея императорскаго величества указамъ безъ послабленія. И дабы о семъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшемъ соизволеніи какъ духовные, такъ и свѣтскіе чины были всѣ извѣстны, снесшись съ Сенатомъ, во всемъ ея императорскаго величества государствѣ публиковать". Вслѣдствіе этого указа, Синодъ постановилъ опредѣленіе: „Всѣмъ ея императорскаго величества вѣрнымъ подданнымъ исповѣданія святыя православныя каѳолическія вѣры, всякаго чина мужеска и женска пола людямъ, какъ по силѣ вышеписаннаго ея императорскаго величества, за подписаніемъ собственныя ея императорскаго величества руки состоявшагося, указа, такъ и по своей христіанской должности, отъ седмилѣтне-возрастныхъ и до самыхъ престарѣлыхъ, во дни наступающія святыя Четыредесятницы и въ прочіе послѣдующіе (аще кто какою-либо благословною виною въ Четыредесятницу конечно воспре-

пятствованъ будетъ) два поста, Петровъ и Успенскій, велѣть у отцовъ своихъ духовныхъ исповѣдываться и св. божественныхъ Таинъ тѣла и крови Христовой пріобщаться повсягодно, безъ всякаго отъ такого душеспасительнаго долга избѣжанія, лѣности же и небреженія своего". При этомъ Синодъ, „для того, чтобъ никто отъ такого христіанскаго долга не могъ ничѣмъ избѣгать", постановилъ соотвѣтствующія правила, въ 11 пунктахъ. Опредѣленіе это онъ сообщилъ Сенату съ своимъ мнѣніемъ, что „ежели сему синодальному опредѣленію правительствующій Сенатъ соблаговолитъ быть согласенъ, то позволено бъ было, лучшей ради твердости, отъ правительствующаго Сената во всемъ государствѣ, для повседневнаго и непремѣннаго во свѣтской командѣ вездѣ исполненія, публиковать печатными указами, съ пристойнымъ подтвержденіемъ, а во всѣ духовныя команды таковые же указы, напечатавъ при Сенатѣ же, потребное по пропорціи церквей число, послать отъ святѣйшаго Синода и велѣть тѣ печатные листы при всѣхъ соборныхъ и приходскихъ церквахъ, въ воскресные дни сего года въ Великій постъ, а предъ другими постами предваряя каждый за двѣ недѣли, а будущихъ лѣтъ въ слѣдующіе воскресные дни, а именно: по Рождествѣ Христовѣ, въ недѣли мытаря и фарисея и сына блуднаго и въ сыропустную, а предъ другими постами, по тому жъ предваряя каждый за двѣ жъ недѣли, по божественной литургіи, при народномъ собраніи, читать во всеуслышаніе всѣмъ, чтобъ впредь никто невѣдѣніемъ отговариваться не могъ, повсягодно, безъ всякаго отлагательства и упущенія; а который священникъ то пренебрежетъ, таковаго, аще не убогъ есть, штрафовать, по разсмотрѣнію архіереевъ и въ духовныхъ дикастеріи и въ С.-Петербургскомъ правленіи засѣдающихъ, денежнымъ штрафомъ, аще ли жъ будетъ убогій, наказать монастырскимъ смиреніемъ нещадно. Что же въ Сенатѣ по всему оному учинено будетъ, о томъ сообщено бъ было святѣйшему Синоду, по обыкновенію, письменно, какъ возможно въ непродолжительномъ времени". Сенатъ, 16-го марта, отвѣчалъ Синоду, что онъ „тому опредѣленію святѣйшаго Синода согласенъ *), токмо бъ форму указа, что до публикаціи въ народъ печатными (листами) принадлежитъ, сочинить въ святѣйшемъ Синодѣ и для апробаціи взнесть въ Кабинетъ ея императорскаго величества, и когда апробуется, тогда бъ для напечатанія и разсылки оныхъ сообщено было въ Сенатъ письменно". Формы указа и вѣдомостей Синодомъ были составлены и внесены на апробацію въ Императорскій Кабинетъ, который, 17-го апрѣля, заключилъ: „приложенныя формы о публикованіи указовъ и о сочиненіи вѣдомостей апробуются

*) Не излишне сообщить, что Сенатъ сначала предполагалъ проектированное Синодомъ, въ 11 пунктѣ, взысканіе съ солдатъ за небытіе у исповѣди денежнаго штрафа замѣнить наказаніемъ «батогами», но послѣ согласился съ мнѣніемъ Синода и 11-го марта постановилъ: «учинить, какъ въ вѣдѣніи изъ Синода написано — брать со всѣхъ штрафъ».

и при томъ подтверждается, чтобъ святѣйшій Синодъ о собраніи такихъ вѣдомостей имѣлъ стараніе, и по собраніи такихъ вѣдомостей со всего государства, учиня генеральный экстрактъ о всѣхъ чинахъ, подать ея императорскому величеству, конечно, въ будущемъ сентябрѣ". Составленныя такимъ образомъ правила были публикованы въ томъ же 1737 году [251]). Однако на практикѣ они оказались не вполнѣ удобоисполнимыми. Въ особенности затрудняло священниковъ составленіе исповѣдныхъ вѣдомостей: петербургское, напримѣръ, духовенство такія вѣдомости за 1737 годъ представило только къ 1740 году. Въ виду этого Синодъ 10-го марта 1740 года вошелъ въ Императорскій Кабинетъ съ слѣдующимъ сообщеніемъ: „Санктъ-петербургскихъ церквей священнослужители съ причетники доношеніемъ (Синоду) объявили: по указу ея императорскаго величества, Духовное правленіе понуждаетъ ихъ чинить о всѣхъ въ приходѣхъ ихъ жителѣхъ и пришельцамъ повсягодно именныя книги, описывая всѣ приходскіе дворы и въ нихъ всякаго чина и возраста и обоего пола людей, со объявленіемъ лѣтъ ихъ, кто исповѣдывался и святыхъ Таинъ причащался и кто исповѣдывался токмо, а не причащался, и за чѣмъ, кто жъ не исповѣдывался; и такія книги на 1737 годъ отъ большой части содержаные подъ карауломъ, а иные во оковахъ, по нуждѣ сдѣлали и на прошедшій 1738 годъ иные подали, а другіе еще и донынѣ исправить не могли, а которыя и поданы, едвали могутъ быть вѣрны, понеже за множествомъ всякаго званія непрестанно прибывающихъ и убывающихъ людей, такого необычнаго имъ дѣла отправить никакъ не могутъ и весьма не удобно; чего для они, слезно прося святѣйшаго Синода, предложили въ разсужденіе пункты, на которые Синодъ представляетъ свое мнѣніе, чтобъ нынѣшняго поста каждой церкви о своихъ прихожанахъ и пришельцахъ обоего пола имѣть записку священникамъ противъ формы, а впредь публиковать, чтобъ обывателямъ сообщать приходскимъ своимъ священникамъ именные о всѣхъ обрѣтающихся у него живущихъ въ домѣ за своими руками списки, а священникамъ давать тѣмъ людямъ за своими же руками и печатьми письма, которыя бъ свидѣтельствовать и разыскивать того, кто исповѣдывался и кто не исповѣдывался, полиціи". По этому сообщенію Кабинетъ, 4-го февраля 1741 года, положилъ: „сообщеніе Синода отъ 10-го марта 1740 года отдать въ Синодъ обратно, дабы вновь разсмотрѣно было, какимъ бы образомъ въ томъ возможно было безъ дальняго священнослужителямъ затрудненія и обывателямъ безъ излишняго обязательства поступить и въ томъ лучшій порядокъ установить" [252]).

Въ качествѣ блюстителя правилъ церкви и христіанской нравственности, Синодъ принималъ мѣры и къ охраненію чистоты союза брачнаго. Слѣдующіе факты даютъ понятіе объ этихъ мѣрахъ. Въ 1739 году, 4-го мая, Синодъ обратился въ Сенатъ съ требованіемъ прислать къ синодскому суду отставнаго прапорщика А. С. Минина, быв-

наго въ городѣ Ефремовѣ у подушнаго сбора, за жестокое обращеніе съ своею женою и „за прелюбодѣяніе съ служительницами своими“ [253]. — Въ 1741 году, какъ уже сказано выше, Синодъ, расторгнувъ незаконный бракъ секретаря М. Нархомова, женившагося отъ живой жены, отлучилъ виновныхъ, Нархомова и его вторую жену, отъ церкви „предалъ проклятію и анаѳемѣ“ [254]. — Въ томъ же году, 21-го апрѣля, Синодомъ было сообщено Сенату: „Присланнымъ святѣйшему правительствующему Синоду преосвященнаго Иннокентія, епископа иркутскаго и нерчинскаго, допошеніемъ представлено: 1) Прошлаго-де 1729 года декабря 11-го дня, по опредѣленію антецессора его преосвященства преосвященнаго Иннокентія, епископа иркутскаго, Читинскаго острога, Турунской деревни, служивый человѣкъ Ѳедоръ Ерфемовъ, который-де, по смерти жены своей, понялъ себѣ жену, свояченицу свою, а прежней жены своей родную сестру Матрену, въ чемъ и въ допросахъ своихъ винился, но силѣ св. апостоль и богоносныхъ отецъ правилъ, съ тою своею съ женою, яко кровомѣшцы, разведены, и посланъ былъ онъ, Ефремовъ, въ наказаніе гражданскаго суда, при промеморіи, въ Нерчинскую канцелярію, а свояченица его опредѣлена жить при Нерчинскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ трудахъ монастырскихъ, вѣчно; и означенному-де Ефремову какое наказаніе было-ль и какъ изъ канцеляріи отпущенъ, о томъ-де не извѣстно, а означенная-де женка Матрена изъ монастыря воровски, невѣдомо куда, бѣжала; а прошлаго-де 1738 года ноября 29-го дня письменно къ его преосвященству предложено, что означенный Ѳедоръ Ефремовъ въ Нерчинскомъ заказѣ, въ деревнѣ Шершневѣ, со означенною свояченицею своею Матреною живетъ паки беззаконно. 2) Въ прошломъ же-де 1739 году, генваря 16-го дня, въ допошеніи посланныхъ изъ Яренска Яренскаго города пѣхотнаго полка отставнаго солдата и выборныхъ трехъ человѣкъ къ его преосвященству написано: обыскали-де они Яренскаго уѣзда обывателей, положенныхъ въ Яренскѣ въ подушный окладъ, между прочимъ, четырехъ человѣкъ, у которыхъ-де и нынѣ въ Яренскихъ уѣздахъ имѣются жены живы, а они де паки оженились и живутъ домами, а именно: Иртовской волости черносошный крестьянинъ Иванъ Герасимовъ, Подгородной волости крестьянинъ же Кузма Алексѣевъ Микулинъ, Лепской волости — Трофимъ Леонтьевъ Иванинъ, Пустынской волости — Копонъ Анисимовъ сынъ Хмыровъ. 3) Того-де года марта 9-го дня, въ допошеніи же умершаго иркутскаго посадскаго Михаила Турденева жены Дарьи къ его жъ преосвященству написано, что вышла она, Дарья, за каторжнаго невольника Ивана Полякова, за четвертаго, о чемъ-де ему, Полякову, по взятіи вѣчной памяти, сказывала, токмо-де онъ ей того никому сказывать не велѣлъ. И по силѣ оныхъ допошеній писалъ его преосвященство въ Иркутскую провинціальную канцелярію многократно промеморіями требуя ихъ для допросовъ и изслѣдованія въ таковомъ ихъ законо-

преступномъ дѣлѣ, къ разводу, ежели кто въ томъ явится виненъ, и по тѣмъ-де его преосвященства промеморіямъ прислапъ къ его преосвященству былъ невольникъ Иванъ Поляковъ, который-де, по допросамъ и очной ставкѣ, явился виненъ и съ показанной женкой Дарьей, по учиненіи наказанія плетьми, по правиламъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ, разведены вовсе, съ подписками, и опредѣлены для покаянія въ монастырскіе труды: Поляковъ—въ Вознесенскій на три года, а женка Дарья—въ Знаменскій дѣвичь монастырь вѣчно. А тогоде 1739 года апрѣля 19-го дня, присланною къ его преосвященству изъ Иркутской провинціальной канцеляріи промеморіею требовано извѣстія, что за означеннаго Полякова, въ тѣ три года, въ которые онъ будетъ въ иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ въ работѣ, кто будетъ платить подушныя деньги, понеже-де оный Поляковъ въ Иркутскѣ положенъ въ подушный окладъ, и ежели-де онъ подлинно тѣ три года будетъ содержаться, то въ подушныя и раскладныя деньги, что по указамъ надлежитъ, прислать бы за него въ тое канцелярію отъ иркутскаго Вознесенскаго монастыря или откуда его преосвященство прикажетъ; и на оную промеморію, того жъ 19-го числа апрѣля, въ Иркутскую канцелярію писано отъ его преосвященства промеморіею жъ, что многіе люди, по своимъ винамъ, всаждаемы бываютъ въ темницы за ихъ злодѣянія и бываютъ содержаны до рѣшенія дѣлъ многое время и что за таковыхъ подушныя деньги и прочія раскладки тѣ канцеляріи, коихъ въ вѣдомствѣ оные содержатся, платятъ-ли, и ащe-ли такой указъ, чтобъ за такихъ подъ арестомъ содержащихся или на урочные годы по дѣламъ опредѣленныхъ подушныя деньги и другія раскладки править на тѣхъ канцеляріяхъ (кои такимъ бездѣльникамъ и не рады), оная провинціальная канцелярія имѣетъ, то бъ прислала къ его преосвященству съ того указа, при письменномъ извѣстіи, копію, точію-де на оную промеморію отъ помянутой канцеляріи ничего къ его преосвященству не отвѣтствовано; а оный-де Поляковъ между тѣмъ изъ Вознесенскаго монастыря бѣжалъ въ городъ Иркутскъ и по времени-де сысканъ и, по приказу его преосвященства, за побѣгъ посаженъ былъ подъ арестъ, подъ которымъ сидя, невѣдомо съ какого случая, или отбывая отъ опредѣленнаго къ покаянію монастырскаго труда, показалъ за собою государево дѣло, по которому его показанію и отосланъ въ Иркутскую канцелярію къ слѣдствію, съ таковымъ предложеніемъ: какъ о немъ, Поляковѣ, изслѣдуется, то бъ прислать къ его преосвященству паки для покаянія въ монастырскіе труды; но токмо-де и понынѣ какъ онъ, такъ и нерчинскій отставной служивый Ѳедоръ Ефремовъ со своячиной своею и изъ ярчанъ многіе не присланы, а которые-де и присланы, и то иного жена безъ мужа, а иной мужъ безъ жены, которыхъ-де и слѣдовать за тѣмъ не возможно и отъ чего-де чинится закону Божію и правиламъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ уничтоженіе и церкви Бо-

жіей развращеніе. Да при томъ же его преосвященство представляетъ, что-де въ иркутской епархіи поселены жители едва не всѣ изъ пришлыхъ изъ русскихъ городовъ, которые-де и въ подушный окладъ, въ генеральную перепись, въ Иркутской провинціи не положены, и чаятельно-де есть и впредь таковыхъ двоеженныхъ изобрѣстись, якоже и вышепоказанные яранчане, изъ давнихъ лѣтъ изъ Руси пришедшихъ, къ тому-де по указамъ присылаются въ Иркутскую провинцію для поселенія разныхъ чиновъ присыльные, которые-де по разнымъ мѣстамъ опредѣлены жить и въ подушный окладъ записаны и въ разные чины опредѣляются, многіе-же де и поженились, а въ тамошнихъ-де мѣстахъ, отколь они посланы, остались ли у нихъ жены или нѣтъ, не извѣстно, и хотя-де отъ его преосвященства многими указами священникамъ и подтверждено, чтобъ таковыхъ безъ крѣпкихъ обязательствъ вскорѣ не вѣнчать, но изслѣдуя о нихъ чрезъ знаемыхъ ихъ житіе на прежнихъ жилищахъ, съ письменнымъ свидѣтельствомъ, что не осталось-ли у нихъ въ живыхъ женъ, однакожъ и въ томъ является фальшивость, ибо-де по многимъ бывшимъ при бракамъ обязательствамъ явились, якоже и яранчане, что въ другихъ мѣстахъ женъ имѣютъ въ живыхъ; и таковыхъ де законопреступныхъ причинъ, какъ его преосвященство мнитъ, и много сыскатися можетъ не точію въ отдаленныхъ отъ Иркутска мѣстахъ, но и въ самомъ Иркутскомъ городѣ; еще же и то явилось, что не точію въ русскихъ городахъ имѣютъ женъ и женятся отъ живыхъ, но и въ одной слободѣ, оставя свою жену, возметъ другую, а оная его жена идетъ за инаго; а отъ свѣтскихъ командировъ чинится имъ защищеніе и являютъ поблаженіе и излишнее продолженіе, на что смотря другіе, что таковымъ законопреступникамъ ни каковаго наказанія нѣтъ, долговременно не слѣдуется, то знающіе на таковыхъ законопреступниковъ и не доносятъ, но тупе пускаютъ и во грѣхъ того не вмѣняютъ; и чтобъ о всемъ вышеписанномъ соблаговолено было учинить благоразсмотрительное рѣшеніе. II, по указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: которые въ епархіи его преосвященства изъ положенныхъ въ подушный окладъ и изъ другихъ чиновъ явились и впредь явятся въ беззаконномъ бракосочетаніи, дабы таковые какъ мужіе, тако и жены, по требованіямъ его преосвященства, отъ Иркутской провинціальной канцеляріи къ правильному сужденію отсылаемы были къ его преосвященству безъ всякаго продолженія, и въ такихъ къ духовному суду надлежащихъ дѣлахъ, подъ образомъ взысканія съ такихъ беззаконниковъ подушныхъ денегъ, препятствія и остановки чинено не было, чтобъ отъ неисполненія закона Божія и правилъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ вящшаго въ церкви Божіей развращенія впредь не происходило, и для того бъ о томъ паикрѣпчайшимъ его императорскаго величества указомъ оной Иркутской провинціальной

канцелярiи подтверждено было; такожъ чтобъ о посылающихся за различныя вины изъ коллегій и канцелярій въ ссылки разныхъ чиновъ людяхъ о томъ у которыхъ останутся въ домахъ или посланы жъ будутъ, да не обще съ мужьями и не въ то мѣсто, куда мужъ будетъ посланъ, жены ихъ, и у кого изъ таковыхъ въ живыхъ женъ не останется или кто еще и женатъ не былъ, въ тѣ губерніи и провинціи, для представленныхъ онаго преосвященнаго иркутскаго во означенномъ допошеніи резоновъ, въ посылаемыхъ его императорскаго величества о тѣхъ ссылочныхъ въ помянутыя губерніи и провинціи указахъ прописываемобъ было имянно,—правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніе. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по его императорскаго величества указу". Требованіе это Сенатъ нашелъ основательнымъ и въ іюнѣ того же 1741 года разослалъ въ государственныя учрежденія соотвѣтствующіе указы [235]).

Поручивъ Синоду попеченіе о сохраненіи въ чистотѣ догматовъ православной церкви, верховная власть, вмѣстѣ съ тѣмъ, указала ему имѣть „неусыпное радѣніе" о распространеніи христіанскаго закона между иновѣрцами. „И яко къ прославленію имени и царствія Божія и къ благополучію и пользѣ государства ничто болѣе служить не можетъ, какъ попеченіе о душахъ толь многихъ въ государствѣ нашемъ обрѣтающихся невѣрныхъ народовъ и самыхъ идолопоклонниковъ, дабы они къ стаду Спасителя нашего пріобщены и къ познанію истиннаго Бога въ благочестивѣйшій нашъ христіанскій законъ приведены бы ли,— возвѣщалось Синоду въ указѣ 13-го ноября 1740 года,—того ради мы о семъ важномъ и богоугоднѣйшемъ дѣлѣ нашему Синоду паикрѣпчайше подтверждаемъ, дабы о томъ неусыпное радѣніе и стараніе имѣли". Какое участіе принималъ Синодъ въ 1740 1741 гг. въ этомъ „важномъ и богоугоднѣйшемъ дѣлѣ", видно изъ слѣдующей переписки его съ Императорскимъ Кабинетомъ и Сенатомъ.

Въ 1740 году, 7 го марта, Синодъ сообщилъ кабинетъ-министрамъ: „По сообщеніямъ изъ Кабинета ея императорскаго величества, велѣно ко употребленію для обученія православію и приведенія въ вѣру греческаго исповѣданія мордовскаго, чувашскаго, черемисскаго, лопарскаго и самоядскаго народовъ, изъ такихъ, которые знаютъ языки ихъ и россійской грамотѣ и писать умѣющихъ, прислать изъ губерній въ С.-Петербургъ, въ святѣйшій Синодъ, которыхъ опредѣлить въ школы для обученія къ произвожденію во діаконы и священники. И по оному Синодъ разсуждаетъ: когда оные въ Казанской и Архангелогородской губерніяхъ набраны будутъ, за неимѣніемъ въ С.-Петербургѣ подъ вѣдѣніемъ Синода школъ, можно всему оному, что до священнической должности слѣдуетъ, обучить въ тѣхъ епархіяхъ подъ присмотромъ тамошнихъ архіереевъ, ибо они, архіереи, люди ученые, а когда всему оному обучатся, о томъ тѣмъ архіереямъ въ Синодъ репортовать, и достойнымъ во священство произведеніе чинено будетъ".

Кабинетъ съ этимъ разсужденіемъ согласился, и Синодъ, „по силѣ изъ Кабинета резолюціи объ обученіи въ казанской и архангелогородской епархіяхъ поповскихъ, дворянскихъ и купеческихъ дѣтей, знающихъ мордовскій, чувашскій и прочіе иновѣрческіе языки, что до священства принадлежитъ, подъ присмотромъ тѣхъ епархій архіереевъ", послалъ въ Архангелогородскую и Казанскую губернскія канцеляріи и къ мѣстнымъ архіереямъ указы, о чемъ сообщилъ Кабинету 12-го марта. О результатѣ этихъ распоряженій свѣдѣній нѣтъ; встрѣчается лишь запись, что 14-го мая 1740 года въ Кабинетъ вступило доношеніе Архангелогородской губернской канцеляріи, что въ Архангелогородской губерніи „поповскихъ, дьяконскихъ и церковно-причетническихъ и купеческихъ дѣтей, россійской грамотѣ и писать умѣющихъ, которыя бъ знали лопарскій и самоядскій языки, отъ 15 лѣтъ, не обыскалось" [256]).

Въ томъ же году именнымъ указомъ отъ 23-го апрѣля было повелѣно Синоду: для обращенія въ православіе мордвы дворцовой ясачной волости, Арзамасскаго уѣзда, назначить священника изъ ученыхъ и построить для новообращенныхъ церковь *). Вслѣдствіе этого указа Синодъ постановилъ: „Для крещенія оной мордвы, по желаніямъ ихъ, московской Синодальнаго правленія канцеляріи, выбравъ изъ московскихъ священниковъ ученаго и къ тому дѣлу способнаго, житія состоятельнаго, немедленно и давъ ему о наставленіи изъ оной мордвы желающихъ святаго крещенія и, по наставленіи, о крещеніи ихъ надлежащую инструкцію, отправить того священника въ помянутую волость безъ всякаго продолженія, которому о дачѣ потребнаго числа до оной волости подводъ и на нихъ прогоновъ, такожъ ему, священнику, къ довольствію въ пути и къ содержанію своему, въ бытность въ той волости, на жалованье и на расходы, яко: на бумагу, чернила, свѣчи, сургучъ, на наемъ къ проѣзду подводъ и на прочее, денежной суммы, сколько, по разсужденію той канцеляріи, надлежитъ, требовать отъ Сенатской конторы; и ко оному священнику, въ бытность его въ той волости, опредѣлить для переводу при томъ наставленіи и крещеніи мордвы, изъ пребывающихъ тамо при церквахъ, мордовскій языкъ знающихъ, церковниковъ, двухъ человѣкъ, спасскому арзамасскаго монастыря архимандриту, а ради охраненія онаго священника, въ случайныхъ тамо разъѣздахъ, изъ разсыльщиковъ пристойное число въ конвой отъ Арзамасской провинціальной канцеляріи, и всякое въ томъ, яко въ богоугодномъ дѣлѣ, вспоможеніе оной канцеляріи чинить ему, по его требованію, безотрицательно; а сколько изъ помянутой мордвы, по наставленіи, окрещено будетъ, о томъ ему, священнику, для вѣдома, въ Арзамасскую провинціальную канцелярію сообщить именную

*) См. выше, стр. 339.

вѣдомость и въ святѣйшій Синодъ таковую жъ прислать; и, по исполненіи того, оному священнику возвратиться, по прежнему, въ Москву. А въ помянутой волости церковь деревянную построить, гдѣ, по общему означеннаго арзамасскаго архимандрита и Арзамасской провинціальной канцеляріи усмотрѣнію, за пристойно разсудится, и въ томъ оной церкви строеніи и удовольствіи книгами и прочею утварью и сосудами церковными, дабы оное все, по силѣ означеннаго ея императорскаго величества именнаго указа, исправлено было въ непродолжительномъ времени, имѣть прилежное наблюдательство помянутому арзамасскаго Спасскаго монастыря архимандриту, и когда построена и надлежащимъ благолѣпіемъ украшена и утварью и сосудами удовольствована будетъ, тогда преосвященному Іоанну, епископу нижегородскому, велѣть оную церковь освятить, по церковному чиноположенію, въ какое именованіе его преосвященство разсудитъ, и къ той церкви, выбравъ изъ обрѣтающихся въ Арзамасѣ и въ его уѣздѣ ученаго и житія честнаго, къ тому жъ и языкъ мордовскій знающаго, священника съ причетники опредѣлить или вновь достойнаго посвятить, и о томъ въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію и къ преосвященному Іоанну, епископу нижегородскому, а въ Артиллерійскую (канцелярію) о вылитіи къ помянутой церкви изъ казенной наличной мѣди, въ означенный въ помянутомъ ея императорскаго величества именномъ указѣ вѣсъ, трехъ колоколовъ и о отсылкѣ оныхъ для отдачи къ той церкви въ Арзамасскую провинцію и въ провинціальную Арзамасскую жъ канцелярію о строеніи оной церкви послать указы (которые и посланы), а о ассигнованіи, по силѣ онаго ея императорскаго величества указа, на строеніе объявленной церкви, на утварь и сосуды надлежащаго числа денегъ и о дачѣ отправляемому изъ Москвы священнику, по требованію московской Синодальнаго правленія канцеляріи отъ Сенатской конторы ямскихъ подводъ и на нихъ прогоновъ и къ довольствію его въ пути и на содержаніе свое, въ бытность при крещеніи помянутой мордвы въ означенной волости, въ жалованье и на расходы потребнаго числа денежной суммы и о подтвержденіи Арзамасской провинціи (провинціальной канцеляріи), чтобъ оному священнику въ конвой изъ арзамасскихъ разсыльщиковъ опредѣлены были и по требованіямъ его, священника, надлежащее во объявленномъ наставленіи и крещеніи мордвы чинено было вспоможеніе; и о постройкѣ той церкви и о удовольствіи церковною утварью, книгами и прочимъ и серебряными сосудами, въ непродолжительномъ времени, и для разсмотрѣнія о дачѣ помянутой мордвѣ, когда святое крещеніе воспріимутъ, противъ того, какъ Казанской губерніи новокрещеным разныхъ народовъ людямъ повелѣно, во всѣхъ государственныхъ сборахъ и издѣльяхъ льготы на три года и о награжденіи ихъ, противъ тѣхъ же казанскихъ, крестами, рубахами съ порты, кафтанами, шапками, рукавицами и обувью чирками съ чулками и прочимъ, такожъ и деньгами, и о опредѣленіи на то по-

требнаго числа денежной суммы, изъ неположенныхъ въ штатъ Арзамасской провинціи или изъ другихъ тамошнихъ доходовъ, изъ какихъ правительствующій Сенатъ заблагоразсудитъ, правительствующему Сенату, съ приложеніемъ съ помянутаго именнаго ея императорскаго величества указа и съ прошенія новокрещеннаго мордвина Догады *) копіи, сообщить вѣдѣніе". Такое вѣдѣніе послано было въ Сенатъ 6-го мая. [257]).

Въ августѣ (1-го числа) того же года Синоду „въ сообщенномъ правительствующаго Сената вѣдѣніи" былъ „объявленъ" высочайшій указъ „о отправленіи въ Ревель ко обращенію имѣющихся въ ревельскомъ гарнизонѣ мордвы и чувашъ некрещеныхъ двухъ или трехъ священниковъ изъ бѣлыхъ или іеромонаховъ". 23-го августа Синодъ сообщилъ Сенату, что, по этому повелѣнію, „священники приисканы и въ Ревель отправлены быть имѣютъ, точію потребно святѣйшему Синоду вѣдать онымъ священникамъ почему въ годъ и отколь ея императорскаго величества жалованье опредѣлено будетъ". На этотъ запросъ Синодъ отвѣта не получилъ, и 5-го февраля 1741 года послалъ въ Сенатъ вѣдѣніе, которымъ требовалъ объ „оном отъ правительствующаго Сената непродолжительнаго разсмотрѣнія и въ святѣйшій Синодъ увѣдомленія" и сообщалъ, что Синодомъ положено „доколь оное (разсмотрѣніе) учинено будетъ, имѣющимся въ ревельскомъ гарнизонѣ мордвѣ и чувашамъ ко святому крещенію достодолжное увѣщаніе и обращеніе чинить ревельской соборной церкви протопопу съ братіею, о чемъ къ синодальному члену преосвященному Стефану, епископу псковскому и архимандриту Троицкаго Александро-Невскаго монастыря, изъ святѣйшаго правительствующаго Синода и указъ посланъ" [258]).

Въ 1741 году, 14-го января, Синодъ вѣдѣніемъ сообщилъ Сенату: „Святѣйшему правительствующему Синоду присланнымъ доношеніемъ казанской епархіи свіяжскаго Богородицкаго монастыря архимандритъ Димитрій Сѣченовъ представлялъ, чтобъ опредѣленную, по именному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества, состоявшемуся прошлаго 1740 года сентября 11-го дня, о обращеніи ему въ Казанской и прочихъ губерніяхъ иновѣрцовъ въ православную вѣру указу, на содержаніе имѣющейся въ Казани Новокрещенской конторы и на прочія къ новокрещенскимъ дѣламъ потребы сумму, на годъ по 10.000 рублевъ, также и хлѣбъ (которую, по тому указу, велѣно отпускать изъ Коллегіи экономіи), ради не малаго отъ Казани до Москвы по мѣстоположенію разстоянія (дабы въ провозахъ оной денежной казны и хлѣба и въ платежѣ прогонныхъ денегъ и въ прочемъ путевомъ конвоѣ изъ той суммы не было напрасной траты, а отъ воровскихъ людей—не малой опасности), повелѣно было прини-

*) Въ этомъ прошеніи было заявлено правительству о желаніи мордвы указанной волости принять православіе.

мать въ Казани изъ сбора соляной продажи (которыя платежемъ подлежатъ въ Соляную контору) или изъ Свіяжской провинціальной канцеляріи, которыя платятся въ Штатсъ-контору, а толикое же бы число, по 10.000 рублевъ, изъ Коллегіи экономіи платить въ Соляную или въ Штатсъ-контору, а хлѣба по 5.000 четвертей изъ сбора съ ясачныхъ иновѣрцовъ, изъ казанскаго магазейна; ибо-де опредѣленные по оному жъ указу къ тому богоугодному дѣлу служители въ Новокрещенскую контору хотя и присланы, но токмо опредѣленнаго имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья и на путевой въ показанныя въ томъ указѣ епархіи и на платежъ прогонныхъ денегъ расходъ и на дачу новоприходящимъ ко святому крещенію иновѣрцамъ за воспріятіе христіанскія вѣры надлежащаго награжденія, за не полученіемъ вышеозначенной новоопредѣленной денежной и хлѣбной суммы, содержать и награждать нечѣмъ. И просить (архимандритъ Димитрій), чтобъ повелѣно было на нынѣшній 1741 годъ объявленное число денегъ изъ сбора соляной продажи или изъ Свіяжской провинціальной канцеляріи, а хлѣба 5 000 четвертей изъ казанскаго магазейна отдать ему въ Казани и о томъ, куда надлежитъ, предложить; а въ Казанскую, Астраханскую, Нижегородскую и Воронежскую губерніи съ вышеозначеннаго именнаго ея императорскаго величества указа немедленно бъ послать копіи, понеже тѣ губерніи и никто, не получа оныхъ указовъ, никакой льготы новокрещенымъ и ему съ товарищи вспоможенія чинить не будетъ. И, по указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніе съ требованіемъ чтобъ, для вышепоказанныхъ въ допошеніи архимандрита Сѣченова резоновъ и конечной въ отправленіи изъ Коллегіи экономіи въ Казань вышеозначенной суммы остановки, вышеозначенную опредѣленную по именному ея императорскаго величества указу къ новокрещенскимъ дѣламъ денежную и хлѣбную сумму какъ на нынѣшній 1741 годъ, такъ и впредь повсягодно къ новокрещенскимъ дѣламъ, на счетъ Коллегіи экономіи, отдавать въ Казани изъ сбора соляной продажи, а хлѣбъ изъ казанскаго магазейна, безъ задержанія, дабы въ надлежащемъ, по силѣ того ея императорскаго величества именнаго указа, въ призываніи означенныхъ иновѣрцовъ въ православную вѣру и въ разъѣздахъ въ назначенныя тѣмъ же указомъ мѣста объявленному архимандриту Сѣченову и прочимъ не могло воспослѣдовать каковой остановки, и о томъ бы изъ того правительствующаго Сената, куда надлежитъ, посланы были его императорскаго величества указы. Каковое же, по силѣ того жъ ея императорскаго величества именнаго указа, въ правительствующемъ Сенатѣ учинено исполненіе, о томъ бы святѣйшій правительствующій Синодъ увѣдомленъ былъ письменно по обыкновенію, ибо о томъ сообщеннымъ изъ того правительствующаго Сената сентября 30-го дня прошлаго 1740 года вѣдѣніемъ объявлено, что-де касается ко исполненію по оному

указу въ правительствующемъ Сенатѣ и что по оному будетъ учинено, о ономъ въ святѣйшій Синодъ сообщено будетъ впредь, по токмо и понынѣ о томъ святѣйшій Синодъ не увѣдомленъ". Это требованіе Синодъ повторилъ 4-го марта, а затѣмъ, 14-го числа, сообщилъ Сенату свое, по новому донесенію архимандрита Сѣченова, опредѣленіе: „объ отдачѣ по прежде сообщеннымъ прав. Сенату вѣдѣніямъ опредѣленной на содержаніе Новокрещенской конторы и на прочія къ новокрещенскимъ дѣламъ потребы денежной и хлѣбной суммы какъ на нынѣшній 1741 годъ, такъ и впредь повсягодно архимандриту (Сѣченову) въ Казани, изъ какихъ сборовъ правительствующій Сенатъ заблагоразсудитъ, или объ отпускѣ той суммы изъ Коллегіи экономіи въ Москвѣ въ Соляную контору, а вмѣсто оной объ отдачѣ въ Казани помянутому архимандриту изъ таможней ратуши, и опредѣленнаго числа хлѣба изъ собираемаго съ иновѣрцовъ изъ Казанской губерніи, безъ доимки и удержанія, и о опредѣленіи, кого надлежитъ, о дѣйствительномъ, по означенному его императорскаго величества указу, въ вышепоказанномъ ему, архимандриту Димитрію, толь богоугодномъ дѣлѣ вспоможеніи исполненіи указами, чтобъ за неисполненіемъ, по силѣ онаго ея императорскаго величества указа, въ призываніи иновѣрцовъ въ православную вѣру не могло воспослѣдовать крайней остановки, а имъ, новокрещенымъ, яко объ ономъ ея императорскаго величества высочайшемъ указѣ многимъ уже извѣстнымъ сущимъ, отъ долговременнаго неудовольствія какого сумнѣнія и соблазна, надлежащаго въ непродолжительномъ времени разсмотрѣнія и опредѣленія отъ прав. Сената требовать третично, и какое о томъ опредѣленіе учинено будетъ и куда и съ какимъ подтвержденіемъ указы посланы будутъ, сообщено бъ было святѣйшему Синоду, по обыкновенію; да для вспоможенія ему, архимандриту, и разсылокъ въ разныя губерніи къ новокрещеным въ жилища ихъ, ради надзиранія и обученія оныхъ христіанскому закону и проповѣди слова Божія и обращенія иновѣрцовъ, по представленію того жъ архимандрита, къ прежде опредѣленнымъ дву помощникамъ опредѣлить въ прибавокъ четырехъ духовныхъ персонъ, въ томъ числѣ обрѣтающагося при Москвѣ, въ селѣ Всесвятскомъ, при домѣ блаженныя памяти царевны Даріи Арчиловны Имеретинской, крестоваго священника Георгія Давыдова, котораго на счетъ опредѣленной изъ доходовъ Коллегіи экономіи на новокрещенскіе расходы суммы въ Свіяжскъ ко оному архимандриту отправить отъ той же Коллегіи экономіи немедленно и о томъ тое коллегію соблаговолено было опредѣлить его императорскаго величества указомъ отъ прав. Сената". Требованіе Синода было разрѣшено Сенатомъ 15-го апрѣля, при обсужденіи всѣхъ вообще вопросовъ, возбужденныхъ вышеупомянутымъ именнымъ указомъ 11-го сентября 1740 года, и разрѣшено такъ: „на содержаніе Новокрещенской конторы и на прочіе имѣющіеся расходы на нынѣшній 1741 годъ объявленную

сумму 10.000 рублевъ къ архимандриту Сѣчепову Штатсъ-конторѣ ассигновать изъ тамошнихъ ближнихъ мѣстъ, изъ неокладныхъ доходовъ, на счетъ Коллегіи экономіи, немедленно,... а хлѣбъ какъ на нынѣшній 1741 годъ, такъ и впредь отпускать изъ собираемаго съ иновѣрцовъ, изъ казанскихъ магазейновъ; и объ отпускѣ впредь ко оному архимандриту денегъ по вышеписанному жъ числу, по 10.000 рублевъ, въ Кабинетъ его императорскаго величества подать сообщеніе, въ которомъ представить: хотя, по вышеобъявленному именному ея императорскаго величества указу, и велѣно оную сумму отпускать изъ Коллегіи экономіи, но та коллегія, какъ выше сего показано, объявляетъ, что и въ прочихъ по той коллегіи указныхъ расходѣхъ имѣетъ она великій недостатокъ, чего ради Сенатъ разсуждаетъ оную сумму къ вышеписанному архимандриту, для объявленныхъ въ доношеніи Коллегіи экономіи резоновъ, къ тому жъ, что изъ доходовъ оной же коллегіи нынѣ производится жалованье ружникамъ... впредь отпускать отъ Штатсъ конторы изъ вышеписанныхъ неокладныхъ тамошнихъ доходовъ, ибо Сенатъ другаго способа, откуда бъ, кромѣ Штатсъ-конторы, ту сумму отпускать не имѣетъ, и о томъ отъ Кабинета его императорскаго величества требовать резолюціи, понеже Сенату о томъ точнаго рѣшенія, за вышеписаннымъ именнымъ ея императорскаго величества указомъ, учинить не можно *)... Къ вышеозначенному архимандриту Сѣченову для вспоможенія духовныхъ персонъ опредѣлить святѣйшему правительствующему Синоду и вышеписаннаго священника Давыдова отправить изъ Коллегіи экономіи на счетъ опредѣленной изъ доходовъ Коллегіи экономіи на новокрещенскіе расходы суммы". Приговоръ этотъ, во всѣхъ его частяхъ, былъ сообщенъ Синоду 26-го апрѣля. Синодъ, разсматривая его, остановился на томъ пунктѣ, гдѣ было сказано: „для опредѣленія къ переселенію (по именному указу 11-го сентября 1740 года) новокрещеныхъ иновѣрцовъ отъ некрещеныхъ герольдмейстеру представить кандидатовъ изъ бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ"... и „опредѣлить ему (назначаемому) жалованье противъ его ранга полное, другимъ не во образецъ, изъ положенной на обращеніе иновѣрцовъ суммы". Находя, что этимъ положеніемъ напрасно ослаблялись денежныя средства, назначенныя на расходы по обращенію иновѣрцевъ, Синодъ, вѣдѣніемъ отъ 4-го мая, предложилъ Сенату свое „разсужденіе", „что ежели для означеннаго новокрещеныхъ переселенія изъ бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ съ полнымъ ему, по его рангу, жалованьемъ кто опредѣленъ будетъ то во опредѣленной на новокрещенскіе расходы суммѣ имѣетъ быть не малый ущербъ и изъ того въ награжденіи новокре-

*) На это сообщеніе, 10-го іюля, послѣдовала резолюція Императорскаго Кабинета: «Вышеписанное сенатское опредѣленіе объ отпускѣ на нынѣшній (1741) годъ денегъ и хлѣба апробуется».

щеныхъ можетъ воспослѣдовать недостатокъ, къ тому жъ святѣйшій Синодъ имѣетъ намѣреніе въ Казанской губерніи, во опредѣленныхъ для обученія новокрещенскихъ дѣтей школахъ для вящшей церковной пользы число учениковъ умножить, чтобъ съ прежде опредѣленными всего было до 200 человѣкъ, положа оныхъ на означенную жъ къ новокрещенскимъ дѣламъ опредѣленную сумму; чего ради къ вышереченной должности, вмѣсто бригадира или статскаго совѣтника, довольно бъ было, ежели правительствующій Сенатъ соблаговолитъ тому быть согласенъ, опредѣлить, по силѣ вышеозначеннаго именнаго ея императорскаго величества указа, надежную персону изъ маіоровъ или подполковниковъ, которому и дача жалованья, по его рангу, произвожена быть имѣетъ противъ вышеписанныхъ чиновъ со уменьшеніемъ". Сенатъ согласился съ такимъ мнѣніемъ Синода и 5-го мая 1741 года опредѣлилъ: на эту должность назначить изъ полковниковъ или подполковниковъ, что и было исполнено, 29-го мая назначенъ коллежскій совѣтникъ Андрей Жуковъ [259]).

Въ августѣ 1741 года „обрѣтающійся въ Ставрополѣ" протопопъ Андрей Чубовской донесъ Синоду: „съ прошлаго 1739 года обрѣтается онъ, протопопъ, въ Ставрополѣ при крещеной княгинѣ Аннѣ Тайшиной и при немъ имѣются священниковъ трое, діаконъ одинъ, семь человѣкъ церковниковъ, и получаютъ они, по указу изъ правительствующаго Сената и по ассигнаціи государственной Штатсъ-конторы, отъ Казанской губернской канцеляріи на церковные всякіе расходы по 100 рублевъ, такожъ денежное годовое жалованье по окладамъ ихъ, по прошествіи каждой трети; а по присланному изъ святѣйшаго правительствующаго Синода указу велѣно ему, протопопу, съ походною церковію ѣздить въ степь къ крещенымъ калмыкамъ, по поселеніямъ ихъ, для ученія въ православной вѣрѣ, молитвъ и исправленія всякихъ требъ, по которому указу онъ, протопопъ, и ѣздитъ и при немъ изъ церковниковъ по три человѣка завсегда имѣются, а прочіе церковники при построенной церкви въ Ставрополѣ обрѣтаются не отлучно; а впредь уповаемо, что и соборная Троицкая церковь въ скоромъ времени тамо совершится, ибо уже святыя иконы дописываются, а прочее строеніе и ризница все въ готовности; а для пріему оныхъ церковныхъ денегъ и жалованья посылается въ Казанскую губернскую канцелярію одинъ церковникъ на ихъ коштѣ и прогонахъ, и понеже не за близкимъ разстояніемъ отъ Ставрополя продолжается въ Казанской губернской канцеляріи не малое время, такожъ и возвратно съ казною изъ Казани безъ конвою въ тратѣ казны не безъ опасенія, и во оныхъ посылкахъ въ дачѣ прогоновъ происходитъ въ деньгахъ не малая трата и въ замедленіи церковника при Ставрополѣ въ церквахъ не безъ нужды; а имѣющійся при Ставрополѣ комендантъ и полковникъ Змеовъ получаетъ суммою и оное жалованье своимъ конвоемъ безопаснымъ въ Ставрополь привозитъ какъ на кня-

гнію Тайшину съ зайсанги и калмыки, такъ и на канцелярію и канцелярскихъ и прочихъ штатскихъ служителей и на всю его команду напредъ года и производитъ опое жалованье отъ себя изъ Канцеляріи калмыцкихъ дѣлъ всѣмъ по прошествіи каждой трети, по окладамъ ихъ, въ Ставрополѣ". И просилъ онъ, протопопъ, „чтобъ оныя церковныя деньги, такожъ и жалованье, по окладамъ ихъ, для дальняго разстоянія и въ остановкѣ въ посылкѣ церковника и утраты на прогоны денежной суммы и опасенія безъ конвоя въ привозѣ онаго жалованья, выдавать изъ Казанской губернской канцеляріи, вмѣстѣ съ вышепоказанною суммою, напредъ года оному жъ полковнику и ставропольскому коменданту Змееву, а ему, по прошествіи каждой трети, по требованію ихъ, производить имъ въ Ставрополѣ". По этому заявленію Синодъ, въ томъ же мѣсяцѣ, опредѣлилъ: отъ правительствующаго Сената требовать, дабы, для показанныхъ онымъ доношеніемъ нуждъ, соблаговолено было опредѣленныя на церковные расходы и оному протопопу, со обрѣтающимися при немъ, въ жалованье деньги изъ Казанской губернской канцеляріи, напредъ года, присылать ко имѣющему въ Ставрополѣ полковнику и коменданту Змееву, отъ котораго могли бъ оному протопопу отдаваны быть по прошествіи каждой трети года, безъ удержанія". Опредѣленіе это Синодомъ было сообщено Сенату 25-го августа [280]).

Въ дополненіе къ приведеннымъ матеріаламъ выписываемъ дословно слѣдующія, за 1741 годъ, „святѣйшаго правительствующаго Синода правительствующему Сенату вѣдѣнія", характеризующія дѣйствія Синода по обращенію въ православіе иновѣрцевъ Сибири.

Вѣдѣніе отъ 26-го февраля: „По указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ, по доношенію преосвященнаго Иннокентія, епископа иркутскаго, приказали: о произвожденіи его преосвященству, чинимомъ отъ Иркутской провинціальной канцеляріи во опредѣленный его преосвященству окладъ хлѣбнаго жалованья — ржи не въ осминудную четверть, но по 7 п. 10 ф., овса по 6 п. по 20 ф., а иногда за овесъ по послѣднимъ базарнымъ цѣнамъ, и о додачѣ того жалованья на прошлые годы въ восминудную четверть, такожъ и о опредѣленіи на дачу приходящимъ изъ тамошнихъ идололаторовъ ко крещенію, для лучшей ихъ въ привожденіи къ тому охоты, въ награжденіе крестовъ, иконъ, на рубахи и порты холста, на кафтаны добрыхъ и среднихъ суконъ и обуви, противъ произвоженныхъ на такіе расходы изъ казны его императорскаго величества въ Сибири бывому преосвященному Оеодору, митрополиту тобольскому, такожъ и нынѣ производимыхъ въ казанской епархіи, или на то особливой денежной суммы, и о дачѣ въ платежѣ ясака указной льготы и о храненіи ихъ, новокрещеныхъ, отъ обидъ ясачныхъ сборщиковъ (какъ о томъ отъ его преосвященства прежде писано), а ради разъѣздовъ для евангельской проповѣди и призыванія тѣхъ ино-

земцовъ къ вѣрѣ православно-восточнаго исповѣданія и святому крещенію, а во время посѣщенія новокрещеныхъ въ улусахъ о дачѣ его преосвященству и отъ его преосвященства посылаемымъ духовнымъ лицамъ и служителемъ подводъ съ конвоемъ и на нихъ прогонныхъ денегъ изъ казны его императорскаго величества,—правительствующему Сенату, дабы о томъ, такожъ и по прежде сообщенному святѣйшаго правительствующаго Синода, по доношеніямъ его преосвященства, февраля 6-го дня прошлаго 1740 года вѣдѣнію, учинено было надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе, и что учинено будетъ соблаговолено бъ было святѣйшій правительствующій Синодъ увѣдомить, сообщить вѣдѣніе, пріобщивъ при томъ со онаго его преосвященства доношенія точную копію, которая при семъ и сообщена. И правительствующій Сенатъ да благоволитъ о томъ учинить по его императорскаго величества указу.—Вѣдѣніе отъ 4-го августа: „Сего 1741 года апрѣля отъ 25 го дня святѣйшему правительствующему Синоду преосвященный Иннокентій, епископъ иркутскій и нерчинскій, присланнымъ доношеніемъ объявляя, что-де онъ нынѣ, по должности своей, возъимѣлъ намѣреніе ѣхать для обращенія и крещенія обрѣтающихся въ епархіи его преосвященства идололаторовъ и для исправленія прочихъ епархіскихъ нуждъ въ городъ Якутскъ и въ присутствующіе къ нему остроги и слободы и въ прочія епархіи его преосвященства мѣста, гдѣ таковые идололаторы пребываніе имѣютъ, чего де ради, по требованію его преосвященства, для той нужной поѣздки отъ Иркутской провинціальной канцеляріи прогонныхъ и поверстныхъ денегъ къ его преосвященству прислано 330 рублевъ 22 копѣйки; а въ промеморіи изъ оной канцеляріи къ его преосвященству объявлено: въ Якутскую-де воеводскую канцелярію къ маіору Павлуцкому посланъ указъ, чтобъ по требованію его преосвященства въ дачѣ подводъ и поверстныхъ денегъ отправленіе чинилъ безотрицательно, а въ правительствующій Сенатъ и въ Сибирскій приказъ писано доношеніями, въ которыхъ представлено: вышеозначенныя поверстныя деньги въ дачу его преосвященству апробуются ль, такожде и тѣ деньги, которыя выданы его преосвященству будутъ въ Якутскѣ, по остроговъ того вѣдомства въ указную дачу апробуются-ль же произвесть, и ежели-де не апробуются, то оныя требованы будутъ отъ его преосвященства обратно;—просилъ, дабы его преосвященство отъ взысканія съ него означенныхъ выданныхъ поверстныхъ денегъ, 330 руб. 22 коп., такожъ и впредь которыя выданы будутъ въ Якутскѣ, учиненъ былъ свободенъ, понеже-де означенная его преосвященства въ Якутскъ поѣздка имѣетъ быть не для чего инаго, но во исполненіе именныхъ ихъ императорскихъ величествъ высочайшихъ указовъ къ прославленію имени и царствія Божія и благополучію и пользѣ государства, и о томъ бы де соблаговолено было сообщить, куда надлежитъ, письменно, дабы въ Иркутскую провинціальную канцелярію опредѣлено было о томъ

его императорскаго величества указомъ. И, по указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: правительствующему Сенату съ требованіемъ, чтобъ вышепоказанныя выданныя его преосвященству изъ Иркутской провинціальной канцеляріи прогонныя и поверстныя деньги до Якутска зачтены были въ указную дачу, и о томъ бы, также, чтобъ впредь, егда его преосвященство для таковаго жъ идололаторовъ въ православную вѣру призыванія ѣхать куда будетъ потребно, подводы съ прогоны были даваны, оная Иркутская провинціальная канцелярія, по силѣ прежде сообщенныхъ отъ святѣйшаго Синода прошлаго 1740 генваря 18-го и сего 1741 годовъ февраля 28-го чисель вѣдѣній, опредѣлена была отъ онаго правительствующаго Сената его императорскаго величества указомъ, сообщить вѣдѣніе. И правительствующій Сенатъ о вышеписанномъ да благоволитъ учинить по его императорскаго величества указу". — Вѣдѣніе отъ 28-го августа: „Въ прошломъ 1730 году, декабря 25-го дня, въ сообщенномъ святѣйшему правительствующему Синоду правительствующаго Сената вѣдѣніи объявлено: по опредѣленію-де онаго правительствующаго Сената, а по прошенію синодальной камчадальской Успенской пустыни строителя, іеромонаха (который уже потомъ былъ разстрига и отосланъ къ наказанію въ свѣтскій судъ) Игнатія Козыревскаго, велѣно на Камчаткѣ, въ Нижнемъ камчадальскомъ острогѣ, въ Успенскую церковь, которой велѣно быть въ помянутой пустыни, и въ придѣлъ священникамъ дву, дьякону и причетникамъ ругу, по опредѣленію сибирскаго губернатора, а на вино церковное, на свѣчи и на ладонъ, прогнавъ другихъ такихъ же въ Сибири ружныхъ церквей, давать изъ якутскихъ доходовъ, а въ прочіе остроги: въ Верхній камчадальскій, въ Большерѣцкій, въ Анадырскій, въ каждый по одному священнику и съ ними пристойное число причетниковъ опредѣлить, и о строеніи въ тѣхъ острогахъ церквей разсмотрѣніе учинить въ святѣйшемъ Синодѣ, а ругу въ тѣ новыя церкви давать противъ вышеписаннаго и написать ту дачу въ штатъ, а сосуды и утварь церковную отправить, ежели есть подъ вѣдомствомъ святѣйшаго Синода, а буде нѣтъ, то купить сибирскому губернатору, а книги новыя отпустить съ Печатнаго двора безденежно; а о тамошнемъ-де народѣ, какъ извѣстно чинится, никакого закона и вѣры не имѣютъ, того-де ради какимъ образомъ оныхъ къ пріятію христіанскаго каѳолическаго закона и къ крещенію приводить, о томъ опредѣленіе учинить въ святѣйшемъ Синодѣ, а для приданія къ тому охоты тѣмъ иновѣрцамъ, кои крестятся, въ платежѣ ясака давать льготы на 10 лѣтъ. Да въ сообщенномъ же изъ онаго правительствующаго Сената апрѣля 9-го дня 1731 года вѣдѣніи жъ объявлено: въ поданномъ-де прав. Сенату, при предложеніи, генерала и кавалера графа Ягужинскаго разсужденіи, въ 21 пунктѣ, написано: о строеніи-де церквей въ камчадальскихъ острогахъ и опредѣленіи поповъ и причетниковъ съ ругою, и кто изъ тамошняго на-

рода крестится, о дачѣ имъ льготы, уже указъ есть, однакожъ подтвердить и то, чтобъ попы были, сколько возможно, люди искусные, и во всякомъ бы острогѣ склоняли аманатовъ и другихъ охотниковъ учиться грамотѣ и показывали имъ законъ христіанскій, понеже тамошній народъ никакой вѣры и закона незнаютъ, а въ Охотскѣ хотя бъ и парочную школу, не для одной грамоты, но и для цифири и навигаціи, Писаревъ завелъ и жалованье малое для содержанія учеников давалъ, изъ чего могутъ люди къ службѣ знающіе вырастать; и правительствующій-де Сенатъ приговорили: о опредѣленіи поповъ и причетниковъ искусныхъ, и чтобъ они, будучи тамъ, склоняли аманатовъ и другихъ охотниковъ учиться грамотѣ и показывали имъ законъ христіанскій, о томъ особливо опредѣленіе и прилежаніе учинить отъ святѣйшаго Синода. А въ томъ же 1731 году, сентября 4 го дня, по именному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества, объявленному въ святѣйшемъ Синодѣ бывымъ новгородскимъ архіепископомъ Ѳеофаномъ, указу, велѣно во означенную камчадальскую землицу, для увѣщанія вышепоказанныхъ, тамо пребывающихъ, никакого закона и вѣры незнающихъ иновѣрцовъ и обращенія ихъ въ христіанскую вѣру, отправить игумена Варѳоломея Филевскаго, который съ пожелавшими съ нимъ туда самоохотно ѣхать іеромонахомъ Александромъ и іеродіакономъ Александромъ же, по учиненіи имъ надлежащаго, по сношеніямъ съ правительствующимъ Сенатомъ, какъ въ жалованьѣ, такъ и въ подводахъ удовольствованія, въ прошломъ 1733 году туда и отправлены; а именно его императорскаго величества жалованья, для означенной дальной ихъ посылки, повелѣно имъ производить: игумену по 300, іеромонаху по 200, іеродіакону по 130 руб. на годъ деньгами или хлѣбными припасами, чѣмъ похотятъ, изъ якутскихъ доходовъ, отсылая на ту ихъ дачу въ Охотскъ такъ, какъ на служилыхъ людей жалованье отправлять до Охотска велѣно, а впредь на годъ выдать деньгами Коллегіи экономіи, да имъ же подводы: игумену три, іеромонаху и іеродіакону по двѣ, до Тобольска, на которыя выдать прогонныя и поверстныя деньги, по указу, изъ той же Коллегіи экономіи, а для опасности въ пути придать солдатъ изъ Сибирскаго приказа, изъ такихъ, кои бываютъ оттуда въ присылкѣ или туда въ отпуску, а отъ Тобольска до Якутска и Охотска отправить сибирскому губернатору водою или сухимъ путемъ, какъ удобнѣе, обще съ командою капитана-командора Беринга, давъ отъ мѣста до мѣста провожатыхъ изъ служилыхъ людей и прогонныя или поверстныя деньги по указу, такъ же въ Якутскѣ еще выдать опредѣленное жалованье на годъ же, дабы будучи имъ въ такомъ дальнемъ краю, не понести нужды, а изъ Охотска на Камчатку перевезть моремъ, на морскомъ суднѣ, какое тамъ есть, и въ бытность ихъ камчатскую, когда будутъ ѣздить для положеннаго на нихъ къ проповѣди слова Божія дѣла, давать оленей и другихъ скотовъ, на чемъ гдѣ

ѣздятъ. и проводниковъ камчатскихъ остроговъ командирамъ, и во всемъ имъ томъ чинить всякое вспоможеніе; а каковымъ образомъ ему, Филевскому, во означенномъ иновѣрцовъ въ христіанскую вѣру призываніи поступать, отъ святѣйшаго Синода дана ему, Филевскому, инструкція. Да ко освященію церквей (которыхъ повелѣно построить на Камчаткѣ, къ имѣющейся готовой въ Нижнемъ камчадальскомъ острогѣ церкви, вновь еще четыре церкви, а именно: въ Верхнемъ камчадальскомъ, въ Большерѣцкомъ, въ Анадырскомъ, такожъ и въ Охотскомъ острогахъ же) св. антиминсы, книгъ, напрестольныхъ, такожъ и воскресныхъ съ толкованіемъ, Евангелій, Апостоловъ и прочихъ церковнаго круга 101, да для обученія новокрещеныхъ огроковъ букварей 200, а прочую къ тѣмъ церквамъ утварь (понеже въ синодальной ризницѣ готовой, какова могла бъ быть за излишествомъ, не сыскалась), по опредѣленію правительствующаго Сената, велѣно отправить отъ Сибирской губерніи. Да сверхъ вышеупомянепнаго, къ его жъ, Филевскаго, отправленію, сообщеннымъ святѣйшаго Синода правительствующему Сенату, іюля 5-го дня 1733 года, вѣдѣніемъ, между прочаго, требовано было: 1) о опредѣленіи на дачу новокрещеным крестовъ, на рубашки и порты и прочее холстовъ; 2) о толмачѣ, чтобъ къ тому Филевскому опредѣленъ былъ человѣкъ достойный и сколько можно добраго состоянія, кого привесть бы и къ присягѣ, чтобъ онъ въ переводѣ речей отъ проповѣдывающаго и призывасмыхъ ко крещенію никакой въ противность премѣны отнюдь не чинилъ и вмѣсто сказуемаго ему не говорилъ бы чего пинаго; 3) о отправленіи въ оныя жъ на Камчаткѣ церкви (кромѣ вышепоказанной прежде построенной, имѣющейся въ Нижнемъ камчадальскомъ острогѣ) пологияныхъ иконъ на иконостасы, на царскія двери, запрестольныхъ, да на престолы жъ и жертвенники и сосуды одежд, вервей, воздуховъ, покровцовъ, завѣсовъ, лампадъ, колоколовъ и муки на просфоры, которая бы изъ казны давана была повсягодно, ибо хотя какъ о сосудахъ церковныхъ, такъ же и прочей утвари, чтобъ оное куплено и отправлено было, къ сибирскому губернатору указъ изъ правительствующаго Сената и былъ посланъ, но гокмо въ томъ указѣ о покупкѣ той утвари упомянуто было глухою статьею, и для того ежели о иконахъ и о прочемъ въ семъ 3 пунктѣ показанномъ, особно указомъ не объяснять, то изъ онаго требуемаго, можетъ быть, иное и не будетъ отправлено; что же по оному въ правительствующемъ Сенатѣ учинено, святѣйшему Синоду не сообщено. А въ прошломъ 1737 году, октября 10-го дня, вышепоказанный игуменъ Филевскій (какъ о томъ сообщеннымъ святѣйшему прав. Синоду изъ имѣвшагося святѣйшаго Синода въ Москвѣ вѣдѣніемъ объявлено), будучи, по нѣкоторому вышеупомянутаго посланнаго съ нимъ іеродіакона Александра доносу, изъ Якутска отъ Конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ взятъ въ Москву, и по присылкѣ изъ той конторы въ московскую Синодальную

канцелярію, бывъ нѣколикое время въ болѣзни, умре, а оный іеродіаконъ Александръ, за лжезатѣйный его на него, игумена, донось, по лишеніи іеродіаконства, для написанія въ солдатскую службу, отосланъ Военной коллегіи въ контору, а іеромонахъ Александръ же остался въ Иркутскѣ. А нынѣ присланнымъ святѣйшему прав. Синоду изъ Сибирскаго приказа доношеніемъ объявлено: февраля-де 18-го дня сего года въ репортѣ изъ Охотска отъ Григорія Скорнякова-Писарева въ Сибирскій приказъ написано: по указамъ-де блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великія государыни императрицы Анны Іоанновны повелѣно о крещеніи въ Сибири иноземцовъ стараніе имѣть и которые крестятся на Камчаткѣ, тѣмъ давать въ ясакѣ льготы на десять лѣтъ, а въ прочихъ мѣстахъ въ полы, и слѣдуя-де тѣмъ ея императорскаго величества указамъ, въ Охотскѣ о томъ крещеніи отъ Канцеляріи охотскаго порта имѣется стараніе, и до сего-де волею тѣхъ иновѣрцовъ крестилось, а именно: оленныхъ и пѣшихъ князцовъ пять, да одинъ шаманъ, а прочихъ-де мужеска и женска полу человѣкъ съ пятьдесятъ, а священникъ-де нынѣ въ Охотскѣ имѣется одинъ, іеромонахъ Домаскинъ, который-де, какъ пойдетъ капитанъ-командоръ въ путь свой, то-де и онъ пойдетъ съ нимъ-же, а по отшествіи-де его въ Охотскѣ священника другаго не останется, и требовано, дабы для того крещенія присланы были какъ на Камчатку, такъ и въ Охотскъ священники искусные, которые-бъ могли тѣхъ иноземцовъ приводить въ вѣру православнаго исповѣданія. А въ канцеляріи святѣйшаго Синода по справкѣ, въ прошлыхъ разныхъ годѣхъ, изъ С.-Петербурга и изъ Москвы, такожъ и изъ Тобольска посланы въ Сибирскую губерніи, въ Охотскій острогъ, за нѣкоторыя различныя вины, отъ разныхъ церквей священники и діаконы на житье вѣчно, которые священства не лишены, но точію учинено имъ наказаніе плетьми, а именно: въ 1732 году, церкви св. Іоанна Предтечи, что при С.-Петербургѣ, въ Ямской слободѣ, священники: Ефремъ Ивановъ, Андрей Ивановъ же; Алексинскаго уѣзда священники жъ: села Аоанасьева Иванъ Козминъ, села Богучарова Михаилъ Трифоновъ; дьяконы: Петръ Степановъ, Парфенъ Григорьевъ; дьячекъ Прокофій Семеновъ; въ 1733 году, новгородской епархіи, Бѣжецкой пятины, Бѣлозерской половины поповскіе старосты: Боровицкаго погоста церкви Живоначальныя Троицы священникъ Андрей Петровъ, Ивановскаго Волокодержковскаго погоста церкви Іоанна Предтечи священникъ Описимъ Абрамовъ; въ 1737 г. изъ Тобольска, города Березова священники: Илья Прохоровъ, Артемій Васильевъ, дьяконъ Павелъ Кокоулинъ;—изъ которыхъ священнослужителей, какъ изъ полученныхъ въ святѣйшій Синодъ отъ преосвященнаго Иннокентія, епископа иркутскаго, отправленныхъ отъ его преосвященства, октября отъ 18-го 1740 и апрѣля отъ 7-го чиселъ сего 1741 годовъ доношеніевъ видно, въ Иркутскѣ его преосвященству, нѣкоторые жъ въ Охотскѣ, и явились, а именно: въ Ир-

кутскѣ вышепомянутые, Алексинскаго уѣзда, священнослужители: Иванъ Козминъ, Михайло Трифоновъ, дьяконы Петръ Степановъ, Парфенъ Григорьевъ, дьячекъ Прокофій Семеновъ; въ Охотскѣ березовскіе священники Илья Прохоровъ, Артемій Васильевъ, дьяконъ Павелъ Кокоулинъ; а о вышепомянутыхъ дву новгородскихъ и дву жъ с.-петербургской Ямской слободы священнослужителяхъ, въ одномъ изъ оныхъ доношеній, что отправлено октября отъ 18-го дня 1740 года, упомянуто, что-де нѣкоторые изъ нихъ, по прибытіи въ Иркутскъ, и опредѣлены къ церквамъ, а которые въ Иркутскъ прибыли и кои жъ гдѣ въ пути остались, или жъ прямо проѣхали въ Охотскъ, о томъ во ономъ доношеніи не росписано, а о вышепомянутыхъ-де Алексинскаго уѣзда священникахъ, Козминѣ и Трифоновѣ, что они священства лишены ль или не лишены, указа къ его преосвященству не прислано, чего-де ради до указу опредѣлилъ онъ имъ, священникамъ, въ Охотскѣ быть дьячками. И апрѣля 13-го дня 1741 года, по его императорскаго величества указу и по опредѣленію святѣйшаго правительствующаго Синода, велѣно оными Алексинскаго уѣзда священникамъ священнодѣйствіе, такожъ и дьяконамъ Петру Степанову и Парфену Григорьеву діаконское служеніе въ Охотскѣ исполнять невозбранно, для того что въ имянномъ ея императорскаго величества указѣ, объ опой ихъ въ Охотскъ ссылкѣ состоявшемся, того, чтобъ ихъ, поповъ—священства, а діаконовъ—діаконства лишить, не написано, и о томъ къ его преосвященству указъ изъ святѣйшаго Синода посланъ И тако, какъ изъ всего вышепоказаннаго видно, надлежитъ нынѣ въ Охотскѣ быть священниковъ осмь, діаконовъ три, дьячекъ одинъ; и хотя изъ оныхъ священно-служителей къ назначеннымъ въ разныхъ Камчатской землицы и въ Охотскомъ и Анадырскомъ острогахъ церквамъ и для проповѣди и можно бы распредѣлить, однакожъ безъ ученаго въ латинскихъ школахъ человѣка (ибо оными камчадальскимъ народамъ при проповѣди надлежитъ о Трипостасномъ Богѣ, о воплощеніи Сына Божіи, о спасительномъ Его за насъ страданіи, живоносномъ воскресеніи и преславномъ на небеса вознесеніи, о св крещеніи, евхаристіи и другихъ Христомъ Господомъ установленныхъ Таинствахъ, о воскресеніи мертвыхъ и о будущемъ вѣцѣ и судѣ и о прочихъ важнѣйшихъ христіанскихъ догматахъ и преданіяхъ преподавать наставленіе съ довольнымъ истолкованіемъ, чему простые священницы, чтобъ совершенно обучать ихъ могли - не уповательно) обойтись никакъ не возможно; къ каковому званію, какъ извѣстно есть святѣйшему Синоду, обрѣтающійся въ Тобольскѣ новоопредѣленный въ якутскій Спасскій монастырь архимандритъ Іосифъ Запкевичъ, по его школьнымъ наукамъ, можетъ быть доволенъ. Того ради, по указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: въ помянутой Камчатской землицѣ, въ проповѣди слова Божія и для обращенія и наставленія къ познанію христіанскаго благочестія тамош-

няго безбожіемъ ослѣпленнаго народа, вмѣсто означеннаго игумена Вароломея Филевскаго, быть ему, архимандриту Занкевичу, и о томъ къ нему, Занкевичу, съ пріобщеніемъ въ таковой же, какова дана и вышепоказанному Филевскому, силѣ отъ святѣйшаго Синода инструкціи и реестровъ, что съ вышеозначеннымъ Филевскимъ отъ оной Синодальной канцеляріи книгъ и прочаго отправлено, коній, послать указъ. Что же ко отправѣ его, Занкевича, во объявленное послушаніе подлежитъ, о томъ учинить слѣдующее: 1) при означенной съ нимъ, архимандритомъ, на Камчаткѣ, проповѣди, изъ вышереченныхъ, обрѣтающихся въ Охотскѣ священниковъ, вспоможенія и крещенія ради, быть двумъ священникамъ и одному діакону, кто по усмотрѣнію его, архимандрита, къ тому явятся быть достойнѣйшіе; 2) правительствующему Сенату о всемъ вышеписанномъ сообщивъ вѣдѣніе, требовать, дабы соблаговолено было какъ означенному якутскаго Спасскаго монастыря архимандриту Занкевичу и имѣющимъ при немъ быть на Камчаткѣ двумъ священникамъ и одному діакону, такъ и тѣмъ, кои къ назначеннымъ въ Охотскѣ и въ камчатскихъ и Охотскомъ и Анадырскомъ острогахъ церквамъ для священнослуженія будутъ опредѣлены, пяти священникамъ и при нихъ двумъ діаконамъ, десяти человѣкамъ дьячкамъ и пономарямъ, опредѣлено учинить и давать его императорскаго величества жалованья, архимандриту противъ того жъ, каковое, по опредѣленію прав. Сената, получалъ вышереченный игуменъ Филевскій, а именно въ годъ по 300 рублевъ, которое бы на первый годъ выдано ему было въ Тобольскѣ изъ губернскихъ доходовъ, двумъ помощнымъ священникамъ по 150 руб. діакону по 100 рублевъ, прочимъ священникамъ же, діаконамъ и церковнымъ причетникамъ, кои къ назначеннымъ въ Охотскѣ и на Камчаткѣ и въ Анадырскомъ острогѣ церквамъ, въ томъ числѣ и Нижняго камчадальскаго острога къ прежней церкви опредѣлятся, священникамъ по 80, діаконамъ по 60, причетникамъ, каждому дьячку и пономарю по 40 руб. человѣку, и производить имъ опое, такожъ церковныя требы, вино церковное, воскъ, ладонъ и на просфоры пшеничную муку, что каждой церкви надлежитъ, изъ доходовъ Охотскаго острога, если тамо достаточно тѣхъ доходовъ быть можетъ, буде же до толикаго числа тамо доходовъ не будетъ, то изъ Якутска повсягодно, безъ всякаго, чтобъ они никакой въ толь дальной и безхлѣбной странѣ нужды и гладу претерпѣть, церкви же святыя въ служеніи литургіи, безъ церковныхъ требъ остановки имѣть не могли, удержанія; оному жъ архимандриту Занкевичу подводы съ прогонными и, гдѣ надлежитъ, съ поверстными по плакату деньгами, отъ Тобольска до Иркутска, гдѣ (какъ чаятельно) вышепомянутая посланная съ Филевскимъ на Камчатку всякая церковная утварь имѣется, и оттуда подъ него жъ и подъ опую утварь до Якутска и Охотска и оттуда со опредѣленными съ нимъ священно-служители до Камчатки, чрезъ море, пристойное судно, такожъ

и прочее вышеписанное, что до иконостаса и церковной утвари слѣдуетъ, ежель чего отъ Сибирской губернской канцеляріи со онымъ Филевскимъ, по прежде посланному изъ прав. Сената указу, не было отпущено, ныпѣ отправлено было безъ всякаго задержанія; да съ нимъ же бы, архимандритомъ Занкевичемъ, изъ тобольскаго гарнизона, для всякихъ въ пути разсылокъ и для прочихъ нуждъ отправить изъ солдать, которые взяты въ службу изъ церковнаго причта, трехъ искусныхъ въ книгочтеніи человѣкъ, съ надлежащимъ имъ жалованьемъ, коимъ и быть при немъ, архимандритѣ, покамѣстъ онъ при оной на Камчаткѣ проповѣди будетъ, не отлучнымъ, во всякомъ послушаніи, и чтобъ ему, архимандриту, гдѣ надлежитъ, даваны были вожи, къ проповѣди же изъ толмачей, откуда пристойно, достойный, за присягою, человѣкъ, а о награжденіи приходящихъ ко крещенію его императорскаго величества жалованьемъ учинено бъ было разсмотрѣніе, по примѣру какъ и о казанскихъ новокрещеныхъ имянимъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества указомъ повелѣно; и о всемъ бы о томъ, такожъ и о немедленной его, архимандрита Занкевича, изъ Тобольска отправѣ, опая Сибирская губернская, такожъ, въ чемъ надлежитъ, и Иркутская провинціальная канцеляріи опредѣлены были его императорскаго величества указомъ. И правительствующій Сенатъ о вышеписанномъ да благоволитъ учинить по его императорскаго величества указу; а о опредѣленіи вышеозначеннаго архимандрита Занкевича ко означенной проповѣди, такъ же и къ вышепомянутымъ на Камчаткѣ и въ Охотскѣ назначеннымъ быть церквамъ и для вспоможенія ему, архимандриту, священно и церковно-служителей, къ преосвященному Иннокентію, епископу иркутскому и нерчинскому, изъ святѣйшаго правительствующаго Синода указъ посланъ“ [261]).

IV.

Управленіе дѣлъ синодальнаго вѣдомства въ Москвѣ. — Московская Синодальнаго правленія канцелярія: ея помѣщеніе, устройство, дѣлопроизводство и дѣятельность въ царствованіе Іоанна Антоновича.

„Управленіе надлежащими до Синода дѣлами“ въ Москвѣ и московскомъ округѣ было поручено особому учрежденію, носившему въ разное время различныя названія: Синодской конторы, святѣйшаго правительствующаго Синода, въ Москвѣ, и Московской Синодальнаго правленія канцеляріи, или московской Синодальной канцеляріи *).

*) На время засѣданія Синода, по какому-либо случаю (напримѣръ, по случаю коронаціонныхъ торжествъ), въ Москвѣ, его московское отдѣленіе, какъ таковое, прерывало свою дѣятельность: оно присоединялось къ составу самого Синода.

Время возникновенія этого органа почти совпадаетъ со временемъ учрежденія Синода: есть указаніе, что въ апрѣлѣ 1721 года Синодская контора уже существовала [262]). Впослѣдствіи, въ 1723 году, Синодъ, въ опредѣленіи отъ 20-го марта, довольно точно обозначилъ и организацію, и характеръ дѣятельности своей московской конторы. Вотъ это опредѣленіе. „Святѣйшій Синодъ, сообщеннаго изъ правительствующаго Сената вѣдѣнія и объявленнаго въ немъ, за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, указа о оставленіи въ Москвѣ изъ каждой коллегіи по одному совѣтнику и о управленіи дѣлъ состоявшагося слушавъ, согласно приговорили: во время синодальнаго въ С.-Петербургѣ отсутствія, быть въ Москвѣ, для управленія надлежащихъ до Синода дѣлъ, синодальному совѣтнику, Симонова монастыря архимандриту Петру, да при немъ ассессорамъ: Андроніева монастыря архимандриту Діонисію да Канцеляріи розыскныхъ раскольныхъ дѣлъ судьѣ господину Топильскому, которымъ по дѣламъ, каковы отъ Синода будутъ въ Москвѣ оставлены, надлежащее слѣдованіе чинить и, по которымъ возможно рѣшеніе и безъ синодальнаго разсужденія опредѣленіе быть, тѣ и рѣшить, и присудныхъ Синоду въ надлежащихъ до синодальнаго правленія дѣлахъ судить по святымъ правиламъ и по Духовному и Генеральному регламентамъ и по Соборному Уложенію и по состоявшимся о томъ его императорскаго величества указамъ и государственнымъ правамъ, о чемъ и инструкцію имъ отъ святѣйшаго Синода дать, съ примѣру данной, за собственною его императорскаго величества рукою, оставленному въ Москвѣ сенатскому члену инструкціи... И о вышеозначенномъ опредѣленіи помянутымъ новоопредѣленнымъ персонамъ сказать въ Синодѣ указъ и привести ихъ къ присягѣ по обыкновенію; а о присылкѣ съ вышеозначенной инструкціи копіи сообщить изъ Синода въ Сенатъ вѣдѣніе“ [263]). Въ томъ же 1723 году это учрежденіе получило наименованіе московской Синодальнаго правленія канцеляріи. 23-го сентября Синодъ постановилъ: „въ посылаемыхъ изъ канцеляріи Синода въ Москву о всякихъ дѣлахъ указахъ, по которымъ надлежитъ отправленіе имѣть оставшему въ Москвѣ синодальному члену и ассессорамъ, по обыкновенномъ его императорскаго величества титулѣ, писать слѣдующимъ образомъ: „въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію“; и сіе приказаніе канцеляріи Синода актуаріусу и прочимъ повытчикамъ объявить по обыкновенію и о томъ имъ подписаться своеручно“. Черезъ мѣсяцъ, 25-го октября, въ Синодальнаго правленія канцелярію былъ назначенъ прокуроръ: „Святѣйшій правительствующій Синодъ, предложенія полковника и синодальнаго оберъ-прокурора господина Болтина о бытіи въ московской Синодальныхъ дѣлъ канцеляріи Монастырскаго приказа прокурору Раевскому слушавъ, согласно приговорили: оному прокурору надлежащее, по должности его, смотрѣніе

въ московской Синодальнаго правленія канцеляріи чинить по примѣру учиненнаго о прокурорскомъ въ конторѣ оставшагося сенатскаго члена смотрѣніи опредѣленія. И о томъ въ оную Синодальную канцелярію послать указъ. а ко оному прокурору Раевскому о семъ опредѣленіи отписать помянутому оберъ-прокурору господину Болтину, которому обычайно о томъ и объявить" [264]). 15-го августа 1727 года московская Синодальнаго правленія канцелярія, по распоряженію Синода, была закрыта; дѣла же - рѣшенныя велѣно сдать въ архивъ. а не оконченныя рѣшить въ Духовной дикастеріи управлявшему въ то время Синодальною областью архіепископу сарскому и подонскому Леониду [265]). Но въ ноябрѣ 1731 года Синодъ, отъѣзжая послѣ коронаціи императрицы Анны Іоанновны въ Петербургъ, снова оставилъ въ Москвѣ свое отдѣленіе, подъ названіемъ „Святѣйшій правительствующій Синодъ, въ Москвѣ". Спустя 3 года, синодскимъ опредѣленіемъ, это названіе было замѣнено прежнимъ. Объ этомъ Синодъ сообщилъ Сенату слѣдующимъ, отъ 25-го іюня 1734 года, вѣдѣніемъ: „сего іюня 20 го дня, святѣйшій правительствующій Синодъ имѣли разсужденіе, что нынѣ въ Москвѣ обрѣтается изъ числа правительствующаго Сената членовъ одинъ членъ, его сіятельство генералъ и кавалеръ графъ господинъ Салтыковъ. и присутствуетъ для отправленія дѣлъ въ оставшей тамо отъ правительствующаго Сената конторѣ, которой повелѣно быть по ея императорскаго величества, за подписаніемъ ея императорскаго величества руки, указу, и изъ правительствующаго Сената, изъ С.-Петербурга, пишутъ такимъ образомъ: „въ Москву, въ Сенатскую контору, генералу, кавалеру. оберъ-гофмейстеру и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковнику и ея императорскаго величества генералу адъютанту, графу Семену Андреевичу Салтыкову съ товарищи, вѣдѣніе"; а изъ числа святѣйшаго правительствующаго Синода членовъ же въ Москвѣ, у отправленія до синодальнаго правительства касающихся дѣлъ, обрѣтается одинъ членъ, преосвященный Іоакимъ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, а, кромѣ его преосвященства, иного никого изъ синодальныхъ членовъ съ его преосвященствомъ при отправленіи дѣлъ не имѣется, а изъ святѣйшаго правительствующаго Синода, въ Петербургѣ, гдѣ большая часть синодальныхъ членовъ, письменная корреспонденція имѣется въ Москву и пишется тако: „святѣйшему правительствующему Синоду, въ Москвѣ", а не по вышеписанному, какъ изъ правительствующаго Сената, изъ С.-Петербурга. въ Москву, въ Сенатскую контору письменная корреспонденція имѣется, примѣру. А понеже святѣйшій правительствующій Синодъ съ правительствующимъ Сенатомъ, по указамъ, уравненіе имѣетъ, и того ради надлежитъ изъ святѣйшаго правительствующаго Синода, въ С.-Петербургѣ, въ Москву, ко оному синодальному члену письменную корреспонденцію имѣть по примѣру сенатскому. Того ради, по указу ея импера-

торскаго величества, приказали: по силѣ вышеобъявленнаго ея императорскаго величества о Сенатской конторѣ, въ Москвѣ, состоявшагося указа, отнынѣ въ Москвѣ святѣйшему Синоду полнымъ святѣйшаго Синода титуломъ ни письменно, ни словесно ни въ чемъ не именоваться и не писаться, а писать таковымъ образомъ: „святѣйшаго правительствующаго Синода, изъ С.-Петербурга, оставшему въ Москвѣ синодальному члену преосвященному Іоакиму, архіепископу ростовскому и ярославскому, съ засѣдающими, вѣдѣніе"; а тамошнюю канцелярію писать московскою Синодальнаго правленія канцеляріею; а въ святѣйшій правительствующій Синодъ писать тако: „Святѣйшему правительствующему Синоду оставшаго въ Москвѣ синодальнаго члена съ засѣдающими вѣдѣніе"; а въ правительствующій Сенатъ, ежели случай возъимѣется, и въ Сенатскую контору писать таковымъ же образомъ, какъ и въ святѣйшій правительствующій Синодъ, а въ прочія мѣста, куда надлежитъ, посылать указы и писать, по обыкновенному ея императорскаго величества титулѣ, слѣдующее: „изъ московской Синодальнаго правленія канцеляріи", а потомъ дѣло; и въ надлежащихъ до синодальнаго правленія дѣлахъ оному синодальному члену съ засѣдающими поступать по святымъ правиламъ, по Соборному Уложенію, по Духовному и Генеральному регламентамъ и состоявшимся прежнимъ императорскихъ величествъ и ея императорскаго величества, нынѣ благополучно государствующія, указамъ и по другимъ государственнымъ правамъ и по сообщеннымъ при вѣдѣніи изъ святѣйшаго правительствующаго Синода, въ С.-Петербургѣ, марта 7-го дня 1732 года, пунктамъ, не отмѣнно. И правительствующій Сенатъ о вышеписанномъ да благоволитъ вѣдать" [266]). Въ слѣдующемъ 1735 году, 8-го апрѣля, Синодъ далъ московской Синодальнаго правленія канцеляріи подробную инструкцію, при чемъ измѣнилъ и форму сношенія этой канцеляріи съ Синодомъ, приказавъ канцеляріи писать въ Синодъ такъ: „Святѣйшему правительствующему Синоду московской Синодальнаго правленія канцеляріи донош[е]ніе", а съ Сенатскою конторою сноситься вѣдѣніями, съ прочими же мѣстами „по прежнему обыкновенію". Такое положеніе московское отдѣленіе Синода занимало и въ 1740—1741 гг. [267]).

Въ описываемое царствованіе Синодальнаго правленія канцелярія помѣщалась въ палатахъ московскаго Синодальнаго дома [268]). Присутствіе ея составляли: преосвященный Митрофанъ, епископъ тверской и кашинскій (именовавшійся „синодальнымъ членомъ, обрѣтающимся въ Москвѣ для управленія синодальныхъ дѣлъ"), и „засѣдавшіе" съ нимъ: Герасимъ, архимандритъ Богоявленскаго монастыря, и Иларіонъ, архимандритъ Саввы Сторожевскаго монастыря [269]). Въ числѣ состоявшихъ при нихъ канцелярскихъ чиновъ упоминаются: секретарь (Алексѣй Васильевъ, а потомъ Петръ Боголюбовъ), протоколистъ, 3 канцеляриста и 2 подканцеляриста [270]). О размѣрѣ содер-

жанія личнаго состава московской Синодальнаго правленія канцеляріи документы подробно не сообщаютъ; есть только указаніе, что епископъ Митрофанъ денежное жалованье получалъ „половинное противъ обрѣтавшихся въ С. Петербургѣ, въ присутствіи святѣйшаго Синода, членовъ", именно 750 руб. въ годъ, и что жалованье это отпускалось ему изъ Коллегіи экономіи (отдѣльно отъ прочихъ засѣдавшихъ съ нимъ лицъ) по третямъ года, по 250 руб. за каждую прошедшую треть, съ вычетомъ на гошпиталь по копѣйкѣ съ рубля [271]). При Синодальной канцеляріи состояло 10 человѣкъ солдатъ, которые получали содержаніе также отъ Коллегіи экономіи. Въ расходной за 1740 годъ книгѣ этой коллегіи записанъ указъ расходчику—выдать „Синодальной канцеляріи солдатамъ, 10 человѣкамъ, заслуженнаго имъ на прошедшія майскую и сентябрскую 1740 года трети хлѣбнаго жалованья, по ихъ окладамъ: ржи 32 четверти 5 четвериковъ съ половиною и съ третью" [272]). На канцелярскіе расходы московская Синодальнаго правленія канцелярія получала деньги изъ того же источника—Коллегіи экономіи, но въ какомъ размѣрѣ, изъ документовъ не видно: есть, впрочемъ, свѣдѣніе, что въ началѣ 1739 года потребовалось на покупку канцелярскихъ принадлежностей: писчей бумаги, чернилъ, сургуча и проч. до 200 рублей [273]).

О порядкѣ и формальной сторонѣ производства дѣлъ въ Синодальной канцеляріи сохранились скудныя свѣдѣнія. Входившія въ канцелярію бумаги принимались секретаремъ, которому, по инструкціи 1735 года, велѣно было: „въ пріемѣ входящихъ въ тое канцелярію всякихъ дѣлъ и въ произвожденіи ихъ поступать съ крайнею исправностью". Всегда-ли соблюдалось это правило на практикѣ неизвѣстно; но бумаги, вступавшія въ канцелярію изъ московскихъ правительственныхъ учрежденій, принимались этимъ порядкомъ. Такъ въ производствахъ Коллегіи экономіи на отпускахъ исходящихъ бумагъ отмѣчалось, что подлинныя были „поданы въ той (Синодальной) канцеляріи секретарю Боголюбову" [274]). Какимъ порядкомъ дѣла вступали въ присутствіе—докладывалъ-ли ихъ самъ секретарь, или просто вносилъ ихъ туда для прочтенія, -свѣдѣній въ описываемыхъ документахъ не имѣется. Дѣла обсуждались и рѣшались на общемъ для коллегій основаніи. Вышеупомянутая инструкція вмѣняла въ обязанность первенствующему члену канцеляріи: „каковыя дѣла до синодальнаго правительства опредѣлены, управлять общимъ съ засѣдающими согласіемъ, а не одному собою". Приговоры присутствія заносились въ протоколъ, „протокольную меморію". Объ исполненіи приговоровъ посылались указы, которые имѣли такую форму: „По его императорскаго величества указу и по опредѣленію московской Синодальнаго правленія канцеляріи" (слѣдуетъ содержаніе приказа). Указы въ учрежденія, не подчиненныя Синодальной канцеляріи (напримѣръ, въ Коллегію экономіи), подписывались однимъ изъ членовъ, секретаремъ и канцеляристомъ, а иногда

только секретаремъ и канцеляристомъ; указы же въ подчиненныя установленія (въ Духовную дикастерію, духовныя правленія и др.) посылались за руками секретаря (или протоколиста) и канцеляриста [275]). Къ указамъ прикладывалась „святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго Синода печать". Для доставленія по назначенію указы иногда отдавались тѣмъ лицамъ, которыя имѣли хожденія по дѣлу. Такъ, въ 1741 году, указъ въ Костромское духовное правленіе объ освященіи церкви въ селѣ Середѣ, для доставленія туда, отданъ былъ въ Синодальной канцеляріи самому ходившему по этому дѣлу священнику [276]).

Московская Синодальнаго правленія канцелярія, какъ отдѣленіе Синода, говоря вообще, должна была замѣнять въ Москвѣ въ дѣлѣ управленія и суда самый Синодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить посредствующимъ органомъ, чрезъ который Синодъ, съ одной стороны, распространялъ въ московскомъ округѣ свои распоряженія, а съ другой— принималъ возникавшія въ этомъ округѣ дѣла „весьма важныя и сомнительныя", требовавшія разсужденія всего Синода. Въ частности вѣдѣнію этой канцеляріи въ данную эпоху, насколько раскрываютъ наличные источники, подлежали слѣдующіе предметы.

Надзоръ за всѣми учрежденіями синодальнаго вѣдомства въ Москвѣ и разрѣшеніе вопросовъ, возникавшихъ въ этихъ учрежденіяхъ. Инструкціею 1735 года, имѣвшею силу и въ описываемое время, Синодальной канцеляріи было поручено: „Всѣ обрѣтающіяся въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ святѣйшаго правительствующаго Синода судебныя и правительственныя мѣста въ смотрѣніи и въ прочемъ надзираніи имѣть неослабно, и по какимъ дѣламъ отъ оныхъ доношеніями будетъ требовано рѣшительной резолюціи, и по тѣмъ рѣшеніе чинить, какъ святыя правила и Соборное Уложеніе, регламенты и указы повелѣваютъ, кромѣ весьма важныхъ и сомнительныхъ дѣлъ; а по какимъ важнымъ и сомнительнымъ дѣламъ рѣшенія чинить будетъ не возможно, о томъ о всемъ, съ яснымъ показаніемъ и приложеніемъ мнѣнія, присылать святѣйшему правительствующему Синоду чрезъ ординарныя почты доношенія; а присылаемыя о всякихъ дѣлахъ отъ архіереевъ самихъ и изъ архіерейскихъ епархій отъ управителей доношенія съ требованіемъ резолюцій всѣ велѣть отправлять въ святѣйшій правительствующій Синодъ противъ вышеписаннаго-жъ на почтѣ неотмѣнно" [277]).

Разрѣшеніе дѣлъ по прошеніямъ объ освященіи вновь построенныхъ церквей. Такъ 6-го марта 1741 года въ московской Синодальнаго правленія канцеляріи состоялось слѣдующее опредѣленіе: „По прошенію, Костромскаго уѣзда, Плесской десятины, села Середы церкви Вознесенія Господня попа Симеона Иванова о освященіи построенной во оном селѣ церкви Вознесенія Господня и о выдачѣ освященнаго антиминса, приказали: въ Костромское духовное правленіе послать указъ, велѣть освидѣтельствовать, ежели означенная церковь построена по силѣ даннаго о строеніи ея указа и святыми иконами

и прочимъ церковнымъ благолѣпіемъ убрана и престолъ устроенъ по силѣ святыхъ правилъ и другихъ святыхъ церквей и указу, то велѣть освятить по церковному чиноположенію, на выданномъ изъ Синодальнаго дома освященномъ антиминсѣ, чего для и выдать, а какъ освящена будетъ, репортовать“ [278]).

Назначеніе на священно и церковно-служительскія мѣста по Синодальной области. При этомъ назначеніи Синодальная канцелярія была обязана „свидѣтельствовать“ кандидатовъ — удовлетворяютъ-ли они всѣмъ требованіямъ, изложеннымъ въ церковныхъ правилахъ и въ указахъ государей, то-есть назначенные къ посвященію во іеромонахи, іеродіаконы, священники, діаконы и причетники, искусны-ли въ чтеніи и пѣніи „и въ прочемъ, принадлежащемъ до того“. Вмѣстѣ съ этимъ канцелярія должна была производить тщательное дознаніе, гдѣ и когда посвящаемые во іеромонахи и іеродіаконы были пострижены въ монашество, не вопреки ли запретительныхъ указовъ, а также и о томъ, были ли всѣ эти лица у присяги въ 1730, 1731 и 1740 годахъ. Послѣ такого свидѣтельствованія, канцелярія дѣлала распоряженіе объ опредѣленіи достойныхъ на извѣстныя должности [279]). Кромѣ того, Синодальная канцелярія принимали участіе въ назначеніи на мѣста: а) священно и церковно-служителей московскихъ соборовъ: Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго и всѣхъ дворцовыхъ церквей, б) протопоповъ всѣхъ московскихъ соборовъ и в) настоятелей и настоятельницъ монастырей Синодальной области. Участіе это ограничивалось только однимъ свидѣтельствованіемъ кандидатовъ и указаніемъ Синоду достойныхъ лицъ [280]).

Выдача грамотъ: храмозданныхъ — на построеніе храмовъ, благословенныхъ — на освященіе церквей, настольныхъ — „новопроизведеннымъ властямъ“, настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, ставленыхъ — новопоставленнымъ во священники и діаконы, епитрахильныхъ — вдовымъ священникамъ, постихарныхъ — причетникамъ, новоявленныхъ (памятей) — просвирнямъ, и перехожихъ — на переходъ священнослужителей отъ одной церкви къ другой. До 1739 года выдача этихъ актовъ лежала на обязанности Синодальнаго (прежде — Патріаршаго) Казеннаго приказа. Въ 1738 году, по именному повелѣнію 30-го октября, приказъ этотъ былъ переданъ изъ вѣдомства московской Синодальнаго правленія канцеляріи въ вѣдѣніе Коллегіи экономіи, состоявшей подъ указами Сената [281]). Такимъ образомъ производство дѣлъ о выдачѣ перечисленныхъ выше актовъ отошло въ вѣдомство свѣтское. Неудобство этого порядка сказалось вскорѣ, и въ 1739 году Синодальная канцелярія донесла Синоду: „О строеніи и освященіи церквей разныхъ чиновъ люди и священно-церковно-служители о дачѣ благословенныхъ грамотъ и памятей, пріѣзжая многіе изъ дальнихъ мѣстъ, поданными прошеніями требуютъ удовольствія и чрезъ неотступное непрестанное прошеніе наносятъ не малую скуч-

ность, прочіе жъ между тѣмъ представляютъ, что о разныхъ ихъ вышеписанныхъ потребахъ имѣются прошенія въ Синодальномъ Казенномъ приказѣ, чрезъ многопрошедшее время по которымъ надлежащее производство учинено, а никакого рѣшенія по многопрестанной волокитѣ получить не могутъ, а въ Синодальную канцелярію къ рѣшенію изъ того Казеннаго приказа не взносятъ, и тако оные просители остаются безъ надлежащаго удовольствія туне: къ тому жъ по подаваемымъ въ ту канцелярію вновь о вышеписанномъ прошеніяхъ по многимъ надлежитъ чинить съ прежними дѣлами справки, коихъ, въ Казенномъ приказѣ прежнихъ дѣлъ за удержаніемъ, производить не возможно и не по чему, ибо и посылаемыхъ какъ указовъ, такъ и запросныхъ писемъ въ ономъ приказѣ ни о какихъ дѣлахъ не пріемлютъ, отъ чего чинится въ оныхъ дѣлахъ крайнее продолженіе и остановка, а требователямъ напрасная волокита и убытки". По этому представленію, Синодъ, вѣдѣніемъ отъ 10-го апрѣля, потребовалъ отъ Сената, чтобы онъ предписалъ Коллегіи экономіи „объ отсылкѣ имѣющихся въ Казенномъ приказѣ ставленическихъ и тому подобныхъ, что до благословенія и производства духовной власти слѣдуетъ, дѣлъ и бывшихъ при тѣхъ дѣлахъ канцелярскихъ служителей (канцеляриста Даева съ копиистами) въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію, понеже тѣ дѣла, а именно о строеніи и освященіи церквей, посвященіе въ священные чины и дача ставленыхъ, епитрахильныхъ, постихарныхъ и перехожихъ и повоявленныхъ грамотъ, слѣдуютъ до духовнаго правительства, а не до свѣтскаго". Исполняя такое требованіе, Сенатъ, 29-го мая, опредѣлилъ: „имѣющіяся въ Казенномъ приказѣ, который нынѣ состоитъ въ вѣдомствѣ Коллегіи экономіи, ставленическія и тому подобныя, подлежащія къ духовному, а не свѣтскому правленію, дѣла и при нихъ канцеляриста съ копистами той коллегіи отдать въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію". Объ исполненіи этого приговора Сенатъ послалъ въ Коллегію экономіи указъ 13-го іюня того же 1739 года [282]). Однако дѣло затянулось, и, по новому требованію Синода, Сенатъ, уже въ исходѣ слѣдующаго 1740 года, долженъ былъ повторить свой приказъ. 11-го октября онъ постановилъ: „По экстракту, учиненному въ Сенатѣ по вѣдѣнію святѣйшаго правительствующаго Синода и по допошенію Коллегіи экономіи, изъ той Коллегіи экономіи вступившія во оную съ Казеннымъ приказомъ слѣдующія къ духовному, а не къ свѣтскому правленію дѣла, а имянно: о дачѣ храмозданныхъ и освященіи церквей благословенныхъ, новопроизведеннымъ властямъ настольныхъ, священно-церковно-служителямъ ставленыхъ, епитрахильныхъ и постихарныхъ грамотъ и новоявленныхъ памятей, по прежнему правительствующаго Сената мая 29-го дня прошлаго 1739 года приговору, отдать въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію немедленно, и сбираемому съ нихъ пошлинному сбору быть въ той же Синодальной

канцеляріи, для того, что помянутыя дѣла не къ свѣтскому, но къ духовному правленію и благословящей синодальной печати принадлежатъ, и имянной ея императорскаго величества октября 30-го дня 1738 года указъ гласитъ о бытіи въ вѣдомствѣ той Коллегіи экономіи доходамъ синодальныхъ вотчинъ и выбираніе доимокъ по свѣтскимъ, а не по вышеобъявленнымъ принадлежащимъ къ духовному правленію дѣламъ, по которымъ пошлиннаго сбора, какъ во оном святѣйшаго Синода вѣдѣніи показано, съ небольшимъ по 100 рублевъ бываетъ, и для того такимъ дѣламъ быть во оной канцеляріи Синодальнаго правленія, и сбираемыя по тѣмъ дѣламъ пошлинныя деньги, записывая въ приходныя шнурованныя книги, и съ тѣми книгами отсылать, по прошествіи каждаго года, въ Коллегію экономіи безъ задержанія. И о томъ послать въ ту коллегію указъ, а въ святѣйшій Синодъ вѣдѣніе“ [283]).

Наблюденіе за исполненіемъ духовными должностными лицами ихъ обязанностей и надзоръ за нравственностью духовенства. Инструкціею 1735 года Синодальной канцеляріи было поручено: а) „имѣть смотрѣніе“, чтобы въ московскихъ соборахъ и во всѣхъ церквахъ Москвы и Синодальной области „всякое церковное славословіе“, а также поминовеніе усопшихъ государей и ихъ фамиліи, „когда кѣмъ надлежитъ, исправляемо было всегда безъ упущенія“, и въ случаѣ неисправности, виновныхъ въ томъ штрафовать, и б) „о пришлыхъ въ Москву изъ разныхъ мѣстъ свѣтскихъ попахъ и діаконахъ и монахахъ и монахиняхъ, также и въ московскихъ всѣхъ монастыряхъ о монашескомъ чинѣ, приказать смотрѣніе имѣть крѣпкое... и отъ всякихъ ихъ непотребныхъ дѣйствъ и народныхъ соблазновъ воздерживать и наказаніе чинить продерзателямъ по усмотрѣнію винъ ихъ неотмѣнно, безъ упущенія; а о пріѣзжихъ въ Москву изъ епархій духовныхъ персонахъ монашескаго чина и священно-служителяхъ, требующихъ въ С.-Петербургъ отпусковъ и паспортовъ, чинить по силѣ сообщеннаго святѣйшему Синоду, въ Москвѣ, прошлаго 1734 года мая 14-го дня вѣдѣнія неотмѣнно“ [284]).

Дѣла судебныя и дисциплинарныя. Объ участіи Синодальной канцеляріи въ производствѣ дѣлъ этого рода видно изъ приведеннаго выше (стран. 310) процесса по доносу служителей московскаго Донскаго монастыря на архимандрита Кирилла. Даютъ понятіе объ этомъ также слѣдующіе факты. Въ іюнѣ 1739 года московскою Синодальнаго правленія канцеляріею по дѣлу о пропажѣ въ приказной канцеляріи Троицкаго Сергіева монастыря одного документа (сказки о бытіи канцеляриста Приклонскаго у присягъ въ 1730 и 1731 годахъ) было опредѣлено: „о вышеозначенной утраченной сказкѣ, къ отысканію оной, изслѣдовать пристойнымъ образомъ подьячими Немировымъ и Емельяновымъ (заподозрѣнными въ утратѣ) и другими, кѣмъ надлежитъ, накрѣпко и для того ихъ, Немирова и Емельянова, выслать

въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію подъ крѣпкимъ карауломъ". Дѣло это тянулось до января 1741 года, когда власти Троицкаго Сергіева монастыря мнѣніемъ положили: виновныхъ, послѣ милостиваго манифеста 23-го октября 1740 года, отъ отвѣтственности освободить, „а въ главное жъ разсмотрѣніе и въ волю предложить то мнѣніе московской Синодальнаго правленія канцеляріи". Въ томъ же 1741 году на разсмотрѣніе Синодальной канцеляріи поступило изъ Духовной дикастеріи доношеніе о побояхъ, нанесенныхъ солигалицкимъ воеводою одному священнику, бывшему „управителемъ" въ тамошнемъ духовномъ правленіи [285]).

Разсылка высочайшихъ указовъ и манифестовъ, отпечатанныхъ въ московской синодальной типографіи (преимущественно), по Синодальной области, черезъ Духовную дикастерію, и по епархіямъ, тянувшимъ управленіемъ къ Москвѣ. Встрѣчается случай, относящійся, впрочемъ, ко времени царствованія Анны Іоанновны, что Синодъ поручилъ Синодальной канцеляріи разсылку печатныхъ экземпляровъ высочайшаго указа по всѣмъ епархіямъ имперіи, исключая епархій новгородской и псковской и петербургскаго округа 8-го іюля 1739 года въ собраніи Синода „святѣйшаго правительствующаго Синода члены объявили словесно: онаго-де числа (вышеуказаннаго) всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, присутствуя лѣтняго своего императорскаго величества дома въ церкви, по отпускѣ божественныя литургіи, именнымъ своимъ императорскаго величества указомъ повелѣть соблаговолила благовѣрную государыню принцессу Анну (Леопольдовну) и супруга ея въ церковныхъ священнослуженіяхъ во всѣхъ Всероссійской имперіи церквахъ воспоминать такимъ образомъ, каковымъ онаго дня, по присланной отъ Синода формѣ, въ домовой ея императорскаго величества церкви воспоминалось, и учинить о томъ немедленное отправленіе. И, во исполненіе онаго ея императорскаго величества именнаго указа, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: въ Синодальной области и въ епархіяхъ, также и во всѣхъ прочихъ Всероссійской имперіи церквахъ во всякихъ церковныхъ священнослуженіяхъ, вездѣ безъизъятно, для надлежащаго благовѣрной государыни принцессы Анны, съ приложеніемъ и супруга ея, воспоминанія, въ разсылку напечатать формы, а именно: въ С.-Петербургское духовное правленіе, въ Троицкій Александро-Невскій монастырь, въ новгородскую и псковскую епархіи—въ Троицкомъ Александро-Невскомъ монастырѣ, при библейномъ печатаніи, а въ прочія во всѣ безъизъятно мѣста — въ московской типографіи, въ самой скорости, слѣдующимъ образомъ (приводится текстъ указа Синода о „воспоминаніи" и самая „форма". См. 1 кн. изданія, стран. 527). И по напечатаніи, по скольку куда надлежитъ, при особливыхъ указѣхъ разослать, а именно: въ С.-Петербургское духовное правленіе, въ Троицкій Александро-Невскій мо-

настырь, въ новгородскую и псковскую епархіи — изъ святѣйшаго правительствующаго Синода, а въ прочія во всѣ безъизъятно мѣста — изъ московской Синодальнаго правленія канцеляріи, въ самой скорости. И для вышеозначеннаго напечатанія обрѣтающимся въ С.-Петербургѣ справщикамъ дать, а въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію при указѣ послать формуляры; а на печатаніе оное бумагу и прочее къ тому слѣдовательное употребить изъ типографскихъ доходовъ. И сколько гдѣ оныхъ напечатано и въ расходъ чего и по какой цѣнѣ употреблено будетъ, справщикамъ подать, а московской Синодальнаго правленія канцеляріи прислать, при доношеніяхъ, справедливыя вѣдомости. И когда оные въ московской типографіи напечатаются и сколько куда котораго числа отъ московской Синодальнаго правленія канцеляріи разосланы и когда къ въ тѣхъ мѣстахъ получены будутъ, о томъ оной канцеляріи святѣйшему правительствующему Синоду репортовать безъ упущенія, не отложно“ [286]).

Наблюденіе за своевременнымъ заготовленіемъ св. мура. Въ началѣ 1741 года Синодальная канцелярія, заботясь о заготовленіи для предстоявшаго мурованія „спецій“, отнеслась вѣдѣніемъ въ Сенатскую контору о предписаніи Коллегіи экономіи отпустить деньги на покупку такихъ спецій, и объ этомъ своемъ дѣйствіи сообщила Синоду. Съ своей стороны Синодъ, 29-го января, послалъ Сенату вѣдѣніе: „Сего генваря 28-го дня святѣйшему правительствующему Синоду сообщеннымъ московской Синодальнаго правленія канцеляріи вѣдѣніемъ объявлено: въ прошлыхъ-де годѣхъ святое муро составляемо было всегда въ четвертый годъ, на страстной недѣлѣ Великаго поста, суммою отъ Синодальнаго Казеннаго приказа, которое составленіе того мура имѣлось въ прошломъ въ 1738 году; а нынѣ Синодальнаго дома ризничій, іеромонахъ Аврамій, представляетъ, что онаго святаго мура остается малое число, и ежели-де нынѣшняго 1741 года, на страстной недѣлѣ Великаго поста того святаго мура не составлять, то онаго мура до будущаго 1742 года на расходъ не достанетъ: а понеже Синодальный Казенный приказъ состоитъ нынѣ въ вѣдомствѣ Коллегіи экономіи, а тому составленію святаго мура конечно быть должно въ нынѣшнемъ 1741 году неотмѣнно и заблаговременно къ тому составленію принадлежащіе припасы пріуготовить въ нынѣшнемъ же году, дабы въ томъ не учинилось какой остановки, оною канцеляріею опредѣлено правительствующаго Сената въ контору сообщить вѣдѣніе, которое и послано, съ такимъ требованіемъ, дабы повелѣно было на оное составленіе святаго мура къ пріуготовленію припасовъ изъ Коллегіи экономіи отпустить сумму, по справочнымъ нынѣшнимъ настоящимъ цѣнамъ, безъ замедленія. И, по указу его императорскаго величества, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: хотя отъ оной Синодальнаго правленія канцеляріи правительствующаго Сената въ контору, съ требованіемъ объ отпускѣ изъ Кол-

легіи экономіи въ тое канцелярію, на составленіе святаго мура, къ пріуготовленію к' оному составленію специй надлежащей суммы денегъ вѣдѣніе и сообщено, точію, дабы въ отпуску оной суммы остановки не учинилось, сообщить правительствующему Сенату вѣдѣніе, съ таковымъ требованіемъ, чтобъ о скорѣйшемъ подлежащей на составленіе святаго мура изъ Коллегіи экономіи во опую Синодальнаго правленія канцелярію суммы денегъ отпускѣ отъ правительствующаго Сената опредѣлено было во опую Коллегію экономіи подтвердить его императорскаго величества указомъ, понеже оная вещь самонужнѣйшая и къ составленію того ко иному, кромѣ назначеннаго, времени не отлагательная". Результатомъ такого требованія былъ слѣдующій, отъ 18-го февраля, указъ Коллегіи экономіи своему расходчику: „По силѣ присланныхъ изъ правительствующаго Сената и его конторы указовъ, отпустить въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію на покупку къ составленію святаго мура специевъ положенную на то составленіе сумму, 600 рублевъ, изъ доходовъ бывшаго Казеннаго приказа и отдать кому отъ той канцеляріи приказано будетъ" [287]).

Завѣдываніе суммою, положенною, по штату 1735 г., на „милостынную дачу" вселенскимъ патріархамъ и палестинскимъ властямъ и монастырямъ. До 1738 года выдачею этихъ денегъ по назначенію завѣдывалъ Синодальный Казенный приказъ, а въ этомъ году, вслѣдствіе передачи того приказа въ вѣдѣніе Коллегіи экономіи, Синодъ потребовалъ отъ Сената, чтобы положенную „для произведенія вселенскимъ патріархамъ и прочимъ палестинскимъ духовнымъ персонамъ" сумму, 5,000 руб., присылать въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію. Сенатъ согласился съ предложеніемъ Синода [288]), и съ этого времени Коллегія экономіи помянутую сумму ежегодно присылала въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію. Для примѣра, приводимъ указъ этой коллегіи, отъ 19-го октября 1741 года, приходо-расходчику: „По его императорскаго величества указу и по опредѣленію Коллегіи экономіи, по силѣ имѣннаго состоявшагося въ прошломъ 1735 году указа, на дачу пріѣзжающимъ изъ Палестины отъ святѣйшихъ четверопрестольныхъ патріарховъ и прочимъ духовнымъ особамъ по жалованнымъ грамотамъ въ милостыню 5,000 рублей жалованья, изъ доходовъ Коллегіи экономіи, отпустить въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію и отдать повѣренному той канцеляріи, канцеляристу Алексѣю Марсочникову" [289]).

Пріемъ изъ Коллегіи экономіи денегъ, слѣдовавшихъ на жалованье чинамъ Синода и Петербургскаго духовнаго правленія, и пересылка ихъ по назначенію. Подтверждается это, между прочимъ, слѣдующимъ указомъ Коллегіи экономіи своему расходчику, отъ 21-го февраля 1741 года: „По указу его императорскаго величества и по опредѣленію Коллегіи экономіи, по силѣ состоявшагося блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества и присланнаго изъ пра-

вительствующаго Сената прошедшаго 13-го мая 1740 года указа и пріобщенной при томъ указѣ съ резолюціи, за подписаніемъ собственныя ея императорскаго величества руки, апрѣля 23-го дня, копіи и присланнаго жъ генваря 19-го дня сего 1741 года изъ святѣйшаго правительствующаго Синода въ Коллегію экономіи указа, святѣйшаго Синода членамъ и синодальнымъ же и С.-Петербургскаго духовнаго правленія канцелярскимъ и прочимъ нижнимъ служителямъ и чреднымъ архимандритамъ, на дачу его императорскаго величества заслуженнаго денежнаго жалованья, на сентябрскую прошлаго 1740 года треть, а солдатамъ за хлѣбъ деньгами, всего 5,470 рублевъ 76 1/4 коп., отпустить въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію, изъ доходовъ по бывшимъ Дворцовому и Казенному приказамъ, 3,178 руб. 27 1/2 коп., да изъ коллежскихъ доходовъ въ дополнку 2,292 руб. 48 3/4 коп., и отдать той канцеляріи члену, записавъ въ расходъ съ росписною“ [290]).

Завѣдываніе „Синодальнымъ домомъ“, въ Москвѣ. Синодальный домъ—это прежде бывшій „Патріаршій домъ“, въ которомъ сосредоточивалось все патріаршее хозяйственное управленіе. Съ учрежденіемъ Синода Патріаршій домъ поступилъ въ его вѣдѣніе и сталъ называться Синодальнымъ. Указомъ 4-го іюля 1722 года Синодъ поставилъ этотъ домъ подъ непосредственное управленіе Синодальнаго Дворцоваго приказа [291]). Когда, по именному повелѣнію 30-го октября 1738 года, синодальныя вотчины были взяты изъ вѣдомства Синода и вмѣстѣ съ приказами Казеннымъ и Дворцовымъ, которые завѣдывали синодальными вотчинами, поступили въ вѣдомство Коллегіи экономіи [292]), то и все хозяйственное управленіе Синодальнаго дома перешло въ вѣдѣніе этой коллегіи, а въ вѣдомствѣ Синода осталось только зданіе прежняго патріаршаго двора съ церковью и священно-церковно-служителями. Въ описываемое время въ вѣдѣніи московской Синодальнаго правленія канцеляріи находилась только часть Синодальнаго дома, именно клиръ церкви Двунадесяти апостоловъ, состоявшій изъ слѣдующихъ лицъ: ризничаго (іеромонаха Аврамія), двухъ іеромонаховъ, двухъ іеродіаконовъ, чашника, пономаря, хлѣбодарешнаго, часовода, иподіаконовъ, пѣвчихъ и поддьяковъ [293]).

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТАМЪ

И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Къ статьѣ «Императорскій Кабинетъ».

№№ текста:

1. Дѣла Соляной конторы № 6, л. 169; Полное Собраніе Законовъ №№ 4830, 4853, 5510, 5871, 8476, 8480 и 8506; «Исторія Россіи» С. Соловьева т. 19, стран. 271, т. 21, стран. 34 и 48; «Записки фельдмаршала Миниха», «Русская Старина» 1874 г., кн. 1, стран. 79—94
2. — Кабинета № 84; Придворной конторы № 23, л. 88—90; Гофъ-интендантской конторы № 7, л. 885 и 946; Камеръ-цалмейстерской конторы № 5, л. 19, 62, 72 и 110.
3. — Камеръ-цалмейстерской конт. № 5, л. 62.
4. — Кабинета № 3, л. 94; Петербургской дворцовой конт. № 14, л. 369, 375, 378 и 389; Камеръ-цалмейстерской конт. № 5, л. 110; Печальной коммиссіи № 3, л. 40, 95, 219, 220 и 445, № 7, л. 614 — 616; Ревизіонъ-коллегіи № 988.
5. — Сената № 21; «Исторія Россіи» С. Соловьева т. 20, стран. 316.
6. — Кабинета № 3, л. 1—65, 156 и 179, № 22, № 34, л. 1 и 50, № 35, л. 11 и 21, № 90; Статсъ-конт. № 132, л. 3.
7. — Кабинета № 32, л. 37, № 58, л. 46; Сената № 23, л. 961—980.

№№ текста:

8. Дѣла Кабинета № 3, л. 117 и 209, № 6 (№ 3), № 32, л. 2, № 34, л. 50 и 54, № 35, л. 27, № 54, л. 5 и 55; С.-Петербургскія Вѣдомости 1740 г. № 90, стран. 732.
9. — Кабинета № 70; Придворной конт. № 27, л. 33; Соляной конт. № 1, л. 25.
10. — Кабинета № 5, л. 72, № 51, л. 124, № 74, л. 4; Полн. Собр. Зак. № 8308.
11. — Сената № 15, л. 63.
12. — Кабинета № 51, л. 122; Сената № 3, л. 137—159, № 15, л. 294; «Исторія Россіи» С. Соловьева т. 21, стран. 34—44.
13. — Кабинета № 4, № 34, л. 50 и 54, № 56—64.
14. — Кабинета № 3, л. 126, № 54, л. 6—8; Сената № $^{315}/_{2196}$, л. 196; С.-Петербургскія Вѣдомости 1740 года № 92, стран. 732.
15. — Кабинета № 33, л. 1; Статсъ-конт. № 80, л. 104 и 105, № 132, л. 3; Соляной конт. № 1, л. 45.
16. — Кабинета № 41, л. 110, № 61, л. 4, № 83; Полн. Собр. Зак. № 7907 и 8243.
17. — Кабинета № 3, л. 52 и 53, № 34, л. 53, № 41, л. 1, № 63, л. 16; Сената № 27, л. 29; Камеръ-цалмейстерской конт. № 5, л. 110; Статсъ-конт. № 80, л. 104 и 105; Соляной конт. № 2, л. 44.

№№ текста:

18. Дѣла Кабинета № 3, л. 1, 20, 26, 44 и 205, № 59, л. 24, № 66, л. 112; Сената № 9, л. 149; Соляной конт. № 9 (№ 1), л. 100; Коммиссіи о петерб. строеніи № 163 (№ 89); «Исторія Россіи» С. Соловьева т. 20, стр. 446.
19. — Соляной конт. № 1, л. 33.
20. — Кабинета № 1, л. 250, № 3, л. 88, № 5, л. 107, № 54, № 55, л. 12, № 56, л. 26, №№ 57, 58 и 59, л. 17 и 18, № 60—64; Сената № 41, л. 378—432, № 145, № $^{315}/_{2196}$, л. 208; Полн. Собр. Зак. № 7137 и 7907; «Исторія Россіи» С. Соловьева т. 21, стр. 9—24.
21. — Кабинета № 56, 57 и 58, л. 37; Полн. Собр. Зак. № 7137 и 7907.
22. — Кабинета № 41, л. 95, № 78; Сената № 3, л. 1083—1086, № 15, л. 409; Коммерцъ-коллегіи № 12, л. 373.
23. — Кабинета № 1, л. 599, № 3, л. 3 и 78; Сената № 3, л. 172—177; Полн. Собр. Зак. № 7137.
24. — Кабинета № 1, л. 426 и 574, № 3, л. 1, 27, 30, 40 и 212, № 55, № 61, л. 10—12, № 65, л. 11, № 66, л. 112, № 74, л. 10, № 75 и 89; Придворной конт № 18, л. 8—84, № 19, л. 206—210, № 23, л. 200—202 и 206; Соляной конт. № 102; Полн. Собр. Зак. № 7137.
25 — Кабинета № 5, л. 1—3.
26. — ibid. № 3 и 82, л. 4; Сената № 15, л. 14; Коммерцъ-кол. № 1, л. 197.
27. — Сената № 41, л. 58, 237 и 450; Придворной конт. № 9, л. 79—82, № 38, л. 5.
28. — Кабинета № 5, л. 3; Придворной конт. № 9, л. 79—82, № 21, л. 232 и 240, № 38, л. 5.
29. Дѣла Сената № 145.
30. — Кабинета № 10, л. 66, № 51, л. 133; Сената № 23 и 41, л. 237 и 450.
31. — Кабинета № 41, л. 2, № 65, л. 23; Сената № 20, л. 28; Полн. Собр. Зак. № 5330 и 8355.
32. — Кабинета № 53, л. 173—183.
33. — ibid. № 1, л. 122, № 84; Сената № 24, л. 6, № 41, л. 52, № 129, л. 637, № $^{317}/_{2198}$, л. 1 и 11; Придворной конт. № 29, л. 1, 2, 180—199, № 30; Придворной Конюшенной конт. № 3 (№ 20), № 4 (№ 2), № 17 (№ 2 и 4) № 30, л. 368—420.
34. — Сената № 94 и $^{317}/_{2198}$ л. 1; Сената по Синоду № $^{3}/_{763}$, л. 275, № $^{7}/_{769}$, № 3; Полн. Собр. Зак. № 8072.
35. — Кабинета № 3, л. 214, № 80, л. 4, № 82, л. 4; Придворной конт. № 37, л. 29 и 87; Канцеляріи отъ строеній № 56, л. 4; Соляной конт. № 5, л. 77; «Внутренній бытъ» кн. 1, стр. 550
36. — Сената № 145; Соляной конт. № 6, л. 33—35.
37. — Кабинета № 53, л. 458.
38. Полн. Собр. Зак. № 8390.
39. Дѣла Кабинета № 55, л. 36, № 59, л. 6 и 20; Сената № 24, л. 1, № 41, л. 52—60 и 393.
40. — Кабинета № 82.
41. «Внутренній бытъ» кн. 1, стр. 3—9.
42. Дѣла Сената № 6, л. 68, № 145.
43. — Кабинета № 3, л. 69, 70, 79, 108 и 142; Сената № 145 и 146; Соляной конт. № 5, л. 87, № 6, л. 53, 56 и 132
44. — Кабинета № 1, л. 418.

№№ текста:

45. Дѣла Кабинета № 1, л. 335, 356, 384, 504, № 3, л. 53, 177, № 41, л. 55 и 72; Сената № 15, л. 3—6, 58, 61, 62, 451 и 538, № 24, л. 22, 78, 167, 177, 217 и 218, № $^{316}/_{2197}$, л. 102, 268 и 317; Соляной конт. № 5 и 6; Полн. Собр. Зак. № 7410.

46. — Кабинета № 1, л. 355 и 356, № 3, л. 23 и 177; Сената № 24, л. 167, № 145

47. — Кабинета № 1, л. 133, 142, 370, № 92, 93 и 97.

48. — ibid. № 1, л 34, 332, 354, 390 и 515, № 5, л. 148, № 53. л. 197 и 226. № 96.

49. — ibid. № 1, л. 135, № 6 (№ 9, 45 и 46), № 41, л. 8, № 54, л. 32; Сената № 145; Соляной конт. № 5, л. 71, Полн. Собр. Зак. № 5920 и 8361.

50. — Кабинета № 1, л. 83, 261 и 577, № 3, л. 103, № 5, л. 106, 209—230, № 64, л. 10; Печальной коммиссіи № 2, л. 10, 76 и 94, № 3, л. 212, 480, 495 и 653.

51. Кабинета № 32, л. 44; Сената № 24, л. 19 и 20.

52. — Сената № 119; Полн. Собр. Зак. № 6538.

53. — Кабинета № 1, л. 171, 280, 332, 336, 354, 355, 356, 384, 390 и 516, № 3, л. 23, 70, 133, 142, 146 и 177; № 5, л. 148, № 96, л. 25, № 97; Сената № 24, л. 3, 4, 10, 22, 78, 167, 177, 217 и 218, № $^{316}/_{2197}$ л. 102 и 268.

54. — Кабинета № 1, л. 354 и 390, № 3, л. 112.

55. — ibid № 3, л. 177.

56. — — — л. 186

57. — — № 1, л. 347, № 3, л. 125 и 131.

58. — ibid № 6 (№ 24) и 61, л. 18; Сената № 119, л. 96 и 234.

№№ текста:

59. Дѣла Кабинета № 34, л. 50, № 54, л. 6—8, № 59, л. 30; Сената № 15, л. 58 и 61, № 119, л. 236, № $^{308}/_{2189}$ л. 63; Полн. Собр. Зак. № 8396.

60. — Кабинета № 1, л. 147, 294, 318 и 372, № 3, 5, л. 230, № 32 и 66; Сената № 15, л. 62 и 368, № 24; Статсъ-конт. № 131, л. 220—231; Полн. Собр. Зак. № 8331 и 8361

61. — Кабинета № 1, л. 372, № 3, л. 125 и 126.

62. — ibid. № 1, л. 558, № 3, л. 12, № 6 (№ 65).

63. ibid. № 1, л. 204 и 394.

64. — — № 63, л. 16, № 66, л. 99.

65. — — № 1, л. 549 и 579, № 32, л. 9, № 66, л. 62, № 70; Сената № 145.

66. — Кабинета № 32, л. 9.

67. — ibid. № 3, л. 39, № 6 (№ 43 и 66), № 32, л. 10, № 65, л. 15; Сената № 15, л. 253, № 24 и 121, л. 117; Соляной конт. № 6, л. 154.

68. — Кабинета № 1, л. 250.

69. — ibid. № 1, л. 390, № 5, л. 112, № 96, л 25.

70. — ibid. № 57, л. 27—36, № 58, л. 27, № 60, л. 4, 7 и 8. № 63, л. 4 и 30.

71. ibid № 6 (№ 45), № 34, л. 50, № 59, л. 30; Сената № 15, л 61, 62, 243 и 455, № 119, л. 236, № $^{316}/_{2197}$, л. 152; Статсъ-конт. № 131, л. 220—231; Полн. Собр. Зак. № 8396.

72. — Кабинета № 61, л. 18; Сената № 119. л. 234.

73. — Кабинета № 6 (№ 33); Сената № 145.

74. — Кабинета № 57, л. 27, № 65, л. 12 и 13, № 86.

75. — ibid. № 6 (№ 12), № 57 и 65, л. 22.

76. — ibid. № 43, л. 60; Соляной конт. № 2, л. 23, 25, 53 и 55, № 6, л. 122.

№№ текста:

77. Дѣла Кабинета № 1, л. 168, № 34, л. 30.
78. — ibid. № 32, л. 22.
79 — № 1, л. 382, № 66, л. 77.
80. — ibid. № 1, л. 172; Сената № 24, л. 3.
81. — Кабинета № 1, л. 581.
82. — ibid. № 3, л. 36, № 65, л. 11.
83. — Сената № 23, л. 1103.
84. — Кабинета № 66, л. 87; Сената № 24, л. 24.
85. — Кабинета № 3, л. 218, № 53, л. 5—10. 277 и 558. № 61, л. 1, № 66, л. 36 и 63.
86. — ibid. № 3, л. 161. № 32. л. 29; Сената № 7, л. 330—342, № 24 (№ 243), № $^{317}/_{2198}$, л. 13.
87. — Кабинета № 79.
88. — Сената № 23, л. 1071.
89. — ibid. № 149; Статсъ-конт. № 131, л. 154.
90. — Кабинета № 41, л. 7; Сената № 23, л. 700—705.
91. — Кабинета № 66, л. 62 и 63.
92. — Сената № 148.
93. — Кабинета № 66, л. 39.
94. — Сената № 23, л. 66.
95. — Кабинета № 1, л. 557, № 69.
96 — ibid. № 5, л. 65.
97. — — № 51, л. 1—12.
98. — — № 5, л. 273 - 275; Сената № 145; Соляной конт. № 6, л. 39.
99. - Кабинета № 56, л. 8.
100. — Сената № 23, л. 661.
101. Полн. Собр. Зак. № 8326.
102. Дѣла Кабинета № 3, л. 68—70, № 66, л. 58; Сената № 30, 121, л. 1—5, 11, 65, 70, 78 и 95, № $^{312}/_{2198}$, л. 85; Коммерцъ-кол. № 4, л. 47.
103. - Кабинета № 1, л. 286, 310. 315, 318, 323, 328, 339, 347, 350 и 373; Сената № 24, л. 18, 19 и 21.
104. - Кабинета № 1, л. 561, № 32, л. 6 и 12, № 41, л. 3; Сената № 1, л. 639, № 17,

№№ текста:

№ 23, л. 72 и 73, № 85, л. 224, № 121, л. 1—124, № $^{312}/_{2198}$, л. 69.
105 Полн. Собр. Зак. № 5872.
106. Дѣла Кабинета № 1, л. 10, 16, 19, 24, 28, 30, 32, 117, 127, 151, 240, 302, 318, 323, 332, 343, 490, 518, 538 и 539; Сената № 24.
107. — Кабинета № 3, л. 213, № 5, л. 41; Полн. Собр. Зак. № 8299.
108. — Юстицъ-кол. № 6, л. 51.
109. — Кабинета № 1, л. 10, 24, 151, 343, 518 и 539; Сената № 24, л 7, 9 и 30.
110. — Кабинета № 33, 34, 36, 38 и 41; Сената № 3, л 398; Полн. Собр. Зак. № 8385.
111. — Коммиссіи о петерб. строеніи № 161 (№ 7).
112. — Кабинета № 32, л. 19 и 28; Сената № 24, л. 86.
113. — Кабинета № 5, л. 22; Сената № 145; Полн. Собр. Зак. № 8289 и 8292.
114. — Кабинета № 3, л. 196, № 89; Полн. Собр. Зак. № 7606 и 8315.
115. — Кабинета № 3, л. 129, 180 и 215, № 60, л. 22.
116. — ibid. № 3, л. 193.
117. — Сената № $^{346}/_{2197}$, л. 152.
118. — Кабинета № 53, л. 429.
119. — Сената № 133.
120. — ibid. № 23, л. 400.
121. — Кабинета № 3, л. 195 и 196.
122. — ibid. № 1, л. 434.
123. — — № 66, л. 57.
124. — — — л. 54.
125. — — № 65, л. 15.
126. — — № 66, л. 111.
127. — — — л. 28.
128. — — — л. 57.
129. — Сената № 145; Полн. Собр. Зак. № 8476.
130. — Сената № 145; Соляной конт. № 5, л. 84.
131. — Кабинета № 6 (№ 2 и 16), № 66, л. 63.
132. — ibid. № 6 (№ 3).
133. — — (№ 5 и 6).

№№ текста:

134. Дѣла Кабинета № 6 (№ 10).
135. Полн. Собр. Зак. № 8358.
136. Дѣла Кабинета № 57, л. 7.
137. — ibid. № 6 (№ 53).
138. — — — (№ 22) и № 58, л. 24.
139. — — № 6 (№ 14).
140. — — — (№ 23), № 88.
141. — Сената № 145.
142. — Кабинета № 6 (№ 32), № 61, л. 22, № 62, л. 3—6, № 85; «Исторія Россіи» С. Соловьева т. 21, стр. 90.
143. — Кабинета № 6 (№ 28—33 и 43); Сената № 145.
144. — Кабинета № 6 (№ 53), № 43, л. 62—89.
145. — ibid № 6 (№ 36 и 49).
146. — — — (№ 49), № 63, л 9; Соляной конт. № 6, л. 146; Полн. Собр. Зак. № 8446.
147. — Кабинета № 6 (№ 37, 41 и 44), № 43, л. 106.
148. — ibid. № 6 (№ 37 и 42).
149. — — — (№ 44), № 85.
150. — — № 6 (№ 35).
151. — — — (№ 39 и 40).
152. — — — (№ 68).
153. — — № 11 и 82; Синода № 2, л. 1; Полн. Собр. Зак. № 8291.
154. — Кабинета № 1, л. 33 и 167, № 5, л. 96, № 53, л. 458 и 551; Конторы Коллегіи экономіи № 4, л. 3; Полн. Собр. Зак. № 7671, 8303 и 8309.
155. — Кабинета № 3, л. 133; Сената по Синоду № $^{17}/_{779}$, л. 211—217.
156. — Кабинета № 1, л. 154, № 55, л. 6.
157. — ibid. № 1, л. 568, № 3, л. 157 и 164.
158. — ibid. № 1, л. 470, 485 и 537, № 53, л. 217.
159. — Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 274.
160. — Кабинета № 1, л. 141, 287 и 314.
161. — ibid № 3, л. 160, № 59, л. 21—23 и 40.
162. — ibid. № 57, л. 27—36.

№№ текста:

163. Дѣла Кабинета № 10, 96, л. 45.
164. «Описаніе Петербурга» Рубана стр. 318.
165. Дѣла Коммиссіи о петерб. строеніи № 161 (№ 1).
166. — Кабинета № 66, л. 27.
167. Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 851 и 852; Полн. Собр. Зак. № 5958.
168. Сената № 23, л. 1023, № 145; Полн. Собр. Зак. № 8289.
169. — Кабинета № 1, л. 56 и 57, № 58, л. 28.
170. Сената № 24, л. 7.
171. — Кабинета № 41, л. 2 и 3.
172. ibid. № 1, л. 286, № 3, л. 72; Сената № 24, л. 16.
173. — Кабинета № 3, л. 120—122, № 71, л. 15; Слѣдственной коммиссіи о Городовой канцеляріи № 1, л. 5 и 6.
174. — Сената № $^{317}/_{2198}$, л. 21.
175. — Кабинета № 1, л. 38, № 32, л. 31, 32 и 40; Сената № 23, л. 1060—1070, № 24 (№ 160).
176. Кабинета № 66, л. 51.
177. — ibid. № 59, л. 7.
178. — — № 32, л. 28, № 53, л. 305—307, № 66, л. 63, № 71, л. 26; «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи» П. Иванова стр. 7.
179. — Кабинета № 3, л. 130.
180. — ibid. № 66, л. 28.
181. — — — л. 39 и 60; Сената № 41, л. 14—16.
182. — Кабинета № 1, л. 612, № 3, л. 179, № 51, л. 1—12, № 62, л. 2; Полн. Собр. Зак. № 5727, 5738, 6151 и 6753.
183. — Кабинета № 1, л. 323.
184. — ibid. № 1.
185. — — — л. 65.
186. — Сената № 23, л. 52.
187. — Кабинета № 1, л 152 и 435.
188. — ibid. № 1, л. 28 и 237, № 3, л. 26, 49 и 125, № 53, л. 268—272.

№№ текста:

189. Дѣла Сената № 145; Придворной конт. № 37, л. 144; Юстицъ-кол. № 1, л. 146; Полн. Собр. Зак. № 8349.
190. — Кабинета № 66, л. 60.
191. — ibid. № 66, л. 54.
192. — — № 5, л. 264, № 34, л. 23, № 58, л. 9, № 66, л. 56; Сената № 23, л. 1015—1059.
193. — Кабинета № 1, л. 39.
194. — ibid. № 1, л. 456, № 41, л. 4; Сената № 3, л. 459.
195. — Кабинета № 3, л. 564—566, № 34, л. 1 и 20, № 66, л. 65; Сената № 145.
196. — Кабинета № 1, л. 1, 2, 4, 5, 9, 129, 337 и 356, № 3, л. 20, 158 и 213, № 88; Сената № 24, л. 13 и 14; Полн. Собр. Зак. № 8326.
197. — Кабинета № 3, л. 117, 178 и 186, № 26 и 43; Полн. Соб. Зак. № 7380 и 8489.
198. — Кабинета № 1, л. 93 и 226, № 3, л. 9, № 43 и 54, л. 22 и 23.
199. — ibid. № 1, л. 8, № 3, л. 157, № 70 (б), л. 23; Сената № 24, л. 2; Полн. Собр. Зак. № 8326.
200. — Кабинета № 3, л. 114 и 172; Сената № 24, л. 23.
201. — Кабинета № 1, л. 4 и 103, № 3, л. 14, 16, 113 и 114, № 10, л. 10; Сената № 24, л. 13 и 29; Полн. Собр. Зак. № 8326.
202. Кабинета № 1, л. 2, 82, 151, 301, 303 и 325, № 3, л. 178, № 10, л. 23, № 54, л. 16; Сената № 24, л. 13; Полн. Собр. Зак. № 8326.
203. — Кабинета № 3, л. 197.
204. — ibid. № 32, л. 3, № 58; Полн. Собр. Зак. № 8368.
205. — Статсъ-конт. № 80, л. 68; Сената № 84, л. 57; Полн. Собр. Зак. № 8310.
206. Кабинета № 87; Сената № 84, л. 83; Юстицъ-кол. № 14; Полн. Собр. Зак. № 8314.

№№ текста:

207. Дѣла Кабинета № 1, л. 233, № 24, л. 39 и 40; Полн. Собр. Зак. № 8386.
208. — Кабинета № 87.
209. — Статсъ-конт. № 80, л. 68.
210. — Кабинета № 51, л. 112—120; Камеръ-цалмейстерской конт. № 5, л. 110.
211. — Кабинета № 1, л. 16, 29, 95, 127, 145—147, 153, 155, 240—294, № 3, л. 91 и 117, № 10, л. 28—35, № 54, л. 18, № 55, л. 3, № 58, л. 47, 48 и 51, № 83; Сената № 24, л. 2, 14, 18 и 19, № 145 и $^{310}/_{2191}$ л. 6; Соляной конт. № 5, л. 59; Полн. Собр. Зак. № 8388.
212. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$ л. 851 и 852; Соляной конт. № 78; Полн. Соб. Зак. № 5827, 5958 и 8543.
213. — Кабинета № 1, л. 555, № 14 и 32, л. 17; Сената № 23, л. 185—189; Соляной конт. № 130.
214. — Сената № 23, л. 665.
215. — Кабинета № 43, л. 8—28.
216. ibid. № 1, л. 2, 21, 98, 129, 130 и 152; Полн. Собр. Зак. № 7676 и 8273.
217. — Кабинета № 32, л. 2, № 65; Сената № 24, л. 8, № 145; Соляной конт. № 5, л. 90; Полн. Собр. Зак. № 8263 и 8285.
218. — Кабинета № 89.
219. — Соляной конт. № 102.
220. — Кабинета № 1, л. 64, № 3, л. 42, 59 и 160, № 32, л. 12 и 17, № 54, л. 29; Сената № 24, л. 7 и 22, № 147.
221. — Сената № 24, л. 11; Полн. Собр. Зак. № 5105.
222. — Кабинета № 1, л. 19, № 3, л. 160, № 70 (б) л. 28; Сената № 19, и 23, л. 513.
223. Сената № $^{316}/_{2197}$ л. 256.
224. — Кабинета № 3, л. 42 и 59.
225. — ibid. № 32, л. 12 и 17.

№№ текста:		
226.	Дѣла	Кабинета № 1, л. 14, 139, 234, 294 и 446, № 26, № 32, л. 16, № 58, л. 14 и 15; Коммерцъ-кол. № 2, л. 124, № 4, л. 25, № 12, л. 169; Полн. Собр. Зак. № 8358, 8440 и 8457.
227.	—	Коммерцъ-кол. № 2, л. 64.
228.		Кабинета № 32, л. 43; Коммерцъ-кол. № 3, л. 74—80.
229.	—	Коммерцъ-кол. № 8, л. 13.
230.	—	Кабинета № 34, л. 31, № 53, л. 551, № 96, л. 53—59; Сената № 3, л. 561; Полн. Собр. Зак. № 8303 и 8394.
231.	—	Кабинета № 36, л. 2; Полн. Собр. Зак. № 8425.
232.	—	Кабинета № 1, л. 8, 11, 47, 68, 350 и 548, № 3, л. 41, № 24.
233.	—	ibid. № 1, л. 112 и 314, № 3, л. 26 и 27; Сената № 23, л. 518; Полн. Собр. Зак. № 8023.
234.		Кабинета № 57, л. 12.
235.	—	ibid. № 1, л. 358, № 3, л. 1, 123 и 214, № 63, л. 8; Сената № 23. л. 1183—1219.
236.	—	Кабинета № 1, л. 10, 34, 48, 294, 393, 494 и 549.
237.	—	ibid. № 32, л. 17.
238.	Полн.	Собр. Зак. № 8430.
239.	Дѣла	Кабинета № 6 (№ 54), 32, л. 27, и 43.
240.	—	ibid. № 3, л. 196.
241.	—	— № 49; Главной Полиціймейстерской канцеляріи № 8, л. 95.
242.	Полн.	Собр. Зак. № 8422.
243.	Дѣла	Кабинета № 1, л. 233, № 36, л. 2; Полн. Собр. Зак. № 5958 и 8425.
244.	—	Сената № 24, л. 24.
245.		ibid. № $^{317}/_{2198}$, л. 128.
246.		Кабинета № 32, л. 2 и 25.
247.	—	Сената № 24, л. 7.
248.		Кабинета № 3, л. 163.
249.		ibid. № 32, л. 27.
250.		— № 4, л. 5.
251.		— № 5, л. 115—119; Сената № 145.
252.	Дѣла	Кабинета № 32, л. 37; Полн. Собр. Зак. № 8316 и 8472.
253.	—	Кабинета № 32, л. 38.
254.		ibid. № 40.
255.		— № 1, л. 306 и 315, № 40, л. 1—5 и 14.
256.		ibid. № 40, л. 14.
257.		Коммиссіи о петерб. строеніи № 161 (№ 7); Полн. Собр. Зак. № 7323.
258.		Кабинета № 1, л. 437 и 438, № 3, л. 165.
259.		ibid. № 1, л. 64; Коммиссіи о петерб. строеніи № 161 (№ 7).
260.	—	Сената № 145; Полн. Собр. Зак. № 8323.
261.	—	Кабинета № 1, л. 578.
262.		ibid. № 3, л. 144, № 35, л. 24; Полн. Собр. Зак. № 8260 и 8272.
263.		Кабинета № 1, л. 317.
264.		ibid. № 3, л. 1.
265.	—	— № 51, л. 142 и 143; Сената № 60.
266.	—	Кабинета № 34, л. 3; Сената № 24, л. 4.
267.	—	Кабинета № 1, л. 348; Полн. Собр. Зак. № 7619.
268.	—	Кабинета № 59, л. 3, № 99; Полн. Собр. Зак. № 7270 и 8458.
269.	—	Сената № 7, л. 366—378; Соляной конт. № 6, л. 10, Полн. Собр. Зак. № 8301 и 8447.
270.	Полн	Собр. Зак. № 8326.
271.	Дѣла	Кабинета № 6 (№ 8).
272.	—	ibid. № 4, л. 20.
273.	—	— № 1, л. 470, № 53, л. 217.
274.		ibid. № 3, л. 217, № 35, л. 28, № 49.
275.	—	ibid. № 50, л. 1; Полн. Собр. Зак. № 8321.
276.	—	Кабинета № 3, л. 125, № 32, л. 28, 29 и 36, № 41, л. 6; Сената № 145; Статьконт. № 131, л. 240.
277.	—	Кабинета № 70 (б), л. 28; Сената № 19.

№№ текста:

278. Дѣла Кабинета № 3, л. 44.
279. — ibid. № 59, л. 14.
280. — — № 32, л. 21.
281. — — № 3, л. 87.
282. — — № 89; Полн. Собр. Зак. № 8315.
283. — Кабинета № 41, л. 1, № 59, л. 13.
284. — ibid. № 3, л. 205.
285. — — № 66, л. 40.
286. — — л. 15.
287. — — № 1, л. 299.
288. — № 66, л. 51.
289. — — л. 66.
290. — — — л. 9.
291. — — — л. 63.
292. Сената № $^{316}/_{2197}$, л. 218.
293. Кабинета № 1, л. 187; Сената № 24 (№ 77 и 88).
294. — Сената № 24 (№ 159).
295. — Кабинета № 3, л. 100, 107, и 140, № 65. л. 10.
296. Полн. Собр. Зак. № 7907 и 8326.
297 Дѣла Кабинета № 3, л. 2, 20, 44, 132, 176, № 43, л. 62—89, № 51, л. 113; № 61, л. 18, № 74. л. 12.
298. — ibid. № 3 и 10, л. 7 и 10.
299. — — № 1, л. 1—3, 5, 7, 8, 35, 50, 60, 66, 104, 105, 123, 129, 411, 420, 430, 505, 548, 551, 572—574, 587, 596 и 611, № 6 (№ 34, 37 и 42), № 10, 25, 26, 27, л. 9 и 10, № 30, 32—35, л. 1, № 40, 43, л. 106, 123, 124 и 131, № 51, л. 123, 127 и 150, № 69, 82, 89, 90, 92 и 96; Сената № 15, л. 228, № 23, л. 1072, № 24 и 94.
300. — Кабинета № 51, л. 136; Сената № 23, л. 1065—1070, № 145.
301. — Кабинета № 22, л. 1—9, № 32.
302. — ibid. № 3, л. 157; Сената № $^{310}/_{2191}$, л. 30.
303. — Кабинета № 32; Сената № 24.
304 — Кабинета № 18, 71, л. 9, 32, 36 и 40, № 84 и 90; Сената № 145.

№№ текста:

305. Дѣла Кабинета № 6 (№ 17), 71, л. 25, 36 и 40, № 94; Сената № 23, л. 1017, № 148.
306. — Кабинета № 3, л. 175, № 6 (№ 17), 66 и 93; Сената № 148.
307. — Кабинета № 1, л. 611, № 8, 22, 23, 25; Сената № 94.
308. — Кабинета № 1.
309. Полн. Собр. Зак. № 8326.
310. Дѣла Кабинета № 1, 3, 6 (№ 53), 43, л. 62—89, № 53—62, 66.
311. — ibid. № 3, л. 9, 26, 172, 192—194, № 43, л. 131—173, № 65, л. 11, № 93.
312. — ibid. № 6 (№ 53), 43, л. 62—89.
313. — ibid. № 3, л. 199, 201—204.
314. — — № 57, л. 27—36, № 65, л. 11, № 66; Сената № 23, л. 613—623, № 149, $^{316}/_{2197}$, л. 202, Коммерцъ-кол. № 1, л. 197, № 12, л. 335.
315. — Кабинета № 58, л. 34, № 66, л. 58; Сената № $^{315}/_{2196}$, л. 125.
316. — Кабинета № 3, л. 95, № 54, л. 29.
317. — ibid. № 3, л. 2 и 186, № 53, л. 72 и 464, № 54, л. 16 и 62, № 63, л. 9, № 64, 66, л. 29, 36 и 63.
318. — ibid. № 3, л. 189.
319. — — — л. 71, 134 и 178, № 69; Коммерцъ-кол. № 12, л. 169.
320. — Кабинета № 3, 26, 43, л. 133, № 53, 55, л. 34, № 66.
321. — ibid. № 43, л. 109—116, № 54, л. 18, № 58, л. 47 и 48.
322. — ibid. № 35, л. 10 и 22, № 54—65, 66.
323. — ibid. № 6, 20, 27, л. 1—11, № 30, 35, 43, л. 62—89, № 45, 53—66, 59, л. 12, № 95; Канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ № 96; Статсъ-кон. № 131, л. 282.

№№ текста:

324. Дѣла Кабинета № 51, 53, л. 311, № 63, л. 23; Сената № 119, л. 234; Канцелярія егерм. дѣлъ № 96.
325. — Кабинета № 3, л. 46, 15, 158, 164 и 168, № 6, 37, л. 144, № 43, л. 62—89, № 47, 51, 58, л. 12, № 63, л. 22 и 32, № 66, л. 71 и 78, № 84; Сената № 23, л. 1068, № 119, л. 234.
326. — Кабинета № 5.
327. — ibid. № 1, л. 580, № 3, л. 168, № 84, 94.
328. — ibid. № 4, 5, 6, 11, 13, 20, 25, 39, 43, 47, 50, 53, л. 31, № 70, 78, 82, 89; Сената № 24, л. 20, № 41, л. 68 и 92.
329. — Кабинета № 1, л. 436, № 91, л. 321, № 93; Сената № 23, л. 738; Полн. Собр. Зак. № 6745.
330. — Кабинета № 3, л. 108, № 6, 91, л. 321.
331. — ibid. № 6, 11, 12, 43, 50, 58, л. 47 и 48, № 74, л. 10, № 75, 91, 96; Сената № 3, л. 172, 175, 177 и 181.
332. — Кабинета № 5, л. 27, 30, 38, 39, 48, 160, 186, 193, 194 и 210, № 32, 93, 95; Сената № 24.
333. — Кабинета № 1, л. 411 и 420, № 3, л. 180, 192, 195 и 196, № 10, 25, 35, 57, л. 7, № 58, л. 46, № 63, л. 13, № 65, л. 15.
334. — ibid. № 1, л. 546, № 3, л. 88, № 4, 25, 51, л. 142, № 55, 66, л. 112, № 69, 89; Соляной конт. № 102.
335. — Кабинета № 1, л. 16, 43, 129, № 20, 25, 40, 86, 93, 96.
336. Полн. Собр. Зак. № 7137.
337. Дѣла Кабинета № 1, л. 18, 131, 135, 239 и 561, № 3, л. 47, 48 и 135, № 10, 14; Сената № $^{310}/_{2191}$, л. 17; Коммерцъ-кол. № 2, л. 158; Статсъ-конт. № 80, л. 83; Полн. Собр. Зак. № 8174.

№№ текста:

Къ статьѣ «Правительствующій Сенатъ».

1. Дѣла Сената № 1, л. 6, 99 и 100, № 3, л. 367, № 23, л. 123 и 288, № 26, л. 95.
2. — ibid. № 3, л. 796.
3. — — № 1, л. 4 и 71.
4. — — № 7, 226, № 23, л. 89—93.
5. — ibid. № 20, л. 40.
6. — — № 23, л. 483 и 484.
7. — — № 3, л. 140, № 23, л. 514—517.
8. — ibid. № 3, л. 138, 140 и 144.
9. — — № 23, л. 261, 280, 614—623.
10. Полн. Собр. Зак. № 4853.
11. Дѣла Кабинета № 3, л. 131; Сената № 3, л. 318—322, 799—804; Сената по Синоду № $^{18}/_{780}$, л. 259.
12. — Сената № 36(б), л. 151; Канц. отъ строеній № 5 (№ 2), 15—17.
13. — Сената № 1, л. 152, 231, 235, 267, 270, 271, 501 и 503, № 21, 31, л. 3, 17, 41, 42, 110, 111, 113, 119 и 120, № 32, л. 24, 26, 75, 90, 115, 116 и 151.
14. — ibid. № 1, л. 95—104, 134, 166, 232, 233, 349, № 21, 31, л. 17.
15. — ibid. № 1, л. 147, 389, 504, 508 и 758, № 31, л. 79.
16. — ibid. № 1, л. 2, 30, 218—220, 523, 760 и 761, № 31, л. 51.
17. — ibid. № 1, л. 185, 236, 269, 285, 348, 506, 509—511, № 30, л. 124—126, № 31, л. 45, 50, 53, 54, 121 и 114, № 32, л. 71 и 77.
18. — ibid. № 1, л. 194, 195—206.
19. — — — л. 1, 2, 4, 39, 141, 146, 147, 462 и 713 № 3, л. 144, 336 и 376, № 7, л. 73, № 30, л. 4, № 32,

№№ текста:

л. 76, № 131, л. 140, № $^{208}/_{2189}$, л. 228, № $^{310}/_{2191}$, л. 3.

20. Дѣла Кабинета № 3, л. 199; Сената № 1, л. 428—430 и 504, № 31, л. 95, 117 и 119.

21. — Сената № 54; Главной Дворц. канц. № 71 (№ 14).

22. — Кабинета № 95 и 98; Сената № 1, л. 229, № 3, л. 1—6, 124 и 395, № 6, л. 191, 221 и 423, № 7, л. 337, № 23, л. 273, 306 и 766, № 30, л. 25, № 41, л. 148 и 418, № 81, л. 1, 13, 21 и 31, № 85, л. 199—209 и 211, № 94, л. 12, № 150, л. 127, № $^{310}/_{2191}$, л. 3; Придворной конт. № 37, л. 181; Соляной конт. № 4, л. 45.

23. — Сената № 9, л. 82, № 146, л. 1.

24. — Кабинета № 32, л. 37; Сената № 146.

25. — Сената № 30, л. 16, № 36 (б), л. 178 и 179, № 150, л. 127; Статсъ-конт. № 80, л. 105—107.

26. — Кабинета № 66, л. 67 и 77.

27. — ibid. № 1, л. 383, № 3, л. 164, № 59, л. 14; Сената № 1, л. 345. 364, 428, 639, 698, 716, 762 и 763, № 3, л. 164, 481, 799 и 1088, № 24 л. 267, № 25, л. 16, № 30, 32, л. 118, № 146, № $^{308}/_{2189}$, л. 44 и 45; Статсъ-конт. № 80, л. 109.

28. — Сената № 1, л. 291, 512, 762 и 763.

29. — ibid. № 1, л. 186, 218—220, 263, 268—284 и 729, № 31; Статсъ-конт. № 80, л. 109.

30. Сената № 1, л. 746, № 3, л. 134, 165—172, № 14; Коммерцъ-кол. № 2, л. 54.

31. — Сената № 1, л. 170 и 764, № 9, л. 55

32. — ibid. № 1, л. 764.

№№ текста:

33. Дѣла Сената № 1, л. 764, № 78, л. 219, № 85.

34. — ibid. № 79, л. 1, № 81, л. 1, 13, 21, 31 и 49.

35. — Кабинета № 53, л. 249; Сената № 1, л. 713, № 14, 23, л. 268, № 30, л. 25, № 115; Статсъ-конт. № 80, л. 109; Полн. Собр. Зак. № 8067.

36. — Сената № 1, л. 765, № 30, л. 31 и 117.

37. — ibid № 1, л. 264, № 3, л. 1032 № 30, л. 55, № 32, л. 68.

38. — ibid. № 1, л. 698, 703, 704 и 771, № 30, л. 12 и 26.

39. — ibid. № 1, л. 771, 772, 774 и 788, № 15, л. 19.

40. — ibid. № 1, л. 254, 259, 260 и 280, № 15, л. 34.

41. — ibid. № 1, л. 765.

42. — — — л. 2, 187, 254, 264, 401, 410, 464 и 465.

43. — ibid. № 1, л, 42. 89, 762—765.

44. — ibid. № 3, л. 1081

45. — — № 1, л. 4, 39, 43, 47, 59—62, 104, 510, 113—121, 187—190, 215, 441—448 и 478.

46. — ibid. № 1, л. 291—297, 301—306, 242 и 503, № 3, л. 49, 51, 189, 190, 558, 560—562. 1041—1044, № 14, 16, л. 3, № 36 (б), л 187, № $^{308}/_{2189}$, л. 9; Полн. Собр. Зак. № 7248.

47. Сената № 44, 46 и 121.

48. — Кабинета № 5, л. 32 и 176, № 51, л. 136 и 137; Сената № 6, л. 191, 221 и 423, № 7, л. 337, № 18, 41, л 348 и 542, № 49, л. 22, 41 и 59, № 51, л 1, № 72, л 1 и 4; Соляной конт. № 6, л. 32.

49. — Сената № 62, л. 31, № 121, л. 1, 2, 67 и 118.

50. — ibid. № 1, л. 765, № 3, л. 181 и 974, № 23, л 84, № 33, л: 452, № 36 (б), л. 154,

№№ текста:

№ 41, л. 345; № 44, 46, 48, 51, л. 1; № 55, 62, 121, л. 78.

51. Дѣла Сената № 44, 46, л. 6, № 48, л. 6; № 121, л. 74.

52. — Кабинета № 5, л. 57 и 187; Сената № 3, л. 42, 179—181, № 20, л. 11.

53. — Сената № 3, л. 218, № 46, л. 13.

54. — Кабинета № 65, л. 29; Сената № 50, л. 1, № 72.

55. — Сената № 76, 79 и $^{317}/_{2198}$, л. 124 и 125.

56. ibid. № 44.

57. — — № 1, л. 765, № 9, л. 9, 23, 26, 35 и 78, № 49, л. 45 и 96

58. — ibid. № 1, л. 763, 764 и 765, № 44.

59. — ibid. № 3, л. 71 и 72.

60. — Кабинета № 32, л. 42; Сената № 7, л. 365—378; Полн. Собр. Зак. № 8483.

61. — Кабинета № 64, л. 6, № 65, л. 12, № 66, л. 60; Сената № 7, л. 73, № 23, л. 112—118, 191—211, 722, 723, 800—912, № 26, л. 11, № 30, л. 6.

62. — Сената № 20, л. 24, № 23, л. 114—118, 190—211 и 722, № 30, л. 6.

63 — ibid. № 23, л. 112, 114—118, 800—912, № $^{308}/_{2189}$, л. 92 и 93.

64. — Кабинета № 58, л. 28, № 66, л. 25, 49, 55 и 72; Сената № 36 (б), л. 39.

65. — Кабинета № 60, л. 3, 4.

66. — Сената № 23, л. 245—251.

67. — Коммерцъ-кол. № 2, л. 222.

68. — Кабинета № 53, л. 305—307; Сената № 23, л. 45—47, 94—109, № $^{318}/_{2194}$, л. 165, № $^{318}/_{2199}$, л. 167.

69. — Кабинета № 66, л. 60, 133.

70. — ibid. № 66, л. 28, 41.

71. — — — л. 14, 25, 54; Сената № 9, л. 90, № 23, л. 140—145, № 30, л. 12, № $^{317}/_{2198}$, л. 7.

№№ текста:

72. Дѣла Сената № 30, л. 6, № $^{312}/_{2193}$, л. 205, 247, 267.

73. — Кабинета № 5, л. 69, 102, 104, 234; Сената № 23, л. 640.

74. — Кабинета № 5, л. 20, 36, 125, 233, 244, 245, 273; Сената № 23, л. 212—217, 1060—1070.

75. — Сената № 23, л. 650, № 36 (б), л. 33, 52—58.

76. — Кабинета № 66, л. 57, 95, 117.

77. — Сената № 30, л. 15, № $^{314}/_{2195}$, л. 213, 252.

78. — ibid. № 3, л. 1049.

79. — — № $^{308}/_{2189}$, л. 3, 4, 5, 103.

80. — Кабинета № 3, л. 170, 172—175; Сената № 24, л. 23, № 41, л. 273—310.

81. — Сената № 28, л. 24—101.

82. — ibid. № 39, л. 1119—1145.

83. — Кабинета № 43, л. 54, № 53, л. 352; Сената № 41, л. 96—147, № $^{308}/_{2189}$, л. 73.

84. — Сената № 7, л. 237.

85. — ibid. № $^{308}/_{2189}$, л. 74.

86. — — № 20, л. 28.

87. — ibid. № 24, л. 13 и 29, № $^{308}/_{2189}$, л. 43.

88. — ibid. № 7, л. 492, № 9, л. 17, № 12, л. 846 и 911, № 41, л. 12.

89. — Кабинета № 43, л. 131; Сената № 7, л. 389—453, № 12, л. 941.

90. — Сената № 3, л. 836—935, № 7, л. 216—235 и 345, № 41, л. 295, № 145.

91. — Кабинета № 1, л. 472; Сената № 30, л. 25, № $^{316}/_{2197}$, л. 7 и 284.

92. — Сената № 84, л. 58, 83—87.

93. — Кабинета № 53, л. 240—252; Сената № 115; Полн. Собр. Зак. № 6219, 6270 и 8067.

94. — Сената № 24, л. 8, № 30, л. 7—10, № 33, 36 (б), л. 187, № $^{312}/_{2193}$, л. 270.

№№ текста:

95. Дѣла Сената № 23, л. 594 и 595.
96. — ibid. № 9, л. 95, № $^{308}/_{2189}$, л. 103 и 114, № $^{318}/_{2199}$, л. 180.
97. — Кабинета № 1, л. 74; Сената № 23, л. 176, № 24, л. 8, № 26, 150, л. 192, № $^{311}/_{2192}$, л. 55.
98. — Кабинета № 1, л. 66 и 187; Сената № 20, л. 40, № 24, л. 4, 21 и 22, № $^{311}/_{2192}$, л. 69.
99. — Сената № 30, л. 16.
100. — ibid. № 36 (б), л. 10, 17, 19, 20, 22, 24, 29, 41, 49, 59, 65, 86, 91, 114, 120, 137, 151, 153, 157, 178, 185 и 190, № $^{308}/_{2189}$, л. 83.
101. — ibid. № $^{308}/_{2189}$, л. 109, № $^{317}/_{2198}$, л. 126.
102. — ibid. № $^{308}/_{2189}$, л. 118.
103. — Кабинета № 66, л. 100; Сената № 9, л. 49.
104. — Сената № $^{308}/_{2189}$, л. 213.
105. — Кабинета № 32, л. 43.
106. — ibid. № 66, л. 4.
107. — — № 53, л. 109—114, № 66, л. 12.
108. — Сената № 9, л. 11; Полн. Собр. Зак. № 8457.
109. — Сената № 23, л. 323, 324, 518—576, 1183—1219.
110. — Кабинета № 32, л. 27 и 43.
111. — Сената № 36 (б), л. 80; Полн. Собр. Зак. № 8410.
112. — Сената № 9, л. 35—37.
113. — Кабинета № 32, л. 2 и 26; Сената № 24, л. 24, № $^{317}/_{2198}$, л. 128.
114. — Кабинета № 5, л. 115—119, № 32, л. 1, 14, 15, 19, 21, 27, № 40; Сената № 9, л. 15, № 24, л. 7, № 36 (б), л. 137 и 164, № $^{308}/_{2189}$, л. 38, 108 и 209, № $^{311}/_{2192}$, л. 61.
115. — Сената № $^{311}/_{2192}$, л. 61.
116. — Кабинета № 32, л. 14, 15, 19 и 21, № 40.
117. — Сената № 9, л. 15, № 36 (б), л. 137 и 164.

№№ текста:

118. Дѣла Сената № 30, л. 2, № $^{312}/_{2193}$, л. 36.
119. — Кабинета № 32, л. 42.
120. — Сената № 7, л. 528—537, № 9, л. 77.
121. — Кабинета № 53, л. 553 и 554; Сената № 36 (б), л. 5 и 14, № 60.
122. — Сената № 3, л. 86, № $^{314}/_{2195}$, л. 349.
123. — Кабинета № 99; Сената № 48, л. 7; Полн. Собр. Зак. № 7270 и 8458.
124. — Сената № 7 л. 9—16, № 36 (б), л. 17, 31 и 35; Полн. Собр. Зак. № 8411.
125. — Кабинета № 32, л. 34 и 38.
126. Полн. Собр. Зак. № 8407.
127. Дѣла Сената № 6, л. 7; Полн. Собр. Зак. № 7257.
128. — Сената № 145; Полн. Собр. Зак. № 8307.
129. — Сената № 6, л. 2, 4, 171 и 173, № $^{308}/_{2189}$, л. 8 и 106, № $^{314}/_{2195}$, л. 349.
130. — ibid. № 3, л. 86—89, 1021—1033, № 11, л. 441.
131. — ibid. № 36 (б), л. 7, 8, 44, 168, 184 и 185, № $^{317}/_{2198}$, л. 1; Полн. Собр. Зак. № 8419.
132. — Сената № 23, л. 454—466.
133. — Кабинета № 32, л. 29, 30, 32 и 36; Сената № 9, л. 25—28, 31, 63 и 64, № 49, № $^{308}/_{2189}$, л. 105, № $^{314}/_{2195}$, л. 211, № $^{316}/_{2197}$, л. 232, № $^{317}/_{2198}$, л. 113.
134. — Кабинета № 32, л. 32; Сената № 11, л. 316, 790, 893—900, 921—971 и 1052, № 30 л. 15.
135. Полн. Собр. Зак. № 3896.
136. Дѣла Сената № $^{317}/_{2198}$, л. 89 и 90.
137. — ibid. № 10.
138. — Кабинета № 60, л. 7 и 8; Сената № $^{316}/_{2197}$, л. 5.
139. — Сената № 36 (б), л. 33.
140. — Кабинета № 32, л. 44.
141. — ibid. № 60, л. 7 и 8; Сената № 10, № $^{316}/_{2197}$, л. 5.

№№ текста:

142. Дѣла Кабинета № 32, л. 9; Сената № 1, л. 493 и 739.
143. — Сената № 30, л. 16, № 308/2189, л. 4, № 316/2177, л. 5, 95, 151 и 317, № 317/2198, л. 30 и 126.
144. — ibid. № 7, л. 75, № 24, л. 10, № 316/2197, л. 21, 305 и 344.
145. — ibid. № 308/2189, л. 88, 101, 137, 149, 188 и 243, № 316/2197, л. 21, 50, 64, 80, 94, 154, 205—207, 227, № 317/2198, л. 83.
146. — ibid. № 316/2197, л. 164.
147. — — № 8, л. 1—23; Полн. Собр. Зак. № 6406.
148. — Сената № 23, л. 1028, 1029, 1035 и 1036; Полн. Собр. Зак. № 3581, 3877, 4765, 5023 и 5534.
149. — Сената № 1, л. 170, № 23, л. 659, № 308/2189, л. 114, № 316/2197, л. 61, 133, 134, 218, 273—275, № 317/2198, л. 52, 81 и 110.
150. — ibid. № 3, л. 405.
151. Полн. Собр. Зак. № 6101.
152. Дѣла Сената № 1, л. 664, № 3, л. 217—222, № 41, л. 113, № 68, 69, л. 1—5, 27, 37, 38 и 50, № 139; Полн. Собр. Зак. № 6633.
153. — Сената № 35; Полн. Собр. Зак. № 6542 и 6630.
154. — Сената № 7 л. 73—80, 82—61, № 40, л. 1041; Полн. Собр. Зак. № 8294.
155. — Кабинета № 23, л. 41; Сената № 314/2193, л. 212, № 316/2197, л. 48.
156. — Сената № 150, л. 192; Полн. Собр. Зак. № 7676 и 7848.
157. — Сената № 3, л. 336, 406—112, 30, л. 2—3, № 312/2193, л. 153; Полн. Собр. Зак. № 5017, 5028, 5046, 5312, 5370, 5652, 6849 и 6880.
158. — Сената № 1, л. 713, № 14, 23, л. 268, № 30, л. 25 и 26.
159. — ibid. № 20, л. 27, № 23, л. 659, № 313/2194, л. 169;

№№ текста:

Полн. Собр. Зак. № 8356.
160. Дѣла Сената № 46, л. 10, № 48, л. 4, № 63, 64, 73, л. 94, № 76, л. 27—33, № 317/2198, л. 124 и 125.
161. — ibid. № 50.
162. — — № 308/2189, 316/2197, 317/2198.
163. — ibid. № 316/2197, л. 192, № 317/2198, л. 1—6.
164. — ibid. № 308/2189, 316/2197, 317/2198.
165. — ibid. № 30, л. 29, № 316/2197, л. 197, № 317/2198, л. 80 и 88.
166. — ibid. № 308/2189, л. 71 и 225, № 316/2197, 317/2198.
167. — ibid. № 3, л. 483—494.
168. — — № 7, л. 382, № 308/2189, л. 84, № 312/2193, л. 144.
169. — ibid. № 317/2198, л. 13.
170. Полн. Собр Зак. № 8219.
171. Ibid. № 7356.
172. Дѣла Сената № 23, л. 799—802; Полн. Собр. Зак. № 8219.
173. — Сената № 23, л. 51, № 30, л. 28, № 312/2193, л. 79, 132 и 173, № 317/2198.
174. — ibid. № 3, л. 499, № 7, л. 391, № 12, л. 912 и 913, № 23, л. 4—6, 711 и 714, № 26, л. 483, № 30, л. 31, № 308/2189, л. 5, 83 и 119, № 312/2193, л. 33 и 72, № 313/2194, л. 169, № 317/2198; Полн. Собр. Зак. № 7308.
175. — Сената № 3, л. 151, № 7, л. 232, № 23, л. 74, 84, 459—466.
176. — ibid. № 3, л. 154, 156, 335 и 431, № 7, л. 233, 234, 437—448 и 476.
177. — ibid. № 23, л. 12—27, 64, 88—93, 754—771.
178. — ibid. л. 72 и 73.
179. — — № 3 л. 1088—1110, № 30.
180. — ibid. № 1, л. 516, № 30, л. 1 и 6.
181. — ibid. № 30, л. 3, 5, 6, 10—12, 17, 27—29, № 312/2193, л. 143, № 313/2194, л. 63 и 109.

№№ текста:

182. Дѣла Сената № 30.
183. — ibid. № 1, л. 95, № 3, л. 142, № 23, л. 81, 227 и 793, № 30, л. 31, № $^{308}/_{2189}$, л. 82, № $^{312}/_{2193}$, л. 33, № $^{317}/_{2198}$; Полн. Собр. Зак. № 7258.
184. — Сената № 1, л. 170, № 23, л. 711, № $^{308}/_{2189}$, л. 261, № $^{312}/_{2193}$, л. 94, № $^{317}/_{2198}$.
185. — ibid. № 9, л. 76, № 20, л. 28, № 28, л. 58, 64 и 74, № $^{318}/_{2189}$, л. 41, 42, 67 и 84, № $^{312}/_{2193}$, л. 33, 72 и 201, № $^{313}/_{2194}$, л. 62, № $^{316}/_{2197}$; л. 244, № $^{317}/_{2198}$, л. 1.
186. — ibid. 1, л. 389, 507 и 654, № 3, л. 74, № 8, 20; Полн. Собр. Зак. № 4847.
187. — Сената № 30, л. 11, 12, 18, 19, 26 и 27.
188. — ibid. № $^{308}/_{2189}$, л. 5 и 45.
189. — — № 3, л. 93 и 94, № 23, л. 81, № $^{308}/_{2189}$, л. 92 и 116, № $^{316}/_{2197}$, л. 317; Полн. Собр. Зак. № 6239.
190. — Сената № 1, л. 1—3, 30, 34, 48, 146, 147, 155, 156, 246, 250—254, 522—641. № 30, л. 29, № 31 и 32.
191. — ibid. № 3, 23, л. 84, 457 и 461.
192. — ibid. № 20, 31, л. 9.
193. — — № 12, л. 914—918, № 23, л. 51, 52, 652—655, 1023—1040, № 30, л. 26, № $^{308}/_{2189}$, л. 29, № $^{317}/_{2198}$; л. 54.
194. — ibid. № 1, л. 43, № 7, л. 150 и 362, № 23, л. 48 и 616, № 36 (б), л. 176.
195. — ibid. № 3, л. 978, —1024, № 30, л. 3, 19, 28 и 29, № $^{312}/_{2193}$, л. 162, № $^{317}/_{2198}$, л. 82.
196. — ibid. № 1, л. 141, № 31, л. 10, 15 и 92, № $^{308}/_{2189}$, л. 49 и 139.

№№ текста:

197. Дѣла Сената № 23, л. 679, № 30, л. 19, № $^{312}/_{2193}$, л. 157.
198. — ibid. № 23, л. 4—6, 9, 38, 57, 73, 81 и 715, № $^{308}/_{2189}$, $^{317}/_{2198}$.
199. — ibid. № 7, л. 391—393, № 12, л. 846, № 15, 23, л. 14, 20, 62, 67, 78, 95, 136, 163, 711, 738 и 748.
200. — ibid. № 9, 23, л. 739—740, № 24, 36 (б).
201. — ibid. № 23, л. 678 и 907.

Къ статьѣ «Святѣйшій Синодъ».

1. Полн. Собр. Зак. № 3718.
2. Дѣла Сената по Синоду № $^{2}/_{761}$, л. 6.
3. — ibid. № $^{2}/_{764}$, л. 1.
4. — — — л. 6.
5. — — — л. 2.
6. — — — л. 30.
7. — — — л. 205.
8. — — — л. 502.
9. — — — л. 304 и 502.
10. — — — л. 364.
11. — — — л. 333.
12. — — — л. 301.
13. — — — л. 621.
14. — — — л. 358.
15. — — № $^{7}/_{769}$, ч. II, л. 2.
16. — — № $^{2}/_{764}$, л. 364.
17. — — № $^{5}/_{767}$, л. 152.
18. Полн. Собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи т. II, стр. 707.
19. Ibid. т. 1.
20. — т. V.
21. Дѣла Сената по Синоду № $^{3}/_{763}$, л. 441, № $^{5}/_{767}$, л. 204.
22. — ibid. $^{5}/_{767}$, л. 194.
23. — — — л. 204.
24. — — № $^{3}/_{763}$, л. 102 и 140.
25. — — — л. 102.
26. — — № $^{15}/_{777}$, л. 38.
27. Полн. Собр. Зак. № 4051.
28. Полн. Собр. постанов. и распор. по вѣдом. правосл. испов. т. II, стр. 466.
29. Полн. Собр. Зак. № 4134.
30. Дѣла Сената по Синоду № $^{15}/_{777}$, л. 387.

№№ текста:

31. Полн. Собр. постанов. и распор. по вѣдом. правосл. испов. т. II, стр. 173.
32. Дѣла Сената по Синоду № $^{5}/_{767}$, л. 175.
33. — ibid. № $^{5}/_{767}$, л. 793.
34. — — № $^{3}/_{763}$, л. 141.
35. Полн. Собр. Зак. № 3970; Полн. Собр. постанов. и распор. по вѣдом. православ. испов. т. II, стр. 210.
36. Дѣла Сената по Синоду № $^{2}/_{764}$, л. 759.
37. — ibid. № $^{3}/_{763}$, л. 392.
38. — — — л. 394.
39. — — — л. 392.
40. — — № $^{5}/_{767}$, 695.
41. — — № $^{3}/_{763}$, л. 102.
42. — — — л. 581.
43. Полн. Собр. постанов. и распор. по вѣдом. правосл. испов. т. II, стр. 541, 552 и др.
44. Дѣла Рекетмейстерской конт. № $^{5}/_{1257}$, л. 197.
45. — Сената по Синоду № $^{6}/_{768}$, л. 182.
46. — ibid. № $^{3}/_{765}$, л. 141.
47. — — № $^{5}/_{767}$, л. 449.
48. — — — л. 612.
49. — — № $^{2}/_{764}$, л. 779.
50. — — № $^{7}/_{769}$, ч. II, л. 2.
51. — — № $^{15}/_{777}$, л. 390.
52. — — № $^{2}/_{764}$, л. 301.
53. — — — л. 297 и 562.
54. — — — л. 319.
55. — — — л. 770.
56. — — — л. 576.
57. — — № $^{7}/_{769}$, ч. I, л. 28.
58. — — № $^{9}/_{764}$, л. 638.
59. Полн. Собр. Зак. № 3870.
60. Полн. Собр. постанов. и распор. по вѣдом. правос. испов. т. V, стр. 63.
61. Ibid. л. 526.
62. — т. I, л. 86.
63. Полн. Собр. Зак. № 4001.
64 Ibid. № 4036.
65. Дѣла Сената по Синоду № $^{20}/_{782}$, л. 191.
66. — ibid. № $^{7}/_{769}$, ч. I, л. 55.
67. — — — — л. 70.
68. — — — — л. 57.
69. Дѣла Кабинета № 32, л. 20, № 38, л. 24.
70. — Канц. отъ строеній № 1, л. 942, № 5 (№ 2), л. 14.
71. — Синода № 3; Канц. отъ строеній № 5 (№ 2), л. 18.
72. — Кабинета № 38, л. 24.
73. — Сената № 4, л. 75 и 109.
74. — Кабинета № 76, л. 11, № 82, л. 4—11; Сената № 102, л. 1.
75. Полн. Собр. зак. № 6086.
76. Дѣла Кабинета № 1, л. 418.
77. — Коллегіи экономіи № 12, л. 272, № 13, л. 49, № 17, л. 78.
78. — Сената № 121, л. 1—5, 11, 65, 70, 78 и 95.
79. — Кабинета № 66, л. 58; Коммерцъ-кол. № 4, л. 47.
80. — Сената № 121, л. 84, 93 и 101.
81. — ibid. № 4, л. 12.
82. — Кабинета № 1, л. 354, 365, 390 и 418.
83. — ibid № 1, л. 333 и 500.
84. — Сената по Синоду № $^{40}/_{802}$, л. 49; Синода № 4.
85. — Кабинета № 53, л. 198; Сената № 94, л. 2 и 31, № 113; Сената по Синоду № $^{29}/_{791}$, л. 231 и 322, № $^{34}/_{796}$, л. 14 и 32; епархіальныхъ учрежденій № 571; Главной Полиціймейстерской канц. № 11, л. 168.
86. — Синода № 2, л. 43, 47 и 49.
87. — Сената № 94, л. 8.
88. — Кабинета № 53, л. 198; Сената № 94, л. 2, 20 и 31; № 96, л. 35, 44 и 52; Сената по Синоду № $^{29}/_{791}$, л. 322, № $^{34}/_{796}$, л. 32; Синода № 3; епархіальныхъ учрежд. № 121, л. 1.
89. — Синода № 2, л. 6, 17, 19, 38, 45—47 и 49; епархіальныхъ учрежд. № 571, 615, л. 4.
90. — Сената по Синоду № $^{29}/_{791}$, л. 231, № $^{32}/_{794}$, л. 26.

№№ текста:

91. Дѣла Сената № $^{310}/_{2191}$, л. 228.
92. — ibid. № 3, л. 164—167, 1042; № 16, л. 3.
93. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 679; Гл. Полиц. канц. № 7, л. 66.
94. — Сената № 110, л. 69 и 70.
95. — ibid. № 113.
96. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 679.
97. — ibid. № $^{29}/_{791}$, л. 260.
98. — Кабинета № 53, л. 67; Полн. Собр. Зак. № 4407.
99. — Кабинета № 53, л. 71; Полн. Собр. Зак. № 5891.
100. — Кабинета № 53, л. 67.
101. — Кабинета № 3; Сената № 94, л. 11 и 46.
102. — Кол. экономіи № 12, л. 272, № 13, л. 194, № 17, л. 78.
103. — Сената № 3, л. 164—167.
104. — Кабинета № 53, л. 67.
105. — ibid № 1, л. 137.
106. — Статсъ-конт. № 41 (№ 19).
107. — Кабинета № 53, л. 73.
108. — ibid. № 3, л. 46, № 53, л. 67; Кол. экономіи № 17, л. 78.
109. — Кабинета № 1. л. 137.
110. — ibid. № 1, л. 196, № 53, л. 65, 67; Полн. Собр. Зак. № 8072.
111. — Кол. экономіи № 17, л. 78.
112. Полн. Собр. Зак. № 7568.
113. Дѣла Кол. экономіи № 12, л. 272, № 13, л. 49 и 194, № 17, л. 78.
114. — Кабинета № 5, л. 163 и 206, № 76, л. 11; Синода № 1 и 2.
115. — Кабинета № 96, л. 61; Синода № 2, л. 17 и 46.
116. — Кабинета № 11, л. 5.
117. — ibid. № 1, л. 17, 25, 120, 136, 137, 171, 270, 352, 354 и 410.
118. — ibid. № 1, л. 27, 33, 37, 61, 119, 158, 167, 210, 249, 314, 334 и 390.
119. — ibid. № 1, л. 28, 191 и 332.
120. — — — л. 141, № 2, л. 17.
121. — — № 53, л. 72.
122. — — № 55, л. 43, № 63, л. 13.
123. — ibid. № 32, л. 20; Сената № 100, л. 2, № 103, л. 39, 53 и 75.
124. Дѣла Адмиралтейской кол. в. 50, № 2, л. 21; Кол. экономіи № 17, л. 78; Статсъ-конт. № 14, л. 1194.
125. — Кабинета № 1, л. 210; Синода № 1 и 2; Кол. экономіи № 82, л. 2.
126. — Кабинета № 1, л. 33, 37, 141 и 390; Синода № 1, 2; епархіальныхъ учрежд. № 571.
127. — Кабинета № 76, л. 11.
128. — ibid. № 1, л. 17, 25, 120, 158, 171, 210 и 270, № 11, л. 5; № 96, л. 2, 19, 22 и 25.
129. — ibid. № 32, л. 20; Синода № 4.
130. — епархіальныхъ учрежд. № 77.
131. — Синода № 2, л. 17 и 35.
132. — Печальной комиссіи № 7, л. 614—620.
133. — Кабинета № 96, л. 2, 3, 5, 11, 12 и 19.
134. — ibid. № 96, л. 62.
135. — — — л. 2, 3, 5 и 11.
136. — — — л. 48.
137. — Сената № 103, л. 165—191.
138. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 683.
139. — ibid. № $^{30}/_{792}$, л. 476.
140. — Кабинета № 96, л. 48.
141. — ibid. № 1, л. 410, № 96, л. 50; Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 851, № $^{30}/_{792}$, л. 443.
142. — Кабинета № 1, л. 119 и 334, № 55, л. 43, № 57, л. 5, № 66, л. 34.
143. — ibid. № 66, л. 34.
144. — — № 57, л. 5.
145. — — № 55, л. 43.
146. — — № 96, л. 48.
147. — — № 1, л. 490.
148. — — — л. 793.
149. — — № 56, л. 5.
150. — — № 1, л. 4 и 458; Синода № 1, 2, л. 38 и 40.

№№ текста:

151. Дѣла Кабинета № 1, л. 458 и 470.
152. — Синода № 2, л. 1.
153. — Кабинета № 1, л. 418.
154. — ibid. № 96, л. 25.
155. — — № 1, л. 314, 336, 346, 354 и 365.
156. — Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 599.
157. — Сената № 110, л. 2; епархіальныхъ учрежд. №615, л. 4.
158. — Кабинета № 1, л. 34, 171, 249.
159. — ibid. № 1, л. 515.
160. Полн. Собр. Зак. № 7070, 7150 и 7198.
161. Дѣла Сената № 100, л. 53.
162. — Кабинета № 1, л. 334.
163. — ibid. № 1, л. 136.
164. — Сената № 100, л. 54.
165. — ibid. № 100, л. 52.
166. — Кабинета № 1, л. 119.
167. — ibid. № 1, л. 136.
168. — — — л. 337.
169. — — — л. 410.
170. — — — л. 334.
171. — ibid. № 55, л. 4.
172. — Сената № 96, л. 51.
173. — ibid № 100, л. 38, 40, 42 и 56
174. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 784.
175. — Сената № 94, л. 2; епархіальныхъ учрежд. № 250, л. 11—20.
176. — епархіальныхъ учрежд. № 76, л. 2.
177. — Синода № 1, 2; епархіальныхъ учрежд. № 6, 16, 18, 25, л. 20, № 59, л. 1, № 558, 686, л. 15.
178. — Сената № 94, л. 26, № 103, л. 38; Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 82 и 559, № $^{33}/_{795}$, л. 11.
179. Полн. Собр. Зак. № 6718.
180. Дѣла Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 433; Конторы Кол. экономіи № 4.
181. — Кабинета № 1, л. 211 и 365.
182. — епархіальныхъ учрежд. № 574, 575, 591, л. 4.

№№ текста:

183. Дѣла Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 103.
184. — Кабинета № 53; л. 551; Полн. Собр. Зак. № 8303.
185. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 137.
186. — Кол. экономіи № 45, л. 13.
187. — Сената № 103, л. 165—191.
188. — Кабинета № 57, л. 41.
189. — Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 471—475.
190. — Кабинета № 57, л. 5.
191. — ibid. № 55, л. 43.
192. — Синода № 2, л. 1.
193. — Кабинета № 1, л. 158.
194. — ibid. № 1, л. 511; Сената № 131, л. 1—8.
195. — Сената № 110, л. 15—17.
196. — ibid. № 99, л. 8—11.
197. — Кабинета № 96, л. 53—59.
198. — ibid. № 1, л. 485 и 537.
199. — — № 5, л. 96; Конторы Кол. экономіи № 4, л. 3 и 4; Полн. Собр. Зак. № 4022, 8303 и 8309.
200. — Кабинета № 5, л. 206, № 96, л. 20.
201. — Придворной конт. № 38, л. 7
202. — Гофъ-интендантской конт. № 9, л. 269.
203. — Кабинета № 52, л. 438.
204. Полн. Собр. Зак. 8382.
205. Дѣла Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 223.
206. — ibid. № $^{107}/_{772}$, л. 152.
207. — — № $^{30}/_{792}$, л. 239—243.
208. — — № $^{28}/_{790}$, л. 851 и 852.
209. — — № $^{10}/_{772}$, л. 907.
210. — — № $^{30}/_{792}$, л. 443—445.
211. — епархіальныхъ учрежд. № 77.
212. — Сената № 97, л. 1—8; Сената по Синоду № $^{20}/_{782}$, л. 125—197.
213. — Сената № 96, л. 41.
214. — Кабинета № 5, л. 113; Сената № 123, л. 2—5.
215. — Статсъ-конт. № 5, л. 982.
216. — Кабинета № 11, 82, л. 3; «Внутренній бытъ» кн. 1, стр. 238, 398, 485 и 528.

№№ текста:

217. Дѣла Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 559.
218. — Кабинета № 1, л. 91 и 120.
219. — Сената по Синоду № $^{32}/_{794}$, л. 305; Полн. Собр. Зак. № 5518.
220. — Сената № 103, л. 95 и 96; Сената по Синоду № $^{32}/_{794}$, л. 305.
221. Сената № 98, л. 15—28; Коммиссіи о петерб. строеніи № 98, л. 1—31, № 161.
222. — Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 559.
223. — Кабинета № 1, л. 486, № 3, л. 157 и 164.
224. — епархіальныхъ учрежд. № 6, л. 18, № 686, л. 15.
225. — ibid. № 59, л. 1.
226. — Синода № 1, 2, л. 4, 5, 7, 17, 36, 37 и 42.
227. — Кабинета № 1, л. 470, № 53, л. 217; епархіальныхъ учрежд. № 16, 25, л. 20, № 558.
228. Кабинета № 11; епархіальныхъ учрежд. № 686, л. 15.
229. Ист. Росс. іерархіи», Амвросія, т. I.
230. Дѣла епархіальныхъ учрежд. № 573, л. 1 и 10.
231. — Кабинета № 96, л. 13.
232. — Сената по Синоду № $^{3}/_{765}$, л. 601.
233. — Сената № 102, л. 3.
234. — Кабинета № 5, л. 123, № 96, л. 12.
235. — Сената № 95, л. 1.
236. — ibid. № 99.
237. — Архангелогородской конторы надъ портомъ в. 133, № 639, л. 188 и 189.
238. — Кабинета № 59, л. 42.
239. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 865—880.
240. — Сената № 5, л. 313—315.
241. Кабинета № 53, л. 198.
242. — ibid. № 1, л. 314.
243. — Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 433.
244. — Кабинета № 1, л. 481, № 53, л. 197, 201 и 203; Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 433; Кол. экономіи № 51.
245. Дѣла епархіальныхъ учрежд. № 76, л. 4.
246. — Сената № 103, л. 36, 38, 39, 53—55, 58, 67, 68, 72 и 75, № 112, л. 1; Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 82—87, № $^{31}/_{793}$, л. 422. № $^{33}/_{795}$, л. 11.
247. — Сената по Синоду № $^{32}/_{794}$, л. 248, 250, 1019—1024.
248. — ibid. № $^{17}/_{779}$, л. 197 и 394; епархіальныхъ учрежд. № 180, л. 12 и 15; Полн. Собр. Зак. № 6802.
249. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 1010—1017.
250. — Сената № 94, л. 17; епархіальныхъ учрежд. № 88, л. 1.
251. — Сената по Синоду № $^{17}/_{779}$, л. 211—217, 220, 221, 242, 260—269; Полн. Собр. Зак. № 7226.
252. — Кабинета № 1, л. 153 и 154, № 55, л. 6.
253. Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 683.
254. — Кабинета № 66, л. 34.
255. — Сената № 100, л. 2—8.
256. — Кабинета № 1, л. 141, 287 и 291; Полн. Собр. Зак. № 8090.
257. — Сената по Синоду № $^{30}/_{792}$, л. 559; Полн. Собр. Зак. № 8075.
258. — Сената № 94, л. 8, № $^{315}/_{2196}$, л. 291.
259. — ibid. № 101, л. 1, 2, 6, 8—20, 69—73 и 83.
260. — ibid. № 138, л. 1.
261. — — № 94, л. 13, 22, 23, 26—31.
262. — Кабинета № 96, л. 37 и 47; «Полн. собр. постанов. и распоряж. по вѣд. правосл. испов. Рос. имп. т. I, № 57; Полн. Собр. Зак. № 3769.
263. Полн. собр. постанов. и распоряж. по вѣд. правосл. испов. Рос.

№№ текста:

имп. т. III, № 1041; Полн. Собр. Зак. № 3887.

264. Полн. собр. постанов. и распоряж. по вѣд. правосл. испов. Рос. имп. т. III, № 1083, 1110 и 1128.

265. Полн. Собр. Зак. № 4988.

266 Дѣла Сената и Синоду № $^{23}/_{785}$, л. 201; епарх. учрежд. № 4, 85, л. 485, 748 и 873; Кол. экономіи № 17, л. 389, № 67, л. 12, 14, № 82, л. 3.

267. — Кабинета № 1, л, 332; Сената по Синоду № $^{29}/_{791}$, л. 203; епарх. учрежд. № 2, л. 2; Полн. Собр. Зак. № 6718.

268. — Сената по Синоду № $^{36}/_{793}$, л. 511.

269. — Сената № 190, л. 1, № 193, л. 1—4; Кол. экономіи № 13, л. 182, 247, № 17, л. 106, 232—401, № 45, л. 7 и 15, № 67, л. 12; епарх. учрежд, № 1 л. 28.

270. — Сената по Синоду № $^{29}/_{791}$, л. 203—210; Сената № 190, л. 1, № 193, л. 1; Кол. экономіи № 12, л. 271, № 13, л. 16, № 17, л. 451, № 45, л. 7 и 8, № 67, л. 12, № 82, л. 3; епарх. учрежд. № 4, л. 2.

271. — Кол. экономіи № 13, л. 182, 186, 247, № 17, л. 106, 252 и 401.

272 — ibid. № 10, л. 22.

273. — Сената по Синоду № $^{28}/_{790}$, л. 840.

№№ текста:

274. Дѣла Кол. экономіи № 45, л. 8 и 10.

275. — ibid. № 45, л. 7, № 82, л. 3; епарх. учрежд. № 4, л. № 85, л. 487, 748 и 873.

276. — епарх. учрежд. № 4, л. 2.

277. Полн. Собр. Зак. № 6718.

278. Дѣла епарх. учрежд. № 4 (№ 2), л. 1 и 2, № 23—26.

279. — ibid. № 4, 24—26; Полн. Собр. Зак. № 6718.

280. — Кабинета № 1, л. 270 и 332; епарх. учрежд. № 4; Полн. Собр. Зак. № 6718.

281. — Кабинета № 53, л. 73.

282. — Сената по Синоду № $^{29}/_{791}$, л. 203—205.

283. — ibid. № $^{31}/_{793}$, л. 831 и 837; Сената № $^{317}/_{2198}$, л 60.

284. — епарх. учрежд. № 30; Полн. Собр. Зак. № 6574 и 6718.

285. — епарх. учрежд. № 5 и 43, л. 2 и 14.

286. — Синода № 1 и 2; епарх. учрежд. № 6, л. 1, № 8, л. 1, № 11, л. 2, № 15, л. 1, № 85 л. 487.

287. — Сената № 96, л. 7; Кол. экономіи № 17, л. 64.

288. — Сената по Синоду № $^{31}/_{793}$, л. 534.

289. — Кол. экономіи № 17, л. 451.

290. — ibid. № 12, л. 272, № 13, л. 49, 194, № 17, л. 78.

291. Полн. Собр. Зак. № 4045.

292 Дѣла Кабинета № 53, л. 73.

293. — Кол. экономіи № 10, л. 24—29, 80—84, № 17, л. 88 и 216.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Абрамовъ, Онисимъ, священникъ, поповскій староста, 383.
Авксентьевъ, полковникъ, 193.
Аврамій, архимандритъ переяславль-залѣсскаго Горицкаго монастыря, 299.
Аврамій, архимандритъ Иверскаго монастыря, 351.
Аврамій, іеромонахъ, ризничій Синодальнаго дома, 396, 398.
Аврамій, раскольничій попъ, 356.
Акеръ Маркъ, артиллерійскій капитанъ, 190.
Анулина, служащая дѣвка, 248.
Александровъ, крѣпостной человѣкъ, 72.
Александръ, іеродіаконъ, 381—383.
Александръ, іеромонахъ, 381, 383.
Алексѣевъ, Иванъ, дьячокъ, 68.
Алексѣевъ, Степанъ, секретарь Раскольнической конторы, 359.
Алексѣй, архіепископъ рязанскій и муромскій, 82.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 292.
Алфимовъ, лейбъ-гвардіи офицеръ, 11, 17.
Альбрехтъ, генералъ, 30.
Амвросій (Юшкевичъ), епископъ вологодскій и бѣлозерскій, членъ Синода, 283; епископъ новгородскій, первенствующій членъ Синода, 25; архіепископъ новгородскій и великолуцкій, первенствующій членъ Синода, 124, 135, 277, 293, 306, 307, 312, 358.
Фонъ-Амерсъ, «шлюзнаго и палатнаго строенія мастеръ», 27.
Андреевъ, секретарь, 104.
Андреевъ, солдатъ, 119.
Андроникъ, іеромонахъ, Александро-Невскаго монастыря казначей, 293, 294.
Анисимовъ, оберъ-фискалъ, 76, 77.
Анна Іоанновна, герцогиня курляндская, 2; императрица, 2—4, 10, 25, 26, 35, 40, 43, 55, 69, 74, 78, 88, 101, 112, 122, 125, 131, 135, 136, 138, 140, 144, 151, 185, 218, 220, 269, 274, 282, 284, 301, 306, 315, 335, 339, 340, 344, 349, 383, 388, 395.
Анна Леопольдовна, принцесса, 395; правительница, 4, 10, 26, 39, 88, 104, 122, 123, 125, 131—134, 167, 168, 278, 280, 282, 287, 297, 303, 306, 314.
Антоній, архимандритъ московскаго Златоустовскаго монастыря, 230, 231.
Антоній, архимандритъ Ново-Спасскаго монастыря, 299.
Антоній, намѣстникъ Троице-Сергіева монастыря, 299.
Антоній, митрополитъ молдавскій, 349.
Антоній, митрополитъ тобольскій и сибирскій, 328, 355.
Антонъ Ульрихъ, герцогъ брауншвейгъ-люнебургскій, генералиссимусъ, 8, 45, 59, 61, 127, 137, 138, 151, 282.
Апостолъ, гетманъ, 314.
Апраксинъ, генералъ-маіоръ и л.-гвардіи Семеновскаго полка маіоръ, 95.
Апраксинъ, графъ, дѣйст. тайн. совѣтникъ,

генералъ-адмиралъ, членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 2.
Апраксинъ, графъ, 110.
Апраксинъ, мичманъ, 23.
Араповъ, Семенъ, русскій консулъ въ Персіи, 95, 107.
Аргамаковъ, л.-гвардіи офицеръ, 11.
Арсеній, митрополитъ палестинскій Ѳиваидскій, 349.
Арсеній, митрополитъ тобольскій и сибирскій, 299, 357.
Афросимовъ, кабинетъ-курьеръ, 13.

Б.

Багратіонъ, Іосифъ, кахетскій князь, 36.
Базловъ, Иванъ, дворянинъ, 165.
Базлова, Любава, вдова дворянина, 165.
Бакунинъ, переводчикъ Иностранной коллегіи, 17.
Бакшеевъ, копіистъ Городовой канцеляріи, 70.
Балбековъ, кабинетъ-секретарь, 10.
Балкошинъ, подпоручикъ, 69.
Баранчеевъ, совѣтникъ, 82.
Барятинскій, князь, совѣтникъ Сибирскаго приказа, 80.
Баскаковъ, Алексѣй, оберъ-прокуроръ Синода, 255.
Бахиревъ, кабинетъ-секретарь, 10, 123.
Бахметевъ, Иванъ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, 142, 143; оберъ-прокуроръ Сената, 32, 43, 143, 144.
Бачмановъ, подполковникъ, 24, 26.
Бевенротъ, иноземецъ, 72.
Бедринъ, Михаилъ, камеръ-цалмейстерскій помощникъ, 86, 168.
Беклемишевъ, совѣтникъ Камеръ-коллегіи, 27.
Берингъ, капитанъ-командоръ, 381.
Бестужевъ-Рюминъ, Алексѣй Петровичъ, д. тайн. сов., кабинетъ-министръ, 5, 6, 55, 79, 130, 134; сенаторъ, вице-канцлеръ, 3.
Бетманъ, «города Браммена студентъ», 38.
Бетманъ-Кармедонъ, Антонъ, гофъ-интендантъ, 38.
Бибиковъ, бѣлогородскій губернаторъ, 73.
Бибиковъ, л.-гвардіи капитанъ, 251.
Фонъ-Бирон, Густавъ, баронъ, генералъ и генералъ-адъютантъ, 131.
Биронъ, Карлъ, генералъ, 134.
Биронъ, герцогъ, регентъ, 4, 5, 10, 32, 35, 38—40, 43, 55, 57, 58, 79, 92, 118, 127, 131, 132, 141, 151, 278.
Фонъ-Бисмаркъ, генералъ, 55, 56.
Блихертъ, шлихтичъ, 35.
Богдановъ, экзекуторъ Сената, 117, 144.
Боголюбовъ, Петръ, секретарь Синодальной канцеляріи, 389, 390.
Богомоловъ, Петръ, протоколистъ Синода, 283.
Фонъ-Болесъ, столярный мастеръ, 342.
Болтинъ, Иванъ Васильевичъ, полковникъ, оберъ-прокуроръ Синода, 251, 265, 266, 387, 388.
Болтинъ, Сергѣй, членъ Доимочной коммиссіи, 146.
Борисовъ, коммиссаръ Городовой канцеляріи, 70.
Фонъ-Бревернъ, тайн. совѣтникъ, оберъ-секретарь Иностранной коллегіи, 9; президентъ Академіи Наукъ, 9, 104; канцеляріи-совѣтникъ Императорскаго Кабинета, 9; состоящій при иностранныхъ дѣлахъ, 3.
Бремеръ, секретарь кабинетъ-министра Бестужева-Рюмина, 7.
Брылкинъ, Иванъ Онуфріевичъ, дѣйствительный камергеръ, оберъ-прокуроръ Сената, 144, 217.
Брюховъ, Иванъ, подполковникъ, борисоглѣбскій воевода, 327.
Брюсъ, графъ, генералъ-маіоръ, московскій вице-губернаторъ, 79.
Брюсъ, Романъ Вилимовичъ, генералъ-лейтенантъ, 231.
Фонъ-Будбергъ, регирунгсъ-ратъ, 57.
Булгаковъ, л.-гвардіи прапорщикъ, 80.
Фонъ-Бутлеръ, Бенедиктъ, генералъ-маіоръ, 165.
Бутлеръ, камергеръ, 56.
Бутурлинъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-кригсъ-коммиссаръ, 218.
Бутышъ, голландскій купецъ, 167.
Бѣлой (Бѣловъ), Алексѣй, купецъ, 76—78.
Бѣляевъ, Алексѣй, посадскій человѣкъ, 246, 247.
Бѣляевъ, Макаръ, секретарь Монастырскаго приказа, 251.
Бѣляевъ, Михаилъ, актуаріусъ Синода, 280, 283.

В.

Вавила, архимандритъ Кириллова монастыря, 351.
Вавиловъ, купецъ, 72.
Варлаамъ, архимандритъ московскаго Чудова монастыря, членъ Синода, 277, 299.
Варлаамъ (Овсянкиковъ), іеромонахъ, ассессоръ и оберъ-секретарь Синода, 231, 233.
Варсонофій, архимандритъ Соловецкаго монастыря, членъ Синода, 25, 283; епископъ архангелогородскій, членъ Синода, 29; архіепископъ архангелогородскій, членъ Синода, 29, 280, 283, 299, 300.
Вареоломей (Филевскій), игуменъ, 381, 382, 385, 386
Вахтангъ Леоновичъ, грузинскій царь, 34.
Василевскій, подканцеляристъ Сената, 12.
Васильева, Ирина, дѣвка дворцоваго погоста, 119
Васильевъ, Алексѣй, секретарь Синодальной канцеляріи, 389
Васильевъ, Артемій, священникъ, 383, 384.
Васильевъ, Левъ, священникъ, 346.
Васковъ, актуаріусъ, исправ. должность секретаря у рекетмейстерскихъ дѣлъ Сенатской конторы, 158.
Венединтъ, архимандритъ Хутыня, а затѣмъ—Александро-свирскаго монастыря, 163, 351, 353.
Фонъ-Вильдеманъ, лифляндскій вице-губернаторъ, 114.
Винсгеймъ, профессоръ Академіи Наукъ, 103.
Вишняковъ, живописецъ, 140
Воейковъ, генералъ-маіоръ, уфимскій вице-губернаторъ, 25.
Воейковъ, московскій вице-губернаторъ, 230.
Воейковъ, Ѳедоръ, капитанъ, 17.
Воиновъ, Александръ, служитель московскаго Донскаго монастыря, 310, 311.
Волковъ, Михаилъ Яковлевичъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, президентъ Коллегіи экономіи, членъ Раскольнической конторы, 123, 128, 132, 157, 158, 183.
Володиміровъ, секретарь Сенатской конторы, 80.
Волчковъ, секретарь Академіи Наукъ, 7.
Волынскій, кабинетъ-министръ, 10, 86, 103, 201.
Вонлярлярскій, поручикъ смоленской шляхты, 197.
Ворыпаевъ, Михаилъ, помѣщикъ, 73—75.
Ворыпаевъ, Петръ, помѣщикъ, 73—75.
Всеславскій, Степанъ, подканцеляристъ Синода, 280.
Вындомскій, Дмитрій, л.-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ, 165.

Г.

Гавріилъ, архимандритъ Ипатскаго монастыря, совѣтникъ Синода, 231.
Гагаринъ, Ѳедоръ Никитичъ, князь, капитанъ, 54.
Гагемейстеръ, совѣтникъ, 19.
Галецкій, Аѳанасій, іеродіаконъ Александро-Невскаго монастыря, 292—294.
Ганибалъ, Аврамъ Петровъ, маіоръ, 34.
Гаппіусъ, Яганъ, пасторъ, 34.
Гедеонъ, епископъ смоленскій, 299, 314, 326, 327.
Гедеонъ, іеромонахъ, 349.
Генингеръ, Іоганнъ, товарищъ сенатскаго герольдмейстера, 146.
Генингеръ, тайный секретарь правительницы Анны Леопольдовны, 10.
Генингъ, «отъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ», 50.
Георгій, епископъ ростовскій, членъ Синода, 268.
Герасимовъ, Иванъ, черносошный крестьянинъ, 367
Герасимъ, архимандритъ Богоявленскаго монастыря, членъ Синодальной канцеляріи, 389.
Глазовъ, купецъ, 51.
Гликъ, совѣтникъ, 19.
Голицынъ, Алексѣй Дмитріевичъ, князь, д. статскій совѣтникъ, 39; сенаторъ, 142.
Голицынъ, Дмитрій, князь, 103, 201, 202
Голицынъ, Михаилъ Михайловичъ, князь, генералъ-кригсъ-коммиссаръ, астраханскій губернаторъ, 142; сенаторъ, 142.
Голицынъ, Николай, князь, поручикъ, 81.
Голицынъ, Петръ Михайловичъ, князь, 39.

Голицынъ, князь, д. тайн. совѣтникъ, членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 2.
Головинъ, Петръ, отстав. подполковникъ, 17.
Головкинъ, Гаврила Ивановичъ, графъ, д. тайн. совѣтникъ, государственный канцлеръ, членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 2, 240.
Головкинъ, Михаилъ Гавриловичъ, д. тайн. совѣтникъ, вице-канцлеръ, кабинетъ министръ, 6, 8, 9, 12, 59, 89, 91, 92, 115, 126, 129, 130; сенаторъ, 142.
Головкинъ, графъ, адмиралъ, 3.
Головковъ, Алексѣй, канцелярист Синода, 280.
Гольдбахъ, юстицъ-ратъ Академіи Наукъ, 19, 20.
Гончаровъ, фабрикантъ, 120.
Горкуновъ, «казанскій житель», 82.
Горчаковъ, князь, 225.
Гостевъ, земскій писарь, 79.
Грамотинъ, подполковникъ, 11.
Гренингъ, Михаилъ, 103.
Григорьевъ, Парфенъ, дьяконъ, 383, 384.
Григорьевъ, Петръ, протопопъ Благовѣщенскаго собора, членъ Синода, 277, 283.

Д.

Давыдовъ, Георгій, крестовый священникъ при домѣ (въ с. Всесвятскомъ, близъ Москвы) царевны Даріи Арчиловны Имеретинской, 375, 376.
Давыдовъ, Семенъ, подполковникъ, 230, 231.
Давыдовъ, совѣтникъ, 26.
Даевъ, канцелярист Синодальнаго Казеннаго приказа, а затѣмъ—Синодальной канцеляріи, 393.
Дамаскинъ, іеромонахъ, 383.
Даниловъ, Борисъ, священникъ, 355.
Даниловъ, секретарь Сената, 222.
Дарія Арчиловна Имеретинская, царевна, 375.
Дебоданъ, генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ, 8.
Девицъ, генералъ-маіоръ, 175.
Демидовъ, Акинфій, статскій совѣтникъ, заводчикъ, 50, 53, 134, 354, 356, 357.
Демидовъ, оберъ-секретарь Сената, 51, 144, 222.
Делиль де-ла-Кроеръ, Людвигъ, профессоръ Академіи Наукъ, 102, 190.
Фонъ-Дельвигъ, баронъ, лифляндскій шляхтичъ, 26.
Дестервальдъ, Яганъ Карлъ, «с.-петербургскій житель», «торговый иноземецъ», 189.
Димитрій (Сѣченовъ), архимандритъ свіяжскаго Богородицкаго монастыря, 98, 373—376.
Діонисій, архимандритъ московскаго Андроніева монастыря, ассессоръ москов. Синодальной конторы, 387.
Догада, Ѳедоръ Васильевъ, новокрещеный мордвинъ, 339, 373.
Долгорукова, Александра Григорьевна, княжна, въ замуж.—Салтыкова, 40.
Долгорукова, Прина, княжна, въ замуж.—Сафонова, 34.
Долгоруковъ, Василій, князь, 40, 80, 317.
Долгоруковъ, Михаилъ, князь, 40.
Дорофей, іеромонахъ, экономъ Александро-Невскаго монастыря, 293.
Дохтуровъ, маіоръ, 119.
Дратъ, маіоръ, 114.
Дрябловъ, фабрикантъ, 54.
Дубровскій, «каторжный невольникъ», 71.
Дуверной (Дювернуа), «докторъ и профессоръ» Академіи Наукъ, 28.
Дудинъ, Михаилъ, оберъ-секретарь Синода, 359.
Дудинъ, 17.
Дукласъ, графъ, генералъ, ревельскій губернаторъ, 81.
Дурново (Дурновъ) экзекуторъ Сената, 117, 144.
Дурновъ, подполковникъ, 29.
Дуровъ (Дурновъ), капитанъ, товарищъ воеводы Орловской провинціи, 217, 219.
Дюсонъ Даліонъ, «французскій шляхтичъ», 196.

Е.

Евдокимовъ, Василій, уставщикъ придворныхъ пѣвчихъ, 345.
Екатерина Алексѣевна, царевна, 343.
Екатерина Антоновна, великая княжна,

сестра императора Іоанна Антоновича, 295. 343.
Екатерина I, императрица, 1, 2, 141, 233, 234, 254, 260, 267, 268, 274, 343.
Екатерина Іоанновна, царевна, 343.
Елагинъ, Ѳедотъ, статскій совѣтникъ, 173.
Елизавета Петровна, цесаревна, 4, 38; императрица, 1, 3, 65, 162, 185, 220, 260, 277, 279.
Елизарьевъ, подканцеляристъ Военной коллегіи, 77.
Емельяновъ, подьячій приказной канцеляріи Троицкаго Сергіева монастыря, 394.
Еремеевъ, Яковъ, синодскій дворянинъ, 283.
Ефремовъ, Даніла, войсковой атаманъ, 332.
Ефремовъ, Ѳедоръ, служилый человѣкъ, 367, 368.

Ж.

Жаклинъ, докторъ, 118.
Желѣзовъ (Желѣзновъ), 129, 215.
Желябужскій, Никита, бригадиръ, прокуроръ Адмиралтейской коллегіи, 146; герольдмейстеръ въ Сенатѣ, 146.
Жильцовъ, Иванъ, подьячій, 327.
Жильцова, Ѳедосья Павлова, жена подьячаго, 327.
Жолобовъ, иркутскій вице-губернаторъ, 35.
Жолобовъ, 17.
Жуковъ, Андрей, коллежскій совѣтникъ, 377.
Журавскій, Ѳедоръ, уставщикъ придворныхъ пѣвчихъ, 345.

З.

Загряс(ж)скій, генералъ-лейтенантъ, казанскій губернаторъ, 82.
Задубскій, серебрянаго цеха мастеръ, 118.
Зарудневъ, Иванъ, суперъ-интендентъ, 251, 252.
Затрапезный, Иванъ, фабрикантъ, 4, 339, 340.
Зееманъ, Соломонъ, учитель, 34.
Зеленый, Осипъ, синодальный дворянинъ, 281, 283.
Земцовъ, архитекторъ, 68, 342.
Зиновьевъ, Степанъ, совѣтникъ, 17.
Зиновьевъ, подполковникъ, 17.
Змеовъ, полковникъ, ставропольскій комендантъ, 377, 378.
Зуевъ, капитанъ, 222.

И.

Ивакинъ, Трофимъ Леонтьевъ, крестьянинъ, 367
Ивановъ, Андрей, священникъ, 383.
Ивановъ, Василій, духовникъ императрицы Анны Іоанновны, 345.
Ивановъ, Ефремъ, священникъ, 383.
Ивановъ, Иванъ, священникъ, 68.
Ивановъ, Симеонъ, священникъ, 391.
Ивановъ, Ѳ., священникъ, 293.
Ивановъ, мастеровой, 54.
Иванъ, раскольничій попъ, 356.
Игнатій (Козыревскій), іеромонахъ, строитель камчадальской Успенской пустыни, впослѣдствіи—разстрига, 380.
Игнатій (Пучковскій), іеромонахъ, 119.
Игнатій, епископъ суздальскій, членъ Синода, 268.
Игнатьевъ, Козма, крестьянинъ, 166.
Игнатьевъ, генералъ, 61, 62.
Иларіонъ, архимандритъ Кіево-Печерской лавры, 300.
Иларіонъ, архимандритъ Саввы Сторожевскаго монастыря, членъ Синодальной канцеляріи, 389.
Иларіонъ, епископъ астраханскій, 329.
Илья, раскольникъ монахъ, 356.
Иннокентій, епископъ иркутскій и нерчинскій, 305, 367, 378, 379, 383, 386.
Исакій, іеродіаконъ, 349.
Искринъ, подканцеляристъ Синода, 280.

І.

Іаковъ (Паскинъ), іеромонахъ Александро-Невскаго монастыря, 294.
Іеронимъ (Волчанскій), іеромонахъ, 348, 349.
Іерофей, архимандритъ московскаго Дон-

скаго монастыря, совѣтникъ Синода, 231.
Іоакимъ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, членъ Синода, 388, 389.
Іоакимъ, епископъ воронежскій и елецкій, 331, 332, 346.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, 66, 124, 343.
Іоаннъ Антоновичъ, принцъ, 55, 66, 124, 151, 338, 343; императоръ, 3, 4, 5, 8, 26, 47, 65, 67, 92, 96, 112, 124, 126, 131, 142, 151, 156, 157, 185, 186, 196, 274, 283, 285, 306, 332, 351, 386.
Іоаннъ IV Васильевичъ, царь, 343.
Іоаннъ, епископъ воронежскій и елецкій, 307.
Іоаннъ, епископъ нижегородскій, 339, 372.
Іоаннъ, протопопъ Троицкой, въ Петербургѣ, церкви, ассессоръ Синода, 231.
Іоасафъ, епископъ воронежскій, членъ Синода, 268.
Іоасафъ (Езофовичъ), монахъ Александро-Невскаго монастыря, 293—295.
Іосифъ (Занкевичъ), архимандритъ якутскаго Спасскаго монастыря, 384—386.
Іона, раскольникъ монахъ, 356.
Іона (Сальникѣевъ), архимандритъ казанскаго Спасскаго монастыря, 231.
Іосифъ, архіепископъ самобѣльскій и цркальскій (грузинскій), новгородской епархіи адъюторъ и Юрьева монастыря архимандритъ, 350.
Іосифъ, епископъ «бѣлорусской епархіи», 348.

К.

Казачинскій, Мануилъ, священникъ, 23, 324.
Калушкинъ, Иванъ, русскій въ Персіи резидентъ, 95, 107.
Камынинъ, прокуроръ, 27, 74.
Кантемиръ, князь, бригадиръ, 91.
Карауловъ, бригадиръ, 80.
Каріонъ, архимандритъ Воскресенскаго, на рѣкѣ Истрѣ, монастыря, 312.
Кашперовъ, полицейскій капитанъ, 115, 116
Квашнинъ-Самаринъ, О. Т. ассессоръ, 351, 354.
Квашнинъ-Самаринъ, Петръ Андреевичъ, статскій совѣтникъ, герольдмейстеръ въ Сенатѣ, 146.
Квашнинъ-Самаринъ, Петръ, статскій совѣтникъ, 19.
Келлерманова, Ирина, вдова секретаря Иностранной коллегіи, 34.
Келлерманъ, секретарь Иностранной коллегіи, 34.
Кенигсфельдъ, Тобіасъ, 120.
Кейтъ, генералъ, 32, 59, 62, 64; «главный командиръ Малороссіи», 11, 24, 163.
Киндерманъ, генералъ-маіоръ, 193.
Кипріанъ, епископъ коломенскій и каширскій, членъ Синода, 283.
Кирилловъ, подрядчикъ, 77.
Кириллъ, архимандритъ московскаго Донскаго монастыря, 310, 311, 394.
Киселевъ, Иванъ, регистраторъ Синода, 280.
Кисловскій, вице-президентъ Камеръ-коллегіи, 129.
Клешнинъ, Акимъ, геодезіи-поручикъ, 330, 331.
Козловскій, Василій, переводчикъ Синода, 283.
Козловъ, бригадиръ, 33.
Козловъ, членъ Военной коллегіи, 173.
Козминъ, Иванъ, священникъ, 383, 384.
Кокоулинъ, Павелъ, дьяконъ, 383, 384.
Кондоиди (Кондоидій), Анастасъ, греческій черный священникъ, ассессоръ Синода, 231; епископъ вологодскій, членъ Синода, 268.
Корелиновъ, купецъ, 35.
Корсаковъ, Яковъ, поставщикъ въ казну, 121.
Косеченковъ, Титъ, пушкарскій сынъ, 53.
Котовъ, одводворецъ, 166.
Крапоткинъ, князь, оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаръ, 17.
Красовскій, секретарь Сената, 221; ассессоръ, 221.
Красногородцевъ, подполковникъ, 26.
Кречетниковъ, Никита Семеновичъ, генералъ-провіантмейстеръ, 220; оберъ-прокуроръ Синода, 278; президентъ Ревизіонъ-коллегіи, 279.
Кривцовъ, отъ флота лейтенантъ, 222.
Крокъ, Иванъ, сенатскій переводчикъ, 30.
Ксенофонтовъ, Иванъ, соборный священникъ, 327.

Ксиландеръ, Илья, экзекуторъ Синода, 280, 281, 283.
Кувалдинъ, купецъ, 118.
Кузьминъ, подьячій Ипатьевскаго монастыря, 335.
Куракинъ, Александръ Борисовичъ, князь, оберъ-штальмейстеръ, 3, 123, 132, 133.
Кухарскій, капитанъ, «Свіяжской провинціальной канцеляріи воеводскій товарищъ», 166.
Кушелевъ, совѣтникъ губернской канцеляріи, 29.

Л.

Лагерфлихтъ, шведскій королевскій комиссіонъ-секретарь, 38.
Лазаревскій, 119, 120.
Лангъ, статскій совѣтникъ, иркутскій вицегубернаторъ, 189.
Леванидовъ, Яковъ, оберъ-секретарь Синода, 280, 283, 344.
Левашовъ, генералъ, 62.
Фонъ-Левендаль, баронъ, генералъ, ревельскій губернаторъ, 56, 81.
Левендаль, графъ, эстляндскій губернаторъ, 60.
Левыкинъ, Маркъ, помѣщикъ, 73.
Левыкинъ, Кириллъ, помѣщикъ, 73—75.
Леонидъ, архимандритъ московскаго Петровскаго монастыря, совѣтникъ Синода, 231.
Леонидъ, архіепископъ сарскій и подонскій, 388.
Леонтій (Васильевъ), іеромонахъ Александро-Невскаго монастыря, 294.
Леонтьевъ, Василій, канцелярист Сената, 221.
Леонтьевъ, Михаилъ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, 142; членъ «Коммиссіи для разсмотрѣнія нерѣшенныхъ прошлыхъ лѣтъ дѣлъ», 147; кіевскій губернаторъ, «главный командиръ Малороссіи», 24, 142, 220, 307.
Лепуновъ, Алексѣй, подканцеляристъ Синода, 280.
Лермантовъ, архангельскій «губернаторскій товарищъ», 163.
Лесниковъ, «купецкій человѣкъ», 37.
Фонъ-Лесси, графъ, генералъ-фельдмаршалъ, лифляндскій генералъ-губернаторъ, 26, 28, 30, 32, 33, 55, 56, 58, 59, 113, 127, 131, 177, 180, 195.
Либманъ, оберъ-гофкоммиссаръ, 186.
Ливенъ, генералъ, 30.
Линценъ, Иванъ, «живописный мастеръ», 140.
Литвинцовъ, дворянинъ, 35.
Лицкинъ, бригадиръ, 163.
Лохвицкій, протопопъ, 53.
Лунинъ, секретарь Орловской провинціальной канцеляріи, 218, 219.
Лунинъ, секретарь Сената, 144, 145, 225.
Лупкинъ, Прокопій, ересеучитель, 358—360.
Львовъ, Д., протоколистъ Сената, 216.
Людвихъ, инженеръ-полковникъ, 192.

М.

Макарій (Хворостинъ), протоинквизиторъ, 261.
Макаровъ, кабинетъ-секретарь, 230.
Маковъ, Ксенофонтъ, маіоръ, 70.
Максимовъ, крестьянинъ, 119, 120.
Максимъ, раскольничій попъ, 356.
Малдисъ, капитанъ, 27.
Малинковъ, купецъ, 51.
Мальцовъ, секретарь Иностранной коллегіи, 11.
Мануиловичъ, Иванъ, войсковой сотникъ, 163.
Фонъ-Манштейнъ, генералъ-маіоръ, ревельскій оберъ-комендантъ, 81.
Маргарита, старица, 40.
Марсочниковъ, Алексѣй, канцеляристъ Синодальной канцеляріи, 397.
Масловъ, д. ст. совѣтникъ, исправ. должность оберъ-прокурора Сената, 146.
Масловъ, купецъ, 30.
Матвѣевъ, Иванъ, канцеляристъ Синода, 280.
Матрена, «женка», 367.
Матчинъ, адмиралтейскій канониръ, 115.
Майковъ, капитанъ-поручикъ, 79.
Мелина, Наталья Петровна, вдова посадскаго, 117.

Мелинъ, А., посадскій, 117.
Мельгуновъ, статскій совѣтникъ, членъ Петербургской губернской канцеляріи, 17, 84, 85.
Фонъ-**Менгденъ**, баронъ, «генералъ-экономіи-директоръ», 57.
Менде, «иноземецъ, ревельскій житель», 124.
Меншиковъ, князь, д. тайн. совѣтникъ, генералъ-фельдмаршалъ, членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 2, 80.
Мещерскій, Ѳедоръ, князь, гвардіи капитанъ, 17.
Микулинъ, Козма Алексѣевъ, крестьянинъ, 367.
Милютинъ, Алексѣй, «комнатный истопникъ», 202; дворянинъ, 202
Мина, армянскій архіепископъ, 308.
Минау, подлѣкарь, 101.
Мининъ, А. С. отстав. прапорщикъ, 291, 366.
Фонъ-**Минихъ**, Христоферъ, графъ, генералъ фельдмаршалъ, первый кабинетъ-министръ, 2, 6—9, 12, 17, 21, 27, 66, 84, 86, 89, 101, 108, 109, 122, 126, 127, 130, 131, 134, 138, 175, 192, 193, 307.
Митрофанъ, архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря, ректоръ московской славяно-греко-латинской академіи, 316; епископъ тверской и кашинскій, членъ Синода, 299, 316, 389, 390.
Михайловъ, Василій, «тамбовскій канцелярістъ, 168.
Модестъ, архимандритъ нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, 300.
Моисеевъ, Михаилъ, священникъ, духовный закащикъ Дубовской станицы, 329.
Молчановъ, Семенъ, коллежскій совѣтникъ, завѣд. рекетмейстерскими дѣлами въ Сенатской конторѣ, 158.
Морвиновъ, Михаилъ, синодскій дворянинъ, 283.
Морозовъ, посадскій, 72.
Моряшина, жена посадскаго, 119.
Муриновъ, Иванъ, секретарь Синода, 280, 283.
Мусинъ-Пушкинъ, Платонъ Ивановичъ, графъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, президентъ Коммерцъ-коллегіи, управляющій Коллегіей экономіи, 20, 33, 103, 104, 190, 217, 286, 312.
Мятлевъ, капитанъ надъ портомъ, 163.

Н.

Навроцкій, секретарь Сената, 163, 221.
Нарышкина, Екатерина, помѣщица, 76.
Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, д. тайн. совѣтникъ, сенаторъ, зав. дѣлами Канцеляріи отъ строеній, 142, 143, 181, 188, 215.
Наумовъ, Ѳедоръ Васильевичъ, тайный совѣтникъ, петербургскій вице-губернаторъ, 166, 206; генералъ-полиціймейстеръ, сенаторъ, 142, 215.
Наумовъ, Ѳедоръ, 17.
Нащокинъ, Иванъ, членъ Доимочной коммиссіи, 146.
Невельскій, полковникъ, 24.
Невскій, Борисъ, канцелярістъ Синода, 280.
Нееловъ, коллежскій совѣтникъ, прокуроръ, 29.
Немировъ, подьячій приказной канцеляріи Троицкаго Сергіева монастыря, 394.
Неплюевъ, тайный совѣтникъ, «главный командиръ Малороссіи», 24, 91.
Никита, раскольничій попъ, 356.
Никитинъ, Алексѣй, священникъ, 252.
Никитинъ, Иванъ, священникъ, 68.
Никодимъ, митрополитъ Тобольскій и Сибирскій, 354, 355.
Николай, грузинскій архимандритъ, 349.
Новосильцовъ, Василій Яковлевичъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ «Коммиссіи для разсмотрѣнія нерѣшенныхъ прошлыхъ лѣтъ дѣлъ», 142, 143, 147, 205.
Новоторжцовъ, Михаилъ, секретарь Сената, 221.
Нуцкій, Иванъ, 167.
Нуцкій, ямщикъ, 167.
Нѣмцовъ, Аѳанасій, д. статскій совѣтникъ, 173.
Нѣмчиновъ, подрядчикъ, 70.

О.

Обезьянниковъ, подканцелярістъ Статсъ-конторы, 12.
Оболдуевъ, статскій совѣтникъ, 89.
Обуховъ, Гаврила, 71.
Овинова, помѣщица, 209.

Овцынъ, л.-гвардіи Измайловскаго полка полковой профосъ, 115.
Олимпіевъ, протопопъ, 252.
Ординовскій, «человѣкъ князя Горчакова», 225.
Осековъ, копіистъ Городовой канцеляріи, 70.
Осокинъ, заводчикъ, 354.
Остерманъ, Андрей Ивановичъ, баронъ, д. тайный совѣтникъ, вице-канцлеръ, членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 2; графъ, кабинетъ-министръ, генералъ-адмиралъ, 4—9, 20, 25, 27—29, 47, 50, 59, 62, 70, 71, 81, 88, 91, 92, 113—115, 126, 127, 129, 130, 132.
Остолоповъ, Михаилъ, канцеляристъ Синода, 280.

П.

Павелъ, архимандритъ Рождественскаго, во Владимірѣ, монастыря, членъ Синода, 277, 299.
Павловъ, Игнатъ, «при придворной музыкѣ пѣвчій», 345.
Павлуцкій, маіоръ, 379.
Паисій (Веркольскій), іеромонахъ, 348.
Палехинъ, Тимоѳей, оберъ-секретарь Синода, 234, 240, 259.
Пальчиковъ, недоросль, 101.
Пановъ, секретарь Свіяжской провинціальной канцеляріи, 166.
Пархомовъ, М., секретарь, 292, 367.
Патокинъ, секретарь Тайной конторы, 15.
Пафнутій, іеродіаконъ, протоинквизиторъ, 261.
Пахомій, митрополитъ воронежскій и елецкій, 331, 332.
Пахомовъ, Никонъ, священникъ, 248, 249.
Перепечинъ, секретарь, 168.
Пестовъ, Иванъ, подпрапорщикъ, служащ. при Синодѣ, 283.
Пестриковъ, маіоръ, членъ Артиллерійской канцеляріи, 50, 51.
Петровъ, Андрей, священникъ, поповскій староста, 383.
Петровъ, дьячокъ, впослѣд.—солдатъ л.-гвардіи Преображенскаго полка, 119.
Петровъ, протоколистъ Иностранной коллегіи, 11.
Петръ, архіепископъ бѣлградскій, 315.
Петръ, архимандритъ московскаго Симонова монастыря, совѣтникъ Синода, 231, 387.
Петръ I, императоръ, 1—3, 39, 42, 45, 109, 141, 151, 152, 168, 189, 203, 204, 210, 227—229, 232—236, 238, 253, 255, 256, 261, 264, 267, 269, 270, 272, 277, 278, 283, 284, 295, 315, 325, 331, 332, 335, 341, 344, 345.
Петръ II, императоръ, 2, 34.
Петръ, священникъ церкви Петра и Павла, въ Петербургѣ, ассессоръ Синода, 231.
Пейкеръ, депутатъ Дерптскаго магистрата, 121.
Пименъ, епископъ вологодскій, 299.
Пироцкій, Иванъ, бунчуковый товарищъ, 163.
Плещеевъ, герольдмейстеръ въ Сенатѣ, 146
Подольскій, Матвѣй, пѣвчій, 323.
Подоскій, графъ, «подкаморій розанскій», 197.
Поздняковъ, секретарь Иностранной коллегіи, 11.
Полочаниновъ, поручикъ, 117.
Полунинъ, обжигальщикъ, 71.
Поляковъ, Иванъ, каторжникъ, 367, 368.
Поповъ, полковой писарь, 79.
Посникова, Анисья, 167.
Посниковъ, капитанъ, 30.
Посниковъ, Николай, 167.
Потемкинъ, Ѳ., ротмистръ смоленской шляхты, 24.
Потемкинъ, генералъ-лейтенантъ, «командующій надъ смоленскою шляхтою», «смоленскій комендантъ», 197, 200.
Потемкинъ, смоленскій полковникъ, 17.
Потуловъ, помѣщикъ, 209.
Приклонскій, канцеляристъ, 394.
Протасовъ, секретарь Сената, 123.
Протопоповъ, Павелъ, секретарь Синода, 280, 282, 283.
Прохоровъ, Илья, священникъ, 383, 384.
Пташковъ, камериръ Императорскаго Кабинета, 10.
Пуговишниковъ, кабинетъ-секретарь, 10.
Пуговишниковъ, купецъ, 54.
Пудовъ, Семенъ, крестьянинъ, 52.
Пустошкинъ, Любимъ, полковникъ, 11.
Путятинъ, Иванъ, князь, л.-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ, 165.

Путятинъ, князь, л.-гвардіи офицеръ, 11.
Пушкинъ, Алексѣй Михайловичъ, дѣйствительный камергеръ, сенаторъ, 142.
Пушкинъ, Прохоръ, статскій совѣтникъ, 173.

Р.

Рабенау, прапорщикъ, 27.
Рагузинскій, статскій совѣтникъ, 17.
Раевскій, Иванъ, подполковникъ, членъ Доимочной (при Сенатской конторѣ) комиссіи, 159.
Раевскій, Семенъ, бригадиръ, 173.
Раевскій, прокуроръ Монастырскаго приказа, а затѣмъ — москов. Синодальной канцеляріи, 387, 388.
Рафаилъ, архіепископъ кіевскій, 307, 313, 345.
Рафаилъ (Красногорскій), іеромонахъ, 348.
Ревенель, придворный лѣкарь, 119.
Репьевъ, Григорій, капитанъ, 82, 84, 85.
Репьевъ, Иванъ, помѣщикъ, 82.
Реткина, жена капитана, 54.
Реткинъ, капитанъ, 76.
Ржевскій, нижегородскій вице-губернаторъ, 213.
Фонъ-Роденъ, камергеръ герцога курляндскаго (Бирона), 197.
Рожновъ, Сергѣй, синодскій дворянинъ, 283.
Ростовцева, Наталья Григорьевна, вдова придворнаго пѣвчаго, 323, 324.
Рошботъ, «кроватный мастеръ», 140.
Рудаковъ, Василій, капитанъ, учитель Сенатской школы, 156.
Рудаковъ, капитанъ-поручикъ, 79.
Румянцовъ, Александръ Ивановичъ, генералъ, 140.
Румянцовъ, Никита Ивановичъ, генералъ-маіоръ, сенаторъ, 157.
Русудана, грузинская царица, 123.
Рыбаковъ, минцъ-мейстеръ, 215.

С.

Сабинины, крестьяне-бѣломѣстцы, 35.
Сабуровъ, Андрей, совѣтникъ, 173.
Сабуровъ, полковникъ, 27.
Сабуровъ, прокуроръ, 74.
Сабуровъ, «сенатской канцеляріи прапорщикъ», 146.
Савва, епископъ коломенскій, 299.
Савельевъ, членъ Провіантской конторы, 52, 105.
Садыковъ, служитель московскаго Донскаго монастыря, 310, 311.
Салтановъ, учитель Адмиралтейской академіи, 102.
Салтыкова, Александра Григорьевна, рожденная княжна Долгорукова, 40.
Салтыковъ, Николай Петровичъ, д. статскій совѣтникъ, сенаторъ, 157.
Салтыковъ, Петръ, графъ, генералъ-адъютантъ, сенаторъ, 142.
Салтыковъ, Семенъ Андреевичъ, графъ, генералъ, генералъ-адъютантъ, л.-гв, Преображенскаго полка подполковникъ, оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ, 15, 40, 123, 132—134, 153, 157, 388.
Салтыковъ, генералъ-адъютантъ, 74.
Салтыковъ, д. тайн. совѣтникъ, 40.
Салтыковъ, казанскій губернаторъ, 246.
Самсоновъ, Павелъ, крестьянинъ, 166.
Сантій, графъ, оберъ-церемоніймейстеръ, 80.
Сантій, графъ, полковникъ, товарищъ герольдмейстера Сената, 146
Сафонова (рожденная княжна Долгорукова), Ирина, вдова подполковника, 34.
Сафьянниковъ, канцелярист конторы Коллегіи экономіи, 12.
Свитинъ, маіоръ, 128.
Севастъ, медикъ, 33.
Севергинъ, оберъ-секретарь Сената, 12, 124.
Селеховъ, Алексѣй, канцелярист Генеральнаго военнаго походнаго коммиссаріата, а затѣмъ — секретарь Орловской провинціальной канцеляріи, 218, 219.
Семеновъ, Иванъ, протопопъ московскаго Архангельскаго собора, 346.
Семеновъ, Михаилъ, архиваріусъ Синода, 280, 281, 283; секретарь при Дворѣ принцессы Анны Леопольдовны, 280.
Семеновъ, Прокофій, дьячокъ, 383, 384.
Семеновъ, ассессоръ, 11.
Семеновъ, секретарь Иностранной коллегіи, 11.
Семеновъ, секретарь Синода, 240.
Семиковъ, секретарь Новгородской губернской канцеляріи, 164.
Серапіонъ, іеромонахъ, 348.
Сидоренковъ, капитанъ, 162.
Сильвестръ (Барутовичъ), іеромонахъ, 348.
Симонъ, епископъ суздальскій, членъ Синода, 277, 299.

Скворцовъ, камеръ-юнкеръ, 141.
Скобельцынъ, кабинетъ-курьеръ, впослѣдствіи поручикъ, 13.
Скоропадскій, гетманъ, 314.
Скорняковъ-Писаревъ, Григорій, 381, 383.
Слонскій, Михаилъ, священникъ московскаго Благовѣщенскаго собора, впослѣдствіи протопопъ петербургскаго Петропавловскаго собора, 309, 341.
Слонцовъ, Никифоръ, секретарь Синода, 280, 282, 283.
Сметьевъ, Моисей, геодезіи-прапорщикъ, учитель Сенатской школы, 156.
Соболевъ, Иванъ, протопопъ тобольскаго Троицкаго собора, 355.
Соколовъ, «каторжный невольникъ», 71.
Сорокинъ, мастеръ у чистки Боровицкихъ пороговъ, 168.
Софроновъ, Ѳедоръ, священникъ, 348.
Софроновъ, гарнизонный солдатъ, 72.
Соймоновъ, оберъ-прокуроръ Сената, 224.
Фонъ-**Сперейтеръ**, генералъ-лейтенантъ, 27.
Степановъ, Іоаннъ, священникъ, 330.
Степановъ, Петръ, дьяконъ, 383, 384.
Стернгельмъ, капитанъ, 121.
Стерлеговъ, Максимъ, подъячій, 225.
Стефанъ, епископъ псковскій и нарвскій и архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, членъ Синода, 135, 277, 283, 292—294, 373.
Стефанъ, митрополитъ рязанскій, президентъ Синода, 231, 257.
Стейнбокъ, графъ, маіоръ, 59.
Струковъ, нотаріусъ, 168.
Стрѣшневъ, Василій Ивановичъ, тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, сенаторъ, 142.
Судаковъ, канцеляристъ, исправ. должность секретаря Новой Камеръ-коллегіи, 158.
Сулимовскій, Иванъ, капитанъ, 37.
Суровцовъ, секретарь Иностранной коллегіи, 12.
Сусанинъ, Иванъ, 35.
Сусловъ, Иванъ, ересеначальникъ, 359, 360.
Сухово-Кобылинъ, полковникъ, управляющій Ямской канцеляріею, 59.
Суховѣй, Гордѣй, казакъ, 168.
Сѣнотрусовъ, Иванъ, «служилый», 305.

Т.

Тамесъ, Иванъ, фабрикантъ, 100.
Тарановъ, генералъ-маіоръ, 201.
Тарбѣевъ, Иванъ, «Сибирской губерніи тобольскаго штата дворянинъ», 52.
Татищевъ, д. статскій совѣтникъ, 356; тайный совѣтникъ, 50.
Тайшина, Анна, крещеная калмыцкая княгиня, 377, 378.
Тевкельный, ассесоръ Академіи Наукъ, 104.
Тесинъ, Христоферъ, «иноземецъ, купецкій человѣкъ», 189.
Тимирязевъ, Иванъ, «Коллегіи экономіи статскій совѣтникъ», 29.
Темовеевъ, священникъ, 70.
Тимовей (Максимовичъ), архимандритъ Успенскаго Елецкаго монастыря, 25; настоятель Кіево-Печерской лавры, 300.
Тимовей (Щербатскій), архимандритъ Золото-Верхо-Михайловскаго монастыря, 300.
Титовъ, бригадиръ, 72.
Титовъ, регистраторъ Юстицъ-коллегіи, 53, 54.
Тиссель, Лоренцъ, «каменосѣчецъ», 27.
Тишинъ, Василій, секретарь Синода, 248; экзекуторъ Синода, 280—282.
Толбузина, вдова, 164.
Толбузинъ, Аѳанасій, 164.
Толбузинъ, маіоръ, исправ. должность экзекутора Сенатской конторы, 157.
Толстой, графъ, д. тайн. совѣтникъ, членъ Верховнаго Тайнаго совѣта, 2.
Томановскій, секретарь Иностранной коллегіи, 11.
Томилинъ, купецъ, 71.
Топильскій, Иванъ, совѣтникъ Духовной дикастеріи, 358—360.
Топильскій, «канцеляріи розыскныхъ раскольныхъ дѣлъ судья», ассессоръ москов. Синодальной конторы, 387.
Трезинъ, архитекторъ, 33, 139, 194, 277.
Трифилій, архимандритъ Колязина монастыря, тіунъ, 264.
Трифоновъ, Михаилъ, священникъ, 383, 384.
Трубецкой, Никита Юрьевичъ, князь, д. тайн. совѣтникъ, л.-гв. Преображенскаго полка маіоръ, генералъ-прокуроръ, 25, 33, 61, 42, 43, 45, 57, 76, 81, 127, 144, 147, 157, 165, 166, 172, 215, 217, 220, 278.
Трубецкой, князь, Юстицъ-коллегіи вице-президентъ, 206; той же коллегіи пре-

зидентъ. 19.
Турбанова, Ѳедосья Петровна, жена коммиссара, 166.
Турбановъ, Александръ, коммиссаръ, 166.
Турденева, Дарья, жена посадскаго, 367, 368.
Турденевъ, Михаилъ, посадскій, 367.
Тыртовъ, Иванъ, синодальный дворянинъ, 281, 283.

У.

Удомъ, Карлъ, переводчикъ Герольдмейстерской конторы Сената, 146.
Ульяновъ, «рѣзныхъ дѣлъ мастеръ», 140.
Урусовъ, Григорій Алексѣевичъ, князь, генералъ-лейтенантъ, воронежскій губернаторъ, впослѣдствіи—сенаторъ, 142.
Урусовъ, Иванъ Алексѣевичъ, князь, капитанъ, членъ Раскольнической конторы, 158.
Урусовъ, князь, генералъ-лейтенантъ, 331.
Ушаковъ, Андрей Ивановичъ, генералъ-гвардіи подполковникъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ Тайной канцеляріи, сенаторъ, 29, 79, 142, 167, 215, 340.

Ф.

Фекина, Матрена, жена придворнаго рекетмейстера, 18.
Фенинъ, Андрей, придворный рекетмейстеръ, 14—18, 49, 126.
Ферморъ, выборгскій оберъ-комендантъ, 80.
Ферморъ, генералъ, 30.
Ферсенъ, поручикъ, 59.
Фонъ-**Фейкъ**, поручикъ, 27.
Филимоновъ, поручикъ, 176.
Философовъ, Михаилъ Ивановичъ, генералъ-маіоръ, сенаторъ, 33, 142—144.
Финшъ, полномочный англійскій при Русскомъ Дворѣ министръ, 59.
Фишеръ, архіатеръ, 118.
Фроловъ, отстав. вахмистръ, помѣщикъ, 53, 54.
Фроловъ, 123.
Фуксъ, поручикъ, 33.

Х.

Ханыковъ, геодезіи-прапорщикъ, 192.
Ханыковъ, л.-гвардіи офицеръ, 11.
Хегъ, Аврамъ, секретарь Сената, 106, 291.
Хилковъ, Василій, князь, маіоръ, членъ Домовой коммиссіи, 159.
Хитровъ, кригсъ-коммиссаръ, воевода Орловской провинціи, 217—219.
Хлоповъ, маіоръ, 217.
Хмыровъ, Кононъ Онисимовъ, крестьянинъ, 367.
Хрущова, Анна Александровна, вдова, 86.
Хрущова, Дарья Андреевна, 86.
Хрущова, Елизавета Андреевна, 86.
Хрущовъ, Андрей, 86, 103, 190.
Хрущовъ, Иванъ Андреевичъ, 86.
Хрущовъ, Михаилъ Семеновичъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, 142, 143, 192.
Хрущовъ, Николай Андреевичъ, 86.
Хрущовъ, канцеляристъ Тайной канцеляріи, 79.

Ц.

Центаровій, кригсъ-ратъ, 19.

Ч.

Чекина, Ксенія Алексѣевна, поручица, 164.
Чекинъ, Лука Артамоновичъ, поручикъ, 164.
Чекинъ, Ѳедоръ, генералъ-лейтенантъ, 164.
Череповскій, Евдокимъ, канцеляристъ Синода, 280.
Чернасовъ, Иванъ, тайный кабинетъ-секретарь, 10.
Черкасскій, Алексѣй Михайловичъ, князь, д. тайн. совѣтникъ, великій канцлеръ, кабинетъ-министръ, 2, 3, 5—9, 50, 59, 70, 71, 92, 104, 115, 124, 126, 129—132, 135, 208; сенаторъ, 3.
Черкасскій, князь, гофмаршалъ Двора принцессы Анны Леопольдовны, 280.
Чернышевъ, Григорій Петровичъ, генералъ-аншефъ, сенаторъ, членъ «Коммиссіи (при Сенатѣ) для разсмотрѣнія нерѣшенныхъ прошлыхъ лѣтъ дѣлъ», 82, 84, 85, 142, 143, 147, 181.
Чернышевъ, помѣщикъ, 73.
Чертковъ, Петръ, подполковникъ, 158.
Чертовъ, дворянинъ, 192.
Чейкинъ, подпоручикъ, 79.
Чириковъ, Николай, л.-гвардіи капитанъ-поручикъ, 6, 66, 67, 134.
Чиркинъ, купецъ, заводчикъ, 160, 161.
Чубовской, Андрей, протопопъ, 377.
Чулковъ, кабинетъ-курьеръ, 13.

Ш.

Шавровъ, Иванъ, регистраторъ Синода, 280, 283.
Шагаровъ, ассессоръ, 166, 167.
Шагаровы, 166, 177.
Шафировъ, баронъ, д. тайн. совѣтникъ, подканцлеръ, 240.
Шаховской, Павелъ, князь, синодскій дворянинъ, 283.
Шаховской, Яковъ Петровичъ, князь, д. статскій совѣтникъ начальникъ Главной Полиціймейстерской канцеляріи, 115, 142; сенаторъ, 142; генералъ-маіоръ, оберъ-прокуроръ Синода, 279.
Шаховской, князь, генералъ, 4.
Шевіусъ, секретарь Иностранной кол., 11.
Шиповъ, Петръ Михайловичъ, генералъ-маіоръ, сенаторъ, членъ «Коммиссіи для разсмотрѣнія нерѣшенныхъ прошлыхъ лѣтъ дѣлъ», 142, 143, 147.
Шиповъ, генералъ, «главный командиръ Малороссіи», 24.
Шишковъ, подполковникъ, 53.
Шолковъ, прапорщикъ, 118.
Штофель, генералъ, 30, 32.
Шумахеръ, архитекторъ, 342.

Щ.

Щербатовъ, Ѳедоръ Андреевичъ, князь, д. ст. сов., генералъ-рекетмейстеръ, 146.
Щербининъ, Андрей, оберъ-кригсъ-коммиссаръ, 157; прокуроръ, 157.

Э.

Элмзель, заводчикъ, 128.
Эмме, совѣтникъ, а затѣмъ—статскій совѣтникъ, членъ слѣдственной коммиссіи о Татищевѣ, 8, 19, 20, 50.
Эйхлеръ, Иванъ, тайный кабинетъ-секретарь, 10, 17, 81.

Ю.

Юрьева, Елена, крестьянка, 166.
Юсуповъ, Борисъ Григорьевичъ, князь, тайн. совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, московскій губернаторъ, сенаторъ, 153, 154, 157.
Юрьевъ, Иванъ, секретарь Иностранной коллегіи, а затѣмъ—статскій совѣтникъ, канцеляріи-совѣтникъ Императорскаго Кабинета, 9, 10.

Я.

Яблонскій, Иванъ, служитель, 349.
Ягушинскій (Ягужинскій) графъ, генералъ-прокуроръ, 42, 240, 380.
Языковъ, Евдокимъ, отстав. капитанъ, 353, 354.
Яковлева, Крестина, поручица, 248.
Яковлевъ, Андрей, секретарь Военной коллегіи, а затѣмъ—д. статскій совѣтникъ, кабинетъ-секретарь, 10, 11, 51.
Яковлевъ, крѣпостной человѣкъ, 85.
Ялоцкій, Василій, сотникъ, 163.
Ялоцкій, Иванъ, казакъ, 163.

Ѳ.

Ѳедорова, Анна, казачка, 53.
Ѳеодоръ, митрополитъ тобольскій, 378.
Ѳеодосій, архіепископъ новгородскій, архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, вице-президентъ Синода, 231, 257, 271. 272.
Ѳеодосій, архимандритъ Тихвинскаго монастыря, 67.
Ѳеофанъ, архіепископъ псковскій, вице-президентъ Синода, 229, 231, 257; архіепископъ новгородскій и великолуцкій, членъ Синода, 38, 268, 350, 358, 360, 381.
Ѳеофилактъ, архимандритъ Корниліева монастыря, 299.
Ѳеофилактъ, архимандритъ костромскаго Ипатьевскаго монастыря, членъ Синода, 277, 335.
Ѳеофилактъ, епископъ рязанскій, членъ Синода, 268.
Ѳеофилатьевъ, полковникъ, 176.
Ѳеофилъ, игуменъ Доминцкаго монастыря, 300.

ОПИСИ СЕРВИЗАМЪ,

ПОЖАЛОВАННЫМЪ КАБИНЕТЪ-МИНИСТРАМЪ 19-го НОЯБРЯ 1740 года.

Опись сервизу, пожалованному графу Остерману. „Серфизъ серебряный, чеканной работы; въ немъ разной посуды: 4 блюда большія круглоовальныя, вѣсомъ 28 фунтовъ 71 зол; 8 блюдъ такія жъ, поменѣ,—33 ф. 73 з.; 12 блюдъ такія жъ, поменѣ,—1 пудъ 5 з.; 24 блюда такія жъ, поменѣ,—1 п. 25 ф. 54 з. съ полу; 24 блюда такія жъ, еще поменѣ,—38 ф. 11 з.; 6 дюжинъ тарелокъ круглоовальныхъ,—2 п. 39 ф. 31 3/4 з.; 4 чашки на салатъ круглоовальныя,—8 ф. 64 з. съ полу; 1 блюдо съ рукомойникомъ,—12 ф. 59 з. съ полу; 2 чашки продолговатыя, съ ручками и крышками, на крышкахъ—цвѣтки,—28 ф. 54 з. съ полу; 2 чашки такія жъ, поменѣ,—22 ф. 50 з. съ полу; 4 блюда продолговатыя, съ ручками, овальныя, въ томъ числѣ 2 поменѣ,—23 ф. 14 з.; 2 чашки большія, круглыя, съ крышками и съ ручками, на 4 ножкахъ, внутри вызолочены, у крышекъ на верху—цвѣтки,—23 ф. 9 з. съ полу; 4 чашки такія жъ, поменѣ, съ крышками, внутри вызолоченныя жъ,—28 ф. 72 з.; 6 блюдъ круглоовальныхъ, съ ручками, въ томъ числѣ 4 поменѣ,—28 ф. 9 з. съ полу; 4 чашки овальныя, съ крышками и съ ручками, о 4 ножкахъ, внутри вызолочены, на крышкахъ—цвѣтки, въ томъ числѣ 2 поменѣ,—36 ф. 59 з.; 4 блюда продолговатыя овальныя, съ ручками, въ томъ числѣ 2 поменѣ,—21 ф. 5 з.; 2 камфорки съ ручками и съ лампами и съ рѣшетками, каждая о 4 ножкахъ,—7 ф. 86 1/4 з.; 2 передачи, съ ручками, высокія, овальныя,—15 ф. 25 3/4 з.; 1 платминажъ, на 4 ножкахъ, подо днемъ—деревянная доска, привинчена 8 серебряными винтами, безъ вѣсу; 1 корпусъ, 2 сахарницы, 2 солонки двойныя, съ крышками, 4 солонки круглыя, въ нихъ вызолочено, 1 чашечка съ крышкою, маленькая, съ 2 ручками, вѣсу во всемъ 1 п. 56 з.; 4 судка хрустальные, съ горлышками, съ ручками и съ поддопами серебряными, безъ вѣсу; 3 хрустальные судка безъ оправы. Итого, кромѣ невѣшенныхъ штукъ, 1 платминажа, 4 хрустальныхъ судковъ, вѣсомъ 15 п. 22 ф. 44 1/4 золотника".

Опись сервизу, пожалованному князю Черкасскому. „Серфизъ серебряный, гладкой работы; въ немъ разной посуды: 4 блюда круглоовальныхъ большихъ, вѣсомъ 26 ф. 77 з. съ полу; 8 блюдъ такихъ

же, поменѣ,—32 ф. 74¼ з.; 12 блюдъ такихъ же, поменѣ,—34 ф. 16 з.; 24 блюда такихъ же, поменѣ,—1 п. 15 ф.; 24 блюда самыхъ малыхъ,—37 ф. съ ½ з.; 6 дюжинъ тарелокъ круглоовальныхъ,—2 п. 19 ф. 25¾ з.; 4 чашки на салатъ,—7 ф. 44 з.; 1 блюдо съ рукомойникомъ,—11 ф. 88¼ з.; 2 горшка большіе, съ ручками, продолговатые овальные, съ крышками прорѣзными, наверху у крышекъ—цвѣтки,—26 ф. 35 з.; 2 горшка такіе жъ, съ крышками, поменѣ,—18 ф. 47¾ з.; 8 блюдъ продолговатыя, съ ручками, въ томъ числѣ 4 поболѣ, 2 среднихъ, 2 поменѣ,—1 п. 4 ф. 35¾ з.; 2 горшка съ крышками прорѣзными, въ нихъ вызолочено, наверху у крышекъ—цвѣтки,—19 ф. 64¾ з.; 4 горшка такіе жъ, маленькіе, съ крышками, въ нихъ вызолочено,—24 ф. ½ з.; 6 блюдъ круглоовальныя, съ ручками, въ томъ числѣ 2 большихъ, 4 поменѣ,—26 ф. 58 з.; 2 горшка большіе, съ ручками, продолговатые овальные, съ крышками, въ нихъ вызолочено, на крышкахъ—прорѣзь, наверху у крышекъ—цвѣтки,—28 ф. 6 з.; 2 горшка такіе жъ, поменѣ, въ нихъ вызолочено, съ крышками жъ,—13 ф. 6 з. съ полу; 2 камфорки, съ ручками и съ лампами и съ рѣшетками, каждая о 4 ножкахъ,—6 ф. 77¼ з.; 2 передачи, высокія, съ ручками, овальныя,—11 ф. 13¼ з.; 1 платминажъ на 4 ножкахъ, подо днемъ—деревянная доска, привинчена 8 серебряными винтами, безъ вѣсу; 1 корпусъ, 2 сахарницы, 2 горчичницы бочечками, съ поддонами и съ ложечками, 4 солонки съ крышками, внутри—перегородки, у каждой по 4 ножки, 4 шандан(л)а двойные, вѣсу во всемъ 38 ф. 46 з. съ полу; 4 хрустальные судка съ горлышками, съ ручками и съ поддоны серебряными, безъ вѣсу; 4 хрустальные судка безъ оправы. Итого, кромѣ невѣшенныхъ штукъ, 1 платминажа, 4 хрустальныхъ судковъ, вѣсомъ 14 п. 1 ф. 45½ золотниковъ".

Опись сервизу, пожалованному графу Миниху *). „Серебряный серфизъ, имѣющійся при Дворѣ его императорскаго величества, въ вѣдомствѣ Придворной конторы, аугсбургской работы, который принятъ ко Двору въ прошломъ 1735 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ,... 30 ложекъ,—6 ф. 51 з.; 30 ножей, у нихъ черенья серебряные, а лезвія желѣзныя, безъ вѣсу; 30 вилокъ четвертныхъ,—4 ф. 91½ з. Итого въ вышеписанномъ аугсбургскомъ серфизѣ, кромѣ невѣшенныхъ штукъ, 1 сартута, 4 хрустальныхъ судковъ съ оправами, 2 ножей, 2 вилокъ форшнейдерскихъ, 30 ножей столовыхъ, вѣсомъ, по ревизіи 1738 года, 21 п. 12 ф. 7¼ з., пробы 77 съ полу" **).

*) Сохранился лишь отрывокъ этой описи.

**) Извлечено изъ дѣла Придворной конторы, подъ № 27.

ПЛАНЪ
Императорскаго столичнаго города
САНКТПЕТЕРБУРГА
сочиненной въ 1737 году.

Plan
der Kayserl. Residentz Staat
St. Petersburg
wie solcher Ao. 1737 aufgenommen
worden

МАЛАЯ НЕВА

KLEINE NEWA

DER GROSSE NEWA STROHM

БОЛЬШАЯ НЕВА

РѢКА ФОНТАНКА

FONTANKA FLUS

I

II

III

IV

V

50 100 200 300 Сажень
Faden

Лит. Жаркова, Москва, Ст. Гостиницкихъ № 2ю

Изд. Моск. Архива Министерства Юстиции

ТОЛКОВАНІЕ ЧИСЕЛЪ

(НА ПЛАНѢ ПЕТЕРБУРГА 1737 ГОДА) *).

I. На петербургскомъ острову. 1. Санктпетербургская Крѣпость. 2. Кронверкъ. 3. Мѣсто, гдѣ стоялъ старой гостиной дворъ. 4. Мытной дворъ. 5. Постоялой дворъ. 6. Сытной рынокъ. 7. Церковь Петра и Павла. 8. Старая Соборная Церковь пресвятыя Троицы. 9. Церковь успенія Богородицы. 10. Церковь Святаго Апостола Матѳея. 11. Церковь введенія во храмъ пресвятыя Богородицы. 12. Церковь преображенія Господня. 13. Церковь преображенія Господня въ домѣ Архіерея Новогородскаго. 14. Аптекарской садъ. 15. Крестовской Островъ. 16. Каменной островъ. 17. Петровской островъ. **II. На адмиралтейской сторонѣ.** 18. **Его Императорскаго величества** летней дворецъ и садъ. 19. Старой зимней домъ. 20. **Его императорскаго величества** зимней дворецъ. 21. Адмиралтейство. 22. Конюшенной дворъ. 23. Манежъ. 24. Мазанки для конюшенныхъ служителей. 25. Новая голландія и прядильной дворъ 26. Амбары, въ которыхъ лежитъ дубовой лѣсъ для строенія военныхъ кораблей и галеръ. 27. Галерная верфь. 28. Провіантскіе Магазейны для морскихъ служителей. 29. Зѣринной дворъ и псовая охота. 30. Дворцовая оранжерея. 31. Слоновой дворъ. 32. Большая Невская перспектива. 33. Гостиной дворъ. 34. Морской рынокъ. 35 Погорѣлыя мѣста, на которыхъ нынѣ строятъ каменные домы. 36. Загородные дворы. 37. Середная перпшектива. 38. Вознесенская перпшектива. 39. Мѣсто, назначенное для строенія Адмиралтейскимъ служителямъ. 40. Подзорной дворецъ. 41. Пергаментная фабрика. 42. Круглой островъ. 43. Церковь святаго Исакія Далматскаго. 44. Церковь рождества Богородицы. 45. Церковь вознесенія Господня. 46. Большая Лютерская церковь святаго Апостола Петра. 47. Шведская церковь. 48. Реформатская церковь. 49. Гостинная набережная улица. 50. Большая нѣмецкая улица. 51. **Императорской** почтовой дворъ. 52. **Императорская** главная Аптека. 53. Большая луговая. **III. На московской сторонѣ.** 54. Партикулярная верфь. 55. Сытной дворъ. 56 Церковь святаго муч: Пантелеймона. 57. Церковь Симеона Богопріимца и Анны пророчицы. 58. Птичей дворъ. 59. Италіанской садъ. 60. Литейной дворъ. 61. Литейная улица. 62. Пушкарская улица. 63. Лабораторія для дѣланія фейэрверковъ. 64. Конюшни конной гвардіи. 65. Казармы конной гвардіи. 66. Александроневской монастырь. 67. Московская ямская. 68. Желѣзные трубы, которыми проводится вода къ фонтанамъ въ лѣтнемъ саду. **IV. На выбургской сторонѣ.** 69. Большая охта. 70. Церковь пресвятыя Троицы. 71. Канцы. 72. Малая охта. 73. Дубовой садъ. 74. Казачья слобода. 75. Прядильной дворъ. 76. Галанскіе пивоварни. 77. Кампанейскіе дворы. 78. Морская и сухопутная Гошпиталь съ церковью. 79. Сахарные заводы. 80. Нѣмецкое кладбище. 81. Церковь святаго Самсонія и кладбище. 82. Синявиновъ баталіонъ. **V. На васильевсномъ острову.** 83. Мостъ чрезъ Неву на васильевской островъ. 84. Коллегіи. 85. Академія наукъ съ библіотекою и кунсткамерою. 86. Театръ фейэрверковъ. 87. Кладовой гостиной дворъ и биржа. 88. Портовая таможня. 89. Пристань у гостинаго двора. 90. Пеньковыя анбары. 91. Домъ шляхетнаго кадецкаго корпуса. 92. Большая перпшектива къ Галерной гавени. 93. Малая перпшектива. 94. Линѣи, которыми означены улицы на острову. 95. Галерная гавень. 96. Церковь Апостола Андрея первозваннаго. 97. Кронштатской заливъ. 98. Морская Академія **).

---

*) На подлинномъ планѣ „толкованіе чиселъ“ отпечатано на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Воспроизводимъ русскій текстъ дословно и съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

**) Истлѣвшія мѣста подлинника обозначены на прилагаемомъ снимкѣ пунктиромъ

ПОПРАВКИ И ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	10 *сверху*	императоръ Петръ,	императоръ (Петръ),
8	13 *снизу*	Миниха	фонъ-Миниха
14	16 *сверху*	отъ предковъ	предковъ
—	3 *снизу*	токмо такія,	токмо тѣ,
15	4 *сверху*	а что по	а что гдѣ по
19	4 *снизу*	разсмотрѣть и,	разсмотрѣвъ и
20	8 *сверху*	особливо	а особливо
—	13 —	іюпя	іюля
—	20 *снизу*	объявили, и	объявили, а
21	8 *сверху*	и дѣла	а дѣла
35	22 —	«сочиненный	«сочиненный»
53	4 *снизу*	Юстицъ-коллегіи	«Юстицъ-коллегіи
61	22 *сверху*	[143]).	[142]).
97	21 *снизу*	того дира	того ради
116	5 *сверху*	и иное	и оное
128	15 *снизу*	«запросныхъ писемъ».	«запросныхъ писемъ»,
144	10 —	Лукина	Лунина
145	8, 11 и 14 *сверху*	Лукина... Лукину	Лупина... Лунину
—	1 *снизу*	«Школ	«Школа
154	11 *сверху*	графіи	географіи
163	3 —	Архангелородской	Архангелогородской
165	5 *снизу*	Камбинском-	Камбинскомъ
182	20 *сверху*	немедленно;	немедленно»;
194	13 —	Трезина	Трезина,
196	3 *снизу*	зинска	записка
205	14 *сверху*	«свидѣтельствовались.	«свидѣтельствовались»,
209	17 —	дожна	должна
211	4 *снизу*	шрафы	штрафы
212	12 —	по	ко
215	13 и 14 *сверху*	начача	начала
216	19 *снизу*	конфискаціи	конфискаціи;
219	20 *сверху*	товарщъ	товарищъ
226	9 *снизу*	къ которыхъ	въ которыхъ

Стр.	*Столб.*	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
250		16 *сверху*	били челомъ	«били челомъ
—		21 —	свобожены	свобожены»
256		16 —	подвердила	подтвердила
259		17 *снизу*	но соь	но со-
261		3 *сверху*	исправно, и правильно	исправно и правильно.
268		16 *снизу*	[56]).	[65]).
278		13 *сверху*	очередныхъ архіереевъ,	очередныхъ, архіереевъ
279		13 *снизу*	взыскивать въ	взысвивать и въ
302		8 —	приложенныхъ	присланныхъ
337		21 *сверху*	нужду,	нужду»,
344		13 и 14	книжка подъ названіемъ: «формуляръ о побѣдѣ на супостатыхристіанскому воинству».	книжка «о прилагательныхъ въ церковно-священнослуженіяхъ, на вечерни, утрени и литоргіи, о побѣдѣ на супостаты христонмешитому воинству ектеніяхъ и молитвѣ»
345		9 —	[31]).	[231]).
361		4 —	подле ло	подлежало
—		5 —	б зъизвѣстно	безъизвѣстно
379		14 —	указу.	указу».
407	1	6 —	15	157
408	—	12 *снизу*	5 2	512
—	2	20 —	242	342
—	—	24 —	510	105
412	1	20 *сверху*	1,	№ 1,
413	—	18 —	695.	л. 695.
420	—	20 *снизу*	351	352
421	—	9 *сверху*	д. тайн.	графъ, д. тайн.

ИЗДАНІЯ

МОСКОВСКАГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

1) *Описаніе первой степени Архива Вотчиннаго Департамента, составленное учрежденнымъ для сего особеннымъ Комитетомъ. М. 1839 г. Въ типографіи правительствующаго Сената. Стр. 1—386,* infolio. *Цѣна 2 рубля.*

Описанію предпосланы въ видѣ предисловія историческія свѣдѣнія объ архивѣ Вотчиннаго Департамента и объ учрежденіи въ Москвѣ Комитета для описанія архивовъ Сенатскаго (т. е. разряднаго), Государственнаго (т. е. старыхъ дѣлъ) и Вотчиннаго. Самое описаніе состоитъ въ поименованіи городовъ, по коимъ документы хранятся въ архивѣ и въ перечисленіи цифровыхъ указаній столбцамъ и книгамъ, хранящимся въ немъ, и составлено въ формѣ вѣдомости, раздѣленной на четыре графы: въ первой показанъ нумеръ столбца или книги; во второй—какихъ годовъ документы; въ третьей—имѣются ли тѣмъ документамъ описи, или нѣтъ; въ четвертой—учинены ли алфавиты.

2) *Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Московской губерніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи древняго межеванія. Сост. П. Ивановымъ. М. 1840 г. Въ типографіи правительствующаго Сената. Стр. I—IV, 1—20, 45—342, in—4°, съ планомъ. Цѣна 1 р. 80 к.*

Въ „предъувѣдомленіи“ указана цѣль предпринятаго изданія и объяснена польза его. Затѣмъ идетъ статья подъ заглавіемъ: „Краткія исторические свѣдѣнія о древнемъ описаніи земель“. Книга состоитъ изъ отдѣльныхъ реестровъ по числу уѣздовъ, какіе вдревле значились въ писцовыхъ книгахъ по Московской губерніи, и при томъ такъ, что по каждому уѣзду имѣется два реестра. Въ однихъ реестрахъ заключаются въ алфавитномъ порядкѣ имена и фамиліи владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній въ помянутыхъ уѣздахъ, съ означеніемъ въ особыхъ двухъ графахъ нумеровъ (общаго и частнаго) писцовыхъ книгъ, въ коихъ тѣ лица упоминаются; въ другихъ реестрахъ перечислены въ алфавитномъ порядкѣ недвижимыя имѣнія владѣльцевъ, съ означеніемъ, также въ двухъ графахъ, нумеровъ (общаго и частнаго) писцовыхъ книгъ. Уѣздами московскими въ писцовыхъ книгахъ значились: Московскій, Коломенскій, Каширскій, Серпуховской, Боровскій, Можайскій, Вяземскій, Дмитровскій и Клинскій.

3) *Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Новгороду и Пскову. М. 1841 г. Въ типографіи правительствующаго Сената. Стр. I—IV, 1—256, in—4°. Цѣна 1 р. 40 к.*

Въ книгѣ заключаются алфавитные указатели селамъ, сельцамъ, деревнямъ, пустошамъ, займищамъ, пожнямъ и погостамъ, значущимся въ писцовыхъ книгахъ по Новгородской и Псковской губерніямъ. Въ этихъ алфавитахъ противъ каждаго названія селеній и пустошей, въ особыхъ двухъ графахъ, указаны нумера, общій и частный, писцовыхъ книгъ, въ коихъ онѣ упоминаются.

4) *Общій алфавитъ фамиліямъ владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній (селъ, деревень, пустошей, селищъ, займищъ, пожней и погостовъ) по Новгороду всѣхъ пятинъ. М. 1841 года. Въ типографіи правительствующаго Сената. Стр. 1—99, in 4°. Цѣна 40 к.*

Книга эта служитъ дополненіемъ къ предъидущей: «Обозрѣніе писцовыхъ книгъ» по названнымъ городамъ, и составлена, подобно ей, въ формѣ таковыхъ же указателей, съ двумя графами нумеровъ, общаго и частнаго, писцовыхъ книгъ, въ коихъ владѣльцы упоминаются.

5) *Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива, съ присовокупленіемъ списковъ со многихъ хранящихся въ немъ любопытныхъ документовъ. Составлено П. И. Ивановымъ. М. 1842 года. Въ типографіи Селивановскаго. Стр. I—XXII, 1—45, 1—29, 1—452, in—8. Цѣна 1 р. 85 к.*

Описаніе раздѣляется на двѣ части. Въ одной перечислены приказы, документы которыхъ хранятся въ этомъ Архивѣ, а именно: Разрядный, Малороссійскій, Сибирскій и Печатный приказы, а также Печатная контора, —съ краткимъ указаніемъ о времени учрежденія, предметѣ вѣдомства и личномъ составѣ каждаго изъ нихъ. Въ другой заключаются объясненія названій документовъ поименованныхъ выше приказовъ, —съ показаніемъ количества ихъ, времени, къ которому они относятся и значенія ихъ. При описаніи Разряднаго Архива имѣются приложенія, занимающія наибольшую часть книги: онѣ заключаютъ выписки изъ документовъ этого Архива, частію въ извлеченіи, частію въ подлинникѣ. Таковы: 1) Выписки изъ боярскихъ книгъ, боярскихъ, десятенныхъ смотрѣнныхъ и жилецкихъ списковъ и изъ другихъ книгъ, представляющія полное описаніе древнихъ службъ, порядокъ верстанія окладами и т. п.; 2) Документы, относящіеся до вступленія на Россійскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова; 3) Документы, относящіеся до духовныхъ церемоній; 4) Семь дѣлъ по мѣстничеству; 5) Любопытныя донесенія государямъ, рѣчи имъ говоренныя, жалобы и прошенія, подаваемыя по разнымъ случаямъ; 6) Наказъ о посольствѣ въ Китай Ѳедора Байкова въ 7162 году; 7) Вѣдомости, объясняющія количество книгъ и столбцовъ Разряднаго Архива; 8) Родословныя, въ Разрядномъ Архивѣ хранящіяся; 9) Присутствующіе дьяки Разряднаго приказа. Въ концѣ

книги приложенъ указатель собственнымъ именамъ и фамиліямъ лицъ, упоминаемыхъ въ ней, а также указатель встрѣчающимся въ ней названіямъ географическихъ мѣстъ.

6) *Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ. Сост. И. Ивановымъ. М. 1850 г. Въ типографіи Селивановскаго. Стр. I—VII, I—IV, 1—197, 1—290, in—4°. Цѣна 2 рубля.*

Въ предисловіи сказано о времени учрежденія этого архива и значеніи документовъ, хранящихся въ немъ. Въ книгѣ заключается описаніе: 1) приказовъ: всѣхъ Патріаршихъ, а также Монастырскаго, Каменнаго, Суднаго, Сыскнаго, Сибирскаго и Преображенскаго; 2) коллегій: Камеръ, Ревизіонъ, Экономіи и Юстицъ; 3) конторъ (семи); 4) канцелярій (семи); 5) коммиссій (одиннадцати); 6) комитетовъ (трехъ); 7, казначействъ (двухъ); 8) правленія (одного); 9) ратушъ и магистратовъ (трехъ); 10) экспедицій (двухъ); 11) книгъ ландратскихъ и ревизскихъ сказокъ (четырехъ). Въ книгѣ имѣются «Приложенія»: 1) Судныя дѣла, грамоты и другіе документы, имѣющіе юридическій характеръ; 2) Выписки изъ нѣкоторыхъ любопытныхъ документовъ, какъ то, двѣ царскія грамоты и одна память тобольскому архіепископу Макарію 1625 года, о боярскомъ сынѣ Низовцовѣ, объ управленіи епархіею, о исправленіи требника. Царская грамота въ Бѣлгородъ 1648 года о исправленіи нравовъ и уничтоженіи суевѣрія. Выписка изъ описей Патріаршаго приказа келейнымъ патріаршимъ вещамъ и книгамъ 1630 и 1638 годовъ. Вѣдомость, сколько по переписнымъ 1700 года книгамъ состояло за монастырями и вообще духовнымъ вѣдомствомъ крестьянскихъ дворовъ, и другія; 3) Снимки съ 25 древнихъ грамотъ XV, XVI и XVII вѣковъ (на 10 листахъ); 4) Вѣдомости о числѣ документовъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ, „равно и до другихъ предметовъ относящіяся“.

7) *Опыты историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи. Соч. И. Ивановымъ. М. 1846 г. Въ типографіи Селивановскаго. Стр. I—IV, 1—151, in—8°. Цѣна 1 р. 50 к.*

Въ книгѣ излагается ходъ предпринимавшихся измѣреній земель въ Россіи и оканчивается мѣрами правительства о генеральномъ и спеціальномъ размежеваніи земель. Значительную часть книги составляютъ 13 „приложеній“. Замѣчательныя изъ нихъ: 1) Таблица помѣстнымъ окладамъ, которые въ XVII в. назначались духовнымъ властямъ и служилымъ людямъ, сообразно занимаемой каждымъ должности и чину. 2, Вѣдомость, показывающая время генеральнаго межеванія каждой губерніи. 3) Вѣдомость о планахъ, атласахъ и картахъ по каждой губерніи, хранящихся въ Чертежномъ Архивѣ Межевой Канцеляріи. 4) О старинномъ лѣточисленіи. 5). Наименованіе древней мѣры и сравненіе оной съ нынѣшнею. 6) Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ древнихъ документахъ, равно и значенія многихъ грамотъ и юридиче-

ских актовъ прежняго судопроизводства. 7) Снимки: а) Чертежъ г. Смоленска XVII в.; б) Чертежъ спорной дачи; в) Снимокъ съ писцовой книги 1540 года; г) Снимокъ съ писцовой книги 1556 года.

8) *Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ, хранящихся въ 1-мъ отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, съ обозначеніемъ служебной дѣятельности каждаго лица и годовъ состоянія въ занимаемыхъ должностяхъ. М. 1853 г. Въ типографіи Селивановскаго, на 498 страницахъ, in—4°. Цѣна 1 р. 50 к.*

Книга напечатана въ два столбца, изъ которыхъ каждый раздѣленъ на 5 графъ. Въ первой перечислены въ алфавитномъ порядкѣ фамиліи, имена и отчества лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ; во второй—чинъ или должность каждаго лица; въ третьей—годы чина или должности, въ четвертой—нумеръ книги и въ пятой—страницы книги, въ коихъ писаны имена. Въ концѣ—Приложенія: три листа снимковъ съ боярскихъ книгъ 7135, 7166 и 7200 годовъ.

9) *Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга первая. С.-П. 1869 г. Въ типографіи правительствующаго Сената. Стр. I—XXXVIII, 1—4, I—XXVI, 1—429, I—II, 1—9, in—8°. Цѣна 2 р. 50 к.*

Содержаніе книги составляютъ: I. Указатель документамъ и бумагамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Въ этомъ указателѣ заключаются: а) Обозрѣніе учрежденій, коихъ документы поступили въ Архивъ. б) Вѣдомости документамъ и бумагамъ, находящимся въ Архивѣ, по ихъ разрядамъ. в) Алфавиты: 1) документамъ и бумагамъ и 2) учрежденіямъ, упоминаемымъ въ обозрѣніи и вѣдомостяхъ. II. Описаніе книгъ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ, перечневыхъ, платежныхъ и межевыхъ. Въ этомъ описаніи заключаются: а) О началѣ, значеніи, составѣ и содержаніи писцовыхъ, межевыхъ и другихъ книгъ. б) Опись означеннымъ книгамъ. в) Алфавитные указатели: 1) именъ личныхъ и 2) географическихъ. III. Документы, извлеченные изъ книгъ Патріаршаго-Казеннаго приказа о церковныхъ пошлинахъ, какъ то: а) Указъ патріарха Іоакима о посылкѣ во всѣ епархіи выписки изъ книгъ того приказа о церковныхъ пошлинахъ (1687 г. 27 февраля); б) Грамота того же патріарха новгородскому митрополиту Корнилію съ препровожденіемъ выписки о церковныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ въ Патріаршемъ Казенномъ приказѣ (1687 г. 13 марта); в) Выписка изъ книгъ Патріаршаго Казеннаго приказа о церковныхъ пошлинахъ (1687 г. марта); г) Роспись духовныхъ властей, коимъ посланы грамоты патріарха съ выпискою о церковныхъ пошлинахъ.

10) *Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга вторая. С.-П. 1872 года. Въ типографіи правительствующаго Сената. Стр. I - II, I – VIII,*

1—198, I—VI, 1—70, I—IV, 1—210, I—II, 1—8, in—8°. Цѣна 2 рубля.

Содержаніе книги составляютъ статьи: 1) Систематическое описаніе документовъ Сыскнаго приказа 1730—1763 1-е отдѣленіе «Устройство, составъ и дѣлопроизводство Сыскнаго приказа», составлено Н. Е. Сѣвернымъ и состоитъ изъ пяти главъ: помѣщеніе Сыскнаго приказа, личный составъ, колодники, денежныя суммы и дѣлопроизводство; 2) Дополнительная опись книгъ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ, перечневыхъ, платежныхъ и межевыхъ, поступившихъ въ Архивъ уже послѣ изданія первой части Описанія его документовъ, съ алфавитными указателями къ ней; 3) Описаніе книгъ дозорныхъ, переписныхъ, описныхъ межевыхъ, доимочныхъ, раздѣльныхъ, отказныхъ, отдѣльныхъ, обыскныхъ и росписныхъ, составленныхъ по патріаршимъ указамъ 1620—1703 годовъ, съ указателями къ оному; 4) О постройкѣ въ Москвѣ сгорѣвшаго въ 1753 году Головинскаго дворца.

11) *Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга третья. М. 1876 года. Въ университетской типографіи. Стр. I—VIII, 1—349, I—II, 1—220; in 8°. Цѣна 2 р.*

Содержаніе книги составляютъ отдѣльныя статьи: 1) О Сенатѣ въ царствованіе Петра В. Историко-юридическое изслѣдованіе С. А. Петровскаго. Глава 1-я. Происхожденіе, развитіе и значеніе Сената. Глава 2-я Составъ Сената (сенаторы, канцелярія, сенатская контора въ Москвѣ, комиссары отъ губерній при Сенатѣ, фискалы, генералъ-прокуроръ и прокуроры, генералъ-рекетмейстеръ, герольдмейстеръ). Глава 3-я. Кругъ вѣдомства Сената (законодательство, судебная дѣятельность, военныя, дѣла, финансы, торговля, промышленность, благосостояніе и безопасность). Глава 4-я. Дѣлопроизводство въ Сенатѣ; 2) Областное управленіе Россіи XVIII вѣка до учрежденія о губерніяхъ 7 ноября 1775 года. Историко-юридическое изслѣдованіе П. И. Мрочекъ-Дроздовскаго. Часть 1-я. Областное управленіе эпохи перваго учрежденія губерній (1708—1719 г.). Глава 1-я. Областное дѣленіе. Глава 2-я. Главные областные правители. Глава 3-я. Второстепенные правители. Глава 4-я: Канцеляріи и дѣлопроизводство. Глава 5-я. Предметы вѣдомства (Военныя дѣла).

12) *Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга 4-я. М. 1884 г. Въ типографіи Снегирева. Стр. I—II, 1—192, I—VIII, 1—534, in 8°, съ двумя планами. Цѣна 2 рубля.*

Содержаніе книги составляютъ пять отдѣльныхъ статей, группированныхъ въ 2-хъ отдѣленіяхъ: I Отдѣленіе. 1) Сыскной приказъ 1730—1763 г. Отдѣленіе второе (Первое отдѣленіе напечатано во 2 книгѣ) А. А. Голубева. Содержаніе: Верховная власть, государственная служба, дворяне, городскіе и посадскіе люди, монастыри, бѣлое духовен-

ство крестьяне, судопроизводство. 2) Розыскная экспедиція при Московской губернской канцеляріи 1763—1784 г. В. С. Лазовскаго (Учрежденіе, личный составъ, предметъ вѣдомства и дѣлопроизводство). II Отдѣленіе: 3) Грамоты и другіе акты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи (Жалованныя, указныя, судебные акты, межевые, мировые, отступные, раздѣльные, мѣновные, купчіе, данные, духовные): ихъ форма, содержаніе, значеніе въ исторіи русскаго права. Съ приложеніемъ образцовъ грамотъ разныхъ наименованій. Д. М. Мейчика. 4) Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII в., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа. Изслѣдованіе Н. Н. Оглоблина. Содержаніе онаго, кромѣ предисловія: а) матеріалы для топографіи городовъ: росписные списки, смѣтныя книги, годовыя смѣтныя книги, переписныя книги городовъ, строельныя книги, переписныя книги городскихъ монастырей, церквей, улицъ и дворовъ, оброчныя книги, документы о подгородныхъ земляхъ; б) описаніе и списки уѣздныхъ поселенныхъ пунктовъ: переписныя книги, списки служилыхъ людей, сборныя книги, межевые и т. п. документы; в) описаніе рубежей, порубежныя укрѣпленія, сторожи и станицы, переписныя книги порубежныхъ областей и порубежная служба; г) матеріалы для гидрографіи: рыбныя ловли, мельницы, мосты и перевозы, струговое дѣло; д) естественныя произведенія страны; е) статистика населенія страны и народнаго хозяйства. 42. Приложенія и указатель.

13) *Внутренній бытъ Русскаго Государства съ 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга первая: Верховная власть и Императорскій Домъ. М. 1880 г. Въ университетской типографіи (М. Каткова). Стр. I—X, 1—588, in—8°. Цѣна 3 рубля.*

Содержаніе: 1) Управленіе, титулы, вѣра. 2) Придворный штатъ: а) дворъ императора и б) дворы правительницы и ея супруга. 3) Дворцы, дома, дворы (въ Петербургѣ, Москвѣ, Ревелѣ). 4) Богослуженіе и духовенство при Дворѣ. 5) Внутреннее убранство дворцовъ. 6) Свѣдѣнія о платьяхъ и цѣнныхъ вещахъ правительницы, ея дѣтей и лицъ, находившихся при нихъ, и объ игрушкахъ Іоанна Антоновича. 7) Дворцовые сады. 8) Музыка, театръ и другія увеселенія при дворѣ. 9) Празднества при Дворѣ. 10) Народный маскарадъ и маскарадная свадьба 1740 года. 11) Придворныя охоты. 12) Придворный столъ. 13) Императорскій юношеский дворъ. 14) Оффиціальные выѣзды правительницы и ея супруга. 15) Печальная Коммиссія, учрежденная по случаю кончины императрицы Анны Іоанновны. Указатель документамъ, изъ коихъ извлечено содержаніе означенныхъ отдѣловъ. Приложенія. 1) Манифесты, указы и прочія распоряженія правительства—всего 27 документовъ. 2) Біографическая замѣтка объ Іоаннѣ Антоновичѣ и его семействѣ.

Алфавитный указатель личныхъ именъ. Рисунки. Портретныя изображенія: императрицы Анны Іоанновны, императора Іоанна Антоновича, принцессы Анны Леопольдовны. Снимки: съ серебрянаго рубля 1741 г., съ подписей 1740—1741 г. императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, принцессы Анны Леопольдовны, супруга ея Антона Ульриха и регента Іоанна Бирона; съ плановъ: слоноваго двора, слоноваго амбара, крыши адмиральскаго дома; съ рисунка, составленнаго профессоромъ Штелинымъ 1741 года октября 31 дня, для иллюминаціи и празднованія дня рожденія императора Іоанна Антоновича.

14) *Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17-го октября 1740 г. по 25-е ноября 1741 г., по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга вторая. Высшія государственныя учрежденія: Императорскій Кабинетъ, Сенатъ и Синодъ. М. 1886 г. Въ типографіи Л. Ѳ. Снегирева. Стр. I—IX, 1—432, in—8°. Цѣна 2 рубля.*

Содержаніе: 1) *Императорскій Кабинетъ.* Историческій очеркъ и значеніе.—Помѣщеніе и обстановка.—Устройство и личный составъ: кабинетъ-министры; канцелярія Кабинета его императорскаго величества: канцеляріи-совѣтники, тайный кабинетъ-секретарь, кабинетъ-секретари, камеръ, переводчики, подьячіе, кабинетъ-курьеры и ѣдовые гренадеры; придворный рекетмейстеръ.—Дѣятельность Кабинета. Участіе въ законодательствѣ. Дѣла о назначеніи на государственныя должности. Дѣла о наградахъ за службу и о другихъ актахъ высочайшей милости. Дѣйствія Кабинета въ качествѣ верховнаго контролера и блюстителя закона и государственнаго порядка. Дѣла чрезвычайныя. Дѣла церковныя. Дѣла по вѣдомству Двора. Дѣла судебныя. Дѣла военныя. Дѣла финансовыя. Дѣйствія Кабинета въ области торгово-промышленной Дѣла по народному просвѣщенію. Дѣла по народному продовольствію и народному здравію. Дѣла по устройству путей сообщенія и столицъ и мѣры противъ пожаровъ и роскоши. Дѣйствія Кабинета по дипломатіи.—Дѣлопроизводство Кабинета.

2) *Правительствующій Сенатъ.* Значеніе его.—Мѣстонахожденіе и помѣщеніе Сената.—Составъ Сената: сенаторы, генералъ-прокуроръ, оберъ-прокуроръ и состоявшіе при нихъ чины; составъ канцеляріи Сената; составъ Герольдмейстерской конторы; составъ Рекетмейстерской конторы; составъ Печатной конторы; составъ коммисій при Сенатѣ; чины сенатскаго архива; низшіе служители; сенатская типографія; школа при Сенатѣ; личный составъ Сенатской конторы и состоявшихъ при ней учрежденій; типографія при сенатской конторѣ.—Дѣятельность Сената: участіе въ законодательствѣ; Сенатъ какъ судебное учрежденіе; участіе Сената въ военныхъ дѣлахъ; участіе его въ финансовыхъ дѣлахъ; дѣйствія Сената въ области торгово-промышленной; участіе Сената въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія; дѣятельность Сената

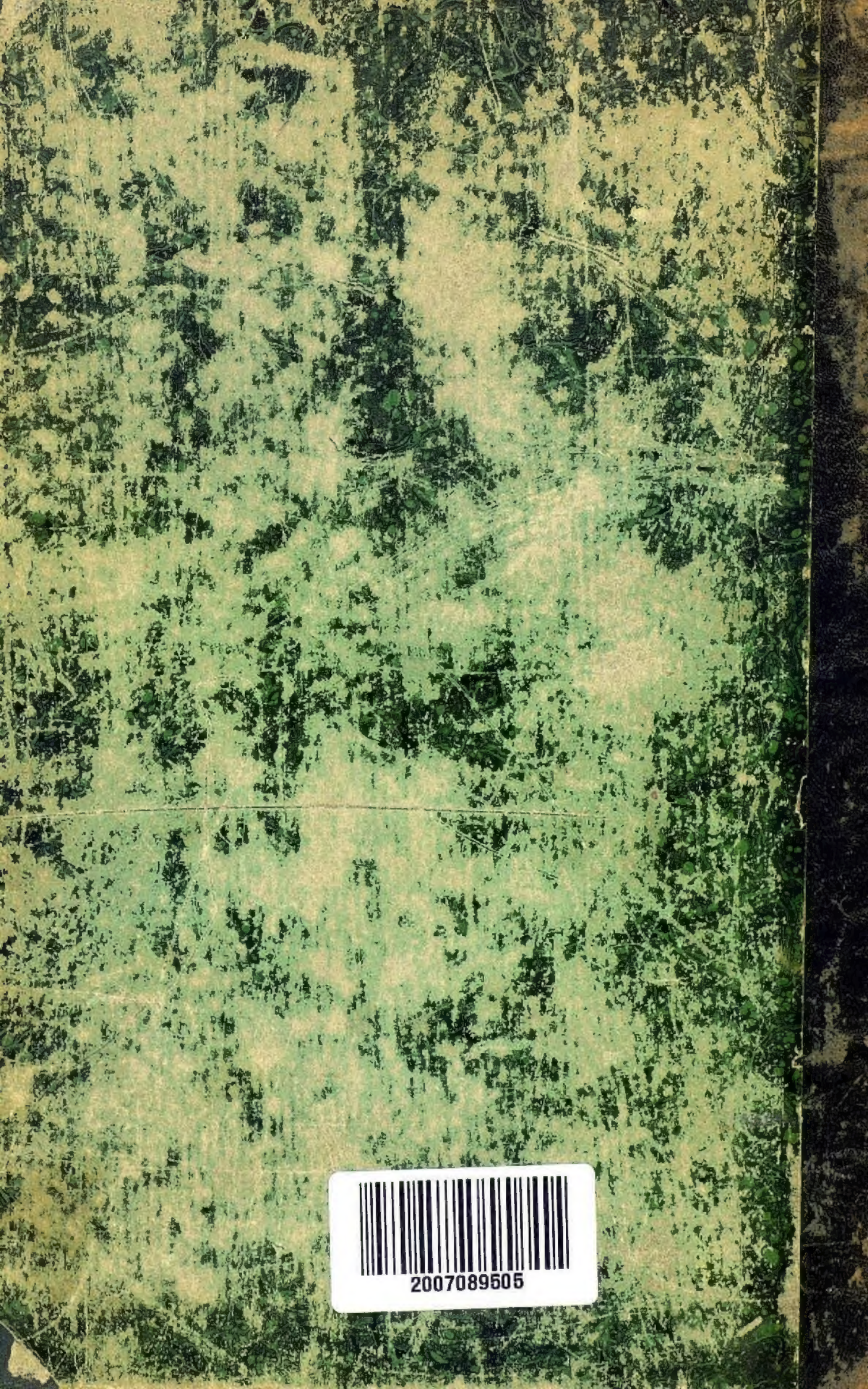
по народному продовольствію, по народному здравію, по устройству путей сообщенія и по возведенію и исправленію казенныхъ и городскихъ зданій; дѣйствія Сената по огражденію городовъ отъ пожаровъ, его распоряженія относительно бѣглыхъ и нищихъ и его занятія по выдачѣ паспортовъ; участіе Сената въ дѣлахъ церковныхъ и въ дѣлахъ внѣшней политики. Дѣятельность учрежденій, состоявшихъ при Сенатѣ, въ Петербургѣ: Герольдмейстерской конторы, Рекетмейстерской конторы, Печатной конторы; предметъ вѣдѣнія Канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ; занятія „Коммиссіи о разсмотрѣніи прошлыхъ лѣтъ дѣлъ“; занятія «Коммиссіи сочиненія Уложенія»; занятія «Доимочной коммиссіи»; занятія Коммиссіи объ отдачѣ дворцовыхъ деревень на аренду и Коммиссіи „сочиненія генеральнаго о числѣ мужескаго пола душъ алфабета“; занятія Коммиссіи «сочиненія окладной книги». Дѣятельность Сенатской конторы и состоявшихъ при ней учрежденій.—Дѣлопроизводство въ Сенатѣ.

3) *Святѣйшій Синодъ.* Историческій очеркъ. Причины уничтоженія патріаршества и учрежденія соборнаго духовнаго правительства.—Внѣшняя исторія Духовнаго регламента.—Первое засѣданіе Синода.—Мѣсто его между другими органами управленія.—Организація синодскаго управленія: конторы, оберъ-прокуроръ.—Перемѣны въ Синодѣ до 1740 г. Святѣйшій Синодъ 1740—1741 г. I. Помѣщеніе Синода.—Составъ присутствія.—Оберъ-прокуроръ.—Составъ синодальной канцеляріи.—Синодальные дворяне.—Жалованье.—Форма сношенія Синода съ правительственными учрежденіями и дѣлопроизводство.—Синодальныя типографіи. II. Дѣятельность Синода: назначеніе лицъ на мѣста и должности.—Заботы объ устраненіи недостатка священно и церковно-служителей.—Руководство дѣятельностью духовныхъ властей вообще.—Духовное просвѣщеніе.—Расширеніе способовъ для доступа въ монастыри.—Охраненіе правъ духовныхъ властей и лицъ.—Попеченіе о ружникахъ.—Обнародованіе указовъ.—Построеніе церквей.—Благоустроеніе церковныхъ богослуженій.—Церковныя дѣла по Петербургской губерніи. III. Дѣятельность Синода по охраненію догматовъ православной церкви и его попеченіе объ исполненіи православными религіозно-нравственныхъ обязанностей.—Дѣйствія Синода по распространенію православія между иновѣрцами. IV. Управленіе дѣлъ синодальнаго вѣдомства въ Москвѣ.—Московская Синодальнаго правленія канцелярія: ея помѣщеніе, устройство, дѣлопроизводство и дѣятельность въ царствованіе Іоанна Антоновича.

Приложенія: 1) указатель документамъ и другимъ источникамъ, изъ которыхъ извлечены свѣдѣнія, заключающіяся въ книгѣ; 2) указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ книгѣ; 3) описи сервизамъ, пожалованнымъ кабинетъ-министрамъ; 4) планъ Петербурга 1737 года.

Всѣ вышепоименованныя изданія можно пріобрѣтать въ зданіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, на Дѣвичьемъ полѣ, по Зубовскому проѣзду.

(Приложеніе къ II тому изданія Московскаго Архива Министерства Юстиціи: „Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 года“.)


2007089505